

СЕРИЯ
«ПОЛЯРНАЯ
ЗВЕЗДА»

Документы
и материалы

В. И. ШТЕЙНГЕЙЛЬ

СОЧИНЕНИЯ И ПИСЬМА

ТОМ 2

ЗАПИСКИ И СТАТЬИ

Иркутск
Восточно-Сибирское книжное издательство, 1992

Издание подготовлено
Н. В. ЗЕЙФМАН и В. П. ШАХЕРОВЫМ

Ответственный редактор
С. В. ЖИТОМИРСКАЯ

Рецензент Т. А. ПЕРЦЕВА

Всякий сын Отечества должен все телесные силы свои употреблять для пользы и славы своих соотечественников, как современных, так и будущих.

В. И. Штейнгейль

ДЕКАБРИСТ В. И. ШТЕЙНГЕЙЛЬ И ЕГО ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Настоящий том посвящен творческому наследию декабриста В. И. Штейнгейля. В него вошли политические записки, научные и публицистические статьи, записки мемуарного характера. Извлеченные из архивов, редких изданий, старых газет и журналов и впервые собранные вместе, они существенно дополняют представление о декабристе как о личности и деятеле революционного движения, его идейных воззрениях и их эволюции. Наследие декабриста обширно и многогранно. Читатели уже смогли познакомиться с мемуаристикой и эпистолярным наследием Штейнгейля в первом томе задуманного двухтомника[1] и в должной мере оценить его литературный дар, острый и критический ум, гражданскую позицию, верность своим принципам и взглядам. Осуществляемое в серии «Полярная звезда» двухтомное издание сочинений и писем Штейнгейля будет способствовать более глубокому осмыслению его роли и места в движении декабристов, даст возможность полнее проследить идейную эволюцию, а кроме того, значительно пополнит круг источников для исследования проблемы общественно-политической мысли и революционного движения в первой половине XIX в. Наконец, публикация наследия декаб-

---

[1] *Штейнгейль В. И.* Сочинения и письма. Т. 1. Записки и письма. Иркутск, 1985 (далее: *Штейнгейль. Т. 1*).

риста позволит создать подлинно научную биографию В. И. Штейнгейля и очистить ее от ошибочных суждений и оценок, которые имели место в немногих публикациях, затрагивающих прямо или косвенно его жизнь и деятельность.

А. З. Зиновьев, одним из первых писавший о декабристе, отмечал, что судьба его достойна подробного изучения[2]. Но он же и заложил основы представления о нем, как о добропорядочном, честном, высоконравственном человеке, подчеркивал его либерализм, религиозность, христианскую смиренность. С легкой руки А. З. Зиновьева с небольшими изменениями и дополнениями эта характеристика Штейнгейля долгое время кочевала по страницам декабристоведческой литературы. Даже в советской историографии недооценивалась его гражданская позиция в период сибирской ссылки и после амнистии. Именно тогда, по мнению некоторых историков, обнаружился «прогрессирующий переход Штейнгейля на позиции защиты самодержавия»[3]. Публикация произведений и писем декабриста позволит отбросить эти необоснованные суждения и по-иному взглянуть на его деятельность в Сибири и в последние годы жизни.

Научная биография декабриста впервые была дана в статье Н. В. Зейфман, открывавшей первый том[4]. Она очертила внешнюю канву жизни Штейнгейля, уточнив и конкретизировав многие ее стороны, основное же внимание уделила анализу общественно-политических воззрений, участию в подготовке и проведении восстания, определив тем самым место его в движении декабристов. Настоящая статья посвящена становлению мировоззрения Штейнгейля, его творческому наследию, идейной эволюции в сибирский период.

---

[2] *Зиновьев А. З.* К биографии В. И. Штейнгейля // Московские ведомости. 1862. 7 окт. № 218.

[3] *Мирзоев В. Г.* Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. С. 205.

[4] *Штейнгейль. Т. 1.* С. 3—54. В статье Н. В. Зейфман приведена основная литература, посвященная В. И. Штейнгейлю. Из работ, появившихся после выхода в свет первого тома, укажем на ст.: *Мамсик Т. С.* Декабрист В. И. Штейнгейль и его воззвания к сибирским крестьянам // Ссыльные революционеры в Сибири. Иркутск, 1987. Вып. 10. С. 3—19. Статья сопровождена публикацией воззваний декабриста. По этой публикации они воспроизводятся в приложении к наст. изд.

Хронологически творческая биография Штейнгейля распадается на три больших периода. Первый из них совпадает с формированием его революционных воззрений, политического мышления. Именно в это время написаны основные политические произведения и записки, происходит оформление его как члена тайного общества. Вершиной этого этапа становится участие в подготовке восстания на Сенатской площади, а высшим достижением публицистики декабриста — письмо к Николаю I из Петропавловской крепости. Следующий, сибирский период вобрал в себя трудные годы сибирского изгнания. Это время осмысления уроков декабристского движения и восстания, эволюции взглядов, борьбы за сохранение человеческого достоинства в тяжелейших условиях каторги и ссылки. Наконец, последний, самый непродолжительный этап, составляющий всего шесть лет, 1856—1862 гг.,— время возвращения 73-летнего декабриста в Европейскую Россию, попытка определить свое место в общественном движении периода первой революционной ситуации в России, поиски «внуков по духу», которых находит он в лице представителей революционно-демократического лагеря Н. А. Серно-Соловьевича, М. И. Семевского, Н. М. Ядринцева и других.

Творческое наследие декабриста неравнозначно. Наряду с глубокими, политически заостренными публицистическими работами можно встретить у него небольшие зарисовки, развернутые комментарии и отклики на заинтересовавшие его проблемы. Наиболее плодотворными в творческом отношении были для него годы, предшествовавшие восстанию на Сенатской площади. Много работал он и в период сибирской ссылки. Заметно падает творческая активность Штейнгейля в последний период. К тому же многие работы декабриста, написанные тогда, лишены прежней политической направленности и острого социального звучания. Однако именно в это время им были написаны Автобиографические записки, убеждающие в устойчивости его революционного мировоззрения. И, наконец, о поздних взглядах декабриста невозможно судить, не рассматривая его эпистолярное наследие, опубликованное в первом томе. Письма убедительно свидетельствуют о его живом интересе ко всем изменениям в стране, к новому поколению революционеров.

Далеко не все записки и статьи Штейнгейля подпи-

саны его настоящим именем. В одних случаях он вообще не указывал авторства, в других прибегал к псевдонимам. В первый период творчества он лишь однажды подписался псевдонимом Камнесвятов, представлявшим собой русский перевод его фамилии (от нем. «Stein» — камень и «heilig» — святой). В период каторги, когда декабристам было запрещено заниматься литературной деятельностью, Штейнгейль укрывался за псевдонимами Владимир Обвинской (от г. Обва — места рождения декабриста) и Тридечный (от англ. «desk» — палуба, т. е. трехпалубный). Первым псевдонимом подписаны три статьи, вторым — шесть.

Штейнгейлю рано довелось познакомиться с социальной несправедливостью, вместе с семьей испытать лишения и издевательства властей. Отец декабриста, человек честный и порядочный, обладавший к тому же гражданским мужеством, не побоялся выступить против произвола и беззаконий со стороны местных вершителей судеб края. Гражданская позиция отца, его борьба со злом и насилием оказали, несомненно, большое влияние на будущего декабриста, определили его жизненное кредо.

Следующая веха в становлении мировоззрения Штейнгейля — годы обучения в Морском кадетском корпусе (1792—1799). Здесь были заложены основы его естественно-научных представлений. Закончив Морской корпус и получив профессиональную подготовку, Штейнгейль в дальнейшем, по словам М. И. Семевского, пробелы в знаниях восполнял «природной даровитостью и энергией в деле самообразования»[5].

С первых дней службы на далекой восточной окраине России, в Охотске, он столкнулся с произволом местной администрации, глава которой, начальник Охотского порта И. Н. Бухарин, был одним из наиболее неистовых грабителей края.

Штейнгейль никогда не мог быть сторонним наблюдателем. Стремление вскрыть злоупотребления, творящиеся в крае, обратить на них внимание высшей администрации заставляло его браться за перо. Первым таким опытом была записка о злоупотреблениях Бухарина, поданная сибирскому генерал-губернатору И. Б. Пестелю. Прямое следствие ее — устранение зарвавшегося охотского начальника. Обнаружить текст

[5] Московские ведомости. 1862. 25 сент. № 209.

этой записки, к сожалению, не удалось. Некоторое представление о позиции Штейнгейля, его искреннем желании облегчить положение жителей края дает другая записка, появившаяся в это же время[6]. Появление ее связано с дошедшим до Иркутска известием, оказавшимся, правда, неверным, о назначении в Охотский порт вместо Бухарина одного из руководителей первой кругосветной экспедиции Ю. Лисянского. Зная характер Лисянского и сознавая, что удаление в Охотск «для него есть великое наказание», Штейнгейль в очередной раз вступается за жителей далекой российской окраины, которые «не только не будут облегчены, едва избавясь от угнетений Бухарина, но еще в пущее придут разорение и конечную гибель, а особливо лишась и единственного оставшегося у них блага надежды к обращению на себя когда-либо еще взора внимательного и попечительного о них правительства»[6]. Сознавая общественную значимость своих записок, Штейнгейль способствовал их распространению и тем самым создавал определенное общественное мнение[7].

Нашлось применение и его знаниям о состоянии Камчатки. Штейнгейль уже в это время отличался не только умением видеть зло и бороться против него, но и стремлением разобраться в его причинах и по мере возможности устранить их. При его непосредственном участии было разработано новое положение об управлении Камчатки, Охотска и Якутии, которое несколько упорядочивало систему управления в этих отдаленных районах и делало их более подконтрольными губернской администрации, ограничивая произвол и беззаконие на местах.

Служба в Сибири — не просто эпизод биографии Штейнгейля. Годы, проведенные здесь, значительно расширили его кругозор, обогатили познания о прошлом и настоящем края, во многом определили сюжеты и героев его будущих произведений. Тесно соприкоснувшись с сибирской действительностью, наблюдая современные нравы во всей их неприглядной обнаженности, он убеждается, что вина за злоупотребления и беззакония ло-

---

[6] Наст. изд. Приложение, док. 3.

[7] Последняя записка была отправлена служащему Российско-Американской компании Ф. И. Шемелину с просьбой, «списав с нее, буде то вам угодно, копию, мне возвратить» (Там же. С. 328).

жится не на отдельных алчных и хищных представителей администрации, а на всю систему государственного управления страной. Позднее эта мысль прозвучит во многих публицистических произведениях декабриста. Отличный знаток края, его нужд и чаяний, Штейнгейль начинает смотреть на состояние дел на Востоке с общегосударственной точки зрения. Он не может не видеть, что центральная власть практически не занимается освоением восточных окраин, более того — тормозит их развитие, отдавая на произвол местным чиновникам и купцам. Ему ближе планы Российско-Американской компании, направленные на развитие производительных сил края, расширение свободы действий купеческих капиталов, ограничение самовластия и произвола «сибирских сатрапов». Его взгляд на дело, по сути, представлял собою программу буржуазного развития Сибири. С большим вниманием Штейнгейль следит за деятельностью Российско-Американской компании, устанавливает связи со многими ее служащими, всерьез задумывается над предложением Н. П. Резанова перейти на службу компании. О планах Штейнгейля, его интересе к делам компании свидетельствуют публикуемые в приложении к настоящему тому письма декабриста[8].

Словом, за годы сибирской службы он «прекрасно изучил край и в нем, как человек полный чести и истинно либеральных идей, умел принести пользу»[9].

Отечественная война 1812 г. не только обострила патриотические чувства Штейнгейля, но и придала им новое звучание. Ощущая себя участником и свидетелем грандиозных событий, он чувствует нравственную ответственность перед современниками и потомками за сохранение памяти о них. Историзм становится одной из определяющих черт его мировоззрения.

Первой печатной работой Штейнгейля стали записки, посвященные истории и подвигам Петербургского ополчения[10]. Непосредственный участник событий, он в мень-

[8] Три письма Штейнгейля 1806—1808 гг. были обнаружены позднее и не вошли в состав эпистолярного наследия декабриста, опубликованного в первом томе.

[9] Московские ведомости. 1862. 25 сент. № 209.

[10] *Штейнгейль В. И.* Записки касательно похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов отечества. Спб., 1814. Ч. 1. 244 с.; М., 1815. Ч. 2. 184 с. В наст. изд. публикуются лишь Предуведомление, Вступление и Заключение к Запискам, позволяющие в сконцентрированном виде представить авторскую позицию и взгляды.

шей степени касается своих действий, сосредоточив главное внимание на истории ополчения, а через ее призму — на событиях и ходе Отечественной войны 1812 г. Штейнгейль начал работать над записками еще в 1813 г. в ходе боев под Данцигом, а закончил вскоре после возвращения ополчения из похода. Это обусловило эмоциональный накал, полемичность, живость восприятия событий. Определяющей чертой записок является горячий патриотизм, чувство гордости за свою страну, одолевшую столь грозного врага. Война обострила патриотические чувства русского народа, выдвинув интересы нации в качестве высшего идеала для истинного гражданина, а любовь к родине — первейшей добродетели.

Необходимо учитывать, что патриотизм вообще был «<...> одной из важнейших черт социально-политической идеологии русского просвещения начала XIX в.»[11]. Одно из проявлений его — неприятие слепого преклонения перед иностранным, бездумного заимствования западных обычаев и морали, этикета, языка. Особое беспокойство Штейнгейля вызывало предпочтение, которое отдавалось иностранцам в деле воспитания подрастающего поколения. «В модных пансионах,— писал он,— юноши и юные девицы учились быть россиянами и россиянками по-французски. В частных домах наставниками детей нередко уже являлись французские брадобреи, кучера и тому подобные бродяги; наставницами прачки, а иногда и самые развратницы, за непотребство от самых непотребных изгнанные»[12]. Протестуя против унижения национального достоинства русских людей, испытывая чувство гордости за свою страну и народ, декабрист призывал «<...> любить всем сердцем отечество, язык свой и все отечественное, паче чуждого — и какого чуждого!!!»[13].

В первом труде Штейнгейля с особой отчетливостью проявились его исторические взгляды. Обращение к истории, понимание важности происходящих событий, осознание себя деятелями истории было свойственно всем декабристам. Ю. М. Лотман подчеркивал, что чувство политической ответственности обострилось «в эпоху, ког-

---

[11] *Каменский З. А.* Философские идеи русского просвещения (деистическо-материалистическая школа). М., 1971. С. 71.
[12] Наст. изд. С. 68.
[13] Там же. С. 74.

да историзм стал ведущей идеей времени, чувством значимости исторической»[14].

Изучение истории способствовало формированию революционных убеждений декабристов. «По совести сказать должен,— говорил на следствии Штейнгейль,— что ничто так не озарило ума моего, как прилежное чтение истории с размышлением и соображением. Одни сто лет от Петра Великого до Александра I сколько содержат в себе поучительных событий к утверждению в том, что называется свободномыслием!»[15]

Интерес его к XVIII в. не случаен. Это была, пожалуй, наименее освещенная страница русской истории. К тому же многие события ее, главным образом политические, были под запретом. Стремясь осмыслить настоящее положение страны, декабристы искали в истории XVIII в. объяснение многих своих вопросов об истоках тех несовершенств государственного управления, которые заставляли задумываться над преобразованиями. «Наша история со времен Бирона, в течение ста лет, представляет множество таких примеров, разумеется, не печатная история»,— указывал Штейнгейль[16]. Для него вообще было характерно обостренное понимание истории, ее значимости для будущих поколений, ощущение ценности сегодняшнего дня, на глазах превращающегося в историю: «Я весьма ободрен сильным убеждением в неоспоримой истине, что все относящееся до необыкновенных и чудных в наше время событий достойно сохранено быть в различных видах для наших потомков»[17]. Именно с этих позиций Штейнгейль подходил к освещению событий Отечественной войны. Серьезность его намерений подчеркивает тщательная подготовка. Он приступил к работе, «обогатив собственные свои замечания и чувствования сведениями из актов, журналов и наблюдений других вероятия заслуживающих особ почерпнутыми»[18]. Поэтому первая историческая работа Штейнгейля не просто воспоминания, а серьезное исследование, основанное на широком круге источников. В качестве

---

[14] *Лотман Ю. М.* Декабрист в повседневной жизни: Бытовое поведение как историко-психологическая категория // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. С. 69—70.

[15] *ВД*. Т. 14. С. 177.

[16] Наст. изд. С. 204.

[17] Там же. С. 63.

[18] Там. же. С. 62.

приложения к тексту публиковались различные документы (указы, донесения, служебная переписка, даже фольклорный материал), позволяющие детализировать историю Петербургского ополчения. В обстоятельном очерке раскрыты причины войны, охарактеризовано состояние обеих сторон, в сжатом виде изложен ход боевых действий вплоть до изгнания войск Наполеона из России. Позиция историка проявляется и в отборе материала — писал только то, «о чем с достоверностию мог знать», но особенно в понимании воспитательного значения истории. Одна из главных побудительных причин, заставившая автора взяться за перо,— стремление сохранить для потомков великие и героические события всенародной борьбы за освобождение родной земли. «Если ныне сердца наши,— писал Штейнгейль,— воспламеняются любовию к отечеству при напоминании деяний Минина, Гермо[ге]на, Пожарского, Палицина, почему бы не быть уверену, что дела современных героев, при подобном, недавно минувшем бедствии отечества содеянные, не будут одушевлять потомство?»[19] Стремление сделать повествование доступным, «занимательным и приятным». для читателей определило и форму изложения материала — «наблюдательные записки».

Вместе с тем первый опыт Штейнгейля показывает, что у него еще не сложилось цельное восприятие действительности, не оформились общественно-политические да и исторические взгляды. Эйфория победы, необычайный подъем патриотических чувств, ожидание скорых либеральных изменений — все это отразилось на произведении вчерашнего ополченца. Все успехи и победы связываются автором с именем Александра I, идиллически рисуется состояние России под его «мудрым и великодушным» управлением, наивной выглядит попытка объяснения политических и общественных явлений исключительно этическими нормами и принципами. Противоборство России и Франции рассматривается как «ратоборство добродетели с пороком — неба с адом», в котором Россия — средоточие добра и света, идеал нравственности, а Франция — олицетворение темных сил ада. Записки не свободны от идиллических увлечений, морализующих оценок и выводов.

Сравнивая этот опыт с произведениями Штейнгейля

[19] Там же. С. 75.

начала 1820-х гг., понимаешь, насколько выросло его политическое сознание, какой большой и сложный путь ему пришлось пройти, чтобы от прежней оценки царствования Александра I подойти к мысли, что оно «<...> было во многих отношениях для России пагубно, под конец же тягостно для всех состояний, даже до последнего изнеможения»[20].

Записки об ополчении принесли Штейнгейлю известность знатока военной истории. А. А. Писарев, сам оставивший труд об Отечественной войне, писал в письме к нему: «Книга ваша есть важною услугою для военной истории достопамятного 1812 г.; я чистосердечно и всенародно готов признаться, что во все время моего неусыпного занятия по сему предмету я еще до сих пор не находил столь удовлетворительного сочинения, подобного вашему»[21]. Другой современник отмечал, что записки Штейнгейля «довольно верны и замечательны»[22]. Авторитет его как историка в глазах окружающих настолько возрос, что к нему начали обращаться за консультациями, а он, верный своему правилу всегда творить добро, никому не отказывал в помощи. Его замечания и советы на рукопись книги Н. Ф. Смирного, посвященной жизни и деятельности М. И. Платова, были настолько ценны для автора, что последний считал ее «общим нашим трудом», отмечая, правда, невозможность выполнения многих из них «по политическим соображениям»[23].

К сожалению, советская историография практически прошла мимо этого сочинения Штейнгейля. В тех немногих работах, которые в какой-то мере касались его Записок, все их значение сводилось лишь к обобщению опыта милицейских формирований и освещению их боевого использования в Отечественной войне[24] или под-

---

[20] *Штейнгейль. Т. 1.* С. 209.

[21] *Якушкин В. Е.* К литературной и общественной истории 1820—1830 годов. Документы из архива А. А. Ивановского // Рус. старина. 1888. Т. 60. № 10. С. 157.

[22] *Бобрищев-Пушкин П. С.* Записки о составе, служении и водворении по домам Тульского военного ополчения // Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 239.

[23] *Якушкин В. Е.* Указ. соч. С. 164—165. Книга Н. Ф. Смирного «Жизнь и подвиги Матвея Ивановича Платова» была издана в Москве в 1821 г.

[24] *Прокофьев Е. А.* Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953. С. 266.

черкивалось отсутствие в них народных масс[25]. Последнее замечание представляется не совсем справедливым. Штейнгейль достаточно много пишет и о рядовых ополченцах, их положении и службе, резко выступает против тех, кто позволял себе высокомерно утверждать, что «ополчение было пустое войско, составлявшее только счет людей, не заслуживающее никакой награды»[26].

Исторические воззрения Штейнгейля развивались во времени. Для более поздних работ характерна большая сдержанность в оценках, стремление отказаться от морализирования, занять беспристрастную позицию, предоставив читателю возможность самому сделать выбор. «Позвольте только снисходительно посветить диогеновским фонарем, затем потрудитесь сами присмотреть»,— писал декабрист[27]. Основной чертой большинства его исторических работ было желание восстановить истину, или, как он говорил, «подвинуть факты к свету», привлечь внимание историков и читателей к забытым именам и событиям. Отсюда обращение к жанру биографий, мемуаристике, многочисленные уточнения и комментарии на работы других авторов. Многие из его работ и появились как развернутые критические замечания на различные статьи и издания.

Если первый труд Штейнгейля был посвящен отечественной истории, то следующее произведение декабриста свидетельствовало о глубоком интересе его к античности и средневековью. Его «Опыт о времесчислении»[28] — первая в России попытка дать историю календаря, его различных систем и видов. Основанный на достижениях передовой науки, потребовавший от Штейнгейля года напряженного труда, он во многом не утратил своего значения и сейчас[29]. Для историков особенно важен третий раздел книги, посвященный расчетам пасхалий. С

---

[25] *Волк С. С.* Исторические взгляды декабристов. М.; Л., 1958. С. 428.

[26] Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. С. 242.

[27] Наст. изд. С. 289.

[28] Полное название: «Опыт полного исследования начал и правил хронологического и месяцесловного счисления старого и нового стиля» (Спб., 1819. 370 с.).

[29] Посвятивший этому труду Штейнгейля специальную статью Л. Е. Майстров отмечал, что более полной работы по календарю в нашей литературе не встречается (*Майстров Л Е* Новаторский труд В. И. Штейнгейля по времяисчислению и астрономии // Декабристы и русская культура. Л., 1976. С. 34).

Пасхой связаны многие подвижные христианские праздники, и определение времени их наступления часто помогает в более точной датировке событий.

Несмотря на то, что С. С. Волк в свое время отмечал эту работу Штейнгейля среди наиболее значительных исторических трудов декабристов, она не получила достойной оценки в советской историографии[30].

Самостоятельный интерес представляют Предисловие и, особенно, Введение к «Опыту о времесчислении», публикуемые в настоящем издании. В Предисловии автор отмечает практически полное отсутствие в России работ по истории календаря и времяисчислению, а то немногое, что имеется в литературе, перемешано с астрологическими прорицаниями. Ставя перед собой задачу «ознакомить соотечественников моих, и наипаче юных, с полною теорией хронологического и месяцесловного счисления старого и нового стиля», Штейнгейль стремился «приуготовить умы к необходимому со временем принятию сего последнего»[31]. Эта чисто прагматическая направленность «Опыта о времесчислении» определила структуру и стиль произведения. Автор был озабочен тем, чтобы сделать его доступным для любого читателя, то есть выступал как популяризатор научных знаний. Ни один специальный термин, ни одно явление не осталось у него без пояснения, «без ясного и точного истолкования».

Во Введении Штейнгейль дает краткий очерк истории календаря, а через его призму — своеобразную концепцию своего понимания всемирной истории. Конечно, многие его суждения относительно «непроницаемого мрака» древности рода человеческого носят наивно-идеалистический характер, что, впрочем, вполне соответствовало уровню исторических знаний того времени. Но по мере того, как автор начинает переходить к освещению развития астрономии и календаря в древней Греции и Риме, изложение материала становится строже и приобретает научную достоверность. Он правильно указыва-

---

[30] *Волк С. С.* Указ. соч. С. 16. Чаще к ней обращались естественники и философы; *Майстров Л. Е.* Указ. ст.; *Русін В. І.* Декабрист В. І Штейнгейль — учений, мыслитель, вільнодум // Проблемы философії: Міжвід. наук. зб. Київ, 1971. *Зубов В. П.* Историография естественных наук в России (XVIII — первая пол. XIX в.). М., 1956.

[31] *Штейнгейль. Т. 1.* С. 194—195.

ет, что первые астрономические представления зародились в глубокой древности и были вызваны чисто практическими задачами развития земледелия и скотоводства. Бессилие объяснить небесные явления и стихии породило страх перед ними и привело к возникновению религии. Совершенно справедливо он подмечает и классовые корни религии, ее монополизацию власть имущими. Говоря о первосвященниках Рима, которые провозглашали наступление каждого месяца, праздников и народных собраний, Штейнгейль писал: «Они, будучи из патрициев или дворян, тщательно скрывали сие правило от плебеян или народа, как некую высокую тайну, коей народ постигнуть не может»[32].

Кстати, касаясь истории Рима, Штейнгейль счел необходимым подчеркнуть свои республиканские симпатии и выразить негодование по отношению к «неистовствам и ужасам» тирании, которые и привели к гибели Римскую империю и ее культуру. «Весьма скоро,— писал он,— тиранские преследования согнали почти с лица земли науки и просвещение — и умы поработились торжествующему повсюду невежеству»[33].

С большой симпатией говорит он о подлинных творцах научных представлений о мире, внесших значительный вклад в развитие и уточнение календаря,— Роджере Бэконе, Копернике, Галилее, Ньютоне и других носителях материалистической традиции. Большое значение имела пропаганда Штейнгейлем гелиоцентрической теории Коперника, защита ее от нападок схоластов и теологов, продолжающихся и в XIX в. Особенно наглядно эта позиция Штейнгейля проявилась в критике книги священника Сокольского «Разрушение Коперниковой системы» (М., 1815).

Книга Штейнгейля проникнута неприятием обскурантизма, церковного мракобесия и невежества. «Всякая истина математическая,— восклицает автор,— говорит сама за себя столь сильно и убедительно, что всякий христианин, с какою бы благочестивою покорностью ни следовал преданиям предков, давностию утвержденным, должен будет с нею согласиться и принять ее, если только разум имеет неповрежденный, хотя б даже услышал ее в первый раз из уст язычника»[34]. На протяжении

[32] Наст. изд. С. 101—102.
[33] Там же. С. 104—105.
[34] Там. же. С. 108.

всей книги он часто высказывает недоверие к отдельным положениям Библии, богословских трактатов, подчеркивает их противоречивость. С иронией пишет он о разночтении в определении даты сотворения мира: «Все хронографы, определяющие летосчисление от сотворения мира, не более заслуживают вероятия, как и китайцы, полагающие более миллиона лет существования своего поднебесного царства»[35]. Все же существующие у разных народов исходные даты, по его мнению, показывают только то, до какой дальности времени предания первобытных народов могли показывать некоторый свет во мраке глубочайшей древности, сохраняясь в памяти потомков до начала письмен и истории»[36].

«Опыт о времесчислении» позволяет определить философские и естественно-научные воззрения Штейнгейля. Будучи по своему мироощущению деистом, он в соответствии с материалистической традицией подходил к объяснению физической картины мира. Для него было характерно стремление к уяснению объективных закономерностей движения материи, диалектический подход к таким ее категориям, как пространство и время. Выше мы уже отмечали, что летоисчисление для него только показатель, как далеко человек заглянул в прошлое. Само же время существует вечно, независимо от календаря. Признав существование мира во времени, люди научились вести ему счет, так появился календарь. Пространство для Штейнгейля также объективная реальность. «Земля,— писал он,— вертясь на своей оси, не пребывает на месте, но в то же время несется с непостижимою быстротою в неизмеримом пространстве миров по орбите своей около Солнца»[37]. Признание бесчисленности миров, эволюции Земли и Вселенной, объективности пространства и времени — все это ставило Штейнгейля в один ряд с передовыми мыслителями-материалистами начала XIX в.

Словом, труд Штейнгейля действительно был заметным событием в научной литературе, в какой-то степени даже опередившим свое время. Сравнивая юлианский и григорианский календари, он впервые в России обосновал необходимость введения нового стиля, считая, что

---

[35] Там же. С. 101.
[36] Там же.
[37] *Штейнгейль В. И.* Опыт полного исследования... С. 52.

для этого «время сие, кажется, уже настало». Но декабрист ошибся в своих прогнозах[38].

Историческая тема продолжала звучать и в других произведениях декабриста, написанных в тот же период. В 1819 г. вскоре после смерти своего бывшего начальника А. П. Тормасова он публикует биографический очерк о нем[39]. Отдав должное основным вехам его жизни и деятельности, Штейнгейль подробно остановился на характеристике его как администратора и человека. Многие качества его характера импонировали Штейнгейлю, но он создавал отнюдь не панегирик. А. П. Тормасов предстает перед читателем как сложная, противоречивая фигура, не лишенная недостатков.

Некоторый интерес для истории церкви представляет небольшая заметка Штейнгейля о времени установления крестного хода в Новодевичий монастырь, опубликованная под псевдонимом[40]. В ней автор выступает как источниковед, разбирая несколько источников и выявляя в них разночтения, противоречия и фактические ошибки.

Несколько слов следует сказать о проспекте предлагавшегося Штейнгейлем устройства частного пансиона[41]. Это единственная работа, в которой проявились его педагогические воззрения. Поражает своей продуманностью и глубиной курс наук, предлагавшийся Штейнгейлем будущим ученикам, преемственность процесса обучения, насыщенность учебной программы. Отказываясь от зубрежки, он придавал первостепенное значение наглядности обучения и воздействию на сознание и чувства учеников. Обращает на себя внимание высокая требовательность к процессу усвоения знаний, который не должен прекращаться даже во время отдыха и прогулок, «чтобы

---

[38] Петербургская академия наук выступила с предложением ввести новый стиль лишь в 1830 г., но Николай I отверг его как несвоевременное и нежелательное. В течение всего XIX в. по этому вопросу шла борьба. Разрешен он был только после Октябрьской революции, когда 24 янв. 1918 г. В. И. Лениным был подписан декрет о введении нового календарного стиля (*Майстров Л. Е.* Указ. ст. С. 345—346).

[39] Краткое известие о жизни, характере и самой кончине бывшего московского военного генерал-губернатора гр. А. П. Тормасова // Сын Отечества. 1820. Ч. 59. № 2. С. 49—66.

[40] *Камнесвятов В.* Историческая справка (из письма к редактору) // Вестн. Европы. 1822. № 7—8. С. 254—265.

[41] Частное заведение для образования юношества. Подполковника и кавалера барона Владимира Штейнгейля. М., 1821.

каждое таковое гуляние было неприметным для них поучением и служило к развитию их понятий»[42]. Большое внимание уделялось дисциплинам, призванным привить ученикам высокие нравственные качества и гражданские чувства: истории, священной и гражданской, философии, географии, словесности, праву, политической экономии.

Нельзя не отметить его требования индивидуального подхода к обучающимся: «сообразоваться с летами, характером и наклонностями каждого дитяти». Обещая «обращение самое нежное» с воспитанниками, Штейнгейль стремился избежать грубости, унижения, оскорбления личного достоинства. Нагляднее всего это проявляется в предлагаемой им системе наказаний и поощрений. Наказания должны воздействовать на сознание учеников, стать препятствием, ограждающим от дурных поступков. Он был против телесных наказаний: «Стыдение одно, лишение завтрака, на особенном столе обед и тому подобное должно быть наказанием»[43]. Поощрения, по его мнению, должны вызывать дух соревнования у учеников, интерес к усвоению знаний.

Разрабатывая проект своего пансиона, Штейнгейль менее всего стремился сделать из него закрытое аристократическое учебное заведение. В проспекте объявлялось, что кроме дворян в него будут принимать детей других сословий, «коих родители известны по своему званию». Правда, высокая плата за обучение (до 2000 рублей в год) затрудняла практическую реализацию этого положения.

Намерение Штейнгейля открыть частный пансион не было выполнено по независящим от него причинам. Однако интерес к педагогике у него сохранился. В сибирской ссылке он переведет очерк «О воспитании в Англии» из книги поляка Х. Ширмы, в котором подробно описывалась методика ланкастерской системы взаимного обучения.

Помимо работ, предназначенных к публикации, Штейнгейль откликнулся рядом записок и проектов на злободневные проблемы социально-экономического и политического развития страны. Именно в них со всей полнотой проявилась его декабристская идеология.

К 1820-м гг. завершается формирование его револю-

---

42 Наст. изд. С. 140.
43 Там же.

ционных воззрений. «Не быв от природы холодным эгоистом,— показывал декабрист на следствии,— и не считая любовь к отечеству простым идеалом, пригодным только на случай надобности, я раздражался и скорбел сердцем от всего, что видел и слышал, а потому <...> не мог не прилепиться мыслью к изящности такого правления, которое бы обеспечивало личную безопасность и достояние равно последнего гражданина, как и сильного вельможи, а с тем вместе само в себе заключало бы гарантию незыблемости государственных постановлений»[44]. Другой источник свободомыслия он видел в критическом усвоении того запаса знаний, которое выработало человечество. Определяя причины своего революционного мировоззрения, Штейнгейль говорил: «<...> Никто особенно не способствовал укоренению во мне сих мыслей, но единственно: чтение, размышление, опыт и логическое соображение вещей»[45].

Наверное, не случайно на первое место он поставил чтение. Все, знавшие декабриста, подчеркивали его страсть к чтению и самообразованию. Свой круг чтения Штейнгейль достаточно четко определил в показаниях на следствии. Он называл труды французских просветителей Вольтера, Гельвеция, Руссо, Парни, Пиго-Лебрена и других, русских Княжнина, Новикова, Радищева, Фонвизина, из рукописных Баркова, Нелединского-Мелецкого, Грибоедова, Пушкина. Впрочем, сочинения последних не оказали на него большого влияния: «<...> Подобные мелочи игривого ума мне не по сердцу, но я увлекался более теми сочинениями, в которых представлялись ясно и смело истины, неведение коих было многих зол для человечества причиною»[45]. Не менее занимали Штейнгейля вопросы веры, истории церкви, нравственного самоусовершенствования личности, знания эзотерического характера. Он знакомился с сочинениями духовных писателей Феофана, Макария, Филарета, Дм. Ростовского, изучал труды европейских проповедников Боссюэта, Массильона и других, авторов мистического направления — госпожи Гион, И. Ф. Штиллинга, Н. Эккартсгаузена, а среди любимых называл Эпиктета и Ларошфуко[45].

Анализ духовного облика декабриста будет неполным без представлений о его этических позициях. Именно

---

[44] *ВД*. Т. 14. С. 156.
[45] Там же. С. 177.

нравственные нормы, которые исповедовал Штейнгейль, наложили отпечаток на его взгляды и поступки. Истоки их лежали в христианской религии. В литературе встречаются различные мнения о степени религиозности Штейнгейля — от чрезмерного ее преувеличения[46] до признания его атеистом[47]. Разумеется, как и большинство декабристов, Штейнгейль атеистом не был. Но его отношение к христианству в корне отличалось от традиционно-религиозного подхода. Будучи по своим взглядам деистом, он религию воспринимал лишь в сфере духовного мира человека, как основу морально-этических норм. В религии его привлекала идейно-нравственная доминанта — обращенность к человеку, личностный аспект.

Большое влияние на формирование его личности оказало учение римского проповедника-моралиста Эпиктета, направленное на развитие духовных начал в человеке, осознание внутренней свободы, которая не зависит от внешних обстоятельств. Философию Эпиктета пронизывала установка на общественную значимость человеческого предназначения, нравственное очищение. Не менее важным для Штейнгейля было осмысление Эпиктетом соотношения добра и зла как основного критерия поступков человека: «Настоящая мудрость есть не что иное, как умение выяснять и устанавливать истинную меру добра и зла; и задача всякого разумного человека состоит в том, чтобы прикладывать эту меру ко всем делам жизни»[48]. Этой заповеди он следовал всю жизнь. Для Штейнгейля бог в самом человеке, и высшим предназначением личности он считал нравственное совершенствование, достижение и постижение этого божественного начала, стремление во всех делах и поступках соответствовать ему. Подобная трактовка определяла его основные этические принципы и черты характера: чувство собственного достоинства, равнодушие к лишениям, любовь к ближним, сострадание, готовность принести себя в жертву за дело свободы и справедливости, органиче-

---

[46] См., напр.: *Зиновьев А. З.* Указ. ст.; *Мирзоев В. Г.* Указ. соч. С. 204.

[47] *Габов Г.* Общественно-политические и философские взгляды декабристов. М., 1954. С. 237; *Русін В. І.* Указ. ст. С. 107.

[48] *Чертков В. Г.* Римский мудрец Эпиктет, его жизнь и учение. М., 1911. С. 89.

ское неприятие несправедливости, мужество, твердость жизненных установок, воля, оптимизм.

Передовая русская мысль выдвигала требования отмены крепостного права, введения буржуазных свобод, твердого законодательства, народоправства, целесообразных и справедливых форм политического правления, форм и способов общественных преобразований. В той или иной степени все эти аспекты нашли отражение в творчестве Штейнгейля. Его записки и проекты охватывали различные стороны государственного управления и суда, социально-экономического развития страны.

Обращение Штейнгейля к вопросам государственного и политического характера было тесно связано с активизацией конституционных настроений в русском обществе в первой четверти XIX в. Многим не только радикально настроенным людям казалось, что настало время преобразований. Не случайно в этот период появляется много записок и проектов переустройства российской действительности. Надежды на их осуществление подавал сам Александр I своей противоречивой, непоследовательной политикой. Значительный резонанс в прогрессивных кругах русского общества получили введение конституции в царстве Польском и особенно речь Александра I на открытии Польского сейма в Варшаве в марте 1818 г., в которой он обещал распространить конституционные учреждения на все страны, вверенные его попечению. Как отмечалось в одной из записок, адресованных императору, эти намерения настраивали общество на ожидание скорых перемен, основанных «на тех конституционных правилах, кои некоторым образом е. и. в. обещаны были»[49]. И действительно, в 1818—1820 гг. действовала специальная комиссия сенатора Н. Н. Новосильцева, которая подготовила текст русской хартии, взяв за основу польскую конституцию. Между прочим, Новосильцев просил царя привлечь к работе его комиссии и Штейнгейля, но получил отказ»[50].

Подобные либеральные начинания Александра I подогревали конституционные иллюзии в русском обществе, заставляли верить в возможность проведения серьезных реформ сверху.

---

[49] Сборник исторических материалов, извлеченных из архива, собственной е. и. в. канцелярии. Спб., 1895. Вып. 7. С. 116.
[50] *Штейнгейль. Т. 1.* С. 126.

Большинство декабристов не отказывалось от надежд на правительственную инициативу. Своими проектами и записками они стремились подтолкнуть правительство к более активным шагам. Стремлением не отпугнуть царя радикальными требованиями объясняется определенная умеренность записок Н. И. Тургенева, Штейнгейля и других декабристов.

Разбирая критические замечания Штейнгейля на конституцию Н. М. Муравьева, Дружинин отмечал: «В лице В. И. Штейнгейля перед нами выступает не только поклонник конституционных теорий, но и человек практического опыта, склонный к конкретной постановке вопросов»[51]. В полной мере эта характеристика относится к к его проектам и запискам.

Наверное, не случайно первые из них касались системы судопроизводства феодальной России. Произвол, беззакония, которые творились в стране, не могли не вызвать возмущения у честных, заинтересованных в судьбах своего отечества людей.

Отмечая «повсеместное злоупотребление», Штейнгейль указывал на бессилие правительства даже как-то его ограничить: «Посылались сенаторы, производили исследования, тысячами отдавали бедных чиновников под суд — и определяли новых: а те принимались за то же, только смелее, ибо обыкновенно поступали на места с протекциею»[52]. Сложившуюся систему насилия и произвола можно было изменить лишь радикальными преобразованиями в государственном управлении. Отсюда уже недалеко до признания необходимости ограничения или ликвидации самодержавной власти и замены ее представительными формами правления. Определенной ступенью на пути к этому декабристы считали установление твердых законов, стоящих на страже интересов всех граждан страны. В условиях же произвола ни один человек в России не мог быть спокоен за свою жизнь и имущество. Описывая К. Ф. Рылееву беззакония, допущенные по отношению к их общему знакомому М. В. Смоленскому, Штейнгейль восклицал: «Где тут личная безопасность? — где ограждение собственности?»[53]. Альтернати-

---

[51] *Дружинин Н. М.* Революционное движение в России в XIX в.: Избранные труды. М., 1985. С. 123.
[52] *Штейнгейль. Т. 1.* С. 215.
[53] Там же. С. 206.

ву феодальному судопроизводству декабристы видели в буржуазных принципах суда и требовали введения отдельных его элементов в России. В замечаниях на конституцию Н. Муравьева Штейнгейль показал себя последовательным сторонником основных буржуазных свобод, гарантировавших неприкосновенность личности и имущества, ратовал за введение в России суда присяжных.

Особую тревогу у него вызывало уголовное законодательство. В записке «Нечто о наказаниях» (1817 г.) он подробно остановился на сложившейся системе наказаний, подчеркивая их архаичность и жестокость. Автор решительно протестует против наиболее варварских форм наказания, осуждает публичные смертные казни, представляющие, по его словам, «кровавые зрелища, которые, не уменьшая преступлений, ожесточают лишь нравы»[54]. Наказание должно быть справедливым и соответствовать мере преступления. Для него это не столько возмездие, сколько назидательный пример, предостережение для других, путь к исправлению преступника. На первый план Штейнгейль выдвигал формы общественно-морального воздействия, влияющие «более на душу, сердце и совесть, нежели на тело». Особое значение придавалось им общественному мнению, созданию обстановки нетерпимости к любым нарушениям закона: «Сблизьте, сколько возможно, общее мнение с действием закона, и вы будете иметь самый сильный закон — и, что того более, предохраните многих от впадения под действия того закона»[55].

Рациональное зерно заключалось и в другом предложении Штейнгейля — организовать в стране уголовную статистику. Ежемесячные ведомости о публичных наказаниях в империи должны были наглядно представить динамику преступлений и действенность закона.

Вместе с тем нельзя не отметить некоторую двойственность позиции автора. Выступая против телесных наказаний, он считал возможным сохранить розги как меру воздействия на преступников из низших сословий, отмечая, что «разврат и своевольство между классом народа, в услугах и работе находящихся, приметно умножаются»[56].

---

[54] Наст. изд. С. 82.
[55] Там же. С. 81.
[56] Там же. С. 85—86.

Против смертной казни и телесных наказаний возражали многие декабристы. Так, Н. И. Тургенев еще в 1816 г. в своем дневнике писал о необходимости отмены кнута, утверждая, что «вообще наказания должны быть во всех случаях сколь возможно менее строги»[57]. С этих же позиций рассматривали уголовное право П. И. Пестель, Н. М. Муравьев, Ф. Глинка. Подчеркивая воспитательное воздействие наказания на общество, они видели его задачу в предупреждении преступлений и в перевоспитании преступника. «Наказывать — есть только горестная необходимость,— писал Ф. Глинка,— предупреждать преступления — приятная обязанность мудрого правительства»[58].

В записке много места отведено характеристике такого наказания, как ссылка в Сибирь. Здесь несомненно сказалось хорошее знание декабристом этого отдаленного края, знакомство с условиями жизни ссыльных, отношением к ним со стороны сибиряков. По его глубокому убеждению, ссылка в Сибирь — мера исправительная. По своему воспитательному воздействию она неизмеримо выше, чем, например, разжалование в рядовые: по крайней мере, не сопряжена с унижением человеческого достоинства (речь в данном случае идет о наказаниях для благородного сословия). Вступая в пределы Сибири, такой ссыльный «встретит везде сострадание и помощь, по приезде им на место в Тобольск или Иркутск <...> ему дают свободу, принимают в лучшие домы и обходятся с ним, как с человеком одного сословия, и <...> обращаются столь деликатно, что в присутствии сосланного остерегаются употребить слово «несчастный», каким именем их вообще в Сибири называют»[59]. Вряд ли Штейнгейль, когда писал эти строки, мог предвидеть, что не пройдет и десяти лет, как он сам окажется в положении «несчастного». Но, несомненно, в моральном плане он был более подготовлен к сибирской ссылке, чем многие из декабристов. Большинство из них рассматривали ссылку в Сибирь как одно из наиболее жестоких наказаний. Н. И. Тургенев сравнил ее со смерт-

---

[57] *Семевский В. И.* Политические и общественные идеи декабристов. Спб., 1909. С. 573.

[58] Цит. по: *Ошерович Б. С.* Очерки по истории русской уголовно-правовой мысли (вторая половина XVIII— первая четверть XIX века). М., 1946. С. 298.

[59] Наст. изд. С. 78.

ной казнью, а Ф. Глинка считал, что подобное наказание ни политическими, ни экономическими соображениями не может быть оправдано[60].

Неадекватность наказаний рассматривается и в другой записке декабриста — «Рассуждение о законе на богохульников» (1819 г.). Поводом для ее написания стал случай из собственной практики. Во время службы у Тормасова в его руки попало дело раскольника, допустившего в нетрезвом виде богохульство. Штейнгейля ужаснула суровость наказания: кнут и вечная каторга. Из размышлений о причинах столь жестоких законов, которые могут существовать только «в веке варварства и ожесточения нравов», и родилась данная записка. По его мнению, суть существующих законов «заключает в себе дух жесточайшего мщения и гонений» против инакомыслящих и не отвечает основам христианского учения, которые провозглашают дух «кротости и незлобия».

Штейнгейль стоит на позициях гуманизма и веротерпимости. Преступления против бога не должны восприниматься как отмщение за его оскорбление, цель наказания должна состоять не в том, чтобы погубить человека, а в спасении его души — «душе в разум истинный прийти». Высшее торжество добродетели, по его мнению, должно состоять в том, чтобы преступник осознал свою вину и «мог, возвратясь в общество, быть еще полезным оному и заслужить нанесенное ему оскорбление»[61].

Рассуждение Штейнгейля было передано министру духовных дел А. Н. Голицыну, но, «как все возникающее снизу, осталось без внимания, тем более, что истина представлялась от человека опального»[62].

Раздумывая о причинах бедственного положения страны, передовые представители русского общества основным злом общественного строя в России считали крепостное право. Оно мешало развитию и укреплению экономики государства, сдерживало рост торговли и промышленности, сельского хозяйства, накладывало свой отпечаток на состояние просвещения и моральный климат страны. Одним из главных требований декабристов была ликвидация крепостничества. Из лагеря декабристов к Александру I поступило несколько записок и

---

[60] *Ошерович Б. С.* Указ. соч. С. 281, 299.
[61] Наст. изд. С. 121.
[62] *Штейнгейль. Т. 1.* С. 127.

проектов, призывавших ограничить или ликвидировать крепостное право. В 1823 г. с подобным обращением выступил Штейнгейль. Его записка «О легкой возможности уничтожить существующий в России торг людьми» была посвящена наиболее, пожалуй, отвратительному проявлению крепостничества — купле-продаже крепостных крестьян. Стремясь разобраться в причинах закрепощения крестьян, он доказывал, что за крепостным правом нет исторического оправдания, что «право продавать людей никаким законом положительно не утверждено: оно вкралось злоупотреблением и укоренилось временем»[63].

Как и многие из декабристов, Штейнгейль еще не отказался от надежд на правительственную инициативу в этом вопросе. Считая отмену крепостничества актом сложным и долговременным, он призывал правительство начать с запрещения продавать крестьян без земли. Дворовых предлагалось приписать к поместьям, в том числе и путем перепродажи, или, если это невозможно сделать, зачислить их в городах в особые цеха слуг и работных людей. В последнем случае по истечении десяти лет они должны были получить полную свободу.

В целом это был достаточно умеренный проект некоторого ограничения крепостнического произвола, устранения его наиболее одиозных черт, откладывающий дело освобождения крестьян на отдаленное будущее. Но даже в таком виде записка Штейнгейля была оставлена без внимания. Запрещение продавать крестьян с публичных торгов последовало только в 1833 г. и дополнительно подтверждено в 1835 г.[64]

Критикуя самодержавный строй, выдвигая задачи переустройства политической системы в стране, декабристы фактически доказывали необходимость капиталистического развития России. Однако лишь немногие из них обращали серьезное внимание на состояние и требования носителей буржуазных тенденций — российское купечество. Среди этих немногих, пожалуй, лишь Штейнгейль и Батеньков имели устойчивые связи с купеческим миром, понимали его интересы и устремления.

Проблема «Декабристы и купечество», к сожалению, практически не затрагивалась декабристоведами. Между тем обращение к ней позволило бы четче определить

---

[63] Наст. изд. С. 143.

[64] *Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Спб., 1888. Т. 2. С. 553—556.

общественный фон, на котором формировалось декабристское движение, его социальную базу, проследить истоки многих социально-политических концепций декабристов.

Российское купечество в первой четверти XIX в. еще не представляло собой зрелой общественной силы. Шел процесс становления политической сознательности, оформления буржуазных взглядов на экономическое развитие страны. Колебания социально-экономической политики царизма, ее классовая направленность затрагивали имущественные интересы купцов, вызывали недовольство, стремление к переменам. Рост образованности среди этого сословия, знакомство с передовой литературой — все это приводило к тому, что даже в провинциальных городах России живо обсуждались вопросы внутренней и внешней политики и многие восхищались представительными формами правления[65]. В самом же Петербурге, как отмечалось в одном из доносов Александру I, вообще много говорили о конституции, особенно среди купцов Гостиного двора. Указывая на всеобщее недовольство политикой правительства, автор доноса приводит рассуждения купцов: «Только конституция может исправить все это, и нужно надеяться, что бог скоро дарует нам ее. <...> Некоторые говорят, что если бы русское население Петербурга и Москвы единодушно пожелало этого, то министры не посмели бы этому противиться»[66]. В этих словах и надежды на либеральные начинания царизма, и первые попытки осознания силы общественного мнения. Отмечал рост конституционных настроений в стране и Штейнгейль. «Россия так уже просвещена, что лавочные сидельцы читают уже газеты; а в газетах

---

[65] *Семевский В. И.* Вопрос о преобразовании государственного строя России в XVIII и первой четверти XIX века // Былое. 1906. № 1—2. С. 57. О росте интереса городских слоев русского общества к политической жизни России и Европы писал Н. М. Карамзин: «Едва ли в какой-нибудь земле число любопытных так скоро возрастало, как в России. Правда, что еще многие дворяне, и даже в хорошем состоянии, не берут газет; но зато купцы, мещане любят уже читать их. Самые бедные люди подписываются, и самые безграмотные желают знать, что пишут из чужих земель» (*Боленбрух А. Г.* Передовая общественно-политическая мысль второй половины XVIII в. и царизм. Днепропетровск, 1979. С. 28).

[66] *Семевский В. И.* Барон Владимир Иванович Штейнгейль // Общественные движения в России в первую половину XIX века. Спб., 1905. Т. 1. С. 301.

пишут, что говорят в Палате депутатов в Париже. Не первая ли мысль: «Почему мы не можем рассуждать о наших правах и собственности?» — родится в голове каждого?»[67]

О настроениях купечества незадолго до восстания декабристов говорил на следствии Г. С. Батеньков: «Чаще всего в сие время бывал я в домах купеческих, и поелику сей класс вообще недоволен стеснительными для торговли постановлениями, то обращение с ним подстрекало желание перемены»[68].

Тесные связи Штейнгейля с московскими торгово-промышленными кругами, собственный опыт занятий частным предпринимательством не могли не сказаться на его творчестве. В октябре 1819 г. он представляет Аракчееву свое новое политическое сочинение «Некоторые мысли и замечания относительно законных постановлений о гражданстве и купечестве в России»[69]. В записке Штейнгейля содержались четкие рекомендации по совершенствованию городского законодательства, выдвигались требования введения буржуазных прав и гарантий. Выступая против сословного деления горожан, автор предлагал заменить их единым званием «гражданина города». Не менее прогрессивными были предложения уравнять подати горожан, ограничить рекрутскую повинность, отменить телесные наказания, принять меры к усилению образования в городах. Большую заботу проявлял Штейнгейль об охране собственности и личной безопасности гражданина, равенстве всех жителей города перед законом. Он считал необходимым, чтобы арест и следствие над гражданином города происходили только с ведома городского общества и при участии депутатов от сограждан — «иначе бедность невозможно оградить от наглости и насилия. И теперь существует закон, что мещанин без суда не накажется и мещанина никто обесчестить не может. Но разве не видим сплошь, что при малейшем притязании полиции бьют их по щекам, секут розгами и проч.,— и всякий будошник дает невозбранную волю рукам своим»[70].

---

[67] *Штейнгейль. Т. 1.* С. 223.

[68] *ВД. Т. 14.* С. 102—103.

[69] Обнаружить эту записку не удалось. Текст ее заключительной части известен в пересказе В. И. Семевского (Общественные движения... С. 287—289).

[70] Там же. С. 289.

Интересным было предложение Штейнгейля разделить все города страны в зависимости от численности населения и экономического развития на три степени. Причем города первых двух степеней должны были получить право содержать «городскую гвардию по примеру Риги», а также возможность отправлять депутации к царю или высшему правительству.

Классовая ограниченность не позволила Штейнгейлю распространить права и гарантии гражданина на все население страны, ими охватывались только буржуазные слои общества. Даже в городском обществе он счел необходимым выделить лиц, не имеющих семейств, домов, другой недвижимости, на которых право гражданства не распространялось. В эту категорию попадали городские низы, рабочий люд, дворовые. Последние для него — «суть совершенные дармоеды и народ препраздный и преразвращенный»[71].

Одним из наиболее значительных публицистических трудов Штейнгейля этого периода стала записка «Патриотическое рассуждение московского коммерсанта о внешней российской торговле». Интересна предыстория написания записки. В декабре 1822 г. московская казенная палата, исполняя распоряжение министра финансов, потребовала от городской думы сведения о причинах уменьшения купеческих капиталов в стране и о мерах к их поддержанию.

Московское купеческое общество воспользовалось этим предлогом для активизации своих сил, выработки конкретных предложений по совершенствованию экономической политики правительства, «мобилизовало и привлекло к работе наиболее выдающиеся свои силы»[72]. В специально созданную комиссию поступило около 10 купеческих записок и проектов, на основе которых было подготовлено «Общее начертание о причинах упадка торговли и купеческих капиталов в России»[73]. Содержание их свидетельствует о достаточно высоком уровне политического развития купечества, знакомстве с отечественной и европейской литературой. Некоторые из авторов цитировали книгу Н. Тургенева «Опыт теории налогов»,

---

[71] Там же. С. 296.

[72] *Сторожев В. Н.* История Московского купеческого общества. М., 1916. Т. 2. Вып. 1. С. 350.

[73] Текст его см.: *ЦГИА*, ф. 994, оп. 2, д. 366, л. 1—67; *Сторожев В. Н.* Указ. соч. С. 290—328.

что давало им возможность «выразить отношение к крепостному праву с такой ясностью, как они не решились бы, если бы им пришлось говорить от своего лица»[74].

Узнав о деятельности комиссии, Штейнгейль не мог пройти мимо благоприятной возможности выразить свое неприятие экономической политики правительства и предложил реальные направления ее оздоровления. Для него неоспоримой истиной было признание первостепенного значения экономики в развитии государства, ее примат над политикой. «Преуспевающая промышленность <...> и цветущая торговля, — писал декабрист, — дают государственному телу бодрость, крепость, силу — и, так сказать, доводят оное до высочайшей степени политического здравия»[75]. Отсюда неослабевающий интерес к экономической жизни страны, попытка разобраться в причинах упадка купеческих капиталов, торговли и промышленности России, отставания ее от европейских держав. Записка Штейнгейля проникнута глубоким патриотическим чувством, что подчеркнуто уже в ее названии, желанием «не по иностранным писателям и проектам, но по самой России судить о России».

Прослеживая колебания экономической политики царизма в первой четверти XIX в., автор показывает, что правительство не только не способствовало процветанию торговли и промышленности, но, более того, дезорганизовывало экономику страны частыми и противоречивыми распоряжениями и указами. Среди других причин упадка торговли он выделяет преобладающее положение иностранцев, получающих разного рода льготы, тяжесть налогового бремени, несовершенство кредита, рост предпринимательской деятельности крестьян и разночинцев, подрывающий торговые монополии купечества. В отличие от большинства декабристов Штейнгейль был убежденным сторонником протекционистской системы, ограждающей отечественную промышленность от иностранной конкуренции[76].

---

[74] *Сторожев В. Н.* Указ. соч. С. 345.

[75] Наст. изд. С. 147.

[76] Многие из декабристов разделяли фритредерские взгляды, отстаивая принцип свободы торговли и выступая против купеческих монополий. Наиболее полно эта позиция выражена в записке Н. Бестужева «О свободе торговли и вообще промышленности» (1831 г.). См.: *Бестужев Н. А.* Статьи и письма. М.; Л., 1933. С. 93—172.

Но даже не столько недостатки экономической политики царизма вызывали кризис феодальной экономики. Главную причину Штейнгейль усматривал в неразвитости социальной структуры общества, в отсутствии гражданских прав и гарантий. «Таковы наши гражданские законы,— указывал автор,— что все права, облагораживающие некоторым образом купца, приписаны его капиталу, а не особе гражданина»[77]. Стоит только купцу обанкротиться, и одновременно с потерей капитала он теряет все льготы и отличия, выделяющие его из общей массы городского населения. Через два года в письме к Николаю I, возвращаясь к этому вопросу, Штейнгейль обобщал: «Вообще гражданская часть — сей краеугольный камень в здании государственного благоденствия — была в некоторой как бы опале»[78].

В заключении записки, выражая надежду, что правительство отнесется с вниманием к бедственному положению торгово-предпринимательских кругов, Штейнгейль призывал его «стараться возвысить дух своих соотечественников, воссодействовать развитию их способностей, поощрить к смелой, безбоязненной деятельности и чрез то открыть лестный путь к соревнованию с иностранцами на поприще всемирной торговли»[79].

«Это уже третье сословие во весь рост»,— так охарактеризовала взгляды Штейнгейля, его позицию последовательного защитника буржуазного развития страны Л. Рейснер[80].

«Патриотическое рассуждение» широко разошлось в списках, было у многих декабристов, использовалось ими в агитационных целях. Декабрист М. П. Бестужев-Рюмин называл его «известной речью»[81]. С вниманием отнеслось к ней и московское купечество. Во всяком случае, практически все предложения Штейнгейля были учтены и вошли в итоговый документ, выработанный комиссией московского купеческого общества.

Связи Штейнгейля с купечеством, его авторитет как знатока коммерции России приобрели особую ценность, когда в условиях подготовки восстания декабристы были озабочены расширением социальной базы общества за

---

[77] Наст. изд. С. 171.
[78] *Штейнгейль. Т. 1.* С. 215.
[79] Наст. изд. С. 172.
[80] *Рейснер Л.* Декабристы // Избранное. М., 1965. С. 397.
[81] *ВД.* Т. 9. С. 117.

счет привлечения городских сословий. Не случайно одним из первых пожеланий, высказанных К. Ф. Рылеевым в 1824 г. только что принятому в общество Штейнгейлю, была надежда через него узнать о настроениях московского купечества и, по возможности, «приобресть членов между купечеством, которые могли бы быть полезны пособиями и приуготовлением других из своего сословия к свободным правилам»[82]. Рассказывая об этом на следствии, Штейнгейль заявил, будто тогда же отвечал Рылееву, что на купечество нельзя рассчитывать, и указал лишь на С. А. Селивановского, который и без вступления в общество «содействует оному изданием книг, к распространению свободных понятий служащих».

С Селивановским декабриста связывала многолетняя дружба. В его типографии был опубликован Штейнгейлем проспект об открытии пансиона. Но еще более примечательна их совместная работа по подготовке первого в России «Энциклопедического словаря», который представлял собой перевод известного «Conversations' Lexicon» («Разговорного словаря»), с исключением наиболее откровенных статей, которые бы не пропустила цензура, и с добавлением статей о России. В течение 1821—1825 гг. были подготовлены первые три тома. Последний заканчивался на слове «Бургундия». Любопытно, что среди вновь написанных были статьи об Америке, Алеутских островах, Ангаре и Байкале. Зная осведомленность Штейнгейля в этих вопросах, с большой долей вероятности можно предположить, что они принадлежат его перу. Помимо Штейнгейля в работе над словарем принимали участие В. К. Кюхельбекер, С. П. Шевырев, П. М. Строев, П. Я. Зацепин, Н. М. Рожалин и другие[83].

Большинство статей «Энциклопедического словаря» носило прогрессивный характер. После восстания декабристов отпечатанные тома были конфискованы и уничтожены, сам издатель подвергся обыску (10 мая 1826 г.) и был взят под полицейский надзор.

Через Селивановского Штейнгейль познакомился также с профессором Павловым, возглавлявшим училище сельского домоводства, в котором обучались дети крепостных. Общее направление их воспитания было тако-

---

[82] Там же. Т. 14. С. 166.

[83] *Кауфман И. М.* Русские энциклопедии. М., 1960. Вып. 1. С. 13. Статья о Байкале печатается в приложении к наст. изд.

во, чтобы они почувствовали «всю цену свободы и тяжесть рабства»[84].

На следствии Штейнгейль не раз подчеркивал, что не принял в тайное общество ни одного купца. В какой-то мере это объяснялось избранной им тактикой — принижением своей роли в обществе. Сыграло роль и желание вывести своих единомышленников-купцов из поля зрения Следственной комиссии. Надо заметить, что следствие не проявило особого интереса к этому сюжету и удовлетворилось ответами Штейнгейля. Однако даже если он официально не привлек к обществу никого из представителей российской буржуазии, сам характер его отношений со многими из них позволяет утверждать, что их связывали не только коммерческие интересы, но и общие размышления о судьбе страны и желания политических перемен.

И все же, по крайней мере, один представитель купечества был посвящен в планы декабристов. Речь идет о А. П. Сапожникове, в дружеских отношениях с которым находились Штейнгейль и Батеньков, а в родственных — Я. И. Ростовцев. В декабристских кругах было известно, что Сапожников критически настроен по отношению к самодержавному строю, «да и вообще человек с очищенными понятиями». Поэтому, видимо, незадолго до восстания Рылеев, а затем Ростовцев просили Штейнгейля вовлечь его в общество. И хотя Штейнгейль отказался это сделать, Сапожников, вероятно через Ростовцева, узнал о предстоящем восстании. На следствии Штейнгейль утверждал, что именно Сапожников посоветовал Ростовцеву написать письмо-донос Николаю I[85]. В литературе утвердилась достаточно однозначная оценка поступка Ростовцева. И лишь Я. Гордин предпринял попытку по-новому взглянуть на этот эпизод. Тщательно проанализировав записку Ростовцева, он пришел к выводу, что тот «сознательно и дерзко дезинформировал великого князя, утверждая, что высшие государственные инстанции и гвардия будут на его стороне»[86], и одновременно запугивал возможными волнениями в военных поселениях и Кавказским корпусом.

Сознавая, что мнение Гордина отнюдь не бесспорно,

[84] *ВД*. Т. 14. С. 171.
[85] Там же. С. 167.
[86] *Гордин Я.* События и люди 14 декабря. М., 1985. С. 108.

рискнем предположить, что донос Ростовцева — последняя попытка представителей умеренного крыла Северного общества как-то воздействовать на Николая I, заставить его, пугая призраком гражданской войны, отказаться от престола и тем самым предотвратить кровопролитие и другие крайности. Одновременно они пытались повлиять и на наиболее радикальную часть декабристов. Штейнгейль и его единомышленники боялись, что события выйдут из-под их контроля и приведут к массовому народному выступлению. Он предостерегал Рылеева, утверждая, что «в России революция в республиканском духе еще невозможна; она повлекла бы за собою ужасы. В одной Москве из 250 000 тогдашних жителей 90 000 было крепостных людей, готовых взяться за ножи и пуститься на все неистовства»[87]. По этим же причинам Штейнгейль и Батеньков внесли предложение «с войсками выйти на Пулкову гору; во-первых, из города стали бы недовольные присоединяться, а во-вторых, можно бы надеяться, что поселения тотчас бы примкнули, и тогда можно было бы овладеть городом на аккорд без кровопролития»[88].

Ни Штейнгейль, ни Батеньков не прервали свои отношения с Ростовцевым и Сапожниковым после доноса, продолжали встречаться и обсуждать вопросы, связанные с предстоящим выступлением. Вечером, накануне восстания, они собрались в доме Сапожникова на ужин, который, по сути дела, стал прощальным. «Хозяин, угощая шампанским,— вспоминал Штейнгейль,— не обинуясь говорил: «Выпьем! неизвестно, будем ли завтра живы!» Так, были уже уверены, что не обойдется без восстания»[89].

Задолго до вступления в тайное общество записки и проекты Штейнгейля сделали его имя известным, ходили в списках, использовались в агитационных целях. Некоторые замечания отставного подполковника были положительно приняты крупными государственными деятелями России Н. С. Мордвиновым, Н. Н. Новосильцевым, даже А. А. Аракчеевым. Но подавляющая часть его работ была оставлена без внимания.

Как тяжело, наверное, было сознавать ему тщетность

---

[87] *Штейнгейль. Т. 1.* С. 151.
[88] *ВД.* Т. 14. С. 171.
[89] *Штейнгейль. Т. 1.* С. 154—155.

своих усилий как-то воздействовать на бюрократический аппарат самодержавной России, чувствовать, что его умственная энергия, воля, огромное желание перемен в обществе наталкиваются на ледяное равнодушие верховной власти. «Я писал в 1823 году,— с горечью вспоминал он в Петровском остроге,— о возможности уничтожить в нашем отечестве гнусную продажу людей, не негров, россиян <...>. Я писал, говорю, писал к самому царю, сколько мог убедительно, за вопиющее человечество и за честь России, но моя бумага, с надписанием монаршим: читал, поступила в канцелярию графа Аракчеева, как в Лету <...>. Кто из сограждан проведает, что я вступался за страждущее человечество?»[90]

Отвращение ко всему, что связано с насилием над человеком, сложившееся у Штейнгейля с юности, постоянное стремление делать добро, глубокая заинтересованность в судьбах своей страны и народа предопределили его участие в движении декабристов. Всей своей жизнью он был подготовлен к восприятию декабристской идеологии.

Тайное общество было лишь своеобразной верхушкой айсберга социальных противоречий России. В ходе следствия Штейнгейль не раз отмечал, «как в настоящее время люди различных состояний стремятся к одной цели и как без всякого общества и обязательств свободомыслящие имеют свои связи и сношения в одном и том же направлении»[91]. Сам Штейнгейль еще до 1823 г., когда с «удовольствием» узнал от Рылеева о существовании тайного общества, обсуждал, и, вероятно, неоднократно, «с некоторыми отцами семейств» состояние страны и перспективы ее развития, опасаясь, что детям их «придется пить горькую чашу зол»[92].

Таким образом, к началу 20-х гг. Штейнгейль вполне определил свои гражданские позиции и вступил в Северное общество сложившимся политическим деятелем, обладавшим большим жизненным опытом и имевшим «самостоятельные и продуманные государственные воззрения»[93].

Деятельность Штейнгейля в Северном обществе, его

---

[90] Наст. изд. С. 183.
[91] *ВД*. Т. 14. С. 171.
[92] Там же. С. 156.
[93] *Дружинин Н. М.* Указ. соч. С. 123.

участие в событиях 14 декабря подробно изложены в статье Н. В. Зейфман. К ней мы и отсылаем читателя[94].

2 января 1826 г. в Москве Штейнгейль был арестован и 6 января заключен в Петропавловскую крепость. Зная мстительный характер нового монарха, он не питал особенных иллюзий насчет своей судьбы. Две мысли занимали его: достойно нести свой крест и использовать в ответах на вопросы следствия и в посланиях к царю последнюю возможность для изложения своих взглядов на состояние страны и для обоснования необходимости перемен. Словом, как писал он позднее в воспоминаниях: «Готовясь на смерть, решился недешево отдать свою жизнь. Эта мысль возродила дерзновенье»[95]. Результатом явились два блестящих по форме и беспощадных по своей разоблачительной силе письма к Николаю I. Это фактически было обобщенное изложение тех взглядов, которые высказывались в его предыдущих записках. Наибольшей решимостью «представить обнаженную истину» отличалось первое письмо Штейнгейля. Оно стало по существу его политическим завещанием и почти сразу начало распространяться по всей России. «Все, что было заброшено, сдавлено в течение стольких лет,— вырвалось теперь наружу, обрушилось ливнем блестящих идей, планов, проектов на головы оторопелых судей»[96]

Осужденный по III разряду, Штейнгейль был приговорен к вечной каторге, замененной по конфирмации 20 годами. В июне 1827 г. закованный в кандалы декабрист отправился в знакомые с детства места, отныне ставшие для него на долгие годы местом изгнания.

В Сибири по-новому раскрылся публицистический дар Штейнгейля. Прямых свидетельств об участии его в «каторжной академии» не сохранилось. Но нет сомнения в том, что он, как политический мыслитель, знаток истории и права, живо реагировал на обсуждавшиеся проблемы, участвовал в многочисленных спорах и дискуссиях. К тому же из всех декабристов, оказавшихся на каторге, он был, пожалуй, единственным знатоком сибирского края, мог многое рассказать об истории, этнографии, географии, экономике этой окраины России.

В Чите и Петровском заводе Штейнгейль усиленно

---

94 *Штейнгейль. Т. 1.* С. 23—35.
95 Там же. С. 135.
96 *Рейснер Л.* Указ. соч. С. 397.

занимается самообразованием, изучает латинский и польский языки, много читает и переводит. Вместе с И. И. Пущиным он перевел «Записки» Франклина[97]. Далеко не случайно Штейнгейль и Пущин обратились к переводу на русский язык книги выдающегося деятеля Американской Республики, одного из авторов Декларации независимости и конституции США Бенджамина Франклина. Эта работа вместе с другими статьями была отправлена к родственнику декабриста П. А. Муханова для опубликования, но дальнейшая судьба этих бумаг неизвестна. Черновики же были уничтожены во время тюремного осмотра.

Некоторое представление об интересах и занятиях декабристов дает краткий дневник Штейнгейля, который он вел во время их перехода из Читы в Петровский завод. Дневниковые записи содержат массу любопытнейших деталей, зарисовок быта и настроения невольных путешественников. Он отмечает непринужденную обстановку, постоянные шутки и розыгрыши и в то же время — повышенный интерес к политическим новостям, оживленный обмен мнениями. Многие из декабристов занимались научными наблюдениями, много читали, вечера скрашивали беседами и игрой в шахматы. Интерес вызывают его краткие, но содержательные характеристики народной жизни, впечатления от встреч и бесед с бурятами. Описывая встречу с бурятским шаманом, он не преминул отметить: «Ламы вообще гонят шаманство, хотя сами не лучший свет разливают в народе, но просто выезжают на невежестве»[98].

Несмотря на свои годы, Штейнгейль почти весь длительный и сложный путь прошел пешком, предложив еще в начале движения «выпить чашу, не проронив ни капли». К тому же он был среди немногих, кто после дневного перехода сам перетаскивал вещи в юрту и устраивал ложе, отказываясь от услуг.

Дневник декабриста эмоционален, по-своему даже поэтичен. Он отмечал в нем особенности местной природы, состояние погоды, описывал даже ночное небо.

В Петровском заводе Штейнгейль пишет, пожалуй, лучшую свою статью сибирского периода: «Записку о Сибири», более известную под названием «Сибирские

---

[97] *Пущин И. И.* Записки о Пушкине. Письма. М., 1988. С. 202
[98] Наст. изд. С. 177.

сатрапы». Написанная в апреле 1834 г., она впервые была опубликована в 1859 г. за границей А. И. Герценом в первой книжке «Исторического сборника» под названием «Записка о Сибири Штейнгейля» и в России в «Чтениях общества истории и древностей российских», где была озаглавлена «К иркутскому летописцу пояснение. Записка о Сибири». Последнее название более отвечает особенностям стиля Штейнгейля[99]. Для него вообще было характерно строить свои работы как дополнение или уточнение к уже имеющимся произведениям.

В публикации *ЧОИДР* записка Штейнгейля была датирована 30 июля 1825 г.,— вероятно, чтобы отвлечь внимание цензуры. Публикаторам несомненно было известно имя автора. Об этом говорит тот факт, что из текста убрано все, могущее навести на след декабриста. Например, из фразы «Я это слышал, будучи в железах, и, следовательно, слышал непритворный глас» в публикации *ЧОИДР* слова «будучи в железах» опущены. Впервые в полном виде с вступлением и окончанием, логически завершающим форму записки-письма, текст был опубликован П. П. Каратыгиным под названием «Сибирские сатрапы»[100]. Наибольшие споры среди историков вызвал вопрос об адресате записки Штейнгейля. П. П. Каратыгин со слов генерала А. Э. Циммермана, видевшего один из рукописных списков на Кавказе, утверждал, что она обращена к А. П. Ермолову. Более предпочтительной считалась версия И. В. Ефимова, который, основываясь на своих юношеских встречах со Штейнгейлем в с. Елани, назвал адресатом декабриста А. П. Юшневского[101]. Нам представляется, что прав все же С. Ф. Коваль, который связывает записку не с каким-нибудь конкретным лицом, а с жанровой особенностью этого произведения[102].

Записка Штейнгейля представляет собой публицистическое произведение, облеченное в форму письма, что вообще было характерно для публицистики первой половины XIX в. В форме письма, доверительного разговора с читателем написаны и некоторые другие произведения декабриста.

---

[99] *ЧОИДР*. 1859. Кн. 3. С. 65—80. Под этим названием записка публикуется в нашем изд.

[100] Ист. вестн. 1884. № 8. С. 366—386.

[101] Там же. № 11. С. 504.

[102] Дум высокое стремленье. Иркутск, 1975. С. 21—22.

Злободневность, гражданский пафос, острота социально-политического обличения, присущие статье Штейнгейля, превращают ее в политический памфлет[103]. В этой небольшой по объему статье декабрист сумел дать яркую характеристику администрации Сибири. Все негодование, возмущение против произвола сибирской бюрократии, протест против социальной несправедливости и насилия вложил автор в свое сочинение. Перед читателем проходит целая галерея сибирских правителей разного ранга, обладавших практически безграничной властью и смотревших на вверенный им край как на собственную вотчину. «Все это чиноначалие,— пишет автор,— просто деспотствовало»[104].

Значительное место в записке уделено событиям, которые тогда еще не стерлись из памяти сибиряков. Штейнгейль подробно останавливается на периоде правления сибирского генерал-губернатора И. Б. Пестеля и его наместника в Иркутске Н. И. Трескина. Личности этих правителей противоречивы и сложны. С одной стороны — настоящий деспотизм и неслыханный произвол, с другой — решительные меры по преобразованию края, забота о его развитии. В борьбе бюрократической и купеческой партий, развернувшейся в Иркутске, автор целиком на стороне последней. Но, обвиняя Трескина в бесчеловечных методах насаждения своих порядков, он, стараясь быть беспристрастным, отдает ему должное как умному и деятельному администратору.

В записке Штейнгейля легко угадывается решительный протест не столько против сибирской администрации, сколько против самодержавно-крепостнической системы в целом. Не отдельные исполнители, а весь государственный строй России несет ответственность за злоупотребления и беззакония на местах. Отсюда напрашивается вывод, что изменение порочной системы управления возможно только путем радикальных преобразований центральных органов власти.

От записки Штейнгейля, впервые поставившей коренные вопросы переустройства управления Сибири, ее будущего развития, тянутся прямые нити к острой дис-

---

[103] Именно так, как письмо-памфлет, определяет жанр записки Штейнгейля Ю. Л. Троицкий в статье «Декабристские материалы в архиве С. И Гуляева (Ссыльные декабристы в Сибири. Новосибирск, 1985. С. 206).

[104] Наст. изд. С. 185.

куссии, которая развернулась уже в иной исторической и политической обстановке 1860—1870-х гг. между сибиряками-демократами В. Вагиным, с одной стороны, и С. С. Шашковым и А. П. Щаповым — с другой. В центре дискуссии стояли вопросы социально-экономического развития Сибири в условиях формирования буржуазных отношений и роли местного купечества в этом процессе. Позиция иркутской буржуазии выходила за рамки чисто сословных требований, приобретала общественное звучание как борьба против деспотизма и произвола местной администрации. Именно поэтому она имела огромное общественно-воспитательное воздействие и, по словам М. К. Азадовского, «немало содействовала выработке и формированию политических убеждений будущих декабристов Батенькова и Штейнгейля, тесно связанных с сибирскими делами»[105].

Политическое значение работы Штейнгейля объясняет ее необыкновенную популярность. Десятки списков его записки ходили по всей стране, но особенно широко распространена она была в Сибири. В той или иной мере ею пользовались деятели сибирского общественного движения В. Вагин, С. С. Шашков, А. П. Щапов, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин и другие. А известный публицист С. С. Щукин даже написал небольшую заметку «Воспоминания при чтении записки Штейнгейля, названной им дополнением к Иркутской летописи»[106].

Следует заметить, что начало распространению своей записки положил сам Штейнгейль. В воспоминаниях И. В. Ефимова, встречавшегося с декабристом в еланский период его жизни, говорится о том, что Штейнгейль давал ему читать, а затем и списать эту записку[107]. И, вероятно, это был не единичный случай.

Не меньшее впечатление на современников произвела другая историко-публицистическая работа — «Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату». Это записанные или, вернее, отредактированные Штейнгейлем и М. Бестужевым воспоминания члена Оренбургского тайного общества В. П. Колесникова. В

[105] *Азадовский М. К.* Сибирские страницы. Иркутск, 1988. С. 73.

[106] Записка С. С. Щукина не была опубликована. Частично ее использовал В. Вагин (Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1821 г. Спб., 1872. Т. 1. С. 601—607).

[107] Дум высокое стремленье. С. 39.

письме М. И. Семевскому по поводу издания этих записок в журнале «Заря» в 1869 г. М. А. Бестужев сообщал: «Я пробежал их единственно для того, чтобы видеть: не другие ли это записки от тех, которые я редижировал неответное перо молодого птенца, писавшего в первый раз в своей жизни. Я увидел, что это то же самое. У меня оставались черновики, а Штейнгейлю он оставил переписанную рукопись»[108].

Самостоятельное значение имеет написанное Штейнгейлем «Вместо вступления» к запискам В. П. Колесникова, представляющее собой краткий очерк политической борьбы в России со времени Екатерины II и до движения декабристов. Пытаясь определить причины, порождающие произвол и беззакония, он находит их в самодержавной власти: «Во всяком государстве, управляемом на праве отчином, нет и не может быть гласности. Где нет гласности, там все под Дамоклесовым мечом; там попасть под суд и пропасть — синонимы. <...> Где возвышается один повелительный голос власти, там никакой другой не может быть слышан, кроме угодного ей голоса рабской, подлейшей лести»[109]. Очень тонко подмечена декабристом тесная связь между неограниченным правлением и насаждаемой им атмосферой подозрительности и страха. Стремясь всеми силами сохранить свое положение, самодержавие особенно нетерпимо к любому инакомыслию и беспощадно подавляет его. «Тогда повсюду,— замечает он,— возрождаются черви шпионажа, подтачивающие семейное спокойствие, самые родственные и дружеские связи; тогда предержащие власть в областях получают охоту выставлять свое усердие к престолу и выслуживаться — не бдительностию о порядках и о спокойствии общественном, но открытием так называемых *злонамеренных* людей и доставлением правительству пищи, возбуждающей аппетит к жестокостям»[110].

Два произведения, написанные Штейнгейлем в Петровском заводе, очень близки по своей критической направленности, страстному гражданскому пафосу. «Одна и та же идея,— справедливо отмечает В. Г. Мирзоев,— лежит в основе обоих сочинений: произвол не случайная

[108] *ГПБ*, ф. 69 (Бестужевы), д. 26, л. 59 об.—60.
[109] Наст. изд. С. 203—204.
[110] Там же. С. 204.

прихоть отдельных чинов, а закономерное порождение всей системы русского самодержавия»[111].

По-видимому, там же, в Петровском заводе, была начата Штейнгейлем серия статей, которые он закончил, уже выйдя на поселение в 1836 г. в с. Елань Иркутского уезда. Статьи эти были предназначены для «Северной пчелы».

Первая из них — «Замечания на некоторые статьи «Энциклопедического лексикона» — датирована 17 июля, последняя — «Вариации на «Вариации на тему: Кронштадт» — 7 октября 1836 г. Все статьи подписаны псевдонимом Владимир Обвинской. Но и это не помогло им увидеть свет. Генерал-губернатор Восточной Сибири С. Б. Броневский обратился за указаниями к шефу корпуса жандармов. «Находящийся на поселении в Еланском селении государственный преступник Штейнгейль,— писал он,— прислал ко мне при письме к издателям «Северной пчелы» свои замечания на некоторые статьи Энциклопедического лексикона с просьбою напечатать в издаваемой ими газете или другом каком-либо журнале, обещаясь и впредь посвящать свои литературные занятия отечественной словесности. Имея честь препроводить при сем к вашему сиятельству означенные письма и замечания, я покорнейше прошу вас, милостивый государь, почтить меня предписанием, как должно поступать в таковых случаях и на будущее время»[112].

25 сентября 1836 г. последовало предписание А. Х. Бенкендорфа, в котором он считал «неудобным доставлять государственным преступникам посылать свои сочинения для напечатания в журналах, ибо сие поставит их в сношения, не свойственные их положению»[113].

Тем самым правительство официально запрещало декабристам заниматься литературной деятельностью в Сибири. Работы Штейнгейля так и остались в архивах III отделения. Из них при его жизни была опубликована лишь статья «Вариации на «Вариации на тему: Кронштадт» в значительно измененном виде, под другим названием и псевдонимом. К ней мы обратимся чуть позднее.

Занятия литературной деятельностью были для

---

[111] *Мирзоев В. Г.* Указ. соч. С. 204.
[112] *ГАИО*, ф. 24, оп. 3, д. 305, карт. 13, л. 5—5 об.
[113] *ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., ед. хр. 61, ч. 14, л. 22.

Штейнгейля не только возможностью улучшить свое материальное положение. Публикацией статей в центральной прессе он стремился разорвать атмосферу забвения, вновь напомнить о себе, как о живом, мыслящем, работающем человеке. Это желание во что бы то ни стало опубликовать свои произведения отразилось на их тематике, направленности, лишенной острого социального звучания.

В двух первых работах «Замечания на некоторые статьи Энциклопедического лексикона» и «Нечто о неверностях...» Штейнгейль проявил себя знатоком истории и географии сибирского края. Изучая статьи «Энциклопедического лексикона» Плюшара, материалы периодической печати, специальные исследования, он обнаружил массу неточностей, устаревших сведений, а нередко и прямых ошибок. Сибирь в представлении русского общества того времени оставалась дикой, пустынной страной, местом ссылки и каторги. Научные знания о восточных окраинах не соответствовали их современному состоянию, оставаясь на уровне известий путешественников XVIII в. Значительную роль в пропаганде знаний о Сибири, уточнении и дополнении их сыграли декабристы. «Если бы каждый мыслящий русский дарил русскую публику точными сведениями о том месте, куда судьба его забросила, Россия скоро стала бы известною русским»,— эту мысль М. К. Кюхельбекера разделяли многие декабристы[114]. Их отличало стремление к изучению края, исследованию его прошлого и настоящего. Они были настоящими патриотами Сибири, краеведами в том смысле этого слова, как определял это понятие М. К. Азадовский. «Краеведение,— писал он,— начинается только там, где налицо заинтересованность судьбами края, там, где налицо органическая связь между исследователем и изучаемым краем»[115].

Штейнгейль не только прилежно выискивал неточности и ошибки, но и по возможности старался исправить их, восполнить пробелы в сибиреведении. Критически разбирая материалы, помещенные в первых четырех томах «Энциклопедического лексикона», он, вероятно, не

---

[114] *Кюхельбекер М. К.* Краткий очерк Забайкальского края // Декабристы о Бурятии. Улан-Удэ, 1975. С. 26.

[115] *Азадовский М. К.* Странички краеведческой деятельности декабристов в Сибири // В сердцах отечества сынов. Иркутск, 1975. С. 28.

раз вспоминал собственный опыт участия в подобного рода издании, предпринятом в начале 1820-х гг. московским издателем Селивановским. Всего Штейнгейлем сделано 16 замечаний. Наиболее обстоятельные из них касались Камчатки и Прибайкалья. Отметив «совершенное отсутствие познания о настоящем состоянии всего, до Байкала относящегося», он фактически дал свой очерк Байкала, подробно остановившись на его географии, климате, хозяйстве и быте местных жителей, путях сообщения и судоходстве.

Одновременно с этими статьями Штейнгейль пытался опубликовать свои переводы двух отрывков из книги польского философа Х. Ширмы, посвященных театру и системе образования в Англии. Путевые очерки Ширмы привлекли внимание Штейнгейля свежестью восприятия, стремлением показать без прикрас культурную жизнь в Англии со всеми ее достоинствами и недостатками. В письме к издателям «Библиотеки для чтения», куда были адресованы переводы, он писал: «Читатели увидят, что Англия — Англия, а люди — все люди; те же страсти, недостатки, несовершенство. Чужелюбцы, недовольные своим, убедятся, что многое там далеко не так хорошо, как они думают[116].

В Елани Штейнгейль пробыл менее года. Желание быть поближе к дому заставило его просить о переводе в город Ишим. Просьба была удовлетворена, и 11 марта 1837 г. Штейнгейль прибыл в Ишим. В этом небольшом, насчитывающем менее 400 домов городе он провел три года. «Мертвенность этого города поразит и столетнего путешественника»,— такую убийственную характеристику общественной жизни Ишима оставил в своих записках И. Мевес[117].

Почти сразу Штейнгейль начал ходатайствовать о переводе его в другое место. Особенно тяготило его духовное одиночество, оторванность от других декабристов. «Одну милость,— просит он в письме к А. Н. Мордвинову,— перемещение из Ишима в Тобольск, Курган, Туринск, все равно. Во всех трех есть мои товарищи. Одинакое положение, близкое участие облегчают в несчастии всего более»[118].

---

[116] *Штейнгейль. Т. 1.* С. 238.

[117] *Мевес И.* Три года в Сибири и Амурской стране // Отеч. зап. 1863. № 5. С. 251.

[118] *Штейнгейль. Т. 1.* С. 241.

В этих сложных условиях декабрист искал возможность принести общественную пользу. Он стремился объединить вокруг себя немногочисленные образованные силы местного общества. В круг его знакомых входят купцы Н. Черняковский и Постников, священник В. В. Попов — «неистощимый запас сведений епархиально-статистических», преподаватели местных училищ, чиновники. Именно в эти годы он с помощью Н. Черняковского увлеченно собирает материал по истории, географии, экономике края, ставший основой для написания солидного исследования «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии»[119]. Штейнгейлю удалось создать интересную работу по краевой географии Сибири, выделяющуюся в общей массе подобных исследований как общим построением, так и рядом деталей[120]. В описании представлена подробнейшая характеристика природы округа, рельефа местности, климата, гидрографии, животного и растительного мира. В особый раздел выделено описание населенных пунктов, характер застройки, типология строений. Главное внимание автора сосредоточено на описании населения округа. Его интересуют численность, расселение, социальный и национальный состав, хозяйственная деятельность. Он отмечает лучшее экономическое положение сибирского крестьянства, что, по его словам, представляет «пример земледельческого благосостояния, очень редкий в России»[121]. В то же время указывает и на наличие малоимущих крестьян, которые «всегда почти бывают неоплатными работниками» зажиточных. В связи с далеко зашедшим имущественным расслоением крестьянства Штейнгейль подвергает критике уравнительную подушную подать и замечает, «что благотворное намерение правительства заменить эту подать поземельною нигде, может быть, не произведет таких благодетельных последствий к обоюдной пользе, как здесь и вообще в Сибири»[122]. Специально автор останавливается на податях и повинностях, которые несут сибирские крестьяне, и указывает, что они возбуждают почти беспрестанное неудовольствие и жалобы. Вообще

---

[119] Журнал МВД. 1843. Т. 2. С. 3—48, 200—255. В конце публикации указано: сообщено Н. Черняковским, ишимским купцом.

[120] *Никитин Н. П.* Экономико-географические работы декабристов // Вопр. географии. М., 1957. Сб. 41. С. 260.

[121] Статистическое описание... С. 209.

[122] Там же. С. 210.

надо сказать, что в этой работе Штейнгейля впервые столь явственно обнаруживается его интерес к положению народных масс, отчетливое представление о путях развития крестьянского хозяйства, знание народной жизни. Соединяя хозяйственное описание с этнографическим, он много места уделяет быту населения округа, обычаям и традициям, народной нравственности. Отмечает, в частности, почти всеобщее желание учиться грамоте и невозможность реализовать его из-за малого количества школ.

Штейнгейля интересовали и другие районы Тобольской губернии. Н. Черняковский писал ему в Тобольск в апреле 1840 г.: «Статистические сведения собирать по Петропавловскому округу я не прежде решусь <...>, пока не получим <...> из министерства напечатанный очерк о городе Ишиме»[123]. Положение ссыльного затрудняло активную творческую работу, заставляло прибегать к помощи других лиц, таких, как Н. Черняковский. К этому нужно добавить сложное материальное положение Штейнгейля, жившего на одно только казенное пособие. Многие из декабристов испытывали чувство бессилия от невозможности в полной мере реализовать свой творческий потенциал. Н. В. Басаргин с горечью писал: «Благодаря бога, отечество наше и самый тот край, где я нахожусь, представляют обширное поле деятельности и трудолюбия. Одного только прошу я — это позволения трудиться, чему совершенно препятствует то положение, в которое я поставлен ограничениями, до нас касающимися»[124].

В январе 1840 г. Штейнгейль, наконец, получил разрешение на перевод в Тобольск, где существовала небольшая колония декабристов, имелось образованное общество, ряд культурных и учебных заведений.

В Тобольске декабрист вновь попытался заняться литературной деятельностью. В петербургском журнале «Маяк» появляется несколько его произведений — «Старина морская и заморская», «Что прежде было и что теперь», небольшая историческая заметка «Борода», отрывок о Шотландии из уже упоминавшейся книги путешествий Х. Ширмы. Статьи эти были опубликованы под псевдонимом Тридечный.

---

[123] *ЦГАЛИ* ф. 604, № 16, л. 222
[124] *ГАТО*, ф. 3, оп. 13, д. 18 035, л. 527 об

Первая из них представляет собой переработанный вариант статьи «Вариации на «Вариации на тему: Кронштадт», законченной еще в Елани. Разночтения между этими вариантами оговариваются в комментарии. В настоящем издании публикуется первый вариант этой статьи, сохранившийся в *ГАИО*. Впервые он был опубликован В. Крыжановским в 1913 г.[125] Правда, публикатор несколько изменил название, озаглавив статью Штейнгейля «Вариации на тему: «Кронштадт». В статье дается развернутая характеристика состояния российского флота в конце XVIII — первой четверти XIX в. Декабрист не впервые обращается к этой проблеме. Еще в письме к Николаю I он писал о бедственном положении флота. Основываясь на собственных наблюдениях, он показывает, как крепостнические порядки проникали во флот, отмечая, что «команда корабля бывала та же деревенька для капитана». Положение несколько изменилось в годы правления Павла I, однако при его преемниках возобладало старое отношение к морским силам России. Отметим попутно далеко не типичное для того времени отношение Штейнгейля к самому Павлу I и его мероприятиям. В другой своей работе он писал: «Кратковременное царствование Павла I вообще ожидает наблюдательного беспристрастного историка, и тогда узнает свет, что оно было необходимо для блага и будущего величия России после роскошного царствования Великой»[126].

Статья «Что прежде было и что теперь» — пожалуй, единственный опыт Штейнгейля в жанре беллетристики. Основанная на автобиографическом материале, она построена в форме дорожного диалога вымышленных героев. В центре его рассказ о поездке в Кяхту и история женитьбы автора на дочери начальника местной таможни П. П. Вонифатьевой. В угоду авторскому замыслу в статье несколько смещены некоторые события, что затрудняет использование ее как источника, несущего дополнительную информацию об этой странице биографии Штейнгейля.

В советской литературе статьи Штейнгейля, опубли-

---

[125] Рус. архив. 1913. № 6. С. 720—735.

[126] Наст. изд. С. 234. Отметим близость взглядов Штейнгейля на деятельность Павла I с точкой зрения А. С. Пушкина (*Эйдельман Н. Я.* Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 206)

кованные в «Маяке», получили негативную оценку. С. С. Волк иронически охарактеризовал их как «лубочно-исторические заметки»[127]. Еще более строг в своих суждениях В. Г. Мирзоев. Отмечая «прогрессирующий переход Штейнгейля на позиции защиты самодержавия», он указывал: «Творческим выражением политического поворота Штейнгейля был переход от острой исторической публицистики к созерцательным, лишенным какого-либо политического содержания статьям и очеркам. Это значительно сузило масштабы и тематику его творчества, ограничив его сначала рамками статистических описаний и мелких замечаний по отдельным вопросам истории и географии Сибири, а в дальнейшем — мемуарными заметками, в которых он откровенно старается оправдать себя в глазах властей»[128].

Подобные оценки представляются нам несправедливыми. Они появились в силу как малоизученности творческого наследия декабриста, так и поверхностного отношения их авторов к его творчеству периода сибирской ссылки. Нельзя забывать, что указанные статьи предназначались для печати и писались с учетом требований цензуры. Отсюда их ограниченная, аполитичная тематика. Что же касается их появления на страницах реакционного «Маяка», что также вменяется в вину Штейнгейлю, то в условиях, когда декабристам категорически запрещалось заниматься литературной деятельностью, он вынужден был использовать любую возможность для публикации. Во всяком случае, Штейнгейль хорошо знал цену этому печатному органу. В письме к М. Бестужеву в 1846 г. он замечал: «Из 89 № «Моск[овских] вед[омостей]» ты увидишь, к какому результату привело наше просвещение, «в духе самодержавия, православия и народности», о котором столько было возгласов, особенно в Маяке»[129]. Наконец, нельзя на основе нескольких статей, отрывая их от остальной публицистики декабриста, его эпистолярного наследия, делать столь поспешные и категорические выводы.

В Тобольске Штейнгейль пользовался покровительством гражданского губернатора М. В. Ладыженского, знавшего его еще по Москве и пригласившего давать

---

[127] *Волк С. С.* Указ. соч. С. 25.
[128] *Мирзоев В. Г.* Указ. соч. С. 205.
[129] *Штейнгейль. Т. 1.* С. 261.

уроки своей дочери. В кругу его ближайших знакомых — «незабвенный для меня, умный старец Петр Андреевич Словцов», которого Штейнгейль мог знать по службе в Иркутске. Как раз в эти годы П. А. Словцов работал над своим фундаментальным трудом «Историческое обозрение Сибири» (т. 1 вышел в 1838 г., т. 2— уже после смерти автора, в 1844 г.). Штейнгейль был своим человеком в доме инспектора Тобольской гимназии, известного автора «Конька-Горбунка» П. И. Ершова и незаменимым крестным отцом детей поэта[130]. Дружеские отношения установились с купцом М. Я. Ядринцевым, отцом известного сибирского общественного деятеля. Эта дружба, по мнению Г. Н. Потанина, привила Н. М. Ядринцеву «Любовь к чтению и уменье ценить просвещение, <...> так что он мог барона Штейнгейля называть своим духовным дедом»[131].

Спокойная жизнь в Тобольске продолжалась для Штейнгейля недолго. Близость декабриста к губернатору, его участие в составлении некоторых бумаг, вышедших из губернской канцелярии, дали основание для гонений со стороны генерал-губернатора Западной Сибири П. Д. Горчакова. Штейнгейль был обвинен в непозволительном влиянии на должностное лицо и отослан в Тару, подальше от Московского тракта. Что же послужило причиной столь сурового наказания?

В 1842—1843 гг. на Урале и в отдельных уездах Западной Сибири происходили крестьянские выступления, явившиеся ответом на правительственные реформы П. Д. Киселева, которые усиливали бюрократическую опеку в государственной деревне. М. В. Ладыженский, пытаясь предотвратить распространение их на территорию Тобольской губернии, поручил Штейнгейлю составить «успокоительные» воззвания. Эти прокламации были размножены в губернской типографии для самого широкого распространения среди крестьян. Проанализировав воззвания Штейнгейля, Т. С. Мамсик обнаружила в них «не только прагматический призыв к тишине и спокойствию, но и важные элементы политической пропаганды, дающие крестьянству лозунги борьбы и на перспективу,

---

[130] *Утков В. Г.* Люди, судьбы, события. Новосибирск, 1970. С. 120.

[131] *Потанин Г. Н.* Воспоминания // Литературное наследие Сибири. Новосибирск, 1983. Т. 6. С. 113.

и для конкретного случая введения реформ»[132]. За видимой «слащавой формой» воззваний и частыми ссылками на бога скрывалось моральное оправдание крестьянского протеста.

Призывая крестьян к спокойствию, Штейнгейль отмечает, что волнение в соседних губерниях можно понять, там есть предлог для этого: «новое сельское управление, которое многие из крестьян не понимают, для чего оно введено». В сибирских же губерниях ничего этого нет: «Здесь все по-старому, и поселяне пользуются свободой, и не отдают никого во власть помещику» (тем самым как бы от имени губернатора он подтверждает опасения крестьян, что при проведении реформы они потеряют свободу). И далее в воззвании многозначительный призыв: «Подождите, чем там у челябинцев кончится»[133]. Штейнгейль считал крестьянские выступления нецелесообразной формой протеста, ведущей лишь к кровопролитию. В прокламациях проводится мысль о безнадежности такой борьбы: «Стоит сравнить только могущество и силу правительства и жалкую толпу отверженных богом крамольников, которые, кроме своей глупой и преступной дерзости, не имеют никакой опоры»[134]. Попутно автор разрушает монархические иллюзии крестьян, указывая: «Великий государь хотя и милосерден, да закон неумолим: а царь на то и от бога, чтобы блюсти законы»[135]. Вывод здесь также очевиден: нужно не надеяться на царскую милость, а бороться за справедливый закон. «Перед нами,— делает вывод Т. С. Мамсик,— последовательная (но чрезвычайно осторожная, вытекающая из известных нам обстоятельств конспирации) попытка пробудить крестьянина к политической мысли»[136].

Появление прокламаций сыграло свою роль в прекращении крестьянских волнений. Кроме того, они имели определенные политические последствия, сделав невозможным проведение реформы Киселева в крае[137].

---

[132] *Мамсик Т. С.* Указ. ст. С. 13.
[133] Наст. изд. С. 338.
[134] Там же. С. 336.
[135] Там же.
[136] *Мамсик Т. С.* Указ. ст. С. 12.
[137] *Мамсик Т. С.* Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX века. Новосибирск, 1987. С. 174.

Для нас важно отметить роль Штейнгейля в этих событиях, дальнейшую эволюцию его взглядов на участие народных масс в революционном движении: от полного неприятия самой этой мысли в 1825 г. до признания их морального права на протест. Этого убеждения он придерживался и позднее, в годы проведения крестьянской реформы. «Крестьяне, глупо понимающие дело и еще глупее рассуждающие,— писал он, оправдывая подъем крестьянского движения после введения положений 19 февраля 1861 г.,— все-таки менее виноваты, менее тех, которые, оставляя их в невежестве, оставляли их на произвол и грабительство «управляющих»[138].

Распоряжение о посылке в Тару Штейнгейль воспринял, как вопиющую несправедливость и произвол. Обычно сдержанный и уравновешенный, он не стал скрывать своих чувств. Человек, давший в свое время нравственный зарок делать добро и оставшийся верным ему всю жизнь, мог ли он уступить неправде под любыми ударами судьбы? «Если сановник унижается, забывая сан свой, до личного гонения невинного страдальца, страдалец имеет право, по крайней мере, кричать, что ему больно и от кого больно,— писал он в письме к Л. В. Дубельту[139]. Жалобы и прошения Штейнгейля — это не столько протест против несправедливости, сколько дерзкий вызов властям, своеобразная форма политической борьбы. Немногие из декабристов позволяли себе подобную смелость. Можно вспомнить М. С. Лунина, П. Ф. Дунцова-Выгодовского, А. Ф. Бригена, подвергшихся вторичной высылке.

Загнанный в такую глушь, как Тара, больной и одинокий старик по-прежнему вызывал страх у слуг самодержавия. Когда в 1845 г. Штейнгейль просил о переводе его в Тюмень, Горчаков резко возражал, опасаясь, что получит он «возможность свободного сообщения со всею Россиею — и обширное поле к козням, коими он в продолжение всей своей жизни отличался»[140].

В Таре Штейнгейль прожил восемь лет до 9 января 1852 г., когда ему, наконец, позволили вернуться в Тобольск. Несмотря на положение гонимого, материальные затруднения, он и в Таре пользовался всеобщим уваже-

---

138 *Штейнгейль. Т. 1.* С. 464:

139 Там же С. 246.

140 *ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., ед. хр. 61, ч. 70, л. 63.

нием, с ним искали знакомства и дружбы представители местного общества. «Это радует,— писал он М. Бестужеву,— догадаешься, разумею, с той стороны,— что личное достоинство начинает быть и в России, и в Сибири невольно уважаемо»[141].

Обширная переписка Штейнгейля свидетельствует о том, что он оставался внимательным и умным наблюдателем, проявляя большой интерес к положению в стране и за рубежом, откликаясь точными и на редкость прозорливыми характеристиками на важнейшие события современности. В эти годы его ясный и звучный голос, по словам Г. С. Батенькова, доходил до всей честной Сибири, радовал сердце и веселил ум[142]. Многочисленные знакомства, контакты с другими декабристами позволяли ему постоянно быть в курсе всех политических вопросов, участвовать в их обсуждении. Внимательно следил он за периодической печатью, новинками литературы. «Явление утешительное,— замечал он по поводу «Современника» и «Отечественных записок».— Виден пресс духа времени, разумеется, при рассматривании в луп»[143].

В 1850-х гг. внимание всей Сибири было приковано к событиям, которые происходили на Дальнем Востоке. Присоединение Амура, деятельность Г. И. Невельского и Н. Н. Муравьева-Амурского широко обсуждались в декабристских кругах. Штейнгейля волновали вопросы освоения восточной окраины, «скрывающей источник богатств и, может быть, новую судьбу всей Сибири»[144]. Интерес его к событиям на Дальнем Востоке вполне объясним. Еще в годы сибирской службы, побывав в Забайкалье, он вынашивал планы освоения Амура. В 1811 г. проект организации специальной экспедиции для исследования амурского бассейна был подан им Н. С. Мордвинову. Через сорок лет декабрист с удовлетворением записывал: «На восточном Тихом океане открывается сцена деятельности для России, с которой можно далеко идти. Меня радует пред отходом, что фантазия моей юности начинает сбываться»[145].

---

[141] *Штейнгейль. Т. 1.* С. 260.
[142] Летописи Гос. Лит. музея. М., 1938. Кн. 3. С. 30.
[143] *Штейнгейль. Т. 1.* С. 265.
[144] Там же. С. 300.
[145] Там же. С. 291.

В центре внимания декабристов постоянно находились вопросы, связанные с внутренним положением в стране, с перспективами будущего развития России. Штейнгейль с горечью отмечает, что нравственная обстановка в обществе не только не улучшается, а в условиях кризиса самодержавия и укоренения прагматического взгляда на окружающий мир становится еще более нетерпимой: «<...> Сердце сжимается от мысли, что с распространением познаний и умения убедительно говорить люди не делаются ни добрее, ни справедливее, ни бескорыстнее, ни лучше; <...> люди все так же себялюбивы, мстительны, лицемерны — и любить ближнего как самого себя, добро творить ненавидящим, благословить клянущих, молиться за творящих напасть, все так же остается небесною истиною одного Евангелия, недоступного сердцам человеческим»[146].

Этический в своей основе подход Штейнгейля к политическим проблемам не заслонял от него реального положения вещей в стране. Социально-политические идеи, сформировавшиеся в период подготовки восстания декабристов, оставались актуальными и в новых исторических условиях. В этой связи показательным выглядит возвращение Штейнгейля к нелегальной публицистической деятельности. Обращают на себя внимание тесные связи Штейнгейля с сибирским купечеством, да и не только сибирским. Какие-то «услуги пером» он оказывал столичным откупщикам Кузину и Воронину. На введение новой питейной системы в 1846 г. он откликнулся запиской «Некоторые замечания сибиряка Простакова на Положение о питейных сборах, с 1847 по 1851 год», которая нарасхват разошлась в списках во время торгов в Москве[147]. Возможно, были и другие записки и памфлеты Штейнгейля.

В Тобольске, пытаясь укрепить материальное положение, Штейнгейль принял предложение председателя губернского суда И. И. Шиллинга. Познакомившись ближе с положением дел в суде, он, в общем-то неплохо знавший несовершенства российской судебной системы, пришел в ужас. «Я не мог воображать,— делился он с И. И. Пущиным,— чтоб до такой пошлости допущено было судопроизводство вообще, и жалко и смешно было

[146] Там же. С. 268.
[147] Там же. С. 260. Текст записки обнаружить не удалось.

бы, если б от этого не страдали»[148]. Узнав вскоре, что правительством создан комитет для разработки устава гражданского судопроизводства, он собирался изложить свои мысли и предложения по этому вопросу.

Внимательно следя за общественной борьбой 1840—1850-х гг. в России, декабристы стремились осмыслить опыт своего движения, определить его историческую роль. «Записки о восстании» Штейнгейля, над которыми он работал в середине 1850-х гг.,— один из лучших образцов декабристской публицистики, стоящий в одном ряду с произведениями М. С. Лунина, М. А. Фонвизина, Н. М. Муравьева. Очень важны они и для определения его взглядов к концу сибирской ссылки. Записки представляют собой одно из наиболее полных и точных описаний хода восстания, следствия и суда над декабристами. Рукой его двигало убеждение в исторической важности движения декабристов, заслуживающего, «чтобы дойти до потомства в полном свете, при котором можно б было рассмотреть истину»[149]. Еще на следствии декабрист отмечал объективный характер движения, указывал на глубокие социально-экономические и политические причины, его породившие. Эту историческую неизбежность восстания он вновь обосновывает в записках: «<...> России нужны были жертвы этого рода, чтобы в глазах Европы перестать казаться варварскою и сколько-нибудь возвыситься во мнении своих обладателей, высказав, что она начинает всматриваться и понимать, чтó ее теснит». И далее, определяя роль и место движения декабристов в общественном развитии страны, он пишет: «<...> История убеждает нас, что из бедственных и кровавых событий вырождаются всегда благие последствия: новые силы, новая деятельность»[150].

С гордостью и уважением писал Штейнгейль о своих товарищах. Для него это «благороднейшие», «лучшие» люди, подлинные патриоты своей родины. Даже на краю гибели они думали не столько о себе, сколько о возможности донести до правительства необходимость преобразований в стране: «<...> Обреченные на жертву, по крайней мере, как умели, старались погибнуть с пользою для отечества. Отстрадая, они перемрут в утешительной

[148] Там же. С. 300.
[149] Там же. С. 144.
[150] Там же. С. 176.

надежде, что потомство отдаст им хотя эту справедливость»[151]. Несомненно, убежденность в правоте своего дела, его важности для последующих поколений была тем нравственным стержнем, той духовной опорой, которая помогла ему сохранить себя как личность, как революционера в тяжелейших условиях сибирского изгнания.

История декабристского движения занимала Штейнгейля и после возвращения из Сибири. Декабристам приходилось преодолевать сложившийся в обществе официальный взгляд на их дело, выступать против искажений и прямой фальсификации событий 1825 г.

«За исключением умолчаний,— писал Штейнгейль о книге М. А. Корфа «Восшествие на престол императора Николая I»,— все сущая истина — и истина неимоверно сознательная; конечно, не без увлечения сколько возможно унизить уничтоженных <...>»[152]. Стремясь восстановить историю декабристского движения, определить его историческое значение, Штейнгейль тем самым пытался сделать эти события достоянием широкой общественности, донести их до молодого поколения. «И вообрази! — писал он М. Бестужеву,— никто из нового поколения не знает всего этого, и вообще историю, особливо историю прагматическую, приведшую к нашей катастрофе. Официальное преподавание ограничивается Екатериною и припоминанием Павла I»[153]. Поэтому с такой заботой относится декабрист к рукописям своих товарищей, делая заметки на полях воспоминаний М. Бестужева, поправки к «Воспоминаниям о Рылееве» Е. П. Оболенского. Не оставлял он намерения вновь вернуться к теме декабризма. «<...> Хотелось бы написать кое-что о нашем 33-летнем странствии,— делился он своими планами с Е. И. Якушкиным,— мог бы я пояснить «темное» в 17-дневном междуцарствовании 1825 года, и пр., и пр. Но в сущем параличе — не по здоровью, по обстоятельствам»[154].

Глубоким стариком вернулся декабрист в Россию. Тридцатилетнее изгнание подорвало его здоровье, но не сломило дух революционера. «При 76 моих годах я еще не так дряхл, чтоб не мог заниматься делом»,— указы-

[151] Там же. С. 166—167.
[152] Там же. С. 399.
[153] Там же. С. 440.
[154] Там же. С. 446—447.

вал сам декабрист[155]. Переписка его последних лет жизни свидетельствует об активной жизненной позиции, неослабевающем интересе к переменам, происходящим в обществе, желании «остатки сил посвятить на пользу». Он по-прежнему полон различных планов и мыслей, с восторгом говорит «о поднятии крестьянского и откупного вопроса, о гласном судопроизводстве, возможной свободе печати, о народном воспитании и т. п., с нетерпением ждал осуществления тех надежд, которые занимали и не оставляли его в течение многих и многих лет страдальческой жизни»[156].

Болезненно переживая неудачи русских войск в Крымской войне, скорбя о многочисленных потерях, он видит причины поражения в самой самодержавно-крепостнической системе: «Настоящее положение — испытание. Оно будет истощительное — для нового укрепления сил. Порядок вещей покамест остается тот же; не не может быть, чтобы по устранении внешних опасностей не было обращено внимание на внутренние немощи. Грех будет перед богом и перед кровию, столь обильно и великодушно пролитою»[157].

Штейнгейль приветствует начавшееся в стране обсуждение крестьянского вопроса. Его радует, что довелось «дожить до осуществления мечты, нас погубившей». Причем он подчеркивает прямую зависимость крестьянской реформы от восстания декабристов, как «начало результата принесенной нами жертвы»[158]. В то же время декабрист не слишком обольщается, считает, что реформа будет неполной, ограниченной, поскольку едва ли можно будет удержать дворянство от «своекорыстных стремлений»[159]. В его оценке политики правительства сквозит разочарование: «Куда ни обернись, то же лицемерие, то же надувание, тот же обман, то же стремление, не имея никаких душевных достоинств, ходить на ходулях»[160].

Несмотря на преклонный возраст, он сохранял «весь пыл молодости», удивлял современников огромной эрудицией, памятью и светлым взглядом на самые животре-

---

[155] Там же. С. 437.
[156] Московские ведомости. 1862. 25 сент.
[157] *Штейнгейль. Т. 1.* С. 343.
[158] Там же. С. 469.
[159] Там же. С 419.
[160] Там же. С. 451.

пещущие вопросы общественной и государственной жизни[161]. Последние годы его заполнены творческой деятельностью. Он завершил Автобиографические записки, занимался переводами с английского и немецкого языков, опубликовал несколько статей и воспоминаний. Его публицистика этих лет не имела выхода на злободневные проблемы современности. Это скорее взгляд историка на события и деятелей его молодости, желание служить назидательным примером юному поколению. Его волновало, что многое из того, свидетелем или участником чего он был, почти не сохранилось в памяти современников, а если и осталось, то в неверном, искаженном виде. Желание восстановить истину, «сказать хоть слово в ограждение памяти «знаемых», когда есть что сказать», побуждало браться за перо. В статье «Замечания старого моряка» он отдает дань памяти другу юности адмиралу П. И. Рикорду, который сохранял дружеские чувства к декабристу и в годы изгнания, помогал его семье. Заметка «Несколько словечек на «Несколько слов моим сослуживцам» — отклик на некоторые статьи «Морского сборника». В статьях «Заметка старика» и «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана» автор обращается к истории освоения дальневосточного побережья в конце XVIII— начале XIX в., уделяя главное внимание образованию и первым шагам деятельности Российско-Американской компании. «Я всетаки думаю, что мой рассказ наведет кого-нибудь на эту преинтересную эпоху русско-сибирской жизни и заставит спасти ее от полного забвения»,— определял задачу своей статьи Штейнгейль[162] и с полным удовлетворением признавался, познакомившись с замечаниями на нее историка П. А. Тихменева: «Этим я достиг своей цели: подвинул факты к свету»[163].

Последней его работой стала статья «К биографии гр[афа] А. А. Аракчеева», написанная за год до смерти. В ней он дал завершенный портрет холодного, властолюбивого человека, не ведавшего ни дружбы, ни любви и озабоченного только собственной карьерой, и в то же время повторил свою давнюю мысль, впервые высказанную в письме Николаю I, что Аракчеев был лишь рев-

---

[161] Московские ведомости. 1862. 25 сент.
[162] Наст. изд. С. 283.
[163] Там же. С. 308.

ностным исполнителем воли монарха: «Все зло приписывали Аракчееву, а те, кто видели это зло вблизи, понимали иначе»[164].

С возвращением в Петербург Штейнгейль восстанавливает старые дружеские связи, обзаводится новыми. До конца своих дней он не перестает интересоваться сибирскими делами, радуется зарождению сибирской печати, помогает многим сибирским знакомым. Всегда привыкший полагаться только на себя и ни от кого не зависеть, он довольно неуютно чувствует себя в столице. Боязнь обременить сына, с которым так и не установилось духовной близости, заботы о детях второй, оставшейся в Сибири семьи лежали тяжелым грузом на сердце. Душа декабриста рвалась в родные с детства места. «Несмотря на мой 76-й уже год, я полетел бы к вам»,— признавался он в письме к М. Н. Бестужевой[165].

Стремление лучше узнать настроение общества, быть в гуще событий сближает Штейнгейля с известными деятелями общественного движения. Среди его новых друзей и единомышленников мы встречаем Е. И. Якушкина, М. И. Семевского, П. А. Ефремова, В. М. Жемчужникова, П. В. Анненкова, П. Л. Лаврова и других. Все это люди, тесно связанные с А. И. Герценом и русским освободительным движением. М. И. Семевского, например, он рекомендует Г. С. Батенькову как «одного из неутомимейших деятелей юного поколения»[166]. Дружеские отношения установились у него с видным революционером-демократом, одним из руководителей «Земли и воли» Н. А. Серно-Соловьевичем, которого он считал «отрадным молодым человеком», «внуком по духу». О глубоком интересе Штейнгейля к общественной борьбе в России говорит следующий эпизод. Когда в 1860 г. его посетил совсем молодой тогда Н. М. Ядринцев, он имел с ним длительную беседу по поводу обновления России и движения 60-х гг., одобрил его намерение посвятить жизнь делу преобразования Сибири[167].

Практическими шагами сближения Штейнгейля с разночинно-демократическим лагерем стало участие его в Вольной русской печати. Уже через месяц после вы-

---

[164] Там же. С. 312.
[165] *Штейнгейль. Т. 1.* С. 413.
[166] Там же. С. 465.
[167] Восточное обозрение. 1904. № 103. С. 3.

хода первого номера «Колокола» он спешит поделиться с И. И. Пущиным: «А дошел ли до Вас слух о «Колоколе», который звонит в Лондоне. Нападки из-за угла мне не нравятся, и крепко не нравятся. Хороши «вопросы»: правда ли то, правда ли другое?.. Они могут образумить, приостановить наглое зло, а этого уже много»[168]. А вскоре он сам становится корреспондентом А. И. Герцена. В 1859 г. в Лондоне вышла первая книга «Исторического сборника», в которой были напечатаны «Записки о Сибири» («Сибирские сатрапы») и письмо к Николаю I. Позднее в выпусках «Полярной звезды» увидели свет записки В. П. Колесникова со штейнгейлевским «Вместо вступления» и воспоминания М. А. Бестужева с примечаниями Штейнгейля. Эти материалы декабриста были отосланы за границу, безусловно, с согласия автора, стараниями Е. И. Якушкина и М. И. Семевского[169].

Новое разночинское окружение Штейнгейля хорошо понимало его роль и заслуги в революционном движении. Среди пришедших проводить декабриста в последний путь были М. И. Семевский, П. Л. Лавров, М. Д. Хмыров, Н. Х. Вессель и другие. Несмотря на протесты сына, они настояли на том, чтобы нести гроб на руках, а когда процессия поравнялась с местом, где были повешены декабристы, предприняли попытку отслужить литию[170].

Подводя итоги и мысленно оглядываясь на жизненный путь Штейнгейля, отметим, что он до конца сохранил верность тем принципам и идеалам, которые привели его к декабристам. Столь почитаемый декабристом мыслитель Эпиктет учил: «Взгляните на солнце! Оно всем светит и греет всех, не дожидаясь просьб, и радостно встречается всеми. Так и вы,— не ожидайте молений и похвал, а помогайте людям добровольно, и будете любимы, как солнце»[171]. Стремление служить людям,

---

168 *Штейнгейль. Т. 1.* С. 401.

169 Исторический сборник Вольной русской типографии А. И. Герцена и Н И. Огарева в Лондоне (факс. изд.). М., 1971. Кн. 3. С. 73. По мнению Н. В. Зейфман, посредниками между Штейнгейлем и Герценом были Е. И. Якушкин и А. Н. Афанасьев (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 47).

170 Материалы для биографии П. Л. Лаврова. Пг., 1921. Вып. 1. С. 85—86.

171 *Чертков В. Г.* Указ. соч. С. 13.

«делать добро» стало для декабриста нравственным ориентиром. В условиях крепостнической России с ее системой насилия и произвола такая позиция не могла не привести в ряды противников самодержавия, определила его революционное мировоззрение. Каторга и ссылка не погасили в нем дух свободы и неприятия существующих в стране порядков, с которыми он продолжает бороться доступными ему методами и в Сибири, стали важным этапом развития его идейных воззрений. Эволюция взглядов Штейнгейля шла в общем направлении передовой общественной мысли России от идеологии декабризма к революционному демократизму. Логическим завершением ее стала близость его к новому поколению борцов из демократического лагеря, в которых он видел продолжателей дела декабристов, своих «внуков по духу».

Настоящий том охватывает почти все выявленное к настоящему времени публицистическое наследие декабриста. Из-за большого объема в издание не включено «Статистическое описание Ишимского округа Тобольской губернии». По этой же причине его работы «Записки касательно похода Санкт-Петербургского ополчения <...>», «Опыт о времесчислении» представлены лишь авторскими предисловиями и введениями. Не вошли в том переводы Штейнгейля.

Сочинения Штейнгейля печатаются по хронологии их появления. Тексты приводятся по автографам или, если последние не обнаружены, по наиболее точным копиям. При отсутствии того и другого — по первым публикациям.

В приложении впервые публикуются обнаруженные после выхода в свет первого тома три ранних письма Штейнгейля, дополняющие эпистолярное наследие декабриста, статья «Байкал» из «Энциклопедического словаря» С. А. Селивановского, прокламации к крестьянам Тобольской губернии.

Тексты сочинений и писем печатаются по обычным правилам издания исторических источников: по современной орфографии и пунктуации, но с сохранением особенностей стиля автора. Сохранено также авторское написание фамилий и названий. В комментарии они даются в правильном написании. Подчеркнутые в подлин-

никах слова переданы курсивом. Перевод иноязычных выражений помещен под строкой, там же приводятся примечания Штейнгейля, везде оговоренные.

Текст записок «Нечто о наказаниях», «Рассуждение о законе на богохульников», «Краткое известие о жизни, характере и самой кончине <...> графа А. П. Тормасова», «Частное заведение для образования юношества <...>», «Дневник <...> путешествия из Читы в Петровский завод <...>», «Излияние сердца <...>, «Вместо вступления» к «Запискам несчастного <...>», «Заметки при прочтении «Воспоминания о К. Ф. Рылееве» и комментарий к ним подготовлены Н. В. Зейфман, остальные материалы тома — В. П. Шахеровым.

В заключение приношу глубокую благодарность работникам *ЦГАОР*, *ЦГИА*, *ЦГАВМФ*, *ИРЛИ*, *ГАИО*, *ГАКК*, отделов рукописей *ГБЛ* и *ГПБ*. Пользуюсь случаем выразить признательность С. Ф. Ковалю и С. В. Житомирской за постоянное внимание и помощь в работе.

В. П. Шахеров

ИЗ «ЗАПИСОК КАСАТЕЛЬНО ПОХОДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ ПРОТИВ ВРАГОВ ОТЕЧЕСТВА»

Предуведомление

Кому неизвестно минувшее бедствие нашего любезнейшего Отечества; кто истинный россиянин не участвовал сердцем, мыслию, имением, делом, советами, пожеланием, возношением к богу и, наконец, пожертвованием самою жизнью в избавлении оного! И я один из тех, кои при первом воззвании августейшего монарха нашего почли за долг немедленно встать в ряды защитников Отечества. Хотя состояние супруга и отца заставило меня после многотрудной десятилетней службы в отдаленных краях Сибири взять отставку и искать уже единственно мирной жизни[1]; но при настоящем бедствии Отечества я не мог забыть, что ему обязан моим воспитанием, моим образованием в Морском кадетском корпусе; не мог не восчувствовать своего долга; запечатлеть мою благодарность и преданность Отечеству моею жизнию.

Я вступил в Санкт-Петербургское ополчение[2]. Имел счастие быть в трех главных сражениях и остаться невредимым[3]. На границах Пруссии жестокая нервическая горячка, едва не повергнувшая меня во гроб, расстроила мое здоровье и лишила меня сил, нужных для перенесения воинских трудов. В сем-то положении, желая, по возможности, во всяком случае быть полезным, я восприял смелое намерение, обогатив собственные свои замечания и чувствования сведениями из актов, журналов и наблюдений других вероятия заслуживающих особ почерпнутыми, и, приведя их в порядок, составить и со временем издать в свет описание подвигов того корпуса, к коему имел честь принадлежать. Я тогда же занялся

исполнением сего намерения, хотя по выздоровлении моем я был употреблен паки на службу в Новгородском ополчении по случаю переформирования оного во время осады Данцига в качестве дежур-майора, что остановило труд мой почти в самом начале, но, несмотря на то, я не выпускал из мыслей моего предприятия. И теперь, когда нет уже брани, когда наш августейший монарх, яко благословенный посланник небес, водворил мир во вселенной, когда бранноносные земледельцы возвратились уже в дома свои, когда ополчение уничтожилось, я сугубо чувствую, что имя его и дела долженствуют пребыть незабвенными,— и потому приложил старание, окончив первую часть моего повествования, заключающую все действия до изгнания врагов за пределы Отечества, представить оное почтенным и благомыслящим моим соотечественникам в виде *наблюдательных записок*. Сей род повествования показался мне тем удобнее, что оным, свободно излагая свои мысли и чувствования, самое повествование о военных действиях для всякого мирного гражданина возможно сделать и занимательным и приятным. Впрочем, я весьма ободрен сильным убеждением в неоспоримой истине, что все, относящееся до необыкновенных и чудных в наше время событий, достойно сохранено быть в различных видах для наших потомков, которые с трудом будут верить тому, что мы въяве видели[4]. Не приятно ли, например, для сердца русского, когда, преносясь мыслями в неизмеримость будущности, слышим потомство, твердящее тысячекратно благословенное имя Александра, владычествующего днесь сердцами россиян[5]. Александра, чрез которого всевышнему угодно было явить свету тот поучительный пример, что хотя иногда и попускает десница его кровожадным, надменным злодеям, адом самим изрыгаемым на лице земли, иметь вид преуспевания над человеколюбивыми, кроткими, законными государями; но сии всегда еще остаются сильны, крепки, непреодолимы и, наконец, победительны — любовию своих подданных и благоспоспешествованием неба, на непорочность сердца их и на благость намерений призирающего. Так, конечно, восхитительно зреть мысленными очами, как внуки наши, внимая бытописанию нашего времени, сперва содрогаются, созерцая, сколь враг Александра был многочислен воинством, хитр, алчен, злобен и могущ; но, увидя потом, что он пал от меча дедов их и костьми своими

усеял обширные поля царства Александрова, в упоении сердец радостным восторгом восклицают: «Велик русский бог! Бессмертная слава Александру, отцу отцов наших! Честь и хвала верным сынам его!..» Одним словом, приятно жить в потомстве.

Впрочем, труд мой, конечно, будет слаб: я не сочинитель. Но всякий благородномыслящий читатель, уверен я, легко усмотрит мое истинное намерение при издании оного, которое все клонится единственно к пользе и славе нашего Отечества и к чести моих почтенных сослуживцев; и потому более будет взирать на содержание сих записок, нежели на образ повествования, и охотно простит мне слабость воинского пера моего.

Я должен еще присовокупить, что хотя некоторые любопытные статьи, касающиеся до происшествий 1812 года, напечатаны во многих других местах, но я не пропускал их, как скоро видел, что оне близкую или хотя далекую имеют связь с ополчением, о коем повествую. Надеюсь, что благосклонный читатель и сего не поставит мне в грех. И если, в чем и не сомневаюсь, заслужу одобрение благородных моих сограждан, не замедлю изданием и 2 части, долженствующей заключить в себе заграничные подвиги от дружин, особенно подробную осаду и самое покорение Данцига и возвращение ополчения в недра Отечества своего, им защищенного и ему признательного.

Вступление

Прежде, нежели предложу на суд читателей мои записки, да позволено мне будет вместе с ними заняться кратким изображением предшествовавших бедствию нашего Отечества обстоятельств и рассмотреть, откуда враг оного*[6] почерпнул дерзновенную мысль покорить оружием мощную Россию — и в кичении ума своего возмечтал даже, аки бы может обладать ею или, по крайней мере, унизив ее, в самом сердце ее предписать такой мир, какой тиранской его воле угоден. Приятно после бури при наступившей тишине беседовать об уг-

* Я не хотел именовать его. *Враг Отечества*, одно сие слово вмещает в себе все, что может только поселить негодование, отвращение, презрение, ненависть и самое мщение в душе всякого истинного россиянина. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

рожавшем кораблю нашему бедствии; еще приятнее, когда бедствие сие угрожало целому нашему Отечеству и уже минуло совершенно.

Наш век есть век великих, несбыточных и ужасных происшествий. Умом и склонностию одного токмо человека две части света обагрялись столь обильными источниками человеческой крови, каковыми никогда еще лицо земли не было омываемо. Мы видели на западе народ, в конце XVI столетия обращавший на себя внимание всего умного света своим просвещением, ловкостию, приветливостию, страннолриимством, который в наше время дошел до высочайшей степени безумия, дерзости и разврата: попрал религию, разрушил трон законных, добродетельных царей возмечтал о вольности — и, поправ ту, на развалинах ее воздвигнул трон чужеземному тирану[7], наложившему на все умы, сердца и руки своих новых *верноподданных* узы тяжкого рабства. Напротив того, обратив взор на восток, мы видим благословенное наше Отечество, которое в конце того же XVI века кичливые иностранцы признавали за варварскую, малоизвестную страну, вскоре Петром превознесенное, Екатериною препрославленное, и в настоящее время под управлением мудрого, благодетельного, обожаемого всеми монарха цветущее: в нем православие пребывает незыблемо, науки процветают, художества возвышаются, торговля народ обогащает, и поля возделываются спокойными ратаями. Какая противуположность![8] Могла ли она не возродить зависти в повелителе народа, потерявшего все чувства и достоинства, возвышающие человека? В повелителе, которого по неисповедимому попущению божию слепое счастие одним манием из Корсиканской хижины возвело на блистательный трон святого Людовика; народа, который с давних лет завистливым оком взирал на благосостояние чуждых стран и вкрадчивостью своею, разливая повсюду яд пристрастия к своим непостоянным обычаям, заранее радовался успехам оного, как истинному признаку близкого падения, того жалкого народа,, в коем сильнее начинал он действовать. Сия та самая зависть, сие самое расположение Деспота, недавних проповедников необузданной вольности причиною, что миролюбивый, кроткий Александр, принявший бразды правления Россами по сердцу Екатерины, против человеколюбивых чувствований своих вовлекаем был трикратно в войну кровопролитную[9]. Тут

сражались, с одной стороны, гордость, самонадеянность, коварство, злоба, ухищрение, алчность и вероломство; с другой же — религия, любовь к Отечеству, верность к монарху, человеколюбие, бескорыстие и справедливость. Се истинное ратоборство добродетели с пороком — неба с адом!

Два раза Александр, щадя кровь любезных ему подданных, заключал мир, как скоро обессиленный враг находился принужденным приступить к оному; и в последний раз в такое время, когда вся Россия по мановению перста его подъяла уже оружие. Происшествия 1812 года доказали всему свету ясно, что и тогда мог ожидать возлюбленный монарх от верноподданных своих, одеянных щитом веры и бронею правды и одушевленных пламенною любовию к нему и к драгоценному своему Отечеству. Но он не восхотел новых жертв крови: не приобретениями новыми, не преобладанием усиленным он на сей раз удовлетворился; но единственно спасением союзника своего, коему хищник престолов заранее уже изрек совершенное низложение. Мир Тильзитский был заключен: Пруссия во веки веков не должна забыть его и Александра, своего истинного благодетеля[10]. Монарх вместо ожидаемой ужасной народной брани возвестил сынам своим вожделенный мир; ущедрил десницею своею всех тех, кои с оружием в руках готовы были защищать Отечество, и, единым чувством правоты исполненный, обратил весь помысл свой на то, чтобы Отечество наше как можно долее наслаждалось мирным спокойствием и тишиною. Но в совершенную противуположность новый союзник России извращал только в сие время в хитром и беспокойном уме своем все возможные средства к ее погублению. Казалось, что никогда еще он столько не оправдывал, как в этот раз, мнения несчастного, но знатного самоубийцы*[11], который, взывая к нему, сказал: «Оливы в руках твоих суть пламенники в руках зажигателя; ты опаснейший друг, нежели неприятель». Выдуманная им в сие время *сис-*

* Адмирал Вильнев, который после проигранного им Трафальгарского сражения желал освободить Францию от тирана, но будучи остановлен и видя, что к тому никакого нет средства, прекратил жизнь свою выстрелом из пистолета, изобразив чувствования свои в достопамятном своем к нему письме, с коего копии разосланы им были к некоторым морским офицерам. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

тема твердой земли[12], коею час от часу сильнее кружил он вечно вертящиеся французские головы и для коей произвел он ужасные испанские смуты, вооружил сына против отца, сверг обоих, посадил брата на престол, возбудил весь народ к кровопролитию[13], захватил, наконец, всю северную страну Европы от Рейна до Вислы, подавил промышленность народов, стеснил совершенно торговлю и, наконец, напав на самые умы, поселил в сердцах страх и трепет. И все сии злодейства совершены им будто для того, чтобы низложить справедливую гордость всегда противуборствовавшей ему Англии, уничтожить ее монополию и принудить признать свободу морей; но в самом существе все сие не что иное было, как страшными, кровавыми событиями испещренная завеса, которая долженствовала, наконец, пасть и во мгновение ока представить изумленному, устрашенному и утомленному ранами свету самый гигантский и самый сумасброднейший предмет: покорение всего света![14] Восстановление всемирной монархии и Наполеона всеслужимым кумиром вселенной!.. кто ж еще на твердой земле, кроме величественной России, представлял преграду сему чудовищному замыслу? — конечно, никто. Одно имя ее заставляло кровожадного тирана скрежетать зубами. Он не мог более взирать на сию ненавистную ему соперницу, гордящуюся неложною славою и величием; он определил вконец низложить ее и устроил ей всякие тайные козни извне и внутри; напоследок, когда возмечтал, что все уже готово к явным, решительным действиям, он разорвал Тильзитский мир, и несмотря на все кроткие и миролюбивые меры, предоставляемые благосердным, великодушным Александром к отвращению нового кровопролития, ужасный честолюбец сей вринулся в границы наши, преднося ужас и опустошение.

Предприятие сие столь дерзко, столь безрассудно, столь неимоверно, что невольно на оном остановляемся и желаем проникнуть, какие виды, какие надежды обуяли главу и сердце ненавистного врага нашего до того, что он возмог в исполнении своего намерения ожидать успеха. Для сего нужно токмо обратить внимательный взор на самую Россию и видеть шествие ее нравов со времен Петра Великого. Тогда как сей бессмертный преобразователь России ознакомил подданных своих с иностранцами, немедленно врожденное свойство россиян — научаясь, превосходить учителей — оказалось во всей

своей силе. Россы познали превосходство просвещения иностранцев в науках и художествах над посредственностью своих познаний и поспешили всеми силами оправдать надежды Отца Отечества. Соседи немцы, соторговцы англичане и голландцы были нашими учителями в умственных и мореплавательных науках и художествах, а шведы в науке побеждать своих победителей. Перенимая науки и вообще полезное, неприметно стали перенимать мелочные обыкновения, бесполезные и, наконец, даже вредное. В царствование блаженной памяти императрицы Екатерины Великой, коей двор в величии, великолепии, вежливости и искусстве блистать наружностию не уступал двору так называемого Великого Людовика[15], вкрался неприметно от двора в знатные домы сперва во всем французский вкус, а потом и самое слепое подражание и, наконец, даже сильная страсть к языку французскому; и вообще ничто уже стало не зазорно, как скоро носило на себе сие *приятное* имя. Стали отправлять молодых людей путешествовать для окончания воспитания в Париже. Наружность привлекательна, пример вельмож соблазнителен: за знатными последовало и среднее дворянство. Ничто не было щажено, чтоб только любимый сын был воспитан в Париже, несмотря на то, что уже в сей столице вкуса сеялись семена вольнодумства и разврата, и пламя ужаснейшего и кровопролитнейшего мятежа готово было уже вспыхнуть. В российских столицах и даже в близких губернских городах так называемые *лучшие люди* не стали уже говорить иначе, как по-французски. В модных пансионах юноши и юные девицы учились быть россиянами и россиянками по-французски. В частных домах наставниками детей нередко уже являлись французские брадобреи, кучера и тому подобные бродяги; наставницами — прачки, а иногда и самые развратницы, за непотребство от самых непотребных изгнанные!!! Научая детей лепетать токмо по-французски, они твердили им о возлюбленном своем Париже, о сем истинном гнезде ужаснейшего разврата, как о некоем непостижимом земном рае, вмещающем в себя все утехи, кои токмо ум человеческий изобресть может. Издеваясь насчет русских обыкновенностей, глумясь бесстыдно над обрядами веры, над почтением и уважением, коим обязаны дети русских христиан своим родителям, они старались, так сказать, исторгнуть самый корень добродетели из сердец тех несча-

стных юношей, кои им попадались, а, наконец, высосав из детей благородную российскую кровь и из родительских карманов полновесные русские деньги, крестьянами в поте лица господину приносимые, сии истинные гарпии[16] отлетали в гнездо свое, где, утопая паки в непотребстве и притом в роскоши, в благодарность кормилицам своим сеяли самые злейшие плевелы насчет простосердечия русских. Еще не все. Вместо русского твердого постоянства в самой одежде, как и во нравах, явилась французская беспрестанно изменяющаяся *мода:* наехали так называемые французские *милостливые государыни* (Mesdames) с французскими тряпками, лоскутками, ленточками, духами и тому подобными драгоценностями и, поселясь в столицах, стали высасывать российское золото и серебро. Но это бы ничего: мы были бы только нищими карманом; им не того надобно — им надобно, чтоб мы обнищали и в самих нравах наших. Они стали предлагать в домах, ими занимаемых, укрывательство предосудительным действиям молодости, подавать средства питать непозволенные страсти, разрушая тем спокойствие и согласие многих семейств; ...но какое перо возможет описать все зло, сими пришельцами и пришлицами в недра Отечества нашего внесенное! Я не смею и помыслить о том, чтоб мог достаточно изобразить, например, вкравшееся от них вольнодумство, желание какого-то равенства, потерю уважения к самим чинам и заслугам, не только к летам, уму и душевным качествам, и прочие горькие плоды модного воспитания и образа мыслей: кто сего не видит, кто не чувствует? И какой еще после сего победы лучше желать врагу нашему?[17]

Предприимчивый, коварный властолюбец чрез соглядатаев своих и тайных лазутчиков мог совершенно знать о таковом порабощении россиян* всему французскому и, что весьма вероятно, с присовокуплением, быть может, уверения от сих подлых служителей тирана о уважении имени его между россами. Вот, кажется, истинные причины, отчего мечтательная голова горделивца упоилась сладостною мыслию обладать россами, сими храбрыми потомками славных, великодушных и гордых славян, или, предписав им свои законы, поколебать совершенно твердость их в исповедовании веры и верность к законному монарху. «Судьба России решена собственным своим роком; она увлечена к своему падению»,— сказал

он с видом, которого бы сам ад ужаснулся[18]. И вот уже без всякого объяснения, поправ священные права народов, с собранными им необычайными силами**[19] из всех

* Здесь надобно разуметь некоторых россиян в столицах, по коим иностранцы привыкли заключать обо всем народе. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

** Оные составляли следующие корпуса:

1. Маршала Даву из 80 000.
2. —»— Удинота 45 000.
3. —»— Нея 45 000.
4. Вице-короля Италианского Итальянской гвардии, из Италии войск 15 000, французских —20 000 и двух Далматских полков.
Всего — 35 000.
5. Короля Вестфальского Иеронима из Вестфальского и немецкого войск —30 000.
6. Князя Понятовского из поляков —60 000..
7. Генерала Ренье из саксонцев —30 000.
8. Маршала Магдональда из французов —15 000, пруссаков —35 000.
Рейнский союз —10 000.
Всего —60 000.
9. Маршала Виктора из французов —30 000.
Рейнского союза —15 000.
Всего — 45 000.

10. Под командою герцогов Монсея, Бесспера и Мортье старой французской гвардии —20 000,
новой гвардии —15 000 и прежней конной гвардии —5000.
Всего —40 000.
11. Маршала Ожеро из французов 15 000, датчан —10 000, неаполитанцев —12 000, швейцарцев —4000.
Всего —41 000.
12. Австрийских у князя Шварценберга —30 000.

В 12 корпусах было пехоты 561 000; у короля Неаполитанского Мюрата вся кавалерия с 10 000 легкой пехоты, из 3000 при парке легкой артиллерии из 160 орудий с 8000 зарядными ящиками и при них 4000 человек. Оба сии парка были под начальством артиллерии инспектора графа Эбле.

Понтонный баталион —900.
Два баталиона пионеров — 1800.
Команда минеров —300.
18 рот больничных сторожей —1800.
Баталион саперов и морских офицеров —900.
Три баталиона погонщиков — 2500.
Команда каменщиков для постройки печей —300.
Четыре баталиона пекарей — 3000.
У провианта около 2000 человек.

Всего находилось во французской армии со свитами императора, маршалов и генералов, короля Неаполитанского и вице-короля Италианского с лекарями, аптекарями, служителями и прислужниками —591 500 чел[овек]. При каждом корпусе французской армии был запасной парк из 16 орудий, а всего 176 орудий и 528 ящиков с амунициею; да, сверх того, каждая пехотная дивизия имела по 16 пушек; всего в линейных полках было 784 пушки, при которых 1568 ящиков с амунициею. Императорская гвардия имела 150 пушек.

Всего при всей армии орудий —1420.

Ящиков с зарядами и амунициею —3296.

Во всей армии находилось 49 дивизий, в которых полков находилось 98, не считая гвардии. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

народов, иго его в поте лица и стенании сердца носящих, подобно тмочисленной саранче, свет солнечный затмевающей, стремится он во внутренность спокойного Отечества нашего поглощать благословенные труды наших земледельцев. Последуем теперь за исполинскими его шагами, дабы вяще восчувствовать славу божию в ужаснейшем его низвержении. Наши силы недостаточны были к удержанию врага в самом первом его стремлении, тем паче что по причине предшествовавших обстоятельств и неизвестности, куда возымеет направление свое грозящий нашествием неприятель, четыре армии наши были разделены на пространстве всей западной границы*. Прежде отражения надлежало думать о счастливом соединении двух западных армий, которое не прежде последовало как у Смоленска. После того как беспримерное мужество и искусство генерала Раевского, двумя дивизиями разбившего при селении Дашковке пять неприятельских дивизий, спасло, можно сказать, вторую армию и подало ей средство избежать рук неприятельских[20], враг, видя главное и обыкновенное свое намерение, — разделив армии, разбить их порознь — оставшимся без успеха и будучи уверен, что адский корпус с наперсником его Удино[21], им отделенный против Петербурга, расторгнет все препятствия, тем с большим остервенением напал на Смоленск. Тщетно генерал Докторов, как второй Леонид, с горстию храбрых россиян боролся против бесчисленного множества бешенствующих врагов[22]. Должно было пасть или уступить силе: ему повелено последнее. Как истинный сын церкви, он вынес единственную драгоценность, чудотворную икону матери божией, и град Смоленск, обагренный кровью россиян и заваленный трупами врагов, наконец пал. Ужасное пламя, коему неистовые враги его предали, осветило, как казалось проницательным умам, скорое падение царствующего града. Надменный и ослепленный начальными успехами Наполеон

* Первая *Западная* армия под начальством генерала от инфантерии (что ныне фельдмаршал) Барклая де Толли стояла от Шавли до Гродненской губернии; 2-я *Западная* под командою генерала от инфантерии князя Багратиона находилась около Слонима; третья *Обсервационная*, предводительствуемая генералом от кавалерии Тормасовым, была расположена близ Луцка;, и, наконец, четвертая *Молдавская* после окончания войны с турками в Молдавии, будучи передана от генерала от инфантерии Голенищева-Кутузова, находилась под командою адмирала Чичагова. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

вопреки всех правил военного искусства, оставя в тылу своем две армии, быстро преследовал по дороге к Москве отступающие наши армии, готовящиеся мужественно принести себя в жертву для умилостивления разгневанных небес, лишь бы спасти тем возлюбленную Мать свою Россию. Монарх, по гласу коего вся обширная российская страна превратилась уже в воинский стан, внезапу избирает вождем армий своих мужа, испытанного во бранях, общую доверенность народа стяжавшего и на коего само небо в виде парящего орла ниспослало свое благословение*[23]. Сей бессмертный Ирой останавливает дерзновение врагов и заставляет Наполеона при Бородине испытать истинную крепость и силу российского оружия. То была первая главная битва по вторжении неприятеля, и в первый еще раз Наполеон величайшею потерею людей искупил себе у счастия намек, что оно, наконец, готово отказаться от безумца. В первый еще раз он сам признался, что он разбит[24], сказав притом каннибальцам своим, что бесчестие сие должно загладить завоевание Москвы. Столь ужасная битва, коей в летописях браней нет подобной, не могла быть без потери и с нашей стороны[25]. Мудрый всевождь русских сил, по краткой борьбе с любовию к славе Отечества своего, не колебался более пожертвовать первостольным градом — и доказать алчному тирану, что Россия не состоит в Москве, но в мужестве и верности сынов ее.

Внезапно пройдя чрез Москву, мудрейший наш Фабий удаляется на Калужскую и Тульскую дороги, прикрывая тем житницы России, а дорогу к северной столице предоставляет стеречь небольшому корпусу барона Винценгероде[26]. Хитрый и пронырливый корсиканец, потеряв совершенно из виду движения своего противника, и сие умышленное отступление приписуя своей победе, нарочно отверзтым путем, беспрепятственно въезжает в Москву; въезжает, и алчный, надменный взор его, вместо ожидаемых приветствий и радостных кликов уничиженных и раболепных жителей, сретает одни пустые стены, коих глубокое молчание ознаменовало то совершенное презрение, какое Москва и вся Россия к нему чувствовала. Наполеон утешился, осквернив своим присутствием священный Кремль и благоговейное жили-

* Известное происшествие при осмотре войск пред Бородинским сражением. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

ще благочестивых царей наших; к вящему удовлетворению адской злобы своей, он дал свершиться всем неистовствам, превосходящим все то, что доселе о варварских нашествиях было слышно: святые храмы божии были разграблены и разорены; святотатственные руки не пощадили и самых нетленных мощей святых угодников божиих; телеса усопших алчностию их были вырываемы из гробов и обдираемы; старцы и немощные немилосердно убиваемы; отроческая невинность девиц, самою природою огражденная, была поругана и терзаема; наконец, и самый первопрестольный град, краса России, предан всесожжению[27]. Уже сей новый Навуходоносор[28] мнил вступить в состязание с самим богом о праве обладать землею*; но тут, исполнившейся мере беззаконий, господь наказал его низвержением с самой ужаснейшей высоты, на которую когда-либо он мог помыслить возвыситься. Пока, злодействуя и обагряясь кровию в стенах московских, ожидал он ответа на сделанные им мирные предложения, на кои непоколебимый и столько же в бедствиях, сколь и в счастии великодушный монарх наш не удостоил дать ответа, отделенные войска его были повсюду разбиты; в Москве, томимые гладом, истребляемы были от неустрашимых жителей; отряжаемые же в окрестности для добычи пищи, вооруженными крестьянами различным образом предаваемы смерти —и, наконец, обессиленный, посрамленный враг вскоре познал единое спасение в бегстве. Удовлетворив в последний раз кипящей злобе своей взорванием кремлевских стен, он устремился вспять, аки голодный волк, не смея даже несытым оком своим озираться на предмет своей алчности. Встреченный наступившими мразами и гладом и пораженный вновь под Малым Ярославцем, Дорогобужем, Красным и Борисовым, он оставил большую часть гнусных полчищ своих в снед червям и вранам[29]. В 10 день октября, выгнанный из Москвы храбрым Винценгероде и Иловайским[30], 6-го декабря с полунагими и полумертвыми остатками огромной и недавно грозившей всему свету армии он был уже вне пределов нашего Отечества... Да повторяют настоящие и грядущие российские племена в упоении

---

* Уверяют, что по взятии Москвы выбита была медаль, на коей изображена была сия в отношении к богу предерзостная надпись: «Воля Твоя, но сила моя; небо Твое, но земля моя!!! (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

сердца истинною славою: «Кто против бога и России?»

Тако погиб путь нечестивых. Теперь Отечество наше избавлено и великодушные россы дали пристанище и пропитание тем несчастным рабам тирана, кои от вражьих полчищ его, приходивших разорять наше Отечество, в живых остались. Великодушный Александр воздал побежденным врагам истинным благом: тиран, устрашивший свет, им низложен, и уже один токмо ад вторит стоны его! Законный король возведен на трон Бурбонов; вожделенный мир дарован им вселенной — и весь род человеческий о Александре радуется, о нем богу благодарение приносит! Остановимся на сем,— ибо после всего сказанного выше нельзя уже не заметить руки праведного божия провидения. Для исправления нашего и познания истины оно восхотело явно наказать нас и — что может быть сего справедливее? — избрало орудием казни нашей предмет нашего прельщения и обаяния — французов. О! Да обратится бывшая страсть к сим всесветным развратителям и отныне в совершенное отвращение и презрение; да воскреснет отечественная гордость россиян; да будем мы, наконец, учить детей наших при просвещении разума науками, при изучении художеств познавать провидение божие, чтить свято установленную им нашу отечественную православную веру, быть преданным законному государю и любить всем сердцем Отечество, язык свой и все отечественное, паче чуждого — и какого чуждого!!!

Заключение

Так кончилась и увенчалась незабвенная служба Санкт-Петербургского ополчения государю и Отечеству. Пройдут годы и столетия — и служба сия останется всегда одним из лучших и яснейших свидетельств того, что в наш так называемый *просвещенный* век — когда нация, считающаяся просвещеннейшею, щеголяет ужасным безверием, развратом, буйством и беспрестанным вероломством и нарушением клятв, россияне умели постоянно сохранить драгоценнейший перл из сокровищ, оставшихся им от предков их: добродетель, *твердости* в вере христианской и в верности к престолу царскому!

Наконец, должен я сказать, что не из тщеславия, не из лести и пристрастия, не из выгод личных употребил я слабые способности мои для начертания сего повество-

вания; но единственно в той сильной уверенности, что всякий сын Отечества должен все телесные и умственные силы свои употребить для пользы и славы своих соотечественников, как современных, так и будущих. Хороший пример дедов, рассказанный кстати внукам, произвести нередко может чудеса. Если ныне сердца наши воспламеняются любовию к Отечеству при напоминовении деяний Минина, Гермонна, Пожарского, Палицына, почему не быть уверену, что дела современных героев, при подобном, недавно минувшем бедствии Отечества содеянные, не будут одушевлять потомство?[31]

Я не писатель, не дипломат, не тактик; я не был употреблен к делам начальников или близко к их особам, а потому не мог делать обширнейших и подробных замечаний на все обстоятельства; но из морских офицеров сделавшись воином ополчения,— описал токмо то, о чем с достоверностию мог знать, будучи во фронте. Заключения мои, как и всякого настоящего писателя, в иных случаях могут быть ошибочны; но я следовал образу моих мыслей и моим чувствам с свойственною русскому воину простотою. Благомыслящие, великодушные соотечественники охотно мне то простят; уверенность в том меня утешает и ободряет. А если встречу при том признательный и одобрительный взор почтенных и добрых моих сотоварищей и сослуживцев, то сие одно уже довольно наградит меня за труд мой и за усердие, которое я имел — передать дела их нашим внукам.

Est modus in rebus, sunt certi denique Fines!*

НЕЧТО О НАКАЗАНИЯХ

Quand l'atrocité des peines ne seroit pas réprouvée par les vertus compatissantes pour l'humanité, c'est assez qu'elle soit inutile, pour pouvoir être regardée comme injuste et pour qu'on doive la rejeter.

Instruction de S. M. I. Catherine II** § 150

Предмет наказаний есть троякий: возмездие за прес-

---

* Мера должна быть во всем, и всему, наконец, есть пределы! (*лат.*)

** Когда жестокость наказаний не порицается добродетелями, сочувствующими гуманности, то этого достаточно, чтобы она была бесполезна, рассматривалась как несправедливая и ее должно было отвергнуть.

Инструкция е. и. в. Екатерины II, § 150 (*фр.*).

тупление, воздержание примером других от впадения в подобное преступление и, наконец, исправление наказанного.

В первом случае требуется, чтоб возмездие было справедливое и преступлению или вреду, какой от того государству, обществу или частному лицу происходит, равносильное.

Во втором, чтоб преступления и наказания были известны и устрашали слабых не столько жестокостью, как тем презрением в обществе или отчуждением от оного, которое они за собою влекут, и, главное, отъятием надежды избегать наказания и презрения при содеянном преступлении.

Третий случай имеет место при малых преступлениях, в которое впадший гражданин может еще терпим быть в обществе,— и, следовательно, исправительное наказание должно быть такое, которое бы действовало более на душу, сердце и совесть, нежели на тело.

У нас в России после того времени, как смертная казнь отменена указами 1753 года апреля 29 и 1754 года сентября 27 дня, наказания можно разделить на шесть родов:

1-й. Лишение прав гражданских и политических.

2-й. Лишение свободы и чести.

3-й. Позорные наказания без лишения свободы.

4-й. Лишение свободы без позорных наказаний.

5-й. Денежные пени или лишение прав и преимуществ, приносящих какие-либо выгоды.

И 6-й. Церковные наказания.

В первых трех родах для преступников из низкого класса народа, т. е. кроме дворян, священнослужителей и купцов первых двух гильдий, огражденных особо пожалованными правами от телесного наказания, у нас употребляется кнут, с вырезанием ноздрей и постановлением на щеках знаков, и плети.

Прежде нежели приступим к рассмотрению сего рода наказаний, да позволено будет остановиться несколько на том, как наказываются дворяне, имеющие несчастие впадать в важные преступления. Они лишаются достоинства своего с правами, с ним сопряженными, и если служили в военной службе, то разжалываются в солдаты или ссылаются на поселение в Сибирь, судя по мере вины; невоенные же ссылаются обыкновенно в Сибирь на поселение или в каторжную работу в Нерчинск.

Кажется, без ошибки сказать можно, что правительство считает разжалование в солдаты легчайшим наказанием, нежели ссылку в Сибирь; но кто имел случай видеть последствия сих наказаний вблизи, тот всякий скажет, что первое гораздо жесточее последнего. Вот причина:

В первом случае, если офицер, разжалованный в солдаты, остается в том же полку, он бывает всегда беспрерывно унижен, посрамлен пред своими прежними товарищами и служит предметом упреков и насмешек от новых своих товарищей, если он прежде поступал с ними строго; подвержен может быть обидам и даже изнурению от прежнего своего подчиненного; новая одежда напоминает ему каждый раз его несчастие, а служба изнуряет равно телесные, как и душевные его силы. Если его берегут, то он всякую минуту чувствует, что он сущее бремя для начальника своего, в таком случае благодетеля, который за снисхождение к нему может легко и сам погибнуть. Сколько мне случалось видеть разжалованных в солдаты, я большею частью видел упадших духом до ничтожества — и всякой жалости достойных. Скажу еще один анекдот, от которого душа всякого благородномыслящего человека должна прийти в содрогание; я слышал его от одного самовидца в Сибири. В царствование блаженной памяти государя императора Павла I-го на Сибирской линии был генерал-майор М., о имени которого да позволено будет умолчать, ибо дело идет не о личности. Он был известен там жестокостью своего характера и ревностью к своей жене, которая была прекрасна. Подозревая одного молодого статного собою офицера своего полку в близких с нею связях, генерал М. нашел ничего, впрочем, не значащий случай по службе к нему привязаться, представил государю с увеличением его преступления, и молодой человек разжалован был в солдаты. Тотчас как злобный шеф его получил указ о том, призывает его пред себя, лишает шпаги и мундира и, как уже рядового, выведя пред квартиру, кричит: воз палок... Несчастный в лазарете лишился жизни!..

Напротив, человек, сосланный на поселение, если он хотя сколько-нибудь принадлежал к порядочному обществу, совершенно обеспечен со стороны ежечасных страданий и изнурений. По совершении казни падет у него дух от мысли, которая родится от представления отда-

ленной ссылки; но по мере вступления его в пределы Сибири он встретит везде сострадание и помощь; по приезде же на место в Тобольск или Иркутск, если — еще повторю — чуть репрезентация его обещает порядочного человека, ему дают свободу, принимают в лучшие домы и обходятся с ним, как с человеком одного состояния, и — чему я сам неоднократно был свидетель — обращаются столь деликатно, что в присутствии сосланного остерегаются употребить слово *несчастный*, каким именем их вообще в Сибири называют — и, подлинно, несчастный, являясь всюду во фраке, мало-помалу начинает забывать свое несчастие или, по крайней мере, имеет, чем услаждать оное. Сверх того, видя с собою лица совершенно новые, он не читает на них упреков или насмешек, но, приобретая сострадание, получает и надежду, выиграв хорошим поведением покровительство начальства, получить наконец свободу и прежнее достоинство. Самым из низкого класса ссыльным, по указу 1799 года октября 17, дается 10-летний срок, по прошествии коего добрым поведением и старанием к хлебопашеству делаются они государственными поселянами, из которых могут уже выходить в мещане и далее.

Можно с достоверностью сказать, что легкая ссылка в Сибирь может быть наказанием исправительным,— длинное путешествие, перемена предметов и лиц и самое неожиданное, вместо мучений, сострадание и помощь довольно сильны, чтоб исправить нравственность преступника. Меншиков в ссылке сделался истинно велик[1].

Я видел в Камчатке Ивашкина, 90-летнего старца, крестника Петра Великого, наказанного кнутом с вырезанием ноздрей при вступлении на престол императрицы Елисаветы Петровны. Он спокойно кончил дни свои меж добрых камчадал — и будет известен потомству своими несчастиями, ибо знаменитые мореплаватели Кук — или справедливее — Леклерк, Лаперуз и наш Крузенштерн о нем в сочинениях своих упоминают[2].

Я видел бывшего князя Горчакова прежде ревельским военным губернатором и потом посельщиком[3]; с ним обходились как нельзя лучше, в то время как он начинал вести себя порядочно. Он имел под конец значительную собственность и жил даже весело.

Я видел Шубина, известного гвардии офицера, который, жив близ Иркутска совершенно швейцарским поселянином, заставлял себя почитать в своем несчастии —

и теперь можно поручиться, что он будет истинный человек[4]. Я видел, наконец, многих *несчастных* и уверен, что они были бы несчастнее, если б были разжалованы в солдаты.

Теперь я обращаюсь к телесным наказаниям. Кнут, которого одно название дает иностранцам идею варварства и жестокости бесчеловечной, в самом деле составляет наказание ужасное и человечеству противное, которое по существу своему не удовлетворяет ни одному из трех предметов наказания: сия казнь не может всегда назваться равносильною преступлению. Корыстолюбие и тут действует: за тяжкое преступление подкупленный палач дает едва чувствительных 50 и 70 ударов, как, напротив, за меньшее преступление от 10 нанесенных *несмягченным* палачом ударов случается, что человек умирает. К этому прибавить надежду преступников, душегубцев и разбойников всегда откупиться от боли, то увидите, что казнь сия не может назваться предохранительною от преступлений, а еще того менее исправительною. В бытность мою в Нерчинских рудниках я слышал за пример человеческого ожесточения, что был там один преступник по прозванию *Щастливцев,* который 19 раз сечен был кнутом и не унялся от побегов, разбоя и убийства, пока не лишился жизни.

О наказании плетьми можно то же сказать, что оно далеко не удовлетворяет цели. Наказанный оными определяется в военную службу в солдаты, а иногда отпускается в общество, в котором не всякий еще наверное знает: наказан ли он действительно или нет; а при том как время заглаждает в памяти прошедшее, то нередко бывает, что подобные люди, иногда разбогатев мошенничествами, иногда пробравшись пронырствами вверх, играют еще в своем кругу роль значащих людей. Поближе посмотреть, то можно найти тому примеры.

Но наш бессмертный великий законодатель вот что изрек в 35 главе Генерального Регламента:

«Когда кто ошельмован или в публичном наказании был, оный к службе его императорского величества допущен да не имеет быть, ниже сообщения какого с ним кому иметь по изображению, как следует:

1-е. Ни в какое дело, ниже свидетельство не принимать.

2-е. Кто такого ограбит, побьет или ранит или что у него отымет, у оного челобитья не принимать и суда

ему не давать, разве до смерти кто его убьет, то яко убийца судиться будет.

3-е. В компании не допускать и их не посещать, и, единым словом таковой весьма лишен общества добрых людей, а кто сие преступит, сам имеет наказан быть лишением чина и галерною работою на время».

«Толкование»

Никакое воздаяние так людей не приводит к добру, как любление чести; равным же образом никакая так казнь не страшит, как лишение оной. Того ради всякого не точию шельмованного, но и того, который на публичном месте наказан или обнажен был, отчуждаться и яко бы мерзить им надлежит, а не точию к делу какому допустить или компанию с ним иметь под штрафом и пр.

Так вещала истина устами бессмертного Петра; но то ли видим в исполнении? — Отчего же? Оттого, что время ослабило законы, которые, впрочем — несмотря на то, что сам закон претит неведением его отзываться — никто не читает, кроме одних ничтожных подьячих, сделавших для себя приспособлением законов порядочную куплю; оттого еще, что за наказанными публично никто не наблюдает, имя, преступление и наказание их для остережения общества повсюду не обвещается и на видных местах в городах прибитым не остается.

Например, известному Передовщикову[5], о коем 1798 года октября 22 дня объявлен был высочайший указ Сенату, чтоб его, как человека сужденного и сосланного в Сибирь на поселение, к торгам не допускать, спустя несколько лет дан чин коммерции советника и он допущен к содержанию винных откупов в большей части империи — как могло бы это случиться, если б был человек, обязанный наблюдать за наказанными преступниками — и имел бы непременный долг сказать своему монарху: Государь! удержись изливать высочайшую милость твою на человека обесчещенного.

Здесь, в Москве, дано было повеление прокурору привести в известность, нет ли людей, занимающихся стряпчеством и ябедою, таких, которые с сей стороны уже правительством замечены, и им запрещено иметь хождение по делам. Оказалось, что в числе многих таких находились 10 или 8 человек, выгнанные за ябеду из губернского города Вятки — как могло бы случиться, повторяю, чтоб люди, которые по определению прави-

тельства не должны были терпимы быть в губернском городе, могли появиться в столице и, свободно проживая в ней, заниматься своим мастерством ко вреду ближнего и к отягощению правительства, если б повсюду знали и поневоле, так сказать, имели бы в виду, что они люди вредные и нетерпимые. Сама полиция в С.-П[етер]бурге и здесь едва ли имеет алфавит о тех, кои в столицах публично наказаны, не только о тех, кои в других местах наказываются. Иногда губернские правления взаимно сообщают друг другу, что такого-то по суду не велено определять к должностям. По выслушании сообщения положится резолюция: *принять к сведению и дать знать присутственным местам;* бумаги присовокупятся к делу, и чрез два, три года придет ли кому в голову справиться, просящийся в службу чиновник не тот ли, о коем состоялся тогда-то указ. Вышепомянутый о Передовщикове указ напечатан на 103 стр. V части памятника из законов, но многие ли в публике читают сей памятник.

Итак, из сего вообще заключить следует, что до тех пор, пока наказание не будет последуемо всеобщим презрением заслужившего оное, до тех пор, как бы они жестоки ни были, не будут соответствовать настоящей своей цели. Возьмите, например, столь гибельные для многих семейств и для самого, может быть, государства дуэли. За них положена смерть, но пока публика и товарищи будут смотреть с презрением на того, который уклонится от горестной необходимости прострелить своему ближнему голову за отдавленную невзначай ногу или за неосторожно сказанное слово, до тех пор закон не будет силен; сблизьте, сколько возможно, общее мнение с действием закона, и вы будете иметь самый сильный закон — и, что того более, предохраните многих от впадения под действия того закона.

Но время обратиться к своему предмету. После всего вышесказанного можно решительно заключить, что употребляемые у нас телесные наказания: кнут и плети, не соответствуя ни цели наказания, ни настоящей степени просвещения европейских народов, в числе коих россияне славою своих доблестей занимают первое место,— должны быть непременно отменены; но как и чем? Об этом приемлю теперь смелость изложить мое суждение.

Первый священный закон для человека, живущего в обществе, есть: не желай того другому, чего себе не же-

лаешь,— и, следовательно, обратно, если что пожелал или сделал ближнему твоему, то не ропщи, если будет и тебе то же сделано. Из сего следует: пожелал и причинил смерть ближнему, исторгнул гражданина из общества, лишил семейства члена — умри сам, извергнись общества, изыди навеки из среды семейства своего. Отъял ли что чуждое: возврати свое; сделал при том насильство, нарушил спокойствие общества или частного человека: удались туда, где не будешь уже вреден, и употреби силы свои для работы в пользу общества.

На сем основании следовало бы, уничтожив кнут, заменить оный смертною казнью.

Комиссия законов в новоизданном проекте Уголовного уложения сама ощутила в том надобность и допустила отсечение головы и виселицу; но сим казням подвергнула, однако же, токмо за богохульство, измену и бунт, а не за смертоубийство. Конечно, потому, что первые преступления весьма редки, а последнее случается часто — и, следовательно, смертная казнь будет только в мыслях народных, а не пред глазами. Итак, постигая из сего мысль благотворного и человеколюбивого монарха, желающего удалять от народа кровавые зрелища, которые, не уменьшая преступлений, ожесточают лишь нравы, и оставя смертную казнь при сих редких преступлениях, средство к отмене кнута и плетей представляется в следующем:

1-е. В вечном, по претерпении позора и примерной казни, заточении — или вечной ссылке в каторжную работу или на поселение, судя по мере вины;

и 2-е. В сечении розгами у бесчестного столба.

При сем необходимо нужны, кажется, следующие учреждения:

I. Ныне всякое уголовное дело не идет далее начальника губернии, как скоро он согласен с решением палаты, и если подсудимый из простого класса народа, хотя бы подлежал он по законам к лишению жизни или жестокому наказанию, заменяющему смертную казнь, — и подсудимому, на основании указа 1784 года июня 17 дня, воспрещена апелляция; «ибо,— сказано в том указе,— по таковому течению чрез многие инстанции дел уголовных, подсудимый довольно имеет для невинности своей и для отвращения могущей воспоследовать несправедливости охранения».

Напротив того, в интересной тяжбе можно апеллировать и на самый правительствующий Сенат. Скажут в подтверждение сего установления, что гражданские дела запутаннее уголовных и что сии последние требуют скорейшего окончания, до чего нельзя бы было достичь, допустите апелляцию. Справедливо, но ежели посмотрим попристальнее, как отправляется наше уголовное судопроизводство, то увидим, что судьба подсудимого зависит весьма часто от одного секретаря, менее или более порочного, который напишет приговор, если дело несколько запутанное, на трех или более дестях бумаги, с троекратным повторением одного и того же, без точек, без запятых, без смыслу даже,— которого не только понять, ниже прочитать не достанет никакого ангельского терпения. Из дела с таким приговором сделают наскоро записку для начальника губернии, по которой он судит о деле и соглашается с решением.

Правда, всякое дело рассматривается прокурором или стряпчим, которые или протестуют против решения, или изъявляют свое на оное согласие надписанием под приговором: *читал;* но мне случалось на опыте видеть, что были самые беззаконно решенные дела с сим *штемпелем* соглядатая правосудия, кои были представлены Правительствующему Сенату,— и сим верховным судилищем решения признаны беззаконными же; но при всем том у прокурора никто и не помыслил спросить: что же он читал? Мне случалось иногда объясняться самому с прокурором, и всегда получал один ответ: «Кабы вы знали, какая пропасть дела. Истинно нет возможности усмотреть». А оттого, что нет возможности усмотреть тому, кто должен все видеть, нередко невинность страждет, а преступление, искупленное у строгости закона преступлением же, освобождается от заслуженного наказания. И потому, в охранение прав человечества и невинности, необходимо следует учредить лучшее рассмотрение дел при конфирмации приговоров.

Россия столь обширна, что посылать приговоры о подлежащих казни преступниках на конфирмацию монарха нет возможности, и потому лучшим средством в таком случае может быть почтено, чтоб подобные уголовные дела с приговорами и порядочными записками, будучи представлены генерал-губернатору или начальнику губернии, были рассматриваемы в комитете, сос-

тавленном из генерал-губернатора, где он есть, губернатора, вице-губернатора, не худо бы старшей духовной особы и прокурора, и утверждение приговора следовало бы по общему всех одобрению. Нельзя предполагать, чтоб из толикого числа первых особ в губернии не нашелся один, который бы в сомнительном случае поговорил в пользу невинности. Можно дать власть одному остановить действие приговора и тому подобное.

II. Не худо, если у министра полиции будет особое отделение для собирания ежемесячных сведений о наказанных публично во всей империи, равно как и о тех, кои не должны быть допускаемы к должностям. Сверх того, что министр будет знать о преступниках и не допустит, чтоб кто-либо из них пронырством взошел в право честных людей, правительство может всегда точнее видеть, умножаются или уменьшаются преступления и как действует закон,— и, сверх того, не худо, чтоб имена наказываемых публично было выставляемы для всенародного зрения на сборных местах и в преддверии присутственных мест, их осудивших.

III. Ныне наказывают на конных площадях, но совсем не видно места, определенного для казни. Когда казнь не совершается, едут и идут мимо, не обращая внимания. Но надобно действовать всегда на умы и сердца,— надобно, чтобы прохожий отвращал с ужасом свой взор от места, определенного для карания злодеев. Итак, надобно в каждом городе учредить особое возвышенное или лобное место с виселицею или с *бесчестным столбом,* которому не было бы другого имени, кроме сего, которое можно означить на нем и самою надписью.

IV. Надобно, чтоб казнь над преступником, достойным смерти, совершалась с приличною церемониею. Ныне отведут просто на площадь преступника и в присутствии квартального надзирателя и небольшой толпы черни отсчитают удары, и дело кончено: никто почти не знает, кого, за что. И как само начальство сим, как незначащею вещью, не занимается, то и в народе не большее производит нынешняя казнь влияние. И потому необходимо, чтоб в городе за день до казни от полиции была повестка, что будет таким-то убийцам, разбойникам и пр. казнь; чтоб в назначенный день в препровождении воинской команды и с барабанным боем преступник веден был на место казни в особенном одеянии, в

предшествии палача с орудием казни; чтоб по возведении на лобное место сентенция от императорского имени была громко прочтена с подобающею от команды к правосудию высочайших законов честью. Весьма прилично тут быть служителю веры в облачении, приличном смертному случаю, и делать на месте внушение о важности преступления, о том, что преступник для общества уже умирает — и что единая благость монарха, не желая пролития крови, сохраняет ему жизнь; но что он должен в заключении, к которому осуждается вместо настоящей смерти, все мысли свои устремить на принесение покаяния богу и на умилостивление его благости, да избавит муки вечные и пр. После сего оставить преступника обнаженным до пояса и привязанным к столбу на час времени с выставлением над головою его надписи, означающей имя его и преступление, приказать ему прощаться с народом, которого он уже более не увидит; а потом, исполнив казнь примерно и поставя на щеках, если следует, клейма, снять со столба и отвезти на особой телеге под смертным покрывалом туда, откуда следует отправить в вечное заточение или на каторгу. Тогда смело можно сказать, хотя наказание не будет существенно столь страшно, как сечение кнутом, но оно будет действительнее; ибо как оно будет состоять не в боли телесной, а в заключении, стыде и позоре, от коих никаким подкупом избавиться, или сделать наказание легчайшим невозможно, то и надежда на сие исчезнет — и наказание, быв непременно и соразмерно преступлению, устрашит другого и скорее исправит наказуемого, следовательно, удовлетворит прямо своей цели.

V. Вместо плетей приемля наказание розгами, нужно хотя с меньшею церемониею, но непременно держать обнаженных у столба с краткою над головою надписью об имени и преступлении и потом наказать; но уже таких у бесчестного столба наказанных в столицах не терпеть, а в гражданском отношении поступать непременно, как в вышеприведенном артикуле Генерального Регламента сказано. За сим строго наблюдать и для того имена таковых публиковать и выставлять, как выше упомянуто, на всех местах, где народ бывает.

И VI. Употребление розог можно оставить и полиции на основании секретного указа 1765 года — тем более, что разврат и своевольство между классом народа,

в услугах и работе находящимся, приметно умножаются.

Барон Штейнгейль*.

ИЗ «ОПЫТА ПОЛНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НАЧАЛ И ПРАВИЛ ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО И МЕСЯЦЕСЛОВНОГО СЧИСЛЕНИЯ СТАРОГО И НОВОГО СТИЛЯ»

Предисловие

Успехи просвещения в любезном Отечестве нашем своею быстротою изумляют иностранцев современников. Любовь к наукам весьма приметно распространяется; охота к чтению усиливается; влечение к приобретению познаний делается всеобщею страстию. При всем том много еще есть достойных предметов, о которых читатели наши не находят на отечественном языке полных, удовлетворительных сочинений. К числу таковых отнести можно и времесчисление. Итак, не должно удивляться, что при всеобщем потреблении месяцесловов или календарей весьма немногие имеют основательное познание о началах и правилах месяцесловного счисления. Между тем беспрерывное сношение россиян с иностранцами более и более ознакомливает нашу публику с их времесчислением. В дипломатической, равно как и в коммерческой переписке со всеми европейскими народами по необходимости употребляется стиль новый, разнящийся с нашим старым двенадцатью днями[1]. Известно, что сия разность произошла от сделанного во времесчислении юлианском исправления, но по какому поводу последовало сие исправление, в чем существенно состоит оно и для чего оно нужно: это также не очень многим сведомо. Сие обстоятельство само собою убеждает в том, что сочинение, в котором бы изложено было полное обозрение или исследование начал и правил хронологического и месяцесловного счисления, старого и нового стиля, не может быть отринуто любящею науки и просвещение публикою. Уверенность в этом поощрила меня

---

* Помета на полях: «Барон Владимир Иванович Штейнгейль, правитель канцелярии Московского главнокомандующего графа Тормасова в конце 1817, в 1819 вышел в отставку».

ОПЫТЪ

О ВРЕМЕСЧИСЛЕНИИ

Б. В. Штейнгейля

въ С. Петербургѣ

1819.

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ В. И. ШТЕЙНГЕЙЛЯ
«ОПЫТ О ВРЕМЕСЧИСЛЕНИИ»

сделать первый, следовательно, слабый еще, опыт таковому сочинению. Ничтожный, впрочем, случай был поводом к оному: в издаваемой в Санкт-Петербурге газете под названием Беспристрастный Наблюдатель (Conservateur impartial), 1817 года в 100 №, было напечатано, что в последующем 1818 году праздник Пасхи будет праздноваться марта 22*, разумеется у католиков и реформаторов, по новому стилю, и, следовательно, долженствовал быть у них самый ранний. Напротив, у нас, греко-католиков, Св. Пасха в минувшем году празднуема была апреля 14, или апреля 26-го числа по новому стилю; стало быть, может назваться позднею. Сия видимая и столь ощутительная разность определения пасхального времени побудила меня первоначально заняться взаимным сличением старого и нового стиля во всех возможных отношениях; а потом уже осмелился я приступить и к самому сему сочинению с помощью некоторых необходимо для сего нужных познаний в астрономии. Ими я обязан воспитанию моему в Морском кадетском корпусе — и в сем отношении мне следовало мыслить, что сочинение мое есть должная, хотя весьма слабая, дань благодарности своему Отечеству.

Доселе желающие приобрести о месяцесловном счислении основательное сведение, могли пользоваться, во-первых, некоторыми частными сочинениями духовных особ, более относящимися к одним пасхальным правилам, и, во-вторых, краткими отдельными статьями, помещенными в каком-либо большом классическом сочинении или в периодическом издании, временно в публике появившемся.

К сочинениям первого рода относятся:

1) «Рука Богословля, или Наука о Пасхалии», со-

---

* Вот подлинные слова наблюдателя: «La fête de Pâques en 1818 sera celebré le 22 Mars: Il est très rare de la voir arriver aussitot. Depuis la reforme du Calendrier par Gregoire XIII en 1552— Вероятно, опечатка: реформа сделана в 1582 году— jusqu'à ce moment, on ne compte, que trois anneés, qui ont en Pâques d'aussi bonne heure; ce sont les anneés 1598, 1693 et 1761, et depuis 1818 jusqu'à l'an 2000, on ne l'aura pas une seule aussitot, ets.». (Праздник Пасхи 1818 года будет праздноваться 22 марта: очень редко ее приближение бывает так рано. Начиная с реформы календаря папы Григория XIII в 1552 г. <...> до этого момента считают только три года, когда Пасха была так рано; это годы 1598, 1693 и 1761, и с 1818 до 2000 года она будет так же рано лишь один раз и т. д.). (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

чин. священника Василья Петрова, 1787[2], содержащее механический, весьма многосложный и немалотрудный способ все пасхальные выкладки производить по пальцам руки и по составам оных, весьма, впрочем, остроумно и замысловато придуманный для тех, кои не знают арифметических правил.

2) «Правило Пасхального Круга, или Краткое наставление, как разуметь и употреблять Церковную нашу Пасхалию и пр.», соч. Мефодия, архиепископа Тверского и Кашинского, 1805[3].

Ко второму роду принадлежат:

1) «О продолжительности года и о различии между Юлианским и Григорианским счислением», глава IX во второй части — и «О месяцесловном и хронологическом счислении», глава XXIV в третьей части «Теории и практики кораблевождения», Соч. капитан-командора Платона Яковлевича Гамалеи, 1808 года[4].

2) «Русский месяцеслов», статья, помещенная в Санкт-Петербургском карманном месяцеслове на лето от Рождества Христова 1815, на стр. 101 и до 133.

К сим присовокупить еще можно так называемый «Астрономический Телескоп», известное сочинение по частому перепечатыванию некоторыми гг. книгопродавцами с мнимыми прибавлениями и поправками, охотно, впрочем, раскупаемое публикою[5]. В нем тоже есть некоторое объяснение пасхальных правил и времеисчисления; но оно почти неприметно между астрологическими прорицаниями, составляющими главнейший предмет книги сей. Пресловутый Календарь Брюса, замечания Тихо Браге о черных днях и предсказания Мартина Задека, в ней соединенные, перемешанные и переиначенные, составляют почти все ее достоинство[6]. Но оно довольно сильно, чтобы привлекать к ней тех любителей чтения, кои, не довольствуясь ни прошедшим, ни настоящим, увлекаются желанием проницать в будущее.

Относительно упомянутых глав из классического, единственного на нашем языке в сем роде творения покойного Платона Яковлевича Гамалеи* нужно ли объ-

---

* Достойнейший муж сей, быв несколько лет капитаном, а потом инспектором над классами Морского корпуса, неусыпными трудами своими в образовании воспитанников оного и своими сочинениями, назначенными для руководства морским офицерам, оказал флоту и в особенности Морскому корпусу незабвенные услуги. Рвение его в своих благонамеренных подвигах было

яснять, что оные остаются для публики вообще неизвестными и, следовательно, бесполезными. Полное сочинение, содержащее высокую науку кораблевождения, предназначенное единственно для морских офицеров, не может быть покупаемо для чтения не занимающимися навигациею и астрономиею.

То же сказать должно и о вышеозначенной статье, помещенной в карманном месяцеслове. Она, будучи напечатана в периодическом издании на 1815 год, не может также приносить публике желаемой пользы; ибо кто в том году сего издания не купил, тот уже, вероятно, иметь его, следовательно, и читать не будет. Впрочем, надобно отдать справедливость почтенному сочинителю сей статьи, что кроме краткости, предписанной пределами самого периодического издания, вероятно не дозволявшей сделать полного объяснения на каждое правило месяцесловного счисления в особенности, собственно Пасхалия объяснена наилучшим образом. Замечу одно только, что не знаю почему на 107 стр. почтенный сочинитель утверждает, будто российская церковь начинает год не с 1-го сентября, а с 1-го марта. Платон Яковлевич Гамалей с бо́льшею справедливостью о сем написал, сказав, что для разных церковных счислений начало солнечного астрономического года с 1-го числа Марта полагается, как прежде и гражданский год начинался. (Часть III, стр. 227.)

По сим недостаткам означенных сочинений, начертав план для общего полного исследования хронологического и месяцесловного счисления старого и нового стиля, я употребил возможное усилие выполнить оный удовлетворительнейшим образом для читателей всякого рода. Чувствуя сам сухость избранного мною предмета, я старался, сколько возможно, объяснения о разных установлениях и правил времяисчисления и Пасхалии сделать завлекательными и даже — если смею сказать —

столь велико, что он, преждевременно потеряв здоровье, принужден был удалиться в уединение; но и в оном не мог уже возвратить потерянных сил своих. Вскоре смерть похитила его, к всеобщему сожалению всех тех, коим известны были его добродетели, его ум и его глубокие по части вышней математики познания. Морской корпус долго не увидит подобного Ментора[7]. Российский флот в позднейшие времена с благодарностию и удивлением будет произносить его имя. Сколько же почитать должны память его те, которые, подобно мне, имели счастие пользоваться изустными его наставлениями[8]. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

нескучными. Не пропустив ни малейшего обстоятельства без ясного и точного истолкования, я не оставил ничего на догадку читателей, зная по опыту, что в подобных сочинениях неясность и краткость весьма затрудняют внимание читателей и бывают побуждением к невольному закрытию книги. Быть может, что ученые мужи и это тщание поставят мне в вину, назвав излишнею плодовитостью и многословием. Таким с аббатом Баниером скромно ответствую: Un Ouvrage qui est fait pour tout le monde, doit etre à la portée des lecteurs de toute éspece, et je n'ai cru leur devoir plus de consideration, qu'aux scavans, qui n'ont pas besoin de mes lumeeres*.

Должен признаться, что в отношении правил григорианского календаря я руководствовался большею частию сочинением аббата Ривара под названием Трактат о сфере и календаре[9] (Traité de la Sphera et du Calendrier par M. Rivard). Мне желательно было, подражая ему, представить предварительно моим читателям подобное объяснение сферы; но как оное основано на познаниях плоской и сферической тригонометрии, то я опасался сделать книгу мою неспособною для всеобщего употребления. Впрочем, если первоначальный в сем роде труд мой будет почтенною публикою принят с ожидаемым благоснисхождением, то впоследствии я за особенное себе удовольствие поставлю пополнить оный — когда то будет нужно — подобным прибавлением.

Итак, в настоящем сочинении моем я предполагал уже в читателях моих найти некоторое понятие о сфере; по крайней мере, столько, что им не странно будет встретить заключение о круглости и движении земли — и что наименования: меридиан, горизонт или небосклон, параллель и тому подобные, равно как и знаки, означающие градусы, минуты и секунды, им не чужды. Надеюсь, однако ж, что и для тех, которые и сих познаний не имеют, но токмо знают четыре правила арифметики, все объяснения в отношении различия старого и нового стиля, равно и предложенные способы определять на всякое время новолуния и полнолуния, вычислять на каждый год время Св. Пасхи и других подвижных праздников будут довольно ясны и вразумительны.

---

* Сочинение, сделанное для всех, должно быть доступно читателям всякого рода, и я считал их дело более значительным, чем те, которые не нуждаются в моих познаниях (*фр.*).

П. Я. ГАМАЛЕЯ
Литография Прохорова

Из человеческих рук не выходит ничего совершенного; следовательно, и я с сердечною признательностью приму всякое справедливое замечание на все ошибки или недостатки, какие в сочинении моем внимательный взор всякого, более меня сведущего читателя, усмотреть легко может. Не оставлю всеконечно и воспользоваться ими, если сей первый опыт не осужден будет истлеть в качестве последнего[10].

Введение, содержащее историческое обозрение времяисчисления вообще

Объемля внимательным взором времяисчисление всех народов древних и новейших веков, мы примечаем три

обстоятельства: времяисчисление всегда было, как и ныне есть, двоякое: *лунное* и *солнечное;* у каждого народа оно имело особенную связь с религиею или точнее сказать, с богослужением; оно изменялось с приобретением лучших познаний в звездочетстве и с усовершенствованием наблюдений над движениями светил небесных.

В сем последнем отношении особенно замечательны две важные эпохи: времяисчисление, установленное Юлианом Кесарем, и исправление оного, совершенное по повелению папы Григория XIII.

Итак, приступая к историческому постепенному обозрению времяисчисления, мы можем разделить оное на три следующие периода:

Первый от непроницаемого мрака, покрывающего водворение праотцов различных поколений человеческого рода, до установления юлианского летоисчисления.

Второй от принятия сего летоисчисления до введения григорианского стиля — и

Третий от начала сего последнего до наших времен.

Период первый

Происхождение всех народов древности теряется во тьме баснословия, переходившего через несколько веков в изустных преданиях от праотцов к потомкам. Все писатели, кои пытались проницать сквозь сию тьму и в ней отделять истину от приобщенных временем нелепостей, прибегали к двум средствам: к догадке и соображению; и мы не можем иметь других, если желаем обозреть времяисчисление первобытных народов в самом его начале.

То не подвержено никакому сомнению, что местом зачатия на земле слабых зародышей тех сильных великанов, для коих впоследствии весь шар земной долженствовал сделаться тесным, были благословенные страны знойного климата. Там под ясголазоревым сводом небес, в благорастворенном воздухе, на благоухающих долинах, чистыми источниками напояемых, или в зеленеющих рощах под сению древ, плодами отягченных, была колыбель человечества. Там лелеялись и возрастали зачатки различных поколений человеческого рода. Быв малочисленны и обладая обширными странами, они пребывали в безмятежии и тишине. Желания их были столько

же ограниченны, как и их разум и самые понятия. Подобно детям, они не имели иной нужды, кроме пищи и покоя; а природа, подобно нежной попечительной матери, как бы предупреждая младенческие их вопли, то и другое повсюду с обилием им представляла. Природа была кормилицею их и вместе первою во всем наставницею[11].

Пренесясь мыслию в сии благополучные времена златого века, столь многими писателями древности прославляемого, если мы сделаем к оному вопрос: какими чувствами исполнены были сии первые постояльцы земли при обозрении своего обиталища? Из глубокого мрака древности мы, кажется, слышим утвердительный отголосок: чувствами живейшей благодарности к невидимому существу, столь тщательно о них озаботившемуся. Итак, мы должны заключить, что едва познали они бытие свое, как уже тайный глас сердца долженствовал именовать сие существо. Душе их надлежало ощущать потребность излить пред ними благодарные обеты свои; взоры их долженствовали повсюду искать его — и не находили. При сих тщетных поисках виновника бытия своего и толиких благодеяний во всей видимой ими вселенной не представлялось им ничего столь величественного, столь непостижимого, как носящиеся в выспренней и как бы назидающие над всем миром светила небесные. Изумленные чада природы с благоговением повергнулись перед ними и воздали сим тварям ту самую хвалу и благодарение, которые по внутреннему чувствованию своему относили к истинному творцу, *распростершему небеса да поведают славу господа своего.*

Таковым, конечно, надлежало быть начальному отношению первородных человеков к небесным явлениям. Один токмо избранный народ божий удостоен от начала веков познать истинного бога, принять, сохранить и передать потомству святой его закон. Обожение светил небесных долго пребывало религиею восточных народов: оно обретено по открытии нового света у счастливых дотоле обитателей обширной империи инков, полагавших себя происходящими от солнца; оно замечено также мореплавателями у многих открытых ими диких, доныне еще младенствующих народов. Не погрешая противу истины, можно сказать, что ложные понятия о многих божествах, каковы были у египтян, греков, римлян и прочих многочисленных и малых, сильных и слабых,

просвещенных уже и в дикости пребывающих народов, произошли после поклонения солнцу и луне, которых они и потом не исключали из числа многих божеств своих.

Весьма справедливо в сем случае замечает общество ученых мужей, издавшее в свет описание обрядов и обычаев, относящихся до веры всех в свете народов*, что мнения о божестве тем чище, тем разумнее были, чем род человеческий менее был отдален от своей колыбели. Учение о многобожии вкралось в религию народов тогда уже, как оные, размножась, стали утеснять друг друга и сделались сами причиною общественных и частных бедствий[12]. Из сего родилось понятие о двух началах добра и зла; а впоследствии уже и всякое явление или действие в физическом и нравственном мире стали относить к силе и могуществу особенного какого-либо божества или духа. Вот истинный источник многобожия язычников. Каков бы ни был он, впрочем, мы заметим только то, что начало рода человеческого есть общее с началом веры или сердечного возношения к непостижимому творцу вселенной — и что те же самые светила, перед коими человек, преклонив колена, воздал чествование истинному богу, в сердце его уготованное, послужили ему к измерению времени собственного своего существования. Отселе происходит начало того союза, которым — как то мы в начале сказали — богослужение у всех народов сопряжено с их времяисчислением. С сего времени солнце и луна представлялись взорам смертных как два нерукотворные образа всемогущества и славы божией. Попеременное явление сих светил дало понятие о времени. Старейшие, следовательно, опытнейшие мужи у всех младенствующих народов сделались созерцателями сих явлений, а через то стали посредниками между небом и понятиями младших себя. Они начали прорицать народу божественную волю его и определять время для отправления различных благодарных торжеств и жертвоприношений светилам небесным; вообще старейшины сделались наставниками, водителями и вместе первыми жрецами народов[13].

---

* Ceremonies et Coutumes religieuses de tous les peuples de monde. Par une société de gens de lettres à Amsterdam. 1783. (Религиозные церемонии и обычаи всех народов мира. Общество литераторов в Амстердаме). (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

Обожая солнце, первородные сыны земли прежде всего долженствовали замечать, сколько крат толь благотворное светило от них скрывалось и, колико-кратно восходя паки над их головами, возбуждало их и всю природу от ночного сна, призывая все живущее к деятельности для своего прокормления: здесь скрывается подлинное начало доныне сохранившегося обычая измерять время своего существования сутками.

Едва солнце скрывалось от взоров смертных, как величественное светило ночи привлекало их благоговейное внимание. Они с изумлением долженствовали взирать на его чудесные и непостижимые для них изменения. Сначала является луна вскоре по удалении солнца за пределы земли в образе сребровидного серпа, концами к востоку обращенного; издавая бледный свет, медленно опускается вслед за сокрывшимся солнцем — и вскоре исчезает. Потом с каждым днем показывается выше над небосклоном, более величиною, густее светом — и превращается в блестящий полукруг, который, с каждою ночью расширяясь, делается наконец совершенным кругом. Тогда сие небесное светило, восходя на востоке, через всю уже ночь совершает величественное свое по испещренному своду небес шествие. С сего времени, теряя мало-помалу свою круглость и часть света, оно начинает восходить с каждой ночью позднее; вскоре превращается паки в полукруг; а, наконец, снова приняв образ серпа, от солнца к западу уже концами обращенного, в таком виде предшествует день ото дня ближе восхождению дневного светила и напоследок исчезает. Проходит несколько дней, и луна паки является радостным взорам чад земли в серпообразном своем виде, чтоб начать снова свои превращения.

Наблюдательный взор смертных прежде всего долженствовал заметить, что между тем как луна переходила от одного из четырех главных ее изменений к другому, солнце семь раз скрывало от них благодетельные лучи свои и что во время, продолжающееся от одного первоначального появления ее до другого, светило дня двадесять девять или тридесят крат их освещало. Отселе приняли народы обыкновение исчислять время семидневными неделями и лунными месяцами, которое также теряется в непроницаемом мраке тысячелетий.

Таким образом, луна представляла собою всякий раз на небе указателя времени должайшего суток, в котором

первобытные чада земли имели нужду. Она научила их без всяких других искусственных примет исчислять, сколько дней протекало от одного какого-либо действия их или приключения до другого. Разнообразные явления луны были знамениями, по коим соединялись они для общественных совещаний, упражнений* и предприятий. Обоготворяя луну, дабы по кратковременном ее отсутствии встретить вновь народившуюся, собирались они перед захождением солнца на возвышенные места и когда усматривали сребровидный серп ее, приветствовали оный радостными восклицаниями при звуке бубнов и других инструментов. Благодарные жертвы возжигались на пылающих кострах и оканчивались торжественною по обычаю каждого народа трапезою. От сего времени начинали обыкновенно считать новый месяц, продолжавшийся до нового новолуния. Итак, *луна народилась:* есть выражение столь древнее, как и сам род человеческий. Начинать месяц с появления новой луны было также в обыкновении и у древних израильтян; и доныне сохраняется у евреев, турок, китайцев и других восточных народов, употребляющих лунное летоисчисление[14].

Хотя в странах, под знойным небом лежащих, где обитали прародители рода человеческого, во временах года не бывает столь ощутительной разности, как в климате, ныне просвещенными народами обитаемом: но, питаясь от земли ее плодами, они прежде всего долженствовали заметить, что бывает время, в которое при благоприятной погоде все начинает цвести, а потом созревать; и затем наступает другое, в которое частые ветры и проливные дожди обивают плоды и самые листья с деревьев; произрастения начинают тогда мертветь и не прежде оживляются, цветут, дают плоды, как *во время свое* — по наступлении прежней благоприятной погоды: весны и лета.

Итак, неудивительно, что весна для младенствующих народов сделалась всевожделеннейшим временем, которого они ожидали с нетерпением, а встречали с радостию и веселием. Луна, народившаяся с наступлением весны, казалась им как бы обновившеюся: более свет-

* О сем с приятностию можно читать: le spectacle de la nature, tom IV page 283 *(Примеч. В. И. Штейнгейля.)*

лою, более величественною,— и была приветствуема торжественнейшими против прочих обрядами. С появлением ее, сопраздную и возвращение весны, начинали новый счет месяцев. Таково долженствовало быть начало лунных годов, коих употребление общее почти всем древнейшим народам.

Наблюдая потом внимательно дневное светило, пастыри народов приметили, что с наступлением весны солнце как бы приближалось к земле, восходило над их главами день ото дня выше и выше и потом, как бы дошед до некоторого предела, начинало постепенно с каждым днем понижаться; и таким образом возвращалось паки к высоте весенней, преступало ее, понижалось с каждым днем ниже, ниже и, наконец, как бы достигнув другого предела, начинало ежедневно возвышаться и с новою весною достигало до той же в небе высоты, в какой было в предыдущую весну. Наблюдение сие долженствовало привести к другому: они узнали, что между двумя веснами случается несколько дней должайших, когда солнце бывает в наибольшей высоте, и потом по прошествии времени, в которое шесть раз новая луна нарождалась, бывают несколько дней кратчайших, когда солнце подымается на самую меньшую высоту: в первом случае ночи бывают самые краткие, а в последнем — самые долгие, напротив, когда солнце достигает двукратно высоты весенней, тогда дни равно бывают продолжительны, как и ночи; наконец, они приметили, что дневное светило от одной замеченной весною высоты не прежде в следующую весну к оной возвращалось, как побывав над небосклоном более трехсот шестидесяти крат. При сих наблюдениях, удостоверясь, что возвращение времен года и особенно весны происходит непосредственно от перемещающегося положения солнца, пастыри древности не замедлили ввести в употребление счислять время солнечными годами, полагая оные первоначально в 365 дней.

Историки и хронографы начало употребления солнечных годов относят ко временам построения Афин и Лакедемона, т. е. к шестому надесять столетию перед Рождеством Христовым[15]. Ничто, однако ж, не препятствует заключать, что сей род летоисчисления гораздо прежде существовал у обитателей Азии и благословенной страны, орошаемой плодотворным Нилом, откуда науки и просвещение, как бы сойдя тамо с небес, начали — по

выражению бессмертного преобразователя* россиян — обтекать вселенную.

Таково, конечно, было начало времяисчисления лунного и солнечного в самой глубочайшей древности, основанное на одной видимости небесных явлений: на том, что люди могли примечать простыми глазами и наблюдать одною отбрасываемою от предметов или от нарочно поставленного шеста тенью. Весьма долго умы человеческие пребывали в совершенном младенчестве. В известные уже истории времена полагали еще землю плоскою и беспредельною, не постигая — как и теперь люди в невежестве сущие того не понимают — куда скрываются солнце и луна по захождении своем и откуда паки выходят. Иные заключали даже, что они укрываются в какой-либо пещере или во глубине морской и тому подобное. Не лучшее понятие имели и о самой величине оных светил, равно как и звездах небесных, полагая их быть точно такими, какими они представляются простым глазам. Гораздо в позднейшие и более известные времена затмение луны и солнца приводило народы в ужас и заставляло ожидать великих бедствий. Так, Никияс, известный полководец афинян, живший уже во времена мудрого Сократа, от затмения лишился сперва приобретенных им в Сицилии выгод, а потом потерял и самую жизнь[16]. Затмение было причиною, что фивяне не осмелились следовать за знаменитым полководцем своим Пелопидом против тирана Александра Ферейского, отчего Пелопид, личною храбростию награждая недостаток войска, погиб преждевременно к невозвратной потере своего отечества[17]. Даже сам Александр Великий, воспитанный Аристотелем, пред Арбельским сражением, которое было основанием побед его и славы, умилостивлял жертвоприношениями мнимые божества солнца, луны и земли, от коих происходят затмения[18]. Иные, не постигая истинной причины сих явлений, полагали оные следствием заклинания злых духов и, видя потемневшую луну, думали, что она страждет в ужаснейших муках, а потому сходились ей помогать страшными воплями и стучанием в медные тазы и тому подобными детскими средствами, что и ныне между дикими народами примечается.

---

* Известно, что Великий Петр, насаждая просвещение в любезнейшей своей России, часто произносил: «Науки обтекают свет». (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

Начало астрономии, которой надлежало просветить умы и вывести людей из невежественного заблуждения, относится ко временам Озиридовым[19]. История повествует, что халдеи, ассиряне, аравитянские пастухи и египтяне первыми занимались наблюдениями звезд. Финикяне, узнав начало звездозакония, осмелились уже пуститься в море. Не прежде как за 500 лет до рождества Христова астрономия перешла с науками в Грецию, но и в ней всегда была известна умам одних почти философов, и, следовательно, немногим. Около сего времени знаменитый Пифагор Самосский и Анаксагор, уроженец Клазимена, один после другого путешествовали в Азию и Египет для усовершенствований своих познаний[20]. Первый написал науку о числах и весьма много занимался астрономиею, а второй столько был к ней прилеплен, что на вопрос: для чего он рожден? дал сохраненный историей ответ: «Чтобы рассматривать светила небесные». За всем тем познания его были столь несовершенны, что он солнце почитал огненною массою величиною немногим более Пелопонесса! — После сих философов Метон, афинский астроном, открыл грекам девятнадцатилетний период лунного обращения[21]. За ним следовали Платон, ученик Сократа, Аристотель, Архимед, Эратостен, который первый измерил величину земли посредством наблюдений звезд; Поссидоний, Гипарх, уроженец Никейский, который изучение астрономии привел в систему, сочинил каталог созвездиям и таблицу движения солнца и луны на 600 лет — и, наконец, многие другие философы в Египте и Греции занимались исследованием движения светил небесных пред тем временем, как Юлий Кесарь призвал из Египта славного математика и астронома Сосигена к исправлению римского времесчисления[22].

Легко представить себе можем, какую верность могло иметь летосчисление первобытных народов, когда они не имели никакого понятия об истинном движении светил небесных; когда даже не было письмен для предания памяти потомков истинного повествования о прошедших событиях, а еще менее о времени, в которое они совершились, и когда токмо престарелые деды рассказывали своим внукам, что они видели и что слышали от отцов своих, определяя время догадкою, как и ныне поступают сельские старики, рассказывая о происшествиях своей деревни, во младенчестве ими виданных

или слыханных. Посему решительно заключить можем, что все хронографы, определяющие летосчисление от сотворения мира, не более почти заслуживают вероятия, как и китайцы, полагающие более миллиона лет существованию своего *Поднебесного* Царства. В сем случае хронографы основываются так же, как и историки, на одной догадке и соображениях. Оттого одни полагают от сотворения мира до нашей эры 5500 или 5508 лет, другие 3949, 3984 и, наконец, 4004 года; напротив, по счету иудеев сей период продолжался только 3759 лет. Все сии летосчисления показывают только то, до какой дальности времени предания первобытных народов могли показывать некоторый свет во мраке глубочайшей древности, сохраняясь в памяти потомков до начала письмен и истории.

Верность и точность летосчисления у греков началась не прежде, как по учреждении Олимпийских игр и Олимпиад или четырехлетий, по прошествии коих каждый раз игры сии отправлялись. Эра сия случилась за 776 лет прежде христианской эры и за два или за три года до эры римской, или до основания города Рима[23]. Греки употребляли солнечное времесчисление, заимствованное у египтян. Годы их разделялись также на 12 месяцев, и каждый месяц, состоящий из 30 дней, разделялся на три десятка или декады. В этом новейшие выдумщики, революционные французы, только что подражали грекам, а не свое выдумали[24].

Ромул, основатель Рима, был первым учредителем и римского летосчисления. Можно судить, сколь и оно было точно, когда в году считалось только десять месяцев. Более просвещенный преемник его Нума исправил сию ошибку введением летосчисления, подобно грекам заимствованного у египтян[25]. С сего времени, то есть более 30 лет спустя от создания Рима, год римский считался в 12 месяцев, из коих каждый разделялся на три же, но не равные части. Первосвященники имели обязанность возвещать народу с наступлением первого дня каждого месяца, сколько в нем будет каких дней и в какие числа долженствуют быть праздники и народные собрания. Вообще у римлян одним только первосвященникам известно было правило, на котором основывалось их времесчисление. Они, будучи из патрициев или дворян, тщательно скрывали сие правило от плебеян или народа, как некую высокую тайну, коей народ постигать

не может[26]. Сие продолжилось до тех пор, как некто К. Флавий, сын отпущенника, бывший секретарем, нашел способ получить в свои руки таинственный месяцеслов, хранившийся в архиве первосвященников,— и его, к великому удовольствию римлян, обнародовал, прибив на площади. Это случилось за 321 год до христианской эры[27].

Юлий Кесарь, сделавшись главою Рима, возжелал быть и первосвященником оного. В сем сане он имел долг заняться исправлением времесчисления, которого неверность в его время до того умножилась, что весенние месяцы сделались зимними. По сей причине призванный им к исправлению календаря Сосиген заставил тот год, в который было обнародовано новое Юлианское летосчисление, продолжить — как некоторые историки повествуют — 15 месяцев или 445 дней. Другие неверность сию полагают токмо в 67 дней. Как бы то ни было, только то никакому сомнению не подвержено, что тот год, в который исправлено старое времесчисление и обнародовано новое, назван был *беспорядочным*[28]. Год сей полагается 46 пред христианскою эрою и есть тот самый, в начале коего знаменитый характером своим римлянин Катон умертвил себя в Утике[29].

Период второй

Времесчисление, Юлием Кесарем установленное, вошло в употребление почти у всех подвластных Риму народов. Оно заключалось в том, что чрез каждые три года к четвертому стали прибавлять лишние сутки*, считая в таком случае год в 366 дней. Сим средством гражданские годы стали соразмерять с истинными солнечными годами, коих продолжение по точнейшим астрономическим того времени наблюдениям определили в 365 дней и 6 часов.

Сорок лет спустя по кончине Цесаря, лишенного жизни изменническою рукою им облагодетельствованных, в мирное и благополучное время царствования Августа во

---

* Некоторые хронографы утверждают, что прибавление излишнего дня к четвертому году сделано в первый раз в 4 уже год после нашей эры; а до того времени излишний день прибавлялся чрез два года к третьему. О вероятности такой ошибки в наблюдениях Сосигена оставляю судить читателям[30]. (*Примеч. В. И Штейнгейля.*)

Иудее, сделавшейся тогда провинциею Римской империи, родился Спаситель мира Иисус Христос. В царствование преемника Августова Тиверия он начал божественную свою проповедь и запечатлел ее крестною своею смертию. Апостолы и ученики его, духом святым вдохновленные, понесли во все страны свет евангельский. Семь или девять лет спустя по распятии Христовом в Антиохии[31] в первый раз стали называть учеников христовых христианами; а чрез 30 лет вера евангельская проповедана уже и в самом Риме, утопающем в роскоши и разврате и порабощенном ужаснейшим тиранством, скоро одно за другим следовавшим. С распространением и усилением христианской религии начались на нее гонения от язычников, продолжавшиеся до трех веков. В царствование Константина Великого христианская религия сделалась господствующей[32]. На местах капищ языческих стали созидать храмы богу христианскому. Вместо блазнительных празднеств баснословным богам начались благочестивые торжества верных, разделяемые также по времени. Главнейшее торжество христиан — Пасха, учрежденная апостолами вместо пасхи иудейской, праздновалась подобно сей последней по соображению с течением луны. Первые христиане были весьма не согласны в отправлении сего праздника, и потому на Никейском соборе сделано о нем прочное постановление[33], дабы оный был празднуем после весеннего равноденственного полнолуния в первый воскресный день; ибо христиане, заимствуя от иудеев времесчисление неделями, первый день по субботе иудейской посвятили воспоминанию Христова воскресения в третий день от гроба. Посему сочинен был в Александрии пасхальный круг, приноровленный к Юлианскому гражданскому летосчислению, по коему самым ранним пределом праздника Пасхи определено 21 число марта: ибо на сие самое число по Юлианскому счислению приходилось тогда весеннее равноденствие и самое полнолуние случалось иногда в сей же самый день*.

Христиане, вероятно, сперва по преданию только знали время воплощения и страдания Спасителя и счисляли число лет, протекших от сей важнейшей для всего

---

* Все сие подробно описано в третьей книге сего сочинения, и здесь упоминается мимоходом для одного общего соображения относительно перемены времесчисления Юлианского. (*Примеч. В. И Штейнгейля.*)

человеческого рода эпохи. Между тем летосчисление, употребляемое правительством и народом вообще во всей Римской империи, продолжалось прежнее от создания Рима. Не прежде как в шестом веке известный христианский писатель Дионисий, прозванный *Меньшим*, или *Малым*, родом скиф, бывший игуменом некоего монастыря, подщался ввести в общее употребление летосчисление от рождества Христова. И так не должно удивляться, что Дионисий, отнеся по общему тогдашнему мнению эру христианскую к 754 году от создания Рима, сделал — как то после уже открылось — три или четыре года ошибки, то есть что рождество Спасителя действительно случилось за три года прежде определенной им эры, от которой и до днесь летосчисление всеми христианскими народами ведется. Сие действие Дионисия относят хронографы к 516 году нашего летосчисления; но историки не прежде как с 748 года стали употреблять летосчисление от Рождества Христова[34].

Между тем Рим после тиранств Тибериевых, Калигулы, Клавдия и Нерона несколько отдохнул под кроткою державою Тита, прозванного утехою рода человеческого, Траяна, Адриана, который 17 лет путешествовал для блага своих подданных по всем подвластным ему странам, Антонина Кроткого и Марка Аврелия,— коих царствование, целый почти второй век христианского летосчисления составляющее, прозвано *златым веком* Рима, хотя гонения на христиан не преставали[35].

Рим в сие время все еще высился своим могуществом, богатством и просвещением: многие писатели были украшением сего века. Между прочим Птоломей, житель Пелузии, занимаясь созерцанием небес, изъяснил первый систему мира — и написал известное умозрение о движении светил под названием *Алгаместа*[36].

Но с приближением третьего века настали новые тираны: Каммод, Каракалла, Гелиогабал, Декий, Деоклитиан и другие подобные ненавистные роду человеческому чудовища и эфемерные императоры, прихотию солдат избираемые[37]. Их неистовства, ужасные истребительные гонения христиан и междоусобные войны могущественную Римскую империю привели наконец в совершенное изнеможение и приблизили к ее разрушению. В четвертом веке она разделилась уже на две. Весьма скоро тиранские преследования согнали почти с лица земли науки и просвещение — и умы поработились торжеству-

ющему повсюду невежеству. Оставалось, по крайней мере, великое хранилище вековых произведений ума в Александрии, но в седьмом веке набегают аравляне, и жестокий Омар предает сии неоцененные для всего человечества сокровища всесожжению[38].

Потом, с одной стороны, набеги необузданных северных народов, а с другой, возникшие в христовой церкви теологические прения о тех самых догматах, кои долженствовали быть источником тишины и спокойствия, распространили в цветущей прежде Италии и Греции и во всей Европе глубокий мрак варварства, продолжавшийся почти до пятого надесять века. Церковь Христова в девятом веке разделилась также надвое[39]. Западная вострепетала вскоре от неограниченного властолюбия пап, невежеством почти обоготворенных; а восточная восстенала сперва от утеснения, а потом и от совершенного порабощения мечу учителей лжепророка *Мохаммеда**[40]. В сие время науки едва притаивались еще в последнем убежище у отшельников мира в монастырях между греками и маврами, покорившими Испанию.

Не прежде как во втором надесять столетии началась заниматься на западе слабая заря нового просвещения. В Париже и Болонии основались общества словесных наук и богословия. В следующем веке в Италии мало-помалу восстановляться начали изящные художества: свет наук начал распространяться паки. Германский император Фридерик II и кастильский король Альфонс X начали явно покровительствовать просвещению и сами занимались астрономиею. Первый повелел перевесть Птоломея на латинский язык и завел в Неаполе народное училище, а второй написал астрономические таблицы, известные до днесь под его именем**[41].

Около сего же времени в Англии явился ученейший муж и величайший после Архимеда математик Бакон[42],

---

* О происшествиях в церкви Христовой мы имеем теперь прекраснейшее сочинение архимандрита Иннокентия под названием «Начертание церковной истории от библейских времен», печ. в С.-Петербурге при святейшем синоде 1817. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

** Сему Альфонсу приписывают, что он имел дерзость сказать, что если бы творец пригласил его к совещанию о сотворении мира, то он дал бы ему лучший совет, как его сделать. Думают, однако ж, что он сими словами хотел только обнаружить нелепость Птоломеевой системы, бывшей тогда во всеобщем уважении. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

которого называли чудом своего века. Творения его вытребованы были папою Климентом IV. Он первый обнаружил неверность в летосчислении Юлианском и изложил мнение о его исправлении.

Напоследок в конце пятого надесять столетия явился великий Коперник[43]. Углубясь в познания светил небесных, он опроверг совершенно систему Птоломея и в творении своем об обращении тел небесных объяснил истинную систему мира, возбудившую столько же противников, сколько было в западной церкви богословов, принимающих красоты священного писания в буквальном их смысле*. Современник Коперника Иосиф Юст

---

* И в наше время, именно в 1815 году, вышло в свет «Разрушение Коперниковой системы» — сочинение, от которого великий Коперник может лежать спокойно в своем гробе: слава его не помрачится; но мы, живущие в самый цветущий век просвещения и наук, должны скорбеть сердцем, что творения сего рода находят в свете место, а может быть, и усердных читателей!.. К стыду нашему, как бы нарочно, после заглавия означено, что это — *российское сочинение*[44]. Весьма неудивительно, если мы иногда видим людей, которые свою ученость, а еще чаще свои личные достоинства и честность стараются доказывать криком и поношением других — и нередко в том успевают; но нападать сим же средством на вековые плоды здравого ума и опытов, на славу усопших великих людей и, опровергая истину, силиться доказать нелепости, младенчествующих умам свойственные, есть дерзость, посмеяния достойная и в самой республике писателей. Г. сочинитель «Разрушения Коперниковой системы», вероятно, не читал того, что уже гораздо прежде писали в возражение противу оной знаменитый датский астроном Тихобраге и потом известный италианский иезуит, астроном и математик Рикчиоли[45], из коих первый столь был уверен в неподвижности земли, что, допустя все планеты двигаться около солнца, скорее решился заставить сии последние со всеми теми спутниками двигаться около земли, нежели мог согласиться приписать земле движение около солнца. Несмотря на то, система Тихобрагова и опровержение системы Коперника здравым умом и наблюдениями при свете, полученном от открытий Невтона и Кеплера, весьма легко и столь притом сильно взаимно опровергнуты[46], что надобно новому варварству согнать с лица земли просвещение прежде, нежели вновь могут быть кем-либо, кроме невежд, уважены. Если б г. сочинитель нового разрушения Коперниковой системы потрудился прочитать о сем предмете довольно подробное изъяснение хотя в «Астрономии» г. Делаланда[47], то, вероятно, не принялся бы, конечно, за тщетный, не делающий ему чести труд; ибо всякий знающий хоть несколько астрономию, прочитав сочинение его, невольно скажет то же, что один знаменитый наш писатель сказал об некоем ученом французе, написавшем для соотечественников своих русскую грамматику : «Не учи тому, чего сам не разумеешь». (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

Скалигер, сын известного литератора Юлия Скалигера, учившийся в Бордо и живший потом в Париже, написал целое творение об исправлении времени (Opus de emendatione temporum) и был изобретатель и определитель начала юлианского периода[48].

Папы Николай V и Леон X, оказывавшие блестящее покровительство наукам и ученым мужам, начинали уже помышлять об исправлении календаря, но по неимению при себе астрономов, которым бы могли поручить сие дело, в том не успели. Уже в шестом надесять веке папа Григорий XIII стяжал сию славу. При помощи астронома и доктора неаполитанского Алозия Лилия он совершил исправление юлианского времесчисления в 1582 году и сделался установителем нового стиля, который по его имени получил название *григорианского*[49].

Период третий

Неверность, в летосчислении юлианском замеченная, произошла оттого, что Сосиген, определив продолжение солнечного года в 365 дней и 6 часов, сделал его несколько длиннее истинного. Почему гражданское времесчисление стало умедлять противу истинного времени года; так как до юлианского счисления оно, напротив, упреждало его. Хотя Сосигенова в сем случае ошибка была уже новейшими наблюдениями астрономов открыта, но ничто столь явно и убедительно не показывало сию времесчисления юлианского неверность, как изменение главнейшего торжества христиан — Пасхи в отношении к весеннему равноденствию. В пятом надесять столетии 21-е число марта, которое по пасхальному кругу установлено самым ранним пределом Пасхи, стало уже приходить десятью днями позже равноденствия. От сей причины стало случаться, что в иные годы Пасха Христова празднуема была не после первого по равноденствии весеннем полнолуния, но после второго; следовательно, чрез то нарушилось вышепомянутое соборное о Пасхе уложение. И так сие открытие было главнейшей причиною, побудившею первосвященника римской церкви исправить юлианский календарь и ввести новый стиль летосчисления, а потому и самое исправление сие состояло в том, что ранний предел Пасхи, или 24-е число марта, исключением из годового счета дней десяти суток паки приведено, или, так сказать, установлено на самое весеннее равноденствие, и впредь приняты во вре-

месчислении меры, дабы оно никогда уже с оного не сходило; а чрез то и правило Никейского собора о праздновании святой Пасхи навсегда пребыло бы постоянным.

Примечания достойно, что в то же почти время, когда по наставлению и с помощью астрономов папа только что успел исправить календарь и круг пасхальный, так называемая *святая* инквизиция его, со всею жестокостию, ненавистному для человечества духу нетерпимости свойственною, преследовала знаменитого италианского астронома Галилея, единственно за последование его Коперниковой системе[50]. Сей Галилей как бы нарочно к посрамлению пред потомством своих невежественных гонителей открытием Юпитеровых спутников сделал для мореплавания и географии навеки незабвенную услугу. Он по примеру голландца Ретия (Rhetius)[51], изобретя сам телескоп, столько прилепился посредством своего оружия к созерцанию небес, что, наконец, лишился совершенно зрения. Относительно сего великого мужа можно сказать, что ежели различные секты вероисповеданий имели своих мучеников, то и астрономия может похвалиться своим страдальцем.

Исправление календаря и новый стиль для будущего времесчисления, как основанные на наблюдениях астрономических и предпринятые для отвращения неверности Юлианского счисления, ясно пред целым светом обнаружившейся, были не только всеми католическими державами римскому понтифу[52] послушными, но и реформатами, Ватиканских постановлений не уважающими, вскоре приняты; ибо всякая истина математическая говорит сама за себя столь сильно и убедительно, что всякий христианин, с какой бы благочестивою покорностью ни следовал преданиям предков, давностию утвержденным, должен будет наконец с нею согласиться и принять ее, если только разум имеет неповрежденный, хотя б даже услышал ее в первый раз из уст язычника.

Из всех европейских просвещенных держав Юлианское времесчисление остается теперь употребительным только в одной России. Судьба определила так, чтобы на степени просвещения и образованности гражданской наше любезнейшее отечество восходило после других северных царств — и потом быстротою, русскому духу природною, их упреждало. Итак, в заключение сего

исторического общего обозрения бросим особый взгляд на ход времяисчисления в нашем отечестве.

Происхождение народа русского покрыто такою темнотою, что весьма немного знаем мы о нравах и обычаях предков наших до времен рюриковых[53]. Из сего следует, что еще менее можем мы знать о том, какое времяисчисление было тогда у славяноросcов: имели ли они какую-либо хронологию от начала мира или от другой какой-либо знаменитой в преданиях их эры. Нет сомнения, однако ж, что они вели времяисчисление годами, которые определяли по возвращении годовых времен и разделяли также на 12 месяцев. Сие доказывается коренными наименованиями их, кои, начиная с генваря, суть: *сечень, лютый, березозоль, кветень, травень, червец, липец, серпень, вресень, падзерник, листопад и груденъ*. Наименования сии, однако ж, принадлежат обитателям южных стран Киевских, но не северных областей Новгорода: где март, верно, не назвали бы травенем и ноябрь листопадом[54].

Известно, что во время язычества в нашем отечестве каждое время года ознаменовалось торжеством какому-либо особому божеству. Так, *Зимцерла* почиталась богинею весны; а *Купало* богом плодов земных или лета. Сему последнему возжигались в честь костры в 24 день червеца, или июня. Осенью приносились жертвы *Святовиду*, а зимою *Коляде*, почитаемому богом мира, быть может, потому, что зима была единственным временем, в которое между враждующими северными соседями водворялись тишина и спокойствие. Празднество *Коляде* совершалось в 24 день груденя, или декабря; следовательно, оно было совершенно противоположно по времени года летнему празднеству Купалы. Остатки сих празднеств и доднесь видны в играх и песнях простого народа. Надобно, однако ж, заметить, что 24 числа июня и декабря почти соответствовали тогда самым солнцестояниям летнему и зимнему, кои ныне случаются 9-го июня и 10-го декабря; а самые повороты, или уклонения солнца с лета на зиму и с зимы на лето, можно отнести к 12 числам сих месяцев. Это обстоятельство заставляет догадываться, что учреждения упомянутых празднеств были не без астрономических соображений и что предки наши на видимое годовое движение солнца обращали также особенное внимание.

Истукан Святовида был четвероликий, в руках у не-

го находился рог, в который при каждом осеннем торжестве наливалось жрецом свежее вино и оставалось в нем через все время круглый год до будущей осени. По целости или убыли сего вина предсказывал жрец о плодородии или неурожае на следующий год. Все сие подает немалый повод к заключению, что и самый год у наших предков начинался с осени. Более, однако ж, вероятности, что подобно весьма младенствующим народам и славяно-россы началом лет полагали наступление вожделенного времени весны, которая нигде для человечества не имеет такой цены, как в нашем гиперборейском климате. История сие подтверждает: она повествует*, что собор, созванный в 1492 году митрополитом Зосимою, для уложения церковной Пасхалии на осмое тысячелетие, утвердил, чтоб год начинался в России вместе с индиктом 1-го Сентября[55]. Из сего следует, что хотя с принятием христианской веры от грековосточной церкви церковь наша приняла летоисчисление по греческим хронографам от сотворения мира и начало лет праздновала с началом христианских индиктов 1-го сентября; но в гражданском употреблении до вышеупомянутого собора Новый год праздновался весною с 1-го марта.

Что касается до разделения суток, то до просвещения России светом христианского учения едва ли было другое, кроме того, какое видим доныне между сельскими жителями, не имеющими нужды в часах. Греческое духовенство, призванное для проповеди слова божия, научило россиян разделять сутки на 24 часа, считая 12 часов от восхождения солнца до захождения и столько же от одного заката оного до утреннего восхода. По сему разделению первый час дня соответствовал 7 часам утра, а шестой час дня означал самый полдень.

Бессмертный просветитель россиян, Великий *Петр*, ознакомив возлюбленную свою Россию с иностранными державами, повелел переменить образ летоисчисления, до того в отечестве нашем употребляемого, и начинать новый гражданский год, подобно прочим европейским народам, с 1-го числа генваря, считая летоисчисление от Рождества Христова, а не от сотворения мира. Первый по сему учреждению новый год, который празднован

---

* Смотр[и] Истор[ию] Государ[ства] Российск[ого]. Том V, стр. 33[illegible]. (***Примеч. В. И. Штейнгейля.***)

был во всей России с отличным торжеством, был 1700 от Рождества Христова[57]. В сие же время, вероятно, введено и нынешнее разделение суточного времени, равно как и общее употребление карманных часов, хотя оные со времен царя Ивана Васильевича известны уже были, особенно у двора.

До времени Петра Великого, когда летоисчисление в России считалось еще от сотворения мира, в гражданском употреблении и в самых актах нередко счислялись годы только от начала текущего тысячелетия. Таким образом, находя в старинных книгах или грамотах времен царя Алексея Михайловича годы 168 или 180, мы должны знать, что оные означают 7168 и 7180* год.

Столь предприимчивый и просвещенный монарх, каков был *Петр Великий*, не остановился бы, может быть, отменить и самое Юлианское летоисчисление, которое с 1700 года стало разниться одиннадцатью днями с летоисчислением прочих европейских народов; но он видел, что еще недавно перед тем одно или несколько исправленных слов в книгах церковных производили беспокойство в умах народных, расколы в вере и самые убийства[58] и что самых важнейших его для пользы отечества предприятий ни понимать, ни ценить еще не умели. И потому сей бессмертный государь представил сие будущим временам, когда насажденное им просвещение принесет зрелые плоды, умягчит нравы и очистит предрассудки. Время сие, кажется, уже настало[59]. В царствование Александра Благословенного, когда Россия, преодолев ужаснейшее бедствие, неслыханным доселе против всей соединенной Европы мужеством вознеслась на верх славы и величия и когда просвещение россиян шествует исполинскими шагами к сравнению с прочими европейскими народами, им, конечно, ненадолго останется и это одно — чем они могут еще доселе хвалиться: что их летоисчисление согласнее с истинным годовым обращением земли и, следовательно, вернее употребляемого в России.

---

* Сие обстоятельство я упоминаю для того, что мне самому случалось видеть людей, кои, читая старинные книги, приходили от сего в недоумение и спрашивали других: что это за летоисчисление? (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

РАССУЖДЕНИЕ О ЗАКОНЕ НА БОГОХУЛЬНИКОВ*

Homo sum, nil humani a mea lienum puto.
Tirence**[1]

Повод к сему рассуждению

Во время высочайшего присутствия в Москве 1816 года[2] случилось, что палата уголовного суда между прочими приговорами об уголовных преступниках внесла на утверждение г. военного генерал-губер[натора][3] приговор об одном мещанине, который магистратом и ею был осужден к наказанию кнутом с вырезанием ноздрей и к ссылке в каторжную работу. Преступление его, ясно доказанное и преступником самим признанное, состояло в том, что он, принадлежа к секте раскольников и будучи однажды нетрезв, произносил неистовые ругательства на св. угодника Димитрия, чудотворца Ростовского, которого, как весьма известно, раскольники вообще не признают святым. Мещанин сей был молодых лет, один сын у престарелого отца, хотя ему и не покорный, как то сам отец о сем свидетельствовал.

Военный губернатор, рассмотрев сей приговор, нашел его весьма жестоким и выше меры судьбу подсудимого отягощающим. Но как суд согласовался с точною силою существующих законов, то невозможно было не утвердить сего приговора. Генерал-губернатор решился воспользоваться высочайшим присутствием и всеподданнейше доложил об обстоятельстве сего дела государю императору.

Монарх соизволил оправдать и похвалить чувствование и осторожность генерал-губернатора и, желая облегчить участь подсудимого без оказания послабления к оскорбителям церкви, повелел предварительно узнать о сем мнение московского архиепископа преосвященного Августина. Я имел честь получить поручение переговорить с архипастырем. Едва объяснил я ему сущность и цель послания моего, как его пр[еосвященст]во с некоторым движением отвечал мне именно сими словами: «Помилуйте, как это можно! доложите от меня его сиятельству, что я не только согласно с мнением его нахо-

---

* Помета переписчика: «Написано августа 21. 1819»; помета карандашом: «Из бумаг Пущина».

** Я человек, и ничто человеческое мне не чуждо. Теренций (*лат.*)

жу наказание, но совершенно уверен, что если бы и сам святитель Димитрий был еще на земли, то и он ужаснулся бы сего приговора и, конечно, ходатайствовал бы о помиловании, снисходя и сострадая невежеству преступника, которое одно и есть причиною самого преступления. Все, что можно в сем случае определить к наказанию его, так это заключение в монастырь на некоторое время для обуздания и вразумления, пока окажется раскаяние». Сей ответ преосвященного исполнил меня душевным умилением: так не отозвался бы, конечно, никакой великий инквизитор святой инквизиции,— подумал я,— это глас истинного христианского архипастыря. На другой же день последовало высочайшее повеление, чрез г. военного генерал-губернатора Правительствующему сенату, при внесении самого упомянутого уголовного дела объявлено, чтобы преступника вместо определенной ему казни заключить в монастырь на время, по усмотрению духовного начальства.

Сей случай сделал на меня весьма сильное впечатление. К чему же закон, помышлял я, которого исполнение оказалось противно образу мыслей вельможи, доверенностию царскою облеченного, несообразно с благостию и правосудием самого государя, несоответственно кротким чувствованиям архипастыря церкви и, конечно, столь же несогласно с мнением всех благомыслящих людей и паипаче истинных христиан! Счастлив преступник сей, что суд над ним свершился во время присутствия великого монарха, коему милосердие и человеколюбие везде сопутствуют,— он спасен. Но сколько есть в целой России подобных преступников, невежеством и развратом в преступление такого же рода вовлеченных, кои судятся по точной силе законов и наказываются по всей строгости оных; следовательно, погубляются невозвратно для семейств своих и для того общества, к которому принадлежали.

Сии и тому подобные чувствования и мысли побудили меня к следующему изложению моего рассуждения о законе на богохульников или вообще против нарушающих страх божий.

Настоящие законы против богохульников

Коренной закон Росс[ийской] имп[ерии], основанный на Кормчей книге[4], повелевает хулителей имени божьего

предавать смерти, прожигая им предварительно язык каленым железом. На смерть же осуждает и тех, кои дерзнут поносить ругательными словами пресвятую деву и святых угодников божиих.

С отменою смертной казни указами 1753 года апр[еля] 29 и 1754 сентя[бря] 27 оная заменилася сечением кнутом и каторжною работою.

В новом проекте Уголовного уложения, изданном комиссиею составления законов, за богохульство восстановляется смертная казнь[5]. Пьянство ни в каком отношении в извинение не приемлется, ниже к облегчению наказания служить не может.

Причина и происхождение сих законов

При одной мысли о действительном исполнении первого закона хладеет воображение, стынет кровь в сердце чувствительном. И так нетрудно постигнуть, что было побуждением к установлению такового закона, достойного времен драконовых: намерение устрашить умы непреклонные, буйные, сердца необузданные, дикие, души строптивые, зверские. Намерение не только извинительное, но и похвальное в веке варварства и ожесточения нравов. Заметим, что сии законы современны закону, осуждающему на сожжение живыми тех, кои занимаются мнимым чародейством и чернокнижеством, которое в наше время, кроме посмеяния, ничего иного не заслуживает и которым верователей мудрено уже сыскать и посреди самой черни.

Окинув взором исторические события минувших веков, мы откроем самое естественное происхождение подобных законов. Доколе христианское учение проповедовалось апостолами и отцами церкви, тогда и меры для обращения сердец к истинному познанию бога и для удержания их в благочестии и страхе божием состояли в примере, в убеждении, в кротости; но как скоро по различному свойству умов и неодинакой наклонности сердец разделились и самые мнения о догматах христианской веры,— и когда вместе с тем гражданские правительства Западной и Восточной Рим[ской] имп[ерии], приемля то или другое мнение, решались вспомоществовать успехам в проповеди защищаемых ими отцов церкви, тогда прибегали к силе и страху, к мечу и кровавым законам, коих действие казалось надежнейшим самых

убедительнейших поучений! Из Восточной империи сии законы пришли и в совлекшуюся язычества* Россию.

Свойство сих законов

Если рассмотрим внимательно существенное свойство таковых законов, то увидим, что оно заключает в себе дух жесточайшего мщения и гонений, прикрытый благочестивою наружностию праведного и святого отмщения за оскорбление величества божия или его святых угодников. Суетная месть! Как будто нужно заступление слабых смертных и их ничтожных законов тому, который *коснется горам и воздымятся, блеснет молнией и разженет я***[6]. Охнет, и царства с их законами и могуществами не оставят следа своего существования. И кому хотят отмщать законы человеческие? Существу, которое от единого мановения всемогущего может превратиться в ту же персть, из которой премудростию его создан.

Они не согласны с духом христианского учения

Таковой дух законов сих совсем не ответствует духу евангельского учения, с коим все подобные законы по строгой справедливости сообразоваться необходимо долженствуют.

Доказательства тому из самого божественного закона

Обратим внимание наше на свет, преподаемый нам святым благовестием, и займем от него луч, могущий просветить нас в том, чего небесный учитель требует от нас в отношении к блуждающим во тьме и нечестии грешникам.

Мы видим, что сам бог, в ипостаси сына своего единородного, претерпевая заушение, оплевание, истязания и самую смерть крестную, не об отмщении врагам своим просил отца небесного; но *Отче,* взывал, *отпусти им, не ведят бо, что творят*[7].

В божественном поучении ученикам своим: *любите враги ваша,* Спаситель говорил, *благословите клянущие вы, добро творите ненавидящим вас и молитесь за тво-*

---

* Совлекшуюся язычества (*арх.*) — сбросившую с себя язычество.

** Разженет я (*церковнослав.*) — разгонит их.

рящих вам напасть и про[го]няющия вы: яко да будете сынове отца вашего, иже есть на небесех, *яко солнце свое сиять на злыя и благия, и дождить на праведныя и на неправедныя* (Мат. Гл. 5)[8].

В притчах показать нам благоизволил, что во всяком грешнике должны видеть овцу заблудшую и знать, что *о едином кающемся грешнике радость* бывает *на небеси пред ангелы божиими более, нежели о девятидесятих и девяти праведников иже не требуют покаяния* (Лук. Гл. 15)[9].

Верховный апостол христов поучает, дабы впадшего в преступление человека, *духовнии исправляли такового духом кротости,* объясняя, что *рабу господню не подобает сваритися, но тиху быти ко всем, учительну, незлобиву: с кротостию наказующу противныя* (К Тимоф. Гл. 2.2), что бог *всем человеком хощет спастися и в разум истины приити.* Он же заповедал Тимофею: *Проповедуй слово, настой благовременне и безвременне, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением.* Наконец, сей самый избранный от века сосуд божий о себе самом говорит: Господь Иисус Христос, *бывша и я иногда хульника и гонителя и досадителя: но помилован был, яко неведый сотворил в неверствии* (Тим. I. Гл. 1)[10].

Итак, если господь наш Иисус Христос при личном оскорблении непорочности своей молился за дерзновенных врагов своих; если он требует и от нас высокой добродетели сей, чтобы и мы молились за творящих нам напасть; если проповедь апостолов его исполнена сим же духом божественной кротости и незлобия, то может ли предвечной благости божией благоугодно быть определяемое человеческими законами телесное наказание и самое пролитие крови за минутное беснование какого-либо грешника, возмогшего в омрачении разума своего изрыгнуть хулу против неизглаголенной премудрости божией или против святости закона его, ангелов его или святых угодников его? Посему смело и утвердительно повторяю: существующие законы против богохульников с духом веры христианской вовсе не согласуются.

Цель сего доказательства и самого рассуждения сего

Да не подумает кто, что мое намерение есть сим доказательством убедить, что преступление против бога и

религии не должно быть вовсе преследуемо гражданскими законами. Отнюдь нет. Моя цель, основываясь на чувствованиях, самою религиею внушаемых, доказать, что одна жестокость сих законов, погубляя токмо невозвратно невежеством и развратом обуянных людей, ни богу приятна, ни целому гражданскому обществу полезна быть не может; и потом показать средство, которым сия жестокость законов с большею пользою для человечества вообще и для государства в особенности заменена быть может.

Рассмотрение причин и сущности случающихся ныне преступлений сего рода и действий закона против оных

Для сего рассмотрим прежде, что бывает в нынешнее время причиною преступлений в богохульстве, в чем состоит сущность оных и как действует закон, карающий сии преступления.

Взглянув на ход вещей попристальнее, легко увидеть можем, что преступления, относящиеся к богохулению, происходят из двух источников: или от вольнодумства, или, как выше уже заметили, от невежества и разврата.

В первом роде замечаются молодые, так называемые *воспитанные* люди, кои или начитавшись соблазнительных авторов, или увлеченные дурными примерами, не испытав еще поучительных опытов в жизни, с дерзостью, жалости достойною, нередко щеголяют своим нечестием, думая читать в глазах подобных себе умников одобрение и слышать их рукоплескание.

Второго рода преступники суть истинные невежды, не имеющие большею частию никакого понятия о божественной мудрости закона христианского и христианами именующиеся по единому совершенному над ними в младенчестве таинству крещения и по одним исполнениям наружных христианских обязанностей. Такие в преступление большею частию впадают во время непотребного пьянства, которое — к прискорбию всех истинных друзей человечества — с непомерным умножением и распространением винной продажи приметно в низком классе народа усиливается. В таком случае часто не ожесточение против бога, или его святых угодников, или против веры бывает поводом к изрыганию хульных слов, но какой-либо несмысленный упрек или спор, со сторо-

ны сделанный или начатый, заставляет упившегося и потерявшего рассудок отвечать богомерзким ругательством, единственно, чтобы перекричать своего противника и показать, что он никого и ничего не страшится. Сия черта особенно заметна в характере нашей черни. Самый кроткий и тихий крестьянин в обыкновенном своем положении делается дерзким, наглым и необузданным, как скоро упьется вином.

Точно по сей самой причине впал в преступление и тот московский мещанин, коего дело подало мне повод к сему рассуждению. Кто-либо, зная пребывание сего мещанина в расколе, упрекнул его обличением против раскольников св. Димитрия Ростовского, и сей, озлобившись, отвечал поношением угодника божия. Последовал шум, обративший внимание полиции, началось следствие — и отсюда произошло уголовное дело, получившее важность первой степени!

Чтя истину, мы не можем скрыть от самих себя и должны сознаться, что преступники первого рода, благодаря просвещению, вышли из кругу законного преследования: они вне закона, жертвою его остаются еще невежды низкого класса. Но яд, разливаемый первыми в обществе, без ошибки сказать можно, далеко вреднее зла, причиняемого последними. В этом удостовериться не трудно, если рассудим, что первые стремятся в гражданском обществе к честям и занятию со временем важнейших должностей, где от них судьба многих людей может зависеть, а другие остаются век свой в низком классе и никому, кроме себя, вредны быть не могут.

К довершению сей истины мы легко себе представить можем, что в то же самое время, в тот момент, когда преступившийся несчастный невежда на лобном месте предается наказанию, в тот самый момент, говорю я, десять модных вольнодумцев в различных местах любезничают кощунством противу святых истин веры или противу священных установлений церкви — и, это легко быть может, тут же прислушивают и одобряют нечестие те самые, коих руки подписали приговор наказуемого. Но подумаем с совестью нашею, сей последний в качестве человека не имеет ли права в болезненных воплях своих воззвать к первым со Иовом: *Вы ли едины человецы или с вами скончается премудрость и у меня сердце есть, якоже у вас!* (Иов. Гл. 12)[11].

Взглянем на последствие такого наказания. Преступник, отторженный от семейства, отнятый у общества, к коему принадлежал, наказывается одною жестокою болью телесных ударов и ссылается в отдаленность в каторжную работу. Там, будучи на всю жизнь включен в число душегубцев и разбойников, он делается из заблуждавшегося развратника ожесточенным нераскаянным злодеем, для которого ничего уже нет святого и который готов на всякое неистовство. А там, где наказан был сей преступник, уже забыт он, и из питейных домов, как из челюстей ада, вскоре явятся вновь десять подобных.

Какая же польза от сего наказания? Обратимся ли к учению евангельскому: оно далеко не исполнено, *заблудшаяся овца* не отыскана, не возвращена — и на небесах нет великого радования о раскаянии грешника[12]. Жестокость закона отъемлет у неба сие торжество. Обратимся ли к гражданскому обществу. Пример наказания недействителен: упившиеся вином не рассуждают о последствиях; а вольнодумцы не знают о наказанном или посмеиваются, ибо законы не для них. Самое то общество, к коему принадлежал преступник, чувствует только то, что оно одним членом уменьшилось и что та часть общественной тяготы, коя падала на его долю, должна разложиться на всех, и, стало быть, доля повинности каждого умножится. Случится ли вскоре потом требование на службу, вместо праздного гулливого гражданина пойдет прилежный благонравный земледелец или художник, добрый сын, хороший отец, нередко единственный кормилец престарелых родителей или малых детей! Я сказал, что преступники сего рода делаются впоследствии нераскаянными злодеями. Я утверждаю это с опыта. Быв в Охотском порте и в самом Нерчинске, я видел во множестве сих преступников, говорил с ними и ужасался. Однажды в Охотске, увидев довольно молодого, видного собою преступника, коего лицо обезображено было наказанием, и узнав, что он из духовного звания и был диаконом, я пожелал узнать о роде его преступления. И сей, с буйственною замашкою, сделал мне тотчас весьма скорый и краткий ответ; но такими словами, что я не прежде, как потребовав объяснения, понять мог, что он разумеет под ними,— святотатство,

совершенное им над иконою пресвятой девы. Содрогнувшись такого дерзновения, я с омерзением и жалостию отвратился тогда от сего неистового злодея и никогда сего случая забыть не могу.

Представьте же теперь, если духовного звания человек, соучаствовавший некогда в приношении бескровной жертвы, по наказании остался нераскаянным; то чего ожидать можно от простого крестьянина, во всегдашнем невежестве и буйстве взросшего!

Какое наказание более приличествует преступлению в богохульстве

Какое же наказание можно придумать для впадающих в преступления против законов о соблюдении страха божия? Посмотрим, что начертала о сем премудрая законодательница России:

«Между преступлениями, касающимися до закона или веры, я не полагаю других, кроме стремящихся прямо противу закона, каковы суть прямые и явные святотатства. Ибо преступления, которые смущают упражнения в законе, носят на себе свойство преступлений, нарушающих спокойствие или безопасность граждан, в число которых оные и относить должно. Чтобы наказание за вышеписанное святотатство производимо было из свойства самой вещи, то должно оное состояти в лишении всех выгод, законом нам даруемых, как-то: изгнание из храмов, исключение из собрания верных на время или навсегда, удаление от их присутствия».— Наказ. § 74[13].

Внимая сему велению той, которая с толикою славою 34 года управляя народ свой, явила свету доказательство глубокого знания своего в науке царствовать, мы должны убедиться, что преступления в нарушении страха божия и благочестия не могут быть рассматриваемы как оскорбление величества божия и преследуемы с жестокостию в виде отмщения, которое ни в каком отношении не может быть благоприятно тому, его же благость безмерна и милосердие неисследимая пучина. Напротив, преступления сего рода должно принимать в том их качестве, поколику они вредны общественному благу, коего главнейший и вернейший залог есть вера, точное исполнение божественных ее велений, любовь к ней, благоговение, упование на нее. Кто дерзает соблазном

подрывать сии священные добродетели, тот, конечно, есть враг общества и враг церкви. Но все человек и сын церкви, хотя блудный, потерянный, мертвый!

Итак, цель наказания подобного преступника не в одном том состоять должна, чтоб, погубив его, избавить гражданское общество от возмутителя и от тела общества христианского отделить невозвратно член гангренный! Но, напротив, чтобы самое наказание дало возможность грешнику спастися, душе в разум истинный прийти; чтобы он мог, возвратясь в общество, быть еще полезным оному и заслужить нанесенное ему оскорбление, а исправленною жизнью служить примером другим до конца дней своих, в христианских добродетелях не укоренившихся и ко впадению в подобные преступления склонных.

По соображению сих истин, в коих едва ли кто усумниться может, я полагаю, что лучшим и приличнейшим возмездием за преступление против страха божия и против церкви вообще быть может следующее тройственное наказание:

1-е. Совершенное заточение с прекращением всякого сообщения с людьми, и отнюдь не менее года.

2-е. Заключение в монастырь для исправления и наставления под монастырским искусом, также не менее года. С отчуждением в обоих сих периодах в наказание христианских прав, кроме токмо смертных случаев.

И 3-е. Возвращение публичное и торжественное в прежнее общество и водворение в лоно церкви.

Дабы таковое наказание как можно было действительнее и более принесло пользы, я полагаю еще следующие подробности весьма необходимыми. Первое. По окончании суда и приговора над преступником не свойственно уже будет выводить его на место, где публичная казнь исполняется, но гораздо приличнее, чтобы чрез духовное начальство предписано было или в одном том приходе, к коему преступник принадлежал, или во всех приходах того города, где совершил он преступление, по окончании воскресной службы по три раза объявлять прихожанам имя и вину преступника и что он по суду отчуждается от церкви и от общества в заточение, доне-же чистым раскаянием примирит себя с тою и с другим.

Средством сим дано будет почувствовать, что не только наказывается гражданский преступник, но и исправляется христианин грешник.

Второе. В самом заключении взор преступника должен тотчас найти распятие Спасителя или образ, изображающий страсти его — и священную книгу божественного писания. Необходимо, чтоб он не слыхал уже человеческого голоса, самая пища пусть доставляется невидимо. Заключение отнюдь не должно иметь физических неудобностей, как-то сырости, холода или нечистоты. Преступник пусть видит, что его признают еще человеком. Если же он неграмотный, то пусть доставляющий ему пищу невидимо всякий раз твердым голосом скажет ему: *Благ и милостив господь, даяй пищу человеком,* или *господь призывает грешныя к покаянию*[14] или другой какой-либо текст священного писания, могущий напомнить о милосердии и благости божией, и чтобы ни на какие вопросы или вопли не отвечал более ни одним словом. Разумеется, что в болезненных случаях должна быть подана скорая помощь. Сколь было бы полезно, если б устроены были особые тюрьмы, в коих бы от храма божия, в средине всего здания учрежденного, проведены были в комнаты заключенных особые трубы, дабы они, слыша по воскресным дням духовное пение, могли умиляться и благоговеть пред господом. Не менее бы принесло пользы и то, если бы заключенные не иначе освобождались, как в высокоторжественный день светлого Христова воскресения и знаком освобождения было бы христианское лобзание: Христос воскрес!

Третье. Из заточения переводить преступников в монастырь не прежде, как по замеченной степени раскаяния содержимого в заточении. За сим наблюдать весьма не трудно. Для сего нужно, чтобы продолжительность заточения не была предварительно определяема и чтобы преступник в приговоре своем слышал только и памятовал одни неопределительные слова: да еже исправится раскаянием. Монастырь для таковых начинающих приходить в чувство раскаяния преступников должно избрать совершенно уединенный и строгостию жития монашествующих известный! Во время пребывания в монастыре безграмотного послушника можно выучить читать и притом наставить его в Законе божием.

Четвертое. Когда монастырское испытание окончится и преступник раскаянный может возвратиться в общество, тогда в назначенный и предварительно объявленный жителям того города или села день привести его прямо в церковь во власянице. Тут в собрании хрис-

тиан-сограждан своих и родственников должен он прочитать вслух благодарную молитву ко господу за отверстие сердца его к раскаянию; потом священнослужителем дается ему публичное благословение, и по предварительном приуготовлении, в первый раз со времени преступления его, может он приобщен быть святых Христовых таин. Сим таинством, сопричислив его паки к числу верных христиан, должно уже заповедать, дабы никто не укорял возвратщегося на путь истинный прошедшим заблуждением.

Коль же великое и полезное при сем случае может сделать на сердца предстоящих впечатление христианское слово, оказанное красноречивыми устами какого-либо священнослужителя, это всякому вообразить себе удобно.

Доказательства, что предлагаемое наказание будет действительнее и полезнее ныне употребляемого

Не думаю, чтобы кто-либо усумнился в том благотворном действии, какое подобный образ наказания и помилования нарушителей страха божия произвести может как на самих преступившихся, так и на тех, кои к подобным преступлениям склонны быть могут.

Смело утверждаю, что наказанный заточением, исправленный постом, благочестивою монастырскою жизнию и возвращенный с неким священным обрядом в общество, преступный гражданин не впадет уже впредь в подобное преступление и от всякого другого всемерно воздерживаться будет; а притом и десять других примером своим воздержит. Не только в том самом городе, где такой обряд случится, но и во всяком другом, куда может достичь описание об оном чрез публичные листы, он произведет желаемое благотворное действие несомненно.

Не ожидаю также, чтобы кто-либо возразил против того, что уединенным заточением всякий преступник непременно исправиться должен. Из самого ежедневного опыта над людьми видеть можем, что если в обществе живущий человек чрез пять и много чрез десять лет совсем уже не так смотрит на вещи, как прежде, не так мыслит, не так действует; кольми паче в совершенном уединении к сей перемене он склонен быть может. Опыты подобных наказаний в Соединенных Штатах, в сем

новом колоссе из государств просвещенных, могут убедить нас в пользу оных. Еще скажу: если в заточении при едином раскрытии книги Священного писания обращались и исправлялись неверствующие Лагарпы, коих умы созрели в кровавых богомерзких якобинских правилах[15], то как при тех же способах не обратиться уму простому, от невежества блуждавшему.

Мы можем в нашем Отечестве найти некоторых людей, кои сами о себе скажут, что в молодости своей были совершенными безбожниками и вольнодумцами, но некоторые встречи в жизни исправили их; они теперь суть для всех примером нелицемерной набожности, равно благочестивы, как и благотворительны к бедным и несчастным. Как же можем усумниться в том, чтоб невозможно было зараженного припадком вольнодумства или невежественного нечестия уврачевать совершенно и сделать еще хорошим христианином и гражданином полезным.

Друзья человечества, вельможи, власть предержащие, мужи, излагающие законы! к вам взываю я: не благоприятнее ли будет небу сие столь кроткое и с христианским учением согласное исправительное наказание нарушителей страха божия, нежели то безжалостное и, можно сказать, зверское истязание, которое поныне в нашем отечестве употребляется.

Заключение с замечанием о наказании за святотатство

Окончу рассуждение мое замечанием, что, согласно с духом бессмертного наказа Екатерины Великой, и самое явное святотатство, коего важность по нашим законам никакою малостию похищенной вещи не ограничивается и не ослабляется, с лучшею пользою подобно же наказуемо быть может.

Мне случилось слышать, что в некоторой губер[нии] наказан был со всею жестокостию один несчастный бедняк, яко святотатец. По следующему случаю: во время службы божией в одном приходском храме некто подал ему, как обыкновенно бывает, мелкую монету для передания ее далее, дабы на оную купить и поставить пред образом свечу. Но сей несчастный, будучи нищ, удержал монету у себя. Обличен в том — и вот святотатец! Не слыхал ли бедняк сей о желании подавшего ему ту

монету и счел за поданную ему милостыню, как то он и пред судом показывал, или подлинно пожелал воспользоваться сей лептою, назначенною для сожжения свечи пред иконою, словом, как бы то ни было, не содрогнется ли всяк сострадательный христианин, слыша о подобном наказании, и не пожалеет ли о сей несчастной жертве жестокости закона.

Наконец, если происшествие сие выдумано, не менее того оно правдоподобно, оно легко случиться может. И сего уже одного достаточно для убеждения, что и явное святотатство не жестокостию и страхом истязания истреблять и паче еще предупреждать следует.

Генваря 7-го, 1825.
Пет[ербург]

КРАТКОЕ ИЗВЕСТИЕ О ЖИЗНИ, ХАРАКТЕРЕ И САМОЙ КОНЧИНЕ БЫВШЕГО МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ГРАФА АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ТОРМАСОВА

Целые три года имев честь служить при покойном московском военном генерал-губернаторе графе Александре Петровиче Тормасове и во все это время пользоваться отличною его доверенностью, я почитаю обязанностью, для меня священною, отдать пред лицом соотечественников моих последний долг памяти сего достопочтенного мужа следующим кратким изображением всей его жизни, характера и самой кончины. Уверен, что читатели мои найдут оное особенного внимания достойным и разделят со мною чувствования, к сему поступку меня побудившие.

Граф А. П. Тормасов родился в 1752 году от благородных, хотя и небогатых родителей[1]. По десятилетнем возрасте он взят был ко двору императора Петра III пажом,— и десять лет оставался в сем звании при дворе Екатерины Великой. В 1772 году вступил он в военную службу поручиком и вскоре взят в адъютанты к генералу графу Брюсу бывшему в Москве главнокомандующим[2], и потом при нем же сделан генерал-адъютантом. Из сей должности он перешел в действительную фронтовую службу в 1777 году подполковником в егерский Финляндский батальон, из которого вскоре назна-

чен командиром Далматского гусарского полка, переименованного потом Александрийским легкоконным. Чрез 13 лет дослужился он до чина генерал-майора. Император Павел I в 1798 году пожаловал его генерал-лейтенантом, а чрез год генералом от кавалерии. В том же, однако ж, самом году, по неудовольствию, с новым начальством у него происшедшему, он был выключен из службы. Но как покойный государь, обладая в совершенстве добродетелью, великим царям свойственною, удобно и скоро пременял гнев на милость и возвращался к справедливости, то генерал Тормасов чрез год принят был опять в службу и назначен шефом лейб-кирасирского его императорского величества полка, а потом командиром лейб-гвардии Конного полка. О сем последнем командовании он всегда вспоминал с некоторым приметным удовольствием, когда случалось ему говорить о последних днях царствования блаженной памяти императора Павла Петровича. По вступлении на престол ныне благополучно царствующего монарха он назначен был инспектором кавалерии по Днестровской инспекции, а потом по Финляндской. Последующее прехождение его от одного назначения по службе к другому более известно: он был почти четыре года киевским военным губернатором и потом рижским. В сем последнем месте не пробыл и года. Собственное болезненное состояние и расстроенное здоровье супруги заставили его просить об увольнении от службы. Он был отставлен с мундиром и полным пансионом, но по кончине супруги своей в 1808 году вступил опять в службу и вскоре назначен главнокомандующим в Грузию[3]. Пред наступлением отечественной войны в 1812 году ему вверена была 3 обсервационная армия, и с званием главнокомандующего оной даны все права, власть и преимущества, какие главнокомандующим действующих армий по положению присвоены.

На военном поприще граф А. П. Тормасов всегда известен был как неустрашимый офицер и как благоразумный начальник. Хладнокровию его и присутствию духа в самом пылу сражения весьма многие удивлялись. Он начал настоящее военное ремесло с подполковничьего чина, быв в 1782 году при завоевании полуострова Крыма, и потом уже во всю Турецкую войну, с 1787 по 1792 год, находясь в армии безотлучно. Он был при осаде Очакова, при взятии городов Аккермана и

А. П. ТОРМАСОВ
Литография Н. Брезе

Бендер; при разбитии неприятеля за Дунаем близ Бабая и во многих других делах, из коих в Мачинском, командуя кавалериею левого фланга, он оказал толь отличную храбрость, что в 1790 году за оную награжден от императрицы военным орденом св. великомученика Георгия 3 класса — и вскоре произведен генерал-майором. По окончании Турецкой войны граф А. П. Тормасов прослужил всю кампанию против польских конфедератов[4]. Во время оной, командуя отдельным корпусом, за удачно совершенную переправу чрез реку Буг, при местечке Бороусте, в 1792 году получил от короля польского ордена Белого Орла и св. Станислава. В 1794 году за отличную храбрость в известном сражении при местечке Мацевичи награжден от государыни орденом св. равноапостольного князя Владимира 2-й степени; а в прагском штурме заслужил шпагу, алмазами украшенную, с надписью *за храбрость*. Будучи главнокоманду-

ющим в Грузии, в 1808 году он осадил и взял штурмом ород Эривань; в следующем году разбил персиян при Елисаветполе; а в 1810 покорил Имеретинское царство, полонив и самого царя Соломона. За сей подвиг монарх наградил его орденом св. р[авноапостольного] кн. Владимира Большого креста I степени. В том же году генерал Тормасов сделал удачную экспедицию к турецкому городу Ахальцику и потом разбил соединенные турецко-персидские войска близ урочища Цалки. При отозвании его в 1811 году, согласно с собственным его желанием, из Грузии государь император в воздаяние за все сии подвиги препроводил к нему алмазные знаки ордена св. Александра Невского, получённого им еще в 1806 году за усердную службу в звании киевского военного губернатора. В достопамятный и незабвенный 1812 год при внезапном вторжении бесчисленного неприятеля в пределы отечества нашего и при начальном преуспевании его, когда с каждым новым ударом, с каждым шагом его вперед наносилось новое беспокойство жителям обеих столиц и когда страхом объятые семейства начинали уже в самом Петербурге терять надежду на безопасность, генерал Тормасов с графом Витгенштейном первые показали возможность бить неприятеля. О победе, одержанной генералом Тормасовым над Саксонским корпусом при Кобрине, принесено в столицах и во всей России первое торжественное господу богу благодарение. Тогда, после горестных отступательных реляций, в первый раз гром пушек с Петропавловской крепости возвестил жителям Петрограда вожделенную победу, успокоил умы, оживил сердца, возвысил дух упадший. Государь отлично наградил победителя, пожаловав ему орден св. великомученика Георгия 2 класса и 50 т[ысяч] рублей деньгами. Вскоре потом генерал Тормасов одержал новую победу над соединенными австрийскими, саксонскими и польскими войсками при местечке Городечне[5]. Государю, однако же, угодно было, чтоб он по соединении с ним Молдавской армии, состоящей под командою адмирала Чичагова, сдал сему последнему свою армию и прибыл к главной армии князя Кутузова. Фельдмаршал гнал уже Наполеона, когда явился к нему генерал Тормасов. Его содействию, по собственному свидетельству фельдмаршала, принадлежит известное поражение неприятеля под Красным[6]. Государь император за сию победу всемилостивейше пожаловал его кавале-

ром ордена св. Андрея Первозванного. По изгнании неприятеля за границу ген. Тормасов оставался при армии до Люценского дела, известного нерешительным окончанием и последовавшею неожиданно ретирадою[7]. После сего случая он впал в болезнь и был уволен от армии в С.-Петербург, где вскоре повелено ему быть членом Государственного совета. Сим назначением окончилось военное его поприще.

В 1814 году генерал Тормасов избран был от первых государственных сословий в число депутатов для принесения государю императору от лица всей России всеподданнейшего поздравления с благополучным и толико славным окончанием войны,— и для поднесения его величеству проименования *Благословенный*. В 30 день августа того же года государь император, намереваясь вновь отбыть из России, назначил его главнокомандующим в Москву, едва только что начавшую отрясать еще дымящийся пепел с развалин своих и молящую о призрении и помощи. Оправдал ли он сию отличную монарха своего доверенность, можно судить из того, что по возвращении государя в конце 1815 года в С.-Петербург московские граждане принесли его императорскому величеству за дарование им такого начальника всеподданнейшее благодарение, свидетельствуя в письме своем, что генерал Тормасов «явил им разительный пример возможности, сохраняя высочайшие» его императорского величества «законы: быть равно внимательну к богатому и убогому, к сильному и слабому, к сущему в чести и в ничтожестве пребывающему». В 1816 году сам восхищенный монарх при виде возникшей толь невероятною скоростью и великолепием из развалин своих Москвы в ознаменование признательности своей к заслугам генерала Тормасова пред отечеством возвел его августа в 30 день в графское Российской империи достоинство со всем нисходящим от него потомством. В прошлом 1818 году, когда во время пребывания в Москве всего императорского дома посетил столицу сию его величество король прусский[8], сей монарх, к удовольствию государя императора, при отбытии своем из Москвы пожаловал графу А. П. Тормасову прусско-королевский орден Черного Орла. Это было уже последним ему воздаянием за заслуги в сей временной жизни.

Граф Александр Петрович был роста высокого и до преклонных лет сохранил весьма приятную, величавую

и благородную наружность. В молодости своей он почитался красавцем. Будучи от природы несколько вспыльчив, он умерял сию запальчивость своим добродушием и мягкосердием, которое составляло отличительную черту его характера. Я сам был неоднократно свидетелем, что, встретив кого-либо из подчиненных в минуту вспыльчивости жестоким и колким выговором, он оканчивал весьма снисходительным увещанием и отпускал от себя с благосклонностию так, что ничего уже похожего не оставалось на гнев его. В сем отношении он имел ту примечательную особенность, что если б случилось ему оскорбить кого-нибудь выговором несправедливым, он никогда в том не сознавался, хотя бы видел ясно свою несправедливость. Может быть, он почитал таковую признательность неприличною своему сану. Зато при первой встрече по делам службы с тем чиновником он старался всячески его обласкать и говорил уже с ним столь милостиво, столь приветливо и снисходительно, что невозможно было не понять желания его дать тем разуметь, что он чувствует свою ошибку и убеждает забыть оскорбление. Если это может почесться недостатком, то оный сугубо в нем вознаграждался тем, что он вовсе не был ни жесток, ни злопамятен и никогда не унижался до того, чтобы угнетать или преследовать кого-либо по личному неудовольствию или озлоблению. Если случалось, что суд преданного им самим суждению за какой-либо проступок чиновника оправдывал и не без снисхождения, то, утверждая приговор суда, он иногда говорил: «Я против него ничего не имею; отдав его под суд, я поступил как начальник; но если он оправдался, я очень рад». Разве бы преступление было особенной важности, как, например, в корыстолюбии, тогда он рассматривал дело со всею строгостию и казался к снисхождению непреклонным. Граф Александр Петрович не терпел ни наушников, ни фискалов. Мне случалось слышать из уст его прекраснейшее суждение о сем дозволенном для начальников средстве узнавать, что делается в обществе: «Всякий наушник или фискал,— говорил он,— должен быть человек с низкими чувствами, и потому легко станется, что от таких людей может обнесен быть и даже пострадать самый невинный и честный человек; от этого я поставил себе правилом лучше многого вздора не знать, нежели оскорбить по клевете одного честного человека». К сожа-

лению, однако ж, он был несколько подозрителен к подчиненным; может быть, опыт и встречи с несколькими людьми, употребившими во зло доверенность его, заставили его быть таковым. Казалось, что он как бы сомневался в возможности найти в нынешнее время прямо честного человека, в котором мог он быть совершенно уверен. Сам он не был любостяжателен и ни малейшего повода не подал к заключению, чтоб можно было его купить в каком бы то ни было деле.

По службе граф Александр Петрович был строгий блюститель всякого порядка и любил неослабную взыскательность. В отношении к чиновникам, при нем служащим, имел также свое правило: он, казалось, никакими трудами, никакими усилиями их в точном и деятельном исполнении должности не был доволен и всегда старался находить что-либо еще недостающее, давая чувствовать, что он в усердии не видит ничего особенного и что, по его мнению, оное не что иное есть, как прямая и настоящая обязанность службы. По сей самой причине он не торопился в наградах и у него нелегко было их заслуживать. Сам он к вышнему правительству соблюдал совершенное уважение и если получал от особ, оное составляющих, что-либо неприятное, то обыкновенно прибегал к частным объяснениям чрез собственноручные письма и уклонялся от официальных в таких случаях возражений. Многие опыты в жизни и знании людей сделали его до того осторожным в сем отношении, что он казался вовсе нетвердым и ненастойчивым. Зато он не был никогда искательным, поставляя за правило, как о том я не однажды от него слышал, «чтоб по службе ни на что не напрашиваться и ни от чего не отрицаться».

В образе жизни граф Александр Петрович мог почитаться примерным. Он вставал обыкновенно в пять часов и после употребления одной чашки кофе, который любил сам наливать, тотчас одевался. В одежде был всегда тщателен и не пренебрегал своим туалетом. Обыкновенно не начинал заниматься делами и не принимал никого по службе иначе, как в мундире, или по нездоровью только в сертуке. Окончив утреннее занятие бумагами, он выходил летом к разводу и в сие время принимал лично просьбы, кои всегда сам прочитывал и на каждой своеручно означал полную резолюцию. В 11 или 12 часов он выезжал для личного осмотра разных ра-

бот и в те места вообще, где нужно было его присутствие. В 2 часа он обыкновенно кушал. Стол его всегда был умерен, но со вкусом. Он не употреблял крепких напитков иначе, как с величайшею умеренностью. После стола отдыхал с час в креслах и потом опять занимался делами. Ввечеру в свободные часы он иногда любил проводить время преимущественно за игрою в шахматы. В карты играл только для компании с гостями. Посещал иногда театр и принимал успокоение в 11, а иногда и в 12 часов ночи. Будучи весьма скромен и бережлив в домашнем содержании, он, однако же, любил иметь у себя все лучшее и изящное. Если давал обед или бал, то не желал ничего, чтобы только гости были угощены наилучшим и приятнейшим образом. В обращении всегда был ласков и снисходителен, но не словоохотлив и оттого казался сух и неприветлив. Особенно в публичных аудиенциях и собраниях, равно как и в присутствии высочайших особ, от природной застенчивости он был неловок и, казалось, не находился, что говорить, и если говорил, то с некоторым видом смятения.

Недостаточное состояние в первых годах жизни научило его, конечно, той бережливости, какую соблюдал он во всех отношениях в доме своем; ибо все, что он ни оставил по смерти своей, приобрел службою от щедрот монарших и своею экономией. Граф Александр Петрович был женат на девице, происходящей от благородной лифляндской фамилии, но брачною жизнью наслаждался весьма недолго. От сего брака остался у него один сын 13 лет[9], которому для компании принял он к себе равнолетнего сына одного полковника, в сражении потерявшего жизнь и некогда служившего под его начальством. Сироту сего он содержал и воспитывал без малейшего различия с своим сыном.

Будучи по природе крепкого сложения, граф Ал[ександр] Петрович мог бы долговременно наслаждаться жизнью, если бы каменная болезнь и геморроидальные припадки не расстроили его здоровья. Он вынес две весьма важные операции, вероятно, наиболее сократившие дни его. Еще в 1817 году летом от геморроидальной болезни он близок был ко дверям гроба, но искусством доктора Шнауберта[10] был совершенно восстановлен. В настоящем году весною оказалась у него водяная болезнь в ноге, от коей страдал немалое время, и когда несколько облегчился, располагался ехать в Петер-

бург для совета с некоторыми известными врачами. В конце октября припадки той же болезни усилились, с присовокуплением бессонницы. Он не мог иначе покоиться, как сидя в креслах, но и в сем положении, при дремоте и забывчивости, делались ему невольные всхлипывания, кои его весьма пугали. Однако ж 10 числа ноября, почувствовав некоторое облегчение, он начал было заниматься делами и 11 числа писал еще к своим родным собственноручные письма; но 12 внезапно болезнь ознаменовалась в нем с такою жестокостью, что составлен был консилиум из гг. лейб-медика Лодера и докторов Шнауберта, Рихтера и Пикулина[11], кои предсказали его кончину. В 12 часов ночи дали ему лекарство, единственно для его усыпления. Оно подействовало, но не более как на один час. После сего всю ночь граф провел в беспокойстве. С помощью камердинера встал с постели, прошел раз семь по комнате и опустился на кресла. В 6 часов утра 13 числа приказал немедленно позвать к себе гувернера своего сына г. Дубле. Когда сей явился, граф взял его за руку, успел только сказать: «Я чувствую, что умираю, не оставь моего сына»,— и вскоре испустил дух. При бальзамировании тела вынули из груди его три фунта воды, и, следовательно, по заключению медиков, излияние оной в грудную полость было единственной причиною его преждевременной смерти.

Священный обряд погребения последовал с подобающим великолепием и воинскою церемонией, при великом стечении народа 22 числа ноября. Отпевание происходило в Чудове монастыре, которое, равно как и божественную литургию, совершал сам преосвященнейший Серафим, митрополит Московский, с прочими архиереями и знатнейшим духовенством. После сего бренные останки покойного преданы земле в Донском монастыре, в той самой церкви, в которой похоронены убиенный архиепископ Московский Амвросий и князь Николай Васильевич Репнин[12].

Таким образом окончил трудное поприще временной своей жизни сей многими заслугами и добродетелями украшавшийся муж, о котором самое беспристрастие велит сказать, что он был верный слуга своего монарха, усердный сын отечества и вельможа честный. Этого и самая зависть у него не отнимет. Запечатлевая сим описанием душевную мою признательность к покойному

бывшему моему начальнику, без всякой лести, которая ему уже не нужна и мне бесполезна, я почту себя счастливым, если оно может возбудить справедливое участие в потере сего мужа и самое уважение к памяти его в тех соотечественниках моих, кои знали его только по слуху и судили о нем иначе.

Москва. Декабрь 1819

ЧАСТНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ ЮНОШЕСТВА ПОДПОЛКОВНИКА И КАВАЛЕРА БАРОНА ВЛАДИМИРА ШТЕЙНГЕЙЛЯ. В МОСКВЕ, У ПОКРОВСКИХ ВОРОТ, ПРОТИВ ЧИСТЫХ ПРУДОВ В ДОМЕ ГОСПОД АКУЛОВЫХ. МОСКВА. В ТИПОГРАФИИ СЕМЕНА СЕЛИВАНОВСКОГО. 1821

Правила частного заведения для образования юношества.

А. Учение:

1. В частном заведении, которое я в Москве для образования благородного юношества открываю, преподаваться будет полный курс наук, какой ниже сего означен.

2. Для выслушания сего полного курса потребно шесть лет.

3. Весь курс будет проходим в три отдела, из коих последний разделится на два вышних класса, как то ниже объяснено будет.

4. Для самых малолетных, ничему, кроме российской грамоты, не учившихся, особенно будет класс приуготовительный, прохождение коего не кладется в число 6 лет, потребных для полного курса.

5. В приуготовительном классе воспитанники получают первые понятия о христианской религии, наставление в правильном чтении и в письме, прежде российского, а затем латинского, немецкого и французского языков. Также началам арифметики и рисования, первым понятиям о географии — и, кратко, священной истории.

6. Приуготовительное учение должно быть, сообраз-

но с методою Песталоцци, без всякого принуждения и без вытерживания наизусть.

7. За сим полный курс состоит из следующих наук:

I. Нравственность:

1) Христианское богословие. 2) Священная история Ветхого и Нового Завета, с толкованием Евангелия. 3) Чтение избранных мест из Евангелия и Деяний святых апостолов. 4) Логика. 5) Обозрение философии древних.

II. Рассматривание и познание природы:

1) Опытная физика. 2) Натуральная история со всеми ее отделениями. 3) Основания химии. 4) Уранография, или краткое познание об астрономии.

III. Повествование событий и познание о населении нашей планеты:

1) История древняя и новая, всеобщая и российская с хронологиею. 2) География древняя и новейшая и 3) Статистика государств европейских, особенно российская.

IV. Математические сведения:

1) Арифметика с алгеброю. 2) Геометрия и плоская тригонометрия, с приложением оных к геодезии и к съемке или ситуации. 3) Аналитическая геометрия с вышними вычислениями и приложением оных к механике и гидравлике. 4) Фортификация и 5) Артиллерия.

V. Политика:

1) Права: Естественное, Римское, Гражданское и Уголовное, с российским законоведением, особливо с приучением детей к сочинению необходимо нужных судебных или к порядку службы относящихся бумаг. 2) Общее понятие о геральдике и дипломатике. 3) Предуготовительное понятие о всеобщей коммерции и о бухгалтерии. 4) Политическая экономия вообще, с применением оной к России и с кратким изложением науки о государственном хозяйстве.

VI. Словесность русская:

1) Грамматика. 2) Риторика и 3) Эстетика.

VII. Иностранные языки:

1) Латинский. 2) Немецкий. 3) Французский — и для желающих особо — 4) Английский и 5) Итальянский.

VIII. Изящные искусства:

1) Рисование. 2) Архитектура гражданская. 3) Музыка с пением. 4) Танцевание. 5) Фехтование — и для желающих — 6) Верховая езда.

8. Порядок преподавания сего курса будет следующий:

Отдел I

В первый год: 1) Катехизис. 2) Чтение на латинском, немецком, французском языках. 3) Арифметика. 4) География, начальное основание Всемирной истории.

Во второй год: 1) Христианское богословие и Библейская история. 2) Начало российской и латинской грамматики. 3) Продолжение занятия прочими языками и начатыми в предыдущий год науками.

Отдел II

В первый год: 1) Продолжение наставления в законе божием, с чтением Нового Завета и Священной истории вообще. 2) Продолжение российской и латинской грамматики, с практическим упражнением в сих языках. 3) Грамматики прочих преподаваемых языков объясняются в том токмо, что они имеют особенного против свойств российского и латинского языков. 4) Древняя история и краткое изъяснение важнейших событий из истории российской. 5) Продолжение арифметики, начало алгебры и геометрии. 6) География всеобщая и математическая в полном ее порядке.

Во второй год: Продолжение наставления в законе божием и чтение избранных мест из Евангелия и Деяний святых апостолов, с священною историею; равно как и прочих начатых наук. Сверх того: 1) Логика. 2) Риторика. 3) Преподавание на российском языке о слоге вообще, с изложением правил и свойств сочинений в разных родах в стихах и прозе. 4) По всем преподаваемым языкам упражнение во взаимных переводах. 5) История средних веков, и российская пространно — и синхронически в отношении к первым государствам Европы. 6) Натуральная история и 7) Аналитика в самом приложении.

Примечание. Во все сие время воспитанники занимаются чистописанием на всех языках, по мере усовершенствования каждого; также рисованием, танцеванием и пением.

Отдел III

Класс I. Окончание вышесказанных наук — и 1) Обозрение философии древних. 2) Уранография. 3) Физика. 4) Начала химии. 5) Статистика Европы. 6) Фортификация и артиллерия. 7) Сферическая тригонометрия (для желающих: таковым покажутся и начала навигации). 8) Права и практическое занятие в сочинении бумаг, до судебных дел и до порядка службы относящихся. 9) Геральдика и дипломатика. 10) Политическая экономия. 11) Общее понятие о коммерции и бухгалтерии. 12) Эстетика. 13) Вышние вычисления в приложении к механике и гидравлике. 14) Беспрерывное занятие в словесности и разборах лучших авторов. 15) Архитектура и черчение разного рода.

Класс II. В нем 8 месяцев полагается на окончание всех преподаваемых наук и 3 месяца на практическое приложение оных, вместо повторения, и приуготовления к окончательному экзамену. По вступлении в сей класс воспитанники начинают учиться фехтовать и верховой езде.

9. Таков должен быть порядок преподавания, в продолжение коего поставится непреложным правилом, чтобы, во-первых, на ум и понятие учеников действовать более посредством очевидности и впечатления на их чувства, а не затруднять их многословным описанием предметов, и тем менее учением наизусть; во-вторых, чтобы не переходить от предмета к предмету, пока не выразумели совершенно первого; равномерно не проводить из одного отдела в следующий отдел без совершенного успеха во всех преподанных науках в предыдущем отделе. Сие с особенною строгостию должно быть наблюдаемо в отношении к последнему классу.

10. Постоянное учение в году будет продолжаться 11 месяцев, ибо июль, согласно с общим положением, останется на вакацию, в продолжение коей дети на свободе будут заниматься повторением пройденных наук, прогулками для съемки ситуаций и для геодезических уроков и беспрестанным практическим упражнением в языках.

11. К преподаванию наук пригласятся известнейшие гг. учители, одобренные вышним училищным начальством.

12. При всяком годичном испытании воспитанники должны быть способными не только ответствовать на вопросы своих наставников, но и посторонних экзаменаторов, кои на сей случай нарочно приглашаемы будут. Деятельное участие в таковых испытаниях родителей и родственников для детей будет, конечно, поощрением и с моей стороны примется всегда с достодолжною признательностию.

Б. Воспитание и содержание:

13. Образ воспитания относительно к нравственности должен — по предположению моему — сообразоваться с летами, характером и наклонностями каждого дитяти: следовательно, и положительных правил предначертать для сего неудобно; а потому я ограничусь теперь одним изложением того порядка, которому в рассуждении надзора за детьми и употребления времени намерен я следовать.

14. Главнейшая самая вещь в воспитании — надзиратели. Особенное старание с моей стороны употреблено будет приискать таких, кои оказали уже себя со стороны благонравия, образа мыслей и незазорного во всех отношениях поведения.

15. Надзиратели будут из немцев, французов, англичан — если то нужно будет — и из русских, говорящих на каком-либо из сих языков.

16. Воспитанники не должны оставаться одни без надзирателя.

17. Дабы ничто не мешало назиданию надзирателей над нравственностию воспитанников, они будут помещены отдельно от собственного моего семейства; сам я буду беспрестанно с ними или близко к ним, кроме одних необходимых отлучек по надобностям и делам, до блага же заведения моего касающимся.

18. Для сего же именно употреблен будет с моей стороны строжайший выбор в рассуждении дядек. Они должны быть степенных лет, трезвого и надежного поведения,— из вольнонаемных или из принадлежащих кому-либо из воспитанников. В сем последнем случае призор и услуги их ни под каким видом не должны более относиться к их господину, нежели к прочим воспи-

танникам, к коим они приставлены будут. На сей предмет дается им особенное наставление.

19. Дядьки во всех случаях, относящихся до воспитанников, повинуются надзирателям, и если бы мимо их случилось что-либо заметить за дитятей неприличное, немедленно объявляют о том надзирателю.

20. Каждому из дядек назначится определенное число воспитанников, за которыми они особенно ходить должны.

21. День располагается следующим образом: летом в половине 6, а зимою в 6 часов дети встают. Полчаса на умывание и одевание. В сем случае дядьки только чистят платье и оказывают в нужном случае пособие; впрочем, дети приучаются сами одеваться. Когда все оденутся и будут надзирателями осмотрены в опрятности, то входят в залу и читают утреннюю молитву, наблюдая в том между собою очередь. За сим завтрак, после коего повторение уроков и сказывание оных надзирателям или друг другу. За четверть до 8 часов сбираются в классы, продолжающиеся до 11 часов. 12-й час на прогулку или телодвижение. В полдень обед. До 2 часов свободное время для детских забав и повторение уроков. В 2 часа все на местах в классах до 5 часов. Шестой час на полдник, прогулку и телодвижение. От 6 до $8^1/_2$ часов повторение уроков, приуготовление к завтрашнему дню и вообще занятие с надзирателями в поучительных разговорах. В сие время могут быть классы для танцевания и музыки, а в летнее время для рисования и фехтования по часу. За полчаса до 9 часов ужин, после которого игры на открытом воздухе или в зале. В половине 10 часа общее чтение из книги: *«Памятник событий»,* краткого жития святого, на другой день празднуемого,— и исторического происшествия того числа с толкованием. Потом вечерняя молитва и сон.

22. В каждую субботу с вечера дети дома слушают всенощную, при чем приучаемы будут к чтению и пению церковному. В воскресение, прочитав Евангелие и Апостол того дня, идут в церковь к обедне. Послеобеденное время проводят в благопристойных играх, в прогулке и в приуготовлении к завтрашнему дню уроков своих.

23. Во время прогулок по городу или за город внимание воспитанников обращаемо будет на встречающиеся предметы, с объяснением всего, до них относящего-

ся: чтобы каждое таковое гуляние было неприметным для них поучением и служило к развитию их понятий.

24. Обращение с воспитанниками должно быть самое нежное. Ничего, что похоже на действие страстей, как-то: гнев, грубые порывистые слова и тому подобное, не может иметь места. Стыдение одно, лишение завтрака, на особенном столе обед и тому подобное должно быть наказанием.

25. Напротив, самые отличные благонравием и прилежанием ученики должны быть поощряемы первенством места в классах и за столом; правом выслушивать у других уроки и тому подобными средствами; а при экзаменах приличными призами и аттестатами.

26. Пища воспитанников всегда будет самая свежая и здоровая. Обеденный стол в будни составляют 4 блюда, в воскресенье и праздничные дни 5 блюд; вечерний всегда должен быть из трех легких блюд. За утренним завтраком и полдником будет чай с хлебом. За исправность стола я особенно ответствую.

27. Спальни для старшего возраста будут так устроены, что каждый из воспитанников будет иметь особую. Сие учреждение наиболее нужно для того, чтобы воспитанники при раздевании и одевании заранее приучались сохранять взаимное уважение и пристойность.

28. Чистота и опрятность как в комнатах, так и около самих воспитанников должна соблюдаться со всею строгостию. Белье переменяется постельное по одному, столовое по два раза и прочее зимою по два же, но летом по три раза в неделю.

29. За здоровьем воспитанников будет наблюдать годовой доктор, один из известнейших в столице.

30. Все воспитанники греко-российского исповедания на страстной неделе Великого поста будут ежегодно исповедоваться и приобщаться святых таин.

В. Непременные условия приема:

31. Желательно бы было, чтобы дети, отдаваемые на воспитание в мое заведение, были от 7 до 12 лет, дабы с ними можно было начать и кончить весь курс: ибо в таком только случае можно и должно воспитателю отвечать совершенно за нравственность и за учение.

32. По сим летам воспитанники разделятся на два возраста: младший и старший; те, кои менее 9 лет, сос-

тавят первый, а прочие второй и помещены будут отдельно один от другого.

33. Кроме дворянских детей, принимаемы будут также дети других сословий, коих родители известны по своему званию.

34. Чтобы не отвлекались дети от учения и порядка, в каком воспитываемы будут, весьма бы полезно было, чтоб во все время пребывания в моем заведении они вовсе не требовались домой, ни в воскресные, ни праздничные дни, кроме особенных каких-либо чрезвычайных случаев. Родители могут сами судить, какая вышла бы из того польза; впрочем, как каждый может иметь свой образ суждения и свои причины, то, не желая никого стеснять, я предоставляю это собственному благоразумию и воле родителей.

35. Для подобной же причины прошу родителей и родственников ни под каким видом не присылать к воспитанникам моим денег, лакомства и других подарков и не огорчаться, ежели ни с кем из посылаемых к ним людей иначе воспитанники мои видеться и говорить не могут, как в присутствии надзирателя.

36. Сами родители могут для поверения учения и содержания детей своих посещать их во время классов и стола, когда им то угодно; но не позже 9 часов вечера.

37. Имею обязанность предупредить желающих вверить мне детей своих, что если по каким-либо причинам пожелают взять оных обратно прежде срока, по который вперед заплачены деньги, то я в расчеты денежные входить не обязываюсь.

38. За каждого воспитанника, для неослабного поддержания столь важного заведения, полагается непременная плата 2000 рублей ассигнациями. За музыку особо 250 рублей. За фехтование и верховую езду в один последний год по желанию 100 рублей.

39. При самом вступлении в заведение деньги взносятся непременно за весь целый год вперед; а в последующие годы платеж производится пополугодно, взнося деньги за два месяца пред истечением заплаченного полугода. Содержатель заведения вообще не может принимать на себя обязанности воспитателя иначе, как с тем, чтобы со стороны родителей выплата денег производилась с совершенною точностию и в свое время,—

иначе родители обязываются взять детей своих немедленно к себе.

40. Желательно бы было, чтобы хотя со временем родители отдавали детей своих вовсе на пансионное содержание, т. е. с экипировкою, по приложенному при сем расписанию; ибо без совершенного единообразия и равенства в одежде и в употребительных вещах, у каждого быть могущих, невозможно или трудно предохранить детей, чтобы в юные сердца их не заронилось семя зависти, с одной стороны, и кичения по своему достатку, с другой. Первый порок гибелен во всю жизнь, а последний делает человека смешным и жалким.

41. Итак, если родители согласятся отдавать детей, представя заведению одевать их, то сверх положенной платы должны вперед за каждый год, кроме первого, в который может оставаться домашнее платье в употреблении, вносить 700 рублей ассигнациями. Если же и не изъявят на сие согласия, то в обязанности непременной снабжать детей своих согласно с упомянутым расписанием, не давая ничего лишнего.

42. Просвещенные родители без дальнего объяснения увидят сами, какая польза произойти может из того, если дети, вместе воспитывающиеся, имеют все одинакое: когда не будет того, что один, возвратясь от родителей своих в обнове, так сказать, разодетым, привлекает внимание других и, делаясь суетным, возбуждает в других подобную суетность.

Расписание вещам, необходимо
для воспитанников нужным:

а) Платье:

Число вещей 1) Зимнее:

1 Шинель (подбитая байкою), серая.
1 Сюртюк домашний однобортный, кофейного цвета.
1 Фрак или полуфрачок, судя по возрасту, синий.
1 Брюки } того же цвета.
1 Панталоны }
1 Жилет суконный же.
1 Фуражка серая с черным околом.
1 Пара перчаток теплых.

2) Летнее:

2 Панталон } из нанки.
2 Жилета }
1 Пара перчаток.

б) Белье:
2 Косынки коленкоровых.
2 Косынки миткалевых — к ним подгалстушник.
1 Черный платок или косынка.
6 Носовых платков.
6 Полотенцев.
6 Рубашек полотняных.
4 Подштанников.
6 Пар чулок нитяных и бумажных.
6 Простынь и дюжина наволочек.
в) Обувь:
4 Пары башмаков.
2 Пары сапогов.
г) Мебель:
1 Комодец для хранения белья и платья.
1 Конторка или стол.
1 Табурет.
1 Кровать — на ней:
1 Матрац кожаный волосяной.
1 Одеяло байковое, подшитое простынею.
2 Подушки пуховых.
д) Сверх того:
1 Подтяжки сафьянные.
1 Гребень.
1 Гребенка.

О ЛЕГКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ УНИЧТОЖИТЬ СУЩЕСТВУЮЩИЙ В РОССИИ ТОРГ ЛЮДЬМИ

Венценосные благодетели европейских народов вступились сами за права человечества и явно восстали против варварской торговли неграми. Россия между тем несет еще праведную укоризну от всей просвещенной Европы за постыдную перепродажу людей, в ней существующую. Не исчисляя всего зла, какой от сего происходит, довольно упомянуть, что таковое право продавать людей никаким законом положительно не утверждено: оно вкралось злоупотреблением и укоренилось временем. В старину, когда самые крестьяне имели свободу переходить от одного помещика к другому, дворяне могли законно продавать и в наследство отказывать одних токмо *полных холопей* или рабов, происходящих от пленных, предкам их в воинскую добычу до-

ПЕРВЫЙ ЛИСТ ЗАПИСКИ В. И. ШТЕЙНГЕЙЛЯ «О ЛЕГКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ УНИЧТОЖИТЬ СУЩЕСТВУЮЩИЙ В РОССИИ ТОРГ ЛЮДЬМИ» С ПОМЕТОЙ АЛЕКСАНДРА I

ставшихся. Напротив, прочие холопи бывали из людей вольных и служили по *кабале,* или по *летней:* т. е. или по жизнь господина, или на условленное число лет; и ни тех, ни других господа продавать права не имели.

Цари Феодор Борисович Годунов и Василий Иоаннович Шуйский, будучи из бояр, прекратили переход крестьян и прикрепили их к земле[1]. В царствование последнего открывалось уже, что господа стали посягать на свободу холопей кабальных, по жалобе коих издан был указ, подтверждающий, чтобы рабами считать одних только пленных с их потомками; а холопям служить на прежнем основании только тем, кому кабалу на себя дали[2].

Царь Алексей Михайлович по причине опустошения земель, причиненного предшествовавшими разорениями и мором, уничтожив дотоле существовавшую поземельную подать, учредил ее с дворов, что продолжалось до 1722 года, или до окончания первой подушной переписи, начатой в 1718 году[3]. Сею переписью, или ревизиею все холопи, без различия, поверстаны были в один с крестьянами подушный оклад. Обстоятельство сие, равно как и рекрутский набор с семей, подали повод холопей превращать в крестьян и крестьян в холопей; отделять их от семей и под названием дворовых продавать поодиночке[4]. Такое злоупотребительное поползновение — при частых, впоследствии времени, переменах правительства и силе дворянства — сначала было послабляемо, терпимо по превратному толкованию прав и, наконец, чрез долговременное употребление, став обычаем, облеклось видом коренного законного права.

Сия законами, историею и государственным архивом подтверждаемая истина доказывает, что доныне существующая в России продажа людей, справедливое бесславие всей нации наносящая, никогда не была дозволяема ее великими монархами и потому не может по всей справедливости почитаться законною. Но как никакая давность не может предо взором монарха — отца своего народа — освятить зло, удручающее одну часть его подданных, и удержать скиптроносную десницу его от праведного искоренения сего зла, то никто из благомыслящих людей не может отрицать, чтобы уничтожение в России продажи людей не было делом праведным, священным и совершенно достойным благословенного ее Александра,— и никто не должен сметь

роптать на меры, какие к тому будут приняты. Они могут состоять в следующем:

1. Надлежит повелеть сделать новую ревизию, в течение если не двух, то, по крайней мере, полуторых лет.

2. По сей ревизии дворяне, имеющие поместья, всех дворовых своих людей должны приписать к своим поместьям, а не к домам, в городах им принадлежащим, и по тем уже поместьям взносить следующие с них подати.

3. Всем беспоместным дворянам, имеющим дворовых людей, предложить продать *право свое* на них в течение года со дня издания Манифеста помещикам; но которые того сделать не похотят или не успеют и оставят дворовых людей при себе, те должны подать о них сказки в Градские думы. Сии последние зачислят их в цех слуг и рабочих людей, живущих в услугах, и будут взыскивать с господ следующие за них подати.

4. В таком положении дворовые люди сии могут пробыть 10 лет со дня же издания Манифеста; а по истечении сего срока должны уже получить свободу и поступить в мещане или остаться, по желанию, в цеховых.

5. С сим вместе постановить законом, чтобы по истечении года, предоставленного беспоместным дворянам на перепродажу дворовых людей, ни в одной уже гражданской палате никакой подобный акт ни о продаже, ни об отказе людей поодиночке, без поместий, к коим приписаны, не был совершаем — и чтобы впредь в самых купчих на продаваемые поместья означаемо было, что продается недвижимое имение, состоящее из такого-то количества земли, с селом или деревнями, в коих *приписных* по ревизии душ числится столько-то: вообще, чтобы было видно, что продается *земля, обитаемая людьми;* а не *люди* с землею, ими возделываемою.

6. После сего никакой вывод крестьян не может уже быть допущен, кроме одного случая, в котором помещик, не имея достаточного количества земли по числу своих крестьян, приобретет в другом месте пустопорожнюю землю и на нее пожелает переселить часть своих крестьян, но и в таком случае должно быть испрашиваемо особое дозволение от правительства. Сие, однако ж, не должно изменять права помещиков давать свободу дворовым людям и крестьянам поодиночке и с семействами[5].

И 7. Самые дворовые люди, при домах господских в

городах живущие, должны уже при продаже поместья, к коему приписаны, отходить к новому господину. Сие тем справедливее, что принужденный продать последнее свое поместье дворянин не может уже и содержать с пристойностию прежней при доме прислуги.

Когда все сие исполнится, тогда не будет уже в России ни одного лично крепостного человека, которого можно бы было продать как собственность; не будет, следовательно, надобности промышлять преждевременные средства к свободе крестьян вообще — и, сверх того, та еще произойдет из сего существенная польза, что пресечется легкое и потому соблазнительное средство к разорительному мотовству дворян. Ныне искушает некоторых мысль, что стоит только продать одного, или двух человек, или одно семейство дворовых людей, и долг заплачен; таким образом, неприметно от продажи посемейно доходят до продажи всего имения; но тогда надобно уже будет вдаваться в мотовство насчет, по крайней мере, одного целого селения с принадлежащею к нему землею, что, конечно, многих остановит.

Но паче всего то, что имя человека в России избавится от конечного посрамления; позднейшее потомство будет благословлять мудрого монарха; весь просвещенный свет совьет ему венцы, неувядаемые в самой вечности[6].

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ МОСКОВСКОГО КОММЕРСАНТА О ВНЕШНЕЙ РОССИЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ

I. Об упадке Российской торговли

Преуспевающая промышленность, подобно свободному кровообращению, и цветущая торговля, как бы некое благотворное дыхание, дают государственному телу бодрость, крепость, силу — и, так сказать, доводят оное до высочайшей степени политического здравия. Истину сию подтверждают не одни поучения глубокомысленных знатоков государственной экономии, но самый опыт всех веков и всех народов.

Можем ли мы, россияне, коих любовь к Отечеству и верность к престолу толь еще недавно ознаменована пред светом толико славными примерами, которые сама ис-

тория не иначе как с умилением передает для примера позднейшему потомству[1], можем ли, говорю, хотя на минуту усомниться, чтобы правительство наше, толико кроткое, благонамеренное, мудрое, не обращало всего своего внимания на сии главнейшие предметы, входящие непосредственно в состав государственного благосостояния? Нет! Времена и царства, настоящие и в вечности уже погребенные, не представляют примера, чтобы законно и праведно правящие кормилом государства не любили своего Отечества и не пеклись о его существенных выгодах — и да не попустит всемогущее провидение, чтобы Россия дожила когда-либо до толь ужасного несчастия! Все постановления, все узаконения, доселе в ней изданные, напротив, удостоверяют нас, что попечение правительства о благе России неограниченно, неусыпно и беспримерно. Но самые лучшие, самые благие, самые святые намерения и действия обстоятельствами нередко изменяются, и потому неудивительно, что мы вместо преуспевания в торговле видим у себя в настоящем беспрестанное банкротство известных до того постоянною и обширною своею торговлею купцов. Совершенный упадок кредита, подтверждаемый общим отголоском, что не знают уже, чему и кому верить; увеличивающийся год от году упадок главной российской ярмарки, на коей товаров видятся груды, а покупателей нет; неимение звонкой монеты и даже в самих ассигнациях приметный недостаток — и, наконец, уменьшение купеческого сословия во всей России* — не суть ли то несомненные признаки чрезвычайного упадка внутренней

---

* Ведомости обеих столиц обвестили уже о множестве упадших и выписанных в мещане на 1822 год по С[анкт]-Петербургу. В Москве в 1812 году состояло: первостатейных 10, первой гильдии 112, второй 332, третьей 3128; после самого разорения в 1814 году объявлено было капиталов: первостатейных купцов 7, первой гильдии 60, второй 228, третьей 2127, но на сей 1822 год первостатейных 9, первой гильдии 42, второй 158, третьей 1486; итак, менее вообще против 1812 года 1587-ю, а против 1814 года 727-ю капиталами. На наступивший 1823 год число капиталов в Москве еще уменьшилось 161-м капиталом; посему можно судить об уменьшении оных во всей России. Крайность в сем случае тем приметнее, что в 3-ю гильдию записывались многие бескапитальные, чтобы только отбыть рекрутской повинности[2], но как при упадке промышленности и торговли платеж с капиталов сей гильдии непременною обязанностию брать бухгалтерские книги возвысился почти до 500 рублей, то бескапитальные в необходимости нашлись остаться в мещанах. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

промышленности и отечественной торговли вообще?[3] Без сомнения. Толико неприятная истина тем для каждого россиянина прискорбнее, что все почти европейские государства, более самой России бывшими войнами и разорительными контрибуциями расстроенные, восстановили уже свою промышленность, усилили торговлю, открыли верные и необременительные источники государственных доходов и вполне наслаждаются благотворным миром, дарованным Европе великомощною десницею венценосного ее благодетеля — благословенного монарха России.

Нет сомнения, что правительство не укоснит предпринять все меры к точнейшему разысканию истинных причин настоящего упадка отечественной нашей торговли и промышленности и потом принять самые деятельнейшие меры к отвращению всего того, что препятствует и вредит восстановлению и успеху оных. Последнее строгое распоряжение его сиятельства господина министра финансов[4] относительно преследования оказавшихся в Москве контрабандистов служит тому убедительнейшим доказательством. Его сиятельство господин военный генерал-губернатор[5], с своей стороны, дозволил московскому градскому обществу представить себе по сему случаю свое мнение, и чего оно желает для восстановления отечественной торговли, милостиво обещая свое по сему ходатайство. Московская казенная палата сделала уже по предписанию его сиятельства господина министра финансов вопрос Думе градского общества относительно сего предмета[6]. Общество не преминет, конечно, воспользоваться сим дозволением достойным себя образом. Но тем не менее пламенное священное чувство истинного верноподданнического усердия к государю, чувство неограниченной любви к Отечеству обязывает всякого истого россиянина в толико важном деле, по крайнему разумению и возможности, с сыновним благоговением представлять отеческому благовниманию правительства дознаваемую истину, которую и было и будет всегда вредно укрывать пред ним. Сладостно питать надежду, что сие патриотическое рассуждение благонамеренного опытного российского коммерсанта о торговле и промышленности может быть на сей раз неизлишним и удостоится благосклонного внимания[7].

Итак, действительно никто уже не сомневается, что наша торговля и промышленность находятся в чрезмер-

ном упадке и расстройстве. Но чтобы с успехом уврачевать сию государственную болезнь, необходим прежде ее источник. Открыть его не трудно: стоит только с истинным беспристрастием обозреть ход нашей торговли в продолжение 12-ти последних лет.

II. Причины упадка торговли

1810-й год по справедливости может почитаться эпохою в нашей торговле, и был бы эпохою блистательною, если бы вскоре обстоятельства не изменили благонамеренных предприятий правительства. Высочайший манифест, изданный того года в 19-й день декабря, был явлением весьма неприятным для обладателей всесветною торговлею — англичан и вообще для иностранцев: ибо постановлены были на производство внешней российской торговли особливые правила, коих целью, как в самом том манифесте объяснено было: преградить усилие непомерной роскоши, сократить привоз товаров иностранных и поощрить сколь можно произведения внутреннего труда и промышленности[8]. Государь император соизволил изъявить надежду, что верноподданные будут всемерно содействовать попечениям высочайшим о собственном их благе, обращением капиталов не в пищу чужеземной роскоши, но в поощрение отечественных фабрик и изделий.

Правительство не ограничилось на сей раз одним запрещением ввоза многих иностранных товаров; оно пригласило даже некоторых известных иностранных фабрикантов, как, например, Лиона, и дало им всевозможные пособия к заведению внутри России новых образцовых фабрик, желая тем, конечно, поощрить отечественных капиталистов к соревнованию. И действительно, не только многие богатые коммерсанты и дворяне, но и среднего состояния люди приступили к устройству фабрик и заводов разного рода, не щадя капиталов и даже входя в долги. Все оживилось внутри государства, везде водворилась особенная деятельность. Но вскоре наступил бедственный 1812 год: пожертвования доказали, как Россия была еще богата[9]. Едва неприятель изгнан был из Отечества нашего, еще не совсем восстановилось спокойствие в Европе, как уже первопрестольная Москва, подобно фениксу, с новым велелепием вознеслась из пепла своего. Изумился свет, видя толь разительный опыт внутренней силы России: гордое пред-

речение дотоле верного в своих расчетах Наполеона, осудившего Москву на столетнее ничтожество, весьма было еще свежо в памяти недавних его вассалов[10]. Завистливое око иностранцев провидело весьма ясно, чего должно ожидать от России, если она не будет иметь нужды ни в чьей помощи, чтобы двигать страшными своими ополчениями. Они чрез агентов своих тогда же постарались рассеять слухи, что по политическим сношениям вскоре разрешится паки ввоз в Россию их изделий, и тем приостановили многих из российских купцов, кой готовились распространять полученные мануфактурные изделия. 1816 году слухи сии частию действительно оправдались изданием нового тарифа на 12-ть лет[11]. Сей определенный срок подкреплял еще некоторым образом российское купечество в его надеждах: оно думало на известном расчете основывать свои коммерческие дела и, свободно обращая свои капиталы, продолжало стараться об улучшении своих фабрик. Само небо благословило к этому Россию необыкновенным урожаем. При бесплодии в других государствах хлеб ее продан был в Одессе за чистые деньги. Звонкая монета явилась всюду в обороте: земледельцы даже нуждались в ассигнациях. В московских же рядах видны были груды золота. Фабрики суконные до того начали возвышаться, что китайцы не отказывались уже брать русские сукна и кяхтинские торговцы могли обходиться без выписки иностранных сукон. Ситцы и нанки отделкою стали уже не уступать почти английским. Сахар, фарфор, бронза, бумага и сургуч доведены едва ль не до совершенства; шляпы давно уже стали требоваться даже за границу. При таком преуспевании российских фабрик в Англии едва не доходило до возмущения оттого, что рабочему народу нечего было делать[12]. Между тем в публичных наших журналах явились рассуждения, доказывающие, что запретная, или так называемая континентальная система вредна; что нет надобности предпочитать свое дурное иностранному хорошему*, что это значило бы несправедливо удовлетворить корыстолюбию фабрикантов насчет публики и прочее тому подобное[13].

Русское купечество в сих суждениях видело действие чужеземных внушений и признавало предвестником ги-

---

* При недавно бывших в палате представителей французского народа рассуждениях депутаты иначе мыслили и общим голосом утвердили противное. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

бельной для себя перемены, каковая действительно вскоре затем и воспоследовала. Тарифом 1819 года объявлено почти всеобщее разрешение ввоза иностранных товаров[14]. Российское купечество с сокрушением прочло в одном из отечественных журналов, что в Лондоне по сему случаю даны были многие празднества. Британские фабрики, пред тем остановившиеся, пришли в движение, и рабочий народ получил занятие насчет России.

Вскоре наводнилось Отечество наше отовсюду необъятным множеством разных иностранных изделий. Между тем как наше железо лежало на бирже без хода. Последовало из того явное преизбыточество ввоза пред отпуском отечественных товаров, и вознаграждение оного звонкою монетою вывело ее всю за границу*.

Здесь весьма кстати обратить ближайшее внимание на преобладание иностранцев в нашей торговле.

Городовым положением дано было иностранцам право, вступая во временное подданство, записываться в гильдии и торговать внутри Российской империи. Отселе получили основание свое в главных городах так называемые *иностранные конторы*. Они начали получать от иностранных купцов и фабрикантов товары их на комиссию и, складывая у себя в домах, продавать русским купцам не в первые уже, но даже в последние руки, получая за комиссию положенный процент; равномерно стали производить для иностранных доверителей своих закупы нужных для них российских произведений и, наконец, принимать заказы самих российских купцов, переводя векселя и деньги их по назначению. Высочайшим манифестом 1807 года 1-го генваря иностранцам воспрещено производить торговлю во внутренних городах России, а представлено право вступать в верноподданные. Сие узаконение не произвело ни малейшей существенной перемены в описанной торговле иностранцев.

---

* Сему содействовал немало транзит прусских сукон для кяхтинской торговли: ибо не прусские купцы провозили чрез Россию сукна сии и меняли на чай, для Пруссии потребный, но русские, выписывая на чистые деньги и променивая на товары, внутри России расходящиеся. Следовательно, в сей торговой операции не было существенного транзита, который был бы даже полезен тем, что пруссаки платили бы за провоз. Но как и при издании манифеста о тарифе на 1822 год, относительно сего транзита правительство обнаружило, что оный допущен был для пользы прусских фабрик,— следовательно, и не русских[15]. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

Они присягнули на вечное подданство и остались теми же факторами*, теми же комиссионерами своих соотечественников и даже богатых жидов. Вся разница в том, что теперь француз, англичанин, пруссак — не просто иностранцы, а иностранцы российско-подданные[16]. Самая вечность их подданства от них самих зависит и всегда может продолжиться не далее того времени, пока на счет россиян не разбогатеют. Известно, что они обладают особенным искусством, расстраивая и подавляя российскую торговлю, не оставаться при всеобщей беде в накладе. Едва правительство открыло заем за 7% для потушения внутреннего безгласного ассигнационного долга, как они почти одни своими капиталами восполнили весь заем. Ныне открыт коммерческий банк[17], и они умеют при упадке между русскими кредита продавать свои товары на векселя, в банке выдаваемые. Возвышена ли стала пошлина — у них тотчас готовы таможенные клейма — и товары продаются едва выше самой пошлины, а потому и дешевле, нежели может продать русский фабрикант свое изделие.

В начале минувшего 1822 года, именно апреля 8 числа, в № 28 «Московских ведомостей» на странице 891-й было помещено от имени нынешнего прусского консула Егора Кинена и компании объявление, которым он извещал публику, что в России у него только одного можно получать пряденую бумагу, выделываемую на фабрике Филипса и Ли в Манчестере, и чтобы иначе под клеймами сих фабрикантов не покупать, как удостоверясь, подлинно ли она шла чрез его руки. Против такого объявления, явно обнаруживающего вредную в подрыв российских купцов монополию, тогда же протестовал купец Кожевников, один из знатнейших московских капиталистов и фабрикантов, подав просьбу господину военному генерал-губернатору о прекращении такового злоупотребления.

Настоящее опечатание некоторых контор и товарных амбаров и лавок, по случаю разыскания о контрабандных товарах, между прочим, открыло, что еврей по прозванию Давыдов, записанный по Митаве в купцы третьей гильдии, производит торговлю в Москве посредством московского 1-й гильдии купца иностранца российско-подданного Бургарта и митавского 1-й гильдии

* От лат. factorum — доверенное лицо.

купца Витта, из коих тот и другой имеют в Москве свои магазины. Какого же рода сия торговля, это показывают два ящика прусских янтарей, найденных в квартире упомянутого еврея без таможенных штемпелей и потому отосланных уже в складочную московскую таможню. Подобным образом в великом множестве других товаров большая часть оказывается уже с фальшивыми клеймами, и тайный провоз оных не повержен уже никакому сомнению.

По объявлениям и вывескам видно, что многие иностранцы торгуют в Москве под фирмою компании, как, например, Марк и Комп[ания], Кинен и Комп[ания], Кистер и Комп[ания], Стандфильд и Комп[ания] и т[ак] д[алее]. Между тем по высочайшему манифесту 1807 года (отд. 1, ст. 5) всякий торговый дом не иначе может принять гражданское и торговое знаменование, как по вознесении в магистрат и в думу выписки из своих взаимных постановлений, объявив лица, составляющие товарищество, и капитал, в складство положенный. По сему указанию известны в московском магистрате и градской думе два только торговые дома: Кожевникова и Куманиных, т[о] е[сть] природных русских. Они одни точные исполнители отечественных узаконений, а иностранцы присвоили, кажется, себе право приезжать в Россию, как в лес, и почитать русских за дикарей. Не доказывает ли все вышеописанное, что они своевольничают у нас невозбранно, подрывают нашу торговлю подлогами и тайными привозами и, кроме вреда, ничего государству не приносят[18]. Имея дар везде себя выставить, уверить в мнимой честности и честолюбии, они умеют прибирать все к своим рукам и, обирая, разоряя нас, они же потом презрительно смеются над невежеством и простодушием русских.

Оставим европейских иностранцев: они подлинно просвещеннее нас; самые азиатцы живут в России на счет русских. Армяне торгуют по исключительным правам, индейцы* в Астрахани ничем другим не занимаются, кроме как отдают деньги в рост и, выбирая червонцы, переводят восвояси; персияне и бухарцы вместо того, чтобы торговать только к Астраханскому порту и в Оренбурге и ездить на одни ярмарки, имеют в Москве своих комиссионеров и явно торгуют внутри самой империи.

---

* Имеются в виду индийские купцы, торговавшие в Астрахани.

Одним словом, едва ли есть в подсолнечной другая страна, где бы чужеземцам было такое привольное житье ко вреду природных граждан, как в России.

Указом правительствующего Сената, в 31 день генваря 1821 года состоявшимся, утверждено мнение департамента внешней торговли о купеческих доверенностях относительно отвращения впредь злоупотребительной торговли иностранцев, которые, не имея права торга, посредством доверенностей заимствовали только чужое имя и торговали на собственный капитал, не платя установленных в казну податей. Вышеприведенные случаи обнаруживают обстоятельство сему противоположное, которое также требует пояснения закона, определяющего права торговли, предоставленной иностранцам.

Здесь выходит уже иностранец российско-подданный, не имеющий никакого капитала, но объявляющий оный с тем единственно, чтобы торговать капиталами манчестерских и лионских фабрикантов и других иностранных купцов, не выезжающих из своего отечества. Следовательно, казна в сих случаях также лишается своего дохода, который бы она получила, если бы иностранцы продавали товары свои, как по закону следует, при одних портах в 6-ть месяцев или бы иначе записывались в заезжие купцы и гости, платя узаконенные проценты с известного капитала.

Высочайшим манифестом 1807 года (отд. 3, ст. 9) именно воспрещено, чтобы иностранные купцы ни тайно, ни явно не подставляли для переворота имени российского подданного, но что же иное подобная присылка товаров на комиссию живущим в Москве иностранцам российско-подданным и значит, как не скрытый подлог имени российского подданного? При таковом преобладании и злоупотреблениях иностранцев сбыт отечественных изделий прекратился. Многие наши фабриканты принуждены были остановить действия своих фабрик, только что заведенных, и с ними, потеряв невозвратно свой капитал, пришли в разорение. Множество рабочих людей лишились своего занятия, доставлявшего им верные деньги на оплачивание податей и оброков. Некоторые дворяне не доход уже получают с поместий своих, но сами кормят крестьян; ведомости наполнены публикациями о продаже деревень и домов. Многие капитальные купцы вместо торговли положили наличные деньги свои в ссудный капитал опекунского совета, считая луч-

шим получать верных пять процентов, нежели рисковать капиталом, пуская в неверные обороты. Правительство само в сборах своих видит одни бесконечные недоимки и нашлось вынужденным, конечно не без прискорбия, издавать строгие повеления, чтобы для пополнения недоимок продавать скудное имущество крестьян, хотя бы то у них было последнее[19]! Наконец, истребив с 1817 года 236 миллионов ассигнаций, т[о] е[сть] более четвертой части всего в обороте бывшего количества оных, получив от иностранцев в 1817 и 1818 годах великое множество золота и серебра в слитках, выпустив в течение двух оных лет 43 миллиона звонкой монеты; (Смотри отч[ет] Сов. госуд. кред. уст.) сделав в 1820 году таковою ж монетою для возвышения ассигнаций иностранный заем в 40 млн. рублей, правительство не успело ни удержать монеты внутри государства, ни повысить достоинство ассигнаций, ниже курса вексельного исправить[20]. Серебряный рубль, который при толь важных пожертвованиях должен был упасть, по крайней мере, до 2-х рублей на ассигнации, едва дошел до 3 р. 73 коп., а курс вексельный на Лондон подымался выше 10-ти пенсов.

Тогда как при описанных частых, внезапных переменах российское купечество обманывалось в своих расчетах и разорялось, а торговля и промышленность упадали и расстроивались, налоги на купечество постепенно увеличивались до степени, можно сказать, чрезмерной. До 1807 года 1-й гильдии купцы платили в казну, исключая рекрутских, только 200 рублей, ныне вносят разных поборов, исключая земских повинностей и косвенных налогов на паспорта, вексельную и гербовую бумагу,— 3212 руб. 50 коп.; второй гильдии тогда платили 100 рублей, ныне 1345 руб., третьей гильдии прежде 25 руб., теперь 438 руб., не считая также земских повинностей и косвенных налогов, с коими многие платят более нежели вдвое[21]. Ежели в сем сравнении принять самый упадший с 1807 года денежный курс, то и в таком случае возвышение налогов выйдет более нежели в четыре раза. Войдем, например, в коммерческое состояние купца третьей гильдии. У него по самому закону капитал может быть в 8 тыс. рублей. Но если купец по оборотам своим за всеми расходами получит чистых 10%, он говорит, что торговал весьма удачно и необыкновенно выгодно. Следовательно, при самой сча-

стливой торговле купец третьей гильдии может нажить в год 800 руб. Из них заплатит в казну и на земские повинности до 500 руб., ему остается на поддержание своего дома и семейства не более 300 рублей. Есть ли какая-либо соразмерность? Есть ли физическая возможность к свободному существованию, не только к торговле? Скажут, что обороты купцов бывают гораздо выше объявляемых капиталов, поколику они имеют кредит, но справедливо ли в определении налогов основываться на кредите, который нередко служит паче к одному разорению, нежели к выгоде: ибо всякий доверитель на кредит предварительно рассчитывает свои собственные интересы, часто весьма для кредитующегося обременительные.

Известно всем и каждому, что умножение податей была необходимость, вынужденная чрезвычайными обстоятельствами. Известно также и то весьма, что в критическую минуту для Отечества россияне готовы были всем пожертвовать: не тяготились бы и теперь во время благодатного мира обогащать государственную казну исправным взносом тех же усиленных налогов, если бы торговля и промышленность были в цветущем и незыблемом состоянии. Но когда, напротив, с одной стороны, подрываются самые основания сих отраслей государственного богатства, а с другой — умножаются подати и взыскиваются с строгим преследованием, то нет физической возможности существовать купечеству, и, кроме всеобщего разорения, других последствий ожидать из того невозможно.

Обозрев наблюдательным, беспристрастным оком ряд событий с 1810 года с их последствиями для отечественной торговли, остается обратить внимание еще на один предмет не меньшей важности. В 1820 году для пользы торговли и промышленности открыт государственный коммерческий банк с его конторами. Едва правительствующий Сенат незадолго пред тем опубликовал с подтверждением высочайший указ 1798 года против полагающих лихву сверх узаконенных шести процентов, как уже правительство и нашлось в необходимости назначить за ссуду из коммерческого банка 9% и доднесь продолжает взимать по 8%, чему нигде примера нет. В иностранных государствах банки довольствуются 3,5 и 4 процентами. Сверх того, пустив с самого начала в публику миллионы ассигнаций с полною свободою, вдруг после

двух-трех подлогов со стороны злонамеренных людей, какие во всех сословиях всегда бывали, есть и будут, приняты осторожности сокращением кредита и, следовательно, стеснением окредитованных; ибо они принуждены были внезапно выбрать из оборота значительные суммы и произвесть платеж банку.

Ныне банк делает уже обороты свои большею частию капиталами, из общества изъятыми, и за всем тем в одной московской конторе до 12-ти миллионов лежит без движения. Таковое положение подобных учреждений не может споспешествовать торговле и промышленности, следовательно, и государственной выгоде; ибо нет ни одной политической экономии, в коей бы доказывалось, чтобы польза государства или правительства были различны и даже противоположны с пользами народа, то государство составляющего. Рассмотрим сей предмет еще внимательнее.

В обширной Российской империи, в коей 45 миллионов жителей, теперь находится в обращении ассигнаций или представительной монеты около 600 миллионов рублей. Итак, приходится менее 15 рублей на человека. Из сего следует, что при всяком скоплении в одних руках, например, 60 руб., трое должны не иметь ни копейки, разумея, что другие удерживают свою долю. Следовательно, если бы все богачи вдруг выбрали свои капиталы и положили в сундуки, то все другие сделались бы нищими, и всякое такое задержание по справедливости было бы похищением общественного благосостояния. Посему богачи имеют только право на получение важных сумм, которые между тем, вращаясь в обществе, составляют временное достояние многих тысяч людей — и, в существе, частное богатство ни в чем другом состоит, как в скорейшем, беспрепятственном обращении монеты — сей цены трудов, хлопот, ума, талантов, искусств и, словом, всех сил и способов человеческих. Всякий богат потому, сколько раз и за какое количество ассигнаций в год может, так сказать, подержаться.

Такое открытие ведет прямо к заключению, что банки государственные, особливо коммерческие, не что иное должны быть, как машины для ускорения сего денежного кругообращения, чтобы в нем, так сказать, не было ни малейшего застоя и чтобы одним желобом свободно вытекало то, что другим вступит в сей денежный бас-

сейн. И как скоро банк не есть орудие для приумножения числительных государственных доходов, так скоро нет и надобности никакой полагать излишние тягостные проценты и сокращать, удерживать кредит.

Опыт доказал, что при случившихся обманах капитал банка ничего не потерпел и потерпеть не мог; да ежели бы и потерпел какой-либо убыток, то какой от этого существенный вред государству, что несколько тысяч бумажных денег остались в руках народа? И стоят ли подобные потери того, чтобы для предупреждения оных принимать меры осторожности, стеснительные для торговли вообще?

Наконец, дабы не упустить из виду ничего такого, что может относиться к благосостоянию коммерции и промышленности, надлежит упомянуть о торговле крестьян. По городовому положению дозволено было казенным крестьянам записываться в посады городов: а из помещичьих токмо отпущенным на волю вступать в мещане или купцы. Последующими указами 1797 года октября 21 и 1798 октября 22 предоставлено казенным и удельным крестьянам с надлежащим от начальства и от общества увольнением вступать в купечество. Соревную сему, помещичьи крестьяне занимались также торговлею, выходящею из пределов, сельским обывателям предписанных, употребляя к тому различные ухищрения и подлоги. Наконец, высочайшим манифестом, 1812 года февраля 11 дня состоявшимся, как казенным, так и помещичьим крестьянам даровано равное особенное право производить даже оптовую торговлю без записки в гильдию[22]. Между тем в сем манифесте в § 1 именно сказано: «Крестьяне, как казенные, так и помещичьи, не могут иначе участвовать в той торговле, которая исключительно присвоена купечеству, как на основании доселе существующих узаконений, то есть по временным довериям от тех лиц, кои имеют законное право на сию торговлю». Не видно, однако ж, чтобы крестьяне кредитовались на счет сих временных доверий, ни даже того, все ли они имеют таковые доверия от купцов или дворян, в гильдию записанных; ибо иначе нельзя разуметь слов: от тех лиц, кои имеют законное право на сию торговлю. Если же дающие им доверенности не обязываются за них ответствовать, то к чему существенно оные служат?

Спустя два года по издании упомянутого манифеста

обнаружившееся помешательство при взаимных торговых обязательствах купцов с крестьянами было поводом к представлению господина министра внутренних дел[23] о дозволении крестьянам выдавать и брать векселя, которые разрешено мнением Государственного совета, в указе 1814 года ноября 16 изображенным; чтобы торгующие крестьяне имели только право брать векселя на свое имя и передавать оные другим, но без возврата на себя, самим же обязываться векселями не позволено.

Но как никакая торговля не проводится без кредита, который везде признается душою коммерции, то торгующие крестьяне по самой обоюдной необходимости пользуются оным. Купечество верит и часто терпит от обманов, не имея права даже просить на обманувшего должника; между тем как сей последний своих должников купцов преследует всею строгостию закона. К сему присовокупить должно, что крестьяне по самой торговле, платя менее в казну, нежели купцы, пользуются совершенною свободою, между тем как те часто отвлекаются коронною и городскою службою, конкурсами, опеками и тому подобными обязанностями.

Толь ощутительное неравенство прав служит немалым помешательством благоуспешному ходу внутренней торговли и может безошибочно почитаться истинным вредом оной.

Таковы суть настоящие причины упадшей нашей отечественной торговли и промышленности. Нельзя не согласиться, однако ж, что главнейшими и действительнейшими из них должны почитаться: всеразрешительная система или так называемая свобода торговли, допущенная тарифом 1819 года, и преобладание иностранцев, невозбранно преступающих права, дарованные им на торговлю в России. В течение трех лет тариф сей, пока успели осмотреться и оставить гибельное его наитие, то произвел для России, что никакими мудрыми мерами в 10-ть лет поправить невозможно, и если еще далее торговля и промышленность наши останутся в настоящем изнурительном и расстроенном состоянии, то последствия могут быть для Отечества нашего крайне бедственны.

Какими же верными средствами исправить сие государственное зло, чтобы промышленность и торговля могли быть восстановлены и доведены до цветущего состояния?

III. О средствах восстановить торговлю

На сей важный вопрос глас истинной любви к Отечеству, глас верноподданнического усердия к славе монарха и самого правительства, наконец, глас опыта всех времен и народов велит отвечать прежде следующею истиною.

Паче всего и прежде всего нужно принять непреложным правилом, чтобы обдуманные постановления правительства относительно коммерции и промышленности не были подвержены частым изменениям. Россияне всегда сохраняли и будут сохранять благоговейное повиновение велениям правительства, но доверенность есть чувство внутреннее; оно не вынуждается, а приобретается. Для каждого коммерсанта наипаче нужно то, чтобы он точно был уверен, что постановления его Отечества, на которых он основывает все свои расчисления, предприятия и обороты, были прочны и непоколебимы; иначе если он раз потерял от внезапного изменения сих постановлений часть своего достояния, то праведно преогорченный не может уже действовать с полною свободою — он связан, он страшится всего и ничему не доверяет. Тогда исчезает и взаимная частная доверенность, упадает кредит и прерывается неразрывная цепь беглого оборота капиталов.

Истина сия должна быть необходимо краеугольным камнем всех коммерческих постановлений, и тогда только можно будет ручаться за их благотворное действие, если притом они и в существе своем будут таковыми.

Приемля сие за основание для восстановления отечественной нашей торговли и промышленности, необходимо нужно:

А). Принять нестрогие, но верные меры к прекращению неумеренного и тайного ввоза иностранных товаров.

Б). Решительно стараться о размножении и усовершенствовании отечественных фабрик.

В). Исправить или отменить все те внутренние постановления и распоряжения, кои посредственно или непосредственно вредят успеху торговли и, наконец:

Г). Ограничить гибельное преобладание иностранцев.

А). Меры к прекращению неумеренного и тайного ввоза иностранных товаров

Чтобы действительно успеть в прекращении неумеренного и тайного ввоза товаров иностранных, других надежнейших средств нет, кроме следующих:

1) Должно, пересмотрев настоящий тариф с приглашением к тому российских природных купцов, составить новый, уже прочный, ограничив ввозные статьи такими только издельными иностранными товарами, которые по настоящему положению наших фабрик и промышленности вообще необходимо нужны. Произведения не обработанные могут быть невозбранно разрешены, как скоро в России нет подобных родом, качеством и добротою. Такой тариф должен быть составлен с тем уже, чтобы он был в отношении разрешения запрещенных оных товаров непоколебим по крайней мере 15 лет; но изменяем токмо одним запрещением вновь тех издельных товаров, которые с распространением и усиливанием наших отечественных фабрик будут уже не нужны и коих запрещение самое будет уже необходимо для поддержания и распространения подобной промышленности внутри Отечества[24].

2) Пошлина на все разрешенные товары должна быть самая умеренная, дабы, говоря языком коммерсантов, не стоило из чего хлопотать о тайном провозе. Правило ошибочное: чрезмерным возвышением пошлин умножать государственный доход, ибо при высокой пошлине всегда третья часть ее едва дойдет до рук казны. Опыт последних трех лет, вероятно, доказал это: пошлины умножены вчетверо, а сбор оной вообще и на 200 тыс. не превзошел сборы предыдущих лет. Зато сколько же навезено товаров контрабандных, за которые Россия недешево, конечно, расплатилась.

3) Ограничив число самых таможен, необходимо дать таможенным чиновникам, особливо директорам, верное и достаточное, даже избыточное содержание и поставить правилом, чтобы без явного обвинения в злоупотреблении и без собственного желания их они не лишились мест. Примеры в иностранных соседственных державах доказывают, что там таможенные строго исполняют свою должность, именно оттого, что, во-первых, дорожат своим местом, доставляющим хороший кусок хлеба, и, во-вторых, уверены, что при честном исполнении должности они никак не лишатся сего куска. Там таможенные директоры часто хлопочут, чтобы место свое оставить своему сыну вместе с своею честию.

4) Всякое внутреннее преследование против контрабанды справедливость требует навсегда оставить; ибо оно производит в коммерции такое помешательство и

расстройство, какое чума. Оно падает часто на невинных; оно водворяет страх и недоверенность: всякий боится купить такой товар, с которым вместо прибыли лишится всего и самого честного имени. Оно, наконец, подает повод преследуемым отбывать от платежа честным купцам под предлогом, что дела их были прекращены, товары опечатаны и прочее.

5) Чтобы при таковом прекращении преследования отнять у иностранцев возможность впустить еще новые партии своих изделий под старым клеймом, нужно ныне же, до открытия навигации, во всех городах Российской империи у всех купцов весь наличный товар в цельных штуках и початый перепечатать печатью Градской думы по фактурам самих хозяев, с которых копии доставить правительству. После чего, если уже где-либо окажется какой товар со старым таможенным клеймом, то оный конфисковать без всяких розысков, взыскивать штраф и предавать виновного суду. Чрез такое переклеймение товаров не только преградится подделывание клейм прежних лет, но правительство удостоверится по количеству товаров в невозможности, чтобы оный выписан был российскими оптовыми торговцами.

6) Восстановить частию узаконение Петра Великого о сборе пошлины при портовых таможнях ефимками[25], с тем ограничением, чтобы оная платилась при выгрузке кораблей с товаров, привезенных на продажу к порту, а которые будут выписываемы за счет российских оптовых купцов, за те оставить платеж пошлин ассигнациями, дабы сии последние не были принуждены выписывать сию монету, переводя на курс, и тем вредить оному. Сим постановлением, во-первых, откроется паки тот источник, откуда Россия получала серебро, когда его не было собственного, а, во-вторых, иностранцы, будучи обязаны привозить с собою звонкую монету для очистки товаров своих пошлиною, будут поневоле ограничиваться в количестве сих последних; ибо не всегда с такою удобностию и в таком количестве приобретать могут ефимки, как русские ассигнации. Многие утверждают, что приобретение звонкой монеты не нужно, ибо это тот же товар. Бесспорно товар, но только такой, с которым везде и все предпринять можно и который если бы и наклонял торговый баланс в пользу иностранцев, то при расплате они его же обеими руками примут назад. Блонды, линобатисты, кисеи[26], даже хлеб, железо составляют.

без сомнения, верный капитал, но если надобно будет снарядить флот или двинуть армию, то капитал сей потребуется прежде всего обменять на деньги, а это не так легко.

Б). О размножении и усовершенствовании отечественных фабрик

Излишне объяснять, что сии же самые меры суть главнейшие из тех, какие служат к поощрению отечественных фабрик и промышленности вообще; но, сверх того, необходимо нужно, чтобы благотворное правительство продолжало оказывать существенные пособия к распространению мануфактурных заведений. Пособия сии должны быть, конечно, основаны на безошибочном расчете, и для сего-то именно необходимо нужно, чтобы в Москве, как сердце России, учредить Мануфактурный совет, при коем может составиться особое общество соревнователей отечественной промышленности, по примеру подобного любителей сельского хозяйства[27]. Цель сего общества должна быть та, чтобы, собирая сведения о настоящем состоянии и успехах отечественных мануфактурных заведений, содействовать оным советами, выпискою машин, мастеров и проч[ее], а сверх того, предстательствовать пред правительством о тех распоряжениях и пособиях, какие по усмотрению совета для поощрения промышленности вообще или для пособия какой-либо фабрике или мануфактуре в особенности будет необходимо. Известно, что о сем предмете был уже представлен подробный проект его сиятельству господину министру финансов, и потому распространяться здесь почитается неуместным[28]. Довольно заметить одно то, что лучший поощритель трудолюбия и промышленности есть выгода (интерес). Всякий трудится в надежде получить вознаграждение за свои усилия и неутомимость; нужно только, чтобы надежда сия была основана на верных и несомненных расчетах.

По окончании последней войны, когда победоносная российская армия возвращалась в недавно разоренные пределы своего Отечества и требовалось обмундировать оную, русские суконные фабрики были в бессилии, и англичане не упустили воспользоваться сим случаем[29]. Ныне российские фабрики объявили готовность выставить такое количество сукна, какого едва ли на две армии не станет. Отчего же это? Секрет весь состоит в том, что благонамеренный и столько же благоразумный

бывший председатель Суконного комитета в Москве[30] ходатайствовал у правительства, чтобы деньги за поставляемые сукна выдавались немедленно и за неисправность не было бы строгого преследования и отлучения от поставок. Прежде фабриканты ставили сукна непосредственно в комиссариат, который, как бы по непреложному какому правилу, никогда не платя своевременно по силе контрактов денег, между тем без пощады преследовал фабрикантов за малейшее упущение с их стороны в исполнении обязанностей. Такие меры способны только разорять, а не поощрять отечественную промышленность.

Ныне многие и почти все суконные фабриканты должны понести убытки от того уже, что казне не нужно все то количество сукон, какое они, усилив новыми пожертвованиями действия своих фабрик, выработать и поставить надеялись[31]. На подобные-то именно случаи существование в Москве Мануфактурного совета было бы весьма полезно; ибо, имея сведения о всех действиях фабрикантов, совет мог бы предупредить делателей армейских сукон, объявя им заблаговременно, что для сей одной потребности не нужно уже умножать числа станов, а кому то угодно, тот пусть умножает уже для выделки тонких сукон на продажу для Кяхты, если не желает остаться в явном накладе.

В заключение сей статьи нельзя умолчать об одном известном возражении против размножения в России фабрик, которое часто повторяют любители государственной экономии. Прежде нежели разводить в России фабрики, говорят они, надобно бы было исследовать, способна ли к тому Россия по своему естественному состоянию, не есть ли она скорее земледельческое государство?[32] Не приводя дальнейших суждений и доводов, которыми обыкновенно подкрепляют сию гипотезу, можно и согласиться с тем, что России, может быть, более свойственно распространять земледелие и сельское хозяйство вообще, нежели думать о торговле своими мануфактурными изделиями, но доколе в пространном нашем Отечестве будут, с одной стороны, многолюдные губернии без земель, а с другой — обширные степные области без людей, доколе будет существовать шести-, восьмимесячная зима, большую часть которой крестьяне остаются без дела, до тех пор учреждение мануфактур и фабрик не вред, а истинную существенную пользу приносить

будет нашему Отечеству и, следовательно, необходимо.

Чтобы знать выгоды нашего Отечества безошибочно, надобно ближе смотреть на все вещи: не по иностранным писателям и проектам, но по самой России судить о России.

Сколько тысяч народа приходят в одну Москву и Петербург на зиму, чтобы сыскать работу; настанет весна, и никого не удержишь — все уходят к своим пашням. Следовательно, работа на фабриках не может вредить хлебопашеству. Напротив, если бы даже одни заведенные с 1810 года мануфактуры существовали и не были разорены, то правительство не дошло бы, может быть, до той прискорбной необходимости, о которой выше упомянули. Если бы были подобные заведения в Смоленской, Витебской и Псковской губерниях, три года сряду посещенных свыше бедственным неурожаем, то помещики видели бы своих крестьян, пропитывающихся собственными трудами, и не были бы принуждены кормить их, закладывая имения и жертвуя последним своим достоянием[33]. Самое право торговли, крестьянам дарованное, доказывает, во-первых, что правительство не находит нужды удерживать крестьян при одном землепашестве, и, во-вторых, что многие крестьяне свободно могут оставлять свои земли, кои, вероятно, не остаются же впусте. Множество взрачных, мощных молодых людей из сего класса, тунеядствуя по многочисленным московским гербергам[34], так называемым ресторациям, харчевням и погребам, или сидя в квасных лавочках, или шатаясь по улицам с лотками, свидетельствуют собою, что у нас много крестьянских рук праздных, не занятых. Многим ли известно, что в Москве числится с лишком 25 т[ысяч] мещан, из коих едва ли две или три тысячи занимаются прямым своим ремеслом, каким по городовому положению должно. Большая часть промышляет шильничеством и озорничеством[35]. Вообще это суть признаки государственной болезни, которая требует исцеления, но исцеления сего искать надобно в доставлении полезного занятия.

Наконец, присовокупим к сему, что цель учреждения и размножения фабрик не та должна быть, чтобы со своими изделиями тотчас вступить в состязание с коммерческими державами; но то единственно, чтоб не брать, по крайней мере, того у соседей, что есть или может сделаться дома, и не платить того иностранным работ-

никам, что можно заплатить своим собственным.

Достаточно будет одного примера к убеждению в явной пользе сей цели. Китайская трава, чай, взошла в России в такое употребление, что может почитаться уже одною из первых необходимостей. Большую часть травы сей россияне выменивают на сукна, получаемые теперь паки от иностранцев и, следовательно, или платят иностранцам деньги, или отдают такой товар, за который дали бы они россиянам деньги, что все одно и то же. Но у нас и шерсть своя, и рук много; мы легко могли бы обходиться в сем случае без иностранцев, и за волну крымских овец своих велеть китайцам подавать Ван-дзун, Джу-лань или Моюкон[36] и пить сколько душе угодно, не разоряя Отечество.

В). Об исправлении некоторых постановлений и распоряжений относительно к торговле

После того, что сказано выше о налогах, о Коммерческом банке и о торговле крестьян, не нужно, кажется, доказывать, сколь необходимо для блага торговли и промышленности исправление и самое отменение описанных постановлений и распоряжений правительства в означенных трех отношениях. Время удостовериться, что система одного токмо беспрестанного усиливания налогов без соображения с народными способами и возможностию столько же непрочна, как и вредна, и что все основанные на оной расчеты о приумножении государственных доходов столько же ошибочны, сколько кратковременны мнимые в том успехи. Итак, надлежит:

1) По ближайшем рассмотрении истинного положения российского купечества ограничить настоящие налоги и повинности, по крайней мере, столько, чтобы оные вообще, то есть как прямые, так и косвенные, не превышали 4-х процентов с объявленного капитала. Сие тем справедливо, что дворянство воспользовалось уже подобною милостию; ибо установленный в 1812 году сбор с получаемого дворянами дохода высочайшим указом, в 12-й день декабря 1819 года состоявшимся, отменен совершенно. Напротив, налоги на купечество умножены.

В сем отношении следует принять в соображение то, что уменьшение налогов, облегча купечество, даст повод и возможность войтить многим из мещан в 3-ю гильдию для избежания рекрутской повинности, а из 3-й переписаться во 2-ю для обширнейших и выгоднейших прав.

Следовательно, уменьшение личных налогов вознаградится умножением числа капиталов.

Ныне, например, одно новое постановление о паспортах было причиною, что в Москве многие вышли из 3-й гильдии в мещане[37], ибо есть из них многосемейные, кои, состоя в одном капитале в числе 10-ти душ, имеют нужду все в паспортах и потому сделались обязаны заплатить с капитала за одни паспорта до 250 рублей, следовательно, с прочими налогами и повинностями около 740 руб[лей], что составит почти все 10 процентов с капитала, тогда как нет никакой возможности выручить оные из годового оборота.

2) Уменьшить число процентов за ссуду из Коммерческого банка, по крайней мере, хотя до пяти, и сего должно быть слишком достаточно. Сверх того, постановить правилом, чтобы не было в банке толь важных сумм без оборота; и потому выдавать оные свободнее, по крайней мере, тем лицам, которые известны со стороны коммерческих оборотов и предприимчивости или важностию своих мануфактурных заведений.

И 3) Торгующих крестьян, имеющих, как выше объяснено, важное преимущество пред купечеством, обращающееся к стеснению сих последних, уравнять во всем с оным[38]. Таковое уравнение тем более будет справедливо, что самим дворянам право торговли не иначе дано, как с обязанностию, записавшись в гильдию, соблюдать все взаимные коммерческие постановления и участвовать во всех градских повинностях наравне с прочими одной гильдии купцами. Достигнуть сего уравнения весьма нетрудно. Стоит только казенных и удельных крестьян оставить по-прежнему при одной свободе вступать навсегда в мещане и вписываться в гильдии, на точном основании городового положения 139 и 92 статей и указов 1777 года 31 июля, 1797 года октября 21 и 1798 года октября 22. За силою сих законов по справедливости не было нужды давать им особое право на торговлю по свидетельствам, ниже для самих доходов: ибо, записываясь в купечество, они более платили бы, нежели теперь платят; а притом до ревизии продолжали бы платить также и крестьянскую подать.

Что касается до крестьян помещичьих, то с дозволения помещиков представить им право записываться по городам, где пожелают, во временные гости на основании 66 статьи городового положения с объявлением

капитала по одной из трех гильдий без личных прав настоящего гильдейца, обывателя города. С тем притом, чтобы, во-первых, помещики, давая своим крестьянам письменные дозволения, законным образом засвидетельствованные, означали в оных: имеют ли они какую недвижимую собственность и где именно, и ручались бы, что в случае исков за долги оную присваивать не будут и предоставят кредиторам. Во-вторых, чтоб записывались гостем и, объявя капитал, они несли по смыслу 12-й статьи городового положения все купеческие повинности, кроме личных служб. В-третьих, чтобы они так же имели по гильдии купеческие книги, векселевались уже от своего лица и в случае несостоятельности подвергались действию банкротского устава: ибо ни с какою справедливостию не согласно, чтобы они, в случаях завладения чужою собственностию и обманов, избегали бы законного преследования потому только, что они помещичьи. Наконец, в-четвертых, чтобы, прекращая торговлю и отбывая от гостей города, они исполняли 129-ю статью городового положения, т[о] е[сть] объявляли бы о том городовому магистрату, расплачивались бы с долгами и платили городу трехгодичную подать.

На сем основании торговля крестьян будет безобидна для купцов и, следовательно, не только вредна, но еще и полезна для торговли вообще умножением числа настоящих купцов. Впрочем, и самый доход казны чрез то не уменьшится, но еще умножится. Такое записывание во временные гости и гильдии в существе своем согласно с самим городовым положением, ибо в 92 статье именно сказано: «Дозволяется всякому, какого бы кто ни был рода, поколения, семьи, состояния, торга, промысла, рукоделия или ремесла, кто за собою объявит капитал, записаться в гильдии». Сначала сия статья, как видно из указа 1790 года ноября 27-го дня, была точно принята в настоящем обширнейшем смысле, и по Москве несколько дворян записались в гильдии, но за означенным указом по толкованию московских прокурора и стряпчих, сей смысл ограничен в теснейшие пределы, и дворян велено выписать из гильдий[39]. Ныне же, когда в торговле все сословия, кроме духовенства и служащих, участвовать могут, то означенная статья коренного закона может и должна восприять настоящее свое значение и силу.

Г). Об ограничении преобладания иностранцев

Напоследок, относительно преобладания иностранцев, хотя средства к ограничению их не так верны, но, по крайней мере, они могут несколько обуздать их и тем уже принесут значительную государству пользу. Средства сии суть следующие:

1) Надлежит пояснить закон, чтобы впредь иностранные фабриканты и негоцианты для продажи внутрь России товаров своих не присылали, но или бы продавали в портах, как узаконено в положенный срок, или бы присылали по выписке за счет российских купцов, имеющих право оптовой заграничной торговли.

2) Если после сего откроется нарушение такового постановления, то уже товары должны быть конфискованы и с виновными российско-подданными поступлено по всей строгости законов, а иностранным купцам не должно уже оказывать никакого удовлетворения за потерянный товар.

3) Подобным образом никакие претензии иностранных купцов на российско-подданных за присылаемые от них на комиссию товары впредь не уважать и не удовлетворять и при случаях банкротства российских купцов иначе иностранным кредиторам их уплаты не делать, как по векселям и счетам, законно никакому сомнению не подлежащим.

4) Подтвердить о строгом наблюдении со стороны полиции, чтобы никто не осмеливался открывать конторы под фирмою компаний, не исполнив повеленного высочайшим манифестом 1807 года относительно объявления магистрату и градской думе о составе товарищества.

Вероятно, что и при сих мерах искусные оборотливые иностранцы найдут новые средства к подлогу, но дальнейшие против сего предосторожности были бы уже стеснением для самой торговли и, следовательно, более бы принесли Отечеству вреда, нежели пользы.

IV. Заключение

В заключение всего долг беспристрастия заставляет сознаться, что укоризна некоторых чужелюбцев, делаемая российскому купечеству в недостатках просвещения, а с тем вместе и того благородного духа предприимчивости, коим отличаются иностранцы, не совсем без основания. Господа сии правы. Но то же беспристрастие

велит сказать, что и купечество наше не совсем виновато, ибо совершенному развитию коммерческого духа и способностей россиян есть преграда, которая пребудет непреодолима, доколе продолжится ее существование. Преграда сия состоит в недостатках, какие скрываются в нашей гражданственности и в самих коммерческих правах. От этого молодые, образовавшиеся люди из купечества получают отвращение от состояния отцов своих. Они спешат выйти из оного, сделавшись студентами или вступая в службу; дабы приобретением классных чинов обеспечить себя в будущности от тех неприятностей и самого унижения, в каком, оставшись купцами, легко могут быть, если случайно и невинно лишатся своего капитала. Таковы наши гражданские законы, что все права, облагораживающие некоторым образом купца, приписаны его капиталу, а не особе гражданина, чему едва ли есть где-либо из благоучрежденных государств пример. Скажут, что личность и собственность каждого мещанина довольно ограждена городовым положением. На это можно отвечать, что о силе и пользе государственных узаконений не по тому должно судить, как они написаны, а по тому, как исполняются и какое действие в обществе производят.

Если внимательно взглянуть на настоящее положение наших мещан, то оно ближе подходит к состоянию жидов в Германии: известно, что сих последних утесняют там безответственно, оскорбляют ненаказанно и презирают как бы по долгу, и между тем их же укоряют, что они не имеют понятия о честолюбии и все обманщики, мошенники, плуты!

У нас были и, может быть, есть из купечества люди предприимчивые, которые могли бы выйти из тесного круга домашней торговли и вступить в состязание с иностранными негоциантами; но непрочность коммерческих постановлений связывает руки, а бывшие примеры с другими убеждают отказаться от полетов и пресмыкаться. Весьма недавно известные архангелогородские купцы Поповы делали честь российскому купечеству своею иностранною коммерциею[40]. Имели богатство, множество кораблей, связи с лучшими торговыми домами в Европе и теперь разорились. Пусть мужи, издающие уставы, дозволят одному из сих русских аргонавтов побеседовать с собою с такою же непринужденностию, с какою пользуются этою честию иностранные парфюмеры; пусть

убедят, чтобы он со всею искренностию рассказал об истинных причинах своего разорения, то увидят такие, которых, конечно, не встретил бы он никогда, если бы был англичанином, французом, американцем, шведом и даже пруссаком.

Итак, желая чистосердечного и бескорыстного истинного блага своему Отечеству, не укорять и презирать российское купечество и гражданство вообще следует, но войтить со всею внимательностию в настоящее положение оных и спасительными благовременными исправлениями сокрывающихся недостатков в законных постановлениях стараться возвысить дух своих соотечественников, воссодействовать развитию их способностей, поощрить к смелой, безбоязненной деятельности и чрез то открыть лестный путь к соревнованию с иностранцами на поприще всемирной торговли.

Вот чего имеет право ожидать нация, недавно толико мужеством и любовию к Отечеству препрославленная, и ныне — изнеможенная.

Какой наблюдатель не видит, что у нас многое, подобно гражданственности, вдруг начато и не кончено. Посему-то известный Дидрот, взглянув на Россию, безошибочно сказал: «Жаль,— это прекрасный плод, который гниет, не достигнув надлежащей зрелости»[41]. Но есть еще способы отвратить сию гнилость: они в руках мудрых!

ДНЕВНИК ДОСТОПАМЯТНОГО НАШЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ЧИТЫ В ПЕТРОВСКИЙ ЗАВОД 1830-го ГОДА

Чита. По предварительному распоряжению мы расписаны были на две партии, из коих первая должна была идти под начальством плац-майора, а вторая — с самим комендантом[1]. На каждых двух назначалась одна конная подвода для поклажи скарба; под предлогом хворости, ран и проч. имущим разрешено иметь свои повозки. Итак — *августа 7-го числа,* поутру, в ненастную довольно погоду, выступила первая партия. Суетливость Куломзина и громко изъявленное неудовольствие Волк[онского] на то, что его разлучили с женою, а Муравьев еще у жены, обратили общее внимание[2].

Остальные из других казематов перебрались к нам.

Завалишины[3] поместились в мое соседство. Я перешел в 5-й №.

8-го числа. После обеда я был у Марии Ник[олаевны] Волконской. По ее настоянию распространил письмо мое к Полине, при котором отправлялся портрет[4]. Вообще я был восхищен ее ласкою и либерализмом.

9-го поутру, в 9 часу, выступили и мы — тихо и в стройном порядке, ибо наш плац-адъютант Розенберг[5] потолковитее Куломзина. Взвод солдат в авангарде, другой в арьергарде, конвойные по сторонам, — все с примкнутыми штыками и, сверх того, несколько конных казаков с пиками; мы в средине, около своих возов. Народ толпился около ворот. Служившие у нас прощались и плакали, особенно добрый Васька, мальчик Нарышкина[6].

Несмотря на дождик и грязь, почти все шли пешком. Я предположил *выпить чашу, не проронив ни капли.*

Комендант нас перегнал, чтобы переправить чрез р. Читу, до коей 4 версты. На перевозе увидели, что Мария Ник[олаевна] *Волконская* только что переехала, и г-жа *Смолянинова* возвращалась с двумя дочерьми на пароме на этот берег[7]. Обе девицы были в одних платьицах, и дождь нимало не смягчался. Тотчас начался перевоз при помощи проворных бурят и продолжался часа с полтора. Пошли очень скоро.

Когда скрылась Чита, вскоре вышли на р. *Ингоду,* оставя за собою вправе *Кинонское* озеро. Виды прекрасны.

Остановились в юртах при деревне *Черной* (из 8 дворов, в 20 верстах). Для нас назначалось 7 юрт, 8-я для офицера. Для коменданта поотдаль. Тайша его встретил.

Нашу юрту посетил наш le petit médecin* после *проводов* и, следовательно, очень весел. Он обращался с своими *увере́ньями* к *Пущину,* и вообще надоел порядочно, насильно надев ему на палец женино кольцо[8]. Оно ему возвращено на другой день.

Какой прелестный сон после чистого воздуха, движения и усталости!

Нарышкин, Пущин, Лорер, Оболенский[9] и я составляли *второе отделение* и должны были становиться во второй юрте с фланга.

10-е. Переход до станции Домно-Ключеской (20 верст,

---

* Докторишка (*фр.*).

13 дворов) сделали очень легко. Близ самого станка в топком месте встретили нас верхами посланные от тайши буряты и перевозили иных на лошадях. Везде мостки: видна заботливость, чтобы не подмочили ног! Это нас забавляло.

11-е число. Дневка. Марья Николаевна уехала вперед. Дождь.

Почувствовал ломоту в ногах. Употребление медвежьего жира ее прекратило. На следующий переход предварительно вымазал ноги жиром.

Окружной начальник с г. Смоляниновым приходил в наш лагерь прощаться с *знакомыми* и раскланивался с большими поклонами. NB. Наш Вольф[10] пользовал его сына.

12-е. Переход до станции Ширихонской (<...> верст, 23 двора, 15 юрт). По каменистой и трудной дороге шли чрез Яблоновый хребет. На самой вершине, у креста, сделали привал. Дождик шел с перемежкою, но когда спустились с хребта, дождь прекратился. Получили газеты. Прочитав, что 18 июня н. с. гардемарины с капитаном Литке были в Копенгагене, я чрезмерно обрадовался, будучи уверен, что и мой Всеволод в числе их[11].

13-е. Переход до деревни и станции *Шакшинской* ($15^{1}/_{2}$ версты, 8 юрт).

Погода порядочная, но дорога очень грязная. Любовались видом Шакшинского озера. Юрты свои нашли на сыром месте, зато небо прояснилось и ночь была прекрасная.

Катерина Ивановна Трубецк[ая][12] уехала вперед.

14-е. Дневка. Чтение. Шашки.

15-е. Переход до станции *Кондинской* (32 версты, 15 юрт). Несмотря на сильный холодный и противный ветер, неожиданно скоро сделали этот большой переход с одним только привалом.

В левой руке у нас осталось озеро *Иргень* (мы его не видели), куда весною из Читы и других мест ходят с образами. Есть предание, что тут находятся мощи мучеников.

Легли спать при дожде, который скоро прекратился.

16-е августа. Дневка. После обеда, заснув, увидел Полину весьма похудевшею. «Боже мой! как ты похудела!» — сказал я.— «И как ты исхудал!» — отвечала она,— и я проснулся. Чрез полчаса принесли мне письма, с

Юшневскою полученные[13], и от 18 июня с почтою. Какое утешение!

17-е. Переход до станции *Вершиноудинской* (32 версты, 15 юрт).

Выступили в 7 часов и, несмотря на трудную, грязную дорогу и дождь, с *половины* пошедший, в 4-м часу пришли на место. Я очень устал и прозяб, но в юрте в первый раз разложили огонь — и я отогрелся.

Как бы ни был утомителен переход, я всегда сам вынимаю свои вещи из телеги или арбы (что́ случится), вношу в юрту на себе и улаживаю свое логовище и потом уже ложусь отдыхать. Немногие охотно отказываются от *услуг.*

18-е. Газеты. Известие о смерти английского короля и о бунте Севастопольском[14].

Прекрасный вечер. Восхождение Марса. Кюхельбекер[15] принимает его за Венеру. Смех, шутки. Его до того привели в замешательство, что он чуть не сожег юрты, разведя большой огонь и закрыв сверху отверстие для дыма.

19-е августа. Переход до зимовья *Домнинского* (21 верста, 8 юрт).

День прекрасный. Дорога порядочная, сначала только несколько грязная. В час пополудни мы были уже на месте.

Узнав, что зайсан в свите тайши играет хорошо в шахматы, Фон-Визин[16] пригласил его на партию — и зайсан одержал победу. Вообще играет бегло и расчетисто.— Прекраснейший вечер. Луна, Юпитер и Марс во всей красоте. Ходил до 10-ти часов и мечтал. Ночь холодная.

20-е. Переход до станции *Яравинской* (10 верст и 15 юрт).

Прекрасное утро. Шли скоро, и в разговорах с Ник[олаем] Бестужевым, до 14-го касающихся[17], не видал, как, прошед *Березовую гриву,* спустились на станцию. Вправе видели Яравинское озеро.

Отселе открытые виды. На степи, сенокосы и пастбища. Повечеру дождь, но ненадолго. Шахматами с Оболенским скоротали вечер.

Августа 21-е. Переход в село *Уксер* (16 верст, 20 дворов). Прохладный день. Шли по берегу большого Яравинского озера. Прошед 10 верст, сделали привал. Собирали на берегу сердолики. Не доходя до села, прошли чрез небольшой березовый лес и только что из него вы-

шли, открылось круглое, не весьма обширное *Уксерское* озеро, при котором и село с каменною, но бедною церковью.

Вскоре Дружинин отправился на поселение и с ним мой портрет[18]. Были в черной бане.

22-е. Дневка. Прекраснейший день. Вместо церкви наш le vieux* поехал на охоту. Я читал Филипса. От Розена, нашего хозяина, ехавшего вперед для заготовления обеда[19], узнали, что Мария Казимировна Юшневская на следующей станции.

23-е. Переход до деревни *Погромской* (19 верст, 12 дворов). День ясный. Идти было даже жарко. Большею частию открытые места.

Едва отобедали, пошел дождь с градом, но ненадолго. Ночью возобновился и не дал спать.

В трех верстах от деревни — минеральные ключи. Виден дом, от казны там устроенный. Воды бывают действительны только весною. Вольф и Якушкин[20] ходили туда.

Узнали о приезде Анны Васильевны Розен.

24-е августа. Переход до деревни *Тайлуцкой* или *Поперечной* (29 верст, 10 дворов). Прекрасный день. Вышли на *Хоринскую* степь, где заметно более жизни. Прелестные виды. Вправе — кумирни.

Подходя к станции, прошли мимо полуразвалившегося уже памятника несчастной Агнессы Фед[оровны] Трескиной. Какое для меня воспоминание! Какой урок ничтожества мирской суетности!.. Место так ровно и дорога так хороша, что трудно понять, как здесь могли разбить лошади[21].

25-е. Чрез Розена получил письмо Полины: сладостное утешение, но и то не вовсе без желчи. Новости из письма к Трубецкому — о происшествии в московском театре, о разговоре Н[иколая] с его сестрою[22]. Взятие Алжира[23].

26-е. Переход до деревни *Грядецкой* (22 версты, 10 дворов). Прекрасные открытые виды. По сторонам бурятские стойбища. Скот, сенокосы. Заметны избы на русскую стать.

На привале перегнала нас Елизавета Петровна[24]. Она нездорова.

В 1-м часу мы были уже на месте.

---

* Старик (*фр.*).

Ввечеру ждал восхождение луны. Оно было прелестно. Юпитер, Марс и Луна составили великолепный аспект.

27-е августа. Переход до деревни *Онинский бор* (26 верст, 14 дворов). День ветреный и холодный. Пошли в половине 8-го часа и в 3-м часу пришли на ночлег. Прекрасные виды. До привала с нами ехала мать тайши с его сыном. Когда мы остановились, и она велела остановиться своей бричке. Якубович[25] подошел к ней *производиться* и подарил ей ноженки, а внуку удочки. Покойный муж ее был 7-го класса. Она выезжала, чтобы видеться с генералом; но, кажется, и мы не меньшим для нее были предметом любопытства.

Пришед на место, застали тут Марию Николаевну и Марию Казимировну. Я не успел видеться с нею. Часу в пятом *прискакала* и Анна Васильевна Розен — прямо в объятия своего супруга. Трогательное свидание!

Неожиданно явился Смолянинов. Он едет до Курбы, где открыт богатый прииск медной руды.

28-го августа. Дневка. Хотели видеть шамана; его вывели. Но как тут был тайша сам, то он, по-видимому, и не смел развернуться. Немножко поскакал, пропел *менду, менду,* постучали его ассистенты в бубны, как в лукошки,— и тем этот глупый фарс кончился. Приметно, что тайша смеялся так, чтобы мы видели, что он шаманству не верит. Ламы вообще гонят шаманство, хотя сами не лучший свет разливают в народе, но просто *выезжают* на невежестве.

29-е. Переход на станцию *Онинскую* (12 верст, 15 юрт). Прелестный день. Пройдя бор, увидели обширную долину и вправе гранитную гору. Тут и станция.

Розен передал мне приятное известие о семействе: получил письмо от 13 июля.

Шаман предсказал, что из Удинска некоторых увезут в Иркутск. Смеялись и шутили.

30 августа. Переход до станции *Кульской* ($18^1/_2$ верст, 10 юрт). При выступлении с Онинской станции переправлялись чрез р. Ону под наблюдением самого коменданта, который между тем рассказывал на берегу Ни[колаю] Бестужеву, что в девяностых годах он так же шел и переправлял чрез реки конфедератов. Это нас позабавило дорогой. На привале любовался с высоты прелестным видом долины, гор и нашего каравана.

Пришли рано в свой табор. Получили газеты. Бур-

монь — маршалом Франции[26]. Лесть Булгарина по случаю Петергофского праздника напомнила Булгарина 1825 года[27].

Против станции, за р. Удой, видно под горою село Кула, в котором погребена несчастная Трескина.

31-е. Дневка. Были в хорошей бане у живущего здесь зажиточного купца Лосева, которого сын поставлял дорогою для нас мясо. Le vieux уехал вперед на Курбинский перевоз.

1-е сентября. Переход до станции *Тарбагатайской* (29 верст, 10 юрт). Перешли легко и скоро: в 3 часа были уже на месте. День был для ходьбы благоприятен. Виды также прелестны.

2-е сентября. Переход до станции *Тынгира-Болдатская* (23 версты, 15 юрт). Погода постоянно прекрасная. За 7 верст до станции прошли известковую гору, где видны признаки алебастра и мрамора. Шли большею частию близ самой Уды, и станция на самом берегу.

3-е. Дневка. Занимался Филипсом. Вечер прелестный. Восхождение Марса очаровательно. Ночь теплая. Видимое благодеяние неба, когда люди так против нас ожесточились.

Солдатка Бурлакова родила в юрте сына; а нашим надобно бабушек из Иркутска!

4-е. Переход до станции *Курбинской* (24 версты, 15 юрт). По столбам оказалось 26 верст. Разнообразие видов: два раза проходили чрез сосновые боры. Влеве Уда, картинно разлившаяся. Несколько озер. Тайша охотился во время нашего привала. Встретили шотландского библейского миссионера и нерчинского начальника.

В 3-м часу пришли на место. Мне вручили письмо от 16 июля. Неприятность от поступка Пущина — следствие близкого столкновения и тех оттенков характера, которые в обыкновенной общественной жизни остаются обыкновенно неприметными.

Ночью сильный раскат грома разбудил меня.

5-е сентября. Переход до *Онинской* станции (30 верст, 15 юрт). Выступление началось переправою чрез р. Курбу. По столбам оказалось 34 версты, и хотя шли прямою дорогою чрез поемные места, не могли прийти прежде 6-го часа, сделав два привала. Это был самый утомительный переход. На привале читал газеты. Дело Моллера и сентенция за оскорбление особы: новость, неиз-

вестная в царствование Александра[28]. Тот обыкновенно спрашивал: *А как он меня ругал?* — и по точном ответе объявлял свой приговор: *простить!*

6-е. Дневка. Читал берлинские газеты. Приятные вести о Боливаре[29]. Сильный ветер не дал спать.

7-е сентября. Переход до *Креста* или до *Шевелевой заимки,* в 5-ти верстах от города Верхнеудинска (25 верст, 8 юрт). Сильный противный ветр. Временно накрапывал дождик. Шли скоро и вместо 25 верст прошли, по столбам, 29, с одним привалом, не долее как в 6 часов.

Из города приезжали на дрожках здешние дамы — зевать на нас.

Прочли нам *словесное* приказание коменданта, как идти завтра чрез город, т. е. чтобы все были при своих повозках и не далее двух шагов, трубок бы не курили и даже в руках чубуков не держали. Солдатам же приказано не разговаривать и показывать *свирепый вид!* Нам это дало случай позабавиться.

8-е. Переход чрез город *Верхнеудинск* до деревни *Саентуевской* (17 верст, 16 дворов). Рано поднялись. Конвой в параде. Перед городом встретила нас полиция. Народ толпился кучами по возвышениям. На улицах не заметно было никого порядочных. На лицах — одно глупое любопытство. Комендант стоял у мосту чрез р. Уду. По другую сторону реки, в первом доме на левой руке, с галереи смотрели несколько дам и верхнеудинских *денди.*

Замечателен на правой руке гранитный яр в виде развалин.

Только что вышли из города, узнали, что Груша, девушка Трубецкого, *приказала долго жить.* Худое или хорошее предвещение?

Имели привал. Шли чрез горы и любовались видами Селенги и самого города. С каким чувством смотрел я — и, может быть, не один я — на даль, ведущую туда, где для меня *все мое...*

При входе на станцию Розен встретил меня картиною — подарком от моей милой Юлии, а потом доставил мне старого приятеля Эпиктета[30].

9-е. На другой день холодная погода. Ночью ветр. Кончил Филипса. Продожал Miszellen*.

10-е. Переход до *Семейского зимовья* по дороге в Тар-

* Заметки (*нем.*).

багатай (17 дворов, 17 верст). Выступили по вновь проложенной дороге чрез хребет.

Проходили вновь выстроенную мельницу купца Пинаева. Комендант, ехавший вперед, нас остановил, чтобы Ник[олай] Бестужев дал совет хозяину, как устроить плотину. Недалеко от мельницы прошли мимо пчельника купца Шевелева, который им перенесен с речки Березовки, где место оказалось невыгодно. Это первый еще опыт в Иркутской губернии.

За высоким хребтом открылись хорошие виды: всюду пашни по отлогостям гор. Часу в 3-м пришли в деревню *Пестереву,* где *семейские* радушно нас встретили. В первый раз остановились на квартирах — у *старожилов,* однако ж. Зимовье мы прошли. Здесь заметен зажиточный крестьянин *Заиграев,* занимающийся различными поставками для казны, и, как водится здесь, порядочный сутяга!

11-е сентября. Переход до села *Тарбагатайского* (15 верст, 120 дворов). Очень скоро перешли, ибо оставалось не более 6-ти верст. Квартира здесь досталась получше вчерашней: в Пестеревой тараканы ужасно атаковали всю ночь.

Позволение ходить с квартиры на квартиру отменено по случаю приезда фельдъегеря. Вскоре узнали, что он привез только письмо к Марье Николаевне, вследствие ее просьбы о дозволении ехать с мужем по случаю ее беременности. Ходили в баню. Имели покойную ночь.

12-е сентября. Дневка. Посетил нас Н. Н. Чебунин, здешний матадор, тесть Заиграева. Он особенно любопытен был видеть бывшего *князя* Оболенского. Познакомился ближе других с Пущиным. Мне рассказал, что *имел дела* от моего покойного свояка[31].

Я читал свои Miszellen.

13-е сентября. Переход до селения *Десятникова* (10 верст, 10 дворов).

Рано выступили и скоро перешли. Из боковых деревень нарочно выезжали семейские с бабами и девами разодетыми — нас посмотреть. Нам досталась хорошая квартира у радушного хозяина.

Читал газеты. Важные происшествия во Франции[32].

Узнали, что фельдъегерь уехал обратно; но не слышно, чтобы он привез что-либо поважнее дозволения Марье Николаевне видеться дорогою с мужем.

Сентября 14-е. Переход до селения *Барского*

(15 верст, 50 дворов). После скорого перехода получили предурную квартиру с тараканами. Расположились в юрте. Видели Марью Николаевну. Она приехала показать полученное ею письмо, мало доброго обещающее.

Ночью на *16-е* выпал снег. Дневали и скучали. Поутру выступили по дороге к *Мухор-Шебиру* до р. *Тугнуй* (22 версты, 15 юрт). Судя по переходу, нет этого расстояния. Тесная юрта. Каморник *Дундук* — опытный философ и *Далай* — молодой бурят, хорошо говорящий по-русски. Весь вечер протолковали с ними. Я старался внушить им понятие о выгоде быть грамотным. Далай восхищался и переводил Дундуку, который оскаблялся от удовольствия, слыша новые для него истины.

Тугнуйская степь прекрасна. Невдалеке видны кумирни.

Тайша главный может сечь тайшу здешнего, хотя он и в классном чине.

Сентября 17-е. Переход в село *Мугор-Шебир* (13 верст, 150 дворов).

При встрече более любопытствующего народа, нежели в Удинске, особливо женщины толпами ходили после мимо окон, чтобы смотреть на нас.

Тараканы не дали спать. Корыстолюбие хозяев.

18-е. Перешли в *Харашебир* (12 верст, 80 дворов). Разбросанная деревня потомков польских переселенцев, в которых ничего почти не осталось народного, хотя и зовут их хохлами.

Порядочная квартира.

19-е. Дневка. Первое известие о революции Французской чрез коменданта.

20-е. Перешли в село *Хонхолой* ($17^1/_2$ верст, 120 дворов). Порядочная квартира у кривой Пел[агеи] Ивановны, но только тараканы выжили меня на вышку. Возня хозяйки с печкою разбудила меня рано. У Мишки ушли лошади.

21-е. Переход в село *Харауз* (20 верст, 50 дворов). При выступлении Фон-Визин сообщил подробности из газет об абдикации Карла X.[33]. Это известие всех оживило.

Народ провожал нас из селения. В селе *Никольском,* 7 верст не доходя до Харауза, улица покрыта была народом обоего пола старыми и малыми, которые ожидали нас с самого утра и проводили до загона. Буряты выезжали кавалькадами на дорогу.

Досталась дурная квартира. Читал газеты. Геморрой меня одолел.

22-е. Дневка. Екатерина Ивановна Трубецкая и Елизавета Петровна Нарышкина приехали из Петровского встретить мужей.

23-е. Последний переход до *Балагинского Петровского завода* (28 верст; всего от Читы $634^1/_2$ в.).

Выступили в 8-м часу. Я не мог идти и сел на повозку Фон-Визина. Трубецкой сократил дорогу рассказом о подробностях посещения Москвы Н[иколаем] и о гонении на раскольников.

Дорога вела в междугорие и теснины; все как бы предвещало приближение к мрачной тюрьме; но все шли с веселым духом.

Екатерина Ивановна, Алекс[андра] Иванов[на] Дав[ыдова] и Наталья Дмитриевна нас обогнали[34].

На половине сделали привал.

Версты за полторы открылся мрачный Петровский завод, в коем наша тюрьма отличалась красною крышею. Остановились, чтобы дать солдатам надеть ранцы. Мы с пригорка смотрели на нашу будущую обитель и — шутили! При вступлении в завод я пошел пешком.

Множество народа высыпало нас смотреть. Нас встретил заводский полицеймейстер и поехал вперед. На заводском мосту, под который надобно было проходить, стояло также множество зрителей, чиновниц и чиновников, с любопытством на нас зевающих. У дома Алекс[андры] Григорьев[ны] наши дамы вкупе ожидали своих мужей.

Весело вошед в стены своей Бастилии, бросились в объятия товарищей, с коими 48 дней были в разлуке; ибо мы шли 46 дней, сделали 31 переход и 15 было дневок.

Вскоре нас разместили. Мне достался в 3-м отделении роковой 13-й №, между Пущиным и Оболенским. Я вступил в него, как в преддверие гроба; но сердце было спокойно, душа тверда.

Товарищи рассказали нам, что им, по вступлении сюда, читали правила о порядке, какой впредь будет здесь наблюдаться, которые возбудили между ними всеобщий хохот, и все твердили: от *запертия* до *отпертия,* а потому, вероятно, нам уже никаких правил не показывали. Не только мы, даже солдаты смеялись тем наставлениям, которые им читали на гауптвахте; и здесь,

как и во всей России, предписания в раздоре с исполнением — были и будут.

Во всякое отделение дали по сторожу из солдат; к нам достался Лука Иванов Гурин.

Совершенно темные номера[35], железные запоры, четырехсаженный тын, не допускающий ничего видеть, кроме неба, должны были ужаснуть каждого; но,— таково следствие привычки,— мы были равнодушны ко всему. Я вспомнил зайцовского ямщика, который в 1819 году, подъезжая к Бронницам, на вопрос мой: «Начинают ли военнопоселенцы привыкать к новой своей жизни?» — отвечал: «Да, батюшка барин: велят, так и в аде привыкнем!» Как сильно и как справедливо! Я тогда не воображал, что опытом узнаю истину сей русской остроты. Могу ли предузнать, что̀ еще вперед испытать предназначено? Но... *да будет воля твоя!*

ИЗЛИЯНИЕ СЕРДЦА 1-го ОКТЯБРЯ 1833 ГОДА В ПЕТРОВСКОЙ ТЮРЬМЕ

Вот что значит гласность и свобода мыслить о тех предметах, на которые правительства присвоили себе монополию. Я писал в [1]823 году, если не ошибаюсь теперь, о возможности уничтожить в нашем Отечестве гнусную продажу людей, не негров, россиян[1]. Я мог ошибаться в средствах, кои мне казались легкими, безобидными для владельцев, справедливыми во всех отношениях; другие это бы исправили, сказали бы свое мнение и развили бы идею до возможности исполнения. Теперь, может быть, уже не читали бы постыдную ложь, которою если не самих себя, то бог знает кого обманывают,— ложь, часто повторяемую: *отпускаются в услужение: повар с женою, девица 18-ти лет, умеющая шить и гладить...* Я писал, говорю, писал к самому царю, сколько мог убедительно, за вопиющее человечество и за честь России; но моя бумага с надписанием монаршим: *читал* — поступила в канцелярию графа Аракчеева, как в Лету. Кто знает об ней? и будет ли когда-либо кто знать?...

Около того же времени я изложил свои мысли о жестокости и несообразности с духом самой веры закона на богохульников и святотатцев, доставил это в департамент духовных дел[2]. Сказали: прекрасно, много обя-

заны, это нам очень кстати,— и тем кончилось. Кто из сограждан проведает, что я вступался за страждущее человечество? Лет пять спустя Тьерс, если не ошибаюсь, повторил во французской палате из слова в слово некоторые мои мысли[3]. Это целый свет узнал, целый свет аплодировал!..

И после этого не больно ли читать и слышать: как французы мыслят, как говорят! как пишут!.. а что у нас?!

(Излияние сердца 1-го октября 1833 года в Петровской тюрьме. Я думаю о вас, милые дети, может быть, эти тетрадки попадутся вам в руки!)

К ИРКУТСКОМУ ЛЕТОПИСЦУ ПОЯСНЕНИЕ. ЗАПИСКА О СИБИРИ

Петровский каземат. 1834 г.
Апреля 28 числа

Многоуважаемый мною, почтеннейший Алексей Петрович![1]

Вы желали знать от меня: кто за кем с открытия Иркутской губернии начальствовал в ней. Мне показалось, что я плохо бы удовлетворил вашему любопытству, если бы представил вам голый список имен и прозваний этих господ, а потому не мог воздержаться, чтоб не сказать вам хотя кратко, что знаю о каждом из них. Не обманитесь: не подумайте найти интересный, завлекательный рассказ. Я взялся бы не за свое дело, нет, я скажу вам просто и, может быть, без связи только то, что в обрывках сохранилось в ослабевающей моей памяти. Прежде я знал многое: чуть не родился в Сибири, жил долго, жил не без толчков и потому не без оглядки; сверх того, по некоторому случаю имел многие бумаги Иркутского архива в своих руках... Но вот я начинаю рассказывать.

Вам, конечно, известно, что Иркутская губерния восприяла свое отдельное от Сибирской губернии существование с 1765 г., и с того времени управляли ею губернаторы по наказу Петра Великого, имея при себе одно присутственное место — губернаторскую канцелярию[2]. Из сих губернаторов два оставили по себе память: *Немцев* и *Кличка*[3]. Первый не был настоящим губернатором и в самых бумагах назывался: «со властию гу-

бернаторскою бригадирского ранга Немцов». Он прославился здесь особенно по случаю арестования сумасбродного Нарышкина, возмутившего Нерчинский край: обстоятельство, описанное с довольною точностию в романе г. Калашникова «Дочь купца Жолобова»[4]. Не останавливаясь на сем, я упомяну только мимоходом, что рассказы о Нарышкине имеют связь с преданиями о несчастном митрополите Арсении Ростовском, погребенном в Верхнеудинске[5]. Кличка Франц Николаевич был, если не ошибаюсь, последний губернатор пред открытием наместничества. Он оставил по себе память как человек умный, благонамеренный и весьма деятельный, Существующий в Нерчинске «Кличкинский рудник» в честь его получил это название*[6].

В 1783 году последовало в Иркутске открытие наместничества. Первым наместником иркутским и колывановским был Якоби, генерал-поручик; губернатором при нем — Ламб, генерал-майор[7]. По странной, конечно, игре случая тот и другой — Иван Варфоломеевич. Может быть, не найдете лишним, если я припомню, что губерния в это время была разделена на четыре области: Иркутскую, Нерчинскую, Якутскую и Охотскую и в каждую назначен комендант области полковник, а в Иркутскую — обер-комендант** генерал-майор; помню и фамилию — Блюм[8]. Все это чиноначалие просто деспотствовало. Объезды охотского коменданта Козлова-Угрейнина по своей области долго воспоминались в Камчатке под именем «собачьей оспы»[9]. Сам Якоби был сатрап-сибарит. Одно осталось по нем в памяти иркутян: пышно, весело жил. Конец его вы знаете: чуть не десятилетие томление под судом. Дело кончилось ничем, но зачернило сибиряков во мнении правительства и чуть не в мнении всех россиян. Слова высочайшего указа слишком были громки, разительны. Он так начинался: «Читано перед нами несколько тысяч листов под названием сибирского, якобиевского, дела, из коего мы ничего иного не усмотрели, кроме ябеды, сплетен и кляуз, а

* Кличка учредил домашний совет из лучших граждан, собираться к нему в неделю раз, а по экстренности и более; совету поручал ссорившихся граждан примирять, поэтому в городовом магистрате не было дел. Учредил губернскую библиотеку. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

** Прежде был бригадир, он, кажется, здесь и умер. Блюм на его место поступил. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

потому...» и проч. Словами этими положено клеймо на сибиряков, за которое они впоследствии дорого поплатились; кто знает, может быть, и теперь поплачиваются. Горе отдаленной провинции, ежели правительство между ею и собою поставит оплот предубеждения! Какая истина, какая невинность может быть уверена, что глас ее за сим оплотом не покажется ухищренным воплем ябеды? Но — не наше дело; притом же это ведь давно прошедшее.

Ламб оставил по себе воспоминание как человек добрый, честный и бескорыстный. Вместо Якоби поступил Иван Алферович Пиль, также генерал-поручик[10]. Ламба сменил Михайло Михайлович Арсеньев[11]. Сей последний был добрый москвич, хлебосол, но губернатор слабый; имел большое семейство и кончил жизнь в Иркутске в 1791 году. Место его занял генерал-майор Нагель[12], только что окончивший переговоры с китайцами на Кяхте по случаю бывшего тогда с ними разрыва. Здесь позвольте мне сделать небольшое отступление. Обстоятельство это напоминает мне человека, которого память близка моему сердцу.

Разрывы с китайцами были очень часты, так что с 1744 года по 1792, в течение 48 лет, кяхтинская торговля десять[13] раз была прекращаема по причинам совершенно вздорным, чтоб не сказать более, и если счесть время бесторжия, оно составит 15 лет и 7 месяцев с днями. С Нагелем в последнем соглашении с китайцами участвовал чиновник коммерц-коллегии Вонифатьев, который и остался директором кяхтинской таможни[14]. С того времени ворота кяхтинские уже не запирались. Вонифатьев пробыл директором 24 года; умер в Москве, оставил по себе двенадцать рублей с полтиною! Вещи сами собою объясняются. Вонифатьев был мой тесть: я промолчал бы, если б истина не позволяла сказать того, что служит к его чести. Обращаюсь к предмету[15].

Пиль был человек строптивый, капризный и вообще в Иркутске нелюбимый; имел своих тварей и допускал неправосудие; одним словом, память его не совсем чиста. По восшествии на престол Павла I, с уничтожением наместничества, он был сменен, а на его место прислан уже военный губернатор Штрандмант*[16] — добрый старик

* Фон Третрен. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

и, как военный человек, не знаменитый администратор: дела, однако ж, шли, как это и часто бывает. С Нагелем был другой конец. Вследствие какого-то доноса за ним прискакал фельдъегерь: название это только тогда сделалось известным в России и наводило ужас. Можете легко представить состояние бедного Нагеля, везомого на перекладных в С.-Петербург. Привезли; представили государю; он ждал разрушения. Не то судьба ему готовила. Государь, гневно, но пристально взглянув на него, спросил:

— Не тот ли ты Нагель, который в таком-то году служил в таком-то гусарском полку?

Услышав утвердительный ответ, он бросился на него, обнял и сказал:

— Я знаю тебя: ты честный человек, на тебя солгали! — Поздравил генерал-лейтенантом и назначил военным губернатором в Ригу, а при расставании на дорогу пожаловал орден св. Александра Невского[17]. В Иркутск на место его губернатором прислан был Николай Иванович *Репьев,* человек честный и весьма добрый[18].

Старик *Штрандман,* помнится, не пробыл и двух лет в Иркутске. На смену к нему приехал генерал от инфантерии Борис Борисович *Леццано,* переведенный из Архангельска[19]. Леццано был человек гордый, надменный и сух в обращении, но был честен, добр и бескорыстен в полном значении слова. Он облегчал участь несчастных, которые толпами ссылались тогда в Иркутск, и впоследствии при перемене правительства был за них ходатаем и, что важнее, ходатаем не безуспешным: через его многие увидели свой кров родной! Вы удивитесь, вероятно, если вам скажут, что Леццано дурно кончил: он выехал из Иркутска, чтобы предстать пред судом Сената. Для пояснения сей странности необходимо знать обстоятельства того времени.

В царствование государя Павла I в Иркутской губернии, как почти во всей России, происходило необыкновенное движение. По проекту князя Гагарина последовал высочайший указ: собрать по всей России в зачет рекрутов десять тысяч человек и послать в Сибирь для заселения[20]. Повеление исполнили прежде, нежели было приведено в известность: где и как и чем селить? Губерния наполнилась негодяями, нищими: начались воровства, убийства, разбои. По другому высочайшему повелению в Иркутске сформирован Сомова гарнизон-

ный полк и отправлен в Камчатку — для защиты от мнимого нападения испанцев[21]. Это обстоятельство повлекло за собой усиление действий по комиссариатской и провиантской частям, чрезвычайные доставки в укрепление Охотского порта и разорение якутов. В это же время положено в Иркутске основание суконной казенной фабрики, зависящей от комиссариата, коего начальником был генерал-майор *Новицкий*[22] — человек умный, грамотный и тонкий, чтоб не сказать пронырливый. В этом положении дел застала Леццано катастрофа, изумившая всю Россию[23]... Он обратился к новому правительству с представлениями. Во избежание затруднительного продовольствия Камчатского полка он дал мысль сделать из него «ландмилицию»[24]. Это опробовано, назначены суммы, начались доставки земледельческих орудий и скота; возились с этим еще лет шесть — и бросили. Он требовал особого чиновника для расселения присланных в зачет рекрутов; прислали тотчас генерал-майора Лабу[25], который только что высмотрел места и не поселил ни одного человека. Для устранения побегов и разбоев Леццано представил, чтобы суконную Тельминскую фабрику перенести на остров Ольхон. Новицкий протестовал против этого и дозволил себе весьма неосторожные выходы и насчет управления Леццано вообще. В это же время по проекту вице-адмирала *Фомина*[26] замышляли перенести Охотский порт на р. Алдаму и потому прокладывали туда от Якутска дорогу посредством каторжных, которые бегали и грабили купеческие караваны, идущие в Охотск. Один из них, по прозванию *Баратаев,* бывший некогда князем и офицером, с шайкою занял и разграбил городок Жиганы и уже во льдах, при устье Лены, застигнутый воинскою командою, пал от восьми ран, как герой[27]. Донесение об этом не могло быть приятно правительству, и, как обыкновенно, все надобно к чему-нибудь приписывать, это приписали к слабости. К довершению, граждане иркутские жаловались на Леццано: им не понравилось, что он воспретил сеять в городе табак, и велел перенести табачные плантации на городскую землю, в окрестности города, а внутри дозволил и даже поощрял разводить огороды с овощами и, сверх того, приказал лучшие проспекты в Иркутске обсадить березками. Последнее обстоятельство было представлено в виде отяготительного налога для жителей. Результат всего этого был

тот, что прислали сенатора *Селифонтова*[28] обревизовать Иркутскую губернию и разобрать Лецциано с Новицким.

Для вас, надеюсь, весьма будет понятно, если скажу коротко, что Селифонтов не сошелся с Лецциано и взял сторону Новицкого. В первое воскресенье при собрании всех чиновников и лучших граждан Новицкого позвали в кабинет сенатора, и через десять минут Селифонтов сам вывел Новицкого в Анненской ленте и велел поздравлять кавалера! Случай редкий, если не единственный, по крайней мере в царствование Александра. Это обстоятельство понято было как объявление явной войны Лецциано, и тогда ленивый только не жаловался. Селифонтов представил, что Иркутская губерния в таком бедственном положении, что без слез взирать на нее невозможно. Разумеется, что Лецциано тотчас удален был от должности и место его поручено временно генерал-лейтенанту *Лебедеву**[29]. Между тем в Иркутске вместо Репьева давно уже был другой губернатор, *Толстой,* человек самый незначительный[31].

Селифонтову велено было представить: какими мерами думает он исправлять положение Сибири? Его мнение состояло в том, чтобы, разделив Сибирь на три губернии, соединить ее под управлением одного генерал-губернатора, облеченного особенною высочайшею доверенностию. Теперь настал вопрос: кого же облечь этой доверенностию? Ответ сам собою представился: кого же лучше, как не того, кто плачет о Сибири!.. Итак, Селифонтов назначен генерал-губернатором, и повелено открыть Томскую губернию. Это происходило в 1803 году. Губернатор для Иркутска дан был ему на выбор: он привез с собою *Картвелина*[32]. В инструкции, высочайше данной Селифонтову, один пункт особенно замечателен: в нем сказано, что «по духу ябеды, издавна (вспомните Якоби) замеченному между сибирскими жителями», ему дается полная власть всех тех, которые, имея беспокойный характер, влиянием своим на общество могут препятствовать благонамеренным действиям правительства: ссылать в отдаленнейшие места, где беспокойство их не может быть вредно. Разумеется, что копия с этой

* Лебедев любил пунш и вино и «вся яже к тому есть». В это время посещал Иркутск умный генерал Штренгпортен с Бенкендорфом, своим адъютантом, теперешним графом[30]. Первый изумился, каким людям иногда вверяют отдаленные провинции! (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

инструкции прежде была получена всеми местными начальниками и присутственными местами во всей Сибири, нежели узнали о выезде Селифонтова из Петербурга.

Явился, как вице-рой[33], все пало ниц и безмолвствовало! Чувствую, что любопытство ваше подстрекается скорее узнать: как начали поправлять бедствующую Иркутскую губернию! В самом деле, это чрезвычайно интересно, и вы сейчас узнаете. Но позвольте наперед сказать несколько слов о приезде Селифонтова в Иркутск и о жизни его тут, которая была истинным соблазном. Сначала он приехал один, с сыном своим Павлом Ивановичем, но вскоре, в то самое время, когда его жена с прочим семейством прибыла в Тобольск и по его распоряжению осталась там жить, наперсница его, мадам Бойе с дочерью, приехала чрез Ишим в Иркутск и остановилась в генерал-губернаторском доме. Отношения сей матери и дочери к отцу и сыну недолго оставались двусмысленными. Тотчас догадались, чрез кого надобно обделывать дела,— и обделывали, что хотели и как хотели. Вот вам и поправление. Мало этого, я добавлю: Селифонтов привез с собой правителем канцелярии коллежского советника *Бакулина*[34], сибирского и, если не ошибаюсь, ишимского уроженца, человека весьма «делового». Бакулин захотел хозяйничать в губернии и сумел это сделать. Всю Сибирь они разделили на частные комиссарства; определение комиссаров предоставили себе и поставили их в прямое соотношение с генерал-губернатором под предлогом отдаленности мест, требующих скорейших распоряжений. Обеспечив, таким образом, зависимость комиссаров, они без околичностей назначали, сколько следовало заплатить за определение в такое или другое комиссарство, и не забывали сменять тех, кои думали отделываться «одним кушем». В это же время случилось, что один из секретарей Селифонтова *Белявский*[35] — человек «смышленый» и большой проказник, которого я после лично узнал, когда он был в Новгороде губернским прокурором, написал к одному из комиссаров:

«Государь мой, покорно вас прошу на прилагаемые при сем *якобы* деньги купить для меня и прислать как можно поспешнее хорошую кунью или рысью шубу и проч.»

Шутливое было время!.. Однако ж оно не понравилось Картвелину. Селифонтов в нем ошибся: он не по-

ладил с его Бакулиным и попросил увольнения на первых, так сказать, порах. На губернаторство приехал честный моряк *Корнилов*[36], лично известный по Галерной гавани, в коей он был начальником, государю. Вы, верно, догадаетесь, что и этот не сошелся с Бакулиным и, следовательно, с Селифонтовым. У них доходило до публичной разбранки, и, конечно, Корнилову было бы дурно, если бы не подоспело посольство графа Головкина[37].

Вам, конечно, известно, что графу Головкину поручено было, в проезде до границы Китая, обращать внимание на состояние губерний, по тракту лежащих, и доносить правительству, что заметит дурное. Как Леццано по надменности своей не захотел кланяться Селифонтову, так точно этот в качестве полномочного вицероя не оказал приезжему гостю особенного уважения. С первой встречи заметили между ними сухость. Напротив, Корнилов старался привлечь на свою сторону не только посла, но и его свиту. Жена Корнилова, Александра Ефремовна, урожденная фон дер Флит[38], была весьма любезная, ловкая, гостеприимная женщина. Вообще семейство Корнилова показалось посольству весьма любезным, и кавалеры, как говорили в Иркутске, «живмя жили» в губернаторском доме. После, когда Корнилов выехал из Иркутска с долгами, повторяли, что он «прожился на посольстве». Как бы то ни было, верно то, что Александра Ефремовна успела передать свите графа всю, как говорится, «подноготную» о Селифонтове, и граф всякое утро получал верный отчет обо всем, что там слышали. Последствие оказалось вскоре.

Едва граф Головкин отправился в Китай, Селифонтов поехал для свидания с семейством в Тобольск, дав обещание иркутянам вскоре воротиться. Прожив несколько месяцев в Тобольске, он и действительно думал уже о возвратном пути, как вдруг последовал высочайший указ об увольнении его от службы и о запрещении ему въезда в столицы.

Вы, вероятно, знаете, что Селифонтов невдолге окончил жизнь в своих ярославских деревнях вследствие паралича[39]. Не буду делать суждений, но вы, конечно, при сем случае обратитесь мыслию к поступку его с Леццано. Последовало назначение нового генерал-губернатора И. Б. Пестеля[40] с тою же инструкциею, но еще с боль-

И. Б. ПЕСТЕЛЬ. Начало 1840-х гг.
Неизвестный художник первой половины XIX в.

шею существенною доверенностию. Это случилось в начале 1806 года.

Пестель, как он сам рассказывал, не соглашался принять это поручение иначе, как с условием, чтобы Трескина[41] дали ему губернатором в Иркутск. По московскому почтамту он имел его своим помощником и знал его, как думал, совершенно. Корнилов представлял в этом затруднение; но доложили, что он сам просится в Тобольск, и потому государь согласился и на перевод Корнилова, и на определение Трескина. По приезде в Иркутск при первой встрече с чиновниками Иван Борисович рассказал им вместо приветствия следующее: «Когда государю императору угодно было назначить меня в Сибирь генерал-губернатором, то первая моя всеподданнейшая просьба была, чтобы переменить здесь белые

Н. И. ТРЕСКИН
Неизвестный художник начала XIX в.
Иркутский областной художественный музей

воротники. Я был в Вятке на следствии: там тоже белые воротники, и все наголо ябедники! Хе, хе, хе!» Он имел привычку язвительно смеяться несколько в нос. Слышавшие смекнули делом и почесали только в затылках. Вы знаете здешнее: «Чего станем делать?» Это было для них прелюдиею будущей драмы, которую готовились разыграть на сибирской сцене!

Пестель побывал в Кяхте и, обозрев Нерчинский край, отправился в 1807 году в Тобольск и зимою на 1809 год уехал в Санкт-Петербург, откуда уже не возвращался. В Иркутске он оставил действовать Трескина на основании инструкции своей, с полною свободою и властию. Расставшись в Тобольске с губернатором Корниловым и с вице-губернатором Штейнгейлем, моим дя-

дею[42], как нельзя лучше, по приезде в Санкт-Петербург на обоих он сделал представление, вследствие которого они преданы суду Сената. Место Корнилова получил зять Пестеля, фон Брин[43]. Поступок вообще не весьма чистый. Корнилов и Штейнгейль впоследствии оправдались, но огорчения свели последнего преждевременно в гроб. В это же время предан суду генерал-майор Куткин[44], начальник тобольского провиантского депо. С ним поступали с неимоверною жестокостию, содержали под стражею, лишив сообщения с семейством; имение, прежде начета, все описали. Дочь его от слез ослепла, а он умер под стражею. Жалоба Куткина министру юстиции ходила в списках по всей России. Когда дело Куткина, при всех натяжках, кончилось, оказалось, что он подлежит взысканию 275 рублей за неправильную выдачу прогонных денег одному комиссионеру. На провиантских и комиссариатских чиновников по всей Сибири открыто было гонение, как на жидов, и продолжалось до тех пор, пока обе части не сделались подчиненными гражданскому начальству и когда на все места посадили, как говорится, своих. Вы скажете: и это не чисто? Не буду спорить. Дела сами говорят.

В Иркутске отдали под суд бывшего председателя уголовной палаты Горновского[45], человека умного, философа по образу жизни, имевшего многих почитателей в городе. Это называлось «партией» — все принадлежавшие к партии терпели равное гонение. Борьба с Горновским кончилась его смертию[46]. Его не могли сломить. Для планирования улиц началась ломка обывательских домов. Граждане заговорили. Тогда в обществе купеческом в Иркутске первыми считались дома Сибирякова и Мыльникова[47]. Первый был головою и крепко стоял за общество. Осмелился жаловаться министру на притеснения. Жалоба отослана к Пестелю, а от него к Трескину. Кончилось тем, что на основании того пункта инструкции, о коем я вам выше упомянул, Сибиряковых одного брата сослали в Нерчинск, другого — в Жиганы; а Мыльникова — в Баргузин. Двое из них были первостатейными купцами: это не помешало. Все они вскоре в ссылке этой умерли. Преследовали также купца Киселева, человека умного и пылкого довели до сумасшествия, то есть посадили в сумасшедший дом, из которого он без вести пропал. Это осталось загадкою, которую, впрочем, не нашлось Эдипа[48] разгадать. Управившись с головами ир-

кутского неугомонного общества, заставили выбрать головою Саватеева[49], который был уже совершенно «покорнейшим слугою».

По Сибири во время Селифонтова был знаменит откупщик коммерции советник Передовщиков[50]. При торгах на четырехлетие, с 1807 года, он взял пол-России и всю Сибирь на откуп. Об окончании торгов долго не получали сведений, а год приходил к окончанию. Это заставило губернатора (по частным известиям, что откуп останется за Передовщиковым) решиться допустить к торгам в казенной палате уездных откупщиков на основании прежней доверенности, какую имел от Передовщикова его поверенный. Только что это успели сделать, приехала с новою полною доверенностию жена Передовщикова. Руководимая купцом Киселевым, о судьбе которого я поспешил вам сказать, она формально протестовала против действий губернатора. Отсюда ссора и вражда непримиримая. Ее, однако ж, принудили подтвердить заключенные в палате условия, заставив уездных откупщиков сделать надбавку, и не прежде выпустили из Иркутска. Как женщина, она выехала с угрозами, хвалясь «связями» своего мужа. Трескин не захотел дожидаться их нападения. Представился случай*[51]; полетел нарочный в С.-Петербург, и Передовщикова под строжайшим арестом привезли в Иркутск, где содержали его еще строже и судили в палате (в которую для сего прикомандированы были особые члены, «доверенность заслуживающие») — по ночам, начиная заседания в 9 и 10 часов вечера. При первом приступе начли на него 600 тысяч; потом, когда жена обеспечила в сенате эту сумму векселями, еще насчитали 400 тысяч рублей. Короче, статью обработали так хорошо, что Передовщиков из суда прямо поехал в каторжную работу, в Нерчинск! Подробности этого преинтересного эпизода заняли бы столько же листов, сколько я исписал уже, и потому умалчиваю о них; скажу только — для романиста они сущий клад. Во время этих гонений, которые продолжались лет шесть, напали также на одного ничтожного чиновника Петухова[52], бывшего при Селифонтове где-то комиссаром. Его описали[53] и на основании «сподруч-

---

* Обретение, как неких мощей, книг откупщиковых в кирпичных сараях. За неделю пред тем они были выкрадены из конторы откупщика. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

ного» пункта инструкции без суда сослали в Туруханск. Жена его, молодая женщина, в отчаянии ходила к губернатору; была почти выгнана; жаловалась не только людям — стенам, но те и другие равно были невнимательны. Не стóило бы упоминать об этом деле, если бы последствие не заслуживало особого внимания. Петухов был «грамотей», и, следовательно, при первых его жалобах министрам был представлен от местного начальства как обыкновенный сибирский «ябедник». Несмотря на это, он нашел случай из Туруханска написать к Балашову[54] — министру полиции, и тот жалобу его представил государю. Что же вышло? Вообразите, что правительство признало справедливым взять Петухова под свою защиту от «притеснений» Пестеля и, чтобы избавить его от дальнейших преследований, высочайше повелено дать Петухову место в Архангельске. Но бедный Петухов от долговременного страдания немножко свихнулся: занялся исчислением, с удивительною подробностию, пространства и вместительности Ноева ковчега! И этот гигантский труд, с планом, посвятил государю — «яко дань верноподданнической благодарности» за избавление от Пестеля, кажется, он умер в ожидании великой награды и славы. Я видел его в 1824 году в Москве, и он был истинно жалок[55].

Ужасными мерами уничтожения непокорных при неограниченной доверенности высшего начальства к представлениям Пестеля, или все равно Трескина, в Иркутске, наконец, все части попали если не в формальную, по крайней мере, в политическую зависимость от губернатора. Не исключается из сего даже военная часть. Начальник гарнизона, начальник артиллерии и инженерные офицеры — все сделались покорные слуги, преданные начальству. Вы, может быть, скажете: по крайней мере, духовная часть осталась независимою? Нет, и ее держали в руках. Вот как это случилось: по поводу весьма соблазнительной истории, какую иркутские семинаристы сделали с своим ректором архимандритом Иакинфом[56], известным нынешним ориенталистом, он перессорился с архиереем Вениамином и написал на него донос, обвиняя его в симонии[57]. Это случилось еще при Селифонтове. Святейший синод архимандрита Иакинфа перевел в Тобольск и наложил на него «запрещение», а поступок архиерея предоставил исследовать духовно-гражданской комиссии, иначе сказать: отдал пастыря на

суд овцам. Исполнение этого подоспело ко времени Трескина. Как человек умный, он не упустил случая дать архиерею заметить, что от него зависит смять его или удержать его на ногах. Трескин назначил в комиссию с гражданской стороны «деловых» людей и точных исполнителей своей воли. При открытии комиссии они потребовали и настояли, чтобы архиерей явился в присутствие как ответчик. Смешно было видеть, как тогда сами же чиновники рассказывали, что священники, которые при входе архиерея сидели как на иголках, показывали ему, что рады бы встать, но угрозы гражданских членов комиссии удерживают их. Для архиерея это было крайнее унижение. Он смирился, и Трескин над ним сжалился; но зато нещадно показывал, какое влияние на него имеет. В торжественный день, например, архиерей вышлет говорить проповедь, а Трескин пошлет городничего в алтарь сказать «не надо» — и налой тотчас унесут. Все это видят и дивятся! И чего он с ним не делал? Заставлял даже приезжать в маскарады и любоваться фарсами масок, которые пред ним плясали... Зато комиссия следственная действовала уже так медленно, что бедный Вениамин успел умереть, прежде нежели дождался обвинения или оправдания.

Говоря о гонениях, я с намерением умолчал о смене и арестовании камчатского коменданта Кошелева[58] и охотского начальника Бухарина[59], ибо это сделано было истинно ко благу тех отдаленных стран. Оба эти начальника просто неистовствовали в вверенных им областях, а последний к тому грабил без зазрения совести. Бухарина генерал-губернатор решился сам сменить, ибо на все его отношения к морскому министру Чичагов[60], находил, что нет достаточных причин утруждать государя императора всеподданнейшим докладом; а это значило просто, что Устимович, правитель канцелярии министра, был «с руки» Бухарину.

Изо всего, что я сказал, вы ясно видите, что Пестель и Трескин строго держались истины: «Кто не за нас, тот против нас»[61]; а кто против, того надобно душить... и душили, как говорится, в гроб. Все, что с этой стороны можно сказать в их извинение, так разве одно то, что в них было некоторого рода предубеждение, на благонамеренности основанное: они боялись, что без сильных мер и без введения во все места людей преданных и, как говорится, надежных не успеют ничего путного

сделать для Сибири. По крайней мере, я неоднократно слышал подобное суждение из уст Трескина. Ни Пестеля, ни Трескина нельзя назвать злыми людьми. Они, кажется, по совести думали, что душат негодяев, злодеев, ябедников «для блага целого края». Еще более можно бы было им в этом поверить, если бы люди, ими избираемые и покровительствуемые, были строго честны и благонамеренны; или, если бы, в противном случае, они их равно не щадили, но вот беда, что в этом отношении приходится Крылова вспомнить:

Все знаю, я сама,
Да эта крыса мне кума![62]

Теперь время взглянуть на Трескина как на администратора. По внутренним беспорядкам он застал губернию точно в таком же положении, в каком была при Леццано: шатающиеся повсюду посельщики; везде и в самом Иркутске — грабежи, убийства; по дорогам — разбои; в судах — медлительность; по присутственным местам — крайнее запущение дел; большой московский тракт походил на проселочную дорогу, в Нижнеудинском уезде проезжающего лесом сучья били по глазам. В первый самый год он очистил Иркутск от всех праздношатающихся, поставил полицию на самую лучшую ногу. Он тотчас же распределил всех посельщиков в Нерчинский уезд и в Нижнеудинский. В сем последнем они отработали прекраснейшую дорогу и потом выстроили по ней огромные селения. К этим-то селениям приставлен был знаменитый Лоскутов[63], который строгость довел до того, что выроненный проезжающим на дороге кошелек никто не смел утаить. При этом сделал из воров хлебопашцев и хозяев; так что они теперь благословляют его память. Я это слышал, будучи в железах, и, следовательно, слышал не притворный голос! В Иркутске Трескин завел вновь почти все заведения приказа общественного призрения; особенно прекрасно учрежденный рабочий дом и городовую больницу; самый город вычистил, выхолил; это самое последнее. В присутственных и судебных местах у него кипело. Он сам следовал за каждым и знал, где какое дело и на чем остановилось. «Смотри же, живо!» — было всем и каждому его любимое выражение. Истинно, не видал человека с большею наружною и существенною деятельностью. Он только за обедом не был занят. Когда надобно бывало сделать

какое-либо распоряжение к улучшению местному и там, где он не был, он соберет «бывалых»: чиновник ли то, купец, мещанин, крестьянин, бурят, якут — ему все равно. Он выспросит всю подноготную и, чтобы лучше в этом успеть, слушает их споры, сводит показания, в коих они не согласны, и тогда уже делает свое заключение. Таким образом, он исправил Охотскую дорогу; уничтожил бесконечную работу Алданской, уверившись, что самое предположение о перенесении порта есть вздорное; представил об уничтожении Камчатской области и о введении морского управления, доказав, что мысль о ланд-милиции была химерическая. Тельминскую суконную фабрику он довел до того, что она стала снабжать все сибирские войска сукнами. Запасные хлебные магазины держал в исправности. К минеральным Туркинским водам велел проложить дорогу и выстроить потребные для больных здания; определил смотрителя и медицинского чиновника. Теперь все это, сказывают, в запустении. Одним словом, ни одна часть не осталась у него без внимания, и он крепко держал бразды правления в своей губернии. По крайней мере, вы видите, что при беспристрастном суждении ежели Трескин, с одной стороны, достоин сильного порицания, то, с другой — есть чем это «уравновесить». Смею сказать, что со стороны достоинств административных, собственно, Иркутск не имел другого губернатора, ему подобного[64].

Чувствую, что вы готовите мне вопрос: «Да был ли он человек бескорыстный?»... Гм!.. Вещь нелегкая отвечать решительно. Расскажу факты, судите сами. Когда душили Передовщикова, с его стороны не пожалели бы бог знает чего, чтобы «замять» дело. Купец Губинский, родственник его, был хорош с Трескиным: было кому дело сладить, но, однако ж, все покушения остались тщетны. То же скажу о Сибирякове и Мыльникове: семейства их не постояли бы за сотни тысяч, чтобы их возвратить. Сын первого даже вошел в милость у Трескина, но для отца ничего не успел. Было несколько явных примеров, что у него «не шло на деньгу». Подозревали, заметите? И кого же не подозревают! Подозревали, однако ж, что заготовление хлеба в запасные иркутские магазины и для винокуренных казенных заводов, производимое чрез исправников и комиссаров, доставляло ему знатный доход. Указывали на смотри-

теля иркутского магазина, известного плута из разжалованных, коего он «вывел» в офицеры и принимал его как человека, с которым «есть что переговорить наедине». Все это — догадки; но вот что было явно. Он не отказывал в так называемой «хлеб-соли», кои приносили на именины. Довольно странно бывало видеть в передней сидящего лакея, фаворита барыни самой, записывающего, кто что принес — и толпу купцов с кульками, со свертками, с цибиками, с анкерками и т[ому] п[одобное]. Это бывало накануне именин и рождений — его, жены, детей. Кто приносил, тот получал назавтра приглашение на бал или просто на вечер. Приносы на именины жены состояли большею частью из материй: канф, канчей и т[ому] п[одобных], а это не безделица![65] Это распоряжение приписывали самой губернаторше, в дела которой муж «ни в коем отношении» не вмешивался. Агнесса Федоровна, так ее звали, дочь известного сенатора Ф[едора] П[етровича] Ключарева[66], была женщина «домовитая» и весьма притом не строгих нравов. К ней отправлялся смело всякий, кто хотел давать. Исправники, комиссары «без доклада» могли входить в уборную, в спальню даже. Был претекст: «все свои дети»: так она их называла. В самом деле, эти места под конец все были заняты чиновниками, привезенными Пестелем и Трескиным из Москвы, только что вышедшими из студентов: они, так сказать, взросли на ее глазах.

Другая явственность в этом отношении: отправление ежегодно обозов в Москву. Брат Трескина, помощник начальника почтамта, человек честный и прямой, мне сам сказывал, что все присланное братом до 1812 года сгорело во время пожара, и сгорело немало. Но и после он продолжал присылать тюки на хранение брату. Будучи уже в несчастии, он успел пристроить двух дочерей, а этого нельзя сделать без денег, особливо когда они у него [были] не только не красавицы, но даже дурны собою. Недвижимого у него не было. Теперь судите![67]

С моей стороны, скажу, что если бы не было у Трескина жены Агнессы Федоровны и секретаря *Белявского,* он был бы, как говорится, совсем другой человек. Заметьте, это не тот проказник Белявский, о котором я говорил выше. Этот был родом из неженских греков — человек умный, неутомимый, даже честный, коли хотите; но человек холерический и злобный. Он беспрестанно

М. М. СПЕРАНСКИЙ

Гравюра на дереве К. Аддета. [illegible] г. ИРЛИ

твердил губернатору: «Что их щадить, ваше превосходительство; все бездельники! В бараний рог надобно согнуть!»

И подлинно — гнули...

Этот человек бедственным образом кончил жизнь свою. Быв свидетелем ужасной кончины губернаторши, которую он сопровождал на Погромнинские воды, он тут же лишился рассудка; вскоре пришел в буйство и в цепях привезен в Иркутск, где невдолге умер[66]

Вы видите, я не пощадил Трескина, при всем том, что от него кроме добра ничего не видал. Например, когда после моего сговора в Кяхте меня перевезли в С.-Петербург и мне надобно было для женитьбы возвратиться, то он мне дал к Пестелю письмо. Пестель принял

меня сухо, но, когда прочел письмо, подошел ко мне с веселым лицом и сказал: «Вы согласитесь, я вас не знал. Николай Иванович пишет так много хорошего о вас, что я совершенно в ваших повелениях: что вам угодно, чтобы я для вас сделал,— я сделаю».

И сделал: выпросил меня к себе по особым поручениям и отправил в Иркутск. Вообще я старался говорить, как мертвец, смотрящий с того света на дела людей, без всякого лицеприятия, — и в этом отношении не без насилия для себя. Признаюсь: люблю, даже уважаю Трескина, Пестель мне всегда нравился менее. В нем я всегда видел что-то фальшивое, хитрое, уклончивое. Мое уважение к нему особенно потерпело подрыв с того времени, когда я нашел в архиве канцелярии московского генерал-губернатора его секретные донесения Прозоровскому с копиями распечатываемых в почтамте писем[69]. За всем тем, когда меня не однажды даже здесь спрашивали: брал ли Пестель взятки? — Нет, отвечаю решительно — нет! Пестель с этой стороны был чистый, честный человек. Подозрительные, а где их нет, думали, что Трескин делится с Пестелем. Неправда; не те были отношения. Трескин очень знал, что должен был в глазах Пестеля играть роль человека бескорыстного, и этим языком только он мог с ним говорить смело. Как бывший член Российско-Американской компании[70], я видел письмо Пестеля к директорам, самое унизительное: об отсрочке только долга 10 тысяч рублей! Это, кажется, довольно для убеждения.

Смена Пестеля и Трескина Сперанским и все последствия, думаю, известны вам столько же, как и мне,— итак, сим заключаю мое письмо, довольно уже длинное. Надеюсь, не будете взыскательны; это не сочинение; я писал просто под диктовку плохо выражающейся памяти. Если по содержанию найдете его достойным сохранить у себя, то пусть оно останется памятником того неподдельного уважения и сердечной приязни, не смею сказать — дружбы: о ней имею высокое понятие, которую к вам питаю и сохраню везде, куда бы судьба нас ни разбросала, сохраню до последней минуты.

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ. ПРЕДИСЛОВИЕ К ЗАПИСАННЫМ В. И. ШТЕЙНГЕЙЛЕМ ВОСПОМИНАНИЯМ В. П. КОЛЕСНИКОВА «ЗАПИСКИ НЕСЧАСТНОГО, СОДЕРЖАЩИЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В СИБИРЬ ПО КАНАТУ»*

Dans un état despotique, la justice criminelle est un instrument meurtrier dans la main du maître, elle frappe docilement et en aveugle les victimes qu'il a designées.

Dupin**[2]

Un jeune homme de 17 ans, nommé Lebrun, était traduit devant la cour d'assises pour cris seditieux' Il avait crié au milieu de la rue: „A bas le roi! J'ai dans le bouton de mon habit de quoi tuer le roi!" — Le jury a declaré Lebrune non-coupable.

Paris, 8 mars 1833. — Journal de Francfort N 72***.

Есть истины, которые *забываются* именно от излишней известности; потому не мешает от времени до времени припоминать о них.

Во всяком государстве, управляемом на праве *отчиним*, нет и не может быть гласности. Где нет гласности, там все под Дамоклесовым мечом: там *попасть под суд и пропасть* — синонимы; там законы — обольстительная

---

* К рукописи приложена записка: «Любезный друг, восемь лет проведя в одной тюрьме, мы могли узнать друг друга: я узнал тебя, полюбил, люблю всею душою и не разлюблю уже, конечно, пока судьба оставит меня еще на этой грязной кучке, на которой так мало добра и так много зла. Она скоро разлучит нас, и, вероятно, в последний раз в моей жизни день ангела твоего мы проведем вместе. Хотелось бы мне подарить тебе в этот день что-нибудь на память; но мы с тобой едва имеем, на что под голодный час купить омуля, и то капитал *отрицательный*. Пусть же хотя эта бедная рукопись напомнит тебе в грустный час бедного, седого друга — бедного карманом, но богатого чувствами, который тебя не забудет, доколе мозг не лишится способности возобновлять принятые впечатления. Штейнгейль.

Любезному другу, товарищу несчастия, Михайлу Александровичу Бестужеву[1].

8-го ноября 1835. Петровский каземат».

** В деспотическом государстве уголовная юстиция — смертоносное орудие в руках господина, она послушно и слепо побивает намеченных им жертв.— Дюпен[2] (*фр.*).

*** Юноша 17 лет по имени Лебрен был приведен к суду присяжных за крамольные крики. Он кричал посреди улицы: «Долой короля! В пуговице моей одежды есть чем убить короля!» — Суд объявил Лебрена невиновным.— Париж, 8 марта 1833. Франкфуртская газета № 72 (*фр.*).

обманчивая благовидность — для пасомых, верный костыль — для пасущих.

Где возвышается один повелительный голос власти, там никакой другой не может быть слышан, кроме угодного ей голоса рабской, подлейшей лести. Оттого не в редкость окрест властелина раздаются из-под пресса и на площадях хвалебные восклицания; а по углам проливаются одни слезы и произносятся проклятия!

Не было и нет ни одного властелина, который бы не *пекся отечески о благе своих верно-любезных подданных!* Горе, однако ж, этим *верно-любезным*, если властелин думает иметь право на подозрительность! Тогда повсюду возрождаются черви шпионства, подтачивающие семейное спокойствие, самые родственные и дружеские связи; тогда *предержащие власть* в областях получают охоту выставлять свое усердие к престолу и *выслуживаться* — не бдительностью о порядке и о спокойствии общественном, но открытием так называемых *злонамеренных людей* и доставлением правительству пищи, возбуждающей аппетит к жестокостям. Наша история со времен Бирона[3] в течение ста лет представляет множество таких примеров; разумеется, не *печатная* история. Упомянем некоторые, еще свежие в памяти живущего поколения.

В последнее время царствования Екатерины II она встревожилась казнью французского короля; тотчас московский главнокомандующий князь Прозоровский воспользовался этим, чтобы обратить на себя особенное ее внимание и подслужиться*[4]. Чрез московского почт-директора Пестеля он имел копии с переписки некоторых масонов, принадлежавших к так называемому *Новиковскому обществу*. Составив записку, он поехал в Петербург и до того умел напугать императрицу тайным мартинизмом и мнимыми замыслами этого общества — *возвести на престол наследника*, что и *Великая* сделалась слабодушною; она дала ему полную власть — арестовав Новикова и всех его *сообщников*, *учинить* строгий розыск[6]. Таким образом это общество, существовавшее более двадцати лет и действовавшее открыто, в ее собст-

* Из записок Храповицкого, бывшего докладчиком при императрице, мы знаем, что Екатерина не терпела лично Прозоровского, ни его подьяческой поговорки *сиречь;* о нем и о Суворове она говаривала: «Они хороши *на своем месте*»[5]. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

венных видах, к просвещению России, было варварски* уничтожено как *зловредное*. Хотя и при всей нечаянности ничего не найдено, почему бы можно было предать гонимых суду по законам, но тем не менее Прозоровский, чтобы не остаться в дураках пред императрицею, умел дать этому делу такой вид, что незабвенный россиянин *Новиков* с доктором своим *Багрянским*, вовсе не принадлежавшим к его обществу, посажены были в Петропавловскую крепость и томились в ней с несколькими другими невинными** до самой смерти императрицы[10]. Один из членов этого общества, сосланный тогда в свои деревни, бывший потом сенатором, известный И. В. Лопухин оставил потомству верную картину всего этого происшествия в своих записках[11].

Император Павел I вступил на престол с подозрительностию и предубеждением, которые питал более двадцати лет,— и не сотни, тысячи людей пострадали по тайным донесениям местных начальств и полиции! Когда он приказал докласть мраморную Исакиевскую церковь кирпичом, на это написана была на стенах ее известная эпиграмма. Велено было полиции *непременно* отыскать виновного, и она нашла — флота капитан-лейтенанта Акимова, который имел неосторожность гово-

---

* Для рассмотрения бумаг и книг, взятых у членов этого общества, составленная комиссия произвела ауто-да-фе, достойное испанской инквизиции. Замечательно невежество этих господ: когда кидавший книги в огонь чиновник, удержав одну, доложил, что она духовного содержания, то один из членов, именно архимандрит, вскричал: «Кидай и ее туда же; вместе была, так и она дьявольщины наблошнилась!» Этот анекдот рассказан нам очевидцем, всякого вероятия достойным, покойным профессором Моск[овского] ун[иверситета] И. А. Геймом[7]. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

** Бывший издатель журнала *«Друг юношества»* — М. И. Невзоров[8] был послан от Новиковского общества путешествовать и во время казни короля находился еще в Париже. При возвращении в Отечество, на самой границе, он был схвачен и отвезен в Петропавловскую же крепость. После многих тщетных допросов о *злонамеренных замыслах* Новиковского общества *гнусной памяти* Шешковский[9] показал ему записку, будто бы самой императрицы, в которой было сказано: «Бить его поленом, если не признается». Невзоров отвечал: «Руки императрицы не знаю; но может ли быть, чтобы та же рука, которая начертала божественный наказ, способна была написать слова, приличные простой бабе; вы клевещете на государыню». Шешковский покраснел и отступился от Невзорова; но он остался в крепости до кончины Екатерины. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

рить о ней, но отнюдь не был ее сочинителем[12]. В тайной канцелярии ему отрезали язык, выломали правую руку и сослали под чужим именем в отдаленный угол Сибири. Поэт (после бывший министр) Дмитриев взят был в крепость и чуть не подвергся той же участи за пасквиль, написанную под его руку его слугою[13]. Один лютеранский пастор по представлению местного начальства за *возмутительную* проповедь высечен был кнутом и сослан в Сибирь; невинность вскоре открылась, он возвращен и доживал свой век в Гатчине, в том же сане, под покровительством Марии, желавшей исправить несправедливость своего супруга[14]. Грузиновы за несколько слов, произнесенных в хмелю на приятельской казачьей пирушке, потеряли головы на эшафоте — по ошибке*[15].

В царствование Благословенного Селифонтову, для личных видов, удалось возбудить негодование его против мнимого духа ябеды в Сибири; тотчас дана генерал-губернатору неограниченная власть преследовать этот дух. Всем известно, что претерпела Сибирь, пока насилу, чрез 15 лет, услышали ее вопли![17] В 1807 году государь прогневался на провиантский и комиссариатский штаты, и генерал-майор Куткин самым насильственным образом уморен под стражею; а он был едва ли не честнейший человек изо всего провиантского штата[18]. Уральские казаки показали свое неудовольствие на изменение своих прав и одежды; тотчас выставили это в виде ужасного бунта, пересекли сотни кнутом и разорили несчастный Черкасск. Наконец, кто не содрогался при слухах о том, что происходило в военных поселениях в Чугуеве! Как бы для утончения жестокости деда и внука гоняли вдруг сквозь строй; матери, при виде варварства и насилий, убивали детей своих!..[19] Сердце стесняется от одного воображения!

---

* Павел I, получив донесение о казни, совершенной по его конфирмации, послал повеление бывшему в Ревеле военным губернатором (после, при Александре, сосланному в Сибирь) князю Горчакову[16] ехать немедленно на Дон и произвесть следствие. Князь Горчаков решился заехать в Гатчину для принятия изустных наставлений императора. Когда он взошел в кабинет, государь, находившийся по левую сторону дверей, тотчас схватил его за руку и, указывая на образ, в сильном душевном волнении сказал: «Вот тебе мать божия свидетель, я не виноват! — я не виноват: защити меня!» (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

Так и в нынешнее царствование вскоре после казни, совершившейся в 1826 году, открыт *ужасный злодейский замысел* в Оренбурге, умноживший число государственных преступников еще несколькими жертвами. Истинное описание этого происшествия лучше всего объяснит, какого рода был этот замысел, что за злодеи участвовали в нем и как правомерно пострадали они.

Новиковское общество основано было отчасти по правилам масонства. Братство, равенство, искренность, взаимное воспомоществование друг другу, благотворение, распространение чтения полезных книг и вообще свободомыслие того времени — составляли цель его. Оно имело многие отрасли в России. Одно отделение его существовало даже в самой отдаленной Сибири, именно в Иркутске. Командир тогдашнего Екатеринбургского линейного батальона Казачковский, после бывший генерал-лейтенантом, был основателем этого Сибирского отделения[20]. Мудрено ли, что подобное отделение образовалось и в Оренбурге, на грани обширных степей, где *буран* и киргиз соперничают в наслаждениях дикою разгульною свободою. Когда и кем оно основано — не знаем; известно только, что бывший Оренбургской таможни директор Величко поддерживал его да самой своей кончины, случившейся в последние годы царствования Александра[21]. Со смертию его общество не рушилось. Вынужденные тогда правительством подписки доказывают только и, конечно, не в первый раз, что в подобных случаях никто не считает делом противусовестным обмануть его[22].

При вступлении на престол Николая I оставался в Оренбурге некто Кудряшев, принадлежавший к тайному обществу Велички[23]. Он был чиновник незначительный — аудитор; но человек честный, довольно образованный, любитель литературы, поэт — *про себя* и мечтатель о свободе, о лучшей будущности своего Отечества, он завербовал нескольких молодых людей, служащих в тамошнем гарнизоне, и питал порывы их молодости подобными мечтами, не открывая ничего, кроме существования какого-то тайного общества с целью просвещаться и стремиться к свободе.

Происшествие 14 декабря 1825 года с его последствиями естественно напугало старших и осторожных членов этого общества, но огорчило и ожесточило пылких юношей. При этом расположении участников мла-

денчествующего либерализма привезли в Оренбург Завалишина, из юнкеров Артиллерийского училища разжалованного в солдаты. В то самое время, когда *комитет о тайных злоумышленниках* производил следствие, этот молодой человек, имея от роду не более 17—18 лет, сделал извет на родного своего брата и даже на сестру свою![24] Настоящее несчастие его нисколько не образумило: дорогою он наделал еще несколько шалостей и проказ. Из Москвы он послал донос на командира батальона внутренней стражи Штемпеля в благодарность за то, что он его принял как благородного, несчастного юношу и позволил, на свой страх, разъезжать по городу. Во Владимир он успел как-то приехать под именем комиссионера Иванова и, уверив губернатора, что потерял подорожную, выпросил другую и до самого Оренбурга ехал с этим видом; по крайней мере, он так после рассказывал! Едва явился он в команду, как и начал уверять молодых юнкеров и офицеров, что он принадлежал к тайному обществу и осужден вместе с прочими. Весьма естественно, что провинциальные молодые либералы им заинтересовались и чтобы похвастать своим просвещением и чувствами, начали с ним нескромно, как говорится, либеральничать. Заметив это, Завалишин выдумал им сказку: будто бы, проезжая чрез Владимир, он открыл и там тайное общество, которое его приняло и дало поручение принимать членов. Портупей-прапорщик Колесников, один из этих молодых людей, тотчас рассказал обо всем Кудряшеву, который, подумав, советовал быть крайне осторожным в откровенности с ним; но чтобы выведать у него, что это такое, он разрешил Колесникову, с двумя или тремя товарищами, войти с ним в тайное сношение, примолвив: «а там увидим»! Так и сделали: Колесников уговорил прапорщика Таптикова, и оба они дали себя принять в мнимое общество, которого Завалишин выдал себя агентом. Потом Колесников принял еще товарища и друга своего Дружинина, также портупей-прапорщика; а за ним прапорщика Старкова, юнкера Шестакова и служившего в ратуше коллежского регистратора Дынькова. Таптиков же, со своей стороны, принял казачьего сотника Ветошникова[25].

Все это происходило в марте и начале апреля 1827 года. Завалишин составил устав общества и 18 апреля прочитал его в собрании всей этой молодежи. Они судили, рядили, исправили нечто и кончили тем, что

дали обманщику подписки в верном сохранении правил устава и тайны. Не далее как чрез три дни после этого происшествия секретарь военного губернатора шепнул одному из них об осторожности, примолвив: «Кажется, ваш новый *приятель* подал какой-то донос военному губернатору»[26]. Об этом тотчас дано было знать Кудряшеву. Он достал даже список поименованных в доносе и успел предостеречь многих, присоветовав истребить бумаги. если есть могущие навлечь хотя малейшее подозрение, и, вероятно, сам поспешил сделать то же.

Предав этих несчастных молодых людей, Завалишин не посовестился собрать их еще 23 числа и тут весьма много ораторствовал о будущих действиях, видах и надеждах. о заготовлении оружия, о возмутительных бумагах и тому подобном.

Чрез день, т. е. 25 числа, по распоряжению военного губернатора начались аресты. Всех по списку, составленному Завалишиным, взято 33 человека, и все рассажены по разным гауптвахтам. Обрадованный, вероятно, случаем выказать бдительность свою и свое усердие к престолу, генерал Эссен, один из немногих оставшихся представителей блаженной памяти Гатчины, не разведав порядочно, есть ли тут что-нибудь основательное, в тот же день поспешил отправить курьером своего адъютанта Лебедева с донесением к государю об открытии *важного государственного заговора!!*

Аудитор Кудряшев был арестован на другой день, и как ни у него, ни у многих других ничего подозрительного не нашли, то, кроме осьми человек, о коих ниже подробно будет упомянуто, тотчас всех выпустили. Кудряшев, однако ж, чрез неделю скоропостижно умер — и смерть его, как обыкновенно в подобных случаях бывает, подала повод к тайным толкам об отраве[27].

26 числа все те, которые спутали себя подписками, данными Завалишину, призваны были к военному губернатору для снятия с них допроса. В собственном его кабинете составлен был под личным его председательством род комитета, в котором присутствовал начальник штаба Оренбургского корпуса генерал-лейтенант Веселицкий[28], бригадный командир 1-й бригады, генерал-майор Стерлиг и для письмоводства корпусный аудитор.

После первых расспросов не трудно было увидеть, что это просто молодые, опрометчивые люди, бо́льшею частию чуть не дети, которые вдались в обман негодяю,

вознамерившемуся их погибелью купить себе прощение. Генерал Стерлиг сильнее всех это заметил и потому вслух сказал генералу Эссену: «Вот, ваше в[ысоко]п[ревосходительст]во, я вам говорил, что это все *штуки* самого *Завалишина!»* Военный губернатор на эту апострофу не отвечал ни слова, но на лице его показалась багровая краска — и в переводе на язык чистосердечия это могло значить: *Глупость сделана; поправлять поздно: пусть погибнут!*

Вероятно, увлекаясь этою последнею мыслию, а может быть, и желая показать, что жертвы его не совсем же невинны, он обратился к ним с язвительною насмешкою и спросил: «Какое же знамя вы приготовили: красное или зеленое; где оно у вас»? «Мы не готовили никакого»,— отвечали ему. «Как, сударь, из устава вашего видно, что вы намеревались *поднять знамя!»* «Знамя бунта, ваше в[ысоко]п[ревосходительство], это так только говорится»,— объяснил высокопревосходительному портупей-прапорщик Колесников, и генерал встал в пень*.

Уверившись из допросов, что Завалишин сам был зачинщик всего дела, генерал Эссен тут же приказал взять его под стражу; а допрошенных повели из кабинета в корпусное дежурство, чтобы там прочитать им снятые с них допросы и дать им подписать их. Это предоставлено было одному корпусному аудитору. Когда дошла очередь до подпоручика Михайлова, все его товарищи приступили к аудитору и, свидетельствуя единогласно, что он с ними ни в чем не участвовал, просили уничтожить его допрос и освободить его. Аудитор, подумав, спросил еще: «все ли они на это согласны?» и, получив утвердительный ответ, тут же разорвал допрос и вымарал его из списка. Таким образом этот человек спасся! До-

---

* Справедливость этого факта подтверждается другим, напечатанным в одном из листков «Молвы» без означения имен, в виде анекдота. Здесь кстати повторить истину. Почтенный В. Ф. Тимковский, служа в Оренбурге по пограничной части, нимало не заботился снискать благосклонность его в[ысоко]п[ревосходительст]ва и был, как говорится, в *контре* с ним. Однажды в торжественный день при собрании всех чиновников генерал по какому-то случаю вздумал изъявлять г. Тимковскому свое неудовольствие. Василий Федорович отвечал со всею вежливостью, что он не понимает, чем мог навлечь негодование его в[ысоко]п[ревосходительст]ва, стараясь всегда во всех *отношениях* к нему сохранять должное уважение. «Как вы смеете, сударь, сказать в *отношениях*,— вскричал генерал,— в *донесениях*, сударь, в *донесениях!»*[29]

казательство: какими глазами смотрели на важность этого дела низшие чиновники и что может делать иногда корпусный аудитор!

Итак, по этому важному заговору преданы были суду только следующие лица:

Прапорщики:	Таптиков 30 лет*
	Старков 25-ти
Портупей-прапорщики:	Колесников 24-х
	Дружинин 19-ти
Юнкер	Шестаков 17 лет
Казачий сотник	Ветошников 23-х
Рядовой	Завалишин 19-ти

и коллежский регистратор Дыньков 19 лет: этот последний судился гражданским судом.

Военный суд под председательством дивизионного командира генерал-лейтенанта Жемчужникова был составлен из следующих членов:

1) Полковник Эссен, состоящий по особым поручениям у военного губернатора, своего родного брата.

2) Полковник свиты е[го] в[еличества] Тимофеев,

3) Полковник Покатилов, бригадный командир Оренбургской артиллерии,— и несколько обер-офицеров[31].

Делопроизводителем был дивизионный аудитор Пенской.

Суд открыт *4 мая*. Члены все приметно были озлоблены гнусным поступком Завалишина, который хотел запутать еще многих бывших семеновских солдат[32]; но они ответами своими усугубили только его вину. Видя, что ему плохо, Завалишин успел из-под караула послать на самого Эссена донос к государю, собрав в нем все злоупотребления, о каких от частных лиц в городе мог только слышать; но этот донос, в доказательство уже полной высочайшей доверенности к усердно-верному Эссену, прислан был к нему с повелением судить Завалишина и за этот поступок. Эссен его и не пощадил. Суд окончен 13 июня[33]. Замечательно, что на третий день,

---

* Судьба этого человека довольно странна. Из бедных дворян Орловской губернии он взрос в доме фельдмаршала Каменского[30], после смерти которого отдан в военную службу. За Бородинское дело произведен в офицеры. Впоследствии за пожар в деревне, в которой стоял с своим капральством, разжалован в рядовые. Делал несколько трудных походов в Бухару и Хиву и только что выслужился опять в офицеры, попал — в каторжную работу! (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

т. е. 15-го, полковник *Эссен* умер скоропостижно от удара. Жители Оренбурга приняли это за явное наказание божие*.

По приговору военного суда присуждено: Таптикова, Колесникова, Ветошникова и Завалишина, *яко* главных злоумышленников бунта, *колесовать;* Старкова и Дружинина — *лишить живота;* Шестакова — *разжаловать вечно в солдаты.* Генерал Эссен конфирмовал: *сослать в каторжную работу:* Таптикова на 12 лет, Колесникова на 24, Дружинина на 8, Завалишина *вечно;* Ветошникова же и Старкова *вечно в солдаты;* а Шестакова *на три года в солдаты, без лишения дворянства.* Аудиториатский департамент положил: Таптикова на 8 лет, Колесникова на 12 и Дружинина на 6 лет в каторжную работу; а о Старкове, Шестакове и Завалишине подтвердил конфирмацию военного губернатора.

Всемилостивейшая высочайшая конфирмация, последовавшая в 12-й день [августа] 1827 года, состояла в следующем: Таптикову, Колесникову и Дружинину сбавлены сроки вполовину; Старкову, Ветошникову и Завалишину утверждено наказание, положенное генералом Эссеном; а о 17-летнем Шестакове присовокуплено: *«Вечно в солдаты и лишить дворянства».* Экзекуция исполнена 12 сентября.

Но теперь предоставим одному из страдальцев самому рассказать, как с ним поступали и что с ними было. Заметим только, что, погубив так жестоко этих молодых людей, генерал Эссен не остался в накладе: он обратил на себя внимание нового государя; переведен в Санкт-Петербург военным генерал-губернатором и на этом новом поприще украсился Андреевским орденом и просиял в графском достоинстве. Что-то скажут — небесный царь и потомство. Мы, с своей стороны, кстати повторим только слова Вальтер Скотта: «Упреки тех, у которых нет другого облегчения в страданиях, кроме плачевного о них рассказа, редко доходят до ушей вельмож, которые были причиною этих страданий».

---

* Кстати припомнить, что и в так названном *Верховном уголовном суде* одного члена, наиболее подвизавшегося в осуждении обреченных заранее на жертву, именно графа Г. В. Орлова, постигла подобная смерть[34]. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

ЗАМЕЧАНИЯ НА НЕКОТОРЫЕ СТАТЬИ «ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО ЛЕКСИКОНА»

«Энциклопедический лексикон», без сомнения, столько же делает честь благонамеренным издателям, сколько приносит пользы просвещению соотечественников[1]. И, конечно, ни одному благомыслящему человеку не придет на мысль искать в нем недостатков, с постыдным намерением подорвать доверенность публики ко столь драгоценному, во всяком смысле, изданию. Всякий, однако ж, согласится, что такой огромный труд при множестве сотрудников и при той поспешности, с какою стараются они удовлетворить ожидания публики, должен подвергаться просмотрам, опечаткам и самым невероятностям в описаниях, остающихся, во всяком случае, на совести одних сочинителей статей. Итак, долг всякого ревностного поборника просвещения, по крайнему своему разумению, добросовестно указать на замечаемые им ошибки,— с тою единственною целью, чтобы они могли быть исправлены при втором издании. Думать, что почтенные издатели и авторы статей оскорбятся замечаниями, значило бы не верить их благонамеренности и любви к истине, необходимой в деле просвещения. Руководствуясь этою мыслию, мы позволили себе сделать некоторые примечания на статьи, помещенные в вышедших четырех томах «Энциклопедического лексикона», и обращаемся к «Северной пчеле»[2] с просьбою дать им место в своих листах, если она признает их того достойными. И вот они, по азбучному порядку слов.

Акланск. Сведение о нем совершенно несправедливо: не только нет тут «бедного селения», но даже не бывало ни кола ни двора. Приходившие за Владимиром Атласовым[3] «на Камчатку» казаки, зазимовав при устье реки Аклана[4], впадающей в Пенжину (а не в Пенжу), может быть, из наносного леса «срубили тут острог» — как они обыкновенно доносили начальству якутскому; в существе же огородили себя, или свои землянки, от нападения оленных коряк тыном, который тотчас же по уходу их развалился, не оставя следа. Вот вся история имени «острога». Екатерина Великая при назначении наместничеств Иркутского и Колыванского разделила первое на четыре области: Иркутскую, Нерчинскую, Якутскую и Охотскую и, назначив в последней четыре уезда: Охотский, Гижигинский, Акланский и Нижнекам-

чатский, повелела основать город Акланск на месте значившегося, по древним сведениям, острога, собственно для управления коряками. Но когда в 1784 году чиновники этого города приехали на место, они увидели ясно физическую невозможность основать тут какое-либо жилье, потому что здесь начинается так называемый «Фарапольской дол» — степь, простирающаяся на 400 верст, на которой, кроме мха, ничего не растет, и зимою, когда ездят на собаках из Камчатки в Гижигу и обратно, запасаются дровами. В этой крайности чиновники Акланские, составив на месте журнал, проехали в Камчатку до Тигили или Тигильской крепости и, оставаясь в ней, открыли присутственные места «Акланского уезда», о чем и донесли начальству[5]. Начальник Якобий утвердил их распоряжение, но при его преемнике Пиле присутственные места «предположенного» города были закрыты, а уезд разделен между городами Гижигою и Нижнекамчатским. Тем не менее, тогдашнее высочайшее предназначение осталось ближе в виду, потому на всех картах, даже новейших, от Депо издаваемых, показывается Акланск — и этим не знающие местных обстоятельств вводятся в заблуждение лет слишком пятьдесят. Надобно же положить когда-нибудь конец этой географической мистификации.

Анны св. крепость. Эта статья начинается словами: «Когда неудачный поход на Прут против турок в 1712 году принудил Петра I к уступке Азова», и пр.— Этот поход против турок, помнится, был в 1711 году. Притом позволим себе заметить, что имя Петра под пером русского должно быть неразлучно с эпитетом «Великий», тем более при напоминании о Пруте потому, что он никогда не был так велик, никогда так беспримерно гениален, как начертывая известное бессмертное письмо Сенату[6].

Аннюитет[7]. В этой статье при объяснении формулы сказано: «Если взятый капитал есть А, проценты «r», число лет продолжения аннюитета «a», то выйдет

$$a=\frac{Ar(1+r)^n}{(1+r)^n-1}$$

Здесь ошибка в том, что число лет аннюитета «n», а не «a», которое, напротив, означает собственно «аннюитет» или годовую уплату капитала с процентами. Недосмотр или недостаток объяснения, по-нашему, состоит в том,

что читатель не надоумлен — проценты «г» полагать в «доле капитала», а не целым числом. Если он вздумает вместо г поставить 4, 5, 6, вообще прямое число условленных процентов, а не $^1/_{25}$, $^1/_{20}$, $^6/_{100}$, то в результате выйдет вздор. При объяснении математических формул не должно забывать, как мы думаем, что объясняющему все известно и потому ясно; а читателю нередко надо, как говорится, все в рот положить, иначе он не раскусит.

Архидиакон. В заключении этой статьи сказано: «В России, в греческой церкви, архидиаконом называется первенствующий диакон при архиерее, он начальствует над служителями церкви, а особливо над диаконами».— Подобное сведение похоже на те, какие дают о всем русском гг. Шантро, Бусье и им подобные иностранцы[8]. Ссылаемся на всех русских, сколько-нибудь знакомых с иерархией не «греческой церкви в России», а православной греко-российской церкви, что у нас нет архидиаконов вовсе, при одном архиерее, но есть протодиаконы, и те не начальствуют ни над служителями церкви, ни над диаконами, а только первенствуют между диаконами при самом священнослужении в храме. Не имея под рукою истории Российской иерархии, не можем утвердительно сказать; но помнится нам, что при патриархах были архидиаконы и что звание это с отменою патриаршества уничтожилось[9].

Бааню. «Приток речки Большой, на южной оконечности Камчатки...[10] Лет около ста тому назад, по словам Крашенинникова[11], при устье Бааню стоял небольшой острожек Калитин или Опачин, в котором жили камчадалы; на новейших картах его не значится, вероятно (??), жители его вымерли».— Всякий волен, конечно, делать свои заключения и выводы, на вероятности основанные, но мы смеем уверить всех и каждого, что жители этого острожка отнюдь не все вымерли, равно как Машурского, Щапинского, Сопочного, Кирганника и других острожков, которые все не хуже Опачина или, как жители называют, «Апачинского», но равно на картах показываются. Впрочем, «Большая» в Камчатке носит название реки, а не речки, и принимает с правой стороны реку же Белую. Устье Большой составляет одну из пристаней для транспортных охотских судов[12]. Вообще мы думаем, что «притоку речки», хотя и Бааню, дана излишняя знаменитость помещением в Э[нциклопедический] л[ексикон].

Багренье. «Есть способ зимнего лова рыбы в р. Урале, употребляемый уральскими казаками»,— сказано в толковании этого слова. Следовало бы присовокупить, что этот способ лова рыбы употребляется не на одном Урале, но и в Астрахани, на так называемых «Учугах»[13] и на самом взморье.

Баеч. Под этим словом, между прочим, сказано «Когда умирает камчадал, родственники и друзья умоляют Баеча, чтобы он дал покойнику богатство и пр.»[14] — Мы смеем утверждать, напротив, что еще за тридцать лет назад в Камчатке все уже были христианами, и едва разве старики помнили о Кутхе и шаманах, а теперь, конечно, вовсе уже забыли. Вообще мы такой веры, что грешно теперь сообщать сведения о Камчатке из Крашенинникова: кроме неизменной природы, там все переменилось, и всякое подобное известие о камчадалах, написанное в «настоящем времени», будет сущею клеветою на этот добрый, простодушный народ[15]

Байкал. При всей скромности, нельзя не сказать, что эта статья написана с разительною неисправностью и свидетельствует совершенное отсутствие познаний о настоящем состоянии всего, до Байкала относящегося. Смеем утверждать, что гораздо было бы полезнее для читателей Э[нциклопедического] л[ексикона], если бы поместили описание Байкала из известного «Описания Иркутской губернии» г. Семивского, бывшего в Иркутске вице-губернатором и собиравшего сведения с разборчивостью и наблюдением личным[16]. Мы не беремся представить читателям «Сев[ерной] пч[елы]» полное описание Байкала для сличения, но укажем только на явные неверности настоящей статьи. В ней сказано: «...и касается уездов Иркутского, Верхнеудинского и Селенгинского».— Во всей Сибири с введения «Нового положения об учреждении» ее уезды называются округами, а Селенгинского ни уезда, ни округа нет; давным-давно он поступил в состав Верхнеудинского округа, равно как и Баргузинский уезд или бывшее потом комиссарство.— «...и простирается с северо-востока на юго-запад от 580 до 600 верст; наибольшая ширина его от 90 до 95».— Но по последнему измерению длина Байкала оказалась в 585 верст, а ширины нет более 75 верст.— «В старину, а местами, может быть и теперь еще, жители Сибири называли Байкальское озеро «Ангарским провалом».— Нужно ли уверять кого-либо, что такой геологической

гипотезы не могло прийти в голову простым жителям Сибири и что никогда Байкал — свое «Святое море» — не называли они и не могли назвать «Провалом»: такое название показалось бы им слишком «нечисто» и «грешно». Семивский чуть ли не первый соединил Верхнюю Ангару с собственно Ангарою посредством «Ангарского провала» и силился доказать, что не Ангара в Енисей, а Енисей в Ангару впадает. — «За исключением западного конца озера, называемого Култуком, и прибрежных мест около устья Селенги, где простирается обширная степь, берега Байкала состоят из гор... От Култука до Посольского монастыря горы понемногу понижаются и, наконец, не достигнув реки Селенги, теряются в степях».— Степи около устья Селенги, и еще «обширной», вовсе нет. Есть поемные, луговые места, прерываемые мелким лесом и кустарником, примыкающие, и не на очень дальнем расстоянии, к так называемым «гривам», т. е. к лесистым отрогам гор. В доказательство приведем, что в 1830 г., когда Селенга затопила почти все низовья, прибрежные селения, жители тотчас спаслись на «гривах». От Култука, или, справедливее, от Хамар-Дабана, горы точно идут, понижаясь и удаляясь от Байкальского берега, но достигают совершенно до самой р. Селенги, так что она ниже Верхнеудинска течет на некотором пространстве между гор и утесистых берегов.— «Между Лиственным островом и Посольским монастырем 400-футовый лот[17] не достает дна».— Никакого Лиственного острова на Байкале никто не знает; есть «Лиственичная» станция, Лиственичный мыс и Лиственичный же рейд[18]. Лоты у моряков различаются по весу; сочинитель статьи, вероятно, хотел выразиться: «400-футовым лот-линем».— «При совершенном безветрии, когда озеро гладко и ровно, как зеркало, суда подвергаются колебанию и судорожной качке, которую Георги[19] приписывает перпендикулярному движению озера от дна к поверхности». — О судорожной качке, когда озеро «гладко и ровно», быв на Байкале, мы ничего не слыхали, но зыбь после бури, естественно, долго здесь продолжается, от тесноты и от сильных, может быть, отбоев от скал. Г. Георги был не моряк а ученый, которому трудно было обойтись без гипотезы, без собственного мнения, как бы оно странно ни было. Но едва ли подобные объяснения очень простых явлений стоят того, чтобы повторять их.— «Ветры на Байкале известны под особен-

ными названиями, большею частью теми же самыми, которые употребляются прибрежными жителями Белого моря. Восточный ветер называется Баргузином, северо-западный — Сивер, юго-восточный — Шелоник, юго-западный — Полуденник или Глубник, восточный — Восток, западный — Култук, южный — Гора; последний есть самый опасный».— Удивляемся, как могло ускользнуть от внимания гг. редакторов, что здесь восточный ветер назван двумя и разными наименованиями, а юго-западный Полуденником (!!). Прибавим, что и другие названия не все верны. Вот настоящие: «Сивер» значит север, «Баргузин» — северо-восток, Восток — точно восток, «Шелоник» — точно юго-восточный, «Полуденник» — юг, «Глубник» — юго-восток, «Култук» — западный, «Гора» или «горный» — северо-западный, точно с гор дующий и поэтому действительно опаснее других, им нередко выкидываются дощаники на отмели юго-восточного берега[20]. Оставляем читателям, знакомым с Белым морем, судить: так ли же «большею частию» эти названия, какие там употребительны.— «Из прочих притоков значительнейший Бугульдулха».— Настоящее название «Бугульдеиха».— «В проливе есть два хороших якорных места, на юго-западной оконечности острова (Ольхона), бухты Жиргуй и Заглей, а на твердой почве[21] (?), насупротив их к северо-востоку, две поболее, называемые Кучулгинскими; но эти так окружены рифами и так мелки, что в них могут заходить только лодки. В 1801 году правительство имело намерение завести на них суконную фабрику».— Невольно всякий вправе спросить: на чем на них? — на якорных местах? — на бухтах? — кажется, нет возможности. Дело в том, что в 1801 году Иркутский военный губернатор Леццано для прекращения побегов с Тельминской суконной фабрики, тогда только что начавшейся, и грабительств по главному тракту от этих беглых предполагал перевести эту фабрику на остров Ольхон, но правительством это предположение не было утверждено. «Два Лиственных острова лежат перед истоком Ангары». — Заверяем честью, что перед истоком Ангары нет ни одного острова. «Они (рыбные ловли) снабжают рыбою уезды Иркутский, Нерчинский, Верхне- и Нижнеудинский и Баргузинский».— Об уездах, и о Баргузинском в особенности, мы сделали уже замечание.— «И как в это время часто идет мелкий дождь, называемый бусь, то погоду сию прозва-

ли омулевым ненастьем». — Не бусь, а «бус» и это ненастье называется омулевая погода.— «Тюленей, которые называются там нерпами».— Название нерп существует в Охотске и в Камчатке также и, вероятно, принесено с Белого моря.— «Перед истоком из него Ангары лежит Лиственный остров, или лучше сказать два острова (!!), к которым примыкает (!) Крутная или Крутая Губа, в ней стоит казенная флотилия».— О Лиственных островах уже замечено. Губа, из которой изливается Ангара, называется точно Крутая от крутого в нее поворота, также и Лиственичная по Лиственичному мысу, прикрывающему ее от северо-восточного ветра. В ней, при Лиственичной станции, единственный рейд, на котором становятся на якорь казенные и частные суда. Глубина позволяет тем и другим притягиваться к самому берегу для погрузки и выгрузки. Ныне при Лиственичной станции устроен дом для начальника Иркутского адмиралтейства[22] и казарма для матросов и предположено казенные суда, которые прежде на зиму спускались в Ангару, к Никольской пристани, оставлять здесь и для зимования.— «От Лиственного острова переезжают вкось по озеру к Прорве или Посольской гавани неподалеку от устья Селенги. Прорва есть большой залив озера, от 10 до 12 верст в длину, от 2 до 3 в ширину, и совершенно отделенный от озера двумя узкими, каменистыми и малолесистыми носами (?), которые от севера и от юга простираются от материка навстречу один другому; между ними остается только весьма узкий проход, в котором, однако же, 10 футов глубины. ...Пред входом в нее находится большая отмель, чрез которую сохранился, однако же, двойной фарватер. В северном от 9 до 13 футов глубины, в южном от 7 до 9».— О литературном достоинстве подобного рассказа, как и всей статьи, ни слова; не наше дело. Будем продолжать указывать одни неверности. Не от острова, а с Лиственичного рейда ходили суда к Прорве. О названии Посольской «гавани» на месте не слышно. Прорва от западного устья Селенги верст 60 «с хвостом», как выражаются замысловатые сибиряки. Не знаем, у места ли тут наречие «неподалеку». Прорву нельзя по-настоящему назвать заливом. Это бассейн вод, скопившихся от слияния многих речек, отделенный от Байкала накидными песчано-каменистыми «косами», или «каргами», как называют местные жители, а не носами, как угодно

было выразиться почтенному автору статьи. Вероятно, этот бассейн некогда был отделен одною каргою, которую прорвало. От напора ли воды бассейна это случилось или от волн Байкала: решить не беремся; только здесь причина именования «Прорва». В двух фарватерах, ежегодно меняющихся, глубина год от года уменьшалась и, наконец, не превышает 5 и 6 футов. Это обстоятельство заставило строить казенные суда плоскодонными и грузить не более, как до 4-х футов, и эта неполная нагрузка была причиною, что в 1822 г. одно перевозное судно действительно от внезапного шквала опрокинулось. Ныне со стороны морского начальства сделано очень благоразумное распоряжение, чтобы казенные суда, которых только два порядные брика «Ермак» и «Иркут», не ходили уже в Прорву, но останавливались на открытом рейде, против самого Посольского монастыря; поэтому они грузятся уже гораздо полнее, безопасны от горных шквалов и могут ходить, по крайней мере, в полветра.— «На самой северной конечности (чего?) стоит Посольский монастырь, получивший свое название оттого, что на этом месте убит бурятами посол, отправленный в Китай».— Посольский монастырь стоит на самом берегу Байкала, довольно в этом месте возвышенном, и окружен селением Монастырским, отстоящим от Прорвы в 4-х верстах; но залив, или бассейн Прорвинский простирается к северо-востоку почти до самого селения. «Посольским» монастырь назван потому, что в 1650 году тут убиты бурятами боярский сын Ерофей Заболоцкий с сыном и семью казаками, посланные из Тобольска для переговоров с монголами, а не в Китай[23].— Пристань в устье Бугульихи — Бугульдеихе, как, по крайней мере, все на Байкале ее называют. О Лиственном острове мы уже не повторяем.

— «Полоустная пристань почитается только убежищем в случае нужды».— О Полоустной пристани на Байкале не слышно; есть Голоустная. Следует за этим архивная, слишком подробная справка о маяке, и зачем? Чтоб сказать, что в 1782 году обвалились и остатки старого маяка и что с того времени освещение на Байкале вовсе прекратилось и не было возобновляемо. Все это несправедливо. Освещение при Прорве всегда в осенние ночи продолжалось, даже и без маяка, раскладывали огонь на карге, но впоследствии построен маяк, который и доныне существует; а теперь делается распо-

ряжение к постройке нового, еще лучшего[24].— «Для перевозки казенных имуществ есть три или четыре гальота, которые составляют так называемую Байкальскую флотилию. Кроме почты суда сии обыкновенно перевозят только ссыльных в Нерчинск, впрочем, ограничиваются они направлением в Баргузин и в Селенгу».— Мы уже сказали, что ныне на Байкале только два брика казенных, хотя жители местные, не умеющие различать роды морских судов, называют их точно «гальотами». Почту никогда на этих судах не отправляют по неопределенности времени переправы; она ходит постоянно по «кругоморской дороге»[25]. Обязанность судов перевозить проезжающих за Байкал вообще, а не одних ссыльных. Ныне попечительное о пользах края начальство, кажется, решительно уже взялось за благую мысль — построить пароход, и это, без сомнения, сделает новую эпоху в сообщении с Забайкальским краем и повлечет за собою неисчислимые выгоды в самом коммерческом отношении, которых те, до кого они коснутся наиболее, теперь еще, как это всегда случается, не понимают или не хотят понимать[26]. Что значит «ограничиваются они (казенные суда) направлением в Баргузин и в Селенгу?» — Мы просто не постигаем. В оба эти места ходят только дощаники частных людей. Заключим замечания наши на эту статью тем, что вообще больно встречать в Э[нциклопедическом] л[ексиконе] известия, давно уже состарившиеся, которыми читатели вводятся только в заблуждение или побуждают терять доверенность и к самой истине.

Байкальская дорога. В этой статье между прочим сказано: «Из этого описания видна необходимость содержать две дороги: зимнюю чрез Тункинскую крепость, на протяжении 650 верст, и обыкновенную, от Торнинской станции до Култука на 189 верст, где она соединяется с первою».— Чрез Тункинскую крепость, или как местные жители говорят, «чрез Тунку» ходит одна только еженедельная, «заморская» почта, и то не зимою, но при начале весны, когда настоящее зимнее сообщение чрез Байкал по льду прекратится; чрез Хамар-Дабан нельзя еще ходить по причине снежных завалов, которые в то время нередко расчищаются нарочно посланными со станций людьми. Это бывает в продолжение апреля, так что не более четырех почт отправляется чрез Тунку; в мае почты начинают уже ходить чрез

Хамар-Дабан и ходят до самого «морестава», напротив, на зимнее, собственно, время, кроме Лиственичной постоянной станции, выставляются нарочно две, при мысах Кадильном и Голоустном, и дорога идет 60 верст чрез бухты северо-западного берега, до Голоустной станции, а отсюда 55 верст чрез Байкал, прямо к Посольскому монастырю, и вот настоящая «зимняя» дорога. Случается иногда и то, как говорят сибиряки, «годом», что в позднюю осень почты две пройдут чрез Тунку по той же причине, как и весною. Новая кругоморская, или как сочинитель статьи называет «обыкновенная» дорога сходится с Тункинскою кругоморскою не в Култуке, а ближе к Иркутску — около Веденской станции, если не ошибаемся, можем ручаться в том только, что едущие из Иркутска на Тунку не заезжают в Култук: он остается влево. Далее присовокуплено: «Санная дорога чрез озеро стоит обыкновенно только со второй половины января до начала апреля».— Чрез Байкал начинают ездить обыкновенно после Нового года, но почта чаще отправляется около Крещения, когда поставятся вехи. В 1834 году она проехала чрез Байкал 4 генваря и, следовательно, во всяком случае в первой половине этого месяца. Частные лица ездят чрез Байкал по льду до последних чисел апреля, выезжая с Лиственичной станции на средину и потом вдоль «моря», что здесь называется «ехать голометью», т. е. направляя путь на голое место, где берега не видно.

Байкальские горы. В объяснении этих слов находим, что «почти у самых берегов Байкала оканчивается населенность Иркутской губернии».— Как понимать эти слова, истинно недоумеваем. За Байкалом два обширные округа — Верхнеудинский и Нерчинский и сравнительно довольно хорошо населены.

Балаган. Под этим словом встречаем: «В Камчатке называются балаганами навесы на нескольких столбах, под которыми весится распластанная рыба, именуемая юколью».— Мы были в Камчатке, и смеем заверить, что балаганы камчадал нельзя назвать навесами. Вот как они строятся: утверждают в землю не менее девяти столбов, в три ряда, в равном друг от друга расстоянии, каждый вышиною сажени в полторы; на них кладут слеги и делают помост, а на помосте сооружают из жердей коническую юрту, подобную киргизской, с дверьми и прикрытую берестою и сверху опять жердями; при-

том так, чтобы вокруг нее на помосте оставался свободный проход. Она-то собственно и составляет балаган, внутри такого балагана настилают траву и плетеные из травы рогожи, «чирелами» называемые. На них камчадалы покоятся после трудов в жаркие летние дни. Одним словом, балаган для камчадала та же вилла, только в прародительской простоте. В экономическом отношении балаган служит для вяления рыбы на воздухе, в прикрытом от солнечных лучей месте. Для этого под самым помостом, на фут ниже, утверждаются горизонтально несколько жердей и на них развешивается распластанная и поперек часто надрезанная до кожи рыба всякого рода, из которой делается, когда она уже совершенно провялится, так называемая «юкола» (а не юколь). И юкола из чавычи или нярки (род лососей) могла бы поспорить с новгородскими сыртями, с астраханской шамаей и даже с донскими балыками, на самой прихотливой закуске.

Барабинская степь. При описании этой степи упомянуты соленые озера Танское и Убское; но забыто озеро Чаны, величайшее после Байкала во всей Сибири, соединяющееся с озерами большим и малым Молоками, Абышканом и Чабаклы. Статья, слишком краткая для предмета, по многим отношениям стоящего особенного внимания, заключается словами: «По малочисленности тамошнего татарского народонаселения там неоднократно заводимы были русские поселения».— Иной подумает: «Были заводимы, да, видно, неудачно!» — и как ошибется! Мы проезжали Барабу в 1811 году и потом в 1827— какая перемена![27] В степи самые зажиточные селения, какой хлеб, какие травы, какой клевер! В это время был падеж скота от сибирской язвы, и мы слышали от ямщика: «Вот этто у нас, у мужичка триста скотин пало».— «Что же, разорился, бедный?» — «Нет, батюшка, осталось еще скотинок с двести». Где в России услышим это от мужичка? И мы должны в Э[нциклопедическом] л[ексиконе] читать о Барабе только, что на ней неоднократно были заводимы селения! Ей-ей, больно! Присовокупим, что на Барабе есть окружной город Каинск[28], в котором бросается в глаза «множество» жидов. Странное стечение: Каинск и — жиды!

Баргузин. «В нынешнем своем значении заштатного города причислен к Иркутскому уезду»,— так сказано в Э[нциклопедическом] л[ексиконе].— Несправедливо. Бар-

гузин «в нынешнем значении» просто село и причислено к Верхнеудинскому округу. В числе жителей показаны 4 чиновника и 19 купцов 3-й гильдии. Опять несправедливо. Чиновников нет, а торгует, помнится, один купец Черных по фамилии[29]. Все эти сведения давнопрошедших лет. О соболях баргузинских, лучших по достоинству, и о белке, составляющих главный предмет торговли с тамошними тунгусами, ни слова!

Баргузин. «В Иркутской губернии так называется северо-восточный ветер, дующий от г[орода] Баргузина».— Смеем заверить, что в Нерчинске, в Киренске и других восточных местах Иркутской губернии физически невозможно северо-восточный ветер назвать «баргузином». Это название употребительно только на самом Байкале и у прибрежных жителей.

«Баргузинские, иначе туркинские воды имеют свое название от реки Баргузина и также от реки Турки».— Эти воды теперь вообще называются «туркинскими», прежде же называли и баргузинскими, не по реке, от которой они в полуторастах верстах, по Баргузинскому бывшему уезду, или по Баргузинскому краю[30]. Собственно, «баргузинскими водами» называются горячие ключи, находящиеся близ озера Фролихина, и серный источник при устье реки Цапы, в 200 саженях от озера Баунта; хотя они не устроены, но также посещаются, особливо инородцами, в окрестностях кочующими.

Окончим наши «посильные» замечания последним, общим. В 4 томе мы не доискались слов: Бакалейный (товар), Балаболка, Балакирев, Балберка (поплавок у станового, учужного снаряда) и Барбетка,— которые легче могут встретиться в разговоре, нежели «Бааню», и «Баеч». Вообще этот том тщедушнее других более, нежели полуторастами страницами и напечатан с большими неисправностями и недоглядками.

Наконец, не можем пропустить без замечания и того, что портреты императрицы Анны Иоанновны, великой княжны Анны Петровны[31], князей Багратиона и Барклай де Толли выпечатаны на вывороте и оттого вышли не в русских орденах. По крайней мере, мы не знаем у нас бескаемной ленты с левого плеча, со звездою на правой груди.

Владимир Обвинской[32].

НЕЧТО О НЕВЕРНОСТЯХ, ПРОЯВЛЯЮЩИХСЯ В РУССКИХ СОЧИНЕНИЯХ И ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЬЯХ О РОССИИ И РУССКОМ

У нас нередко достается иностранцам за ложные известия, сообщаемые о России, и поделом!..

Но, укоряя их, надобно бы самим быть точнее, с одной стороны, и взыскательнее — с другой. Несколько лет занимаясь чтением почти всего, что выходит из-под русского пресса, мы встречали в книгах и журналах разные промахи в этом роде, и довольно грубые, которые оставались в других журналах вовсе незамеченными. Мы записывали их как ни попало, то на переплетных листках книг, то на лоскутках, служивших вместо закладок, в намерении когда-либо составить статью для «Северной пчелы». Годы летели мимо, обуреваемые напастию в житейском море,— намерение, как и часто, оставалось намерением и забылось наконец. Вдруг судьба привела в уединенное, предмогильное пристанище, в котором можно сказать с философом: «Spes et fortuna valete!»* При разборе книг заметки попались на глаза, намерение вспомнилось — и вот что нашлось в них. Не взыщите.

«Русский инвалид»[1], 1833, № 159. «Погромные на р. Погромной. Где р. Погромная, по географии неизвестно, кажется, при селе Погромце Воронежской губернии в уезде города Валуек».— Погромные, или Погромнинские минеральные холодные воды находятся по Нерчинскому тракту в полуторах верстах от Погромнинской станции и в 245 от Верхнеудинска. Воды очень употребительные и похвальные по их целебному свойству.

Плавание вокруг света на шлюпке «Ладоге» г. Лазарева[2]. Статья в журнале МВД, январь 1833, стр. 103. «Целебная сила сих ключей (Паратунских, в 20 верстах от Петропавловской гавани) замечана в 1819 г. одним матросом, который страдал застарелою ломотою и болью от ран, излечился и проч.» — Целебная сила сих ключей известна была еще Крашенинникову, их посещал Кларк, Лаперуз и первые наши мореплаватели вокруг света еще в 1805 г.[3]

Далее тут же: «В 1797 г. купец Шелихов, усмирив

* Надежда и судьба имеют значение (*лат.*).

жителей о-ва Кадьяка (Киятан — опечатка: Киядьяк), завел на оном поселение для звериного промысла, в 1799 году император Павел I утвердил торговое общество, основанное Шелиховым». Купец Гр. Ив. Шелихов скончался в Иркутске 20 июля 1795 года. Кадьяк им покорен в [1]780-х годах. Мысль о торговом обществе или компании принадлежит зятю его, покойному Н. П. Рязанову, бывшему в Японии послом. По его старанию у правительства утвержден первый акт компании, ныне наименован «Протектором» ее. Шелихов вовсе не думал о компании, он вошел только в товарищество с одним купцом Голиковым[4].

«Лесной журнал»[5], 1838, часть 11, книжка 2, стр. 182. «Сосна, по-видимому, боится сибирских гор, между тем как ель преимущественно размножается на оных, она растет только на горах в северных странах и по ту сторону Лены терпит равную участь с сосной. Ни та, ни другая на твердой земле не простирается далее 130° восточной долготы». — В Сибири горы усеяны сосняком. Сосны оканчиваются по Охотскому тракту за р. Алданом Чахдальским хребтом, с которого течет речка Чахдала, впадающая в р. Белую, текущую в Алдан. Самое название «Чахдала» по якутскому означает «Сосновую» реку, — и она находится за 150° восточной долготы. Ель растет около Охотска и по р. Камчатке.

«С.-Петербургские ведомости»[6], 1834, № 93. В «Жизнеописании адмирала В. А. Мятлева»[7] сказано, что ему предписано было осмотреть р. Ингоду и отыскать удобное место к постройке судов и что «цель сего предприятия состояла в том, чтобы плыть р. Амуром, которая образуется из соединений (?) р. Аргуни и Ингоды в Великий океан» и проч. — Р. Амур образуется из соединения рек Аргуни и Шилки, и эта последняя течет слиянными водами Ингоды и Онона. Амуром можно выплыть в его лиман и в Охотское море, потом уже в Тихое море и в Великий океан.

Журнал МВД, 1834, май. «Алдан на реке того же имени, почти на средине пути от Якутска в Охотск, назначен городом по указанию губернатора Бриля для наблюдения за инородцами и собирания с них ясака; сей город в 1783 году закрылся навсегда»[8]. — Дело в том, что он никогда не открывался. Это то же, что мнимый Акланск, о котором в этой статье также упоминается[9]. По тракту до р. Алдана, где при перевозе существуют

одни только юрты и амбары для складки провианта, с небольшим триста верст от Якутска, следовательно, треть пути. До Охотска считается 1014 верст.

Там же. «Надобно с прискорбием признаться, что со времени утверждения русских в Камчатке число камчадалов, всегда незначительное, еще уменьшилося. Болезнь, подаренная первоначально Европе Америкою и из России перевезенная в Камчатку, сгубила целые тысячи обитателей, беспомощно пропадавших от действий сей ядовитой проказы. Сверх того, чиновные и торговые пришельцы, сюда временно заезжавшие, увозили с собою детей и взрослых туземцев, осуждая их бесправно на вечное себе служение или в неволю».— Здесь, кажется, автор разумеет одну сифилическую болезнь, но Камчатка жестоко опустошена первоначально в 60-х годах оспою, а потом в 1801 году гнилою горячкою, завезенною сюда Шефскою ротою Сомова гарнизонного полка. С этого же времени распространилась и злокачественная зараза; но она не столько причинила опустошения, сколько первые две: теми целые селения вымерли[10]. Что до вывоза детей и взрослых чиновниками и даже купцами — быв в Камчатке, мы ни слова не слыхали. Если случалось, что кто-нибудь вывез двух-трех камчадалок или мальчиков-сирот, то, конечно, этим не опустошил Камчатки, а «осудить» на вечное себе служение едва ли возможно при существующих в отечестве нашем законах. Вообще трудно понять, откуда подобное сведение почерпнуто и как оно уместилось на страницах журнала МВД.

Журнал МВД, 1835, март, стр. 250. В статье г. Гагенмейстера[11]: «Когда на Юге веселый селянин срывает виноградные грозды, тогда на Севере олень, верный единственный спутник лапландца и камчадала, под снежною пеленою отрывает скудную свою пищу» и проч.— У камчадалов вовсе нет оленей и дикие попадаются только на западной стороне около Сопочной, и то редко. Единственный спутник камчадала — собаки.

Журнал МВД, 1835, май. Статья г. Глаголева[12]: «Признаемся откровенно: цифра 7, проливающая столь яркий свет на наших союзниц и в соединении с «00» усиливавшаяся нас оттолкнуть в Азию к кочевым народам или в темные камчадальские юрты, с первого раза заглушала в нас всякое космополитическое чувство».— Оно очень трансцедентально, да только в Камчатке и в помине нет

ни одной темной юрты, какие были при Крашенинникове. Лет 30 назад стояла одна землянка под Тигильским хребтом для приюта проезжающих во время пурги, но чай и та давно развалилась.

«Чтение для умственного развития малолетних детей» г. Гугеля[13], второе издание, стр. 108: «...картофель разводится даже в Камчатке, с тою разницею, что он там бывает только немного более нашего гороха».— Он бывает там нередко с добрый кулак и вообще не хуже русской.

Там же на стр. 119. «Наши камчадалы из кожи кита делают сапоги, а мясо и жир его даже едят».— Обувь камчадала называется «торбасы». Из китовой кожи даже подошв к ней не делают. Мясом кормят собак, жир идет на освещение, а едят только одни ласты. Это лакомовое блюдо известно у них под названием «ошурок».

«История Петра Великого», перевод г. Аладьина[14], том V, стр. 122. «Фасад соборной церкви в Астрахани до такой степени понравился императору, что он приказал нарисовать его и впоследствии времени по этому образцу построил в С.-Петербурге для моряков храм во имя чудотворца Николая».— Великий Петр был в Астрахани за год перед своею кончиною в 1724 г. Не мог он построить храма по образу Астраханского собора. Церковь, известная под именем «Николы Морского», строена, если не ошибаемся, при императрице Елисавете чуть ли не Кокориным[15]. Она не похожа на Астраханский собор, сходный во всем с собором Рязанским, смеем уверять,— мы были в Астрахани.

Довольно. Приведенные нами места достаточно свидетельствуют, что собственные наши сведения об Отечестве нашем очень еще неположительны и что мы тоже сообщаем многое нередко торопливо, на «авось с рук сойдет!»

В периодических изданиях такие промахи несколько еще простительны, но грустно видеть недостатки и неверности в книгах учебных, издаваемых господами профессорами, особливо когда они повторяются в нескольких последующих изданиях. Позволим себе присовокупить на этот счет несколько слов истины ради. Боже храни критиковать, осуждать кого б то ни было. Труд благонамеренный — всегда труд, по мнению нашему, каким бы ни были его несовершенства, да из рук человеческих едва ли что совершенное выйти может. В «Пос-

леднем дне Помпеи» французы нашли недостатки[16].

Как лучшее учебное пособие для географических сведений мы употребляли «Краткую всеобщую географию» г. Арсеньева[17], шестого, исправленного (!) издания. Вот что мы в ней заметили.

При описании Вышневолочской системы, стр. 150, сказано: «Суда «следуют» Волховом, Сиверсовым каналом[18], Мстою» и т. д.— Такое описание дает ложное понятие, что по этой системе вод взад и вперед ходят. Далее, стр. 151: «Произведения, отправляемые в Камчатку, идут от Байкала до Лены сухим путем».— Не от Байкала, а от Иркутска. Тут же: «Отсюда (от Юдомского Креста) сухим путем в Охоту до Охотска».— Тяжести, какие при бывших экспедициях доставлялись водяным путем к Охотскому порту, перевозились от Юдомского Креста до Урацкого плотбища и сплавлялись по Ураку, которого устье в 25 верстах от Охотска.

В таблице о губерниях Енисейск поставлен первым между городами этой губернии, и, следовательно, всякий по примеру других может принять его за губернский. Заметим, что Енисейская губерния получила наименование по реке, а не по городу.

В Измаильском градоначальстве не упомянуто о городе Тучкове, в Якутской области — Олёкма, Верхоянск, Вилюйск и Среднеколымск означены уездными городами, а это только главные местечки округов, в которых имеют местопребывание окружной исправник с секретарем, священник и лекарь с учеником. В Верхоянске, например, только 10 дворов, и то разбросанных верстах на полуторах.

Троицкосавское пограничное управление поставлено в одну категорию с Приморским и управлениями Охотским и Камчатским, вероятно, по одному слову «управление». В существе между первым и последними нет ничего общего. Эти носят характер отдельных областей, в которых живут жители разных состояний, а первое не что иное, как управление кордонное, более похожее на таможенные округа. В Камчатском управлении Нижнекамчатск и Большерецк показаны в числе уездных городов. В том и другом местечке живут частные только командиры, единственно на случай прихода судов к их портам из Охотска. Большерецк и прежде никогда не был городом. В поименовании «уездных» городов вообще в таблице не соблюдено никакого порядка ни по значи-

тельности их, ни по географическому положению.

В статье об «Американских владениях», т. е. о владениях русских в Америке, сказано: «Контора Американской компании находится на о-ве Кадьяке».— Но такие конторы есть и на Уналашке, на Атхе и на островах Прибылова. Главная контора и местопребывание правления в Ново-Архангельске: о ней ни полслова, так же как о колонии Рось при заливе Кодего в Калифорнии, которая по этому уже одному достойна внимания всякого русского[19]. Из островов Алеутских более известными и «важными» означены Берингов, Уналашка и Кадьяк. Первый не принадлежит ни по чему к гряде Алеутской и притом чем важнее населенных — Атхи, Унимака и о-ва Прибылова, составляющих главный рудник Р[оссийско]-А[мериканской] к[омпании][20].

При наименовании города Валдая сказано: «Близ него находится «славный Иверский монастырь, построенный в 1654 г. патриархом Никоном»[21].— Странно видеть «славным» этот монастырь в такой учебной (этого не должно забывать) книге, в которой даже о Сергиевской Свято-Троицкой лавре не упоминается, не только о Соловецком, Тихвинском, Нило-Столбенском, Юрьевском, Новом Иерусалиме и проч. первоклассных и более исторически знаменитых монастырях. Последний из наименованных нами построен также патриархом Никоном.

В описании городов вообще не означено, которой губернии. Здесь Ярославль только «славный» город, а Кострома «весьма красивый». Об Ипатьевском монастыре, «ныне столько достойно взысканном», ни слова, хотя он при самом городе, не поблизости. О Николаеве только — «порт для Черноморской гребной флотилии».

Развалины древнего Херсонеса указаны между Балаклавою и Севастополем, тогда как они близ последнего; Сальянские рыбные промыслы названы богатейшими. Но они на Каспийском море, по Эмбинским, второе место занимают. О Тобольске сказано: «Ведет «обширную» торговлю» — и «порядочную» сказать слишком было бы достаточно.— О Екатеринбурге: «Знаменитый «горный» город».— Что значит «горный город»,— в горах стоящий; этого о нем сказать нельзя.— О Колыване: «главное место управления Колывано-Воскресенскими заводами». Но оно в Барнауле, и теперь заводы называются Алтайскими.— О Енисейске: «важный по торговле город», а о Красноярске — «небольшой, но краси-

вый». Качество губернского «теперь» и в торговом отношении Красноярск ставит уже выше Енисейска. Кто видел его 10 лет назад, теперь, как говорится, не узнает: где было кладбище, обстраивается площадь для средины города.— Об Иркутске: «место складки товаров европейских, китайских и Американской компании».— Громко, но не совсем справедливо: никакой складки нет, просто провоз на Кяхту и с Кяхты на ярмарки Ирбитскую и Нижегородскую, куда отправляются и товары Р[оссийско]-А[мериканской] к[омпании] по привозе их из Охотска, что бывает не каждый год. В числе городов на водах байкальских означена «Петропавловская крепость», которой и следа нет, теперь это просто плохая деревня «Стрелка»[22]. Наконец, Нижнекамчатск назван «главным» городом Приморского управления и всего полуострова, тогда как это — Петропавловская гавань.

Кстати уже сказать и о том, что мы заметили в другой учебной книге, не менее важной, именно в «Статистике» г. Зябловского[23]. Здесь сибирские губернии поставлены в число «образованных по учреждению» — всякий вправе разуметь: по общему учреждению о губерниях. Томская губерния выставлена пространством более Тобольской и Енисейской. Якутская область с Охотским и Камчатским управлениями показана 8000 квадр. миль, а Омская — 5000, но первая едва не в десять раз более последней. Пространство Иркутской губернии проставлено, по-видимому, с Якутскою областию, но не означено.

В перечислении разного состояния людей большая разница с г. Арсеньевым, хотя оба основываются на 7-й ревизии. У последнего крестьян разных ведомств, т. е. Дворцового, Конюшенного и пр., показано до 180 тысяч; у г. Зябловского крестьян «особого ведомства» миллион 770 тысяч. Экономических, обельных, половников ни у того, ни у другого не показано[24]. Вольных людей (?) у г. Арсеньева 97 тысяч; у г. Зябловского 85 535, купцов у первого 85 000, у второго 77 283 и т. д.

О наследственном акте императора Павла I сказано, что он издан в 1797 году. Он в этом году, при короновании, в первый день Пасхи, 5 апреля, прочитан и положен в Успенском соборе, а состоялся в 1787 году и подписан государем и государыней еще в Великокняжеском сане, что достойно особенного внимания по многим отношениям того времени[25].

Употребление царского титула приписано вполне Иоанну Грозному, но он едва ли принял бы этот титул при венчании своем на царство в 1547 году, января 16, если бы отец его великий князь Василий Иоаннович не начал уже употреблять в дипломатических сношениях с иностранными дворами.

При описании ордена св. Анны не упомянуто о новом статуте и разделении. Притом орден этот младше св. Георгия и св. Владимира, а потому не «четвертый». Императорским он стал со статута 1797 года, в котором те два ордена исключены, но покойный император Александр I восстановил их во всей силе[26].

На стр. 90 пропущено штатное число церковнослужителей, которых по сравнению итогов должно быть 50 195.

Об общем «Учреждении министерств» сказано, что оно издано в 1811 году июня 25. Оно только пополнено и переменено в нескольких частях, с учреждением в то время министерства полиции, но первоначально издано при манифесте 1802 года[27].

Р[оссийско]-А[мериканская[к[омпания] поставлена в разряд «ученых обществ», равно Сибирский Комитет для устройства Сибирского края[28].— В Охотской «гавани» показаны военные суда, которых там не бывало, кроме строенных собственно для экспедиции Билингса[29].

В статье «О доходах» не упомянут сбор с крестьян на улучшение путей сообщения, не означено тоже, что приносят частные рудники дорогих металлов; ни слова о сборе ясака, а в окладных «постоянных» доходах показаны такие, которые по здравому смыслу не могут быть постоянными. Троицкие Енисейские соляные источники показаны в Томской губернии (стр. 91, ч. 11).

Суконный фабрикант Гейтен назван «московским», но фабрика показана в Орловской губернии Дмитровского уезда (стр. 111, ч. 11). Впрочем, сколько мы смыслим, Дмитровского уезда нет в Орловской губернии, но в Московской. О суконной мануфактур-советника Рыбникова фабрике не упомянуто; а о Кожевниковой сказано, как о лучшей; между тем последний в числе несостоятельных и сукна его даже на выставке не были, а Рыбников получил одну из первых наград за свои сукна[30].

Сестрорецкий завод показан в 4 вер[стах[от С.-Петербурга, гранильная Екатеринбургская фабрика в 30 вер[стах] от города, а она в самой средине его. При описа-

нии мер десятина помещена в число принадлежащих к измерению длины.

В изочтении племен, населяющих Россию, многие народы не поименованы, или не показано, к какому главному племени их причислять, напр., чуваши, черемисы, зыряне, вотяки, вогулы, телеуты, чокагиры, чуванцы и др.

Во всей статистике не нашли мы ни слова о минеральных водах, ни слова о дорогах, о дилижансах, о пароходах; никаких сведений о Р[оссийско]-А[мериканской] к[омпании], о страховых обществах также. О Сибирском учреждении никакого понятия, освоенных поселениях тоже. О казаках вообще нет отчета, только поименованы в «иррегулярном» войске.

Наконец, заключаем тем, что нам ближе к сердцу. Достопочтенный профессор в своей статистике сказал, что «Морской корпус не менее обязан цветущим состоянием Екатерине II».— У Великой слишком много было для бессмертной славы ее царствования, и вовсе не нужно «обирать», так сказать, ее преемника для преувеличения похвал, благодарною Россиею ей воздаваемых,— скажем лучше сущую истину.

Ужас взял бы г. профессора, равно как и всякого новейшего воспитанника этого корпуса, если бы рассказать во всей подробности, в каком жалком состоянии находился этот корпус в Кронштадте в царствование Екатерины II. Преемник ее престола знал это лучше всех, нося титул генерал-адмирала флота. Едва 6-го ноября 1796 года взошел он на престол, а в декабре половина корпуса во высочайшему указу была уже в Петербурге. Для помещения его уничтожен бывший «Греческий» корпус[31], к которому в то же время прикуплен сахарный завод, и из соединения этих зданий вскоре явилось великолепное, служащее ныне украшением Васильевского острова. Кадеты, вовсе забытые в Кронштадте и никем из знатных не посещаемые, вдруг удостоились участия видеть беспрестанно своего монарха. Государь редкую неделю не посещал корпус и всегда неожиданно. Он все хотел видеть собственными глазами, входил в самые мелочи, заглядывал во все закоулки и везде находил точное исполнение высочайшей своей воли.

Это возложено было на Логина Ивановича Голенищева-Кутузова[32], который сделался истинным отцом кадет, и тогда только они чувствовали, что их считают

детьми русских дворян, а не «поросятами», как, бывало, их называли начальники в Кронштадте. Одним словом, при императоре Павле Морской корпус был «любимый» корпус государя, и это была блестящая эпоха его существования. Содержание, ученье, обращение — все изменилось, и корпус 1797 года не имел уже ничего похожего на корпус 1796 года. Все воспитанники того времени с благодарностью должны вспоминать имя Павла I, как своего благодетеля. Эти строки писал один из них, и пером водила беспристрастная истина. Да будет хотя это слабое отдание справедливости должною данью памяти того, кто в юности счастливил нас отеческим своим попечением. Жаль, если в Морском корпусе нет памятника началоположнику настоящего его состояния. Позднее потомство будет справедливее. Кратковременное царствование Павла I вообще ожидает наблюдательного беспристрастного историка, и тогда узнает свет, что оно было необходимо для блага и будущего величия России после роскошного царствования Великой[33].

18 августа 1836 г.
Иркутск

Владимир Обвинской

ВАРИАЦИИ НА «ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ: КРОНШТАДТ»[1]

A tale of the times of old!*
Ossian[2]

Представить не можете, милостивые государи, с каким удовольствием читаются в вашей «Пчеле» статьи о флоте, о кораблях, о Кронштадте теми, которые сами некогда служили под красивейшим из всех военных флагов — белым с победоносным Андреевым крестом[3]. Море со всем своим непостоянством, со всею обманчивостию, со всеми опасностями,— грозными бурями, вероломными штилями,— имеет свои неизъяснимые высокие прелести, прелести столь же заманчивые, столь же увлекательные, столь же неизгладимые из памяти и сердца, как и — souf le respect pour les jolies dames — прелести красавиц. Кто раз «медною» грудью[4] спознался с ним, до гроба не забудет, не разлюбит его — и, удаленный, с таким же восхищением слушает рассказы о нем, как швейца-

* Повесть старых времен (*англ.*).

рец свою родимую «Ranz des vaches!..»[5] Жаль одного старым морякам, что такие статьи редки в ваших листках и не имеют своего непременного в них места. Кроме их, сколько есть отцов и матерей, которым хотелось бы знать, когда, куда и надолго ли поплывут дети их на громоносных лебедях океана. Ей-ей, милостивые государи, смеем предсказывать вам значительное приращение усердных подписчиков, если вы «заведетесь» постоянными корреспондентами в Кронштадте, Ревеле, Свеаборге, Николаеве, Севастополе, Одессе — не мешает и «у города»,— и будете извещать о вооружении флота, о выходе на рейд, об именах и ранге кораблей и капитанов, об отплытии, о назначении, о возвращении, и о всех случайностях, какие родителей и друзей молодых моряков занимать могут. Подумайте, не больно ли иногда из Берлинской газеты и Гамбургского корреспондента узнать более, нежели из своих газет. Представьте, случится бедствие, разобьется корабль, фрегат, об этом крылатая молва донесет неверные слухи до кровных, которых сердцу юные моряки так близки, сколько догадок, опасений, горести и слез безвременных о «погибших», между тем как они все спасены и явили при этом случае столько мужества, неустрашимости и присутствия духа, что надо бы радоваться только и восхищаться, а не плакать. Несчастие со всеми бывает, тем чаще с моряками; таиться нечего: тут нет ничего бесславного для флота вообще.

У англичан, за которыми покамест морская слава, кораблекрушения почти ежегодны, а купеческий их флот каждую осень теряет чуть ли не десятый процент. В 1799 году, пришед на Спитгедский рейд, мы любовались их 120-пушечным кораблем «Королевою Шарлотою» (Qween Sharlotte), только что «с иголочки». На нем вице-адмирал лорд Кейт[6] отправился тогда в Средиземное море и едва дошел до Ливорны, корабль взорвало на воздух. Отчего бы вы думали?.. Сено лежало близ кухни и загорелось ночью! Они, однако ж, не потаили греха, все рассказали целому свету, как дело было. Тут узнали неимоверное присутствие духа первого лейтенанта (first lieutenant), который до последней минуты распоряжался с полною энергиею моряка и не хотел оставить корабля из любви к нему[7]. И подлинно, было во что влюбиться; мы, тогда молодые, вчуже горевали, узнав об этом происшествии. Горесть наша тем была силь-

нее, что тут погиб и наш, незабвенный для товарищей, молодой, много обещавший моряк Куличкин, служивший волонтером[8]. Он мог бы съехать на берег, как сами англичане писали, и не съехал — русский!.. Сказали бы, что в нем менее духа, нежели в англичанине, этой мысли он не хотел, он не должен был пережить; еще повторим — «русский и моряк!» Подобного несчастия на нашем флоте не случалось и при нашей дисциплине и порядке быть не может. Правда, в 1800 г., в самый день высочайшего смотра, при Красной горке, поутру, загорелся было у нас стопушечный корабль «Санкт», или, как матросы называли, «Сам Николай»; но от такой причины, которой при тогдашнем неведении о теории возгораемости простительно было не предупредить осторожностию. В шкиперских каютках, около самой крюйт-камеры, затлелась недавно выкрашенная олифою парусина, подготовленная на бортовые сетки. Корабль спасен догадливостию, проворством и неустрашимостию подшхипера. Имя его должно было сохраниться в памяти моряков и в самой истории флота; но именно по молчаливости наших газет оно лишено этой справедливости и самый пример потерян для предостережения других[9].

Англичане — народ рисковый, у них и не такие еще бедствия бывают. В пятилетнее пребывание нашего флота у британских берегов случилось одно, какому также у нас не бывало примера. Военный их брик, спешивший к голландским берегам, в виду крейсеровавшей эскадры «зарылся» и — как ключ ко дну! Он шел на фордевинд и нес слишком много парусов при сильном волнении. У них это считается молодечеством, и оно часто доводит до беды, чего, впрочем, они никогда не скрывают. У французов недавно в Архипелаге разбило корабль, помнится, «Сюфрэн», и они всю подноготную рассказали, не таясь и не стыдясь. Нет, ей-ей, извещайте подробнее, откровеннее о флоте, о моряках, обо всем, что «наносит» морем и смолою, увидите, увидите бездну новых подписчиков. Пусть молодые моряки пишут нам через вас, проще и отчетистее; мы будем довольны, рады, благодарны. Не всем иметь талант Евгения Сю[10], да и к чему он там, где требуется более правоты и точности. Послушайте совета[11]: пустите вашу пчелку на приморский берег; пусть она и с морских растений, с самих моллюсков собирает мед для своих сотов, отведите для этого

особый уголок в улье, под этикетою «Nautica res*» для пелагофилов** этот с присолью медок будет слаще меда горы Гимета[12].

Все, что мы здесь сказали, пусть послужит «прелюдиею» к тому, чем нам хочется позабавить, если удастся, вас и ваших читателей — моряков.

Однажды как-то потешили вы нас сочинением молодого[13], любезного питомца Нептунова под рубрикою: «Вариации на тему: Кронштадт». Из этих вариаций, приятных, утешительных для уха, для сердца и для самой гордости русских, некоторые тронули нас за живое, иных ухо наше почувствовало неверность. Мы ждали от кого-нибудь из нашей братии, смоляных инвалидов, отголоска, но старые моряки на покое не очень, видно, любят приниматься за рупор; ожидание о сю пору остается ожиданием; вздумалось самим попробовать — подыграть юному моряку. Чувствуем несоразмерность искусства; за молодыми нынче не угоняешься, но так и быть, просвищем хоть на засорившейся квартирмейстерской дудке — «Вариации на вариации», как, бывало, разыгрывали смолоду Гантошкина «Горюна»[14]. За аплодированием не гонимся; наша пора куда уже прошла!.. Только бы не ошикали. Вот же те вариации, которые берем за тему:

«Вы, ветераны флота времен Екатерины и Павла... восклицаете: «Вот то-то бывало у нас на флоте... вот то-то был в наше время флот!» Знаю, старость пристрастна к прошедшему, но есть такие вещи, которых нельзя не признать превосходства».

«Я не имею ясного, подробного понятия о том, что был Кронштадт в ваше время»...

«...Палы. Не от того ли произошло это название: Палы, что эта часть низменна, впала?»

«Такие ли были корабли в ваше время?.. «(Сев. пч., 1834, № 146)[15].

Не знаем, где любезный, юный моряк подслушал восклицание ветеранов того времени, над которыми ныне забавляются, называя «оным временем». Принадлежа к числу их, мы, по крайней мере, далеки от подобных восклицаний. Напротив, с восхищением любуемся настоящим и смалчиваем о былом; потому что прошлое мертво,

---

* Мир моря (*лат.*).

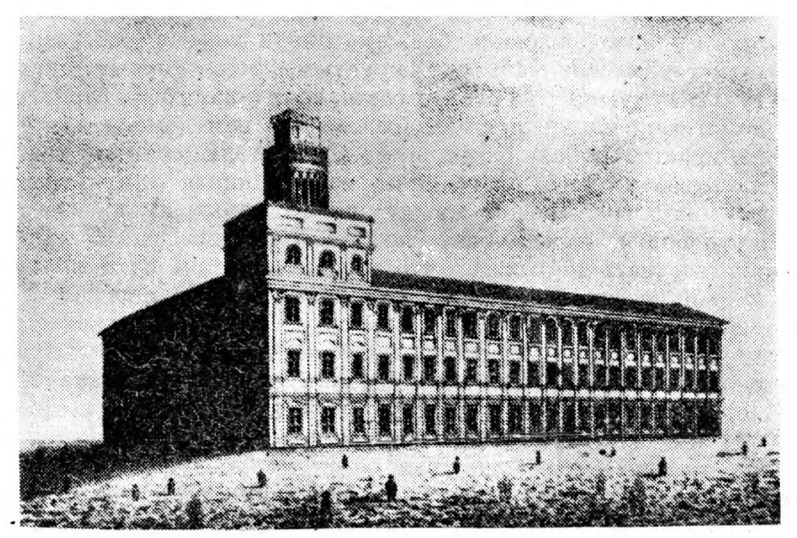
** Любители моря (от греч. pelagos — море).

а — post mortem nihil aut bene!* Но когда вызывают, надо говорить правду, и одну правду. Просим же прислушать.

«Ныне со стопушечным кораблем лавируют по Кронштадтскому рейду»,— уверяет юный моряк, а мы в 1796 году с 74-пушечным кораблем «Сысоем Великим» завозами тянулись с рейда да свалились с кораблем «Болеславом», и у него фор-брам-стеньги как не бывало! Зато у нас был капитан Потап Петрович!..[17] Нынешнее поколение моряков едва ли составит идею о нем. Бывало, у Толбухина маяка снимаются с якоря, а в Кронштадте слышно. Любимая команда вахтенного, лихого лейтенанта, при навертывании шпиля[18] была: «Шуми, ребята, шуми!» — и, нечего сказать, шумели всем миром преусердно. Тогда только, как побывали в Англии, узнали истинную прелесть — сняться, и чтобы ни гу-гу!.. Изредка, нептуно-державный голос лейтенанта и дудочка боцмана, а при шпиле барабан и флейточка. Переняли тотчас, за этим у нас не станет. До Англии, чуть к концу сентябрь, и брам-стеньги в ростры, а бом-брамстенег и не знали; авралом становились на якорь, авралом поворачивали чрез фордевинд, даже с рифами возились по получасу, а потом стали спорить с англичанами, у кого «возьмут» скорее, и бирали в полторы минуты и менее. Редкий тогда офицер квадрант умел взять в руки, о секстантах чуть еще слышали; барометров в помине не было; зато вахтенные часто «придерживались к ветру» и нередко «заглядывали в нахтоуз»... для наблюдения за курсом, конечно. Что такое были штурманы, шкиперы, комиссары, констапели[19], об этом — палец на уста: к ним тогда прилагалась пословица: «Курица не птица». Матросы, не говоря о костюме, кто поразвалистее, да ноги колесом, тот и молодец; а солдаты морских батальонов под названием «гороховиков» только что толкались и мешали делу. Зато команда корабля бывала та же деревенька для капитана!..[20] Храни бог сказать это обо всех: были исключения, вспоминаем большинство, массу.

Капитаны тогда были лет уже далеко за сорок, румяные, с окладистым брюшком, потому что, изволите видеть, ранги различались позументом по камзолу, вместо того что ныне знак различия подвинут ближе к го-

* После смерти ничего или хорошо (*лат.*)[16].

МОРСКОЙ КАДЕТСКИЙ КОРПУС В КРОНШТАДТЕ

Литография Прохорова — Д. Барышева. *ИРЛИ*

лове. Бывало, с каким-то благоговением смотришь, как он изволит идти к шлюпке, подпираясь длинною тростию, какие ныне употребляются одними священниками. Тогда не соблюдалась строгая точность в униформе, всякий одевался по своей фантазии, или, как тогда говаривали, «по вольности дворянства». Можно было встретить капитана в белом мундире с цветным жилетом и в черном атласном коротком нижнем платье, на котором бросалась в глаза длинная часовая цепочка, золотая, украшенная эмалью с сердоликовыми или халцедоновыми печатками. Шелковые белые чулки и башмаки с большими серебряными пряжками или короткие козловые сапоги, непременно со скрипом для важности, алый, голубой или пестрый платок на шее и круглая шляпа — довершали костюм капитана. Шпагу с золотым темляком[21] или без темляка, если была золотая, с надписью «За храбрость» и белый плащ с золотыми кистями непременно уже нес вестовой из гребцов, идя сзади, шагах в пяти или десяти, судя по тому — сердитый ли командир или милостивец; чаще, помнится, ходили в десяти шагах. Капитана ожидал катер или «десятка» под зеленым суконным или бархатным зонтиком с золотою

бахромою и рисованным сверху его гербом. На круглых шляпах гребцов были большие бляхи тоже с собственным гербом капитана и с круглым, перетянутым чрез тулью султаном. Гребцы составляли как бы гвардию его и непременно должны были жить при доме, а квартирмейстер шлюпки был вроде метрдотеля, если не назначалось другого, постоянного из урядников или кутыр.

В это время флот между капитанами имел своего Трунсона и, может быть, не без Перигрин-Пихля[22]. Он ничего знать не хотел, что и как на сухом пути делается и называется, но во всем видел море и морское. У него коляска именовалась баркасом, линейка — катером, дрожки — шлюпкою, закрыть ставни на его языке выходило — «задраить порты», «заряди мушкатон» — значило: набей большую пеньковую трубку кнастером* и т[ому] п[одобное]. Играя в бостон, нередко с дамами, он все четыре «крали» называл по отчествам «услужливых» старушек в Кронштадте: Спиридоновна, Милентьевна и т[ак] д[алее]. За столом из серебряной круглой табакерки преважно брал щепотку и посыпал всякое кушанье — табаком, думаете? — нет, перцем! Словом, оригинал, и кто тогда не знал Степана Васильевича? Царство ему небесное! Давно покоен, а преудивительный был капитан![23] Пунши его имели десятка полтора названий, а кто «медведя», бывало, откушает, то вряд ли домой доплетется. Весело зато время проводили!.. О, если б все порассказать!.. Но перейдем скорее к кораблям.

Стопушечные корабли были-таки на что-нибудь похожи, имели довольно прямые батареи и «сидели» ровно, казисто на воде. Особенно красив был корабль «Ростислав», двухкаютный, Катасанова**[24] постройки; другой «Двенадцать апостолов» славился медною артиллериею, что при тогдашнем дурном литье чугунных пушек увеличивало его силу. Напротив, корабли второго ранга имели седлистый вид: корма и нос были вздернуты, а середина низкая. Шканцы и бак целою ступенью были выше узких шкафутов, и когда поднимались на ростры гребные суда, выходило нечто похожее на дромадера[25]. Случалось видеть корабли при седлистой этой фигуре, с

---

* Сорт табака.

** Катасанов при государе Павле Петровиче был обер-сарваером флота и построил «Благодать» и «Михаила». (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

переломом батареи, оконечностями вниз. Великой стоило заботы в Англии выпрямлять их наружность краскою и бортовыми сетками. До того красились в одну полосу, тоже с погибью, грубо-желтою охрою, оставляя порты красными, а на шканцах зеленою или голубою краскою, но резьба гакаборта часто, ни дать ни взять, походила на новгородские расписные ставни, каких уж тут красок не было: белая, красная, синяя, голубая и, наконец, золотисто-желтая, рапиментом называемая, все скрашивала; но — «de gustibus non est disputantum»* — давно говорят. Таким образом, мы на настоящем «Эмгейтене» явились было пощеголять подобною кормою в Портсмут, но как нас осмеяли наши же, то мы в одну ночь грехи закрасили одною бледно-палевою краскою.

В вооружении за красотою и чистотою не слишком гонялись, многое часто бывало даже не в пропорцию. Станут ли подымать баркас, и сей-тали так завизжат, что можно подумать — живую свинью палят. Случалось то же и с марса-фалами. Марсели крепили «по-марсельному» с рубашкою, опущенною на марс; гафелей и гиков не знали, их заменяли бизань-ру и драйвер-рей, боканцев для яликов не было, флаг и гюйс подымались на флагштоках.

Корабли не обшивались медью, об ней еще не знали[26]. В 1787 году, когда капитан Муловский готовился в первую кругосветную экспедицию россиян, которой помешала Шведская война[27], приготовленные для него суда обшиты были медными гвоздями с широкими шляпками. Муловский пал в следующей битве, а славу, которую готовил ему покровитель его граф Чернышев[28], оставил в наследство знаменитому теперь Крузенштерну. Так справедливо: «l'homme propose et Dieu dispose!»** Когда в 1795 году, по оборонительному трактату, заключенному с Англиею в феврале месяце, наша эскадра ушла в Немецкое море, то вскоре корабли обросли бородою и насилу двигались, сравнительно с английскими. Это заставило некоторые обшить, и когда вводили их в доки, находили всю подводную часть в тинистой коре на четверть толщиною, с ракушками, морскою капустою и нетерпимою вонью, а фальшивую обшивку всю источенную червями. Англичане пожимали только

* О вкусах не спорят (*лат.*).
** Человек предполагает, а бог располагает (*фр.*).

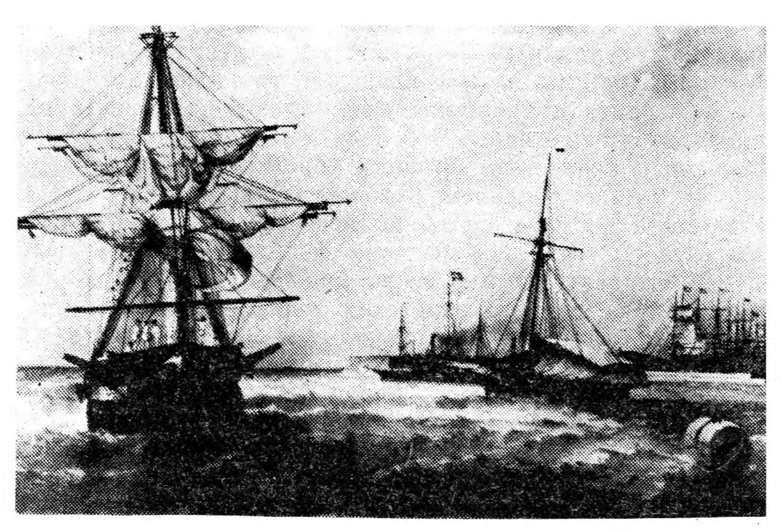
плечами и повторяли сквозь зубы свой любимый «god damn!»* Зато мы видели зрелище, какое нынешним счастливым морякам едва ли удастся видеть. Бывало, весь флот идет полным бакштагом, неся все возможные паруса, а обшитые медью корабли имеют одни марсели на эзельгофте. Таких было немного; корабли: «Елена» — бывший некоторое время под вице-адмиральским флагом Ханыкова; «Елисавета», на котором «сидел» вице-адмирал Макаров; «Ратвизан», которым начальствовал П. В. Чичагов и потом А. С. Грейг; фрегат «Венус», взятый у шведов храбрым Кроуном, катера — «Диспач» (Dispatch), купленный у англичан, и «Меркурий», пред которым «испуганная» «Венус» спустила флаг свой[29].

Перейдем собственно ко времени Павла I. Этот государь, столь долговременно готовившийся к своему царствованию и до того бывший бездейственным наблюдателем, взошел на престол, ему с осьми лет принадлежавший, с преобладающею идеею о необходимости истребить роскошь; положить конец злоупотреблениям вообще и вельмож — в особенности и водворить повсюду строгий порядок с экономиею[30]. Хотите ли с изумлением увериться в отвращении его от роскоши, взгляните в Оружейной палате на костюм его, в котором он короновался: увидите вещи, заготовленные комиссариатом для гвардейских солдат того времени. Вообще для приведения в действие этой преобладающей идеи взятые меры были скоры, решительны, сильны, потому что давно были обдуманы. Оне выразились и на флоте, на который государь обратил особенное внимание. Он был и остался его генерал-адмиралом. Издан был тотчас новый Морской устав[31]. Им переменены флаги синий и красный, вместо прежнего и нынешнего белого флага, в углу их помещен гюйс, как у англичан. Для сохранения кораблей повелено желтую краску заменить светлым тиром. Это придало кораблям необыкновенный для военных судов и какой-то мрачный вид, который в торжественные дни только и при парадах несколько разъяснялся от алых, суконных с белою бордюрою шканцклетней, каких ныне уже нет. Для экономии в порохе салют в царские дни отменен, и это много отняло у эффекта при «расцвещении» кораблей флагами. Перемена

---

* Проклятье (*англ.*).

мундиров из лебедино-белых в темно-зеленые, как ворона крыло, усиливала мрачное впечатление, особливо в первый год, но вскоре привыкли и нашли этот цвет и удобнейшим и приличнейшим. С другой стороны, на корабли стало доходить все положенное по штату с совершенною точностью. Команды обратились к настоящей службе только. Барщине положен решительный конец и навсегда[32]. Смеха достойная пестрота костюмов исчезла; ввелось точное соблюдение формы. Оригиналы вышли в отставку, и многие из молодых за отличие по службе и за привод рекрутских партий повышены чинами. От этого все чины, которые прежде какою-то жалости достойною гордостию в частном обращении были совершенно разобщены, вдруг сблизились, что, впрочем, нимало, не повредило дисциплине. Тут узнали и часто твердили: «Дружба дружбою, а служба службою». В 1797 году, когда государь, подняв штандарт на фрегат «Емануил», сам повел две дивизии белого и красного флагов в Сескару, по соединении с дивизиею синего флага, пришедшего из Ревеля, явилось 47 вымпелов. Корабли были хорошо снабжены и готовы к бою хоть сейчас. До того флот не бывал никогда в такой исправности и в таком полном строе[33]. В 1800 году явились три новых корабля и два фрегата, составившие Мальтийскую эскадру, и мы видели Мальтийский флаг развевающимся в Кронштадте[34]. «Благодать» со 138 жерлами была величайшим кораблем русского флота и вместе свидетельством неудобства подобного размера кораблей для нашего моря и портов. Впрочем, по краткости времени, не могло и произойти никакой важнейшей перемены ни в наружности кораблей, ни в сущности всего касающегося до благоустройства флота.— Как же прикажете нам восклицать: «Вот то-то был флот, вот то-то бывало у нас на флоте?..— Лучше молчать. По крайней мере, мы останемся вправе попросить юного моряка поправить ноты в своих «Вариациях» и писать впредь: «Я знаю, старость не всегда пристрастна к прошедшему и охотно готова признавать превосходство настоящего»... Между тем позвольте. Если дело пойдет на то, как и тогда проявлялась сила русского духа в моряках, мы немножко приосанимся. Вспомните, что этот несовершенный флот громил турок и заревом при Чесме осветил будущую свою славу[35]. Он дрался потом со шведами, в полтора раза сильнейшими, и остался победите-

РУССКИЙ ФЛОТ У КРОНШТАДТА

Неизвестный художник первой половины XIX в.
Государственный Эрмитаж

лем, а с какими средствами? С какими людьми?.. Многие корабли в 1790 году комплектованы были ночными бродягами, нахватанными полициею в Санкт-Петербурге, и даже крепостными арестантами из Рогервика,— такова была крайность того времени![36] Здесь кстати поместить анекдот, не многим ныне известный.

Когда шведский флот угрожал нападением столице, императрица сама изволила посетить Кронштадт и, заметя капитана над портом Одинцова, который был истинный тип старых моряков того времени, спросила: «А вы какого мнения о шведском флоте?» — «И! Матушка государыня! — отвечал простодушный моряк,— я думаю, напрасно изволите беспокоиться; шведский флот, ей-ей, двух грошей не стоит!» Монархиня улыбнулась и когда после троекратного сражения шведы были прогнаны, изволила прислать с нарочным Одинцову золотую табакерку, туго набитую червонцами, приказав сказать, что это «те гроши, которых шведский флот не стоил».

При государе Павле Петровиче, когда в 1800 году объявлена была война англичанам[37], надобно было видеть, с каким духом, с каким нетерпением все моря-

ки желали сразиться с гордыми «Джеками». Нас не страшило, что опытом знали их во всем превосходство. И, бог знает, что было бы, если б провидение не положило преждевременный конец жизни государя, ими оскорбленного. Славный и всеми любимый адмирал Александр Иванович Круз был еще жив[38]. В походе «нести все возможные паруса», при нападении на неприятеля «спуститься на пистолетный выстрел!» — были его обыкновенные сигналы. Историограф флота не ошибется, если припишет ему наименование «адмирала на пистолетный выстрел». С каким-то болезненным чувством смотрели мы все на последующие оборонительные меры, когда обнаружилось намерение не высылать флота из портов и выжидать нападения. Переговоры П. В. Чичагова с лордом Нельсоном отвратили и последнее. Заключен мир[39]. Военные не философы, не филантропы, и потому между моряками только и слышно было тогда: «Ах, канальство, не удалось!»

Хорошо кавалеристу гарцевать, когда конь во всех статьях лихой, мало горя моряку служить и отличаться, когда надежный корабль или фрегат летает как птица, как «Паллада», заглядение!.. с которой стороны ни посмотри, залюбуешься. А как в наше время бывало!.. Капитан прикажет поставить последний стаксель, посмотрит, посмотрит, топнет с досады ногою о шканцы.— «Экая корова!» — скажет, стиснув зубы, и уйдет в каюту. А прочность какая была! Чуть буря, полвахты у помпы; все скрипит, все расходится, кницы лопаются, болты высовываются из гнезд. С такими кораблями пять лет в военное время несли службу в Немецком море с англичанами. Бывало, весь корабль, чтобы, так сказать, не развалился, стянут найтовами и, отливая воду во все помпы беспрестанно, все-таки держатся в крейсерстве до срока, тянутся за англичанами. Когда после того чинились в доках, то их моряки не могли надивиться смелости русских, уверяя, что «за сто гиней» — вы знаете, это ne plus ultra* — английского соблазна — «не принудили бы их служить на таких кораблях». В 1798 году, в сентябре, из Ревеля послана была небольшая эскадра в Англию с контр-адмиралом Карцовым[40]. Едва вышла она из Категата, как ее застиг шторм, и адмиральский корабль «Принц Густав», из плененных

* До крайних пределов (*лат.*).

у шведов, до того раскачало, что он погряз в хляби Немецкого моря. По счастию, случился в виду корабль «Алексий», на который спаслись адмирал и вся команда, только в чем были, прочее все погибло. При всех этих неудобствах чуть корабль поисправнее, служили так, что англичане указывали пальцами[41]. У них в это время был строгий вице-адмирал Онсло, он, бывало, рассердясь на своих капитанов, говаривал им: «There is an young captain of the young fleet; let ye teach from him»*. Эти слова относились к капитану «Ратвизана» П. В. Чичагову. Если наши любезные юные моряки сообразят все это и сличат свои корабли, «скованные» по Сеппингсовой и Зютермееровой методам и вооруженные Пекансовыми бомбовыми пушками[42], с теми, какие «сплачивались» в наше время, по дедовскому обычаю, «тяп да ляп, клетка» и обставлялись пушками, какие бог послал, то отдадут и старикам должное. Русская пословица говорит: «Тут устой, где кисель густой!»

В настоящее время, когда в английском парламенте лорд Стюарт[43], надседаючись, кричит против России, взводя разные на нее небылицы и подстрекая к войне, очень естественно склоняется мысль всякого наблюдателя политического мира к возможности разрыва с англичанами. Досада берет, когда слышишь, как не знающие дела утверждают: «Куда нашим с ними тягаться!..» Нет, мы не так думаем. Шансы англичан далеко не равны теперь с нашими. Надо вспомнить, что у них при номинальной многочисленности кораблей в действительной службе не более, сколько нужно для их многих инстанций, и они теперь только хлопочут, чтобы укомплектовать флот до 35 тысяч. Если у нас рекруты на флоте, то и у них 20 лет не было выстрела. Возгорись война, они ненавистным, насильственным своим «прессом» нахватают людей «с бору и с сосенки», кого ни попало, недовольных, непривычных ни к пушкам, ни к ружьям, и притом треть команды их кораблей составляют морские солдаты, которые по собственному сознанию их капитанов,— послушайте Базиля Гала[44],— только что служат помехою на маневрах и оттого называются ими «empty bottles»**. Напротив, у нас экипажи кораблей составляют 45 тысяч самого дисциплинирован-

* Вот молодой капитан молодого флота, учитесь у него (*англ.*).
** Пустые бутылки (*англ.*).

ного войска, в полном цвете мужества, с равным искусством владеющих ружьем и веревками и, что того важнее, на корабле — «в одну душу!»[45] С такими людьми, если наши примут абордажную методу войны, англичанам вряд ли сдобровать. Когда бывали драки, драки кровопролитные в Шернесе и Чатаме[46], наши всегда их били, несмотря на превосходство числа. Положим, им и удастся «пощипать» нас, что за беда? Под Нарвою русские были наголову разбиты, и это повело их к Полтаве, где великий гений России утвердил за нею победу[47]. Нас разобьют — никто не удивится: этого, дескать, и ждать было надо. Всем «известно», что англичане «должны» побеждать на море, и Наполеон в этом был уверен!.. Но, боже сохрани, если удастся при первой встрече их поколотить, морская слава их навсегда погибла! — Тогда пришибленного «Леопарда» все примутся щипать; таков уж закон природы; рад будет, если одной шкурой поплатится. Заметим еще, мы во всяком случае будем при своих портах и с шестимесячною зимою в запасе для исправления, а им при наступлении осени и при всяком повреждении надо переплывать неугомонный Каттегат и Немецкое море или исправляться в нейтральных портах, платя за все втридорога. Словом, мать-Россия может быть крепко уверена, что моряки не ударят лицом в грязь. Наварин — живая порука, а смерть, вылетающая из английских пушек, ничем не страшнее зиявшей из пушек Ибрагима!..[48] Но порыв к Отечественной славе неприметно отклонил наши вариации от темы.

Угодно иметь ясное понятие о Кронштадте «нашего времени»? Слушайте. Мы зазнали его, когда закладывали гранитный Кроншлот и только что начали рыть «Итальянский пруд». Нашим вариациям на эту «вариацию-тему» не было бы конца, если бы стали переливаться из lamen-tabile в allegro, от largo пускаться в ad libitum, но мы постараемся разыграть staccato, или попросту «на щипок»[50].

Первый военный порт Российской империи в это время был в совершенном запущении. Что прочное осталось от гениального основателя с надписью: «Дело являет, каков был труд», то только и держалось. Пушки с раковинами на подгнивших станках составляли оборону бастионов и куртин, едва державшихся от дряхлости. А гарнизон? — соответствовал вполне укреплениям.

Нынешнее поколение не в состоянии представить себе настоящего о нем понятия. Гарнизонный солдат того времени в таком же расстоянии, если не далее, стоял ниже последнего нынешнего рядового инвалидной команды, в каком этот от гренадера лейб-гвардии; поверьте, без преувеличения. Что за костюм линяло-травяно-зеленый! Что за выправка!.. Что за амуниция!.. Ныне все это почли бы за самую едкую карикатуру на военное звание. Тогда в насмешку говорили, что, выводя гарнизон в парад, офицеры командовали: «Которые в лаптях, в переднюю, а в отопках (т. е. в отоптанных уже лаптях), в заднюю».— Все войски строились еще в две шеренги. Бедность была такова на всем, что даже копьеца у знамен были железные, как на простых пиках. И этого гарнизона в самое время войны со шведами было так мало, что кадеты Морского корпуса, который тогда помещался в здании, занимаемом нынешним штурманским полуэкипажем[51], выводимы были три раза на земляной вал с ружьями без курков для маскировки, чтоб издали могли быть приняты за войско!.. Качаете головою, сомневаетесь, не верите?.. Снимаем образ со стены! — Послушайте далее. У крепостных ворот, которые ведут на «косу», стоял часовой в будке,— это был род «избушки на курьих ножках» — как бы вы думали? — лет пятнадцать бессменно! Он молол и продавал табак «Амафорский».— Тогда во все караулы ходили понедельно. В субботу с вечера отдавалось от главного командира в приказе, кто куда назначался. От этого у моряков нашего времени осталась поговорка: «А Прохору Лежневу быть по-прежнему». Был, вот видите, когда-то мичман-шалун (потом, однако ж, контр-адмирал), которого в заключение каждого приказа оставляли таким образом на следующий караул. Можно легко вообразить, как соблюдалась служба при таком недельном «квартировании» на гауптвахте. Полиция была столь слаба, что не проходило ночи без грабежа и даже убийства; ходили на ходулях так называемые «смертовки» и железными когтями обдирали прохожих; около огненной, как тогда называли, машины проходу под вечер не было, и это почиталось как бы неотвратимым злом. Государь Павел Петрович всему положил конец; как рукой сняло: гарнизоны сравняли с лучшими армейскими полками; у полиции откуда взялась бдительность.

Внутренность порта и города была немощеная, и чуть дождь — грязь по колено. По отстройке екатерининских казарм, когда от них провели открытые каналы, подобные прежним Василеостровским, к морю для стока нечистот, то к «Задним Палам» без насморка нельзя было приближаться... Не договариваем. Кстати объясниться. «Задними Палами» это место звалось по аналогии, а не от впалости. В Военной и Средней гаванях в задние палы ставились суда, никуда уже не годные, предназначенные к сломке; и, следовательно, эта часть гаваней почиталась как бы «забросовою», такова точно была и та часть города. Ныне, видно, время отъело эпитет «задние», и потому юный моряк не доискался прямого происхождения этого слова. Дряхлое состояние гаваней и прегрязное города долго бы еще существовали, если б не особенный случай, по многим отношениям стоящий рассказа. Вот видите, как это случилось. В 1801 году весною, по вскрытии рейда юный государь Александр дважды посетил Кронштадт. Возвращенные тогда из плена англичане, вооружая свои суда в Купеческой гавани, куда император приставал, по собственному побуждению раскидывались по реям и вантам, бросали вверх шляпы и оглашали воздух громкими: «Hurra, hurra! Alexander for ever!»* О русских и говорить нечего: все слилось в один истинный восторг. В этом триумфе государь проходил от Купеческой гавани до Адмиралтейства, и по осмотре доков и беседки, где рельефный план Кронштадта, садясь в шлюпку у рундука Средней гавани, отплывал из Кронштадта, довольный всем, что видел и слышал. В это самое время контр-адмирал П. В. Чичагов возвратился с благоприятным окончанием порученных ему переговоров с Нельсоном, и ему высочайшим приказом повелено «состоять в свите государя». Слыша от окружавших монарха, как были в Кронштадте и как государь был всем доволен, Павел Васильевич с свойственною ему улыбкою сказал: «Попробовал бы государь заглянуть туда, где сто лет ни одного монарха нога не бывала, он увидел бы совсем другое». Это было пересказано государю, и при первой встрече с Павлом Васильевичем император ему объявил, что в следующий раз, как вздумает ехать в Кронштадт, возьмет его с собою и надеется увидеть все в настоя-

* Ура, ура! Александр навсегда (*англ.*).

щем виде. Так это и случилось. Павел Васильевич привез государя к средним воротам Военной гавани, где насилу дождались, чтобы отворили бон; кое-как взошли по гнилой лестнице на гавань, и когда император пошел по гнилому помосту, Павел Васильевич на каждом шагу предостерегал его: «Не оступитесь, государь!» Показав магазины Военной гавани, бывшие в самом жалком положении, он повел государя по Брам-линии, мимо губернских казарм, запачканных, с бумажками вместо стекол; тут встретилась толпа трёкающих[52] матросов с засученными брюками, по колено в грязи, они тащили деревянный брус. «Что это значит?» — спросил изумленный монарх. «Это люди в должности скотов,— отвечал Павел Васильевич.— Положено до ста лошадей при Адмиралтействе, а их нет третьей доли, и те обращены на собственное употребление». Можно представить, какое это произвело впечатление и на юного монарха и на окружающих. Отсюда прошли к екатерининским казармам чрез так называвшуюся Перемычку, и, наконец, даже — в «Задние Палы». Тут государь просто ужаснулся. Рассмотрев таким образом оборотную сторону медали, а не ту, которую обыкновенно «любят» показывать, император отъехал с неудовольствием, но с отличною благодарностию к контр-адмиралу Чичагову. На другой же или на третий день последовало высочайшее повеление о составе Комиссии исправления Кронштадтского порта. Этим смелым и правдивым поступком контр-адмирал Чичагов проложил себе путь к званию морского министра. Министерство его тем уже составляет незабвенную эпоху в истории Российского флота, что с него все военные суда, без изъятия, начали обшивать медью[53]. Предчувствуем любопытство: «Как мог Кронштадт статься в таком положении после царствования государя Павла Петровича?» Могли бы ответить удовлетворительно, но мы пишем не Memoires*, а «вариации», которые становятся, может быть, и без того утомительны. Показать ли еще нравственную сторону?.. Вызывать ли из гробов тени силачей, питухов, оригиналов, остряков и так называнных «раздрог» того времени, о которых певали: «Во-первых-то санях... такой-то; во-вторых-то санях... такой-то» и припевали хором: «Ой-ли!»?.. Нет, недостает смелости. Мир праху их: они жили в безмя-

* Мемуары *(фр.)*.

тежном духе своего «кронштадтского» времени; вот все, что о них сказать себе позволяем.

Юные, любезные моряки! Не осуждайте же нас, стариков. Мы не виноваты, что по закону природы родились прежде вас и не могли иметь того образования, которое вашею счастливою звездою вам досталось в удел. Не забудьте, мы вам братья единоутробные: мы из тех же сосцов сосали млеко познания, из которых и вы; ваше гуще, сытнее — перед вами! Но квас, вероятно, остается в одной доброте, и мы пили его из тех же серебряных стоп с позолотою внутри, в которых и вам подавали. Священные связи: они выше всякого родства! Нет, право, не кичитесь над нами, стариками[54].

Иркутск. 7-го октября 1836 В. Обвинской

ЧТО ПРЕЖДЕ БЫЛО И ЧТО ТЕПЕРЬ*

— Ну, Степан Петрович, как-то мы доедем до следующей станции. Говорят, все 35 верст — глубокие пески, а лошаденки-то не больно казисты. Хоть плачь, а шагом придется ехать! В полсутки не довезут...

— Эх, боже мой, подумаешь, как растянули станции; шутка ли, на 35 верст пустырем ехать; ну уж, благослови господи, сторонка! Подлинно, словно в нынешних романах: еле-еле до конца доплетешься...

— Но я не думал скучать в это путешествие; и чем предаваться обыкновенному состоянию дорожных и спать беспробудно, не лучше ли мне послушать ваших рассказов о прошлом, о былом; вам, старикам, это удовольствие, нам любопытно...

— Так, Александр Иванович, жизнь проходит в воспоминаниях и надеждах; надежда теперь у нас одна — как бы подобру-поздорову доехать до станции, а там что бог даст далее, а пока будем проводить время в воспоминаниях...

— Не поверите, как поучительно-любопытно все то, что до сих пор вы рассказывали; еще, я чай, сколько

---

* Вы так радушно приняли «Старину морскую и заморскую» родича моего Тридечного 1, напечатав ее в X части Маяка, что я решился попытаться и на свое счастье; посылаю по почте первую мою статью, когда напечатаете — пришлю и вторую. Тридечный 2. С.-Петербург, Мая 28[1]. *(Примеч. В. И. Штейнгейля.)*

занимательного есть в вашей жизни: будет что послушать.

— Конечно, и жизнь прожить — не поле перейти. Правда, как ни говори, а в наше время все как-то тише жили, чем вы ныне, молодежь... Отцы наши жили по-келейному, по-русски, искали веселия в добре, а не то, что ныне... Ты, брат, уже не пеняй: коли вызвал говорить, так я заговорю.

— И впрямь, вишь, вы нонче все стали парижане, а русского дичитесь, и философия у вас на то своя; бог вас знает, откуда вы ее понабрались? Не спорю, в наше время все было попросту, да и без науки; вы народ с учением, да все как-то, знаешь, что-то в вас неловко; посмотришь, так вы как *купец без бороды,* как *мещанин во дворянстве...* Да бог с вами, что вас трогать: авось не в добрый час попадетесь под руку, на язычок — не дам спуску никому, ни почему. Да, мой почтенный товарищ, говоря по-ученому, направление настоящего века можно назвать, par excellence*, меркантильным. В парижской палате пэров недавно на весь свет говорили, что их звезды и кресты — принадлежность костюма, не более; а великий грекоман Тегнер[2] в доказательство необходимости греческого языка для всех французских гимназистов громогласно сказал с публичной кафедры: «чтите короля: в нашей стране король есть *только олицетворенное* изображение *народного величия!»*

— И только? а не помазанник божий? а не лицо священное, принявшее в таинстве миропомазания от самого бога силу свыше править и блюсти детей своих — народ в правде, мудрости, с отчетом единому богу? если по собственному сознанию** самих французов, *народное величие Франции* — комедия в тысячи «действий»; если оно в подлиннике — комедия, то что же в «олицетворенном изображении»? Страшно и подумать! а там это публично проповедуют; там этому публично рукоплещут! куда ни поглядишь в Европе, блистательные потомки феодальных баронов преискусно поднимаются на аферы; а уж как умильно простирают руки к дивидендам и не стыдятся в сонме прежних «roturiers*** читать

* Преимущественно, по преимуществу *(фр.)*.
** См. Маяк, 4 XIII, гл. V, с. 23. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)
*** Разночинцы *(фр.)*.

отчеты о «барышах». Все это прекрасно; честный труд — святое дело! все это лучший плод просвещения, которого нам — откланявшимся миру сему — утешительно видеть такую прекрасную зарю и в нашем любезнейшем Отечестве; да лиха беда — труда-то просвещенники не жалуют: все как бы на шарамыжку, чужими руками, лежа на боку все прибирать к рукам, да на ветер и с рук спускать. Вот это уж так не совсем-то шло бы, знаете, к просвещению! Не удивительно, если ныне молодой человек вступает в свет, как американский пионер в дикую, непроницаемую чащу, где предстоит ему беспрестанно продираться, просекать путь, планировать, строить, уступать построенное и потом, с новою надеждою в сердце, с выточенным топором отважности в руках, пускаться еще далее, опять строить, может быть, опять уступать и всегда с уверенностию, или with calculation*, как говорят американцы, большей «выгоды». Что до влечения к прибытку и стяжанию, я такой веры, что, по крайней мере, большею частию — оно бывает врожденное и на Руси у нас — наносное: лих на беду мы переимчивы. Мы, воспитанные в общественных заведениях, знаем, что в ком уж есть, так еще в кадетах пробивается это свойство. Со мною товарищем был один замечательный человек; в нем в отроческих летах уже видно было, что он любит и способен приобресть[3]. Когда вышли мы в офицеры, нам досталось в Англию с самою трудною экспедициею, а он остался на берегу, и когда мы жалели о нем, он коварно улыбался, и что же? когда мы от трудной службы не рады сделались и Англии, он прибыл туда на транспортике под командою капитана из г...., которые в то время (можно сказать, ведь уж этому и похоронный юбилей порешили) славились смоглерством[4]. Мы возвратились ни с чем; а он кое-что привез и еще выгодно продал. В это время я имел счастие, для молодого человека особенное счастие, служить под командою благороднейшего капитана Ивана Александровича Игнатьева, убитого потом при Тенедосе[5], который этих смоглеров не называл иначе как «гельётчики, варвары!» В самом деле, что может быть презрительнее начальника — заедающего копейку у матроса или солдата. Когда мы были в Англии, в самом окончании прошлого столетия, то некоторые капитаны —

---

* С вычислением, с расчетом *(англ.)*.

заметьте, некоторые! — выводя (что у них тогда почиталося «безгрешным») в расход канаты, паруса, веревки и самую провизию, смоглировали этим. В Англии — ну, да там высокое просвещение — в контрабандистах никогда недостатка не бывало. Разумеется, капитаны делились с офицерами: следовательно, у офицеров пошевеливались гинеи в кармане, и все жили *весело*. На корабле, как теперь помню, «Ионе», был капитан,— смело можно сказать его имя,— Алексей Андреевич Сарычев, брат родной покойного гидрографа, человек прямо честный[6]. Однажды, как он ходил по правой стороне шканец, первый лейтенант, стоящий на вахте, заметя его в веселом расположении, подошел к нему и «подслащенным» тоном так начал речь свою: «Что это, Алексей Андреевич, все люди как люди, а мы одни, как «обсевки» в поле».— «Что такое, братец»,— спросил капитан. «Да как же, все «лишнее» спускают да веселятся, а у нас шиллинга в кармане не остается, ведь и нам бы можно кое-что «подспустить».— Капитан вдруг остановился и, обратясь к нему лицом к лицу, вот что отвечал, ударив руками, опущенными в широкие карманы сюртука английского покроя, по бедрам: ах-ма! (это была его присловица), знаешь ли, что я тебе скажу. Вот видишь, братец...»

— Погодите на минутку; он так сказал, что сразу и не напечатаешь, а сказал *сюблим* — великатно!* я «по приближению» доложу вашему обонянию. Давно известна присказка для глаз: капни на белое чернилами — все зачернишь! Давно известно подобное и для вкуса: бочка меду да ложка дегтю — все брось! Капитан изобрел этакое же, только для обоняния; в добром смысле можно бы так сказать: *«пальчик* обмакни лишь в аромат,— и *весь* будешь ароматный!» Ну это всякий испытал, собираясь на бал. Капитан слово в слово тоже сказал наоборот: *пальчик замарал* в ..., а *весь!..* и — пошел прочь.

Лейтенанта это так ударило по носу, что *вдругорядь* уже он не заговаривал об этом предмете. И подлинно! золотыми буквами надо бы выпечатать на всех шнуровых расходных книгах: *пальчик замарал...* Но я уклонился от предмета.

— Ничего, кто же начинает без предисловий.

* От французского sublime — величественно, возвышенно.

— Правда, Александр Иванович, да предисловия-то ваши пишутся в ограждение авторского самолюбия, а иногда — нечего греха таить — и для заманки читающих, а я высказал его от сердца, да еще недосказал...

«В природе такой закон, что совершеннейшая тварь господствует над прочими, и человек, если б шел по тому пути, какой ему предназначен был богом при создании его, то ему всякая тварь бы поклонялась, и он ни в огне бы не горел, ни в воде бы не тонул, а то мы видим, что и стихии и твари восстают на человека; как же он несовершенен! его разрушает капля яду! так и в нравственном отношении: он не знал бы отдела между радостию и горем, он знал бы только сладость жизни, а то мы еще у Иова читаем, что вся наша жизнь есть *испытание!..* и не утешительна повесть человека; это — стон болящего, скорбь сиротеющего, замирающий голос издыхающего под тяжестию жестокого рока. «Блажен муж иже претерпит искушение: зане искусен быв прииметь венец жизни, его же обеща бог любящим его»[7]. Так мне претерпевому столько, остается молить у господа венца. А мне недалеко: маяк уже виден; рейд прекрасный; глубина полторы сажени; грунт — ил с песком. И эта близость делает меня час от часу равнодушнее ко всему, что мелькает в пути... В здешнем мире sauve qui peut*...

Вот почему я рассказываю вам цветистые дни моей жизни, и не требуйте, чтоб я поведал вам мои горести.

Помнится, я остановился вчера на том, каким образом попал я на службу в Охотское море, что меня побудило рисковать в такую отдаленность. Но судьбе угодно было, чтоб я не долго там оставался; лучше сказать, она не попустила заглохнуть мне в тиши, а сколько раз уже напевал я себе со вздохом: «счастлив, счастлив тот, кто умирает, где родится».

Я терял всякую надежду вырваться из Охотска, готовился в четвертый год идти в Петропавловскую гавань: мне казалось, что я живой в гроб положен, и — *бочонок, выпрошенный у корабельного подмастерья, сделал то,* что я очутился в Иркутске[8]. Тяжко в молодости быть на чужбине, и приближение к своим, каково бы оно ни было, уже представляется раем: так я блаженствовал по переезде моем в Иркутск.

---

* Спасайся, кто может *(фр.)*.

Здесь встретился я с Резановым[9], он удивился, когда увидел меня в мичманских эполетах и так далеко от морей. Я отвечал ему, что, правда, нахожусь в совершенной тиши природы и жизни.

— Но послушайте,— заметил он,— вы здесь как рак на мели. И не грешно ли, с вашими способностями, с вашими качествами, о которых я столько наслышался хорошего,— пропадать в безвестности, в глуши[10]. Вы проехали 12 тысяч верст, так что вам сделать их со мною морем, тем более, что вы моряк. Не откажитесь, я еду в Петербург и выпрошу вас там с собою в экспедицию...

— Не знаю, чем заслужил я такое внимание; но, во всяком случае, предлагаемое с вашей стороны мне благодеяние выше всякой моей благодарности, я почту себя счастливым, если...

— Пожалуйста, без комплиментов; ваше слово — и по рукам; я надеюсь быть довольным своей находкой в таком офицере, а вы не думаю, чтоб когда-нибудь раскаялись, если согласитесь на мое предложение.

Через месяц Резанов был на дороге к Петербургу, неся с собою далеко мысли мои о моей будущности, о моем *карьере*[11].

Между тем как молодой человек и холостой, со скукою от свободного времени, я каждый день бывал в одном из домов, мною избранных, и без церемоний докучал хозяевам по целым дням, хотя по их же убедительнейшим просьбам: «поневолиться к ним хлеба — соли кушать». В то время, батюшка, взойдешь, так помолись в правый угол, поклонись хозяевам — и знатнейшие того края и времени девицы не отставали в этом: матушки им накрепко заповедовали держаться благочиния. «Милости просим, пожалуйте, садитесь»,— и хозяйка или хозяин выносили вам (утром, после чаю) водку — таков был обычай — после обеда — вина, а там подавали чай.

— Вы меня извините, у меня закон пить вино только за столом, а уж после того я не могу...

— Сделайте милость, поневольтесь, чем богаты, тем и рады...

— Ну, право, не могу!

— Аж хоть пригубьтесь!

— Делать нечего, отведаешь. В это время приговаривали: «Незнамо, каково-то будет...»

— Это-таки забавно, Степан Петрович: оно, впрочем,

похоже на угощение нынешних журналистов-романтистов; у нас что журнал, то роман; извольте, не читаете, так хоть пригубьтесь... *сладенького* подносят!

— Да, чудного много было. Правда, я выставил вам здесь более оригинальные, нежели общие черты. Еще знавал я там одного купца, с которым, бывало, заспоришь, а у него первое в ответ: «Нет, отец мой, *чуть не вспуть в остатках катавасий, а уж это-то я верно знаю»*. Он бывал в Москве, и я его спросил однажды, как показалась ему наша матушка. «Щепетка столица»,— отвечал он с решительностию верного оценщика. Когда кто чихал — он кланялся и говорил: «Салфет вашей милости!»[12], а если кто ему желал здравия по тому же случаю, то он обыкновенно отвечал: «Красота вашей чести». Когда принимался рассказывать что-нибудь, то, стараясь припомнить имя или название, часто повторял: «Тово вот, как оно».

За всем тем я не видел, как проходило время, изредка посещал я губернаторский дом; жена губернатора, милая женщина, мастерски распоряжалась хозяйством, умела ко всякому гостю примениться с свойственною ей любезностию; она не раз подшучивала над тем, что несдобровать мне в Иркутске: придется тут жениться; «на ловца и зверь бежит, а здесь в мундирчиках-то редкость, их так и ловят!» Надо заметить, что тут не было никакого для нее интереса, потому что у губернатора не было ни дочки, ни племянницы[13].

Но шутки долго оставались шутками, как однажды за столом объявлено было пред всеми самим губернатором, что я должен обратить на себя всеобщее внимание своим назначением ехать вокруг света[14].

— Как так, и скоро?

— Еще неизвестно.

— Но неужели вы оставите здешний край, не повидав его достопримечательностей; это значит быть в Риме да Папы не видать.

— Мне самому приходит это на мысль да как быть?

— Пожалуйте, отпроситесь в отпуск, поезжайте, и прежде всего на Кяхту — там-то и ягодки для вас зреют!.. Увидите, не расстанетесь!

Конечно, не намеки губернаторши, а побуждения любопытства, убеждения любознательности — видеть единственное почти место сношений русских с китайцами, на самой Кяхте ознакомиться с столь замечатель-

ным народом, и, наконец, по бесконечному ряду влечений в ту сторону — чрез неделю я был уже там[15].

Было 29 июня, день Петра и Павла. Валдайский мой умолк при громогласном воззвании соборного колокола к мирным жителям Кяхты. Прекрасный случай инкогнито осмотреть мир, в который так нечаянно перенесся, и, может быть, для своего *перерождения*. И где же лучше видеть можно сердце человеческое, как не пред престолом сердцеведца; душевное спокойствие, так резко обнаруживающееся на самом лице и в глазах человека, много высказывает в пользу. Предваренный о строгой жизни и набожности директора таможни[16], к которому адресован я был, я счел за лучшее отрекомендоваться ему своим благочестием,— мигом собрался и явился в церковь (как теперь помню, во имя св. Троицы).

Но то была молодость, хотя и тогда сознавал я, что гораздо почтеннее стоять с Ньютоном с непокровенною головою при имени божием, нежели кощунствовать с Волтерами, Дидротами, Пиго-Лебрёнами и всеми Еразмами Ротердамскими[17]. Стоя в храме, юность любит щеголять невниманием к богослужению и более способна *лорнетировать* по сторонам и тут же пересуживать. Заметьте здесь большую разницу между человеком рассудительным и человеком легкомысленным: первый в мечети, даже капище будет стоять бессоблазно, другой в христианской церкви будет вертеться как обезьяна. В самом деле, что такое обряды веры? Я так понимаю: посильный, сообразный с понятиями, с воспитанием народа, стало быть, не зависящий от лиц способ удовлетворить врожденной потребности души «чествовать неисповедимое существо» — причину всяческих. Если этот способ не отвечает нашим нравам и понятиям и кажется странным, всему виною то, что *они* не *мы, мы* не *они*. Следовательно, не смеяться, не пренебрегать должно, а только сожалеть, что не дошел до них тот свет, которым мы озарены; с сожалением в мысли и сердце никто нигде не сделает соблазна. К своим обрядам невнимательны те, которые не постигают их высокого символического значения; когда бы вникли в них, они изумились бы изобретательному, проникнутому благочестием уму святых отцов церкви нашей. В этом отношении почтенный А. Н. Муравьев сделал неоцененную услугу своими «Письмами о богослужении»[18].

Воспитанный в страхе божием, я только на минуту

мог забыться в суетности, но, представ в присутствие его, я забыл об уловленном мною случае, я стоял в благоговении — «упованием радующеся, скорби терпяще, в молитве пребывающе: требованием святых приобщающеся, страннолюбия держащеся»*.

Я содрогнулся, когда услышал слова Евангелия: «вскую вы мыслите лукавая в сердцах ваших»**. Обедня кончилась. Почтенных лет человек, гигантского роста, с проницательным взглядом, в котором я отгадывал лицо, меня столько интересовавшее, в руках которого были, так сказать, ключи к познанию того края. Я предварен был об имени и отчестве директора, и потому, когда предо мною подошел к нему чиновник и почтительно назвал его, я более не сомневался в своей догадке и представился ему.

— Вы приезжий из Иркутска, милости просим, батюшка, к нам, очень рады. Вы желаете видеть наш городок, нашу круговеньку; мне писали о вас, потому не удивляйтесь, что я угадал цель вашего приезда. Пожалуйте с нами.

В многочисленной свите я последовал за почтенным стариком. При входе в его дом я узнал, что в этот день ожидали дзаргучея*** (имени его не припомню)[19] — скоро из окон увидели мы поезд его. Впереди ехали несколько конных китайцев, предводимых русским пограничным начальником; за ними сам дзаргучей в сопровождении секретаря своего (башко) и маньчжурского толмача. Позади его носилки, подвешенные, так сказать, к едущим по сторонам их всадникам; на носилках надстройка вроде кибиточки с одним маленьким отверстием впереди, чтоб пролезть в нее,— в которой уж подлинно *ни стать, ни сесть;* поезд замыкался толпою приглашенных с ним гостей, китайцев и наших, и любопытных. Замечательно, что когда приглашали дзаргучея в гости, то обыкновенно соблюдали с церемониею посольство: с нашей границы, оканчивающейся *торговою слободою,* на китайскую, отстоявшие одна от другой на несколько сажень (не более 50). Дзаргучей, предшествуемый пограничным начальником, вошел в сопровождении

* Ап. Павла к Римл. Зач. 110, с. 12—14. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

** Матф., гл. IX, зач. 29, ст. 24. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

*** Дзаргучей — комендант китайской крепостцы. Этот был из Маймачена. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

своей свиты, с умильною улыбкою протянул руку хозяину, приговаривая ломаным русским языком: «Каков поживи, скоро к нам походи» (скоро ли к нам приедете). Гостя усадили на диван, по правую его руку сел башко, а между ними стал маньчжурский переводчик; хозяин занял место супротив дзаргучея, имея около себя русского переводчика. Начался между ними разговор со всеми китайскими вежливостями, трудно понятный для непривычного, тем более, что до смеху искаженно предаваем был он не очень грамотными переводчиками. Маньчжурский толмач, выслушав речь дзаргучея, обращался на китайском языке предварительно к башко, который, по-видимому, делал на нее свои замечания (отмены или прибавления), причем возникал между дзаргучеем и башко иногда спор; вообще церемония в разговоре до того утомительна, что трудно было за ним следить.

Я отвлекся, торопясь с расспросами туземцев о любопытнейших для меня сведениях о тамошнем крае, заметил только, что в разговоре не касались ни политики, ни торговли. Впрочем, изредка занимали меня остроумные изречения китайца; например, на замечание хозяина о неуспешных действиях одного известного им китайского купца он отвечал китайскою пословицею: «Худа езда худого ездока на худой лошади: сам мучится в поту, лошадь мучится в пене, оба ни с места».

Дзаргучей по виду был старичок, сухощавый, среднего роста, важный; вскоре заметил я странность хозяина, впрочем, общую старым людям того времени, что только этому дорогому гостю он делал исключительную честь — вводил его в будуары своей жены и дочерей; мне, молодому человеку, во весь день не довелось и глазом повести на хозяйских дочек. Сели обедать, и, к удивлению моему, за исключением хозяйки и нескольких пожилых дам — ни одной девицы; я начинал сомневаться, не в отсутствии ли барышни? Когда обратились к дзаргучею с церемонным вопросом, не время ли обедать, он отвечал после обычного отблагодарения за внимание: «Человек так рожден, что часов пять, шесть не поел, голоден; в год одежды не сделал, озяб; а когда голоден, а нечего есть, озяб, а нечего надеть, в таком случае мать родная сына удержать не может».

Во время стола, не помню к чему, он сказал две пословицы, я заметил их уже из повторений другими:

«Когда передняя телега повалилась, задней того же опасаться надобно», «Когда хочешь чем бросить в мышь, смотри, чтоб посуды не разбить».

После стола все пошли в сад; я остался с одним почтенным купцом в зале; долго говорили мы, как вдруг слышим чей-то приятный голос; не понимаю, отчего всякая рулада* падала мне глубоко на сердце — *то был голос без слов, который сильнее всяких слов* — как ныне выражаются ваши философы.

Купец, хорошо знакомый в доме, объяснил мне, что то был голос старшей дочери хозяина, красавицы, какой поискать на белом свете, и притом умницы, какой редко найти.

Здесь рассказ Степана Петровича был прерван прибытием нашим на станцию.

— Где мы?

— В Олонце, ваше благородие.

— Что, есть здесь трактир?

— Как не быть, ваша милость! против гостиного двора, за рекою.

— Идемте же туда, Степан Петрович! у корелов ничего не достанем, да и в избах у них так грязно.

— Идемте, идемте.

— Гей, трактирщик, что у тебя есть? Давай нам бифстексу!

При этом слове трактирщик вытаращил на нас глаза и пренаивно отвечал: «нынче-с де пост-с! если угодно будет, впрочем, мы вам зажарим копченой колбаски».

— На этом, брат, спасибо, нет ли чего другого, дай кофею, дай хлеба белого, сливок.

Чрез два часа мы собирались ехать далее; много шуму было из-за лошадей, которых по бедности своей корелы держат в поле на работах, и потому первая безбоязненная у них отговорка: «Нет лошадей, все в разгоне». Почтовой станции диктаторов[20] здесь не положено, а столкуйте с мужиком, да еще не с русским, который если не смекнет сам, так его при вас же товарищи всему научат по-корельски. Счастье, что этот народ-то добрый, нехитрый и имеет страх божий, чрезвычайно набожный и честный — и только ради бедности своей, чтоб задержать вас у себя в гостях, на прибыточных

---

* От франц. roulade, раскатистый, быстрый, виртуозный пассаж в пении.

для них харчах — прибегают к маленькому обману. Мы были снисходительны к их крайности: зашли к ним в избу и были угощены русскими песнями, собственно русскими потому, что по-русски пелись и по настроению еще, если угодно; но, впрочем, содержание их большею частию есть заметное искажение северных песен и что-то напоминающее импровизацию бардов — скальдов[21], тонкие намеки слушателям. Одну песню я особенно запомнил, потому что мне странным показалось, как она могла зайти сюда и привиться к понятиям корелов. Вот она от слова до слова:

Стлала, стлала красавица мягкую постелю,
Клала, клала красавица — крутое изголовье;
Ждала, ждала красавица полковничка в гости.
Знало ль, ведало ль сердечко, что полковничек-то помер.
Оставалась у полковничка вдова молодая,
Оставались малы деточки, горькие сиротки,
Оставался конь добрый со парадной сбруей.
Не гляди, душа молодец, на мое окошко;
Мимо моего окошка пролегла дорожка;
Что по этой по дорожке полковничка везут,
Везут, везут кони, а конь головку клонит,
Клонит конь головку ко сырой земли.

Это, конечно, не «мелодия сердца, не музыка души, непереводимая на человеческий язык, тем не менее это песнь, заключающая в себе повесть, но которой завязка не на земле и развязка не на небе»*[22]. Это воспоминание, аллегорически выраженное, где в полковничке заметно применение к нашему воинскому виду.

Наконец мы ехали далее или, лучше сказать, плыли по песчаному морю, которого беспрестанные валы вздымали нас; мы ехали с горки на горку, шаг за шагом... На вторичное приглашение мое Степан Петрович продолжал свой рассказ.

— Чистый голос человека — верный признак его здорового сложения; если в тело западет порча, то фибры не так звучны, словно в скрипке из гнилого дерева, нет уже того тона, какой должна иметь хорошая скрипка. Чистый, приятный голос, изливаясь в гармонии, настраивает чувства; так заманчивое журчание светлого ручейка привлекает усталого путника к отдохновению и располагает его к сладостным мечтам; какое блаженство для странника утолить из него жажду, он за последним глотком живительной влаги невольно думает:

---

* О[течественные] з[аписки]. № 3. 1841. Наука и Х[удожества]. С. 50. *(Примеч. В. И. Штейнгейля).*

«Как мила природа!..» звук, свет и электричество — явления ее, столь часто и сильно потрясающие человека во всем его организме, торжествуют в нем самом, как в *венце природы*. В самом деле — когда все внутренние потрясения струн сердечных, трепет радости, буря восторга, возвышенное парение всеобъемлющей молитвы, когда все эти чувствования дружным порывом расторгнут оковы языка словесного,— эту могилу для исступлений сердечных,— тогда они при звуках сладостной арфы возносятся под далекое небо, как будто в другую, неземную жизнь, и там, в красоте преображенной, подобясь ликам ангелов, ликуют о своем воскресении... Слово сотворило человека: «да будет» — и бысть; со словом рождаемся мы; словом сообщаемся; от слова все добро и зло, все наше счастье и горе. Короче, слово и звук — в природе человека, и когда он в гармонии, пока он не искусствен, он всегда изливается от души, он душе и говорит... Представьте же, какое произвело на меня действие уединенное излияние души прекрасного существа, хотя еще мне неизвестного, но душе моей уже с той минуты знакомого...

Заметно стал я задумчивее и невнимательнее к разговору словоохотливого купца; далеко мысли мои носились над идеалом, созданным звуками, поразившими мой слух — мое сердце!

Уже день сбирался к ночи, на дворе повеяло холодом; собеседник мой беспокоился от окошка; я протянулся, чтоб затворить его,— и увидел проходящих под окошком девиц... Купец *без фасона* показал мне пальцем на ту, которую мое сердце давно уже знало! *Побежденный* — я вскоре оставил хозяина.

Чрез два-три дня срок моего отпуска кончился. Возвратившись в Иркутск, я в мыслях кружился около одного предмета, и могло ли меня что сманить *тогда кружиться около света...*

Озадаченный таким стечением обстоятельств, я стал придумывать, как бы уклониться от предложения Резанова. Справедливо, что любовь без глупостей то же, что развод без музыки: я не позаботился о последствиях и приступил к делу, как будто по пословице: куй железо, пока горячо.

Но отказаться от спасительного предложения, выручавшего меня из глухого уголка, в который я попал, как тебе уже известно, в пылу самоотвержения для обо-

роны своего несчастного отца от гибельных преследований соискателей его *спокойного* места[23], значило обречь себя на безвидное поприще; а по мне лучше вовсе не служить, нежели осесть в тину. Но, опасаясь, чтоб в этом решительном моем намерении не остановили меня добрые мои командиры, я по дороге вместе с отставкой написал письмо к Резанову, в котором изъяснял ему, что по непредвиденным обстоятельствам не только нахожусь вынужденным отказаться от лестного его приглашения, но и должен оставить самую службу. Незабвенный благодетель мой Резанов со всем жаром нежного отца убеждал меня сколь возможно подумать о предпринимаемом намерении, разбирал причины, какие могли меня побудить на то, представлял на них важные, неисправимые для меня дурные последствия и, опровергая все мои доводы, присовокуплял между прочим: «В твоем положении не забывай пословицы: *семь раз смеряй прежде, а один раз отрежь»*. Получив такой ответ, я вынужден был на последнее средство к убеждению моего патрона действовать по моим видам: я писал ему, что я не сознаю себя способным служить на море, не могу себя заставить против воли бороться со стихиею, мне ненавистною. На последнее это письмо мое Резанов отвечал мне следующим: «Если б все те, которые чувствуют свои неспособности, а служат с отвращением или нерадиво, по разным частям государственного служения, охотно сознавались в этом и, удаляясь, предоставляли места свои другим способнейшим, служба государю менее терпела и Отечеству более было бы пользы. В одобрение ваше расскажу вам анекдот румянцевских времен[24], т. е. тех времен, когда нынешние дивизии были армиями, и когда вожди с малыми средствами делали великие дела и потому всматривались во всякого офицера и отлично ценили достоинства. Случилось при одном сражении, не помню каком, Задунайский послал лично капитана на батарею, жарко защищаемую турками, с приказом взять непременно. Капитан бросился с ротою — и взял. Фельдмаршал видел и град картечи, и холодное действие штыков. По окончании дела подозвал капитана к себе, похвалил его храбрость и предварительно поздравил георгиевским кавалером. «Нет, ваше сиятельство,— отвечал капитан,— я не стою награды; одной милости прошу, позвольте выйти в отставку. Я исполнил вашу волю, но чувствую,

что в другой раз умру от страха, во мне нет храбрости».— «Это сознание, батюшка,— сказал Задунайский герою,— есть такое мужество, которое выше всякой храбрости; вы будете кавалер, выйдете из военной службы и останетесь при мне». А вельможи того времени крепки были в слове. Дайте же мне, хотя заочно, обнять вас за мужество, с каким вы признались в своей неспособности к морю. Будьте уверены, я буду за вас ходатайствовать, но надеюсь, что если с божиею помощию одумаетесь, не сейчас, то хоть через год, и вздумаете опять на службу, то не почуждаетесь, опять найти во мне усердного вам помощника; и прочая...

— Кстати, Александр Иванович, сегодня, читая записки кн[язя] Ю. В. Долгорукова[25], нашел я замечание, в котором сказано «сей великий предводитель... к несчастию для подчиненных: все их удачи относил к себе, а неудачи падали на подчиненных» и прочая. Это мне напомнило рассказы моего отца, который служил в армии Румянцева, служил отлично, но, быв в корпусе графа Салтыкова, которого не любил Румянцев, остался обиженным, а это имело влияние на всю последующую жизнь его[26]. Можешь судить, как при этом воспоминании расшевелилось сердце. Как бы мне хотелось показать батюшке, что никакая истина не залежится под спудом. Едва минуло 44 года, как он сошел, говорю про Румянцева, со сцены света, увенчанный славою, и уже читаем, что он был себялюбив, пристрастен и несправедлив!

Таким-то образом, уволенный благодетелем моим от данного мною ему слова, с полною решимостью непременно покинуть флот и оставшись на месте, столь близком к предмету моего счастия, я озаботился мыслями, что в случае удачного достижения сердечной цели нельзя мне будет упускать и главной — цели жизни нашей, как и где быть полезнее для ближних; почему я не остановился на вопросе — служить или не служить? Может ли человек не служить? Помнится, Н. Муравьев сказал:

Служить отечеству — верховный душ обет,
Наш долг туда спешить, куда оно зовет[27].

И в самом деле: без службы человек — *зарытый талант;* можно ли с спокойной совестию жить в обществе, под благотворным правлением, и оставаться в бездейст-

вии; мы *друг друга тяготы носим,* и служба есть верный способ и благотворный — делать ближнему добро. Решено и подписано: служить только там, где больше деятельности; следовательно, надо переменить род службы, но где служить? — какой избрать род занятий? Известно, что: 1. На переходящего из другой службы всегда смотрят с неудовольствием, с недоверчивостью. 2. Благородному человеку служить должно везде с пользою для службы, иначе значило бы идти в «негодяи у места». 3. К служению, как и к занятиям, надо приготовительное некоторое знание, способности. «Не за свое не берись»,— говорит пословица... По соображениям всего этого я решился прежде взять чистую[28], жениться, а там что бог даст! Все это я думал и делал по предварительном сношении своем с кяхтинским директором таможни. Я написал решительное, почтительное и убедительное письмо к почтенному старику, объявляя ему свою страсть к его дочери и прося ее руки. Мне отвечали, что по такому важному делу необходимо лично объясниться.

Затруднение было немалое; но я победил его при помощи случая: недолго ждали меня в Кяхте, я как с неба туда упал — явился. Старик подался на мою сторону, но каково было мое удивление, когда он мне решительно объявил, что выдаст за меня свою дочь тогда лишь, когда я выйду в отставку. В намерениях своих я в половину как будто угадал его мысли.

— Где, батюшка, таскать за собой жену при ваших переходах да переездах. Ваше дело походное, а женское домашнее; так для обоюдного спокойствия надо каюту променять на кабинет. Через месяц дело было слажено, я с чистою любовью *в чистой был отставке.*

В назначенный день для обручения, утром рано, прибыл я к нему в дом, был введен в залу, где в углу на покрытом белою скатертью столе стоял образ Спасителя; пред ним теплилась лампада, священник со всем своим причтом находился в зале и ожидал хозяина; вскоре растворились двери настежь, и хозяин в сопровождении своих сыновей[29] и домашнего учителя вошел к нам, священник начал читать молитву, и, к удивлению моему, невеста моя не присутствовала; уже гораздо после узнал я, что она покоилась на пуховиках в премило беззаботном объятии сна; на замечание мое об ее отсутствии старик уверил меня, что это у них так

водится. Не стану описывать торжества моей свадьбы, накануне которой домашний учитель, взяв на себя на этот случай должность церемониймейстера, написал преважную программу о том, «кому и как в достопамятный день бракосочетания честнейшей дочери великого г-на нашего NN с достопочтенным кавалером Степаном Петровичем NN подобает себя вести и что делать, как в церкви, так и в домашнем обиходстве».

— Но постой, я пропустил важное обстоятельство, которое заслуживает того, чтоб о нем упомянуть и которое опять будет средством указать тебе на превосходство в нравах наших стариков перед вашими будущими стариками. Ты, я думаю, читал в «Маяке» повесть о том, *как иногда женятся*, прекрасную повесть, за всеми ее достоинствами уже и потому, что точно и верно характеризует нынешние свадьбы, и смело бы можно дать ей заглавие: *Как «ныне» женятся!*[30]

— Не читал ее? Так прочти, рекомендую; а пока я расскажу тебе вкратце, как я женился, то есть, собственно, разъясню тебе то обстоятельство, каким образом строгий старик мой, тесть, который сухо отказывал знатнейшим из толпы искателей к нему в сынки,— избрал меня своим зятем[31]. Да, он отказывал таким тузам, что где бы мне соваться после них; но предлог его отказа всегда изобличал в нем скромного гражданина и редкого, осмотрительного отца, который не увлекался ни знатностию, ни чинами, ни богатством будущих зятьков, а искал сердца и ума или уже ждал мановения божия. Он обыкновенно отвечал этим господам: «О, где нам быть зятем вашему превосходительству, вы так недоступны в наших мыслях, что мои дуры с ума сойдут, когда будет которая из них за вами».

— От окружавших старика, которые хорошо его знали, обо всем этом я был предупрежден, когда еще собирался свататься. Вот почему до отъезда моего из Иркутска на Кяхту я решился побывать у своего духовника, который был, как я узнал после, и другом и наставником в их доме. Притом напутственное благословение от добродетельного мужа в деле, столь важном в жизни, есть непременная потребность для души всякого доброго христианина. Было бы тяжело не иметь спасительного покровительства в моем намерении. Вхожу к духовнику: почтенный пастырь принял меня с распростертыми объятиями, как сына... Долго беседовал я с ним,

направляя разговор к задушевному моему делу, как вижу на столе образ прекрасной живописи; рассматривая его, я обернул другой стороною, чтоб видеть, на каком он дереве написан, и не вытерпел, спросил: «Что значит замысловатая надпись на обороте, из которой можно видеть, что образ посвящается какой-то благообразной и верующей Полине?..»

— Да, сын мой,— отвечал он мне,— это от меня директорской старшей дочке в благословение на счастие земли и на блаженство в небе за чистую и юную ее ревность в церкви божией и за любовь ее ко мне: эта кротость и добродетель в образе человека постоянно с рвением к благолепию нашего храма делает приношения из своих рукоделий... Вот полюбуйся, какой она мне вышила набедренник: знатно! Загляденьице! Но что ж ты потупил глазки-то и как будто меня не слушаешь?

Тут я не мог более скрываться и все рассказал почтенному отцу.

— Сын мой, ты удивил меня нечаянностию, но я признаю в этом волю божию, и верь, что не состояться бы твоему счастию, если бы не пришел ты ко мне сегодня. Пиши теперь к старику и смело предлагай; по одной почте, в один раз, он получит твое письмо и этот образ с напутственным от меня благословением решиться и делать так, как, видимо, теперь все бог для них то устрояет.

Как говорил он, так и сталось.

К благословению божию, которое старик мой с умилением и верою принял, он присовокупил свои молитвы, и нас — соединили.

— Вот *как прежде было* — и *что теперь*? Прочти-ка, говорю, повесть Кузмича — и сличай[32]. Спать пора — прости.

Тридечный 2.

БОРОДА

Обыкновение отращивать бороду и брить ее было весьма разнообразно между различными народами: египтяне представлялись имевшими обыкновение бриться; Геродот[1] говорит, что во время траура они отпускали себе бороду и волосы на голове. Ассирияне, персы, африканцы носили длинные бороды. Герои Греции изоб-

ражаются иногда безбородыми, иногда с короткими остриженными бородами. Памятники и писатели представляют нам примеры pro и contra* обыкновения бриться между македонянами в различные эпохи; между тем Плутарх[2] утвердительно говорит, что Александр[3] приказал своим воинам бриться из опасения, чтоб неприятель не мог их хватать за их бороды. Под правлением Юстиниана длинные бороды получили снова уважение между греками[4]. Длинная борода между ними и римлянами была также почитаема принадлежностию философов. Римляне долго носили длинную бороду и длинные волосы. Около 454 года от осн[ования] Р[има] явились первые бородобреи в Риме, и введено было обыкновение в этом городе бриться. Граждане, опечаленные или обвиненные в больших преступлениях, и молодые люди одни носили бороды. Борода, в которой видим Марка Антония на многих из его медалей, кажется, объясняет печаль, в которую повергло его поражение над его войсками[5]. Равным образом и медали Августа, выбитые с 711—718 года от осн[ования] Р[има], изображают лик сего императора с бородою для обозначения печали, в которую повергла его смерть Цезаря[6].

Юность императоров есть одна из причин, для которой голова их представляется с бородою, ибо обычай требовал, чтобы начинали бриться только в известные годы.

Таким образом, на первых своих медалях Нерон[7] изображен с маленькою бородою. Преемники его следовали обычаю брить бороды. Адриан[8] первый велел себя изобразить с длинною и густою бородою, по словам Спартиана[9], это для того, чтоб скрыть раны, какие он имел на лице, но кажется более вероятным, что это было в подражание обычаю философов.

Его примеру последовали его наследники, из которых некоторые думали казаться почтенными в глазах римлян, приняв одежду Адриана и Антонинов, к которым народ сохранил глубокое уважение и привязанность. Константин В[еликий][10] снова ввел в обычай брить бороду. Император Юлиан II принял под свой покров философов и отпустил себе бороду[11]. С Иова все императоры представляются без бороды на медалях[12].

Фока[13] ввел снова обыкновение носить бороды, и с

* За и против (*лат.*)

него до разрушения империи императоры изображаемы были с бородами. Во времена Цезаря бретонцы брили подбородок и оставляли одни усы; спартанцы, напротив, не смели их носить. По Диодору Сицилийскому и Тациту,— германцы брили себе бороды[14].

Во Франции принцы линии Меровингов носили посредственно длинные бороды. Карломан[15] и его преемники брили себе подбородки, они на своих печатях не изображались иначе, как с короткою бородою и прямою на щеках и под губами. С Гуго Капета[16] короли третьей линии прежде до Филиппа-Августа[17] изображались на их печатях более или менее с бородами. Филипп I изображен с длинною бородой[18]. С Филиппа II[19] печати, статуи и портреты королей не представляют их с бородами. Под правлением Филиппа Валуа возобновились моды на длинные бороды, которые были в полной силе под правлением Франциска I и начали истребляться нечувствительным образом ко времени Людовика XIV[20].

Из сих подробностей видно, что знать историю бороды необходимо для суждения о давности памятников, особ, которых они изображают, и о времени, в которое они были сделаны. Борода имеет также свой идеал (значение) и служит для охарактеризования богов и героев. Особенно отличают волнистую бороду Юпитера Олимпийского, весьма длинную и светлую Юпитера Сераписа, наиболее гладкую Нептунову и морских богов, Диомедову, Аяксову, Геркулесову, короткую и остриженную[21]. Некоторые божества имеют бороду на памятниках древнего стиля, таким образом замечателен Меркурий, которого борода иногда представляется в виде клина, почему его и называют Сфенопогон[22].

Тридечный 2.

ЗАМЕЧАНИЯ СТАРОГО МОРЯКА

На днях я прочитал в № 2 «Морского сборника» [за] 1856 г. статью о покойном Петре Ивановиче и встретил некоторые неверности[1]. Решаюсь передать тебе мои замечания, с тем чтобы ты их передал достопочтенному П. Ф. на произволение[2].

Не тебе усомниться в чистоте моего глубокого уважения к памяти Петра Ивановича; но если бы кому по-

П. И. РИКОРД

Литография К. Поль

казалось, что замечаниями моими намеренно ослабляю выражения автора статьи, служащие к превознесению заслуг покойного, тому скажу только, что во время самого ужасного кризиса моей жизни рука Петра Ивановича не дрогнула написать ко мне официальную записку: «Любезный друг, не беспокойся о детях, я буду наблюдать их»[3].— К делу.

На стр. 220 относительно освобождения Головнина из японского плена[4] вот что говорит автор: «Здесь Рикорд выказал свою энергию, искусство привлечь к себе народ подозрительный, замкнутый в самом себе и предубежденный против России самовольными поступками Хвостова и Давыдова[5]. Можно сказать с уверенностию, что после сношений Рикорда с японцами нерасположе-

ние их к России не только исчезло, но даже изменилось почти в приязнь, ускорившую успех последующих сношений наших с этим народом».

Хвостов в свое время был один из отличнейших морских офицеров. В финляндскую кампанию в 1809 г. граф Буксгевден[6] вот что написал о нем в реляции: храбрости и неустрашимости лейтенанта Хвостова не только все армейские офицеры, смотревшие с берегу, удивлялись, но сам лейтенант Мякинин, о беспримерной храбрости которого я имел счастие донести в[ашему] и[мператорскому] в[еличеству] в последней реляции, торжественно отдавал ему пред собою справедливость. Взглянем теперь на «самоволье». Я эту историю знаю наизусть. Надеюсь, она и тебя поинтересует. Вот как дело было.

Бывший послом в Японии Николай Петрович Резанов, расставшись с фрегатом «Надежда» в Петропавловской гавани, отправился на компанейском судне «Мария» в Ситку. Во время этого плавания он уже приготовлял пылкую голову Хвостова к замышляемой им экспедиции против Японии. В Ново-Архангельском порту он тотчас заложил тендер «Авось», на который назначил командиром Давыдова, неразлучного в самой смерти товарища Хвостова[7]. В 1806 г. он возвестил им формально о предстоящей экспедиции, долженствующей ознаменоваться славою России. За фразами у Николая Петровича дело не стояло. Хвостову он дал шлюп «Диана»[8] и, поместясь на него сам, отплыл в Охотск в сопровождении тендера «Авось». Пройдя Курильские острова, сигналом потребовали Давыдова, и тут дана ему была копия с инструкции, написанной Хвостову, и последовала разлука двух судов, с тем чтобы «Авось» шел прямо к губе Айниве и крейсеровал бы около ее в ожидании Хвостова, который должен был высадить Резанова в Охотске.

Исполнив это, Хвостов готов уже был отплыть для открытия неприятельских действий против японцев в Айниве, как Резанов потребовал у него инструкцию, чтоб сделать в ней дополнения, обещаясь возвратить ее на другой же день. Можно себе представить досаду пылкого Хвостова, когда, получа обратно инструкцию, он прочел в приписке — *совет* отправиться лучше в Петропавловскую гавань и там перезимовать, потому что «время уже позднее и, как известно, фок-мачта ненадежна».

При первой возможности Хвостов бросился на берег объясняться; а Резанова и след простыл — он уехал в Якутск! «Как ему судить о безнадежности мачты,— говорил Хвостов,— я докажу, что и без мачты бы умел все выполнить. И как же мне идти в Камчатку, когда «Авось» у японских берегов ждет меня!» Это рассуждение побудило его не послушать *совета* и выполнить инструкцию. По возвращении в Охотск начальник тогдашнего порта Бухарин арестовал Хвостова и Давыдова; но они убежали из-под ареста в Якутск и адресовались под защиту генерал-губернатора, тогда уже Пестеля. Им дозволено было ехать в С.-Петербург. Если б можно было обвинить Хвостова, он был бы обвинен непременно. Министр П. В. Чичагов не терпел его за выходку на корабле «Ретвизан» при обратном плавании из Англии в 1800 году. Добавлю одно: если и можно в поступке Хвостова найти нечто самовольное, то Давыдов, как подчиненный ему, никак не мог разделять этого обвинения.

На стр. 221 начинается упоминание о друге Петра Ивановича — Григории Яковлевиче, и везде он называется «Коростовцев», тогда как он был и писался всегда «Коростовец». На стр. 274 это подтверждается его письмом. На стр. 228 в числе преподававшихся в Морском корпусе предметов поименованы: «риторика, философия (нравственная), генеалогия и право». Ни об одной такой диковинке ни один из нас не слыхивал.

На стр. 230 сказано: «Летом гардемарины и старшие кадеты ходили в море, а остальные выводились в лагерь к Петербургским воротам» и проч.

Если кто-либо из кадетов был послан в море, то это был случай исключительный. Я не припомню ни одного. Лагерь разбивался между артиллерийским двором и немецким кладбищем, фронтом к первому, стало, не у ворот, тем менее — у Петербургских[9].

На той же стр. «обязанность инспектора корпуса... занимали последовательно Никитин, Суворов и Курганов». Если занимали, то, наверно, в превратном порядке[10]. В. Н. Никитин был последним инспектором при переводе корпуса в С.-Петербург. Все три лица мне известны. Живо представляю в памяти, как в мраморной зале корпуса Суворов при торжественном собрании в 1793 году говорил предлинное слово на заключение мира с турками. А на Курганова как теперь гляжу и вижу

его не в «казакине»[11], а в сюртуке с накинутым синим плащом — в царствование императрицы все носили белые плащи, обшитые узеньким золотым позументом.

На стр. 235: «Эскадра эта (вице-адмирала Ханыкова) не была употреблена в дело и простояла за границею слишком 4 года».— Не знаю, можно ли это сказать об эскадре, которая в самую позднюю осень беспрестанно держалась в море, даже снайтовливая* утлые корабли свои.

На стр. 236: «в трагедии «Юлий Цезарь», переведенной на русский язык бывшим на флоте волонтером Протасовым, Рикорд играл роль Долабеллы, а И. П. Бунин — Кассия. Забывая роль, они импровизировали с важным видом слова русских песен». Этот анекдот более относится к Ивану Петровичу[12]. Скорее, можно полагать, что не от забывчивости, а от желания поставить зрителей-товарищей в мучительное положение между порывом к смеху и необходимостью соблюсти благопристойность он выкинул эту штуку и начал декламировать: «Ах, по мосту, мосту, по калиновому!» и проч., и какая же тут импровизация.

На стр. 237: «в 1798 году с июня по август находился на Кронштадтской брантвахте, а с августа по август же 1800 г. снова плавал в Англию, сперва на фрегате «Война» (капитан-лейтенант Муханов), а потом на корабле «Св. Петр» под командою капитана I ранга Галла[13]. Корабль этот при переходе в Англию стал на мель на Догер-банке» и проч. Тут что-нибудь да не так. Фрегата «Война» вовсе не бывало, был «Воин», сколько мне памятно; корабль «Св. Петр» был архангельской постройки и принадлежал к числу судов, составлявших эскадру вице-адмирала Баратынского. Мне очень простительно забыть лоцию Немецкого моря, но, сколько помню, «Догер-банка» потому только «банка», что отличается удобомерною глубиною от окрестного моря, но чтобы на ней можно было приткнуться к мели, не слыхивал[14].

Окончу эти замечания дополнением, что все сказанное мною относительно экспедиции против «Айнивы» может подтвердиться «Синею» книгою Резанова, которая должна храниться в главном правлении Российско-Американской компании; такие вещи грешно затеривать[15].

---

[7] То есть, связывая, счаливая (*морск.*)

Уж разговорился, так скажу еще несколько слов о статье под рубрикою «Иван Федорович на Баке»[16].

Вот что сказано на стр. 309: «блаженной памяти государь император Павел Петрович изволили осчастливить флот принятием оного в кампанию 1798 года под непосредственное высокое свое начальство. В знак личного на флоте присутствия его величества на фрегате «Емануил» был поднят штандарт».

Далее — «пред полуднем государь император обыкновенно выходил наверх, прохаживался по юту (фрегат был с ютом), любовался на офицеров» и проч.

С того начать, что это событие, столько же лестное, сколько незабвенное для флота, было не в 1798 году, а в 1797. В первый год по восшествии на престол государь, бывший так долго генерал-адмиралом, любил флот и не желал откладывать удовольствия видеть его в полном составе по уставу, давно обдуманному и вновь изданному. После коронации в Москве, 5 апреля, в самый день Пасхи, государь изволил только побывать в Казани и был уже в Петербурге, когда флот вышел на рейд. В Кронштадте были две дивизии: белого флага — адмирал Петр Иванович Пущин[17]; красного флага — адмирал Александр Иванович Круз[18], про которого матросы певали:

Адмирал-то наш Круз,
Он и воин и не трус!

и государь его отлично жаловал.

Флот был построен фертоинг[19], вдоль рейда от самой военной гавани к Толбухину маяку. Фрегат «Емануил» стоял первым против ворот. Мудрено теперь опровергать рассказы, но я убежден, что этот фрегат был без юта с длинными чистыми шканцами; наш корабль «Принц Густав», плененный у шведов*[20], стоял первым от «Емануила», который, снявшись с якоря, пошел вдоль всей линии кораблей. Люди стояли по вантам, потому что марсели были отданы, фронт по шкафуту. Как теперь смотрю: государь изволил стоять на пушке, второй от шкафута, и на шестикратное «виват» и бой барабана приветствовал поклоном, сняв шляпу. Самые слова рассказа: «обыкновенно выходил наверх» несколько противоречат юту. Выражение «обыкновенно выходил» дает

---

* Капитан Н[иколай] Ив[анович] Барш. *(Примеч. В. И. Штейнгейля.)*

понятие о продолжительности кампании, но она вся длилась не более как пять дней. Чисел не помню. По поднятии штандарта на другой день снялись с якоря, прошли за Красную горку и тут встретили дивизию синего флага. Адмирал Алексей Васильевич Мусин-Пушкин[21]. Дивизия проманеврировала. К ночи NW скрепчал; на другой день возвратились на рейд, оставя синюю дивизию идти в Ревель. В следующий день государь изволил раздать награды адмиралам и капитанам за доставленное ему удовольствие и на третий день изволил отбыть. Раздача наград ознаменовалась замечательным происшествием.

Павел Васильевич Чичагов, столь впоследствии знаменитый, командовал в это время кораблем «Ретвизан». Ему назначена была шпага с орденом 3-й ст[епени] св. Анны. Он, имея, уже золотую шпагу, которую тогда носили без темляка, воспротивился ее принять. Адмирал П. И. Пущин никак не брался доложить об этом государю; Чичагов сдал команду старшему по себе, съехал на берег и отрапортовался больным. Адмирал сам с генерал-штаб-доктором, по повелению государя, его свидетельствовали, и, несмотря ни на какие убеждения, он стоял в том, что ослеп и ничего не видит. Последовал высочайший приказ: «Капитан бригадирского ранга Чичагов за болезнию отставляется от службы и *по молодости его лет* тем же чином». Это было началом преинтересной истории, которая случилась спустя полтора года потом[22].

Не касаясь некоторых, по-моему, несообразностей в рассказах о Мариентале, дополню недостающее, что слышал от г. Словковича[23], служившего с ним.

Иван Федорович был полковым командиром Вильманстрандского пехотного полка в Финляндии и в 1831 или 1832 г. произведен в генерал-майоры с назначением бригадным командиром в одну из дивизий, стоявших в остзейских провинциях. Он скончался в 1835 или 36 году на службе.

Ты не можешь себе представить, как я доволен, что могу читать «Морской сборник». Как давно, как давно, а все как бы родное!

Тридечный.

НЕСКОЛЬКО СЛОВЕЧЕК НА «НЕСКОЛЬКО СЛОВ МОИМ СОСЛУЖИВЦАМ»

В 1 номере «Морского сборника» нынешнего 1857 года в статье «Несколько слов моим сослуживцам»[1] сказано: «Мы говорили о том, как было бы полезно, если бы старший офицер принимал на себя служебное образование молодых людей, только что поступающих на службу, и руководил их своими советами в частной жизни». Предложение оканчивается верным очерком положения молодого человека, вступающего «с классной скамьи на жизненное и служебное поприще», и последовательным вопросом: «Какая могла бы ожидать участь юношу, если бы он встретил со стороны своего начальства теплое участие и проч.?» Этот во всех отношениях теплосердечный вопрос, сильно затрагивающий сочувствие, возбудил и во мне, стороннем, но усердном читателе вашего рельефно-благонамеренного журнала охоту рассказать, как сумею, следующий *подходящий* факт давно былого времени. Надеюсь, что факт этот прочтется снисходительно, а кто знает — может быть, и наведет чьи-либо мысли и сердце на подражание ему.

В девяностовых годах, если не ошибаюсь, именно в 1791 году вышел из Кронштадтского Морского кадетского шляхетского корпуса во флот мичманом *юноша*, как вы называете, и которого замечательный адмирал нашего флота Петр Иванович Ханыков[2] назвал бы, как называл и всех молодых офицеров, «душенькою», не от особенной какой нежности, а так себе, как и в сердцах иногда, желая застращать кого-нибудь, он говорил, прищелкивая по левому кулаку двумя перстами правой руки: «Душенька, душенька! Я тебя в Кроншлот посажу, *бострог*[3], душенька, надену». Он даже некоторое время имел право буквально это исполнить, но угрозы его всегда оставались только угрозами. Вот видите, воспоминание старины начало разогревать меня и сбило с пути. Обращаюсь к юноше. Юноша этот был Платон Львович Демидов*, фамилия, приятно отзывающаяся в ушах русских[4]. С прекрасною наружностию в нем соединялись отличные от природы способности, но шалов-

* В списке М[орского] к[адетского] к[орпуса] находим это имя вторым с конца из 75 человек в выпуске 1 мая 1791 года. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

ливые наклонности. Хотя он был Платон, но морская мудрость того времени состояла в изучении одних элементов к уразумению навигации и астрономии; в числе их при пятой книге «Евклидовых стихий»[5] приходили в тупик самые бойкие головы; «сопримерные» сбивали с толку, отталкивая назад. Одною памятью побеждалась трудность, следовательно, немудрено, что по значению Платон Демидов стоял невысоко. К его несчастию, именно оттого, что при переходе с классной скамейки в служебный мир, с разрешением volum arbitrum*, ничье участие не указало ему должного пути,— он попал в омут приятелей с дурными наклонностями. Внимательное и всегда дальновидное особенно в этом отношении начальство не замедлило заклеймить его названием «негодяй!» Куда, бывало, ни *напишут* (слово известное, техническое) на корабль, тотчас капитан хлопочет, как бы сбыть этого негодяя с рук. Оно, знаете, и легче. Таким образом, наконец, удалось отправить его к городу (Архангельску). В Архангельске строились тогда новые корабли, впоследствии составившие эскадру, отплывшую с вице-адмиралом Баратынским в Англию[6]. Известно, как на дальнем русском Севере горячо принимают добрых моряков. В Архангельске дамы высшего общества в них видят гостей любезных, горожанки встречают в них *«скажу божоных»* (местное название). Бедному Демидову ни у тех, ни у других не посчастливилось. Те, comme de raison**, гнушались его пороков, другие обегали его неположительности — добр, смирен, а ведь неровен час!.. Таким образом, он был настоящим *«обсевком в поле»*. Надо заметить, что любезность его характера в трезвом состоянии и особенно доброту сердца все товарищи знали, и всякий по-своему, все, менее или более, о нем сожалели. В числе таких соболезнователей был капитан морских тогдашних батальонов Николай Антонович Мацнев[7] — имена подобных людей должны везде выказываться во всей ясности. Мацнев был воспитанником «сухопутного» корпуса Ангальтова времени[8] и, следовательно, умом и сердцем — человек образованный в полном смысле. В батальоны он перешел для ближайшего сослужения с родственниками, также Мацневыми — Александром Ивановичем и Павлом Ивановичем

---

* Свободная воля (*лат.*).
** Как и следовало ожидать (*фр.*).

чем, которые были уже лейтенантами и ярко выставлялись благородными своими свойствами. Павел Иванович принадлежал притом к роду людей серьезно-шутливых и потому в товариществе особенно приятных. В 1796 году у нас на корабле «Изяслав» он был содержателем офицерского стола. Когда вытянулись на рейд, увидели над столом в кают-компании на бимсе печатными буквами ситцевую надпись: «Не для того надобно жить, чтоб есть, а для того есть только, чтоб жить». Но от этой сентенции нисколько не тощали желудки. Итак, Николай Антонович Мацнев один как добрый самарянин сжалился над бедным «впавшим в нравственные разбойники» и решился поднять его на распутии. Вместо гостиницы он ввел его в свою квартиру, приложил к ранам его, растравленным развратными развлечениями, бальзам тихого, скромного, разогретого теплотою дружбы убеждения, и, конечно, не без божией помощи исцелил его совершенно. Демидов стал светел как отполированный алмаз. Николай Антонович вместо джину, рому и араку познакомил его с литературой, даже с французскими авторами и, наконец, ввел его во все дома, где сам был с полным уважением принят, и представил его — этого заявленного негодяя, как друга, как брата, малейшее оскорбление которому принимал за оскорбление себе.

В это время главным командиром порта в Архангельске оставался еще Иван Яковлевич Барж[9]. Жил открыто, любил веселить и веселиться. Обеды, катания, балы, маскарады, домашние спектакли почти не прерывались. И вдруг отлученный прежде и совсем забытый Демидов становится всех этих увеселений *желанным* участником! Одним словом, «Львович» делается уже настоящим «львом». Неожиданное превращение возбудило сперва любопытство, которое вскоре превратилось в соревновательное желание видеть его у себя в доме, иметь партнером в танцах и на катаньях. Так прошло время до открытия кампании и до отплытия эскадры к английским берегам. С удалением ее, может быть, не один вздох летел вслед за любезным уже и умным моряком. Когда в 1800 году эскадра возвратилась из Англии в Кронштадт, никто из знавших прежде Демидова не хотел верить глазам своим, видя столь разительную метаморфозу. Вместо прежнего равнодушного к своему делу и к службе шалуна явился ревностный, искусный офи-

цер, настоящий моряк — охотник. Зимою видели его катающимся на буере, летом — разъезжающего по рейду на собственном таляписе, т[о] е[сть] на ботике с большою посадкою (с дифферентом) на корму. Ботик этот был роковым для Демидова. Пишущий эти строки, служа в 1801 году на одном из фрегатов, составлявших оборонительную линию для защиты северного фарватера от нападения англичан, которых тогда смело ожидали в гости[10], выпросил его у Платона Львовича покататься в довольно свежий ветер да чуть было не разбил его о сваи северо-восточного угла военной гавани. Жаль и теперь, что не удалось разбить!.. Быть может, не случилось бы катастрофы, о которой сейчас расскажу.

В следующем, 1802 году Демидов, как отличный уже офицер, назначен был на вновь строящийся в Петербурге корабль и летом часто катался по Неве. Однажды, когда в осенний уже день при ясной погоде дул порядочный марсельный вест, он захотел воспользоваться этим и полавировать на течении. Это же было такое время дня, когда он мог рассчитывать, что государь, прогуливаясь по Дворцовой набережной, может его заметить.

Подымаясь на фордевинд против течения вверх до Летнего сада, он приводил в бейдевинд и начинал свои галсы, румба на три, много с половиною, от ветра. И, подлинно, было чем полюбоваться, видя, как ботик летал почти против ветра, как быстро поворачивал, как смело нырял в волнах, которые при крепчающем ветре и противной быстрине делались все круче и раскатистее. Демидов не ошибся: поворотив против домика Петра Великого на правый галс к Эрмитажу, он вскоре разглядел, что государь уже на набережной с одним князем Волконским, тогда еще флигель-адъютантом[11]. Остановясь, государь любовался отважностью моряка и, когда тот уже приближался к берегу, изволил спросить: «А что, Волконский, достанет ли у тебя смелости прокатиться с этим моряком?»

— Почему же, государь, охотно готов, — ответил князь.

— Маши же ему, чтоб пристал,— промолвил император.

Петр Михайлович тотчас начал махать платком, на этот сигнал моряк отвечал фуражкой. По мере приближения ботика к пристани князь спускался вниз. Моряку хотелось, очень естественно, выказать свою ловкость:

приставая, но не задерживаясь, он начал поворачивать на другой галс и кричал князю, чтоб он соскочил к нему, когда ботик проскользнет бортом по краю пристани. Вышло напротив: князь был при шпаге и в ботфортах — тогда носили еще ботфорты — замялся и не успел соскочить в ботик, как того желал Демидов. Пока государь шутил над неловкостью князя, моряк, отдаляясь от пристани, левым галсом в полветра отплыл до средины реки и тут на самой быстрине стал спускаться на фордевинд, чтобы подойти к пристани в бакштаг правого галса и пристать уже настоящим образом. При этом маневре вдруг волна плеснула в низкую корму. Матрос, сидевший впереди, оторопел, нераздернутый кливершкот помешал быстроте переката, другая волна успела накрыть корму, и ботик стал тотчас погружаться. Государь первым заметил опасность, но помощь была уже позднею. Ботик мгновенно скрылся в волнах, матрос, однако ж, успел выплыть к Бирже.

Демидов умел тоже плавать, и хорошо плавать, но не показывался из воды, думали после, что он за что-нибудь зацепился ногою.

Несколько дней спустя тело его было найдено на Гутуевом острове. Так погиб этот достойный офицер, столь много обещавший, о котором все искренно сожалели! Можно смело сказать, что для него разврат был Харибдою, а Нева Сциллою[12]. Поверит ли юность, что первая пучина часто, очень часто бывает опаснее второй?»

Беру смелость вместо *эраты*[13] присовокупить два коротенькие замечания. В том же номере «Морского сборника» на стр. 32 Смеси* упоминается об адмирале фон Дезине Вилиме Фомиче[14]. Он был Вилим Петрович, а брат его назывался Мартыном Петровичем[15]. Эти два брата обращали на себя особое внимание тогдашней молодежи своею взаимною учтивостию. Судьба подыграла над ними: младший брат сделался старшим по службе. И вот они наперерыв старались выказывать взаимное свое уважение, младший к старшинству родственному, а старший к старшинству служебному; и потому в

* В статье «О разногласии в статьях, относящихся до военной морской истории» — М[орской] Сб[орник], № 1, 1857. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

торжественный праздник старались предупредить друг друга приездом с поздравлением. В этом случае у них была общая формула праздничного привета: «Ваше высокопревосходительство, вселюбезнейший братец Вилим Петрович, имею честь поздравить с праздником!» Другой ответствовал, встречая брата в дверях: «Ваше высокопревосходительство, вселюбезнейший братец Мартын Петрович, покорнейше благодарю, взаимно имею честь поздравить и крайне сожалею, что вы предупредили меня, я вот только что... Покорнейше прошу!»

То было время оригиналов.

В той же статье, на стр. 16 Смеси, в числе 4 кораблей, составлявших эскадру вице-адмирала Андерсона, упоминается «Кириан». Такого имени нет в святцах, и утвердительно смею сказать — не было и во флоте. Настоящее имя упоминаемого корабля было «Кир и Иоанн», данное в воспоминание восшествия Екатерины Великой на престол в 28-й день июня, в которое церковь празднует память этих святых чудотворцев и бессребреников. Матросы, всегда коверкающие имена кораблей, немножко для них незнакомые, на вопрос: «С которого корабля?» обыкновенно отвечали: «С «Кириана», вашбородие». Так, как, бывало, наш «Эмгейтен» звали «Лахметен». Тут упоминается самый тот «Кир и Иоанн», который в 1790 году возвестил адмиралу Чичагову на Ревельском рейде приближение неприятеля. Помнится, и в реляции чуть ли не назван он «Кирианом», но это описка писца и опечатка типографская. Надо же когда-нибудь им быть исправленным.

ЗАМЕТКА СТАРИКА

«Из напечатанного отчета Российско-Американской компании за 1859 год[1] видно следующее: «<...> в 1858 году кафедра камчатского архиерея была перенесена в Сибирь и вместо того восстановлено там (т. е. в Новоархангельске) викариатство, открытое еще в 1797 году по предположению (?) и на иждивение основателя компании, покойного Григория Ивановича Шелехова».

Авторитет этих строк, содержащий в себе исторический факт, дает им право продраться в листы истории,

а как при всяком подобном протеснении чаще всего прокрадывается и ложь под покрывалом истины, то на совести всякого поклонника правды лежит обязанность указать и остановить подобную инфракцию*.

На основании этой мысли я, знакомый, как, может быть, никто уже теперь, с обстоятельствами, сопровождавшими первое 20-летие Российско-Американской компании, почел обязанностью указать искажение истины в вышеприведенных словах.

Итак, смело утверждаю, что, во-первых, викарнатство в Новоархангельске в 1797 году не открывалось и не могло оно никак быть открыто; во-вторых, знаменитый покоритель Кадьяка Г. И. Шелехов основателем Российско-Американской компании не был и не мог быть[2]. Как же это так? — спросите вы; а вот как. Извините, расскажу, что и как припомню: у меня ровнешенько ничего нет под руками для справки; впрочем, известно, что старым старое хорошо помнится. Я все-таки думаю, что мой рассказ наведет кого-нибудь на эту преинтересную эпоху русско-сибирской жизни и заставит спасти ее от полного забвения.

Во время экспедиций Беринга, Чирикова и Шпанберга[3] промышленники русские на востоке Сибири строили себе в Охотске так называемые «шитики», не воображая, что строят карикатуры на мореходные суда, пока не принялись за галиоты. При мореплавании, истинно баснословном, когда, думая держать — термин технический — «прямо на Командорский», уходили чуть не к Сандвичам, это был уже гигантский шаг[4]. За всем тем смелые, предприимчивые «промышленные» на таких судах и с такими кормчими, говоря словами Ломоносова, более дерзостью, нежели счастием предводимы, вступали в обладание океана и ярых ветров[5]. Оставляя за собою туманное море Охотское, они пробирались по грядам островов Курильских и Алеутских и производили промыслы, в полном смысле с грехом пополам, и с каким грехом! Хозяева этих аргонавтов не все равно были счастливы, оттого нередко соединялись и назывались «компанейщиками». В десятилетие 80-х годов такими были Пановы, Лебедевы-Ласточкины, Портновы, Киселевы, Старцевы, Мыльниковы и другие купцы иркутские[6]. Но всех более посчастливилось курско-рыльским

* От франц. infraction — нарушение.

купцам Голикову[7] и Шелехову. Последний в 1783 году, если не ошибаюсь, открыл и покорил России остров Кадьяк, ознакомился даже с материком Америки[8]. Этим подвигом он стяжал именитость, знаменитость и дворянство, с такою притом особенностью, что золотая медаль на голубой ленте поднесена ему в полном присутствии Сената. В литературе, всегда доброй и готовой на похвалы по русской пословице «подымай выше!», провозгласили его русским Кортесом[9].

Основав на Кадьяке, в гавани Трех Святителей, приют, Шелехов, как человек дальновидный, проникал уже, куда это может повести, и потому озаботился утвердить за собою документально тот капитал, какой потратил на заведения в Кадьяке. Он убедил Голикова вступить с ним в товарищество. Акт этого соединения, по доверенности Голикова, совершен племянником последнего курским купцом Полевым Алексеем Евсевьевичем, отцом нашего писателя, историка, журналиста Николая Алексеевича Полевого[10]. С обоих сторон вещественный их капитал был выказан в высоких ценах. Насмешники,— где и когда их не было? — после рассказывали, что единственный жеребец, довезенный до Кадьяка, стоил в оценке 30 000 руб. В какой степени это верно, утверждать не берусь, но, дело известное, самые ложные глумления в этом роде бывают не без повода. Но как бы то ни было, а это товарищество было зародышем мысли об общем соединении или о компании. Новое обстоятельство заставило серьезнее взяться за эту мысль.

Успехи Шелехова вызвали экспедицию Биллингса[11]. Она названа «секретною»; почему? уж, право, объяснить не умею. Биллингс выписан был из Англии; посол наш в Лондоне, граф Семен Романович Воронцов, отец наместника кавказского, рекомендовал Биллингса потому, что он был на корабле капитана Кука в последнее, четвертое, предсмертное его плавание мичманом, мичманом не русским, а английским[12]. Между нами сказать, Семен Романович одарил наш флот многими личностями в этом роде. В Охотске для экспедиции были построены два корвета «Слава России» и «Доброе намерение». Последний разбился при самом выходе на рейд, первый совершил вояж к берегам Америки и к Чукотской земле, но после, брошенный без призрения, затонул в Петропавловской гавани. Самая экспедиция осталась бы для нас точно «секретной», если б не наш Гаврило

Андреевич Сарычев, этот честный, благонамеренный труженик[13]. Биллингс или, правдивее, секретарь его Соэр издал на английском языке описание проезда его по Чукотской земле и по северной части Сибири. Оно у нас как-то мелькнуло в переводе и исчезло[14]. Но я отступил от своего предмета, извините! Мне хотелось только сказать, что Шелехов от экспедиции добра себе ожидать не мог, особенно когда в это же время не стало и светлейшего Потемкина[15], его благодетеля. Между тем сюда примешались семейные обстоятельства Шелехова, и он до осуществления мысли о компании не дожил. Это дело было его наследников или, точнее сказать, его зятя, Николая Петровича Резанова. Только Резанов и мог это совершить, обладая даром слова, светскою ловкостью и связями в столице. Прискакав в Иркутск с доверенностями от всех наследников, он успел, как говорится, «уломать» противников мысли об общем соединении, коих, впрочем, было немного. Большая часть компанейщиков находилась совершенно в одинаких обстоятельствах. У всякого на островах был свой завезенный хлам, и все это поступило в основной капитал в значительной ценности. Соразмерно с капиталом каждого участника положили выдать акции в 3000 р. каждую. Главному управлению признали необходимым быть в Иркутске. Н. П. Резанов взялся ходатайствовать об утверждении и успел. Первоначальный акт Российско-Американской компании высочайше утвержден в 1799 году, на 20 лет[16].

Здесь кстати упомянуть, что это утверждение было предварено несколькими доносами на жестокости и злоупотребления, какие делались на островах компанейщиками. При посредстве гр[афа] Румянцева[17] Ник[олаю] Петр[овичу] Резанову дозволено было защищать против обвинений компанию в Михайловском замке в кабинете государя, невидимого, однако ж, но государь не выдержал своего инкогнито и вскрикнул: «Браво! Компания имеет превосходного адвоката!» Это слышано мною от самого Н. П. Резанова, для меня приснопамятного[18].

Поначалу дела компании пошли плохо, даже очень плохо, и она непременно распалась бы; но вступление на престол юного государя спасло ее. Тот же Резанов, пользуясь настоящею потребностью испросить подтверждение прав компании, исправил главнейшие недостатки первого акта: положено — главное правление перенесть

в С.-Петербург, ценность акций уменьшить до 500 р. и умножить их выпуск[19]. Государь все это утвердил, принял компанию под высочайшее покровительство, повелел взять на свое имя 20 акций и дозволил вместо мореходов-невежд брать морских офицеров из флота. Тогда вельможи последовали примеру монарха, и вскоре с разобранными прежде оказалось выданными более 7000 акций, так что тогдашний капитал компании составил более 2 300 000 руб. сер. Но обратимся к компании.

Дела оживились; в Сибирь отправлен был главным комиссионером компании умный А. Е. Полевой, а в Америку — смышленый и опытный Баранов[20]; первый поддержал компанию, введя выдачу паев деньгами по оценке, а не натурою, а второй стал твердою ногою на Ситхе. Наконец, Резанов, можно сказать, спас компанию уничтожением паев и назначением всем служащим и промышленным жалованья[21].

По выпуске новых акций, под шумок, так сказать, многие из прежних акционеров успели обратить свои акции в наличные деньги. Из немногих этих слов можно уже заметить, что вообще жизнь компании содержит немало замечательного и что нельзя не пожалеть, что это немалое проскользнет в забвение[22].

Вот еще что было сказано в печати: «По преданиям известно, что посланник Резанов учился японскому языку и составил словарь, но куда он девался, неизвестно». Вот, видите ли, время так быстро промчалось, что живо еще памятное для стариков унеслось уже в пределы преданий. На этот раз позволю себе заметить только то, что не один словарь Резанова, но и все его донесения правительству, разумею, министру коммерции гр[афу] Румянцеву и главному правлению компании, с которых собственноручные копии составили так названную им «Синюю книгу», интересны в высшей степени[23].

Теперь мне остается еще испытать ваше терпение рассказом о викариатстве. Рассказ будет короток. Покорив остров Кадьяк, Шелехов действительно представлял о необходимости обращения диких в христианство. По примеру тому, как некогда отправлена была миссия в Камчатку, послали на Кадьяк архимандрита Иоасафа — с тремя или четырьмя монахами, точно сказать не умею[24]. Они действительно перевезены были туда на судах Шелехова, но из всей миссии два только лица

соответствовали вполне цели назначения: отец Иувеналий Агаляхмутов, сделавшийся первым мучеником православия в Америке, и отец Герман, действовавший постоянно в истинно христианском духе и приобретший общую любовь и уважение аборигенов и русских[25]. Судьба архимандрита Иоасафа была блистательно жалкая. По ходатайству компании еще в 1799 году последовало соизволение государя на учреждение иркутского викариатства на острове Кадьяк. Для этого Иоасаф был вызван в Иркутск и в 1801 году хиротонисан* иркутским епископом Вениамином в епископа кадьякского, но, отправившись из Охотска того же года осенью на компанейском корабле «Феникс», он не достиг до места назначения[26]. Корабль погиб со всем экипажем, mit Mann und Maus**, как говорят немцы, у берегов Америки. Об этом узнали гораздо после по гакаборту (по кормовому украшению) корабля и по некоторым вещам, принадлежавшим к архиерейской ризнице, выкинутым в разных местах к северу от Ситхи. Этого, кажется, довольно для убеждения, что в 1797 году викариатство никак не могло быть открытым, тем менее, на иждивение Г. И. Шелехова и еще в Новоархангельске, который основан не прежде 1806 года при помощи «Невы», корабля, принадлежащего к первой русской кругосветной экспедиции Крузенштерна[27].

Тридечный.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКИХ ЗАСЕЛЕНИЙ ПО БЕРЕГАМ ВОСТОЧНОГО ОКЕАНА

Русская простонародная пословица говорит: «И на старуху бывает проруха». Вровень ей приищется другая: «И на стариков подчас находит дурь». Вот именно под такой час вздумалось мне сделать глупость — написать статью «Заметки старика», даже тиснуть ее («Св[ерная] пч[ела]», 1860 года, № 289); мало этого — похвастал в ней, что знаком с обстоятельствами, сопровож-

* От греч. cheirotonia (действие силой рук) — обряд возведения в священнический сан (дьякона, священника, епископа и др.) в христианстве.

** С людьми и мышами (от нем. выражения «mit Mann und Maus untergehen» — потонуть всем до одного).

давшими первое двадцатилетие Российско-Американской компании, как, может быть, никто уже теперь. А глупостей закон: сделал одну, готовься на другую. Так и со мной случилось. Прочитав в печати мою статью, один мой старый друг, многоуважаемый не одним мною, доставил мне брошюру «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана». Брошюра издана при «Морском сборнике», при таком журнале, которому должно по совести отдать справедливость как передовому, или, говоря языком моряков, как форзейлю* в мало еще изведанном у нас плавании по беспокойному морю гласности, держась в виду маяка благонамеренности и благополучия.

Нужно ли сказать, что я, как говорится, проглотил все содержание брошюры залпом. Прекрасно, но, признаюсь, приторна показалась примесь чего-то особенно острого и едкого против некоторых личностей, давно уже вступивших под защиту древнейшего прещения. «О мертвых или доброе, или ни слова».

Я сам стою уже при западне в вечность; совестно показалось сойти, не сказав ни слова в ограждение памяти «знаемых», когда есть что сказать. И вот с пером в руках и дерзаю! Побуждение чисто и благородно, как видите! Полемика — дело не стариковское; далек я от нее, да, признаться, и ожегся уже раз.

Года три тому назад вздумалось мне также сказать несколько слов в защиту друга юности моей умного и благородного Давыдова (Гавр[иила] Иван[овича] и самого Хвостова, которому, по убеждению его матери, друг мой стал товарищем и спутником в самой смерти. Когда мои слова явились в печати, то цитатой из отзыва о Хвостове вызвали возражение лица, более меня значительного; моя защита вышла в подновлении пятна[2]. Оно, знаете, грустно! Из тяжкого опыта жизни я вынес ту истину, что нет ничего легче, как зачернить человека, и едва ли что так трудно, как оправдать зачерненного. И вообще:

Почтовым голубем злоречье здесь летает;
И слава, чуть поднявшись, упадает![3]

Вглядитесь хорошенько в проявление частной, особенно служебной жизни — всегда заметите более склонных к обвинительным взглядам; очень редко встретится

* От нем. Vorsegel — передовой корабль флота, эскадры.

человек, неподатливый на дурную мысль о ближнем, способный остановиться на мысли: «да полно, правда ли?»

Чаще встречается человек с таким свойством, что с хорошего мнения на дурное его столь же легко перевесть, как минутную стрелку на часах; но легче привесть и уставить дикого быка под обух, нежели совратить иного с худого мнения не только на хорошее, но на сомнение только, чтоб он сказал сам себе: «и подлинно, не ошибался ли я?»

Представьте же, что если еще такой человек наедет с облечением во власть и на сторону далече?

С таким преднастроением ума и сердца я ни малейшей охоты не имею возражать на все фразы, в которых, поверьте, более временно вызванного обстоятельствами негодования, нежели истины.

Поэтому я, сколько возможно, скромненько проведу в параллель только все то, что по тем же предметам было мне известно и удержалось в старческой памяти; позвольте только снисходительно посветить диогеновским фонарем[4], затем потрудитесь сами присмотреть, «oú la verité se niche»*.

В материальной той брошюре при обвинительных указаниях везде слово «компания» заменяет «главное правление» или правящих ее делами, и грехи последних слагаются на общество.

Нет спору, акционеры участвуют и в грехах, но разве только молчанием и терпением.

Настоящие примеры при расплодившихся компаниях проявляют это лучше всякого объяснения.

Что такое компания в самом деле? Имя собирательное, означающее многих, сложивших свои капиталы и поклонившихся им в чаянии «авось господь даст прибылей». Направлять же дела к этой, столь заманчивой цели предоставляется всегда нескольким избранным лицам, кто посмышленее в деле, побогаче капиталом, позначительнее в обществе вообще, ergo**, поголосистее в своем. Последнее достоинство часто яляется не последним в избрании.

Акционеры являются уже на втором плане, хотя и обществом хозяев, но столько же разнородным, сколько рассеянным, в обоих смыслах слова. Правда, посещается

* Где скрывается истина (*фр.*).
** Следовательно (*лат.*).

общее собрание, но в него являются наличные или поблизости живущие члены, и притом у большей части из них «темна вода в облацех!»[5] Иной, пожалуй, заглянет и в книгу и увидит — ну уж, конечно, не то, чего бы ему хотелось. Читается, впрочем, и отчет, но уж у слушателей на уме: «Скоро ли речь пойдет о закуске?» Так уж искони велось, ведется и будет вестись, пока хорошо поесть будет непреодолимым соблазном для людей.

Избави бог осуждать подобные явления и обвинять деятелей, подлежащих отчетности. По совести и разумению моему, все шло тогда, идет теперь и будет идти, рождаясь последовательно из обстоятельств, нравов и развития понятий повременных, как бы ни величался прогресс.

Что касается разных озорничеств вдали, то загляните в историю других народов, даже наших просветителей, относительно завоеваний, покорений диких и колоний: где нет неправды, насилий и самых злодеяний всякого рода? Империи инков и Монтецумы пообразованнее были алеутов, а как там поступали?[6] Где для прикрытия своих грехов не прибегали к пропаганде, к озарению светом христианской веры? Но много ли Лас-Казасов и Ксавериев[7]? Стало, упреки в этом смысле у нас покаместь не более, как желания сказать: «Я понимаю, что это очень дурно!»

Жалобы, впрочем, на неистовое обращение промышленников с алеутами доходили до престола еще при Екатерине. Указ, данный Якобию, генерал-губернатору Иркутскому и Колыванскому, это свидетельствует[8]. Указ очищен себе предписаниями, которые не сопровождались, однако ж, исполнением существенным, и зло с различным изменением в степени сдавалось, как в больницах сдают неизлечимые болезни. При Павле I, открывшем каждому из подданных непосредственную возможность обращаться прямо к нему, жалобы не могли не доходить до него, но последствие чаще оставалось то же, да и период этот был непродолжителен.

В начале царствования Александра I компания, изменившись в составе, под эгидою громче выразившегося покровительства начала возвышать голос, как на это сильно указано и в «Материалах», потому не замедлила войти в столкновение с местными властями Камчатки и Охотска.

В 1802 г. в Камчатку вместо генерал-майора Сомова прибыл комендант Кошелев, отъявленный противник компании. Но в главном ее правлении первенствующим директором был Михаил Матвеевич Булдаков, зять именитого Шелехова, устюжанин, с характером потомка одного из пяти концов великого Новгорода; другие три зятя того же Шелехова остались главными акционерами, и все они были при местах и со связями в столице[9].

Противник их завлекся и в полном смысле *зарапортовался,* потому был в 1807 году сменен — именно за чудовищный рапорт генерал-губернатору и через два года, по выезде из Камчатки, в Якутске арестован и препровожден в С.-Петербургский ордонанс-гауз[10]. Эпизод очень интересный.

Между тем вот что случилось.

Если стариковская память не изменяет мне, то, кажется, с 1794 года адмиралтейство наше начало уже отправлять флотских офицеров волонтерами в английский флот[11]. Во время голландской экспедиции в 1799 г.— воля ваша, не могу удержаться, чтоб не припомнить этого факта — один из волонтеров, Куличкин, был на корабле «Квин Шарлотт», который, в виду нашем, под флагом вице-адмирала лорда Кейта отправился в Ливорно и вскоре там взлетел на воздух. Куличкин погиб на нем единственно потому, что, нося имя русского, не хотел воспользоваться дозволением съехать на берег при начале опасности. Это засвидетельствовано самими англичанами[12].

Другой такой волонтер, Ив[ан] Федор[ович] Крузенштерн, впоследствии столь знаменитый, возвратясь из Англии, представил морскому министру — тогда им был Ник[олай] Семенович Мордвинов — проект о первой русской кругосветной экспедиции с ученой целью. Проект был очень благосклонно принят и готов уже был осуществиться, как вдруг одно частное обстоятельство изменило все дело[13]. Но наперед позвольте не умолчать, что мысль о плавании кругом света была уже проведена в последние годы царствования императрицы Екатерины II. Тогдашний фактотум* по флоту граф Чернышев горячо взялся за совершение столь славного дела. Уже построен был нарочно корабль и, исключительно от про-

* От лат. factotum — доверенное лицо.

чих, обит медными гвоздями с широкими шляпками — листами обшивать еще не умели. Начальником экспедиции назначался капитан Муловский, сколько по отличному образованию, столько же и по особому расположению графа, которому он был не чужой. Внезапное объявление войны со стороны Швеции в 1787 году не дало этому намерению осуществиться[14].

При самом начале военных действий капитан Муловский, командовавший кораблем, ознаменовал себя отличною храбростью и, к сожалению всего флота, был убит. После такой катастрофы к самой идее о путешествии вокруг света уже не возвращались. Царствованию Александра I представлено было совершить это славное намерение. И тут, однако же, оно совершилось не так, как предполагал проект. Помешала уже не война, а смерть женщины.

Скончалась, изволите видеть, Анна Григорьевна Резанова, урожденная Шелехова, лучшая из всех сестер, и скончалась вовсе неожиданно после родов, по собственному ее признанию, необыкновенно легких. Это до того поразило супруга ее, что он пришелся в совершенное отчаяние. Родные стали опасаться за самый его рассудок и потому приняли полное участие в его положении. У них тотчас родилась мысль доставить ему рассеяние. Что же лучше путешествия вокруг света? Случай был готов, и приладиться к нему было нетрудно[15]. Вспомнили, что Лаксман*, отвозивший в 1787 году на Матцумай спасенных японцев, если только не ошибаюсь, вывез лист, дозволяющий приходить в Матцумай для торговли, припомнили, что и переводчик готов в Иркутске,— японец с прозванием Киселев, по крестному отцу[16]. Со всем этим обратились к графу Румянцеву, министру коммерции, экспедиция получила тройственный характер учено-дипломатическо-компанейской. Понадобились уже два корабля; у себя их не было под руками, да и к своей постройке не имели доверия, почему решились купить в Англии: покупку предоставили другому волонтеру — Лисянскому Юрию Федоровичу, который был уже избран для начальствования кораблем, долженствующим отправиться собственно от компании в ее колонии[17]. Этот корабль назвали «Нева». Предназначенный для учено-дипломатической экспедиции, наименован

* В тексте Лансман.

«Надежда» (Мат[ериалы] для ист[ории] рус[ских] засел[ений], стр. 94).

Можно себе представить, как это все действовало на прожектора экспедиции[18], и вот главная причина всего последующего разлада и многих неприятностей.

Резанов был обер-прокурор 1-го департамента правительствующего Сената. Его облекли в звание камергера двора е[го] и[мператорского] в[еличест]ва. В кавалеры посольства предоставлено было выбрать двух, военного и гражданского; первым вызвался из гвардии тот, на которого бессмертный наш Грибоедов намекнул, сказав, что «возвратился алеутом»; другого избрал посол из известных и преданных ему чиновников, и кто же бы этого не сделал?[19] Такое, однако ж, разнородное соединение отразилось впоследствии на посла многими сарказмами. Дополнить свиту предоставлялось в Камчатке.

Все, что требовалось для ученой цели, равно как и выбор разных специалистов, предоставлено было начальнику экспедиции, которому дана была особенная инструкция в его видах. (Мат[ериалы], стр. 94).

По дипломатической части сочинение инструкции предоставлено было самому послу, который, очень понятно, не упустил направление пути и назначение стоянок присвоить своему усмотрению. Это был другой повод к раздорам и неприятностям, в которые услуга ближних как бы насильно вринула доброго Резанова. Да и не часто ли подобные услуги родных честолюбцев проявляются в ущерб чести и самой жизни того, кому радеют?

Отправясь в 1803 г. с Кронштадтского рейда, экспедиция не успела дойти до Копенгагена, как уже на корабле «Надежда» все перессорились от сарказмов и смут военного кавалера посольства. От Копенгагена морскому начальнику хотелось идти в Фальмут и потом в Рио-Жанейро; посол настоял на своем: пошли на спидгедский рейд и далее к острову св. Екатерины. Это обстоятельство окончательно поссорило капитана с послом[20].

Достигнув Бразилии, капитан «Невы» нашел необходимым переменить фок-мачту (Мат[ериалы], стр. 94). Это на несколько времени задержало экспедицию у острова св. Екатерины. В одно утро оба капитана с офицерами, по взаимному совещанию, съехались на корабль «Надежда», решились вызвать посла на шканцы и заставили (в точном смысле заставили) прочитать им свою инструкцию. При этом чтении подстрекаемые первым

Г. И. ШЕЛИХОВ

Гравюра В. Иванова. 1795 г.

лейтенантом[21], они наделали ему столько оскорблений, что он, не докончив, ушел в свою каюту и заперся в ней до входа в Авачинский залив. Здесь, когда уже встретили его береговые власти и компанейский комиссионер, он вышел на шканцы в полном мундире и ленте (св. Анны 1-й ст.) и, перекрестясь, громко произнес: «Благодарю бога, наконец, я под защитою законов моего Отечества!»

Торопливо съехав на берег, он тотчас с нарочным написал коменданту в Нижнекамчатск, что у него на корвете явное против него возмущение, и потому просил поспешить с военною командою и взять с собою ауди-

тора[22]. Комендант Кошелев, судя по времени года, с неслыханной там поспешностью явился в Петропавловскую гавань. Начались объяснения.

По долгу Кошелев должен был казаться на стороне посла, но по чувствам склонялся на сторону моряков. При Павле I он служил в охтианском гарнизоне и хорошо был знаком с флотскими офицерами. Ему и в это время было только 30 лет.

И. Ф. Крузенштерн, при доброте сердца и кротости характера, был настолько умен, что понял, как дурно может разыграться эта ссора, потому убедительно просил Кошелева войти в посредство и примирить их. Кошелев взялся и успел. Представив, какой может быть пред всей Европою скандал, если экспедиция не достигнет цели только от несогласия, он довел посла до решимости сказать: «Ну, я готов пожертвовать собою для чести и славы Отечества»[23].

Итак, согласились, что капитан с офицерами попросят у посла извинения, главного же виновника смут отправят сухим путем в С.-Петербург*; вместо его комендант даст шефского адъютанта, своего родного брата, и капитана Федорова, лучшего офицера из всего гарнизона, а для составления приличной стражи — отборных людей из нижних чинов.

Пред отправлением в путь примиренные уладили по возможности бал, который возвращаемому в столицу кавалеру посольства дал повод к последнему сарказму на своего клеврета**. Обладая посильным даром поэзии, он описал этот бал в стихах и тут указал на бывшего старого товарища:

А там с ухваткою лакейской
Вприсядку пляшет полицейский.

И окончил описание так:

Затем свершился бал
Подмоклой пущенной шутихой.

---

* Он отправился зимою через Гижигу. Проезжая коряками, он не упустил испытать одуряющее действие мухоморов и узнать вкус сырых почек из оленя, только что зарезанного, составляющих лакомый кусок для северных дикарей. В проезд чрез Охотск он удивил всех своим цинизмом: это был сущий Иоанн Домфротский, герой известного тогда романа. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

** от лат. collibertus (отпущенный с кем-либо на свободу) — приспешник, приверженец (до сер. XIX в. употреблялось в значении «друг», «союзник», «единомышленник»).

Нельзя оставить без замечаний, что при самом уже отправлении из Петропавловской гавани спохватились, как говорится, что взятый из Иркутска в должность переводчика японец Киселев — христианин и что для него может быть крайняя беда от его соотечественников; потому, сжалившись, оставили его на берегу, и мне досталось его доставить в Охотск.

На пути в Нагасаки экспедиция встретила ужасный тифон[24], которым несколько повредило корвет, но достигла благополучно цели. Наружное примирение нисколько не устранило прежней антипатии, и потому все действия посла, даже старание его изучить язык японцев, казались смешным и для посла унизительным.

Все, что делалось официально, описано подробно в путешествии[25], я не касаюсь этого. Скажу только, что, возвратившись в Петропавловскую гавань в лето 1805 года, посол был несказанно рад, что нашел тут компанейское судно «Мария» под командою лейтенанта Машина и на нем отправленных в Америку двух офицеров Хвостова и Давыдова[26]. Мудрено ли, что посол немедленно собрался, пересел на компанейский корабль и поспешил отправиться в качестве уполномоченного от компании в ее колонии.

На меня, служившего тогда в Охотске и назначенного командиром на новый транспорт «Охотск», возложено было доставить для экспедиции провизию и вместе депеши начальнику ее. Оказалось, что в депешах заключался для него первый еще орден св. Анны 2-й ст[епени], а что всего важнее, письма от родных для всех. Дивно ли, что меня приняли с отверзтыми объятиями, как самого приятного вестника? Сверх того, я нашел тут, как говорится, однокашника по учению и по гардемаринству, Фад[дея] Фад[деевича] Беллинсгаузена, впоследствии знаменитого мореплавателя к южному полярному кругу и потом адмирала[27].

Второй лейтенант, Петр Трофимович Головачев, был также очень хорошо знаком мне по Кронштадту; брат его был моим товарищем. Сам Иван Федорович принял меня, как свойственника, наши фамилии действительно были в свойстве[28].

Тут мне с полною откровенностью передано в рассказах все происходившее, и Резанов представился мне в самом карикатурном виде, даже в тот момент, когда он вызван был прочитать свою инструкцию. Духом, мыс-

Н. П. РЕЗАНОВ

Литография П. Смирнова. 1863 г.

лию и чувствами я склонился на сторону моряков.

Однажды Петр Троф[имович] Головачев пригласил меня прогуляться с ним по берегу Авачинской губы к губе Раковой до речки Поганки и при этой прогулке с глубоко скорбным чувством описал мне свое положение.

«Не можешь себе представить,— говорил он,— как тяжело быть в товариществе с людьми, говорящими на иностранных языках, не зная сам ни одного. Во все время я вижу себя в кают-компании как бы отчужденным. Представь себе, Макар (он разумел старшего лейтенанта, своего товарища) и тот с астрономом Горнером говорят по-итальянски[29].

Когда начались у нас споры с послом, я не принимал

в них никакого участия, и как между тем говорили о нем по-немецки или по-французски, то мне казалось, что не хотят, чтобы я знал, как бы опасаясь меня. А тут на беду перед перемирием Резанову вздумалось позвать меня к себе и отрекомендовать коменданту как единственного офицера, который не терял к нему уважения, и при этом, обратясь ко мне, сказал: «Будьте уверены, Петр Троф[имович], когда возвратимся в Петербург, я на коленях буду просить государя, чтобы вы были примерно награждены». Этим он произнес мне приговор; я не мог отбиться от мысли: «Что ж тогда подумают обо мне во флоте? ведь непременно скажут, что я один из всех умел угодить Резанову...»

И действительно, эта мысль преследовала его до острова св. Елены и подвигала на самоубийство. Он совершил его с дивным хладнокровием: сменившись с вахты, выпив чашку чаю и выкурив трубку табаку. Самый пистолет, которым он застрелился, был без курка; он запалил затравку зажженной тряпкой. Обстоятельство это описано у Шемелина, суперкарга, бывшего на «Неве» и в самом путешествии Крузенштерна, но тайная причина, конечно, скрыта[30].

Я оставил Петропавловскую гавань 5-го сентября и тотчас по выезде, на другой же день, встретил шторм, продолжавшийся 17 дней. Мне удалось пройти первым Курильским проливом. В Охотском море был уже сезон северо-западных ветров. С наступлением октября достигнуть Охотского порта не было надежды, падал уже снег, обледенявший снасти. Я принужден был решиться зимовать в Камчатке. Ближайший порт был устье р. Воровской, я вошел в него и провел зиму в острожке, где не более 25 человек жителей обоего пола. Но тут была местная знаменитость, мещанин Смольянинов. Когда я подходил к устью реки вдоль берега и близко, мои матросы говорили: «Эх, у Смольянинова сколько коров». Я взял трубу — и это оказались медведи!

Между тем в Охотске был уже другой начальник, по новому образованию тамошнего управления, тот же капитан Бухарин, который за три года пред тем, без значения уже для Охотска, расстался со мною совершенно дружески*. Отправляя к нему свое донесение по

* Он оставлял тогда за собою зады. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

службе, я послал и письмо, в котором, описывая свое знакомство с членами экспедиции, поместил все слышанное о Резанове, не только не скрывая, но, напротив, щеголяя своим саркастическим насчет его сочувствием.

«Да к чему же это?» — спросите.

Сейчас увидите и, может быть, снисходительно простите мне несколько вводных строк с двояко благою целью: отдать справедливость памяти давно уже покойного и услужить назидательным примером юному, столь живому поколению.

Возвратясь в Охотск, я узнал, что Резанов, прибыв из Америки с Хвостовым, уехал уже в Якутск. Перед отъездом, как мне рассказывали, он потребовал от Хвостова данную ему инструкцию для дополнения. Когда она была возвращена, Хвостов нашел в ней предписание, чтобы, по дурному состоянию фок-мачты на его корабле, он отправился лучше в Петропавловскую гавань и в ней прозимовал. Хвостов поспешил на берег, но уже не застал Резанова. Явно, что, зная Хвостова, он не хотел допустить его до личного объяснения. Хвостов выходил из себя и, резонируя по-своему о худобе мачты, принял в уважение одно, что Давыдов ожидал его в губе Айниве для совокупного действия по общей инструкции и не мог ничего знать о дополнении ее, потому и решился идти к Сахалину. Там действительно они уничтожили заведения японцев.

Что до меня самого, то когда явился я к начальнику порта с донесением, он принял меня с полным высокомерием и с той минуты постепенно начал выказывать свое нерасположение. К счастию, это было непродолжительно[31]. Мы с ним вскоре расстались; он отправил меня в Иркутск. Мне крайне хотелось нагнать Резанова и удалось застать его в Якутске. Я поспешил к нему явиться, меня пригласили в кабинет, и тут я был изумлен самою обязательною благоприветливостью.

«Очень рад вас видеть,— сказал он мне,— Николай Александ[рович] (Хвостов) и особенно Гаврило Иванович (Давыдов) столько хорошего насказали мне о вас, что мне крайне желалось познакомиться с вами».

С этим он обратился к письменному столу и, взяв с него письмо, подал мне, промолвя с улыбкою: «Вот орудие, которое мне удалось выманить из рук явного вашего врага».— Это было мое письмо! Можете легко себе представить, как эта минута была для меня пора-

зительна. Заметив мое смущение, он продолжал: «Успокойтесь! Я вас не виню! Вы увлеклись тем, что вам насказали; теперь поверяйте, Бухарин показал мне это письмо как доказательство, по его словам, буйного вашего характера и неуважения к начальству и объявил намерение представить его министру (Ушакову)[32]. Прочтя, я принял вид крайне оскорбленного и попросил не лишать меня удовольствия и самому доставить его министру; он согласился, и вот оно в руках ваших; забудем все». С этим словом он меня обнял. Мне было тогда 23 года; я не мог говорить, отвечал одними теплыми слезами, которые струились по моим щекам. С этой минуты признательность уже водила меня к нему; до отъезда я успел с ним сблизиться и заметил, что охотская дорога сильно расстроила его здоровье. Он уже имел гробовой кашель[33].

В Иркутске потом он ввел меня к генерал-губернатору[34], и когда давали ему праздники, довольно частые, он ни на один без меня не являлся. Он тогда шутил над своим положением, говоря: «Графа Головкина[35], кажется, задержали в Москве; мне очень хотелось бы застать его еще тут, и как было бы кстати явиться ко двору двум азиатским послам с *бритыми затылками»*. Готовясь уже к отъезду, он показал мне письмо свое к директору о том, чтобы испросили меня у морского министра на службу компании, и с тем расстался со мною, чтобы вместе отправиться в Калифорнию, куда намеревался непременно ехать чрез Соединенные Штаты. Провидение расположило иначе: он слег в могилу, а мне назначался окольный трудный переход на крестный путь.

Теперь для каждого будет понятно, почему Резанова назвал я «для меня приснопамятный»; отчего, напротив, предания моряков ему неблагоприятны; но обращаюсь к настоящему предмету: к «Материалам».

Из них первые пять нумеров касаются заботливости сибирского начальства о самых отдаленных обитателях островов, прилежащих к Сибири, по случаю отправления капитана 2-го ранга Головнина к берегам нашей Америки с поручением взглянуть на тамошние порядки в 1815 году[36]. Это было в замечательную эпоху Пестеля и Трескина[37]. Шестой документ состоит в записке из дела канцелярии начальника Охотского порта по жалобе тунгусского князца, что один из его родовичей, пос-

тупивший в службу компании, задерживается ею. Наконец, седьмой и самый важный — записка г. Головнина о состоянии Российско-Американской компании, писанная в 1818 году, стало быть, уже по возвращении его из путешествия и плена. К этой записке присовокуплена другая: «О состоянии алеут в селениях Российско-Американской компании».

Слышно, что будет продолжение подобного обнародования официальных последовательных сведений о компании[38]. Прекрасно! Всякая тайна в этом роде — присяжный враг всего благого и полезного. Те, которые любят тайны, не замечают, что это кошмар их самих при жизни и беспощадный обличитель по смерти.

Вот же моя параллель всему, что есть в помянутых материалах. С преобразованием управления Камчатки из военно-областного в Нижнекамчатске в приморско-портовое в Петропавловской гавани первым начальником туда отправился прославившийся освобождением из японского плена капитана Головнина капитан Рикорд[39]. Он знал уже Камчатку и все главные обстоятельства, относящиеся к тому краю, по двухкратному зимованию в ней. Пред отправлением к месту назначения капитан Рикорд лично представлялся государю и объяснил все, что нужно и что можно сделать для развития в Камчатке жизни и деятельности. Государь благосклонно выслушал его идеи и ободрил действовать согласно с его видами.

Поэтому сделано было от Рикорда представление о ходатайстве некоторых граждан Соед[иненных] Штатов, чтобы дозволено было им завести около камчатских берегов и Берингова пролива китовую ловлю с тем, чтобы в число матросов для обучения брать людей из Камчатки и чрез 10 лет суда и все заведения предоставить русским. Как скоро это дошло до главного правления компании, Мих[аил] Матвеевич Булдаков чуть не вскрикнул: «Караул!» Ему представилось, что тут не киты в виду, а бобры и, пуще всего, более прочный капитал — котики. Чрез директора канцелярии министерства финансов ему удалось обработать эту статью так, что на благородного Рикорда пала тень своекорыстных видов. Представление его не одобрено, сделанные предварительно распоряжения в чаянии, что утвердят их, отменены, и, к довершению всего, последовало запрещение подплывать ближе ста миль к колониям нашим, назначен

восточный крейсер с правом захватывать в приз нарушителей нашего «табу». Едва эта новость пронеслась на крыльях гласности в Англии и Соед[иненных] Штатах, поднялся крикливый ропот со всеми приправами раздражения гордых джеков и янки. Последовали официальные протесты, и затем составлен в С.-Петербург общий международный комитет, в котором с нашей стороны заседал бывший посланником в Вашингтоне Полетика, госуд[арственный] секретарь Сперанский и директор канцелярии министра финансов Я. А. Дружинин[40].

Результат красуется теперь на географических картах. С общего согласия мы удовлетворились на материке от полуострова Аляски по 57° север[ной] широты прибрежной полосою в 50 миль ширины.

Справедливо Чижик у Дмитриева сказал: «Всяк своей бедой ума себе прикупит!»[41]

Извините, не могу удержаться, чтобы не включить на эту тему анекдота.

Мне случилось быть свидетелем беседы двух умных мужей того времени, когда еще не стыдно было употреблять «сей» и «оный», когда едва только прогнали ненавистное «понеже». Это было у Ник[олая] Сем[еновича] Мордвинова — он тогда еще не был графом — Ал[ександр] Сем[енович] Хвостов, известный по эпиграмме Нелединского-Мелецкого[42], некогда бывший адъютант князя Таврического и находившийся с Ник[олаем] Семен[овичем] в интимных отношениях, жаловался ему, что на все его представления против сделанного распоряжения по ассигнационному банку, которого он был управляющим, не обращают никакого внимания. Ник[олай] Сем[енович] Мордвинов слушал его терпеливо с важностью английского лорда, на какого он и действительно наружностью походил, и, когда тот кончил, тихо положил левую руку на его колено и сказал: «Послушай, любезный Алекс[андр] Семенович, что я тебе скажу: всякому глупому делу надо дать ход; тогда исполнение его само покажет, что оно глупо; до тех пор как ни кричи, как ни надрывайся, никого не убедишь». Эта сентенция глубоко врезалась в моей памяти, и, боже мой! сколько видел я подтверждений этой правды!

Посмотрите теперь, какое там китоловство, которого тогда допустить не хотели; котики наши остались неприкосновенными, но в китоловстве мы не имеем никакого участия и, вероятно, участвовать не будем. Зато

калифорнийские соседи во время хищного наплыва оказали нам спасительное расположение. Сам бог не оставил нас: Амур в обладании нашем, ворота Пекина растворились, китайцы отбросили свою дичь, корейцы уже наши соседи, японцы уже допускают нас в свои капища, о чем десять лет тому назад и мечтать было невозможно[43].

Но обращаюсь к продолжению главной матèрии. Достопочтенный Мих[аил] М[атвеевич] Булдаков, хотя медиком его был Осип Кириллович Каменецкий[44], наконец, истощился телесными силами и умственными, и даже более последними. Управление прибрал к рукам другой директор. Имея в виду факт, а не лицо, не называю его. Третий был очень добрый человек[45]. Забравший силу имел должника в Ревеле, негоцианта, у которого был свой корабль. Должник этот обанкротился, как это не в редкость, и кредитор обратился к спекулятивной с ним сделке. Он купил у него корабль старый, плохой уже, от имени компании, разумеется, переложа долговую сумму в свой карман. Корабль этот привели в Кронштадт, снарядили и с грузом отправили в Америку. Диво ли, что он едва-едва дошел до мыса Доброй Надежды. Английское адмиралтейство дало свидетельство, что не было никакой возможности на нем продолжать плавание. Принуждены были корабль и груз продать за бесценок и еще зафрахтовать иностранный корабль для доставления экипажа обратно в Россию.

В то же почти время — точно определить не умею — главное правление компании вызвалось продовольствовать Камчатку доставлением ей съестных припасов на своих кораблях.

Кто станет удивляться после этого, что за сим двухлетний дивиденд объявлен был господам почтеннейшим акционерам в 49 коп. на акцию!

Такое обрадование сопровождалось тем последствием, что Михаил Матвеевич сам удалился от дел; по его указанию выбрали директором-распорядителем Ивана Васильевича Прокофьева, управлявшего московскою конторою[46]. Для обревизования дел и настоящего состояния компании назначили особый комитет, в который избрали самых уважительных членов Н. С. Мордвинова, В. М. Головнина, уже контр-адмирала, и Як[ова] Ал[ександровича] Дружинина.

Ревизия, произведенная столь отборным комитетом,

окончена в 1824 году, почему приглашено было общее чрезвычайное собрание. Оно было крайне замечательно и поучительно.

Пред открытием заседания большинство акционеров изъявили уже, каждый по-своему, неудовольствие против директоров, мысль о необходимости сменить их и даже подвергнуть ответственности. Когда заседание открылось, первенствующий член комитета — разумеется, другие два не спорили — взял явно сторону директора-распорядителя. В убеждение акционеров вошли и пословицы: «сору из избы не выносить» и еще более экономическая: «что с возу упало, то, пиши, пропало».

Все убедились не доводами, а усилием оратора, но все-таки уперлись, что надобно хоть раз показать, что нельзя так пренебрегать акционерами и их капиталами, и потому настаивали, чтобы директоров уволить, выразив им неудовольствие замечанием. Когда на этом оперлись, Ник[олай] Семен[ович] Мордвинов возложил на правителя дел[47] обойти всех членов с вопросом: «с замечанием или без замечания уволить директоров?» и когда, с первого начиная, один по одному отвечали: «с замечанием», не скрывая в самом тоне явного неудовольствия, и таким образом обнаруживалось уже в этом месте большинство. «Постойте, постойте, Кондратий Фед[орович],— возвыся голос, сказал Ник[олай] Сем[енович],— вот как предложите вопрос: «Утверждают ли наше (ударяя на это слово) мнение или не утверждают?» Ответы, однако ж, и тут явились отрицательные. Когда правитель дел прошел за половину, Николай Семенович Мордвинов, опершись обеими руками о стол (как теперь на него гляжу), тихо приподнялся с кресел и, сказав: «Ну, так мне теперь делать нечего!», вышел из собрания, поклонившись в крайнем смущении. Я уважал Ник[олая] С[еменовича] Мордвинова как нельзя более, да и кто же не уважал его? и если бы не видел всего этого своими глазами и не слышал своими ушами, то никак не поверил бы. Тут заступление произошло. уж, конечно, не из корыстных расчетов, но просто от сказанного наперед: «Не бойтесь, я вас защищу!» И не удалось! не легко, согласитесь, для честолюбия старца-вельможи!

Тогда же составлен журнал и двум директорам даны копии, но вышел из директоров один только бывший распорядитель, а добрый человек остался.

Все это делалось при участии, как выше упомянуто, Василия Михайловича Головнина, но не заметно было нисколько, чтобы он выставлялся особенным ревнителем польз компании или благосостояния управляемых ею диких. Об них не было в помине как в этот раз, так и в последующие заседания.

В появившейся теперь в упоминаемых «Материалах» его записке 1818 года говорится (стр. 49), что он первый пишет о положении наших колоний и выражается так: «Многие из наших морских офицеров видели деяния американской компании столь же близко, как и я, но не находились в ее службе, а компания поставляет служащих ей в обязанность ничего дурного о делах ее не говорить».

Между тем я, как старец, смею сказать во услышанье всех, что нельзя подробнее и резче описать истины, как ее в свое время описал Давыдов, умевший хорошо и благородно владеть пером. Копию со своей записки он оставил в Иркутске в 1807 г. у Трескина, потом доставил ее Александру Семеновичу Шишкову, который после смерти автора ее напечатал, но, к сожалению, при всем своем сановничестве не смог провести ее в печать в настоящем ее виде[48]. Давыдов высказал всю тактику Баранова с промышленниками в Новоархангельске, где тогда находились еще истинно под ножами коможей[49]; рассказал, как он их поил, напивался сам с ними и садился в особенном сарае в шлюпку, где гребцы пели «Вниз по матушке по Волге» и гребли как бы по воде, и когда казалось, что Баранов был в полном упоении, вдруг он вскрикивал: «чукали!», и все, оставляя его, бросались опрометью к своим местам, и горе, бывало, тому, кого этот «известный забияка», пьяница, одичавший, ставший на степень ниже человека дикого, как он представлен в «Материале» (стр. 53, 96), не найдет на назначенном месте в полной готовности отразить неприятеля. Давыдов умел сказать истину о всей неурядице и наглостях промышленников с аборигенами, и тут же отдать полную справедливость Баранову: да ему отдавали ее и самые иностранцы.

Припомните только, что Баранов родился в купеческом или мещанском сословии в то время, как грамоте начинали учиться по букварю, слагая, напр[имер], «слово — твердо — арцы — азра, хер — ерх, страх; когда, с трудом великим затверживая «звательцо», «титло», «ко-

мору», «краткую запятую», «ерок» и проч., оканчивали эту премудрость по часослову и псалтыри; наконец, когда во всех сословиях не набиралось довольно грамотных для замещения писцов в присутственных местах по «учреждению о губерниях»; прибавьте к этому, что он начал, так сказать, свою жизнь вояжами и обращением с народом необузданным! Чего же было от него хотеть? Довольно, что недостаток просвещения вознаграждался в нем твердостью характера и терпением, с которым он лет тридцать служил с пользою своим доверителям[50].

Кстати о Резанове. «Материалы» представят его предполагаемой истории как «затейливого писаку, говоруна, с головою, способною созидать воздушные замки» и т. п. (Мат[ериалы], стр. 86). Сохраняя полное уважение к памяти Василия Мих[айловича] Головнина, которого я знал, как человека умного, серьезного и с твердым характером, я скажу, что эта обмалевка гогардовскою кистью[51] не что иное, как проявление еще неизгладившихся впечатлений японского плена. Уверен я даже, что Василий Михайлович теперь никак не пропустил бы подобных фраз. Даже насчет «неспособности обдумывать и исполнять основательные предначертания» он вспомнил бы чистосовестно, что и сам, по интендантству своему, как я после слышал, написал проект, которым вооружил против себя многих моряков. Во всяком случае его уже, конечно, нельзя было признать человеком без честолюбия, а оно кого ж не обаяло, кого не завлекало, кого не сопоставляло с другими честолюбиями?

Едва эти мысли вылились у меня на бумагу, как тот же достопочтенный старый друг доставил мне второй выпуск «Материалов для истории русских заселений», заключавший в себе «Замечания В. М. Головнина о Камчатке и русской Америке в 1809, 1810 и 1811 годах»[52].

По немедленном прочтении удовольствие мое равнялось удивлению: «Замечания» эти предшествовали записке, о которой я вел теперь речь, и что же? Не оказалось ни единой йоты, которая дала бы объяснение причины нападения на Баранова и на Резанова, и я, грешный человек, увидел в этом оправдание моего заключения, что последующая неприязнь имела источником совокупные неприятности первого кругосветного путешествия и затем японского плена.

Здесь теперь все, что я сказал о Давыдове в отношении к Баранову, справедливо можно отнести и к Вас[илию] Мих[айловичу]; ни дать ни взять точнехонько то же говорит и последний, что говорит тот, и еще даже с большею похвалою. Взгляните на выноску, что на стр. 87, вы увидите: «Если бы все служащие в компании были столь же деятельны и усердны к ее пользам, как г. Баранов, то дела ее не шли бы так дурно, как теперь». Прошу эти слова сопоставить с вышеуказанными: «он сам одичал и стал на степень ниже человека дикого!» Сличите также сказанное здесь о Баранове на стр. 79, 80 и 81 и, наконец, то, что сказано о компанейском судне «Нева» на стр. 97, со всем тем, что находится в записке, писанной в 1818 году, следовательно, уже после,— и вы невольно впадете в изумление. Во всяком случае, факт этот назидателен для пользующихся историческими материалами.

Впрочем, хотя и мог бы я сделать некоторые замечания не вовсе неинтересные в пояснение замечаний Василия Михайловича в проезд его вокруг Камчатки, но то не относилось бы к моему настоящему предмету, и потому за то не берусь. Не могу удержаться, однако ж, чтоб не нарушить молчания в отношении к преобразованию внутреннего управления Камчатки к лучшему. Вот слова Вас[илия] Мих[айловича]: «Кому камчатские жители за это обязаны, мне неизвестно; многие приписывают себе честь быть первым подателем совета на толь благие перемены. (Мат[ериалы], вып[уск] вт[орой], стр. 121).

В выноске сказано: «Сие случилось в правление Сибирью генерал-губернатора Пестеля». Это указание прямо относится к главному деятелю того времени Трескину.

Управясь в один год с поселениями за Байкалом[53] — это длинная история, если ее рассказывать ab ovo* — он, т[о] е[сть] Трескин, вспомнил об отдаленных местах своей губернии, старался собирать как можно верные сведения о том, что и как там делается.

С этой целью он призывал к себе бывалых, сводил их, заставлял при себе поправлять друг друга в рассказах и дополнять недосказанное. Если случались выезжающие из этого далека, он не пропускал случая попы-

* От яйца, т. е. с самого начала (*лат.*).

тать, нельзя ли узнать чего-либо полезного для его соображений. Таким образом, когда Хвостов и Давыдов в 1807 г., убежав из тюрьмы Бухарина, пробрались в Иркутск — говорю «пробрались», потому что были задержаны в Якутске, и нужно было разрешание из Петербурга, чтобы отменить это задержание,— губернатор тотчас увидел значение Давыдова в этом товариществе и потребовал от него сведений о колониях наших в Америке и о Камчатке. Давыдов предоставил ему записку, о которой упомянуто мною выше, сказал, что о Камчатке сведения доставить не может, потому что был в одной Петропавловской гавани, и то короткое время, а потому указал на другого бывалого, который и удовлетворил вполне пытливость его п[ревосходительс]тва, изобразив все зло, какое терпится там от батальона[54]. Отсюда последовали представления, переписка, составление особого комитета в Петербурге и новое положение об управлении Камчатки, Охотска и Якутска. Колонии остались недосягаемыми для власти сибирской.

На этот раз довольно. Позвольте только присовокупить изъявление признательности моей Г. П. Тихменеву за «Несколько слов», сказанных им на «Заметку старика» в № 32-м Сев[ерной] пч[елы][55]. Всем, что он высказал, имея все нужные документы под руками, против того, что я написал под диктовку одной стариковской памяти, он оказал честь моей статье и доставил мне полное удовольствие. Этим я достиг своей цели: подвинул факты к свету.

Всегда я был той веры, что служащие истине должны служить ей с самоотвержением, тем более с пожертвованием всякой мелочной щекотливости честолюбия. Не терпеть никакого возражения, никакого указания ошибок, по-моему, значит малодушничать, а тому, кто видел битвы и волны океана и перенес кое-что под ударами судьбы, это было бы стыдно.

Еще раз мое уважительное благодарение Г. П. Тихменеву.

Тридечный.

ЗАМЕТКИ ПРИ ПРОЧТЕНИИ «ВОСПОМИНАНИЯ О К. Ф. РЫЛЕЕВЕ»

На 1-й стр. описка, написано: вскоре по возвращении Гвардейск[ого] корпуса из Бесочинович, а значит, *«из-под Бешенкович»,* где был лагерь[1].

На стр. 5. Образование К. Ф. получил чуть ли не [во] 2 Кад[етском] корп[усе][2].

— Стр. 6 и 7. В Угол[овную] палату они (К. Ф. и Пущ[ин]) вступили волонтерами без жалования, для изучения порядка решения уголовных дел и с разрешения высоч[айшего]. Когда Пущ[ин] получил место судьи Надворн[ого] суда в Москве, к крайнему удивлению «старушки», вышел и К. Ф. из Палаты и жил на В[асильевском] острову, занимаясь своим Войнар[овским], а в Америк[анскую] К[омпани]ю определился он чрез посредство Н. С. Мордвин[ова] уже в 1824 году[3].

— Стр. 11. О колонии Росс сказание неверно. Известно, что продажа ее заведений совершилась уже в 30-х или даже 40-х годах; справиться не трудно[4].

— Стр. 17. История о Чернове вообще не точна. Отец его был ген[ерал]-майор и по имени *Пахом.* К. Ф. сам мне рассказывал, что напыщенная аристократка Нов[осильцо]ва сказала сыну: «Как! ты хочешь, чтоб невестка моя была какая-нибудь *Пахомовна!* слышать не могу»,— и услышала смерть единственного сына!

— Чтоб К. Ф. был связан узами родства с Черн[овыми],— от него не слыхал, весь интерес для К. Ф. тут состоял в том, что он здесь видел столкновение плебеизма с аристократизмом и хотел выказать склонение публики на сторону первого. Поэтому на похороны Чер-н[ова] разослали более 1000 билетов — и даже самой знати, и невиданный кортеж карет и экипажей тянулся за погребальной колесницей. Это была манифестация! Чернов пред смертью вытерпел геройски мучительную операцию, трепанирование черепа[5].

— Стр. 23. Здесь явно ошибка Евг[ения] Петр[ови]-ча: он то трепанирование, о котором я сейчас сказал, перенес на Якубовича[6].

— Стр. 34. Не в Таганроге, но в самом Крыму, как говорили тогда, предполагался дворец. Но говор не более, как говор[7]. То правда, что государь и в Москве, еще в 1817 году, говорил: «25 лет прослужу и в отстав-

ку», но эта отставка, судя по характеру, продлилась бы так же, как наследие Н[иколая] I.

— Стр. 40. Молебствие назначено было в Невском, уже шла обедня, как Нейдгард (дежурный генерал) подкрался к вел[икому] кн[язю] и уведомил на ухо, что приехал фельдъегерь с роковым известием[8]. Все отправились тогда во дворец.

Вообще эпизод 17-дневного междуцарствия и псевдоцарствования Кон[стантина] I требует описания более точного, более прагматического. Все сказанное на 41 стр. слишком кратко и сбивчиво для понятия сколько-нибудь удовлетворительного о проявлении 14 дек[абря][9].

— Стр. 43. Он (Верхов[ный] суд) произнес приговор над фактом, и он был неотвержим». Это говорит Евг[ений] Пет[рович], давно уже смиренный духом пред волею Провидения; но юридически, конечно, никто так не посудит. Если приговор *над фактом,* то все-таки не должно прикрывать на нем невинных, как мух на сметане[10].

— Ст[р]. 62. «Вдали я видел пять виселиц» — эшафот был один с помостом и виселица, собственно, одна, на которой приуготовлено было пять петель. Палач был выписан из Финляндии[11].

К БИОГРАФИИ ГР[АФА] А. А. АРАКЧЕЕВА

В минувшем году в майской книжке «Военного сборника» явилась статья «Сведения о графе А. А. Аракчееве»[1]. Достопочтенный автор ее, предположив в историческом рассказе о личности, столь знаменитой в предпоследнем царствовании, соблюсти полное беспристрастие, сделал заманчивый вызов о доставлении ему сведений, относящихся к избранному им предмету. Чувствующему некоторое право почесть себя в числе тех, к которым может относиться это приглашение, трудно было не увлечься им; я было и подался, подался до того, что превозмог претящую необходимость говорить о самом себе и написал статью. Я послал ее по данному адресу, но, на мое счастье,— неудачи я привык приписывать счастью — она не была принята за отъездом вызывателя. Авторство мое свернулось в клубок.

Вслед за тем, вдруг вот не так еще давно, явился в «Северной пчеле» нападок на память графа Ал[ексея]

ЛИСТ РУКОПИСИ «К БИОГРАФИИ ГРАФА А. А. АРАКЧЕЕВА»

Автограф В. И. Штейнгейля

Ан[дреевича], безусловно выказывающий одну злость и черноту. Мне грустно стало. Меня пошевелило. Мне припомнилось, что я где-то, когда-то, с чистосердечием умирающего, сказал: «Все зло приписывали Аракчееву, а те, кто видели это зло вблизи, понимали иначе». Если не те привожу слова, так тот был смысл, ручаюсь[2]. Я всегда был такого мнения, что злобные, скажем скромнее — желчные, выходки против самой злобы вовсе незанимательны. Где грызутся, как-то невольно отворачиваешься, особенно если это не собаки. На эту тему многое можно сказать, но здесь не место. Пусть говорит следующая статья, которую решаюсь пустить в ход, если впустят.

Позвольте начать с себя, в подтверждение права отвечать на вызов. Ведь немного уже тех, которые сохраняют живую идею о времени, когда потухало радужное сияние царствования «матушки», как называли Екатерину Великую. Я присягал ей на чин гардемарина в 1795 году. Стало, разительный переход к последующему царствованию глубоко впечатлелся в моей памяти. Будто теперь вижу, как все из легкого, яркого и пестрого облеклось в темное и тяжелое! Даже флот вместо шелковых чулок и башмаков надел второпях тяжелые ботфорты. Первым образцовым моряком приехал в Кронштадт капитан флота Спафарьев Л. В.[3], которого осматривали со всех сторон, когда он заглянул к нам в корпус.

Вообще в эту эпоху трепет и смех рука об руку пошли по всей России. Должно из уважения к истине сказать, что мы, воспитанники тогда Морского корпуса, в Павле I увидели благодетеля, явившего отеческие о нас попечения; материнских мы не видели и не ощущали. Мы были вверены умному и ученому старцу в адмиралах того времени Ив[ану] Лог[гиновичу] Голенищеву-Кутузову, двоюродному брату знаменитого князя Смоленского[4]. Не выезжая из Петербурга, он поручил нас подполковнику корпуса Федорову[5]; этот ласку свою при посещении своих питомцев выражал приветом: «Поросята! Поросята!..», не замечая, по простодушию, что выставлял себя свинопасом.

На третий день по вступлении на престол, 9-го ноября, дан был указ о перемещении корпуса в Петербург и о соединении с ним греческого корпуса, а в декабре большая часть из нас переведены уже были в Петербург.

Посещая сначала часто и во всякое время дня, государь, что называется, держал всех наших попечителей настороже.

Приехав однажды к самому обеду, он подошел к столу, потребовал суп, булку и хлеб и громко сказал: «Логин! (сын директора, генерал-майор). Всегда ли у тебя так хорошо? Не обманываешь ли ты меня? Смотри же!» Как теперь слышу; так было тогда сильно впечатление, произведенное ими на всех слышавших и видевших. Но время обратиться к настоящему предмету...

С Павлом Петровичем вышли из долготерпеливого гатчинского затворничества три особенно замечательные личности и быстро вознеслись на первые степени по трем различным родам службы[6]. Богатые имения, чины и гербовые достоинства — все им приложилось. Из них граф А[лексей] Ан[дреевич] Аракчеев более и долее других пробыл на сцене и кончил, удивив превратностию счастия[7].

В 1797 году совершилась коронация государя, явно с намерением в первый день Пасхи (5-го апреля). Пение: «Христос Воскресе!» могло иметь в отношении к нему свое особенное значение. По крайней мере об этом было тогда немало говорено. Аракчеев был при этом возведен в баронское достоинство и уже спустя около трех лет получил титул графа. Вслед за этим, к общему удивлению, он был выключен из службы без объявления повода. Из рядов военных молва разнесла шепотом, что граф в порыве муштромании так неосторожно рванул одного гренадера за ус, что разорвал ему губу.

С того времени он проживал в своем «Грузино», в имении, некогда принадлежавшем кн[язю] Меншикову[8]. Впоследствии граф сам рассказывал близким, как трепетал при каждом звуке колокольчика, воображая фельдъегеря.

Известно было потом, что в начале 1801 г. он был внезапно потребован к государю, но уже не застал монарха в живых...[9]

По воцарении Александра I в 1802 году при учреждении министерств гр[аф] Аракчеев первый назначен был военным министром, и был громким министром[10]. Он грозно напал на злоупотребления и стал разрешать самые трудные задачи по продовольствию войск провиантом и комиссариатскими вещами. Вообще надо сказать, что в сонме министров были тогда личности заме-

А. А. АРАКЧЕЕВ

чательные, вполне соответствующие потребности создать новый порядок администрации на совершенном уничтожении старого, коллегиального.

Чрез восемь лет все эти знаменитости поступили во вновь учрежденный Государственный совет; министерства заняли другие лица, как бы второстепенные, уже с ограниченным правом. В военном министерстве гр[афа] Аракчеева заступил более знаменитый потом Барклай де Толли[11].

Вскоре надвинулась эпоха борьбы со всею Европою, предводимою Наполеоном. Эта пушечная война прославила нашу артиллерию, а слава отразилась и на гр[афе] Аракчееве. Всеми признано, что заменою длинных гробоподобных патронных ящиков — двухколесными, по одному с пушечными масштабу, оказана была большая услуга как насчет поворотливости, так и удобства ско-

рейшим образом восстановлять подбитые орудия. Имя Аракчеева повторялось в армии артиллеристами с похвалами[12]. Но нельзя пройти молчанием, что эти похвалы сопровождались рассказами, не возбуждавшими желания даже видеть его. С окончанием кампании мне, собственно, казалось, что никогда и не встретится ни надобности, ни возможности познакомиться с его личностию. Судьба расположила иначе.

В 1816 году я поставлен был не только в возможность, но и в необходимость узнать графа Аракчеева лицом к лицу, и вот как это случилось.

По возвращении из похода, или, ближе сказать, из-под Данцига, я в 1814 году поступил адъютантом ко вновь назначенному главнокомандующему в Москву генералу Тормасову. По прибытии вместе с ним в разоренную столицу я должен был немедленно принять военную его канцелярию. Чрез полгода, в следующем году, он поручил мне (пример небывалый) и гражданскую. По этому случаю довелось мне составлять положения об отстройке Москвы и о вспоможении ее жителям, потерпевшим разорение. Поэтому, когда главнокомандующий должен был везти все свои предложения в Санкт-Петербург для доклада государю, только что возвратившемуся из-за границы, я сопровождал его с портфелями. С нами отправился в Санкт-Петербург и князь Мих[аил] Дм[итриевич] Цицианов[13], председатель учрежденной уже в Москве Строительной комиссии.

Когда назначен был день для доклада, мы явились во дворец. Генерал и князь потребованы были в кабинет, я остался перед кабинетом в генерал-адъютантской комнате. Вскоре вошел какой-то генерал в артиллерийском мундире, довольно высокий, худощавый, с разительными чертами лица; он подошел ко мне и чуть не шепотом стал спрашивать: «Кто тут?», кивнув при этом на двери кабинета. Я отвечал: «Генерал Тормасов с докладом».— «Кто с ним?» — «Князь Цицианов».— «Давно ли тут?» — «С четверть часа, не более». Говоря так близко с ним, я по медальону на шее с изображением государя, выставленному меж верхних двух пуговиц мундира, довольно поношенного, тотчас догадался, что это граф Алексей Андреевич*. Отойдя от меня также

* В это время редко произносили его фамилию, но называли только имя и отчество или просто: «граф». (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

крадучись, он подошел к двери, ведущей в кабинет, и, тихонько приростворив ее на четверть, не более, шепотом кликнул два раза: «Александр Иванович, Александр Иванович!» и тотчас, получив шепотный же отклик, скрылся за нее. После я узнал, что Александром Ивановичем звали камердинера государя. Через четверть часа граф вышел, сел к длинному столу, к которому я стоял прислонясь, вынул из своего портфеля лоскуток бумажки, что-то написал на ней и осторожно позвонил. Вошел фельдъегерь, и граф, отдав ему записку, куда-то послал; все это тихонько и, так сказать, благоговейно. Затем и сам куда-то ушел.

Когда затем немного времени спустя генерал мой с князем Цициановым вышли из кабинета, можно было прочитать на их лицах, что доклад благоприятно принят.

Не прошло двух-трех дней, как мне подали записку, содержавшую в себе следующее приглашение: «Граф Аракчеев, свидетельствуя свое почтение г. адъютанту главнокомандующего Москвы б[арону] Штейнгейлю, покорнейше просит его пожаловать к нему завтрашнего числа поутру, в 6 часов».

Доложа об этом своему генералу, я тотчас отправился в дом графа на Литейный, чтобы поставить свои часы по его часам. Исполнив это, я на другой день за четверть часа до шести часов был уже в адъютантской графа.

Не стыжусь признаться, что не совсем хладнокровно я готовился предстать для служебных объяснений пред лицо столь мощного человека с таким разнообразным и более злословным о нем отзывом. Меня не заставили долго ждать. Не успел я досчитать шестого удара колокольчика, как полудверь в зал растворилась, и я услышал нередко так утомительно выжидаемое «пожалуйте»; вошел и увидел, что граф выходит уже из кабинета. «Здравствуйте, г. барон»,— сказа граф свысока несколько в нос и протяжно. Остановясь среди залы, я поклонился и выждал, как граф, близехонько подошедь ко мне, заговорил тем же тоном и размером с некоторою интонациею на словах, которые здесь отмечу: *«Вы* с Александром Петровичем приехали сюда с *проектами,* государь император *мне* их отдал; так доложи же ты своему Александру Петровичу, как ему *угодно,* я ли к нему приеду или *он ко мне пожалует?»* И тотчас, по-

низя тон до некоторой степени фамильярности и положа руку слегка на мой левый эполет, присовокупил, почти скороговоркою: «А всего бы лучше, братец, если бы он *тебя* ко мне прислал, мы с тобою скорее бы это дело кончили». На этом прекратилась моя аудиенция, первая и для меня незабвенная.

Разумеется, последних слов генералу своему я не передал, а когда доложил о начальных словах и, конечно, без интонации, Александр Петрович с полуусмешкой сказал мне: «Ну, уж само собою, братец, разумеется, что я к нему поеду, не он ко мне».

Поэтому я должен был съездить с ответом и спросить о назначении дня. Приметно, что графу это было приятно и что он этого ожидал. Он приветливо сказал: «Что откладывать! Доложи А[лександру] Петров[ичу], не угодно ли пожаловать завтра в три часа, а впрочем, во всякое время затем я готов его принять».

Мой генерал тоже захотел поторопиться, и на другой день в назначенный час мы были у графа. Только что вошли в зал, граф выходил уже из кабинета; он очень любезно принял гостя и тотчас после первых приветствий предложил заняться делом.

В зале был уже у правой стены раскрыт ломберный стол, на котором я тотчас приметил знакомые бумаги. Оба, граф и генерал мой, сели в кресла у стола, друг против друга, а мне граф указал на стул, придвинутый к столу против лежащих на нем бумаг. Я сел, развернул всеподданнейший доклад и начал чтение.

Генерал мой, которому слишком все было известно, сидел с приметным отвлечением мыслей, но граф, поставя оба локтя на стол и склонив чело на соединенные над бровями ладони между двух больших перстов, казался во все продолжение чтения углубленным в полное внимание. По временам только, когда встречалось что-нибудь не совсем ясное, он приподнимал голову и, устремляя взор на меня, спрашивал отрывисто: «Это как?» Я тотчас вставал и объяснял. «А, понимаю, продолжай», — присовокуплял граф, и результат сеанса был тот, что дней через пять все представление было утверждено, и мы вскоре отправились в Москву. По возвращении в нее главнокомандующего живо пошло дело воссоздания ее. Государь дал слово в августе посетить пострадавшую столицу — и сдержал слово.

В половине августа князь Волконский[14], предуведом-

ляя главнокомандующего о скором выезде государя из Санкт-Петербурга, присовокупил, что его величество желает въехать в Кремль в 12 часов ночи, и потому чтобы никакой встречи не было; один только главнокомандующий с адъютантом должны были принять государя у Красного крыльца.

Когда налетел фельдъегерь с вестью «государь едет», все засуетилось. Перед тем самым временем, как надо было спешить уже в Кремль, генерал мой потребовал к обыкновенному рапорту о благосостоянии города ведомость о вновь выстроенных домах и возобновленных зданиях, которую накануне считал ненадобною. Потребовалось ускорно выставить цифры. Это не обошлось мне даром.

Когда после благополучной встречи на другой или на третий день явился я к графу Аракчееву, не помню зачем-то посланный своим генералом, он встретил меня приветливо, но тотчас же, взяв со стола представленную упомянутую ведомость, сказал ласковым тоном: «Ну вот, г. барон, ты молодой человек, узнай же, как сам государь внимателен; он не затруднился поверить итог, и вот, видишь!» Он указал на ошибку. Она состояла в том, что писарь в итоге переменил две последние цифры, вместо 96 написал 69[15].

Со всею неловкостью пойманного на грехе объяснил я, что причиною тому нечаянность и поспешность, на что граф примолвил: «Беды большой нет, но тебе полезно это знать, чтобы впредь быть осторожнее и осмотрительнее». В самом деле беды не было: государь, всем довольный, возвел главнокомандующего в графское достоинство, и вообще это посещение ознаменовалось милостями и благоволением, которым и я был причастен[16].

В следующем, 1817 году государь вторично посетил Москву; тут уже почти весь двор сопровождал государя, а потом прибыл в Москву венценосный гость, много потерпевший, Фридрих-Вильгельм III[17], пожелавший полюбоваться быстрым обновлением столицы.

Граф Алексей Андреевич на этот раз допустил и матушку свою старушку приехать в Москву взглянуть на царя, которого она не видывала. Она остановилась у генерала В. Ф. Ильина, друга графа, который заведовал артиллерийскою частью в Москве[18]. Преуведомленный им, я имел приятный случай доставить старушке полное удовольствие высмотреть государя и налюбоваться

великолепною картиною царского выхода на Красное крыльцо и шествия в Успенский собор.

После, в доме Ильина, граф лично благодарил меня за «матушку». В этот раз я был свидетелем его почтительности, можно сказать, благоговения, с каким он принимал ее благословение, когда она при прощании крестила сына, как ныне едва ли «мамаши» крестят своих Лоло и Биби!

Однажды поутру я получил от графа форменное приглашение. Я поспешил в Кремль; он квартировал в комендантском доме. Когда я вошел к нему, после обычного приветствия «здравствуйте, г. барон», сопровожденного косым поклоном, он отвернулся и, подойдя к окошку, начал говорить, как бы высматривая между тем что-то на улице. Не мешает заметить, что он вообще, спрашивая о чем-либо, не любил смотреть прямо в глаза тому, кого спрашивал:

— У вас обер-полицеймейстер (тогда был Шульгин[19]) ссорится с полицеймейстером Брокером[20]; государь повелел мне *тебя* спросить: какая тому причина, итак, скажи мне всю правду!

— Причина простая, ваше сиятельство. А. Ф. Брокер исключительно заведует делами управы благочиния, как председатель, а обер-полицеймейстер, как начальник полиции распорядительной, дает ему предписания, иногда такие, которые тот не всегда в возможности выполнить.

— Как это так? Да что такое полицеймейстер? Какой его чин?

— Коллежский советник. (Он еще не был переименован.)

— Это значит полковник, ну а этот ведь генерал-майор: как же он смеет не выполнять предписаний?

— В управе благочиния, ваше сиятельство, производятся часто дела интересные, и она, состоя под указом губернаторского правления, обязана действовать на точном основании законов, за нарушение чего Брокер может подвергаться суду и отвечать своим имением мимо обер-полицеймейстера.

— А! Это дело другое, теперь понимаю. Не говори, однако ж, никому, что я у тебя спрашивал. Думаю, что чрез 44 года тень графа простит мне нарушение скромности.

В это посещение Москвы государем совершилось од-

но событие, достойное быть упомянутым, особенно потому, что граф имел в нем главное участие.

Государь прибыл с намерением второе свое посещение в возникшую из пепла столицу ознаменовать уничтожением татарского наследия — кнута. Об этом составлен был особый тайный комитет под председательством графа Аракчеева; в комитете заседали: министр юстиции, князь Лобанов-Ростовский, военный генерал-губернатор, граф Тормасов*, действительный тайный советник Новосильцев из Варшавы, князь Алек[сандр] Ник[олаевич] Голицын, сенатор Посников, зять Архарова, кн[язь] М[ихаил] Дм[итриевич] Цицианов, директор строительной комиссии и государственный секретарь Вас[илий] Ром[анович] Марченко, как делопроизводитель[21]. Когда, по многом совещании, вопрос о возможности отменить кнут решен был отрицательно, граф Аракчеев предложил другой: «Чем же удовлетворить непременное желание государя?» И тогда придумали отменить рвание ноздрей, эту отвратительную, истинно катскую операцию, которою сопровождалось до 1817 года бесчеловечное кнутобойство**.

Прохожу молчанием все, что не имело прямого отношения к графу Аракчееву; упомяну только, что я, расставшись с графом Тормасовым и состоя уже по кавалерии, часто в доме Ильина имел случай видеть графа. Тут он был всегда как свой; любил составлять игру в «курочку», и, чем более было партнеров, преимущественно дам, тем ему было приятнее. Приметно было очень, что он особенно был весел, когда счастие доставляло ему пульку; не говоря, он давал разуметь, что этого иначе и быть не должно. Раздавая карты, он пришучивал и относительно меня, прибавляя всякий раз: «а это *белому кавалеристу*»[22].

Когда вслед за государем граф, весь двор и все именитости разъехались, генерал Ильин уверил меня в особенном расположении графа, даже до того, что он го-

---

* Переименование обоих главнокомандующих, санкт-петербургского и московского, генерал-губернаторами последовало в октябре 1816 г. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

** Указ издан в Москве 25-го декабря 1817 года в день празднования освобождения отечества от нашествия; опубликован от 1-го департамента правительствующего Сената в январе следующего, 1818 г., с надписанием «О нервании и невырезывании ноздрей у преступников». (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

тов, как это говорилось, взять меня к себе. И вот летом 1818 года я отправился в Санкт-Петербург. Этот переезд мне особенно памятен. Проезжая с Зайцевской станции в Бронницы, я увидел новый пограничный столб с ярко вызолоченным орлом на меже военных поселений. Мне вздумалось спросить у бойкого зайцевского ямщика: «А что, начали уже в военных поселениях крестьяне привыкать к своему новому состоянию?» Вполоборота через плечо он мне ответил: «Да, батюшка барин, велят, так и в аде привыкнешь!» Да как он это произнес! Не сто раз впоследствии я имел случай вспоминать эту многозначительную отповедь русского человека[23].

Узнав, что инженер-генерал Л. Л. Карбоньер[24], один из благороднейших и умнейших людей, с какими я имел счастие в жизни моей сближаться, находится в Высотской волости, я решился заехать к нему, и он показал мне все устроение поселений, которым он занимался, наглядно и специально и, наконец, самое Грузино, столь интересное. Здесь архитектор Минют[25] (если память мне не изменяет) был нашим вожатым и чичероне*. При обозрении собора более всего замечателен был памятник Павлу 1-му с надписью на пьедестале: «Сердце чисто и дух прав перед тобою», и при нем, внизу, надмогильная плита с надписью же: «Да будет и по смерти прах мой у подножия изображения твоего»[26]. Едва можно сильнее выразить благодарность своему царственному благодетелю! На правой стороне, соответственно этому памятнику, другой, тоже очень замечательный, посвященный памяти убиенных офицеров аракчеевского полка[27]. При выходе из храма, по праву посетителя, я получил брошюрку, содержащую описание всего виденного[28].

Последний предмет, нами осмотренный, был тот самый павильон с надписью на фронтоне: «Воспитавшему меня генералу Мелиссино»[29], который описан в упомянутой вначале статье. Самое положение его на островку пруда, закрытое густою пущею акаций, предвещало что-то таинственное, грустное. Мы проехали под накидной красивый мостик в крошечную гавань, пристали к рундуку, вошли в павильон и увидели на главной поперечной стене над диваном портрет Мелиссино, писанный Лампием[30]. Полюбовавшись им и прочею обстанов-

* От итал. cicerone — проводник, дающий объяснения.

кой этого эрмитажа, мы хотели уже выходить в тихом углублении в самих себя, как г. Минют сказал: «Постойте, постойте, не угодно ли вот еще на это взглянуть?» — и тотчас, тронув пружину в одном из узких простенков между окнами, составлявшими всю лицевую стену, открыл нам за отскочившим узкопродольным зеркалом превосходной живописи очень скоромное изображение вроде тех, какие тогда вывозились из Китая под названием «Китайской библии» — и затем во всех простенках скрывались подобные. Можно себе представить, как эта неожиданность поразила нас. Нам показалось это каким-то уродливым сочетанием идей, но мы вспомнили, что воспитатель-покойник имел эпикурейскую славу и что у воспитанника над главным домом с надписью «Без лести предан» в бельведере мы видели гравюры в подобном вкусе, хотя и не в такой степени непристойные[31]. Всю обратную дорогу от Грузина это было предметом нашего юмора[32].

После, при первом свидании в Петербурге, генерал передал мне, что граф благодарил его за то, что «показал барону его Грузино». Затем и мне, когда я добрался до него, изъявил свое удовольствие «за это посещение». Вообще тогда многим известно было, что хозяину Грузина такие посещения доставляли особенное удовольствие. Он любил в нем удивлять собою.

Когда я мог уже явиться к нему с готовностию служить при нем, он принял ее благосклонно и, отпуская меня, сказал: «Поезжайте теперь в Москву и переезжайте сюда со своим семейством, тогда мы это уладим», что я и сделал — и в 1819 году жил уже в Шпалерной улице; полудеревянный и полукаменный дом, в котором я тогда поселился, еще существует.

Явившись к графу, я, на первых порах, поднес ему статью, написанную мною еще в Москве, «О гражданственности в России»[33]. Это подношение, признаюсь, сделано было с намерением, чтобы он понял мое настроение. Он принял ласково, обещая прочесть.

Что касается до определения моего к месту, он ласково советовал «потерпеть» — и заставил меня периодически являться к нему за повторением. В одно утро вот что случилось. Прихожу я к нему с намерением его видеть и убедить к решению моей участи; дежурный адъютант тотчас доложил обо мне и вынес ответ: «Подождите, скоро выйдет». Вдруг вижу, что к адъютанту

подошел с приятной фамильярностью какой-то человек во фраке и, пошептавшись, ушел во внутренние комнаты, как явно один из домашних. Я тотчас спросил с некоторым отвращением в голосе: «Скажите, пожалуйста, что это за человек, который говорил с вами?» — «Это камердинер его сиятельства»,— ответил он мне.

— Ах, боже мой, неужели граф терпит близь себя подобных людей?

— А что? Вы, верно, думаете, что это от болезни, совсем нет, это сам граф позвонками кулака проломил ему нос.

Не умею описать, какое впечатление на меня произвело такое открытие; в минуту простыла вся охота служить при таком сиятельстве. Я поспешил с его ответным «потерпите еще немного» удалиться и решился отделаться от него, а потому никогда уже не бывал в его доме. Кстати, он возвратил мне мою статью при собственноручной записке следующего содержания, которое до слова помню: «Граф Аракчеев благодарит г. барона Штейнгейля за доставленные ему бумаги, которые по прочтении возвращает по ненадобию в оных. 19-го октября 1819 года».

Эта записка, к сожалению, равно как и самая статья, затерялась; после долговременного отсутствия моего я не нашел их в остатке своих бумаг[34].

Думаю, что старцу и в настоящее время можно «сметь свое суждение иметь»[35], я выскажу чистосердечно, что думаю о гр[афе] А. А. Аракчееве, основываясь более на фактах, нежели на мнениях и увлечениях других. По дарам природы он был выше своего образования, он сам это чувствовал. Он был, в полном смысле, человек практический. Путеводною его звездою было непомерное властолюбие, а оно всегда неразлучно с честолюбием. На людей смотрел он, как на орудия; не билось его сердце ни для любви, ни для дружбы, хотя в Грузино в деревянном его доме, который по надписи на фронтоне был «мал, но покоен», существовала галерея «друзей». Но в числе их был портрет и головы его крепостного человека, как бы для предупреждения прочим, чтобы они знали: друг — друг, а под кулак не попадайся. Что в свете благовоспитанном называется нравственностью, Аракчеев не заботился о том, религиозность его, несмотря на украшение его грузинского собора,

была очень сомнительною или в полной мере служебно-формальной. Самый завещанный им капитал на историю царствования, в которой он был так видимо деятелен, с назначенною премиею за лучшее сочинение составляет по цели загадку Сфинкса[36]. «Сердце человека глубоко!» — сказал еще царь Давид[37].

Может быть, спросят меня: был ли он чист от упрека в корыстном похлебстве. Сильные земли, каким он был, в России нередко впадают в этот грех, как бы сами того свысока не замечая. Я отвечу на это вот каким фактом.

В 20-х годах, не упомню точно, в каком, в Москве некто г. Г* — один из директоров ком[мерческого] банка — пустился в аферу, составил фальшивых векселей на разных лиц на 200 тыс[яч] р[ублей] асс[игнациями] и предъявил их к учету в надежде извернуться. Маклер помог ему. Срок пришел, денег нет, он имел дух, войдя в присутствие, объявить свое преступление. Опечатали имущество, личность заперли в острог. Лишение чести, ссылка в Сибирь повисли на ниточке над головой дамокловым мечом[38]. И что же, на его счастье, маклер этот был агент по всем делам г[оспо]жи Як.[39], которая познакомилась с графом и поставила на поселения кровельного железа самою дешевейшею ценою, можно сказать, сделала явное пожертвование. За это граф благоволил к ней. Маклер написал к своей матроне: «погибаем, спасите!» — и, чтоб не продолжать, результат был тот, что по решению дела в форме законной последовала конфирмация: бывшему директору долговременное содержание в тюрьме занести в наказание и освободить от всякой дальнейшей ответственности как его, так и маклера. Вся Москва это знала, а, конечно, некоторые и теперь помнят[40].

Заключу это сведение о графе Алексее Андреевиче фактом, который и тогда немногим был известен.

Надобно знать, что граф вообще не любил чиновничества и верил положительно, что нет лучшей гарантии точного и верного исполнения его приказаний, как возможность дать пятьсот палок за неисправность. «Пятьсот палок» было, так сказать, домовитой его присловицей, когда отдавал приказание галунам, а не эполетам. На этом основании для самых секретных переписок у

* Гусятников. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

него был писарь Батраков, который, стало, был посвящен в высшие тайны, и вдруг в одно летнее утро 1825 года, заметьте, последнего года могущества его, граф звонит и зовет: «Батракова».— «Не приходил»,— докладывают. Бегут на квартиру: «Граф гневается!» Нет и там. Полиция, наконец, ищет, а Батракова все нет. Куда он девался? Это был вопрос вроде квадратуры круга, до сих пор не разрешенный.

Барон Штейнгейль, 79-летний старец.
26 июня 1861 г.

ПИСЬМА[1]

1. Е. И. ДЕЛАРОВУ[2]

Охотск, августа 4-го дня 1806 года

Милостивый государь Эвстратий Иванович!

Питая в душе моей непременное к вам почтение и привязанность, не пропускал ни одного случая, чтоб вам того не засвидетельствовать — и теперь по благополучном и скором возвращении в Охотск, при первой встретившейся оказии, спешу исполнить то, что почитаю приятнейшим долгом.

После отправления моего письма к вам с Воровской[3] я имел честь получить чрез Якова Епифановича[4] от его превосходительства Николая Петровича[5] копию письма его, писанного обо мне в Главное правление, и приглашение в службу компании. Я не успел писать о моем желании в Главное правление; но думаю, что чрез сие нисколько не потерял, ибо вы слишком об оном известны. Товарищи мои писали ко мне, чтоб до ожидания* резолюции правления отпроситься у Бухарина[6] и пуститься на «Константине»; но сей не только способен меня отпустить, но и Якова Епифановича, вопреки просьбе Николая Петровича, снял. Я теперь написан опять на вновь выстроенное прекрасное судно «Св. Зотика». Скоро, думаю, отправлюсь в море. Между тем, не ожидая от начальника ни малейшей справедливости и потеряв надежду как-либо избавиться от ненавистного здешнего деспотизма, решился на сей же почте подать в отставку. Прошу вас, Эвстратий Иванович! Составьте незабвенное благодеяние молодому человеку, исполните ваши обещания и мои бесконечные ожидания. Видя вас, охотно из человеколюбия помогающим бедным развратникам — каков Борисов[7], несомненную надежду возлагаю, что честному человеку помощи подать руку не отречетесь; тем самым избавите его от погибели и увеличите число воздающих к вам сердечное благодарение. Гораздо еще будет лучше, если вы примете меня, купно, в отставку — я тогда волен и могу беспрепятственно посвятить себя на услуги вашего общества! Сжальтесь надо мною, прошу вас!

* В тексте — досождания.

Господин Башуцкий[8] в жалостнейшем положении, какое для служащего штабс-офицера вообразить себе можно. Я думаю, не есть ли сие рука Провидения, наказующая его за малое прежде расположение его к добру! Бухарин, невзирая ни на какие предписания об увольнении его, по прежней злобе, держит его здесь, мучит — и тем доволен. Вообразите: он сам стряпает, носит дрова, воду, топит печь и проч[ее]. Какого мучения еще более, и притом не получая жалования?

Вы, может быть, услышите здешние деяния, край сей сотворен быть, кажется, для одних гнусных несправедливостей. В Камчатке совершаются чудеса, и здешний начальник играет в них немалую роль, чем комедия развяжется, богу известно![9] Здесь, кажется, все страждет: у людей благородных — честь, у нижних чинов — тело, а у купечества — карман.

Погрузка, равно как и позволение продажи водки формально в ряды. На г[ижигинское] судно была такса по 5 р[ублей] с пуда — оно ушло вчерась под командою того же мичмана Нарманцкого[10].— Вот слабое начертание частички здешних обстоятельств... Как не желать удалиться от оных? Еще прошу вас, пособите мне, конец жизни моей будет пределом чувствительнейшей благодарности, с каковою, равно как с глубочайшим почтением и преданностью, есмь навсегда вам, милостивому государю, покорный слуга

Владимир Штейнгейль.

P. S. Сожительнице вашей и любезному сыну вашему прошу засвидетельствовать мое почтение.

2. Ф. И. ШЕМЕЛИНУ[11]

Иркутск, 26 апреля 1808*

Милостивый государь Федор Иванович!

Надежда и ожидания мои, видно, и на сей раз обмануты, не знаю, что помыслить? Однако ж сколько ни размышлять, а на поверку выйдет, что должно еще прибавить несколько фунтов терпения к великому количеству пудов оного, мною уже истощенного,— или решиться приступить с деятельностию к нашему общему преднамерению, для сего то наперед нужным почитаю, чтоб вам известно было все касающееся до меня в рассужде-

* Пометы: «7 июня» и «Копия».

нии компании — и для того, прилагая при сем небольшое количество бумаг, покорнейше прошу прочесть их, коль труд сей не будет в тягость вам[12].

Весьма натурально, что вы сделаете вопрос, что сам не пришел? Я должен сделать ответ также довольно естественный: я очень нездоров и попрошу извинения, сказав, что оттого не менее почитает вас вам преданный

барон Штейнгейль.

3. Ф. И. ШЕМЕЛИНУ

Иркутск, июль, 20 ч[исло] 1808 года*

Исполняя обещание, посылаю к вам, милостивый государь Федор Иванович, черновую записку, сего числа мною Николаю Ивановичу[13] вновь поданную. Прошу покорно, списав с нее, буде то вам угодно, копию, мне возвратить. Есмь всегдашний истинный почитатель ваш Волод[имир] Штейнгейль.

Записка

С последнею почтою получено здесь весьма достоверное известие, что капитан 2 ранга Юрий Лисянский[14], тот самый, который в бывшей экспедиции кругом света начальствовал фрегатом «Невою», после ареста и суда за предерзостный поступок противу вице-адмирала Колокольцева[15] высочайше назначен, яко нестерпимый в службе и беспокойный человек, к удалению в Охотской порт начальником вместо Бухарина. Сие потому сочтено важным ему наказанием, что он по возвращении своем из экспедиции сверх награды, в чине, ордене и пенсии состоящей, был пожалован особым флагом и привилегиею не состоять в команде ни у кого меньше вице-адмирала. А потом был сделан начальником высочайших яхт, с коим местом сопряжена почетная должность квартирмейстера на шлюпке в высочайшем присутствии на оной его императорского величества, напоследок была поручена командованию его наблюдательная эскадра Финском заливе.

Действительно, после всех сих наград, отличий и почестей удаление в Охотск для него есть великое наказание; но оттого не менее оно есть несчастие для жителей бедной разоренной страны той, ибо те, кои знают

* Помета: «Копия».

Лисянского, его характер, прохождение службы, правила, имеют достаточную причину заключить, что жители Охотского порта и всей страны той, равно как и коммерческие люди, не только не будут облегчены, едва избавясь от угнетений Бухарина, но еще в пущее придут разорение и конечную гибель, а особливо лишась и единственного оставшегося у них блага — надежды к обращению на себя когда-либо еще взора внимательного и попечительного о них правительства и, стало быть, к перемене вновь бедственного и угнетенного своего состояния.

СТАТЬЯ «БАЙКАЛ» ИЗ «ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ» С. А. СЕЛИВАНОВСКОГО[16]

Байкал (в Азиат[ской] России), озеро, морем, и даже Святым морем от местных жителей именуемое, находится в Иркутской губернии между 51° и 58° северной широты и между 121° и 127° восточной долготы. Название Байкал есть изменение монгольского слова *Байгал* или китайского *Бей-хай*, из коих каждое знаменует Северное море, каковым оно и есть для Монголии и Китая[17]. По измерению, оконченному в 1806 году, оказалось, что окружность Байкала 1865 верст; длина от устья Верхней Ангары до селения Култушного 585 верст; ширина самая большая между речкою большим Ургеном и устьем р. Барузиной около 100 верст, а меньшая между речкою малою Багульдеихою и Селенгинскими устьями менее 30 верст. С такою продолговато-узкою фигурою, имеющею изгибистое направление от устья р. Верхней Ангары к истоку Ангары, собственно так называемой, от С.-В. и Ю.-З. Байкал есть, кажется, не что иное, как ужасный Ангарский провал, от сильной подземной революции происшедший и водою наполнившийся, а потому и реку Ангару безошибочно почитать можно продолжением Верхней Ангары[18]. Заключение сие подтверждается, во-первых, некоторого рода изгарью, примечаемою местами на гористых берегах Байкала, до половины в него как бы обрушившихся; во-вторых, различными горячими ключами, около него существующими; в-третьих, неровною и чрезмерною глубиною, так, что поблизости неизмеримых пропастей встречаются на дне его ряды холмов или возвышенностей, которые в неко-

торых местах (как, например, близь северо-западного берега против речек Голоустной и Половинной) покрыты даже стоячими деревьями, кустарниками и мохом, и, наконец, в-четвертых, одинаким качеством воды в Ангаре, Байкале и Верхней Ангаре, т. е. что вода как в реках сих, так и в озере равно чиста, тонка, зеленовата цветом и столь прозрачна, что в тихую погоду на 8 саженях глубины дно видеть можно. Байкал, окруженный горами, составляющими отрасль Саянского хребта, подобен прекрасному и величественному водоему, в который вливаются три судоходные реки: Верхняя Ангара, Баргузин и Селенга, семь малых рек, более двухсот речек и бесчисленное множество ручьев; а вытекает на северо-запад одна величественная Ангара, как бы изливаясь через край между двух гранитных гор. Поверхность Байкала толь высока, что река Ангара на расстоянии 61 версты до города Иркутска имеет 69 сажень падения, а оттого и температура воздуха в окрестностях его гораздо холоднее.

В мае месяце, когда в Иркутске деревья оденутся уже порядочными листьями, поблизости Байкала едва начинает развертываться почка, хотя оный южнее Иркутска. Северо-западные берега Байкала вообще весьма приглубы так, что в 50 саженях от берега нельзя стать на якорь; но южно-восточная сторона отмела, особливо около устий р. Селенги, которые занимают более 30 верст пространства. К югу от оных есть особенная отмель, Бабьею Каргою именуемая, которая затрудняет вход в единственный на Байкале залив, *Посольским* именуемый, соединяющийся с ним Прорвою, т. е. узким проливом. Глубина всего Байкала еще не измерена: известно только, что далеко не доходя до средины она превышает уже 150 сажень[19]. По замечанию Палласа, вода в нем стояла прежде сего гораздо еще выше, так что нынешние жилые места при устьях Селенги покрыты были водою. На Байкале есть один большой, обитаемый бурятами остров Ольхон и несколько малых островов и один полуостров, Святым Носом именуемый. Относительно богатства природы заметить должно, что в озере сем находятся морские животные и рыбы, дающие ему право на название моря, а именно: тюлени, нерпами в Сибири именуемые, осетры, стерляди и омули, из коих последние, как известно, более ловятся при берегах Ледовитого моря, Северного океана и в устьях

некоторых рек, впадающих в сии моря. Омули, ловящиеся в бесчисленном множестве, особливо в устьях реки Селенги, так что часто недостает соли для посола оных, составляют важнейший запас для продовольствия Иркутска; часто бедные по нескольку месяцев не имеют никакой другой пищи, кроме омулей. Кроме сих морских рыб в Байкале ловятся: таймени, налимы, ленки, форели, щуки или хариусы, окуни и другие подобного рода рыбы, но одна мелкая рыбка, называемая *голомянка*, особенно любопытна. Сильными бурями, и то не каждый год, она в великом множестве выбрасывается на берега сонною; и как кроме головки и одной становой косточки она состоит из одного почти жиру, то от солнечных лучей тотчас и истаивает. Не менее примечания достойна Байкальская бадяга, *морскою губою* в Иркутске обыкновенно называемая. Она растет во множестве на каменьях в 3 и 4 саженях глубины и выкидывается на берег. Мастеровые употребляют ее для чищенья серебряных, медных и оловянных вещей. Подобным образом выкидывается из моря морской черный воск, имеющий благовонный запах и в костоломных болезнях употребляемый вместо пластыря; жидовская или горная смола в Баргузинской губе, называемая там морским ладаном; наконец, чистый железный мелкий песок, выбрасываемый на южные берега, особливо около устий Селенги, который содержит в пуде до 30 фунтов железа, так что буряты делают из него ножи и другие вещи. Из птиц, кроме весьма известных, над Байкалом замечательны: чрезвычайной величины орлы, беркутами называемые, белохвостые орлы, лебеди, бабы-птицы, бакланы и турпаны из рода уток, отличающиеся от прочих красивыми своими перьями. По берегам его в разных местах, равно как и в окрестных горах, находятся: кварц, кремний, полевой шпат, тремолит, байкалит, эвклат, лапис-лазурь, аквамарин, слюда, затверделая глина, известковый камень и каменный уголь. Из горячих вод, о коих выше упомянуто, находящиеся недалеко от устья реки Турки и потому Туркинскими, или, иначе, Баргузинскими, водами именуемые, наиболее достойны примечания: ибо на сих водах устроено заведение для пользования страждущих различными болезнями. Хотя место сие находится в лесу и потому довольно скучное, но близость морского берега, не более версты отстоящего от ключей, дает удобность и приятной прогулке. Судя

по отдаленности сих вод, можно сказать, что оне много имеют посетителей. В разных местах около Байкала находятся небольшие соленые озера; особенно известны на северо-западном берегу под именем Таргиранских или Тагирских, с коих добывается лучшая глауберова горькая и сибирская так называемая соль. Недалеко от сих озер в 17 верстах от острова Ольхон при *Утесовом* мысе, равно как и на южно-восточном берегу на *Святом Носе,* из каменных гор истекает благовонный бальзам, или каменное масло, состоящее из купоросной кислоты, железных и смоляных частиц и цветом светло-желтоватое, которое от воздуха сседается. Близь губы Баргузинской находится так называемое *Духовое озеро,* имеющее сернопеченковый запах, что примечается и в некоторых других озерах. Лиственничные, пихтовые, сосновые, кедровые, березовые и проч[ие] непроходимые леса, Байкал окружающие, богаты различными зверями, как-то: кабанами, медведями, волками, рысями, росомахами, лисицами, соболями, куницами, колонками, зайцами, белками, аргалами, или каменными баранами, дикими козами и многими другими. Из ягод там растет: малина, черная и красная смородина, таранушка, маховка, клубника, земляника, черника, голубика, княженика, ежевика, морошка, брусника, клюква и, наконец, облепиха, называемая так потому, что как бы облипла около ветвей небольшого кустарника. Ягода сия зрелая бывает желто-прозрачного цвета, запахом походит на ананас и потому, хотя не употребляется в пищу, но из нее делаются превосходнейшие наливки. При всей таковой щедрости природы берега Байкала мало населены по гористому местоположению и по неудобности земли к хлебопашеству; при нем находятся одни почти зимовья или однодворки с иноверческими стойбищами, и, кроме слободы при Посольском монастыре и селения Култушного, других больших селений нет. Но как жители в сих местах вообще здоровы, сильны и долговечны, то и о климате байкальском должно иметь весьма выгодное заключение. Море не имеет никакого постоянного течения, кроме того, какое бывает после сильных ветров и при берегах от устий рек. Летом ветры бывают столько же непостоянны, как и кратковременны, и на море царствует такое спокойствие, что иногда беглые каторжные решаются переплывать чрез оное на маленьком плоту. Судно купца Сибирякова[20] один раз, в 1806 или в

1807 г., поймало таких аргонавтов. Осенью, напротив, как обыкновенно говорят, море бывает очень сердито, и бедствия от сильных северо-западных ветров случаются с плавателями нередко. С октября месяца или, правильнее, с начала заморозков над Байкалом, равно как и над Ангарою, бывает беспрерывный густой туман. Время сие называется *мореставом* и продолжается до тех пор, как Байкал действительно покроется льдом, что случается пред Рождеством, а чаще в генваре месяце. В последних [днях] апреля и в первых мая море открывается, и лед, который тогда весь почти состоит из одних слабо соединенных игл, при первых ветрах частию сам собою истирается и частию разбрасывается по берегам. Тогда от Никольской пристани, которая находится в 3-х верстах ниже истока Ангары, купеческие суда выводятся на рейд к *Лиственичному* зимовью и здесь нагружаются. С половины мая начинается уже мореплавание. Купеческие суда ходят обыкновенно в реку Селенгу, а казенные перевозные, зависящие от Иркутского адмиралтейства, в Посольскую гавань, названную так по Посольскому Спасо-Преображенскому монастырю, построенному на том месте, где в 1650 году буряты изменнически убили боярского сына Заболоцкого, отправленного из Тобольска послом к мунгалам. Частное мореходство находится в плохом состоянии, ибо единственные суда, дощаниками именуемые, суть самые несовершенные, которые, имея один парус, мешком сшитый, не могут иначе ходить, как прямо по ветру или чуть наискось: первый ход у тамошних мореходов называется обетонным, а второй битязным. Главные ветры они называют также по-своему, кроме севера: южный, полуденник; восточный, восток; западный, култук; северо-восточный, баргузин; северо-западный, горный; южно-восточный, шелоник; южно-западный, глубник. Из-за Байкала приходящие суда с казенным свинцом нарочно так строятся, чтобы проплывать прямо в Енисейск; а те, кои с китайскими товарами приходят, чаще выгружаются у Лиственичной пристани, и товары сплавляются в Иркутск на карбазах. Таким образом, плавание продолжается до упомянутого времени морестава. Зимний путь по льду чрез море учреждается от Лиственичной станции до Посольского монастыря прямо, расстоянием чрез 105 верст, из коих половину едут близь берега до станции, Половинною посему называемой. Часто с ве-

ликим шумом лед ломается и делаются довольно широкие трещины на великое пространство. На такой случай запасаются досками и настилают мосты, а чрез узкие щели в аршин или полтора лошади приучены перескакивать с разбегу. Весною, когда лед прежде всего начинает портиться около берегов, выезжают поутру на средину моря и потом направляют путь вдоль, пока не доедут против Посольска, что и называется ехать *голометью*. Когда лед уже очень рыхл, то берут более досок и запасаются арканами; едут в одну лошадь на легких дровнях в некотором расстоянии один за одним и, если передняя лошадь проломится, тотчас окружают пролом досками, на шею лошади накидывают аркан и так вытаскивают на лед. Во время весеннего и осеннего прекращения пути чрез Байкал почта и частные путешественники ездят по так называемым кругоморским дорогам; их две: старая и новая; одна идет чрез Тунку и прекраснейшую Тункинскую долину и потом чрез гигантский хребет, *Хамар-Дабан* называемый; а вторая чрез Култушное селение и потому короче первой. Но по той и по другой равно нельзя чрез горы иначе ехать, как верхом, хотя и прилагали старание сделать новую дорогу тележною. По сему, весьма еще краткому описанию судить, по крайней мере, можно, что Байкал составляет один из любопытнейших предметов Иркутской губернии, столь, впрочем, обильной ими,— и если бы к его природе многолюдство с просвещением, то он не менее был бы прославлен, как и знаменитое Женевское, Костницкое и другие озера Европы.

ИЗ КОММЕНТАРИЯ К «ОТРЫВКУ ИЗ ПУТЕШЕСТВИЯ ЛЯХА ШИРМЫ. О ВОСПИТАНИИ В АНГЛИИ»[21]

Когда при государе, блаженной памяти Павле, Морской корпус переведен был в Петербург, генерал корпуса Логин Иванович Голенищев-Кутузов[22] приказал каждую субботу отбирать от учителей сведение о прилежных, вместо того, что прежде хотели знать только ленивых. Отличившиеся в течение недели прилежанием в два вечера, субботу и воскресенье, приглашались к нему; им давали чашку чая, часто по яблочку или других сластей. Супруга генерала, незабвенная Надежда Никитична, выходила сама к каждому, разговаривала с

каждым, расспрашивая о родных или делая другого рода вопросы, их понятиям сообразные, приглашала к танцам или заставляла петь под фортепиано.

Этот внимательный, благосклонный прием облагородил кадет и возродил невероятное соревнование. Сначала являлись прилежными в двух, трех классах, а потом в семи, восьми и более. Конечно, это стоило генералу иждивения и времени, но он и супруга его приобрели пожизненную любовь и уважение воспитанников. Этому прошло 36 лет, и в преклонных летах для них, конечно, приятно будет видеть в этих строках, что для чувств признательности одного из благотворительных им нет времени!

Переводчик.

ПРОКЛАМАЦИИ К КРЕСТЬЯНАМ ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ[23]

I

От исправляющего должность тобольского гражданского губернатора[24] сельским жителям Курганского округа объявление.

Христос воскресе, православные! Поздравляю вас со святым праздником и желаю вам мира и любви. Ведь известно, что где мир и любовь, там и бог, там и радость и веселие; а где нет мира и любви — там страх, слезы, и печаль в семьях.— Вот получил известие, что в соседственном вам Челябинском уезде Оренбургской губернии начались между крестьянами смуты и неповиновения властям. Больно сердцу слышать подобные вести. И в какое время? Когда святая православная наша церковь празднует воскресение Спасителя, праздник божественной любви. Не оскорбление ли святого праздника? не говоря уже о вине перед царем и законом. И от кого, подумаешь, происходят все эти беспорядки? От нескольких злонамеренных людей, обыкновенно какихнибудь выгнанных из селений пьяниц, которым нигде нет места. Они, не умея ничем порою заняться, питаются только сочинением ябеднических жалоб; а чтоб больше было им работы, подбивают крестьян ко взаимной вражде, восстанавливают против начальства и рассевают разные нелепые слухи. Разумеется, умные люди

не дадут себя провести этим вздорщикам, но легковерные вдаются в обманы, держатся лукавых советов, и дело кончится тем, что преступление их выходит наружу, начинается следствие, суд — и глупцы погибают жертвою обмана. А обманщикам нет до этого дела! Им только было бы на что выпить.— Так вот точно и в Челябинском уезде. Два-три негодяя внушили тамошным крестьянам, будто бы батюшка наш государь отдает их в крепостные. Ну не глупая ли это выдумка, рассудите сами. А простаки поверили нелепице да и давай шуметь да бурлить, а кто на этот раз хлебнул еще водки, так и за кол. Ведь пьяному море по колено.— Известное дело, что их усмирят. И не таких усмиряли буянов. Чай, вы слыхали от стариков о безбожнике казаке Пугачеве, что лет за 70 всполошил было ваших соседей; но как злодей смышлен ни был, а все же кончил тем, чем кончаются подобные злодеяния,— погиб на плахе с своими сообщниками и проклят святою церковью. Ну, и этих скоро усмирят. В этом сомневаться нечего; стоит сравнить только могущество и силу правительства и жалкую толпу отверженных богом крамольников, которые, кроме своей глупой и преступной дерзости, не имеют никакой опоры. Да потом-то что, как начнутся суд да дело? Каково будет семействам тех, кто подпадает под кару закона? Ведь вы знаете, что происходило позапрошлом годе в Камышловском уезде Пермской губернии: от вас тоже недалеко[25]. Что же теперь? Плачутся, бедные, да пособить уж нечем. Великий государь наш милосерден, да закон неумолим: а царь на то и от бога, чтоб блюсти законы. Знаю, что вы в частых сношениях с челябинцами состоите, даже некоторые из вас находятся в родстве с ними. Предостерегаю вас как начальник, желающий вам искреннего добра: не верьте вздорным слухам, рассеиваемым безумцами. Кто будет нашептывать вам преступное дело, тот злодей ваш. Схватывайте, вяжите и тотчас представляйте начальству и злу конец. Поверьте мне. В три года порядком ведь вы узнали меня. Никогда не скажу неправды: добру учу. Живите же мирно и благополучно в послушании слова божия и устава гражданского, в повиновении царю и от него постановленным властям. Вспомните, что говорит Святое Евангелие: «Всякая власть от бога, и потому кто против власти, против Божия веления». Ознаменуйте же святой праздник Христов примерами веры и верности и не под-

вергайте себя тяжким бедам и позднему потом раскаянию, потворствуя глупцам и злодеям, в которых нет страха божия, хотя бы они были и ваши родные. И вы, кроме той совести, получите благословение божие, доброе слово от батюшки царя и почет от всех честных людей.

Молю от всего сердца воскресшего господа, да сохранит он вас от злых наветов и от напасти.

Исправляющий должность тобольского гражданского губернатора Мих. Ладыженский.

Тобольск, апреля 15 дня 1843 г.

II

Сельским жителям Курганского округа от исправляющего должность тобольского гражданского губернатора объявление второе.

Ну вот, православные, недаром же сердце мне сказало, что вас нужно предостеречь от духа злобы, который возмутил ваших соседей в Челябинском уезде. Едва отправил я к вам мое объявление об этом 15 числа, как получил донесение, что в волостях Утяцкой, Меньшиковой начались уже сборища. Глупо и преступно толкуют краснобаи: «Надо-де обыскать волостные правления: нет ли указа, что и нас отдают в крепость помещикам». Простодушные и праздные, отуманенные вином их слушают, верят и готовы уже на озорничество, на преступление и даже — господи прости! на жестокости против своей братии! Горе вам, если вы не послушаете, что я вам сказал и говорю как начальник, не гневите бога и государя. Кто прислушается из вас к наветам вражьим, сотвори скорее крест, плюнь и скажи: «Сгинь ты, наваждение диавольское». Господь просветит глаза тому. Мне крепко жаль вас, жаль невинные семейства ваши. Послушайте: ну пусть уж тревожатся в Челябинском уезде: преступно, да понятно. Там введено новое учреждение сельского правления по высочайшей воле нашего великого мудрого государя-отца для улучшения благосостояния государственных крестьян[26]. Немногие из них это понимают, а злодеям то и на руку, им есть предлог, по крайней мере, морочить простодушных, уверять, что их отчислили в крепостные. А вам-то что? В сибирских губерниях ничего похожего нет. Здесь все по-старому, и поселяне пользуются свободой и не отдают никого во власть помещику. Поймите это. Не прини-

майте никакого участия в соседственной сумятице. Пребудьте спокойно, не выходите из послушания своей власти. Не вынуждайте употребить военную силу! Тогда уже позднее будет раскаяние. Подождите, чем там у челябинцев кончится. Тогда, верьте мне, возблагодарите бога со слезами, что образумил, воздержал вас. Будь же и с вами благой господь, что меня допустил быть орудием к удержанию вас от погибели.

Исполняющий должность тобольского гражданского губернатора Мих. Ладыженский.

Тобольск, апреля 19 дня 1843 года.

III

От исправляющего должность тобольского гражданского губернатора сельским жителям Тюменского, Туринского и Ялуторовского округов объявление.

Христос воскресе, православные! Получил я весть, что соседи ваши в Курганском уезде заворошились. Недоброе дело затеяли. Плохо им будет, что послушались наветов злых людей. Эти злые люди натолковали им, что государь, наш отец, отдает их в крепостные. Благо, есть предлог — новое сельское управление, которое многие из крестьян не понимают, для чего оно введено. Как начальник губернии, желающий всем вам добра, как отец ваш, предостерегаю вас. Смотрите, берегитесь, не заразитесь этими,— верно слово! — демоническими наветами. У вас ничего нового не вводится и все по-старому; тревожиться вам не для чего. Скоро и очень скоро будете сожалеть о несчастных, когда их усмирят и когда покарает их бог и государь со всею строгостью закона. Тогда возблагодарите бога, что не обезумели, подобно им. Скажете тогда и мне спасибо, что остерег вас. Послушайте же меня; и господь да сохранит вас.

Исправляющий должность тобольского гражданского губернатора Мих. Ладыженский.

Тобольск, апреля 19 дня 1843 года.

И В НЕСЧАСТИИ МОЖНО СЛУЖИТЬ ОБЩЕСТВУ[27]

(Из Иркутска)

Прошедшего года был я свидетелем кончины одного несчастливца, который в пустынях сибирских снискал уважение и любовь умом, терпением и добродетелью.

Сей несчастный был А. Ф. П...в[28].

Прошлого года, находясь случайно в Кяхте, при первом собрании у г. директора кяхтинской таможни я заметил почтенного старика, всеми отлично уважаемого, хотя на первый вопрос мой о нем мне отвечали: это *несчастный!* Я знал, что сим именем называют здесь всякого, за преступление в Сибирь сосланного. Любопытствуя о нем от других, я сведал, что он без лишения чинов послан в Иркутск, где был покровительствуем бывшим военным губернатором Леццано* и что по одобрению его в 1800 году г. директор кяхтинской таможни пригласил его в Кяхту для обучения детей своих; что, занимаясь учением оных и будучи совершенно обеспечен в рассуждении содержания своего, он открыл у себя школу для бедных и неимущих сирот, а потом и для всех, кто пожелает, не требуя никакой платы... Далее, что он составил из своих учеников хор певчих и довел их до возможного в сем маленьком местечке совершенства; напоследок узнал я, что кроме всего того он благодетельствовал подаянием, уделяя от тех небольших подарков, которые признательность зажиточных отцов обучаемых им детей ему доставляла. В Иркутске и даже в Нерчинске разные бедные люди получали от него посильное вспомоществование.

Уважая несчастия сего человека и не желая растравлять ран его сердца нескромным любопытством, я не решился спрашивать его самого о причине ссылки; но он сам мне сделал нечаянно сию доверенность. Однажды, как я в первый раз пришел к нему изъявить мое уважение, я приметил, что в небольшой комнате, им занимаемой,— при всей бедности и простоте домашних уборов,— находилось изображение покойного государя Павла I, в царствование которого он сослан был в Сибирь. Приметя мое удивление, он сказал: «Милостивый государь! Это мой ангел-избавитель; если б не государь, я бы пропал! Не входя в подробности моего несчастия, скажу только, что я подпал бы строжайшему наказанию, но бог, содержащий *сердце царево в руце своей,* отвратил удар: покойный государь, войдя в обстоятельства дела, определил, чтоб не лишать чинов, *не сослать,*

---

* Б[орис] Б[орисович] Л[еццано] по справедливости мог почитаться в Сибири за истинного отца несчастным. (*Примеч. В. И. Штейнгейля.*)

но *послать* меня в Сибирь. Итак, могу ли не благоговеть пред изображением моего Благодетеля!..»

В нынешнем году, в бытность мою также в Кяхте, П...в часто жаловался на свою слабость и, наконец, минувшего сентября 27-го числа, поехав из Троицкосавской крепости, где он жил, в Кяхту вместе с подлекарем навестить одного больного купца, умер на дороге 64 лет от рождения. Я был личный свидетель, с каким сердечным участием стекались со всех сторон жители удостовериться в печальном происшествии, которому желали не верить, и в каком горестном положении были ученики, взирая на бездыханного своего наставника!

При выносе тела один из учеников говорил небольшую речь, которая привела всех в слезы, ибо в ней изображались непритворные чувства осиротевших чад. В церкви стечение людей было чрезвычайное: все желали проститься в последний раз с *добрым* несчастливцем. Когда тело вынесено было из церкви, тогда два сына г. директора и два офицера тамошнего гарнизона, не допустя носильщиков, сами взялись несть оное на своих плечах до самого кладбища. Все жители, которые только были в состоянии оставить дом свой, провожали гроб его. Тут не было наемных плакальщиков; истинное соболезнование, истинная горечь начертаны были на лице каждого — и унывное пение плачущих сирот при глубокой тишине и медленном совершении печального обряда могли бы подвигнуть к жалости самое нечувствительное сердце. При сем зрелище сколько раз мысленно восклицал я: «Богачи! Счастливцы света сего! Взгляните и позавидуйте *смерти несчастного!»*

Не могу удержаться, чтоб не приобщить здесь еще одного обстоятельства в доказательство благодетельности покойного. Искали мундира, который он иногда надевал, чтоб положить в нем покойного в гроб, но не нашли. Один из учеников, который был при нем чаще других, объявил, что мундир сей незадолго отослан в Иркутск к одному бедному чиновнику с приложением 5 руб. на перемену воротника! Надобно сказать, что у покойного осталась дочь в замужестве за одним чиновником, служащим в Арзамасе. В заключение должен присовокупить, что он любил и упражнялся бы в словесности, если б несчастие его тому не воспрепятствовало. Из печатных сочинений его осталось: «Преложение из-

бранных псалмов Давидовых», поднесенных Павлу, архиепископу Ростовскому.

Ученики и сироты долго будут оплакивать П..., который доказал, что и в несчастии и в пустынях сибирских можно быть полезным ближним и обществу.

В. Б. Ш.

КОММЕНТАРИЙ

ИЗ «ЗАПИСОК КАСАТЕЛЬНО ПОХОДА САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ОПОЛЧЕНИЯ ПРОТИВ ВРАГОВ ОТЕЧЕСТВА»

СпБ., 1814 Т. 1; М., 1915. Т. 2

[1] О сибирской службе Штейнгейля см.: *Штейнгейль. Т. 1.* С. 100—109. Он провел здесь около девяти лет. Переведен в Охотскую морскую команду 24 янв. 1802 г., вышел в отставку 14 дек. 1810 г. (*ВД*. Т. 14. С. 148—149). 11 апр. 1811 г. у него родилась дочь Юлия.

[2] Ополчения создавались из-за недостатка регулярной армии. Александром I было издано два манифеста, от 6 и 18 июля 1812 г., о создании ополчения для подкрепления войск и защиты отечества. 31 июля 1812 г. был образован Особый комитет по ополчению. Формирование ополчения ограничили 46 губерниями, которые были распределены по трем округам. Во второй округ входили Петербургское и Новгородское ополчения. Петербургское ополчение начало формироваться 17 июля 1812 г. Всего было сформировано 5 бригад, которые, в свою очередь, состояли из 15 дружин. С 17 июля по 8 авг. 1812 г. начальником Петербургского ополчения был М. И. Кутузов, за столь короткий срок много сделавший для организации и обучения формирований ополчения. С 5 сент. Петербургское ополчение вошло в состав корпуса Витгенштейна, успешно действовало под Полоцком, у Чашников и Березины, в дальнейшем участвовало в осаде Данцига. В. И. Штейнгейль был зачислен в четвертую дружину ополчения 3 авг. 1812 г. Его «Записки» являются ценнейшим источником по истории Петербургского ополчения (Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года / Под ред. Л. Г. Бескровного. М., 1962. С. 5—9; *Прокофьев Е. А.* Борьба декабристов за передовое русское военное искусство. М., 1953. С. 264—266).

[3] Штейнгейль имеет в виду основные сражения, в которых участвовало Петербургское ополчение,— под Полоцком, у Березины и при осаде Данцига. В этих и других боях Штейнгейль проявил себя как храбрый, инициативный офицер. В сражениях под Березиной 16 нояб. 1812 г., заменив командира 15-й дружины ополчения, «сражался храбро, показывая неоднократно пример мужества своим подчиненным» (Народное ополчение в Оте-

чественной войне 1812 года. С. 315). Награжден за взятие Полоцка в окт. 1812 г. орденом св. Анны 2-й степени, за сражение при Чашниках 19 окт. 1812 г. орденом св. Владимира 4-й ст. с бантами, за Березину 16 нояб. 1812 г. орденом св. Владимира 4-й ст., за сражение при Лангфуре представлен к прусскому ордену «За заслуги» (*ВД*. Т. 14. С. 148—149).

[4] Мысли Штейнгейля были созвучны многим передовым идеям России. См., напр., ст. Ф. Глинки «О необходимости иметь историю Отечественной войны 1812 года» (Сын отечества. 1816. Ч. 27).

[5] Оценка Штейнгейлем Александра I, его роли в Отечественной войне 1812 г. вполне соответствует верноподданническому духу, который возобладал на время в русском обществе. Ф. Ф. Вигель замечал, что если «до 1812 года дворянство было недовольно Александром и роптало на него, <...> после же взятия Парижа никто без восторга не произносил его имени» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1928. Т. 2. С. 159). Не только среди широких кругов дворянского общества авторитет царя поднялся на максимальную величину, но и либеральной общественностью он воспринимался как самый либеральный монарх, освободитель Европы, защитник конституционных прав французского и польского народов (*Лотман Ю. М.* Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Л., 1980. С. 395). Пушкин вспоминал в 1836 г.:

Вы помните, как наш Агамемнон
Из пленного Парижа к нам примчался.
Какой восторг тогда пред ним раздался!
Как был велик, как был прекрасен он,
Народов друг, спаситель их свободы!»
(*Пушкин А. С.* Собр. соч.: В 10 т.
М., 1981. Т. 2. С. 297).

[6] Речь идет о Наполеоне I.

[7] Штейнгейль подчеркивает здесь корсиканское происхождение Наполеона. Корсика только с 1769 г. стала французской территорией.

[8] Нарисованная здесь идиллическая картина развития России в XVIII — начале XIX в. не имеет ничего общего с действительностью. Необходимо учитывать полемическую направленность книги В. И. Штейнгейля, в которой противопоставляется Россия — средоточие добропорядочности, идеал нравственности — Франции, олицетворяющей темные силы ада. Т. е. все противоречия рассматриваются в этической плоскости. Конечно, эйфория победы оказала влияние на работу Штейнгейля. Война пробудила патриотические чувства русского общества, сквозь призму которых социальные противоречия, несовершенства государственного строя и другие пороки общества отошли на второй план.

[9] Реальные причины противоречий России и Франции вытекали из стремления Наполеона к установлению европейской, а позднее и мировой гегемонии в интересах французской буржуазии и в целях укрепления своей личной власти. Русско-французские противоречия в Европе и на Ближнем Востоке привели к прямым военным действиям. Штейнгейль говорит о трех противоборствах России и Франции. Первое — участие в 3-й анти-

наполеоновской коалиции в 1805 г. (Россия, Англия, Австрия, Швеция, Неаполитанское королевство). Коалиция распалась после поражения союзных войск под Аустерлицем. Второе — IV антинаполеоновская коалиция в 1806—1807 гг. (Россия, Англия, Швеция, Пруссия), закончившаяся полным поражением Пруссии и подписанием Тильзитского мира (25 июня 1807 г.). Третье столкновение — Отечественная война 1812 г.

[10] По Тильзитскому миру Наполеон предлагал разделить Пруссию между Францией и Россией. Лишь благодаря твердой позиции России, Пруссия, правда в сильно урезанном виде, сохранила независимость. Пруссии были оставлены «Старая Пруссия», Померания, Бранденбург и Силезия. Все прусские земли к западу от Эльбы вошли в состав вновь образованного королевства Вестфальское, королем которого провозгласили младшего брата Наполеона Жерома Бонапарта. Также было создано Великое герцогство Варшавское. В 4-й статье Тильзитского договора было записано, что Наполеон возвращает Пруссии указанные четыре провинции «из уважения к его величеству императору Всероссийскому» (*Тарле Е. В.* 1812 год. М., 1959. С. 193).

[11] *Вильнев Пьер-Шарль* (1763—1806), французский адмирал. В 1804 г. возглавил совместную франко-испанскую эскадру. После поражения в сражении при Трафальгаре (21 окт. 1805 г.) попал в плен к англичанам. В глазах Наполеона он был главным виновником поражения Франции на море, после чего установилось господство английского флота. В апр. 1806 г. Вильнев был освобожден из плена, вернулся во Францию и в г. Рены покончил жизнь самоубийством.

[12] Речь идет о континентальной блокаде, введенной берлинским декретом от 21 нояб. 1806 г. Главное ее острие было обращено против Англии. Всем европейским государствам запрещалось поддерживать политические и экономические сношения с Англией, все английские товары подлежали конфискации, английским судам запрещалось заходить в европейские порты. Одним из главных условий Тильзитского мира было присоединение России к континентальной блокаде.

[13] После вторжения французских войск в Испанию испанского короля Карла IV заставили отречься в пользу наследника престола Фердинанда (17 марта 1808 г.). После захвата Мадрида Наполеон отказался признать права Фердинанда и вызвал обоих во Францию, в г. Байонну. 10 мая 1808 г. он назначил своего брата Жозефа королем Испании. В ответ на французскую оккупацию в Испании вспыхнула народная война (*Тарле Е. В.* Указ. соч. С. 200—201).

[14] Перед нападением на Россию Наполеон мечтал о господстве не только над Европой, но и над всем миром. В беседе с французским дипломатом Прадтом в Варшаве он заявил: «Через пять лет я буду господином мира: остается одна Россия, но я раздавлю ее!» (*Жилин П. А.* Гибель наполеоновской армии в России. М., 1974. С. 317).

[15] То есть *Людовика XIV* (1638—1715), французского короля с 1643 г. Его правление — апогей французского абсолютизма.

[16] Гарпии, в греческой мифологии богини вихря, крылатые существа (полуженщины-полуптицы) отвратительного вида, злые и хищные.

[17] Полемический запал Штейнгейля против французов и всего французского можно объяснить временем и условиями написания данной работы. Следует учитывать, что официальная пропаганда прилагала все усилия, чтобы направить народный патриотический подъем, вызванный войной 1812 г., в сторону франдузофобии, сознательно раздувала ее. Подобные же мотивы, осуждение «французомании» в русском обществе и варварства наполеоновских войск звучат, например, в книге И. М. Муравьева-Апостола «Письма из Москвы в Нижний Новгород», изданной в 1813 г.

[18] Штейнгейль, вероятно, имеет в виду воззвание Наполеона к армии 11 июня 1812 г. перед вступлением в Россию, в котором, в частности, говорилось: «В Тильзите Россия поклялась на вечный союз с Францией и вечную войну с Англией. Ныне нарушает она клятвы свои. Она объявляет, что дает отчет о поведении своем, когда французы возвратятся за Рейн, предав на ее произвол союзников наших. Россия увлекается роком; да свершится судьба ее!» (*Жилин П. А.* Указ. соч. С. 102).

[19] Штейнгейль не указывает источники, на основе которых он приводит данные о составе и численности французских войск. Вероятно, столь подробные сведения заимствованы из официальных документов. Современные советские историки оценивают общую численность французской армии в 614 тыс. человек при 1372 орудиях, из которых 444 тыс. были предназначены для вторжения в Россию, остальные 170 тыс. человек были оставлены за Вислой и в Пруссии. Русская армия к началу 1812 г. насчитывала всего 480 тыс., а против Наполеона смогла выставить только 218—220 тыс. человек (*Жилин П. А.* Указ. соч. С. 84, 89).

[20] Речь идет о сражении у деревень Салтановки и Дашиевки близ Могилева 11 июля 1812 г., носившем крайне ожесточенный характер. Корпус генерала Раевского в течение дня сдерживал превосходящие силы французов маршала Даву и позволил армии П. И. Багратиона оторваться от неприятеля и отойти к Смоленску. *Раевский Николай Николаевич* (1771—1829), генерал, герой Отечественной войны 1812 г., отец М. Н. Раевской — жены декабриста С. Г. Волконского.

[21] *Удино Шарль-Николя* (1767—1847), герцог Реджио, маршал Франции, командовал отборным гренадерским корпусом, получившим название «адский легион». Совместно с корпусом Макдональда действовал на петербургском направлении, но решить поставленных задач не смог. В сражениях 19—20 июля у Клястиц и 6—8 авг. у Полоцка русские войска под командованием П. Х. Витгенштейна приостановили наступление французов, а в сражениях под Полоцком 6—8 окт. 1812 г. разгромили корпус Удино. В последнем сражении в составе Петурбургского ополчения принимал участие В. И. Штейнгейль.

[22] *Дохтуров Дмитрий Сергеевич* (1756—1816), ген. от инфантерии, герой Отечественной войны 1812 г. Командуя 6-м корпусом, прикрывал совместно с дивизией П. П. Коновницына отход основных сил русской армии от Смоленска. 5 авг. 1812 г., уничтожив мост через Днепр, его отряд последним покинул город.

Леонид (508 или 507—480 до н. э.), царь Спарты в 488—480 гг. до н. э., в период греко-персидских войн прославился самоотверженной защитой ущелья Фермопил в 480 г. до н. э. от пре-

восходящих сил персов. Вошел в античные предания как образец воина и патриотического самопожертвования.

[23] Указ. о назначении М. И. Кутузова главнокомандующим последовал 8 авг. 1812 г. Известно, что Александр I долго противился этому. В письме к сестре Екатерине Павловне он писал: «В Петербурге я увидел, что решительно все были за назначение главнокомандующим старика Кутузова; это было общее желание. Зная этого человека, я вначале противился его назначению, но когда Ростопчин письмом от 5 августа сообщил мне, что вся Москва желает, чтобы Кутузов командовал армией, <...> мне осталось только уступить единодушному желанию, и я назначил Кутузова» (Переписка императора Александра I с сестрой вел. кн. Екатериной Павловной. Спб., 1910. С. 87).

Эпизод с орлом в канун Бородинской битвы встречается у многих мемуаристов. В «Очерках Бородинского сражения» Ф. Н. Глинка вспоминал: «Когда кончилось молебствие, несколько голов поднялись кверху и послышалось: «Орел парит!» Главнокомандующий взглянул вверх, увидел плавающего в воздухе орла и тотчас обнажил свою седую голову. Ближайшие к нему закричали: ура! — и этот крик повторился всем войском (*Глинка Ф. Н.* Письма русского офицера. М., 1985. С. 45).

[24] Наполеон достаточно объективно оценивал исход Бородинского сражения. «Из пятидесяти сражений, мною данных,— писал он,— в битве под Москвой выказано наиболее доблести и одержан наименьший успех» (Цит. по: *Жилин П. А.* Указ. соч. С. 163).

[25] Бородинская битва справедливо считается одной из самых кровопролитных в истории войн. Однако в исторической литературе до сих пор сохраняются большие расхождения в оценке потерь обеих сторон при Бородино. Если потери французов большинство историков определяет в 58 478 человек убитых и раненых, иногда округляя до 60 тысяч, то потери русской армии исчисляются по-разному — от 38 до 58 тысяч человек. В последних публикациях приводятся следующие цифры: 42 тысячи (*Шведов С. В.* Комплектование, численность и потери русской армии в 1812 году // История СССР. 1987. № 4. С. 135), 45,6 тысячи человек (*Троицкий Н. А.* День Бородина // Знамя. 1987. № 8. С. 205). Именно значительные потери в живой силе и отсутствие резерва вынудили М. И. Кутузова ради спасения армии оставить Москву.

[26] *Фабий Максим* (275—203 до н. э.), римский полководец, прозванный Кунктатором (от лат. Cunctator — медлитель), сторонник осторожной, осмотрительной политики. Во время 2-й Пунической войны применял тактику постепенного истощения армии Ганнибала, уклоняясь от решительного сражения. После Бородина за М. И. Кутузовым прочно закрепилось это прозвище.

Винценгероде Фердинанд Федорович (1770—1818), бар., на русской службе с 1797 г., в 1812 г. ген-майор, командир отдельного отряда, прикрывавшего Петербург. При оставлении Наполеоном Москвы двинулся к ней и 10 окт. 1812 г. подошел своим авангардом к Тверской заставе. При попытке помешать взрыву Кремля был взят в плен и отправлен во Францию, но по дороге отбит партизанским отрядом А. И. Чернышева.

[27] Наполеон вошел в Москву 2 сент., оставил ее 6 окт. 1812 г. Пожары в ней начались с первого дня вступления французов.

Особенно интенсивно Москва горела со 2 по 9 сент. За это время из 9 151 дома сгорело 6,5 тысячи. Перед уходом, 26 сент., Наполеон распорядился сжечь Кремль и другие московские общественные здания. Кремль был взорван с четырех сторон. Пострадали Грановитая палата, часть арсенала, две башни и частично стены. Ряд зданий спасли патриоты. Взрыв Кремля не имел ни малейшего военного значения для Наполеона. Это был лишь акт варварской мести русскому народу (*Жилин П. А.* Указ. соч. С. 180, 184—185).

[28] Речь идет о Навуходоносоре II, знаменитом правителе Вавилона (605—562 до н. э.), во время одного из походов захватившем Иудейское царство и разрушившем его столицу Иерусалим.

[29] Штейнгейль перечисляет основные сражения последнего этапа войны в России. Под Малоярославцем (12 окт. 1812 г.) русская армия сорвала основной замысел Наполеона — прорваться в Калугу, затем в украинские губернии и вынудила его отступать по разоренной Смоленской дороге. В сражениях у Вязьмы, Дорогобужа, Красного (22 окт.—6 нояб. 1812 г.) французским войскам были нанесены тяжелые поражения. В районе Борисова образовался мешок. Угроза окружения заставила Наполеона прибегнуть к хитрости: ложной демонстрацией переправы южнее Борисова он отвлек силы армии Чичагова, а сам переправился 14—16 нояб. у деревни Студянки. Однако из 40 тыс. французов, подошедших к Березине, вырваться из окружения смогло не более 9—10 тысяч. Бросив остатки своих войск, Наполеон 6 дек. бежал в Париж. 10 дек. в Вильно Кутузов оповестил об окончании войны: «Война окончилась за полным истреблением неприятеля» (*Жилин П. А.* Указ. соч. С. 305).

[30] *Иловайский Василий Дмитриевич* (1785—1860), ген.-майор, в начале окт. 1812 г. был отправлен под Москву с небольшим отрядом для преследования отступающих французов. В дальнейшем ген.-лейтенант, участник заграничных походов.

Причинами ухода Наполеона из Москвы были, конечно, не действия Ф. Ф. Винценгероде и В. Д. Иловайского, а другие факторы: сохранение Кутузовым русской армии, пожар Москвы, начавшееся разложение французской армии, отказ правительства России вести переговоры о мире, приближение зимы, а главное — расширяющаяся народная война. «Не усматривая впереди ничего другого, как продолжение ужасной народной войны, способной в краткое время уничтожить всю его армию, <...> предпринял он поспешное отступление вспять»,— констатировалось в листовке Главного штаба от 24 окт. 1812 г. (Листовки Отечественной войны 1812 г. М., 1962. С. 56).

[31] *Минин* (Сухорук) *Кузьма* (? —1616), нижегородский земский староста, один из организаторов и руководителей борьбы русского народа против польско-шведской интервенции начала XVII в. *Гермонн,* правильнее Гермоген (ок. 1530—1612), русский патриарх, с 1610 г. рассылал по городам России грамоты с призывом к всенародному восстанию против польских интервентов. Умер в заключении у поляков. *Пожарский Дмитрий Михайлович* (1578—1642), кн., государственный и военный деятель, руководитель военными действиями против польских интервентов. *Палицын Авраамий* (?—1626), келарь Троице-Сергиевого монастыря в 1608—1619 гг., писатель. Штейнгейль называет главных вдохновителей и организаторов борьбы против польско-шведской

интервенции начала XVII в., чьи имена стали символом патриотизма, единения всех сословий во имя борьбы с общим врагом. В манифесте о создании ополчения от 6 июля 1812 г. говорилось: «Да встретит он (Наполеон.— *В. Ш.*) в каждом дворянине Пожарского, в каждом духовном Палицына, в каждом гражданине Минина» (Народное ополчение в Отечественной войне 1812 года. М., 1962. С. 15).

НЕЧТО О НАКАЗАНИЯХ

ЦГИА, ф. 1409, оп. 1, ед. 1908, л. 1—16 об.
Сб. ист. материалов, извлеченных из архива
первого отделения с. е. и. в канцелярии.
Спб., 1876. Вып. 1. С. 292—306.

Печатается по автографу. На л. 1 — канцелярские пометы и подпись: «Напечатано».

[1] *Меншиков Александр Данилович* (1673—1729), светл. кн., сподвижник Петра I, при Екатерине I фактический правитель государства, при Петре II был сослан в Березов.

[2] *Ивашкин Петр Матвеевич* (1708—1806), гвардейский офицер, навечно высланный в Сибирь в 1744 г. за заговор против имп. Елизаветы Петровны. В 1779 г. его как переводчика использовали для переговоров с экспедицией Джеймса Кука, который к тому времени уже погиб, а экспедицию возглавил *Чарльз Кларк* (1741—1779) — см.: Третье плавание Джеймса Кука. Плавание в Тихом океане в 1776—1780 гг. М., 1971. С. 522, 625. В 1787 г. с Ивашкиным на Камчатке встретился французский мореплаватель Лаперуз (La Perouse I. F. G., de. A voyage round the world performed in the years 1785, 1786, 1787 and 1788 by the boussole and astrolabe. Vol. 2. London, 1799. P. 87. Фототип. изд.: Amsterdam, 1968), а в 1805-м — И. Ф. Крузенштерн (*Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 1804, 1805 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». М., 1950. С. 219). Ивашкин был прощен почти через 60 лет, при Павле I.

[3] *Горчаков Василий Николаевич*, кн., ген.-майор, ревельский военный губернатор, сосланный в Сибирь за мошенничество. Жил на поселении в с. Тунке Иркутской губ.

[4] *Шубин Александр Петрович* (1784—?), гвардейский офицер, по ложному доносу в 1802 г. был сослан в Сибирь. На поселении жил в д. Кузьмихе недалеко от Иркутска. В 1814 г. был помилован и направлен в армию. В 1816 г. корнет Александровского гусарского полка, в отставке с 1818 г.

[5] О Передовщикове см. примеч. 50 к записке «К иркутскому летописцу пояснение».

ИЗ «ОПЫТА ПОЛНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ НАЧАЛ И ПРАВИЛ ХРОНОЛОГИЧЕСКОГО И МЕСЯЦЕСЛОВНОГО СЧИСЛЕНИЯ СТАРОГО И НОВОГО СТИЛЯ». Спб., 1819

[1] Разница между юлианским и григорианским календарем до 1700 г. составляла 10 суток, после 1700 г.— 11 суток, после 1800 г. — до 12 суток, после 1900 г. — до 13 суток. Эта разница возникла из-за ошибок юлианского календаря: за каждые 128 лет накапливается ошибка в одни сутки. К моменту введения гри-

горианского календаря (1582 г.) эта ошибка достигла 10 дней.

[2] Пасхалии — составляемые христианской церковью на много лет вперед таблицы дат празднования Пасхи, связанной с весенним равноденствием и полнолунием. Первой печатной книгой в России по этому вопросу был труд священника В. Петрова «Рука богословия, или Наука изъяснения о пасхалии» (М., 1787).

[3] *Мефодий* (Смирнов Михаил Алексеевич, 1761—1815), духовный писатель, ректор Московской славяно-греко-латинской академии, возглавлял ряд епархий. Его книга «Правила пасхального круга» вышла первым изданием в 1793 г.

[4] *Гамалея Платон Яковлевич* (1766—1817), преподаватель, затем инспектор Морского корпуса. Основные работы — «Теория и практика кораблевождения» (Спб., 1808), «Сокращенная история астрономии» (Спб., 1809).

[5] Речь идет, вероятно, о петербургском карманном календаре, издававшемся Ф. И. Шубертом на немецком языке с 1808 по 1818 г. С 1812 г. этот календарь выходил и на русском языке.

«Астрономический телескоп» — в первой четверти XIX в. было издано несколько сборников под таким названием. Штейнгейль имеет в виду, вероятно, кн.: *Петров С. Г.* Астрономический телескоп, или Общий астрономический, физический, экономический, политехнический календарь на 200 лет. М., 1818.

[6] Брюсов календарь — один из первых русских печатных календарей, авторство которого приписывается *Я. В. Брюсу* (1670—1739). Впервые напечатан в Москве в 1709 г. Василием Киприяновым. Помимо чисто астрономических сведений содержал различные предсказания относительно погоды и событий. Календарь неоднократно переиздавался. Последнее издание: «Первобытный Брюсов календарь» (Харьков, 1875).

Браге Тихо (1546—1601), датский астроном, реформатор практической астрономии, составитель каталога звезд, занимался предсказаниями судьбы по звездам.

Мартын Задека — вымышленное лицо, якобы жившее в XI в. и являвшееся после смерти с загробными пророчествами. Приписываемая ему книга: «Мартына Задека, стошестилетнего славного швейцарского старика, любопытное предсказание на будущие времена и толкование им снов по астрономии, происходящих по течению луны <...>». М., 1807.

Перечисленные выше работы имели широкое хождение в России, издаваясь отдельными книгами и соединяясь в специальных сборниках. В кругу образованного общества воспринимались иронически, но также были широко известны. Г. С. Батеньков в 1824 г. писал А. А. Елагину, что в 1825 г. непременно решил жениться, «паче всего потому, что Мартын Задека, великий Альберт и г. Брюс предрешают единогласно рождение в 1826 году необыкновенного отрока» (*Батеньков Г. С.* Сочинения и письма. Иркутск, 1989. Т . 1. С. 184).

[7] Ментор — герой поэмы Гомера «Одиссея», мудрый наставник Телемака, сына Одиссея. Его имя стало синонимом воспитателя, наставника.

[8] Высокую оценку П. Я. Гамалеи как педагога и ученого разделяли и другие декабристы, в частности Н. А. Бестужев (Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 509—512). В советской литературе П. Я. Гамалея оценивается как видный представитель деистическо-материалистической школы русского просвеще-

ния (*Каменский З. А.* Философские идеи русского просвещения (деистическо-материалистическая школа). М., 1971. С. 167—168).

[9] *Ривар М.*, аббат, французский педагог, математик, учитель Д. Дидро. Его «Трактат о сфере и календаре» был издан в 1741 г.

[10] К сожалению, труд В. И. Штейнгейля был почти не замечен современниками, а позднее вообще забыт. Лишь в советское время он получил достойную оценку (*Зубов В. П.* Историография естественных наук в России (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1956. С. 233; *Майстров Л. Е.* Новаторский труд В. И. Штейнгейля по времяисчислению и астрономии // Декабристы и русская культура. Л., 1976. С. 341—348.

[11] Штейнгейль отдает дань тем наивно-идеалистическим представлениям о жизни и быте людей на заре человеческого существования, которые были широко распространены в науке того периода. Свое начало они берут в произведениях античных авторов (Гесиода, Овидия и др.), которые писали о золотом веке в истории человечества, когда люди оставались вечно юными, не знали забот и огорчений, были подобны богам. В таком же духе излагает автор далее и возникновение первых астрономических представлений.

[12] Действительно, многобожие, или политеизм, возникает при разложении первобытно-общинного строя. В иерархии богов нашли отражение разделение труда, земные отношения господства и подчинения. Элементы многобожия присутствуют во всех монотеистических религиях (иудаизм, христианство, ислам и др.).

[13] Эта мысль созвучна словам К. Маркса: «Необходимость вычислять периоды разлития Нила создала египетскую астрономию, а вместе с тем господство касты жрецов как руководителей земледелия» (*Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. Т. 23. С. 522).

[14] В результате попыток согласования трех несоизмеримых периодов — суток, месяца и года — возникли три системы календарей: солнечные, в которых сутки согласуются с годом, лунные, в которых сутки согласуются с месяцем и лунным годом, и лунно-солнечные, где сутки и месяц согласуются с годом. Из этих систем наиболее древней и распространенной являлся лунный календарь, так как период лунных фаз более заметен и вследствие своей кратности более практичен. Новый месяц начинался каждый раз, когда появлялась новая луна (*Патнекук А.* История астрономии. М., 1966. С. 18—19).

[15] Лакедемон — Спарта, древнегреческий полис в Лаконике (Пелопонес). Основание Афин и Спарты относится к IX—VIII вв. до н. э. Штейнгейль прав, утверждая ниже, что солнечный календарь имеет более древнее происхождение. Так, египетский календарь, характеризующийся простотой, явился основой для всех дальнейших совершенствований солнечного календаря.

[16] *Никий* (ок. 469—413 до н. э.), афинский стратег, вождь умеренно-демократической группировки, выступающей за прекращение Пелопонесской войны. В 415 г. до н. э. возглавил военную экспедицию Афин в Сицилию. Лунное затмение 27 авг. 413 г. до н. э. вызвало большую панику в афинском войске и привело к поражению. *Сократ* (ок. 470—399 до н. э.), древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики как метода отыскания истины путем постановки наводящих вопросов. Для последующих эпох Сократ стал воплощением идеала мудреца.

[17] *Пелопид* (ок. 410—364 до н. э.), фиванский полководец, один из организаторов антиспартанского демократического переворота в Фивах в 379 г. до н. э., один из руководителей Беотийского союза. *Александр Ферейский*, тиран в г. Ферах (370—351 до н. э.).

[18] *Александр Македонский* (356—323 до н. э.), выдающийся государственный и военный деятель, создатель крупнейшей державы. *Аристотель* (384—322 до н. э.), древнегреческий философ и ученый, основоположник формальной логики, воспитатель Александра Македонского. Решающая битва с персами произошла не у г. Арбелы, а в 100 км северо-западнее у деревни Гавгамелы 1 окт. 331 г. до н. э. За одиннадцать дней до сражения произошло лунное затмение.

[19] *Осирис*, древнеегипетский бог умирающей и воскресающей природы, покровитель и судья мертвых. Изображался в виде мумии.

[20] *Пифагор Самосский* (6 в. до н. э.), древнегреческий мыслитель, математик, религиозный и политический деятель. *Анаксагор* из Клазомен в Малой Азии (ок. 500—428 до н. э.), древнегреческий философ. Выдвинул учение о неразрушимых элементах (позже названных гомеомериями). Оба занимались астрономией.

[21] *Метон* (ок. 460 до н. э.—?), древнегреческий астроном и математик. В 433 г. до н. э. предложил так называемый метонов цикл, положенный в основу календаря. Состоял из 19-летнего цикла (12 лет по 12 месяцев и 7 лет по 13 месяцев). Это позволяло вносить поправки и пользоваться лунно-солнечным календарем как более точным. Задолго до Метона подобная система времяисчисления существовала в древнем Вавилоне. Точно не известно, заимствовали греки знание этого периода у вавилонян или же изобрели его сами.

[22] *Платон* (428 или 427—348 или 347 до н. э.), древнегреческий философ-идеалист, основатель Афинской академии; *Архимед* (ок. 287—212 до н. э.), древнегреческий ученый, родом из Сиракуз (Сицилия), математик и астроном, автор многих изобретений; *Эратосфен Киренский* (ок. 276—194 до н. э.), древнегреческий ученый, астроном, математик, заложил основы математической географии, первым измерил дугу меридиана; *Посидоний* (ок. 135—51 до н. э.), древнегреческий философ-стоик, глава школы на о. Родос; *Гиппарх Никейский* (II в. до н. э.), древнегреческий астроном, составитель первого каталога звездного неба(134 до н. э.), включавшего 850 звезд. *Цезарь Гай Юлий* (100—44 до н. э.), римский полководец и политический деятель, в 49—44 гг. до н. э. римский диктатор. В 46 г до н. э. ввел новый календарь (с 1 янв. 45 г. до н. э.) с продолжительностью года в 365¼ суток. Календарь получил название юлианского. *Сосиген* (I в. до н. э.), александрийский астроном, был приглашен Юлием Цезарем для исправления календаря.

[23] Олимпийские игры устраивались в честь бога Зевса с 776 г. до н. э. в г. Олимпия с периодичностью раз в четыре года. Отменены в 394 г. н. э. Рим, по преданию, был основан братьями Ромулом и Ремом ок. 754—753 до н. э.

[24] После установления республики во Франции (1792 г.) был отменен традиционный григорианский календарь. 5 окт. 1793 г.

Национальным конвентом был введен новый, революционный календарь. Упразднялась эра от Рождества Христова и установившийся обычай считать началом года 1 янв. Счет годам начинался с даты провозглашения республики — с 22 сент. 1792 г. В каждом из 12 месяцев нового календаря было 30 дней. Старые названия месяцев, связанные с именами римских императоров и мифологией, были заменены новыми, отражающими явление природы, метеорологические и сельскохозяйственные условия климатической зоны Франции. Семидневная неделя упразднялась, вместо нее была введена новая единица времени — декада, состоящая из 10 дней (*Селешников С. И.* История календаря и хронология. М., 1977. С. 84—95).

[25] История не сохранила точных сведений о времени зарождения римского календаря. Известно только, что уже во времена Ромула, легендарного основателя Рима и первого римского царя (ок. середины VIII в. до н. э.), римляне пользовались календарем, в котором год состоял из 10 месяцев и содержал 304 дня. *Нума Помпилий,* по античной традиции второй царь Рима в 715—673 гг. до н. э., ему приписывается создание жреческих коллегий и учреждение религиозных культов. Он же добавил к календарю еще два месяца — январь и февраль. Год стал содержать 355 дней и вполне соответствовал лунному календарю (354,4 дня), которым пользовались римляне.

[26] Патриции (от лат. pater — отец), в Древнем Риме первоначально все коренное население, входившее в родовую общину, составлявшее римский народ и противостоявшее плебеям; затем — родовая аристократия. Плебеи, первоначально свободное население, не входившее в родовую общину и не имевшее прав на пользование общинной землей. В V—III вв. до н. э. в результате борьбы с патрициями добились включения в состав римского народа, уравнения в правах с патрициями.

Так как в основе римского календаря лежал лунный, то все необходимые вычисления должны были делать жрецы. Они через глашатаев публично «выкликали начало каждого месяца, начало года, время наступления праздников». Римский год был на 10 дней короче тропического. Из-за этого часто возникала путаница, и, чтобы устранить ее, приходилось каждые два года вставлять в календарь добавочный месяц. Жрецы часто злоупотребляли своей властью, произвольно удлиняя или укорачивая год. Срок выполнения общественных должностей, время уплаты различных налогов и выполнение других обязательств также зависели от произвола жрецов.

[27] *Флавий Гней* (IV в. до н. э.), секретарь цензора Аппия Клавдия, в 304 г. до н. э. впервые издал римский календарь.

[28] Перед осуществлением реформы календаря в 46 г. до н. э., стремясь добиться совпадения всех праздников с соответствующими им временами года, Сосиген предложил добавить к календарному году кроме обычного добавочного месяца (23 дня) еще два вставочных — один в 33 дня, другой в 34 дня. Оба эти месяцы были помещены между ноябрем и декабрем. Таким образом, составился год в 445 дней, вошедший в историю под названием беспорядочного, или «года замешательства».

[29] *Катон Младший Марк Порций* (96—46 до н. э.), римский политический деятель, республиканец. После победы Ю. Цезаря в 46 г. до н. э. при Тапсе над сторонниками республики покон-

чил жизнь самоубийством в Утике (отсюда еще одно прозвище — Утический).

[30] По юлианскому календарю, чтобы начало календарного года всегда приходилось на одно и то же число, а также на одно и то же время суток, следовало к каждому четвертому году прибавлять одни сутки. Такой год получил название високосный. Однако, не поняв сущности реформы Сосигена, римские жрецы начали производить вставку високосных дней не на четвертый, а на третий год, что привело к путанице в календаре. Это обнаружили только в 8 г. до н. э. при императоре Августе, который и уничтожил накопившуюся ошибку. По его приказанию начиная с 8 г. до н. э. и кончая 8 г. н. э. пропускали вставление добавочных дней в високосных годах. Тогда же в честь Августа назвали один из месяцев (*Селешников С. И.* Указ. соч. С. 62—63).

[31] Антиохия — столица Сирии.

[32] Константин I Великий (ок. 285—337), римский император с 306 г. Последовательно проводил централизацию государственного аппарата, поддерживал христианскую церковь, сохраняя также языческие культы.

[33] Никейский собор состоялся в 325 г. в малоазийском городе Никее. Он получил название I Вселенского, так как на него съехались представители высшего христианского духовенства всей Римской империи. Собор принял основной свод догматов христианской церкви «Символ веры», ввел юлианский календарь, по которому в то время весеннее равноденствие приходилось на 21 марта, определил круг христианских праздников по месяцам и числам, в том числе и первые пасхалии — таблицы начала Пасхи на много лет вперед.

[34] *Дионисий Малый* (?—ок. 540), родом скиф, монах в Риме с 500 г., известен как переводчик и церковный писатель. В 500—510 гг. издал собрание апостольских и соборных правил. Ему же принадлежит и установление христианской эры, т. е. ведение счета времени от Рождества Христова. На основе совершенно произвольных расчетов он «вычислил» дату рождения Христа и заявил, что это произошло 532 года назад, или в 753 году от основания Рима. Летосчисление, предложенное Дионисием, было принято не сразу. Впервые официальное упоминание этой эры появилось в церковных документах лишь в 742 году (*Селешников С. И.* Указ. соч. С. 195—197).

[35] Штейнгейль перечисляет римских императоров I—II вв. н. э. *Тиберий Клавдий Нерон* (42 до н. э.—37 н. э.), римский император с 14 г. н. э., жестокий и лицемерный тиран, прославился казнями, изощренными пытками; *Калигула Гай Цезарь* (12—41), римский император с 37 г., убит заговорщиками; *Клавдий Тиберий Друз* (10 до н. э.—54 н. э.), римский император с 41 г.; *Нерон Клавдий Цезарь Друз* (37—68), римский император с 54 г., жестокий, самовлюбленный, развратный; *Тит Флавий Веспасиан* (39—81), римский император с 79 г.; *Траян Марк Ульпий* (53—117), римский император с 98 г. При нем Римская империя достигла наибольших размеров; *Адриан Публий Элий* (76—138), римский император с 117 г., усилил императорскую власть и укрепил внутреннее положение государства; *Антонин Пий* (Благочестивый) (86—161), римский император с 138 г., продолжал внешнюю политику Адриана, избегал войн, укреплял

границы; *Аврелий Марк* (121—180), римский император с 161 г., философ, представитель позднего стоицизма.

Время правления императоров из династии Антонинов (96—192) получило название в истории «золотой век» Римской империи.

[36] *Птолемей Клавдий* (ок. 90—ок. 160), древнегреческий астроном и географ, создатель геоцентрической системы мира. Разработал математическую теорию движения планет вокруг неподвижной Земли, позволявшую предвычислять их положение на небе. Его фундаментальный труд «Большое математическое построение астрономии в XIII книгах», по-гречески «Мегале синтаксис», еще в древности получил широкую известность под названием «Мегистос» («Величайший»). Европейцы узнали о нем от арабских ученых под искаженным названием «Ал Маджести», или в латинизированной транскрипции «Альмагест».

[37] С конца II в. н. э. Римская империя переживала политический кризис. Императоры этого периода прославились своей жестокостью, кровавой борьбой за престол, гонениями на христиан.

Коммод Марк Антонин (161—192), римский император с 180 г. Требовал для себя почестей, как для бога, убит заговорщиками; *Каракалла* (Марк Аврамий Антонин Бассиан, 186—217), римский император с 211 г.; *Гелиогабал* (204—222), римский император с 218 г. До этого был верховным жрецом бога Солнца в Сирии, культ которого ввел в Риме. Отличался деспотизмом и расточительством; *Деций* (201—251), римский император в 249—251 гг.; *Диоклетиан Гай Аврелий Валерий* (239—313), римский император в 284—305 гг., известен гонениями на христиан, покончил с неразберихой периода «солдатских императоров» (235—284).

[38] Александрийская библиотека — крупнейшее в древности собрание рукописных книг (до 700 тысяч томов), основана в начале III в. до н. э. при Александрийском мусейоне. Часть библиотеки сгорела в 47 г. до н. э., часть уничтожена в 391 г. н. э., остатки в VII—VIII вв. Существует много легенд о гибели библиотеки. Это событие связывают с Ю. Цезарем, но при его отбытии из Египта сгорела в 47 г. до н. э. не библиотека, а часть ее, приготовленная к отправке в Рим. Существует предание, что библиотека была уничтожена при завоевании Египта арабами в 646 г., когда халиф Омар отдал распоряжение сжечь ее. Это неверно, так как библиотека перестала существовать значительно раньше. Она сгорела в 273 г. во время войны, которую вел Рим против царицы Пальмиры Зиновии. А окончательно была уничтожена в 391 г. во время восстания христиан в Александрии (*Глухов А. Г.* Звучат лишь письмена. Судьбы древних библиотек. М., 1981. С. 73—78).

[39] Штейнгейль ошибается. Разделение церквей на западную — римско-католическую и восточную — греко-византийскую произошло в 1057 г.

[40] *Мухаммед* (Мохаммед. в европейской литературе часто Магомет, Магомед) (ок. 570—632), основатель ислама, глава первого мусульманского теократического государства в Аравии, почитается как пророк, посланник бога.

[41] *Фридрих II Штауфен* (1194—1250), германский король и император «Священной Римской империи» с 1212 г., боролся с папством; *Альфонс X Мудрый* (1221—1284), король Кастилии и

Леона с 1252 г., поощрял развитие наук и просвещения, автор исторических, философских, астрономических и поэтических сочинений.

[42] *Бэкон Роджер* (ок. 1214—1292), английский философ и естествоиспытатель, монах-францисканец. Занимался математикой, оптикой, астрономией, предвосхитил многие позднейшие открытия.

[43] *Коперник Николай* (1473—1543), выдающийся польский астроном, создатель гелиоцентрической системы мира. Свое учение изложил в сочинении «Об обращениях небесных сфер» (1543), запрещенном католической церковью с 1616 по 1828 г. Но и после этого года церковь приложила большие усилия, стремясь примирить это учение с библейским текстом.

[44] Автор этого сочинения укрылся за инициалами С. И. А. Им оказался священник И. А. Сокольский (*Зубов В. П.* Историография естественных наук в России (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1956. С. 195). Автор этой книги резко нападал на гелиоцентрическую теорию Коперника и вообще на всякие попытки научного объяснения явлений природы. Помимо Коперника критике подвергались Галилей, Кеплер, Декарт, Ньютон и другие ученые. Книга Сокольского далеко не первое нападение на Коперника в России. Еще в XVIII в. русское духовенство во главе с Синодом повело настоящее наступление на гелиоцентрическую систему. Несмотря на успехи просвещения и науки, подобные нападки церкви продолжались даже в начале XX в. В 1914 г., например, появилась книга «Круг земли неподвижен, солнце ходит. Доказано из священного писания и из творений святых отцов. Составил священно-инок Иов Немцов» (*Райков Б. Е.* Очерки по истории гелиоцентрического мировоззрения в России. М.; Л., 1947. С. 294, 374).

[45] О Тихо Браге см. примеч. 6. *Риччиоли Джованни Баттиста* (1598—1671), итальянский астроном, автор энциклопедии астрономических знаний того времени — «Новый Альмагест» (1651). Приводил 49 аргументов за систему Коперника и 77 против.

[46] Невтон — *Ньютон Исаак* (1643—1727), выдающийся английский математик, механик, астроном и физик, создатель классической механики. Открыл закон всемирного тяготения, дал теорию движения небесных тел, создал основы небесной механики; *Кеплер Иоганн* (1571—1630), немецкий астроном, один из создателей астрономии нового времени, открыватель законов движения планет.

[47] *Лаланд Жозеф Жером ле Франсуа де* (1732—1807), французский астроном, член парижской Академии наук (с 1753 г.), автор учебников и популярных книг по астрономии. Возможно, Штейнгейль имеет в виду его обширный курс астрономии — в русском переводе «Сокращение астрономии или звездозаконие де Лаланда». Спб., 1789.

[48] *Скалигер Юлий Цезарь* (наст. имя Джулио Бордони, 1484—1558), французский филолог, критик, поэт. Его сын — *Скалигер Жозеф Жюст* (1540—1609), французский астроном и гуманист. Заложил основы научной хронологии, введя свою систему унификации летосчисления. В 1583 г. опубликовал «Новый труд об улучшении счета времени», обосновывавший введение так называемого юлианского периода, в основе которого лежали средние солнечные сутки. В качестве точки отсчета было взято 1 янв.

4713 г. до н. э. В астрономии и хронологии юлианский период Скалигера позволяет связать различные календарные эры, выразив их эпохи через юлианские дни. Позднее этот период стали именовать эрой Скалигера (*Пронштейн А. П., Пияшко В. Я.* Хронология. М., 1981. С. 62).

[49] *Николай V* (Томазо Парентучелли), римский папа в 1447—1455 гг. Его считают первым гуманистом на папском престоле; *Лев X* (Джованни ди Медичи, 1475—1521), римский папа в 1513—1521 гг., покровитель искусств; *Григорий XIII* (1502—1582), римский папа с 1527 г., один из вдохновителей контрреформации. Неточности юлианского календаря были обнаружены еще в XIV в. Реформу календаря предлагали философ Н. Г. Григора (1324), монах И. Аргир (1372), папа Сикст IV (1475). В 1582 г. папа Григорий XIII создал специальную комиссию под руководством И. Данти (1536—1586). Комиссия одобрила проект итальянского математика и врача *Луиджи Лилио Гаралли* (или Алонзия Лилия, 1520—1576). Проект его был принят Григорием XIII в специальной булле от 24 февр. 1582 г. Было решено после 4 окт. 1582 г. считать сразу 15 окт., т. е. выбросить 10 суток (ту ошибку в юлианском календаре, которая накопилась со времени Никейского собора). Чтобы подобная ошибка не повторилась в дальнейшем, предложили выбрасывать из счета за каждые 400 лет 3 суток. Такой календарь получил название григорианский, или новый стиль.

[50] *Галилей Галилео* (1564—1642), итальянский ученый и астроном, один из основателей точного естествознания, активный сторонник гелиоцентрической системы, за что был подвергнут суду инквизиции (1633). Открытие им спутников у Юпитера явилось первым и более ста лет единственным фактом, подтверждающим правильность теории Коперника.

[51] Может быть, имеется в виду *Меций* (Metius) Якоб (ум. между 1624 и 1631), нидерландский оптик, создатель одного из первых телескопов.

[52] Понтиф — папа римский (от лат. pontifex — первосвященник).

[53] В начале XIX в. еще очень мало знали об истории, жизни и быте древних славян, главным образом по дошедшим более поздним летописным сводам. *Рюрик* — легендарный начальник варяжского военного отряда, якобы призванный славянами вместе с братьями Синеусом и Трувором княжить в Новгороде. Считается основателем династии Рюриковичей (IX—XVI вв.).

[54] Древние славяне, как и многие другие народы на ранней стадии развития, использовали 12-месячный лунный календарь, ко времени принятия христианства (988 г.) знали уже лунно-солнечный календарь. Год начинался с 1 марта, и примерно с этого времени приступали к сельскохозяйственным работам. В перечислении названий славянских месяцев Штейнгейль допустил некоторые неточности: апрель чаще назывался цветень (у западных славян квитень), июнь — червень, сентябрь — вересень, октябрь — листопад (на юге страны — поздерник), ноябрь — груденъ (на юге — листопад). Март никогда не называли травенем ни на юге, ни на севере. Травень — май.

[55] Гиперборейский — т. е. северный. *Зосима Брадатый*, русский государственный и церковный деятель XV в., митрополит Московский в 1490—1494 гг. Был обвинен в ереси, в 1495 г. ли-

шен сана и сослан в Троицко-Сергиев монастырь. В 1492 г. по его инициативе был созван собор, который перенес начало года в России с 1 марта на 1 сент.

[56] Имеется в виду «История государства Российского» Н. М. Карамзина, первые восемь томов которой вышли в 1818 г.

[57] Указом Петра I от 19 дек. 7208 г. от «сотворения мира» предписывалось день после 31 дек. 7208 г. считать 1 янв. 1700 г. от Рождества Христова. Еще одним указом царя «О праздновании Нового года» предписывалось торжественно отметить введение нового летоисчисления.

[58] Штейнгейль имеет в виду раскол церкви вследствие введения церковных реформ патриарха Никона в 1653—1656 гг. Причинами его были, конечно, не исправление церковных книг, а стремление восстановить авторитет церкви, усилить ее, поставить ее над светской властью.

[59] Так считал В. И. Штейнгейль, всем своим трудом ратовавший за введение в России нового стиля. Петербургская академия наук предложила ввести новый стиль лишь в 1830 г. Но правительство Николая I отклонило это предложение как несвоевременное и нежелательное. Споры по этому вопросу шли весь XIX в. В 1899 г. при Русском астрономическом обществе была создана календарная комиссия для подготовки реформы календаря. Но священный Синод отклонял все эти робкие попытки. Вопрос был решен после Октябрьской революции. 24 янв. 1918 г. был принят декрет о введении нового календарного стиля. Так как к этому времени разница между старым и новым стилями составляла 13 дней, то декрет предписывал после 31 янв. 1918 г. считать не 1 февр., а 14-е (*Селешников С. И.* Указ. соч. С. 166—168).

РАССУЖДЕНИЕ О ЗАКОНЕ НА БОГОХУЛЬНИКОВ

ЦГАОР, ф. 279, оп. 1, ед. хр. 247,
л. 1— 11

Историю создания этого сочинения, изложенную в краткой преамбуле, В. И. Штейнгейль несколько подробнее описал в своих Автобиографических записках (Штейнгейль, т. 1. С. 127). Неизвестный нам переписчик публикуемого здесь и единственного известного списка «Рассуждения» поместил над текстом дату его написания: 21 авг. 1819 г., а под текстом обозначил дату окончания своей работы: 17 янв. 1825 г. Во вступительной статье к первому тому мы высказали предположение, что список был сделан для К. Ф. Рылеева в связи с принятием Штейнгейля в Северное общество(там же, с. 23). Среди бумаг И. И. Пущина список мог естественным образом оказаться весной 1825 г., когда Штейнгейль сблизился с Пущиным и, конечно, ознакомил его со своими сочинениями.

[1] Цитата из комедии Теренция «Самоистязатель».

[2] В авг. 1816 г. Александр I отправился в путешествие по стране и впервые после окончания войны посетил Москву.

[3] Генерал-губернатор — главнокомандующий в Москве А. П. Тормасов.

[4] Кормчая книга — сборник церковных и светских законов,

касающихся управления церковью и церковного суда. Последний раз издана в России в 1816 г.

[5] Проект уголовного положения Российской империи. [Сост. в Комиссии для составления законов]. Ч. 2. О наказаниях за государственные и общественные преступления. Спб., 1813. Проект рассматривался в 1813—1814 гг. Департаментом законов Гос. совета, но обсуждение его осталось незаконченным.

[6] Перифраз псалма 143, ст. 5—6.

[7] Лука. 23. 34.

[8] Матф. 5. 44—45.

[9] Лука. 15. 7.

[10] I Тимоф. 1. 13.

[11] Иов. 12. 2—3.

[12] Петр. 2. 25.

[13] Наказ ее имп. величества Екатерины Второй, самодержицы Всероссийской, данный Комиссии о сочинении проекта нового уложения. Спб., 1776.

[14] Марк. 2. 17 или Лука. 5. 32.

[15] В пример ставится Жан Франсуа де Лагарп (1739—1803), французский драматург, последователь Вольтера, ярый республиканец до 1793 г., а после тюрьмы, в которую он попал во время террора и где стал рьяным католиком,— противник просветительства и революции.

КРАТКОЕ ИЗВЕСТИЕ О ЖИЗНИ, ХАРАКТЕРЕ И САМОЙ КОНЧИНЕ БЫВШЕГО МОСКОВСКОГО ВОЕННОГО ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРА ГРАФА АЛЕКСАНДРА ПЕТРОВИЧА ТОРМАСОВА

Подлинник не сохранился.
Сын отечества. 1820. Ч. 59. № 2. С. 49—66

[1] Отец — *Тормасов Петр Иванович* (ум. не позднее 1789), лейтенант флота, мать — *Евдокия Павловна* (1739— не ранее 1789).

[2] *Брюс Яков Александрович* (1732—1791), гр., ген.-губернатор обеих столиц, а также главнокомандующий войсками в Москве.

[3] Здесь и выше в тексте необходимы некоторые уточнения: А. П. Тормасов был исключен из службы в 1799 г., в 1800 г.— вновь назначен командиром л.-гв. Конного полка, в 1801 г. стал ген. от кавалерии. В 1803 г. назначен киевским ген.-губернатором, в 1807 г.— рижским, в 1808—1811 гг.— главнокомандующий в Грузии и на Кавказской линии. Тормасов был женат с 1797 г. на Луизе Филипповне фон Гейкинг (в первом браке Дириной).

[4] Речь идет о подавлении Польского восстания 1794 г. Далее перечисляются боевые действия Тормасова в ходе русско-турецкой войны 1806—1812 гг., русско-иранской войны 1804—1813 гг. и события, связанные с присоединением Грузии к России.

[5] В начале Отечественной войны 1812 г. Тормасов командовал 3-й армией, предназначенной для защиты юга России. Сражения у Кобрина и при Городечне произошли 15 и 31 июля 1812 г.

[6] В сент. 1812 г. после соединения 3-й армии с Дунайской армией ген. П. В. Чичагова Тормасов был отозван в штаб действующей армии и принял на себя внутреннее управление и организацию войск. Сражение под Красным происходило 3—6 нояб. 1812 г.

[7] Во время болезни М. И. Кутузова весной 1813 г. Тормасов исполнял обязанности главнокомандующего. Сражение при Люцене 20 апр. (2 мая) 1813 г., в котором Наполеон нанес поражение русско-прусским войскам, происходило уже под командованием гр. Витгенштейна, только что назначенного главнокомандующим вместо скончавшегося за четыре дня до этого Кутузова.

[8] *Фридрих-Вильгельм III* (1770—1840), прусский король с 1797 г.

[9] *Тормасов Александр Александрович* (1807—1839), камер-юнкер.

[10] *Шнауберт Карл Андреевич* (1779—1859), врач.

[11] *Лодер Христиан Иванович* (1753—1832), *Рихтер Вильгельм Михайлович* (1767—1822), лейб-медики, *Пикулин Лука Егорович* (1784—1824), доктор медицины и хирургии.

[12] Серафим (*Глаголевский Стефан Васильевич*, 1763—1843), митрополит Московский (1818—1821). Амвросий (*Зертис-Каменский Андрей Степанович*, 1708—1771), архиепископ Московский, растерзанный толпой в Донском монастыре во время чумного бунта. *Н. В. Репнин* (1734—1801), кн., ген.-фельдмаршал, дипломат.

ЧАСТНОЕ ЗАВЕДЕНИЕ ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ ЮНОШЕСТВА ПОДПОЛКОВНИКА И КАВАЛЕРА БАРОНА ВЛАДИМИРА ШТЕЙНГЕЙЛЯ. В МОСКВЕ, У ПОКРОВСКИХ ВОРОТ, ПРОТИВ ЧИСТЫХ ПРУДОВ В ДОМЕ ГОСПОД АКУЛОВЫХ. МОСКВА. В ТИПОГРАФИИ СЕМЕНА СЕЛИВАНОВСКОГО. 1821

Автограф или списки этого произведения Штейнгейля нам неизвестны. Цензурное разрешение на печатание проспекта было получено 2 июня 1821 г., в июле же он вышел в свет. О замысле создания пансиона см.: *Штейнгейль. Т. 1.* С. 16.

О ЛЕГКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ УНИЧТОЖИТЬ СУЩЕСТВУЮЩИЙ В РОССИИ ТОРГ ЛЮДЬМИ

ЦГИА, ф. 1409, оп. 1, 1823 г., д. 4191, л. 323—330

О предыстории написания этой записки Штейнгейль вспоминал в своих записках. В 1821 г. он с семьей уехал в Астрахань по приглашению губернатора В. С. Попова и провел на Волге около восьми месяцев. Тогда он и узнал, что на Макарьевской ярмарке, как на невольничьем рынке, перепродают крепостных людей в рабство кочевникам и в Среднюю Азию (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 129). 5 февр. 1823 г. Штейнгейль обращается к царю с проектом уничтожения в России торговли людьми без земли.

Беловой автограф этой записки сохранился в архиве с. е. и. в. канцелярии. На первом листе записки помета Александра I: «Читал 17 февраля 1823 г.» Записке предпослано обращение к императору (опубл.: *Штейнгейль. Т. 1.* С. 202). На нем сохранились пометы: «Убрать в дела», «Получено от государя в Царском Селе 18-го февраля 1823 года».

Первая публикация записки была произведена в 1895 г. без указания имени автора (Сборник исторических материалов, извлеченных из архива первого отделения с. е. и. в. канцелярии. Спб., 1895. Вып. 7. С. 193—196). Перепечатана с большими купюрами в сб. «Декабристы. Отрывки из источников». (М.; Л., 1926, с. 58). По этому изданию была приведена также с сокращениями в книге «Избранные социально-политические и философские произведения декабристов» (М., 1951, т. 1, с. 235—236).

[1] Скорее всего, Штейнгейль имел в виду не Ф. Б. Годунова, а его отца *Бориса Федоровича Годунова* (ок. 1552—1605), русского царя с 1598 г., который действительно стоял у истоков крепостнического режима в России (*Скрынников Р. Г.* Борис Годунов. М., 1979. С. 97). Федор Годунов пробыл царем всего несколько месяцев и практически ничего не смог сделать. *Василий IV Шуйский* (1552—1612), русский царь в 1606—1610 гг., ставленник боярства, проводил политику закрепощения крестьян. До окончательного закрепощения русские крестьяне пользовались правом перехода с одной земли на другую, установленным Судебником 1497 г., в течение двух недель, до и после Юрьева дня (26 нояб.). Борис Годунов, будучи правителем при царе Федоре, указами 1593 и 1597 гг. значительно ограничил это право, запретив на время переходы и введя пятилетний срок сыска беглых. В. Шуйским в 1607 г. был установлен пятнадцатилетний срок сыска беглых крестьян. Эти указы положили начало полному закрепощению крестьян, получившему окончательное оформление в Соборном уложении 1649 г.

[2] Возможно, автор имеет в виду указ Шуйского, по которому пленных было велено отдавать в холопы, а перебежчиков освобождать от зависимости. Принятый в условиях крестьянской войны, он имел цель расколоть восставших.

[3] *Алексей Михайлович* (1629—1676), русский царь с 1645 г. В период его правления усилилась центральная власть и оформилось крепостное право. Штейнгейль ошибается. Реформа податной системы и переход к подворному обложению были проведены начиная с 1679 г. его сыном *Федором Алексеевичем*, русским царем в 1676—1682 гг.

Указы Петра I 1718—1724 гг., установившие подушную подать для всех категорий крестьян, окончательно уничтожили различие между холопами и остальными крестьянами, слив их в единую крепостную массу.

[4] Продажа крестьян без земли допускалась еще Соборным уложением 1649 г. и вошла в практику во второй половине XVII в.

[5] Это право было закреплено указом 20 февр. 1803 г. о свободных хлебопашцах, предоставлявшим помещику возможность по соглашению с крестьянами отпускать их на волю с землей за выкуп. На основании этого указа до 1825 г. было отпущено на волю всего 47 тысяч крепостных.

[6] Даже такой, в целом весьма умеренный проект Штейнгейля был отвергнут правительством. Вопрос о запрещении продавать крестьян без земли так и не был решен. По этому поводу издавались лишь отдельные, более частные постановления. Запрещение продавать крестьян с публичных торгов в случае казенных или частных взысканий с помещиков было дано в указе Сенату от 2 мая 1833 г. и дополнительно разъяснено в 1835 г.

(*Семевский В. И.* Крестьянский вопрос в России в XVIII и первой половине XIX в. Спб., 1888. Т. 2. С. 553—556).

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ РАССУЖДЕНИЕ МОСКОВСКОГО КОММЕРСАНТА О ВНЕШНЕЙ РОССИЙСКОЙ ТОРГОВЛЕ

ИРЛИ, ф. 523, № 70 (арх. Маркова), л. 1—36 об.
Архив графов Мордвиновых. Спб., 1902.
Т. 6. С. 357—393

Одно из наиболее значительных и широко известных произведений В. И. Штейнгейля, эта записка имеет сложную судьбу. В своих воспоминаниях он не упоминает о ней, но на следствии указывал, что написал «Патриотическое рассуждение о причинах упадка торговли» (*ВД*. Т. 14. С. 161). М. К. Азадовский приводил еще одно название этой записки — «Рассуждение об упадке торговли, финансов и публичного кредита в России». Однако под такими названиями записки Штейнгейля обнаружено не было. Текст ее считался утраченным. Историки, правда, пытались связать эту записку с опубликованным анонимно произведением «Рассуждение о внешней Российской торговле» (Архив графов Мордвиновых. Спб., 1902. Т. 6. С. 357—393). Окончательно установила авторство Штейнгейля Н. В. Зейфман (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 13).

Автографа записки найти не удалось. Но на сегодняшний день выявлено восемь списков «Патриотического рассуждения», что уже само по себе свидетельствует о ее широком распространении. Шесть списков обнаружено в *ЦГИА*: 1. Четкий писарский список в фонде М. М. Сперанского (ф. 1251, оп. 1, д. 38, л. 73—96) без обозначения автора и года; 2. Список разными почерками и чернилами среди бумаг Д. Н. Блудова (ф. 1250, оп. 1, д. 4а, ч. 1, л. 1—36). На первом листе карандашом помечено: «В 1820 годах «Барона Штейнгейля». Список менее исправен, чем другие: много описок, неточностей; 3. Четыре списка сохранились в фонде Н. С. Мордвинова. Наиболее интересны два списка «Патриотического рассуждения» (ф. 994, оп. 2, 373, л. 40—103). Один из них и был опубликован в «Архиве графов Мордвиновых», так как в этом же томе были опубликованы находящиеся в одном с ними деле записки купцов Попова и О. Л. Свешникова (Архив графов Мордвиновых. Т. 6. С. 393—441, 550—562).

Оба списка писаны на бумаге с филигранями 1821 г. разными почерками. На первом списке в левой части вдоль всего листа помета: «Препровождено к его превосходительству Сергею Семеновичу для рассмотрения и извлечения возможной пользы. Прошу возвратить». В левом верхнем углу — 1823. На втором списке — 1824 (карандашом). В тексте обоих списков много пометок на полях, отчеркиваний, надписей на полях. В первом списке — 26 помет двумя почерками, во втором — 4 замечания на полях и много подчеркнутых мест.

Два других списка поступили в *ЦГИА* в начале 60-х гг. из Красноярска, где они находились в составе обширной документальной коллекции Г. В. Юдина в *ГАКК*. В описи этой коллекции, составленной в 1960 г., под № 599 значится: Штейнгейль В. И. Рассуждение о внешней российской торговле от

1823 г. Изд. в Архиве графов Мордвиновых, т. VI, 1902, с. 357—393, рукописи в 2-х вариантах, 51 л. И рядом помета: «Передано в ЦГИА СССР».

В *ИРЛИ* в фонде К. И. Маркова (ф. 523, № 70, л. 1—36) выявлен еще один список записки Штейнгейля. Список представляет собой беловую копию, написан четким почерком без помарок. На л. 1 рукописи вслед за названием помета другими чернилами и рукой — «Барона Штейнгейля».

Наконец, один список был обнаружен в Иркутском государственном архиве в фонде историка и библиографа Н. С. Романова (*ГАИО*, ф. 480, оп. 1, д. 195, лл. 1—51). На 1-м листе его в левом углу помечено: «Ш». А сразу после заголовка — другим почерком (вероятно, рукою Н. С. Романова): «Составлена в 1823 году». В тексте многие абзацы обведены карандашом. Установить, как данный список попал к Романову, не удалось.

При всех разночтениях в датировках записки, небольших различиях в тексте (главным образом стилистического характера) имеющиеся списки сохранили одно название «Патриотическое рассуждение московского коммерсанта о внешней российской торговле». Под этим названием, как более полным, записка Штейнгейля публикуется в наст. изд. При опубликовании в «Архиве графов Мордвиновых» текст ее подвергся редакционной правке, было сокращено название, приложен небольшой комментарий.

В наст. изд. текст записки печатается по списку К. И. Маркова (*ИРЛИ*).

[1] Имеется в виду Отечественная война 1812 г.

[2] По жалованной грамоте городам (21 апр. 1785 г.) купечество было освобождено от рекрутской повинности. Стремление зажиточного крестьянства записаться в купцы, чтобы избежать рекрутской повинности, принимало такие размеры, что в 1796 г. был даже издан указ о переводе крестьян в купечество только по отбытии рекрутской очереди (*ПСЗ 1*. Т. 24. № 17 695).

[3] Упадок торговли и промышленности, купеческих капиталов в России во втором десятилетии XIX в. был связан с дальнейшим кризисом феодально-крепостнической системы и становлением буржуазных отношений. Старое сословное купечество, основанное на торговом капитале, не выдерживало конкуренции со стороны иностранной и нарождающейся отечественной буржуазии (см. подробнее: *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958).

[4] *Гурьев Дмитрий Александрович* (1751—1825), гр., министр финансов в 1810—1823 гг., сторонник фритредерского направления в экономике России.

[5] *Голицин Дмитрий Владимирович* (1771—1844), кн., ген. от кавалерии, участник многих кампаний, московский военный ген.-губернатор. (1820—1844).

[6] Исполняя распоряжение министра финансов, московская казенная палата указом от 23 дек. 1822 г. предписала городской думе доставить сведения о причинах уменьшения купеческих капиталов и рекомендации к их устранению. С этой целью была создана специальная комиссия при московском купеческом обществе.

В 1822—1823 гг. в нее поступило около 10 записок и писем с

проектами поддержания торговли и промышленности в стране. Вероятно, в связи с работой этой комиссии и была написана данная записка Штейнгейля. Итогом работы московского купечества был сводный проект «Предложения Московского купеческого общества о причинах упадка торговли и купеческих капиталов в России и о средствах к поправлению оных для умножения казенных сборов» (полный и сокращенный вариант его сохранился в фонде Мордвиновых — *ЦГИА*, ф. 994, оп. 2, д. 366, л. 1—81). Несмотря на то, что некоторые предположения московских купцов были учтены правительством, основные их положения не получили воплощения. И когда в 1840 г. правительство вновь обратилось к этому вопросу, московское купеческое общество отказалось от выработки новых предположений и просто представило проект 1823 г. (История Московского купеческого общества / Под ред. В. Н. Сторожева. М., 1916. Т. 2. Ч. 1. С. 241—336).

[7] Штейнгейль с полным правом мог называть себя «опытным российским коммерсантом». Еще в молодые годы он собирался перейти на службу в Российско-Американскую компанию, был близко знаком с многими ее деятелями. В дальнейшем он постоянно соприкасался с купеческими деловыми кругами, с 1817 г.— почетный член Московской практической Академии коммерческих наук, в 1820—1824 гг. неоднократно занимался частными торговыми делами, стремился получить место директора Варшавской таможни.

[8] Штейнгейль не совсем точен. Манифест 19 дек. 1810 г. касался уплаты заемному банку. Но в этот же день было издано «Положение о внешней торговле на 1811 г.». Его-то и имеет в виду автор записки. «Положение» предусматривало введение ярко выраженного протекционистского тарифа, содействовавшего оживлению русской промышленности.

[9] Только московское купечество пожертвовало на оборону ок. 10 млн. рублей. Значительные пожертвования от купцов были и от других губерний (*Тарле Е. В.* 1812 год. М., 1959. С. 615).

[10] Речь идет, вероятно, о послании Наполеона во Францию перед оставлением Москвы, в котором были следующие слова: «Москва как стратегический пункт непригодна. Что же касается ее политической важности, то она ее утеряла, будучи сожжена и разорена на сто лет» (*Божерянов И. Н.* Поход в Москву Наполеона и бегство его из России. М., 1912. С. 165).

[11] Таможенный тариф 1816 г. снимал запрет на ввоз ряда иностранных товаров и значительно понижал пошлины на те виды сырья, которые не вырабатывались в России.

[12] Волнения рабочих в Англии были вызваны прежде всего промышленным кризисом 1816 г., вызвавшим массовую безработицу. Особенно сильно кризис ударил по текстильной промышленности. Значительно сократился вывоз сукон из Англии: с 638 тыс. кусков в 1815 г. до 467 тыс. в 1816-м (*Черняк Е. Б.* Демократическое движение в Англии. 1816—1820. М., 1957. С. 61—63).

[13] Характерной чертой экономической политики России первой четверти XIX в. была борьба протекционистов, выступавших за ограждение отечественной промышленности от иностранной конкуренции, с фритредерами, защищавшими свободу торговли. Протекционисты, защищая идею о необходимости поддержа-

вать и развивать крупное производство, объективно отражали интересы буржуазного развития страны. Фритредеры, напротив, всегда подчеркивали, что они, отстаивая принцип свободной торговли и выступая против запрещений, защищают тем самым интересы дворянства (подробнее см.: *Предтеченский А. В.* Борьба протекционистов с фритредерами в начале XIX века // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, Сер. ист., 1939, вып. 5, № 48, с. 143—156). Идеи фритреда активно пропагандировали журналы «Сын отечества», «Дух журналов». Основные доводы сторонников свободной торговли сводились к тому, что запреты на ввоз иностранных товаров приведут к монополии на отдельные виды продукции, породят промышленную спекуляцию. Ссылки их на Англию были несостоятельны, так как последняя отказалась от системы протекционизма лишь в 1846 г. В целом русское правительство в первой половине XIX в. старалось придерживаться политики протекционизма. Отдельные отступления от нее (тарифы 1816 и 1819 гг.) были вызваны международной обстановкой, уступкой союзникам по антинаполеоновской коалиции, в частности Пруссии и Англии, заинтересованным в расширении торговых связей с Россией.

[14] Тариф 1819 г. не соответствовал экономическим задачам страны. Он привел к сокращению числа промышленных предприятий и отрицательно сказался на торговом балансе России. В результате действия тарифа 1819 г. промышленные изделия Западной Европы, главным образом английские, наводнили рынки России. По словам Е. Ф. Канкрина, этот тариф убил русское производство (*Ляхов А.* Основные черты социальных и экономических отношений в России в эпоху императора Александра I. М., 1912. С. 61).

[15] В 1817 г. Пруссия заключила с Россией конвенцию на право транзита и продажи силезских сукон в Кяхте через русских купцов. После тарифа 1819 г. объем прусских сукон резко возрос. Если в 1818 г. через Кяхту было вывезено 446,9 тыс. аршин прусского сукна, то уже в 1820 г. соответственно 833,6 тыс. В то же время количество русского сукна упало с 313 тыс. до 90,4 тыс. (*Сладковский М. И.* История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.) М., 1974. С. 198—199).

[16] О засилье иностранных предпринимателей в российской торговле писали многие современники. Русский публицист И. Вавилов оценивал убытки российского купечества от иностранной конкуренции в 70 млн. рублей в год. Он же указывал, что зачастую под маркой русских коммерческих домов орудуют иностранцы. Из 132 петербургских торговых домов, числящихся русскими, действительно русских было не более 30 (*Вавилов И.* Беседы русского купца о торговле. Практический курс коммерческих знаний. Спб., 1846. Ч. 1, с. 42, 155).

[17] Государственный коммерческий банк, открытый в 1818 г., был единственным в России кредитным учреждением, предназначенным для обслуживания торговли.

[18] Это типичный взгляд русского предпринимателя, страдающего от иностранной конкуренции. Технически отсталая, еще не полностью перешедшая к вольнонаемному труду, не имевшая ни достаточного производственного опыта, ни постоянного рынка, купеческая мануфактура не выдерживала конкуренции с более

дешевыми и качественными иностранными товарами. Введение запретительных тарифов приводило к увеличению контрабандного ввоза. Так, после 1812 г. в Россию в виде контрабанды только английских товаров ежегодно попадало на 1 млн. ф. ст. (*Ерофеев Н. А.* Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825—1853 гг. М., 1982. С. 257).

[19] В связи с увеличением недоимок по многим губерниям России указом от 16 сент. 1815 г. предписывалось принять все меры к тому, чтобы все долги и недоимки с крестьян «без малейшего промедления и послабления взыскиваемы были» (*ПСЗ 1.* Т. 39. № 25 944). Манифест 23 февраля 1816 г., дополняя предыдущий, «строжайше» требовал от гражданских губернаторов «иметь неослабное попечение о взыскании недоимок» (*ПСЗ 1.* Т. 33. № 26 157).

[20] Впервые бумажные деньги (ассигнации) появились в России в 1769 г. С конца XVIII в. курс их стал падать. После наполеоновских войн в 1814 г. курс рубля ассигнаций составлял лишь 20 к. сер. Начиная с 1823 г. курс ассигнаций несколько поднялся и удерживался на уровне 3 р. 40 к.—3 р. 70 к. за рубль серебром. Существование двух параллельных денежных счетов (на ассигнации и серебро) и колебании курса ассигнаций вносили большие осложнения в хозяйственную жизнь. Поэтому неоднократно появлялись проекты упорядочения денежного обращения. В 1839 г. была проведена денежная реформа Е. Ф. Канкрина. Был установлен твердый курс обмена ассигнаций на серебряные рубли из расчета 3 р. 50 к. ассигнациями за 1 серебряный рубль. Тогда же начался выпуск кредитных рублей, по своей стоимости приравненных к серебряным.

[21] Стремясь «очистить» ряды купечества от малоимущих и банкротов, правительство начиная с 1775 г. значительно подняло размеры объявляемого капитала для 1-й гильдии в 5 раз, для 2-й в 20 раз, для 3-й — в 16 раз. Наряду с повышением минимума объявленного капитала росло и обложение с него. Если первоначально купечество выплачивало всего 1% с капитала, то в 1812 г. подать достигла 4,75%, в 1818 г. составила 5,225% (подробнее см.: *Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 42).

[22] 11 февр. 1812 г. был издан манифест о преобразовании Комиссии погашения долгов. В части манифеста, относящейся к сбору налогов с крестьянства, говорилось о беспрепятственной и беспошлинной торговле крестьянскими продуктами. Но вместе с тем указывалось, что за торговлю, производимую крестьянами, но присвоенную купечеству, необходимо платить гильдейские сборы. Торговля без свидетельств об уплате таких сборов запрещалась. (*ПСЗ 1.* Т. 32. № 24 992).

[23] *Козодавлев Осип Петрович* (1754—1819), сенатор, министр внутренних дел в 1810—1819 гг., последовательный сторонник правительственного протекционизма.

[24] В марте 1822 г. был введен строго протекционистский тариф, сыгравший положительную роль в развитии русской промышленности. По нему из 900 статей ввоза в Россию подлежали запрету 300 видов товаров, а остальные облагались высокими пошлинами, например, на хлопчатобумажные, шерстяные и шелковые изделия они составляли от 100 до 250% их стоимости. Пошлина на чугун составляла 600%, а на железо 250% их сто-

имости. Не облагались пошлинами лишь те товары, в которых нуждалась русская промышленность,— машины, сырье, медикаменты и другие материалы. Тариф 1822 г. с небольшими поправками просуществовал до 1850 г. (*Кинятина Н. С.* Политика русского самодержавия в области промышленности. М., 1968. С. 111—112).

[25] Ефимок, русское название западноевропейской серебряной монеты — иоахимсталлера. Изготавливалась с XVI в. в Иоахимстале в Богемии. Не имея своего серебра, Россия просто перечеканивала свои рубли из западноевропейских иоахимсталлеров (талеров).В 1704 г. ефимок был принят за весовую единицу серебряного рубля.

[26] Блонды — шелковые кружева; линобатист — тонкая, полупрозрачная льняная ткань; кисея — легкая прозрачная хлопчатобумажная ткань с ткацким рисунком в крупную клетку и набивным цветочным орнаментом по белому или светлому фону.

[27] Московское общество сельского хозяйства было открыто постановлением Комитета министров от 4 янв. 1819 г. Правительство благосклонно отнеслось к цели общества — «стараться об усовершенствовании в России сельского хозяйства во всех его отраслях». При обществе была открыта земледельческая школа (*ПСЗ 1.* Т. 36. № 27 623). Президентом общества был назначен кн. Д. В. Голицын. Энергичное участие в его организации принял министр внутренних дел О. П. Козодавлев (подробнее см.: *Маслов С.* Историческое обозрение действий и трудов императорского Московского общества сельского хозяйства до 1846 г. М., 1850).

[28] Вопрос об организации Мануфактурного совета не раз поднимался в первой четверти XIX в. Еще в 1812 г. на имя О. П. Козодавлева поступила просьба от московского промышленника Пантелеева, предлагавшего учредить при Московской практической коммерческой академии Мануфактурное купеческое общество. В 1816 г. с проектом создания Мануфактурного совета выступил сенатор И. Аршеневский. Наиболее полный проект реорганизации управления российской промышленности был подготовлен в 1820 г. председателем Комитета по снабжению войск сукнами Е. В. Карнеевым. Вероятно, именно его имеет в виду Штейнгейль. Круг обязанностей Мануфактурного совета по проекту Карнеева был следующим: его члены должны были собирать сведения о работе фабрик и заводов; «входить во все нужды фабрикантов», возбуждая перед правительством ходатайства о них; задумываться над усовершенствованием мануфактур, внутренней и внешней торговли; содействовать образованию юношества.

Предложение организовать Мануфактурный и Коммерческий советы вошло в сводное «Предположение Московского купеческого общества», поданное правительству в 1823 г. Но только в дек. 1827 г. министерство финансов подготовило соответствующий законопроект, в котором Мануфактурный совет приобретал черты вполне законченного бюрократического учреждения. Участию же в нем буржуазии придавалось второстепенное значение. Этот проект был утвержден 11 июля 1828 г., а 30 нояб. открыл свои заседания (*Предтеченский А. В.* История основания Мануфактурного совета // Изв. АН СССР. Отд-ние обществ. наук. 1932. № 5. С. [illegible]—93).

[29] В 1814 г. для русской армии потребовалось 2,4 млн. аршин сукна и 420 тыс. аршин каразеи. Не оправившаяся еще от войны российская промышленность не смогла полностью обеспечить этот заказ (было поставлено всего 1,4 млн. аршин). В связи с этим Россия была вынуждена закупить в 1815 г. в Англии 5,5 млн. аршин сукна, затратив на их приобретение более 20 млн. шиллингов (*Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX в. М., 1973. С. 463—464).

[30] Вероятно, имеется в виду Комитет по снабжению войск сукнами, созданный в 1816 г. (упразднен в 1854 г.). Комитет занимался закупкой сукон у фабрикантов с вольных торгов. С 1816 по 1824 г. председателем его был *Егор Васильевич Карнеев.*

[31] В 1822 г. впервые предложения суконных фабрикантов превысили нужное казне количество грубых сукон, что повлияло на изменение порядка их поставки. По новым правилам продавать сукно могли лишь владельцы предприятий, которые ранее поставляли сукна в казну, чем была установлена монополия отдельных предпринимателей, в большинстве своем дворян. Подобное положение существовало до 1847 г., когда правительство разрешило всем суконным предпринимателям производить казенные поставки армейских сукон. (*Киняпина Н. С.* Политика русского самодержавия в области промышленности. С. 59).

[32] Подобное мнение о первостепенной важности сельского хозяйства уходит корнями в глубокое прошлое, его мы можем обнаружить в учении физиократов, которые доказывали, что истинным источником народного богатства может быть только земледелие, которое обогащает всех, в то время как промышленность и торговля обогащают лишь отдельные личности. В аграрной России это убеждение было широко распространено и вполне отвечало взглядам поместного дворянства. Главенствующую роль земледелия представляли не только с позиций экономики, но и в плане политической устойчивости государства, морального климата. «Земледелие есть источник домашнего, семейного счастья, внутреннего спокойствия и всеобщего в народе довольства, благополучия» (*Линовский Я.* Беседы о сельском хозяйстве. М., 1845. С. 7).

[33] Еще в 1811 г. был издан указ о порядке выдачи хлеба из запасных сельских магазинов. В нем особое внимание обращалось на непременную обязанность помещиков в неурожайные годы снабжать хлебом своих крестьян. У тех помещиков, которые не выполняют этого требования, имения должны были отбираться в казну (*ПСЗ 1.* Т. 31. № 24 525).

[34] Герберги — питейные заведения, на дверях которых было изображение государственного герба.

[35] Шильничество (от слова шильничать) — мошенничать, плутовать, обманывать (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Спб.; М., 1909. Т. 4. С. 1434); озорничество — воровство.

[36] Имеются в виду различные сорта китайского чая.

[37] Возвышение пошлин на паспорта привело к сокращению их количества. Если в 1821 г. московским купечеством было взято 1290 паспортов, то в 1823 г.— всего 550. Большое недовольство купечества вызывало подробное описание примет и другие разделы паспортов, унижавшие их достоинство. «Таковых видов,— указывали московские купцы,— для проезда внутри своего госу-

дарства не дается и последнему из канцелярских служителей» (*ЦГИА*, ф. 994, оп. 2, д. 366, л. 32—33).

[38] Развитие крестьянской промышленности вызывало многочисленные жалобы купечества, видевшего в крестьянах опасных конкурентов. Количество крестьян, занимавшихся промыслами и торговлей, стремительно росло. В 1812 г. (в феврале и декабре) правительство издало специальные постановления для «торгующего» крестьянства. По этим положениям крестьянам при покупке свидетельств (всего устанавливалось четыре разряда свидетельств) предоставляли те же права торговли, что и купцам, но без распространения на них сословных прав купцов. Это оживило крестьянские промыслы и торговлю. Но протесты купечества не стихали. В 1824 г. была проведена гильдейская реформа Е. Ф. Канкрина. «Дополнительные постановления о гильдиях и о торговле прочих состояний» значительно увеличивали плату за торговые свидетельства крестьян, им разрешалось вести в городах только мелочную торговлю. Реформа вызвала резкое недовольство крестьян и дворянства, заинтересованного в развитии крестьянского предпринимательства. Уже в 1827 г. торгующие крестьяне были уравнены в плате за свои свидетельства с купечеством (*Рындзюнский П. Г.* Городское гражданство дореформенной России. С. 111—151).

[39] Указом правительства от 26 окт. 1790 г. дворянам в целях сохранения их «сословной чистоты» и исключительных привилегий запрещалась запись в гильдии. Но уже манифестом 1 янв. 1807 г. дворянству было предоставлено право вступать в первые две гильдии А положением 21 дек. 1827 г. дворянам разрешалось открывать в городах фабрики и заводы с правом записываться во все три гильдии. Этим правительство привлекло дворян к промышленно-торговой деятельности.

[40] Видимо, речь идет о *Попове Василии Алексеевиче*, архангельском купце, авторе ряда работ по финансовым и торговым вопросам, в конце XVIII— начале XIX в. имевшем свою морскую торговлю. В записке «Российская торговля и купечество» (1823 г.) он указывал, что в 1780 г. в Архангельске морской торговлей занималось до 40 русских купеческих домов, еще в 1810 г. у него было до 20 собственных кораблей (Архив графов Мордвиновых. Т. 6. С. 550—562). До 1813 г. в Архангельске существовала Беломорская компания, занимавшаяся рыбным и китовыми промыслами, а также морской торговлей с Европой. В распоряжении компании было до 300 судов (*Огородников С.* История Архангельского порта. Спб., 1875. С. 308).

[41] *Дидро Дени* (1713—1784), французский писатель, философ-просветитель, создатель и редактор «Энциклопедии». Дидро посетил Россию в 1773—1774 гг. по приглашению Екатерины II. Результатом посещения были его «Философские, исторические и другие записки», в которых была выражена вера в будущее России как молодой нации. Приводимая Штейнгейлем цитата была широко известна в России. Правда, в разговоре с Екатериной II Дидро настаивал на том, что никогда не говорил фразы, которую ему приписывают, что «русские суть плод, который сгнил, не успевши созреть» (Дидро и Екатерина II. Их беседы, напечатанные по собственноручным запискам Дидро. С пояснительным очерком и примечаниями Мориса Турнё. Спб., 1902. С. 155).

ДНЕВНИК ДОСТОПАМЯТНОГО НАШЕГО ПУТЕШЕСТВИЯ ИЗ ЧИТЫ В ПЕТРОВСКИЙ ЗАВОД 1830-го ГОДА

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2468, л. 75—86

Переход декабристов из Читы в Петровский завод. Дневник барона В. И. Штейнгейля. 7.VIII—1830—23.IX / Публ. Б. Л. Модзалевского // Декабристы. Неизданные материалы и статьи /Под ред. Б. Л. Модзалевского и Ю. Г. Оксмана. М., 1925. С. 128—148

Печатается по списку, вошедшему в сборник воспоминаний и произведений декабристов, составленный К. К. Сунгуровым. Оглавление, вступительная заметка и примечания к сборнику написаны М. И. Семевским. В примечании он пишет: «Весь сборник этот списан с разных рукописей в 1860—1861 гг.— частично с подлинных бумаг от барона *В. И. Штейнгейля*, частично с бумаг *Бестужевых*, частично с других рукописей. Копию снимал студент С.-Петербургского университета Капитон Корнильевич *Сунгуров*, имевший несчастье за отпечатание около 1862 г. какой-то прокламации быть заключенным в Шлиссельбургскую крепость и там умершего вскоре после заточения» (л. II, запись 1881 г.). Позднейшие подчеркивания, сделанные в списке синим карандашом и чернилами, здесь не воспроизводятся. Однако возможно, что и часть воспроизводимых нами подчеркиваний, сделанных переписчиком (имена, даты, географические названия) принадлежат ему, а не автору.

[1] *Лепарский Осип Адамович*, плац-майор, и *Лепарский Станислав Романович* (1759—1838), ген.-майор, с 1826 г. комендант Нерчинских рудников и тюрем декабристов в Чите и Петровском заводе.

[2] *П. А. Куломзин*, плац-адъютант, в воспоминаниях М. А. Бестужева названный «глупцом и пьяницей» (Воспоминания Бестужевых. М., 1951. С. 265). *Волконский Сергей Григорьевич* (1788—1865), декабрист, его жена *Волконская* (урожд. Раевская, 1805—1863) *Мария Николаевна; Муравьев Никита Михайлович* (1795—1843), декабрист, его жена *Муравьева* (урожд. гр. Чернышева, 1804—1832) *Александра Григорьевна.*

[3] *Завалишин Дмитрий Иринархович* (1804—1892), декабрист, и его брат *Ипполит Иринархович* (1809— после 1879), провокатор и доносчик в деле Оренбургского тайного общества, который был осужден в каторгу вечно и отбывал ее вместе с декабристами.

[4] *Штейнгейль* (урожд. Вонифатьева, 1791 — после 1862) *Пелагея* (Полина) *Петровна*, жена В. И. Штейнгейля. Их переписка не сохранилась (кроме одного письма декабриста: см. *Штейнгейль. Т. 1.* П. 50); о портрете см. примеч. 18.

[5] *В. В. Розенберг*, поручик, плац-адъютант при С. Р. Лепарском.

[6] *Нарышкин Михаил Михайлович* (1798—1863), декабрист.

[7] *Смольянинова Фелицата Осиповна*, жена горного начальника Нерчинских заводов *Смольянинова Семена Ивановича.* На их

дочери *Аполлинарии* (1812—1847) женился первым браком Д. И. Завалишин.

[8] *Ильинский Дмитрий Захарович* (1805—1842), штаб-лекарь, и его жена *Екатерина Дмитриевна* (урожд. Старцева, ум. 1858) находились в дружеских отношениях с декабристами. *Пущин Иван Иванович* (1798—1859), декабрист.

[9] *Лорер Николай Иванович* (1797 или 1798—1873) и *Оболенский Евгений Петрович* (1796—1865), декабристы.

[10] *Вольф Фердинанд Богданович* (1796 или 1797—1854), врач, декабрист. Нерчинский окружной начальник — *Бобылев Иван Петрович.*

[11] *Литке Федор Петрович* (1797—1882), гр., известный морской путешественник, в будущем — президент Академии наук, весной и летом 1830 г. совершил плавание со старшим классом гардемаринов к берегам Голландии, оттуда в Брест и обратно в Кронштадт. Сын Штейнгейля *Всеволод* (1814 — кон. 1830-х — 1840-х гг.) учился в Морском кадетском корпусе.

[12] *Е. И. Трубецкая* (урожд. гр. Лаваль, 1800—1854), жена декабриста С. П. Трубецкого.

[13] *Юшневская* (урожд. Круликовская, в первом браке Анастасьева, 1790—1863) *Мария Казимировна,* жена декабриста А. П. Юшневского, в конце июля она приехала в Иркутск, а оттуда направлялась в Петровский завод.

[14] Английский король — *Георг IV* (1762—29 июня 1830). «Холерный бунт» в Севастополе 3—7 июня 1830 г., вылившийся в восстание, в котором участвовали вооруженные матросы и городские низы, был подавлен войсками, 1580 человек были преданы суду, 7 расстреляны.

[15] *Кюхельбекер Михаил Карлович* (1798—1859), декабрист, брат поэта.

[16] *Фонвизин Михаил Александрович* (1787—1854), декабрист.

[17] *Бестужев Николай Александрович* (1791—1855), декабрист, художник. Разговоры с ним — о 14 дек. 1825 г.

[18] *Дружинин Хрисанф Михайлович* (р. 1808), портупей-прапорщик, член Оренбургского тайного общества, сосланный в 1827 г. в каторжные работы на три года. Уезжая на поселение, он увозил с собой ящик, в потайном дне которого находились письма и портреты декабристов работы Н. А. Бестужева для пересылки их с вольной оказией родным, в том числе «большой куверт жене Штейнгейля», заключавший и упомянутый уже в записи от 8 авг. его портрет. Все это по назначению не дошло, так как ящик оказался в руках провокатора Медокса (*Штрайх С. Я.* Роман Медокс: Похождения русского авантюриста XIX века. М., 1929. С. 110—111; Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина, М., 1951. С. 121, 606—607).

[19] Старик — С. Р. Лепарский. Филипс — вероятно, *Георг Филлипс* (1804—1872), немецкий юрист, в 1825—1830 гг. выпустивший три книги по истории английского и немецкого права. *Розен Андрей Евгеньевич* (1799—1884), декабрист; он был выбран старостой второй партии. Розен тоже описал переход декабристов в Петровский завод, в том числе обстоятельства приезда своей жены *А. В. Розен* (урожд. Малиновской, 1797—1883), упоминаемой ниже (*Розен А. Е.* Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 242—256).

[20] *Якушкин Иван Дмитриевич* (1793—1857), декабрист.

[21] *А. Ф. Трескина* (ум. 1819), жена иркутского гражданского губернатора в 1806—1819 гг. *Н. И. Трескина;* Штейнгейль пользовался расположением их обоих во время своей службы в Иркутске (*Штейнгейль, т. 1*. С. 106—109). Внезапная гибель этой властной и тщеславной женщины, «жадной взяточницы», вызвала в свое время слух о ее самоубийстве из опасения быть разоблаченной новым сибирским ген.-губернатором М. М. Сперанским (*Корф М. А.* Жизнь графа Сперанского. Спб., 1861. Т. 2. С. 168—169). Слух этот опровергался, и выдвигалась версия об убийстве Трескиной ее сопровождающими (*Калашников И. Т.* Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 317). В том и другом варианте экипаж с ней, будто бы уже мертвой, специально разогнав лошадей, опрокинули на спуске с горы. Замечание Штейнгейля о ровной и хорошей дороге для этой темной истории небезынтересно.

[22] *Трубецкой Сергей Петрович* (1790—1860), декабрист. Его сестра *Елизавета Петровна* (1796—1870-е гг.) была замужем за гр. С. П. Потемкиным, героем происшествия в московском французском театре в янв. 1830 г.: он и еще несколько человек заступились за обиженную дирекцией и уволенную актрису, устроили в театре шум и были по приказу царя арестованы. Потемкин давал роскошные обеды посещавшему их на съезжей высшему московскому обществу, протестующему против принятых мер. Николай I внезапно сам приехал в Москву, чтобы успокоить недовольных, арестованным были выражены сожаления, а вина за случившееся возложена на московскую полицию, составившую неудачное донесение. Разговор царя с Е. П. Потемкиной происходил за картами, он был с ней очень любезен, просил не сердиться за мужа и забыть все случившееся (*Лернер Н. О.* Эпизод из истории московской дворянской фронды (Театральный скандал 1830 г.) // Ежемесячные лит. и науч.-попул. приложения к журн. «Нива. 1914. № 8. С. 587—600; *Дмитриев М. А.* Мелочи из запаса моей памяти. М., 1869. С. 111—112.

[23] В июне 1830 г. французская армия высадилась в Алжире, разбила войска Дея и 5 июля захватила его столицу.

[24] *Е. П. Нарышкина* (урожд. Коновницына, 1802—1867), жена декабриста М. М. Нарышкина.

[25] *Якубович Александр Иванович* (1796 или 1797—1845), декабрист.

[26] *Бурмонь Людовик-Виктор* (1773—1846), гр., возведен в маршалы Франции за взятие Алжира.

[27] *Булгарин Фаддей Венедиктович* (1789—1859), журналист и писатель, осведомитель III отделения. В его газете «Северная пчела» (1830, № 82, 10 июля) в разделе «Смесь» было помещено письмо за подписью «N» с описанием праздника, устроенного 1 июля в Петергофе по поводу дня рождения имп. Александры Федоровны. Рассказчик в восторженных тонах рисует Николая I, прогуливающегося с сыном на плечах: «Наш государь является пред народом как простой чадолюбивый отец, как добрый семьянин, и пятьдесят миллионов его приветствуют: «Понимаем тебя, государь! Ты любишь своих детей, ты будешь любить и наших!» И действительно он любит детей не только своих». По контрасту Штейнгейль вспомнил Булгарина накануне восстания 14 дек., когда тот ораторствовал «в самом либеральном духе» (*Штейнгейль. Т. 1*. С. 133, 153).

[28] Штейнгейль читал раздел «Высочайше конфирмованные сентенции военных судов» в «Московских ведомостях», 1830, № 62, 2 авг. Отставной ген.-майор Моллер, бывший нижегородский, а затем петербургский вице-губернатор, был отдан под суд за недоказанные им «изветы»: 1) что Департамент податей и сборов намеревался уменьшить государственный доход, 2) что он во время своего вице-губернаторства сделал казне прибыли, которые после него упали. Аудиториатский департамент полагал, лишив Моллера «как фальшивого доносчика» чинов и орденов, «написать в рядовые, куда годным окажется», однако изложил и соображения, смягчающие его вину. Конфирмация Николая I гласила: «посадить на три месяца в крепость, а потом выслать из столицы в Олонец, с воспрещением оттуда отлучаться» (с. 2775).

Вторая сентенция: «Быть по сему» заключала дело киевского комиссионера 10-го класса Василия Павловича Дорохова, «который за то, что он при нетрезвой жизни своей, имея дурную нравственность, осмелился, стоя позади фронта солдат, произнести дерзкие и противу его императорского величества особы оскорбительные слова, приговорен к лишению чинов, дворянского достоинства и знака отличия военного ордена и к определению рядовым в Финляндский корпус» (с. 2774—2775).

[29] *Боливар Симон* (1783—1830), один из руководителей борьбы за независимость испанских колоний в Южной Америке. Возможно, Штейнгейль прочел о присуждении ему колумбийским парламентом после отказа его от президентского поста пенсии в 30 тыс. песо. Получение этой пенсии дало бы Боливару желанную возможность выехать из Америки в Лондон.

[30] Розен передает Штейнгейлю вещи от родных, привезенные его женой из России. *Юлия* — старшая дочь Штейнгейля (в замуж. Топильская, 1811—1897). *Эпиктет*, римский философ-стоик, любимый автор декабриста (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 19).

[31] Свояк — муж сестры П. П. Штейнгейль *Вонифатьевой Варвары Петровны.*

[32] Имеется в виду начало июльской революции 1830 г. во Франции: 27 июля началось массовое вооруженное восстание, 29 июля восставшие заняли Тюильрийский дворец и другие правительственные здания.

[33] 2 авг. 1830 г. французский король (с 1824 г.) Карл X отказался от престола (абдикация — отречение).

[34] *А. И. Давыдова* (урожд. Потапова, 1802—1895), жена декабриста В. Л. Давыдова, *Наталья Дмитриевна* — Фонвизина (урожд. Апухтина, 1803 или 1805—1869), жена М. А. Фонвизина.

[35] Небольшие окна в камерах были проделаны в мае 1831 г. по специальному представлению С. Р. Лепарского.

ИЗЛИЯНИЕ СЕРДЦА 1-го ОКТЯБРЯ 1833 ГОДА В ПЕТРОВСКОЙ ТЮРЬМЕ

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 2468, л. 87—87 об.

Сибирь. 1926. № 2. С. 5.

Печатается по списку, вошедшему в сунгуровский сборник (см. комментарий к «Дневнику достопамятного нашего путешествия...»). Над текстом заголовок рукой М. И. Семевского: «Заметка барона Штейнгейля».

[1] Речь идет о проекте, отосланном Штейнгейлем царю 5 февр. 1823 г.: «О легкой возможности уничтожить существующий в России торг людьми».

[2] «Рассуждение о законе на богохульников» датировано 21 авг. 1819 г..

[3] *Тьер* (Thiers) *Адольф* (1797—1877), французский государственный деятель, историк. В палату депутатов был выбран в начале 1831 г.

К ИРКУТСКОМУ ЛЕТОПИСЦУ ПОЯСНЕНИЕ. ЗАПИСКА О СИБИРИ

ГАИО, ф. 480 (Н. С. Романов), оп. 1, св. 5, д. 198

Автограф записки не обнаружен. Большое количество ее списков, как опубликованных, так и рукописных, говорит о значительном внимании современников к записке Штейнгейля.

Столь же широка география ее хождения. Один из списков был обнаружен на Кавказе (Ист. вест. 1884. № 11. С. 504), особенно популярна она была в Сибири. Ее часто использовали в своих работах сибирские публицисты и общественные деятели В. И. Вагин, С. С. Шашков, А. М. Крюков, И. В. Ефимов, А. П. Щапов, Н. М. Ядринцев, Г. Н. Потанин, а С. С. Щукин даже откликнулся на нее заметкой «Воспоминания при чтении записки Штейнгейля, названной им Дополнение к Иркутской летописи» (*Вагин В. И.* Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 г. Спб., 1872. Т. 1. С. 601—607).

Записка была написана В. И. Штейнгейлем в Петровском каземате 28 апр. 1834 г. Впервые была опубликована практически одновременно А. И. Герценом и Н. П. Огаревым в Лондоне (Ист. сб. вольной русской типографии в Лондоне. 1859. Кн. 1. С. 76—100) под названием «Записка о Сибири Штейнгейля» и в России (*ЧОИДР*. 1859. Кн. 3. С. 65—80). К издателям «Чтений» она поступила 25 февр. 1859 г. от Н. П. Дурова через известного библиографа и собирателя рукописей Г. Н. Геннади (*ЧОИДР*. 1859. Кн. 2. С. 187).

Причем публикаторы располагали двумя списками и имели возможность сравнивать их друг с другом. Записка была опубликована без указания авторства под названием «К иркутскому летописцу пояснение. Записка о Сибири». Вероятно, чтобы отвлечь внимание цензуры, она была датирована 30 июля 1825 г. О том, что публикаторам несомненно было известно имя автора, говорит тот факт, что из текста убрано все, что могло навести на след декабриста. Например, из предложения «Я это слышал, будучи в железах, и, следовательно, слышал непритворный глас» в публикации *ЧОИДР* «будучи в железах» опущены.

Первые публикации произведения Штейнгейля представляли его в усеченном варианте. Впервые полный текст с вступлением и окончанием, логически завершающими форму записки-письма, был опубликован П. П. Каратыгиным в «Ист. вестн.» (1884. № 8, с. 366—386). Он же дал ей название «Сибирские сатрапы. 1765—1819», под которым это произведение наиболее известно в исто-

риографии. Публикация в *ЧОИДР*, видимо, не была известна П. Каратыгину, на лондонское издание записки Штейнгейля содержится глухой намек в предисловии: «Быть может, некоторые из его произведений были написаны за границею; но так как тамошняя русская печать — у нас контрабанда...» (Ист. вестн., 1884, № 8. С. 369).

Публикация П. Каратыгина, как более полная, была положена в основу последнего издания записки Штейнгейля в сборнике «Дум высокое стремленье» (Иркутск, 1975, с. 23—38. Сост. С. Ф. Коваль).

Следует сказать о названии записки Штейнгейля. Практически каждая из копий имеет свое название: «Иркутская губерния до Сперанского» (*ГААК*, ф. 163, оп. 1, д. 46), «Письмо о лицах, начальствующих в Иркутске» (*ИРЛИ*, ф. 265, оп. 2, № 3137), «Записка о Н. И. Трескине» (*ГАИО*, ф. 480, оп. 1, д. 198), Краткое изложение истории управления Сибирью (*ЦГАЛИ*, ф. 46, оп. 2, д. 175). Скорее всего, его произведение не имело определенного заголовка и владельцы списков сами давали его, исходя из содержания записки. На наш взгляд, более соответствует перу декабриста по особенностям стиля название «К иркутскому летописцу пояснение».

В наст. изд. записка Штейнгейля публикуется по списку, сохранившемуся в *ГАИО*. В отличие от большинства других списков он полный, т.е ., как и публикация Каратыгина, имеет начало и конец. Кроме того, он содержит значительно меньше опечаток и небрежностей, имеет ряд комментариев, отсутствующих в списке «Ист. вестн.». Список принадлежал иркутскому краеведу и библиографу Н. С. Романову. К списку приложено письмо, проливающее некоторый свет на происхождение рукописи:

Якутск, 1 февраля 1916 года

Милостливый государь!

Высылаю вам прилагаемую рукопись в надежде, что вы скорее, чем в Якутске, найдете способы определить ее значение, какое она имеет, какому Штейнгейлю принадлежит, не напечатана ли уже где-либо, и если не издана, то заслуживает ли этого. Труд этот передан мне годов 5 назад одним протоиереем для ознакомления, но протоиерей вскоре умер, я не успел узнать, откуда она ему досталась (протоиерей в Иркутске не бывал и кончил курс в 70 году в старой Якутской семинарии), а наследников, интересующихся такими писаниями, у него не осталось.

Чтобы сбыть ее кому-либо в Якутске в пользу наличных наследников протоиерея, нужно было предварительно по возможности точно определить ее ценность, а за учебными делами, затем болезнью, выходом в отставку и выездом в 1914—[1]915 гг. на родину в Пермскую губернию я до сего времени не мог этого сделать, да и в Якутске не надеюсь и найти для этого пособий. Если найдете возможным напечатать, печатайте, а не годится, бросьте.

С истинным уважением покорный слуга, бывший преподаватель Якутской семинарии статский советник Стефан Парышев.

Письмо было адресовано А. И. Линькову, издателю журнала

«Сибирский архив». На титульном листе списка рукою Н. С. Романова помечено карандашом: «Из бумаг, полученных от Линькова». Поперек листа другая помета карандашом: «Принадлежит Н. Романову. 5.1.1925 года». В тексте много пометок синим, красным, простым карандашом, подчеркнуты некоторые слова и предложения, на полях восклицательные и вопросительные знаки, отдельные замечания.

Наиболее существенные разночтения публикуемого списка с имеющимися копиями оговариваются в комментарии.

[1] В декабристоведческой литературе давно идет спор об адресате записки Штейнгейля. П. П. Каратыгин со слов генерала А. Э. Циммермана, снявшего копию с записки во время пребывания на Кавказе, утверждал, что она обращена к А. П. Ермолову. Но одновременно появилась и другая версия, считавшая адресатом декабриста А. П. Юшневского. Ее выдвинул В. И. Ефимов, основываясь на своих юношеских встречах со Штейнгейлем в с. Елани Иркутского округа (Ист. вестн. 1884. № 11. С. 504).

Нам представляется более правильной точка зрения С. Ф. Коваля, увидевшего в адресате записки не какое-нибудь конкретное лицо, а жанровую особенность литературно-публицистического произведения, созданного в форме письма-записки (Дум высокое стремленье. Иркутск, 1975. С. 21—22).

[2] Еще в 1736 г. из Сибирской губернии была выделена Иркутская провинция, управление которой было возложено на особого вице-губернатора, подчиненного непосредственно Сибирскому приказу. 19 окт. 1764 г. (а не 1765 г.) Екатерина II подписала указ о разделении Сибирской губернии на две — Тобольскую и Иркутскую. Все губернаторы России в своей деятельности опирались на «Наказ губернаторам и воеводам» от 12 сент. 1728 г. и на «Наставление губернаторам», изданное 21 апр. 1764 г. Екатериной II в дополнение к этому наказу (История Сибири. Л., 1968 .Т. 2. С.308—309).

[3] *Немцов Федор Глебович*, бригадир, с марта 1776 г. по февр. 1779 г. исполнял должность губернатора Иркутской губернии. Современниками характеризовался как «человек неблагонамеренный, употреблявший непомерную строгость собственно для того только, чтоб более брать взяток и нажить более денег» (Иркутская летопись. Иркутск, 1911. С. 105); *Кличка Франц Николаевич* (ум. 1786), ген.-майор, иркутский губернатор в 1778—1783 гг. По словам Иркутской летописи, «благоразумием, добротою и благонамеренностию напечатлел в сердцах иркутских жителей надолго о себе славное воспоминание» (Иркутская летопись. С. 108).

[4] *Нарышкин Василий Васильевич* (р. 1738), ст. сов., вице-президент Берг-коллегии, в 1774—1776 гг. начальник Нерчинских горных заводов. Оставил по себе печальную память как самодур, вымогатель, казнокрад. Поссорившись с иркутским губернатором Ф. Г. Немцовым, он собрал «войско» из каторжан и отправился в поход на Иркутск. Дорогой звонили в колокола, палили из пушек, захватывали обозы, обирали местных жителей. Нарышкину не удалось добраться до Иркутска, он был арестован верхнеудинским воеводой Тевяшевым. За своеволие и сумасбродство был отрешен от должности и отдан под суд. Описываемые события легли в основу романа И. Т. Калашникова «Дочь купца

Жолобова» (1832 г.). *Калашников Иван Тимофеевич* (1797—1863), русский писатель, писавший в духе романтизма, родоначальник сибирского исторического романа. При написании романа «Дочь купца Жолобова» он, вероятно, пользовался теми же источниками, что и Штейнгейль. Не случайно роман имеет подзаголовок: «Роман, извлеченный из иркутских преданий».

[5] В публикации Каратыгина — «в Нижнеудинске». *Арсений Ростовский* (Александр Мациевич, 1697—1772), религиозный деятель и писатель, в 1734—1737 гг. участник Камчатской экспедиции, в 1741—1742 гг. митрополит сибирский, в 1742—1763 гг. митрополит ростовский, член Синода. За резкое обличение светской власти и борьбу против секуляризации церковных земель в 1767 г. был лишен монашества и приговорен к пожизненному заключению. Был определен в ссылку в Верхнеудинский острог, но из Вологды был направлен в Ревельскую крепость, где и умер (*Иконников В. С.* Арсений Мациевич, митрополит ростовский. Спб., 1879. С. 194). Сообщение Штейнгейля о его могиле в Верхнеудинске ошибочно. Тем не менее эта версия неоднократно повторялась некоторыми декабристами и сибирскими писателями (см., напр.: Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 186).

[6] В других списках этого примечания нет.

[7] *Якоби Иван Варфоломеевич* (1726—1803), ген.-поручик, ген.-губернатор иркутский и колыванский (1783—1788); *Ламб Иван Варфоломеевич* (ум. 1801), ген.-майор, пермский, затем иркутский губернатор (1783—1786), позднее вице-президент военной коллегии, член Гос. совета.

[8] Приведенное примечание в других списках отсутствует. *Блюм Андрей Иванович* (ум. 1800), ген.-майор, обер-комендант Иркутска в 1791—1800 гг. Авторы примечаний факсимильного издания «Ист. сб.» ошибочно отождествляли его с иркутским ген.-губернатором А. И. Брилем (Ист. сб. вольной русской типографии в Лондоне. М., 1971. Кн. 3. С. 181). А. И. Блюм был назначен на место *Ивана Антоновича фон Линемана* (1716—1789), умершего и похороненного в Иркутске.

[9] *Козлов-Угренин Григорий Александрович*, полковник, главный командир Охотска и Камчатки в 1784—1789 гг. (подробно о нем: *Штейнгейль. Т. 1.* С. 63—68). В 1800 г. был уволен от службы и привлечен к суду.

[10] *И. А. Пиль* (ум. 1801), ген.-поручик, иркутский ген.-губернатор в 1788—1794 гг.

[11] *М. М. Арсеньев* (1730—1791), ген.-лейтенант, иркутский губернатор (1786—1791).

[12] *Нагель Людвиг Тимофеевич* (ум. 1807), действ. ст. сов., ген.-майор, иркутский гражданский губернатор в 1791—1797 гг.

[13] В списке Каратыгина — «девять раз».

[14] *Вонифатьев Петр Дмитриевич*, действ. ст. сов., директор Кяхтинской таможни в 1791—1815 гг. На его дочери *Пелагее Петровне* (р. 1791) Штейнгейль женился в 1810 г.

[15] Последних двух предложений в публикациях «Ист. сб.» и *ЧОИДР* нет. Возможно, из-за того, чтобы скрыть авторство Штейнгейля.

[16] Данная сноска в других списках отсутствует. *Штрандман Густав Эрнст фон* (1744—1803), ген. от инфантерии, в 1787—1789 гг. командир Сибирской дивизии. В 1801 г. представил Александру I записку о народах Сибири («Рус. старина». 1879. Т. 24.

С. 150—156). Штейнгейль ошибается дважды. Во-первых, И. А. Пиль был уволен от должности и переведен в Симбирск в дек. 1794 г., то есть еще до воцарения Павла I. Во-вторых, Штрандман никогда не назначался военным губернатором в Иркутск. В 1798 г. в Иркутск был определен военным и гражданским губернатором ген. от инфантерии *Христофор Андреевич фон Трейден*, пробывший на этом посту менее года.

[17] Этот эпизод практически полностью заимствован Штейнгейлем из «Иркутской летописи». Ср.: «Однако ж Нагель кончил свое служение в Иркутске не без последствий и клеветы и что на него был какой-то неизвестный донос, по иркутскому ли управлению или по бывшему до сего служению в Кяхте и переговору с китайцами, который он окончил выгодно для торгующего там купечества, потому что китайцы часто запирали свои ворота и торговля прерывалась от разных неудовольствий, и истории известно, что с 1744 до 1792 г., в течение 48 лет, кяхтинская торговля прерывалась десять раз не без убытка для российских и сибирских купцов и, как говорили, по причинам совершенно вздорным. За Нагелем прискакал фельдъегерь, и — представьте себе состояние бедного Нагеля, везомого на перекладных в С.-Петербург. Он был представлен государю Павлу Петровичу. Государь вначале гневно, но пристально смотрел на Нагеля и спросил: «Не тот ли ты Нагель, который в таком-то году служил в таком-то гусарском полку?» Получив удовлетворительный ответ, он бросился на него, обнял и сказал: «Я знаю тебя, ты честный человек, на тебя солгали». И тут же поздравил генерал-лейтенантом, назначил военным губернатором в Ригу, а при расставании пожаловал Нагелю орден св. Александра Невского» (Иркутская летопись. С. 124—125).

[18] Автор неточен. Вместо Л. Т. Нагеля в Иркутск был определен действ. ст. сов. *Алексей Иванович Толстой*, занимавший пост губернатора с 1798 по 1802 г. *Иван Николаевич Репьев* (а не Николай Иванович) исполнял обязанности иркутского гражданского губернатора в 1802—1803 гг.

[19] *Б. Б. Леццано* (р. 1736), ген. от инфантерии, военный губернатор Иркутска (1798—1802).

[20] *Гагарин Гавриил Петрович* (1745—1808), кн., сенатор, обер-прокурор Сената с 1781 г., президент коммерц.-коллегии. По его докладу 17 окт. 1799 г. был принят указ о заселении южной части Сибири. Указ 1799 г. преследовал цели заселения и освоения Забайкалья. Правительство намечало поселить здесь 10 тыс. человек, в число которых намеревались включить отставных солдат, преступников, ссыльных на поселение, помещичьих крестьян, ссылаемых в зачет рекрутов. Для размещения переселенцев отводились места между Байкалом, Верхней Ангарой, Нерчинском и Кяхтой, «избирая к тому места самые плодородные, изобилующие всеми угодьями, для поселян нужными, и назначая на каждую душу 30 десятин». Однако переселение оказалось совершенно неподготовленным, шло с многочисленными задержками, проволочками, было сопряжено с тяжелыми лишениями для переселенцев. Чтобы как-то их разместить, правительство в 1806 г. разрешило селить поселенцев не только за Байкалом, но и в Тобольской и Томской губерниях. К 1819 г. было всего водворено 7,9 тыс. человек, в том числе за Байкалом —4,9 тыс. (*Кожухов Ю. В.* Русские крестьяне Восточной

Сибири в первой половине XIX в. (1800—1861 гг.). Л., 1967. С. 33).

В публикации «Ист. сб.» к этому месту дается сноска: «Начало так называемых семейских: они составляют теперь часть пограничных казаков, богатых чрез контрабанду; селенгинских поселян, существующих извозом, и ямщиков по р. Лене, умирающих с голоду по милости генерала Броневского» («Ист. сб.», факс. изд. М., 1971. Кн. 1. С. 80). В других списках она отсутствует.

[21] В списках *ЧОИДР* и «Ист. сб.» к этим словам дается примечание: «По поводу разрыва с Англией, последовавшего 5 сентября 1800 г.; но приготовления начались в Сибири в конце 1798 года».

Сомов Андрей Андреевич, ген.-майор. В 1798 г. ему было поручено формирование в Иркутске специального полка для укрепления обороноспособности сев.-вост. окраин России. В 1799—1802 гг. главный начальник Камчатки.

[22] *Новицкий Осип Иванович*, ген.-майор, управляющий Иркутской комиссариатской комиссией с 1789 г. По его предложению в казну была взята Тельминская суконная фабрика (основана в 1731 г.). Новицкий значительно расширил фабрику, ввел новые производства. Был директором фабрики до 1802 г.

[23] Имеется в виду убийство Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. и вступление на престол Александра I.

[24] Ланд-милиция — род поселенного войска, существовала в России с 1713 по 1775 г. на Украине. В Сибири на южной границе Западной Сибири в 1761—1771 гг.

[25] *Лаба Николай Осипович* (1766—1816), ген.-майор, с 1802 г. занимался устройством поселений в Забайкалье, позднее ген.-провиантмейстер (1812 г.), директор Провиантского департамента (с 1814 г.).

[26] *Фомин Иван Константинович*, вице-адмирал, с конца 80-х гг. XVIII в. комендант Удского порта, главный командир Охотска (1801—1803).

[27] В списке С. И. Гуляева: «<...> при устье Лены нагнанный воинскою командою из Якутска, был убит двумя оружейными выстрелами, как разбойник» (*ГААК*, ф. 163, оп. 1, д. 46, л. 3 об.).

[28] В публикации «Ист. вестн.» к этим словам дается примечание: «Иван Иосифович Селифонтов родился в 1744, уволен от службы 3 марта 1806, умер в 1823 г.» *Селифонтов Иван Осипович* (1743—1822), сенатор, в 1801—1803 гг. проводил ревизию Сибири, по окончании которой был назначен сибирским ген.-губернатором (1803—1806).

[29] В списке *ЧОИДР* данная сноска дается в тексте. *Лебедев Николай Петрович* (1750—1812), ген.-лейтенант, иркутский военный губернатор в 1802—1803 гг., затем командир иркутского гарнизона (1804—1807), в 1812 г. начальник Смоленского ополчения.

[30] *Шпренгпортен Егор Максимович*, ген. от инфантерии; *Бенкендорф Александр Христофорович* (1783—1844), гр., ген.-адъютант, с 1826 г. шеф корпуса жандармов и главный начальник III отделения с. е. и. в. канцелярии. Шпренгпортен был в Иркутске с 30 сент. по 19 нояб. 1802 г. В свите его выехал в Петербург отец Штейнгейля (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 87).

[31] См. примеч. 18.

[32] *Картвелин Николай Михайлович*, действ. ст. сов., гражданский губернатор Иркутска в 1803—1804 гг.

[33] Вице-рой (от фр. vice-roi) — вице-король, титул, который присваивался представителям королевской власти во владениях, лежащих за пределами метрополии. Сопряжен с неограниченными полномочиями.

[34] *Бакулин Петр Васильевич*, коллежский сов., правитель канцелярии сибирского ген.-губернатора.

[35] *Белявский Федор Федорович* (по другим данным Гавриил Федорович), иркутский губернский секретарь.

[36] *Корнилов Алексей Михайлович* (1760—1835), военный моряк, с 1797 г. начальник канонерской эскадры «державного ордена Иоанна Иерусалимского», гражданский губернатор в Иркутске (1805—1806), затем в Тобольске (1807—1809). С 1822 г. тайный сов. и сенатор. Отец известного героя Севастополя В. А. Корнилова (1806—1854).

[37] *Головкин Юрий Александрович* (1763—1846), гр., русский дипломат, глава русского посольства в Китае (1806 г.). Среди прочих вопросов он должен был поставить вопрос об установлении границы по Амуру. Посольство закончилось неудачно. Проведя месяц в Урге и решительно отказавшись от выполнения унизительных церемоний (обряд коленопреклонения перед «жертвенником»), посольство Ю. А. Головкина вернулось в Кяхту. Александр I одобрил действия Ю. А. Головкина и приказал оставить его в Сибири, сохранив за ним звание чрезвычайного и полномочного посла в Китае (Из бумаг графа Ю. А. Головкина (Документы о посольстве гр. Головкина в Китай). Спб., 1904. С. 66—67).

[38] В списке *ЧОИДР* после этих слов в тексте дается уточнение: «(брат ее в 1820 году был вице-губернатором в Архангельске)».

[39] И. О. Селифонтов умер в 1822 г. О нем см. примеч. 28.

[40] *Пестель Иван Борисович* (1765—1843), московский почтдиректор в 1789—1798 гг., тайный сов. и сенатор (с 1801 г.), ген.-губернатор Сибири (1806—1819), отец декабриста П. И. Пестеля (1793—1826).

[41] *Трескин Николай Иванович* (1763—1842), действ. ст. сов., смоленский вице-губернатор (до 1806 г.), иркутский гражданский губернатор (1806—1819).

[42] В списках *ЧОИДР* и «Ист. сб.» это уточнение — «моим дядей» — отсутствует. *Штейнгейль Иоганн фон* (Иван Федорович), кап.-командир, в 1766—1803 гг. командовал рядом военных кораблей, вице-губернатор Тобольска в 1805—1806 гг.

[43] *Брин Франц Абрамович* (1761—1844), тайный сов., сенатор, гражданский губернатор в Томске (1808—1810), Тобольске (1810—1821).

[44] *Куткин Федор Тихонович* (ум. 1815), ген.-майор, начальник Тобольской провиантной комиссии (1793—1808), владелец суконной фабрики. Дело Куткина длилось 12 лет и было решено уже после его смерти в 1820 г. По ходатайству М. М. Сперанского семья Куткина получила пансион и вознаграждение за фабрику.

[45] *Горновский Степан Антонович* (1754 — не ранее 1822), якутский исправник (с 1789 г.), затем губернский прокурор, председатель уголовной палаты. Известен своими проектами преобразования Северо-Востока Сибири. Выступал против произвола ир-

кутского губернатора Н. И. Трескина, за что в 1807 г. уволен от службы, подвергался гонениям (*Вагин В.* Указ. соч. Т. 1. С. 37—38).

[46] Штейнгейль ошибается. С. А. Горновский был обласкан М. М. Сперанским и в 1819 г. возвращен на службу, получив место председателя гражданской палаты, но вскоре умер (*Калашников И. Т.* Записки иркутского жителя // Записки иркутских жителей. Иркутск, 1990. С. 320).

[47] *Сибиряков Михаил Васильевич* (1745—1814), богатейший иркутский купец, неоднократно избирался городским головой; *Мыльников Николай Прокопьевич* (1745—1815), иркутский купец 1-й гильдии, один из учредителей Российско-Американской компании. Оба имели большое влияние в иркутском обществе, отстаивая монополию купеческого капитала. Борьба между ними и губернской администрацией, возглавляемой Н. И. Трескиным, шла за монопольные права эксплуатировать народные массы.

[48] Эдип — в греческой мифологии сын царя Фив Лая. Эдип по приказанию отца, которому была предсказана гибель от руки сына, был младенцем брошен в горах. Спасенный пастухом, он, сам того не подозревая, убил отца и женился на своей матери. Узнав, что сбылось предсказание оракула, полученное им в юности, Эдип ослепил себя.

[49] *Саватеев Михаил Иванович* (1755—1831), иркутский купец 2-й гильдии, городской голова в 1808—1812 гг., ставленник Н. И. Трескина.

[50] *Передовщиков*, коммерции советник, откупщик. Еще в 90-х гг. XVIII в. был под судом за различные преступления, в том числе за убийство. Был отправлен на каторгу в Туруханск, где вновь составил капитал на обмане и грабеже инородцев. Был помилован Павлом I, получив звание именитого гражданина. В начале XIX в. крупнейший откупщик, имевший винные откупа по всей Сибири, поставщик провианта в сибирские войска. Еще Ю. А. Головкин доносил Александру I о многочисленных злоупотреблениях Передовщикова. Пестелю было поручено произвести следствие. Воспользовавшись подлогом (были выкрадены документы и конторские книги Передовщикова), откупщика арестовали. Следствие продолжалось несколько лет. Передовщикова обвиняли в причинении казне убытка в размере 1 млн. руб. и приговорили к 20 годам каторжных работ. Несмотря на то что за Передовщикова заступались многие сенаторы и члены правительства, Александр I утвердил решение иркутской уголовной палаты (*Шашков С. С.* Сибирское общество в начале XIX в. // Дело. 1879. № 2. С. 73—75).

[51] В списке *ЧОИДР* сноски нет, а текст ее в скобках приводится после слов «представился случай».

[52] В «Ист. сб.» фамилия чиновника Петухова дана в примечании.

[53] В списке *ЧОИДР* — «арестовали».

[54] *Балашев* (Балашов) *Александр Дмитриевич* (1770—1837), ген.-адъютант, министр полиции в 1810—1819 гг., в 1820—1825 гг. ген.-губернатор ряда центральных губерний.

[55] В списке *ЧОИДР:* «В 1814 году видели его в Москве, и он был истинно жалок». Во всех других — 1824 г.

[56] К этим словам в публикации «Ист. сб.» дается примечание: «наш ориенталист Бичурин». *Бичурин Никита Яковлевич* (в мо-

нашестве Иакинф) (1777—1853), русский ученый-востоковед, чл.-кор. Петербургской Академии наук (с 1828 г.). Автор многих работ по истории, этнографии, философии Монголии и Китая.

[57] В «Ист. сб.» на слово «симония» сделано примечание: «продажа духовных должностей недостойным»; *Вениамин* (Багрянский Василий, 1742—1814), епископ Иркутский и Нерчинский в 1790—1814 гг.); симония (происходит от имени Симона волхва), продажа и покупка духовных должностей.

[58] В списке *ЧОИДР* следом за фамилией Кошелева в скобках дано следующее уточнение: «Донос на Кошелева вывез из Камчатки почталион Бродницкий, впоследствии дослужившийся до офицерских чинов, запечатанным в ковриге хлеба».

Кошелев Павел Иванович, ген.-майор, главный начальник Камчатки (1802—1807), командир одной из дружин С.-Петербургского ополчения в 1812 г.

[59] *Бухарин Иван Николаевич*, капитан I ранга, комендант Охотска (1804—1808), прославился деспотизмом и злоупотреблениями. После ареста в 1808 г. находился до 1819 г. под следствием. По приговору суда был лишен прав состояния и дворянства и сослан в Сибирь. В 1830 г. ему было разрешено выехать из Сибири (*Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 // Морской сб. 1869. № 11, Неоф. отд. С. 8—9).

[60] *Чичагов Павел Васильевич* (1762—1849), адмирал, с 1799 г. командующий Балтийским флотом, министр морских сил (1802—1811).

[61] В *ЧОИДР* после этих слов — «нейтралитет — немецкая выдумка».

[62] Автор цитирует басню И. А. Крылова «Совет мышей» (1811 г.). В полном виде цитата звучит так:

А мышь в ответ: «Молчи! Все знаю я сама;
Да эта крыса мне кума».

[63] В списке «Ист. сб.» дается примечание: «Истинно великий человек, как исправник, он был жесток и принадлежит к благодетелям края». *Лоскутов Федор Борисович*, нижнеудинский исправник, прослужил в Восточной Сибири около 40 лет. До этого был смотрителем казенных поселений ссыльных в том же уезде. Прославился жестокостью, вымогательствами. Был отдан под суд М. М. Сперанским в 1819 г. Во время ареста у Ф. Б. Лоскутова конфисковали одних денег более 130 тыс., не считая серебра и мехов (*Карцов В. Г.* Декабрист Г. С. Батеньков. Новосибирск, 1965. С. 41—43).

[64] В публикации *ЧОИДР* далее следует фраза, которой нет в других списках: «да едва ли и будет иметь, доколе Сибирское положение Сперанского будет управлять Сибирью: так оно стеснительно». Подобное мнение о реформах Сперанского в Сибири Штейнгейль высказывал в письме к Г. С. Батенькову в декабре 1861 г. (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 467).

[65] Канфа — китайский атлас; канча — китайская шелковая ткань.

[66] *Ключарев Федор Петрович* (1751—1822), тайный сов., сенатор, московский почт-директор в 1801—1812 гг., автор стихотворений мистического содержания.

[67] Следственная комиссия по делу Н. И. Трескина обвиняла его помимо чисто административных злоупотреблений в том, что

ему и его жене были сделаны подарки и приношения на сумму в 88 тыс. рублей. Н. И. Трескин отрицал эти обвинения (*Прутченко С.* Сибирские окраины. Приложения. Спб., 1899. С. 210).

[68] Автору, видимо, изменила память. А. Ф. Трескину сопровождал не Белявский, а богатейший иркутский купец и меценат *Ефим Андреевич Кузнецов* (1783—1850), позднее оказавший немало услуг декабристам. В «Иркутской летописи» об обстоятельствах гибели губернаторши 9 мая 1819 г. записано следующее. «15 мая в Иркутске получено известие о смерти губернаторши Агнессы Федоровны Трескиной, случившейся 9 мая во время проезда из Верхнеудинска к Погроминским кислым водам, не доезжая их за 20 верст. С нею спутствовал Ефим Андреевич Кузнецов на воды и был личным свидетелем ее кончины. Лошади взбесились, опрокинули повозку, платье госпожи Трескиной запуталось в колесо, лошади понесли во весь опор и убили до смерти госпожу Трескину» (Иркутская летопись. С. 222). Впрочем, есть данные, что А. Ф. Трескину сопровождали оба, Кузнецов и Белявский (*Вагин В.* Указ. соч. Т. 1. С. 591).

[69] *Прозоровский Александр Александрович* (1742—1809), кн., ген.-фельдмаршал, сенатор, главнокомандующий Москвы с 1790 г. (подробнее см. об этом: *Штейнгейль. Т. 1.* С. 115).

[70] Это единственное свидетельство того, что Штейнгейль был пайщиком Российско-Американской компании. Известно, какой интерес к деятельности компании проявлял декабрист. Еще в детские и юношеские годы был хорошо знаком со многими ее деятелями — Н. И. Резановым и другими. Намеревался поступить на службу компании. (см. приложение, письма). И позднее, вплоть до ареста не прерывал связи с Российско-Американской компанией. В конце жизни написал ряд статей, посвященных некоторым страницам ее истории (см. наст. изд.).

ВМЕСТО ВСТУПЛЕНИЯ. ПРЕДИСЛОВИЕ К ЗАПИСАННЫМ В. И. ШТЕЙНГЕЙЛЕМ ВОСПОМИНАНИЯМ В. П. КОЛЕСНИКОВА «ЗАПИСКИ НЕСЧАСТНОГО, СОДЕРЖАЩИЕ ПУТЕШЕСТВИЕ В СИБИРЬ ПО КАНАТУ»

ИРЛИ, ф. 604, № 18 (5587), л. 1—11
Полярная звезда на 1862 г. Лондон, 1861.
Кн. 7. Вып. 1 (факс. изд. М., 1968).
С. 91—97 (с купюрами); *Большаков Л. И.* Отечеству драгие имена. Челябинск, 1975. Ч. 2. С. 25—49

Публикуется по автографу. На л. 1 под заглавием надписи рукой М. И. Семевского: «1826—1835», «Издание второе», «Петровск. 1835», «Вторично напечатано в «Русской старине», изд. 1881, кн. 12 и 1882, кн. 1-я с пропуском первых двух страниц и нескольких строк в тексте. Семевский»; на л. 3— «Записки эти напечатаны с весьма небольшими выпусками в журнале «Заря», 1869, кн. 4 и 5. М. Семевский». Остальные пометы на л. 1—3 носят служебно-издательский характер.

[1] *Бестужев Михаил Александрович* (1800—1871), декабрист, на каторге ближайший друг В. И. Штейнгейля (*Штейнгейль. Т. 1.* Письмо 31). Оба до конца сохранили горячие дружеские

чувства, об этом говорят письма Штейнгейля к Бестужеву (*Штейнгейль. Т. 1*) и воспоминания последнего (Воспоминания Бестужевых. М., 1951. С. 301—305).

[2] *Дюпен Андре* (1783—1865), юрист, депутат парламента, член Французской академии.

[3] *Бирон Эрнст Иоганн* (1690—1772), гр., фаворит имп. Анны Ивановны, временщик (1830-е гг.— 1840).

[4] *Людовик XVI* (1754—1893), французский король в 1774—1792 гг., свергнутый в ходе Великой французской революции и казненный. *Прозоровский Александр Александрович* (1742—1809), кн., ген.-фельдмаршал, главнокомандующий Москвы (1790—1795), сенатор.

[5] *Храповицкий Александр Васильевич* (1749—1801), статс-секретарь Екатерины II. Его «Памятные записки» печатались в «Отечественных записках» П. Свиньина в 1821—1828 гг. *Суворов Александр Васильевич* (1729—1800), генералиссимус.

[6] О И. Б. Пестеле см. примеч. 40 к предыдущей записке. *Новиков Николай Иванович* (1744—1818), просветитель, книгоиздатель, писатель, журналист. Преследования его начались еще в 1787 г. (*Западов В. А.* К истории правительственных преследований Н. И. Новикова // Н. И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л., 1976. С. 46—48). Наследник — вел. кн. *Павел Петрович* (1754—1801), с 1896 г. император.

Копии писем, снятые Пестелем, частично опубл.: Русские вольнодумцы в царствование Екатерины II. Секретно-вскрытая переписка. 1790—1795 // Рус. старина. 1874. № 1. С. 57—72; № 2. С. 258—276;№ 3. С. 465—472. Штейнгейль видел эти копии, когда приводил в порядок дела канцелярии московского главнокомандующего, став адъютантом А. П. Тормасова (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 115).

[7] *Гейм Иван Андреевич* (р. 1759), составитель словарей, автор географических и статистических описаний. Его рассказ Штейнгейль чуть подробней воспроизвел позднее в Автобиографических записках (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 115).

[8] *Невзоров Максим Иванович* (1762—1827), издатель журнала «Друг юношества», поэт и публицист.

[9] *Шешковский Степан Иванович* (1727—1794), глава «Тайной экспедиции» (1762—1793), памятный своей жестокостью.

[10] Н. И. Новиков был заключен в 1792 г. по приказу Екатерины II в Шлиссельбургскую крепость (в тексте ошибочно — Петропавловскую) на 15 лет. Вместе с ним в заключении находился *Багрянский Михаил Иванович* (1762—1813), врач, участник перевода мистических книг Дружеского общества. В тюрьме или сумасшедшем доме оказались те, кто подозревался в осуществлении связей Н. И. Новикова с заграничным масонством: М. И. Багрянский, М. И. Невзоров, В. Я. Колокольцев (*Западов В. А.* Указ. ст. С. 48). Освобождение пришло после смерти императрицы в 1796 г.

[11] *Лопухин Иван Владимирович* (1756—1816), председатель Московской уголовной палаты с 1782 г., сенатор с 1797 г. С московскими масонами сблизился в начале 1780-х гг., в 1783—1892 гг. один из главных деятелей Типографической компании. Штейнгейль упоминает его «Записки из некоторых обстоятельств жизни и службы действительного тайного советника и сенатора И. В. Лопухина, составленные им самим». Лондон, 1860 (с пре-

дисл. Искандера); М., 1860 (Чтения *ОИДР*).

[12] Эпиграмма до сих пор значится анонимной (ее приписывали В. Н. Каразину), она известна в нескольких вариантах. Один из них:

Вот памятник двух царств, обоим им приличный:
Низ мраморный, а верх кирпичный.

См.: Русская эпиграмма второй половины XVII — начала XX в. Л., 1975. С. 189, 684.

[13] *Дмитриев Иван Иванович* (1760—1837), поэт, в конце 1796 г. был арестован по ложному доносу, затем торжественно прощен Павлом I и назначен товарищем министра в департамент уделов и обер-прокурором Сената, в 1810—1814 гг. министр юстиции. Историю его ареста см.: *Дмитриев И. И.* Сочинения. М., 1986. С. 327—333, 468—470.

[14] *Фридрих Зайдер*, пастор г. Рендена в Лифляндии, был обвинен в том, что содержал кабинет для чтения, хранил и выдавал подписчикам запрещенные книги (в том числе «Вестник любви» Ж. Лафонтена, «Предопределение человека» и «О вечном мире» И.-И. Шпальдинга). По определению юстиц-коллегии он был лишен духовного сана, наказан кнутом (20 ударов) и сослан в каторжную работу в Нерчинск.— См.: Страдания пастора Зайдера, состоявшие в его заточении, произнесении над ним приговора и ссылке в Сибирь, им самим описанные // Рус. старина. 1878. № 5. С. 117—156. См. также письмо Зайдера из Сибири, сент. 1800 г.— Рус. старина. 1878. № 3. С. 461—490.

Мария Федоровна (1759—1828), императрица.

[15] Братья *Грузиновы Евграф Осипович* (1770—1800), полковник гвардии, с 1798 г. состоявший в свите Павла I, и *Петр Осипович*, отставной подполковник, были сосланы на Дон за проявления независимости и своеволия. В авг. 1800 г. они были отданы под суд за столкновения с властями, а старший — и за «непочтительные отзывы» об императоре. Именной указ Сенату 26 авг. 1800 г. гласил: «Исключенного из службы полковника Грузинова за измену против нас и государства наказать нещадно кнутом и отправить его к нашему генерал-прокурору, а имение его отписать в казну». 5 сент. Евграф Грузинов был засечен кнутом до смерти, Петр также наказан кнутом. Еще четверым отрубили головы «за недонесение о ругательствах Грузинова на государя». Боясь вольномыслия казачества, Павел одновременно опасался потерять его симпатии, поэтому тут же приказал отдать под суд ген. от кавалерии И. И. Репина, приведшего сентенцию о смертной казни в исполнение, «вместо заменяющего оную наказания, положенного моею конфирмацией». См.: Евграф и Петр Осиповичи Грузиновы. Военно-судное дело в Черкасске. 1800 // Рус. старина. 1878. № 10. С. 241—264; *Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1982. С. 123—126.

[16] *Горчаков Василий Николаевич*, кн., ген.-майор, ревельский военный губернатор, лишен чинов и выслан в Сибирь за мошенничество. Он, видимо, сам рассказывал Штейнгейлю историю Грузиновых и свою (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 106—108).

[17] Благословенный — титул Александра I. *Селифонтов Иван Осипович* (1743—1822), сибирский ген.-губернатор (1803—1806). Через 15 лет сибирским ген.-губернатором был назначен М. М. Сперанский.

[18] *Куткин Федор Тихонович* (ум. 1815), ген.-майор, начальник Тобольской провиантской комиссии, был отдан под суд за злоупотребления, девять лет находился в строжайшей изоляции, умер до окончания следствия и только потом был оправдан Сенатом. На самом деле его преследовал И. Б. Пестель «за то, что тот на званом обеде позволил себе в чем-то не согласиться с ним, всемогущим генерал-губернатором» (*Максимов С. В.* Сибирь и каторга. Спб., 1900. Ч. 3. С. 328).

[19] Речь идет о подавлении крупнейшего выступления военных поселян — восстании Чугуевского полка в Слободско-Украинской губернии в 1819 г.

[20] *Козачковский Кирилл Федорович* (1760—1829), ген.-лейтенант.

[21] *Величко Павел Елисеевич* (ум. 1821), с 1800 г. директор Оренбургской таможни, затем начальник Оренбургского таможенного округа. В основанном им в 1815 г. обществе, носившем первоначально масонскую окраску, видную роль играл его сын А. П. Величко, магистр физико-математических наук, один из деятельных масонов 1810-х гг., связанный с некоторыми декабристами, и майор 4-го линейного оренбургского батальона А. Л. Кучевский. Оба они после смерти П. Е. Величко уехали из Оренбурга.

[22] Подписки о неучастии в тайных обществах брались в связи с рескриптом Александра I от 21 авг. 1822 г. о закрытии всех тайных обществ (в том числе масонских лож).

[23] *Кудряшев Петр Михайлович* (1797—1827), в 1820 г. аудитор того батальона, которым командовал А. Л. Кучевский, в 1822 г. переведен аудитором в Оренбургский ордонансгауз с одновременным исполнением обязанностей аудитора Кизильского гарнизонного батальона. П. М. Кудряшев был знатоком истории, этнографии и фольклора Оренбургского края, владел местными языками, писал стихи, поэмы, повести, печатался в «Вестнике Европы» и «Отечественных записках» (см. о нем: Башкирия в русской литературе. Уфа, 1961. Т. 1. С. 71—140: *Рахимкулов М. Г.* Страницы дружбы. Уфа, 1972. С. 22—23). Исследования М. Д. Рабиновича, по-новому раскрывающие историю и значение Оренбургского тайного общества, доказывают, что П. М. Кудряшев был автором программных документов общества — Устава и Инструкции (*Рабинович М. Д.* Новые данные по истории Оренбургского тайного общества // Вестн. АН СССР. 1958. № 7. С. 106—113; Он же. Декабристы в Башкирии и Оренбургской губернии // Материалы науч. сессии, посвященной 400-летию присоединения Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1958. С. 147—177; Он же. Об архиве Оренбургского тайного общества // Вопр. соц.-экон. истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961. С. 351—356).

[24] О Завалишиных см. примеч. 3 к «Дневнику достопамятного нашего путешествия». Их сестра — *Екатерина Иринарховна* (1803—1880). И. И. Завалишин 22 июня 1826 г. подал лично Николаю I донос на брата, в котором в числе прочего сообщал, что тот занимал руководящее положение среди декабристов, а также основал тайные общества в Симбирске и Казани. На очной ставке Д. И. Завалишину удалось доказать несостоятельность этих обвинений, и донос был оставлен «без последствий» И. И. Завалишин был заключен в Петропавловскую крепость, разжалован

в рядовые и 22 сент. 1826 г. сослан в Оренбургский артиллерийский гарнизон, куда прибыл 12 дек. Осуществленные им в следующие четыре месяца провокационные действия по раскрытию Оренбургского тайного общества предпринимались, по его словам, «сообразно с волею государя императора о дальнейшем разыскании тайных обществ» (до отправки в Оренбург с ним беседовал Николай I). Ему удалось получить в копиях тексты Устава и Инструкции общества, а также подлинные клятвы семи его членов — все это он приложил к своему доносу, написанному в апр. 1827 г. (*Рабинович М. Д.* Указ. статьи).

[25] Биографические данные о членах Оренбургского тайного общества до сих пор выяснены не полностью, неизвестны даже даты смерти большинства из них (о датах рождения можно судить по указанию на возраст подсудимых, содержащемуся далее в тексте). *Колесников Василий Павлович*, секретарь общества, отбыв каторгу вместе с декабристами, вышел в конце 1852 г. на поселение, жил в Качуге, потом в Бельске, после манифеста 1856 г. остался в Сибири, умер в Иркутске в конце 1870-х гг. *Таптиков Дмитрий Петрович*, участник войны 1812 г., в 1816 г. разжалованный за дерзкое поведение в рядовые и в 1826 г. восстановленный в чине прапорщика, исполнял во время описываемых событий обязанности председателя общества ввиду тяжелой болезни П. М. Кудряшева. Освобожден из заключения в авг. 1831 г., жил и умер в 1866 г. в Малышевке Иркутской губ. Вместе с ним был поселен Х. М. Дружинин (*Кубалов Б. Г.* Декабристы и амнистия // Сиб. огни. 1924. № 5. С. 150, 157, 159; *Рабинович М. Д.* Декабристы в Башкирии и Оренбургской губернии. С. 172; портреты В. П. Колесникова и Д. П. Таптикова работы Н. А. Бестужева см.: *Зильберштейн И. С.* Художник-декабрист Николай Бестужев. М., 1977. С. 252, 263). Неизвестна судьба отосланных из Оренбурга на Кавказ Андрея Герасимовича Шестакова, Ивана Михайловича Старкова, Василия Васильевича Ветошникова (о доносе на последнего, по которому можно судить о его настроениях в 1831 г., см.: *Большаков Л. Н.* Указ. соч. С. 254—256) и Степана Гавриловича Дынькова.

[26] Оренбургский военный губернатор с 1817 г.— *Эссен Петр Кириллович* (1772—1844), гр., ген. от инфантерии, командир Оренбургского отдельного корпуса, с 1830 г. петербургский ген.-губернатор.

[27] Всего было арестовано 80 человек, но суду предано только семь — против них были очевидные улики в виде подписей под клятвами — и сам И. Завалишин. По версии М. Д. Рабиновича, П. К. Эссен находился в трудном положении: во-первых, до этого он уверял правительство, что в крае нет злоумышленных обществ, во-вторых, в доносе Завалишина содержались сведения о злоупотреблениях оренбургской администрации — они могли возбудить народные возмущения. Поэтому задачей следствия, которое длилось около месяца, было доказать необоснованность этих обвинений, а заодно переложить на провокатора ответственность за создание Тайного общества. П. М. Кудряшев, предпринявший громадные усилия по спасению членов общества и уничтожению его архива, умер от апоплексического удара 9 мая.

[28] *Веселитский Гавриил Петрович* (1774—1829), ген.-лейтенант, участник Отечественной войны 1812 г.

[29] *Тимковский Василий Федорович*, в 1826—1828 гг. граждан-

ский губернатор Бессарабской области, переводчик. Эпизод построен на игре слов. Отношения — форма документа, в которой обменивались друг с другом равные учреждения или должностные лица. Нижестоящее лицо не могло обратиться к вышестоящему с отношением.

[30] *Каменский Михаил Федорович* (1738—1809), гр., ген.-фельдмаршал.

[31] *Жемчужников Аполлон Степанович* (1764—1840), ген.-лейтенант, командир 26-й пехотной дивизии; *Тимофеев Василий Иванович* (1783—1850), позднее ген. от инфантерии; *Покотилов*, командир 11-й Оренбургской казачьей конно-артиллерийской роты.

[32] После известного восстания л.-гв. Семеновского полка в 1820 г. его участники были разосланы в разные части Оренбургского корпуса.

[33] Всеподданнейший доклад Аудиториатского департамента по делу Оренбургского тайного общества с изложением судебного процесса и всеподданнейшее донесение И. И. Завалишина, отосланное им после окончания суда, опубликованы П. Е. Щеголевым: *Колесников В. П.* Записки несчастного, содержащие путешествие в Сибирь по канату (Библиотека мемуаров издательства «Огни»). Спб., 1914. Приложения. С. 105—155. Отбыв каторгу по окончании оренбургского дела, И. И. Завалишин жил на поселении в Верхнеудинске и Кургане, по-прежнему занимался доносами на своих товарищей и начальство, сидел за это в остроге, затем был выслан в Пелым. Освобожден в 1862 г., занимался литературной деятельностью (см. о нем: *Штрайх С. Я.* Провокатор Завалишин. М., 1928; *Большаков Л. Н.* Указ. соч. С. 256—257).

[34] *Орлов Григорий Владимирович* (1777—1826), гр., камергер, сенатор, литератор.

ЗАМЕЧАНИЯ НА НЕКОТОРЫЕ СТАТЬИ «ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКОГО ЛЕКСИКОНА»

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., ед. хр. 61, ч. 14, л. 57—66

Кроме автографа, по которому печатается записка, сохранилась писарская копия, содержащая небольшие разночтения и описки (*ГАИО*, ф. 24, оп. 3, д. 305, карт. 13, л. 25—36 об.). Предназначалась для «Северной пчелы», но осталась неопубликованной. К записке было приложено письмо к издателям «Северной пчелы» (*Штейнгейль Т. 1.* С. 234). Эта статья первая из серии литературных работ декабриста, начатых, вероятно, еще в Петровском заводе, завершенных в период пребывания на поселении в д. Елань Бадайской волости Иркутского округа. Кроме рассматриваемой, для «Северной пчелы» были подготовлены «Нечто о неверностях, проявляющихся в русских сочинениях и журнальных статьях о России и русском» и «Вариации на «Вариации на тему: Кронштадт»(наст. изд.). Кроме того, для «Библиотеки для чтения» предназначались два перевода с польского «Отрывка из путешествия ляха Ширмы» (*ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., ед. хр. 61, ч. 14, л. 87—106, 109—126). Относительно публикуемой записки ген.-губернатор Восточной Сибири С. Б. Броневский обратился за указаниями к шефу корпуса жандармов:

«Находящийся на поселении в Еланском селении государственный преступник Штейнгейль прислал ко мне при письме к издателям «Северной пчелы» свои замечания на некоторые статьи Энциклопедического лексикона с просьбою напечатать в издаваемой ими газете или другом каком-либо журнале, обещаясь и впредь посвящать свои литературные занятия отечественной словесности. Имея честь препроводить при сем к вашему сиятельству означенные письмо и замечания, я покорнейше прошу вас, милостивый государь, почтить меня предписанием, как должно поступать в таковых случаях и на будущее время» (*ГАИО*, ф. 24, оп. 3, д. 305, карт. 13, л. 5—5 об.). 25 сент. 1836 г. последовало предписание А. Х. Бенкендорфа, в котором он считал «неудобным доставлять государственным преступникам посылать свои сочинения для напечатания в журналах, ибо сие поставит их в сношения, не свойственные их положению» (*ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., ед. хр. 61, ч. 14, л. 22). Этот запрет распространялся и на литературные произведения других декабристов.

Впервые записка Штейнгейля была опубликована М. К. Азадовским по копии и со значительными купюрами (*Обвинский В.* Замечания на статьи «Энциклопедического лексикона» // Сибирь и декабристы. Иркутск, 1925. С. 113—120).

[1] «Энциклопедический лексикон», одна из первых русских энциклопедий, выходившая в 1835—1841 гг. (вышло 17 томов из намеченных к изданию 24). Издателем его был петербургский типограф и книгопродавец *Адольф Александрович Плюшар* (1806—1865). Штейнгейль рассматривал первые четыре тома.

[2] «Северная пчела», ежедневная газета, издававшаяся в Петербурге в 1825—1864 гг. Издавали ее Ф. В. Булгарин (1825—1830), Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч (1831—1859).

[3] *Атласов Владимир Васильевич* (ок. 1661—1664—1711), русский землепроходец, сибирский казак. В 1697—1699 гг. совершил походы на Камчатку. Дал первые сведения о Камчатке и Курильских островах.

[4] Сейчас р. Оклан.

[5] Акланский острожек был оставлен русскими осенью 1746 г., в 1748 г. сожжен коряками и с тех пор не возобновлялся. Указом Екатерины II он создавался лишь на бумаге. В 1800 г. сенатор И. О. Селифонтов доносил, что «Оленск и Акланск существуют по одному токмо названию, ибо присутственные их места по крайней необходимости помещены в отдаленнейших селениях других даже уездов» (*ГАКО*, ф. 655 (И. О. Селифонтова), оп. 2, д. 233, л. 38).

[6] Неудачный поход против турок был действительно совершен в июне — июле 1711 г. Письмо Сенату от 10 июля 1711 г. было написано Петром I в самый сложный период похода, когда русские войска были окружены турецкой армией. «Сим извещаю вам,— писал Петр I,— что я со всем своим войском <...> окружен <...> и что я иного предвидеть не могу, кроме совершенного поражения или что я впаду в турецкий плен. Если случится сие последнее, то вы не должны меня почитать своим царем и государем и ничего не исполнять, что мною, хотя бы я сам не являюся между вами в лице своем. Но если я погибну и вы верные известия получите о моей смерти, то выберите между собою достойнейшего мне в наследники» (Письма и бу-

маги императора Петра Великого. М., 1962. Т. 2. Вып. 1 (янв.— 12 июля 1711 г.). С. 314—315). Достоверность этого письма вызывала и до сих пор вызывает сомнения у некоторых историков, но публикаторы Е. П. Подъяпольская и Я. Е. Водарский в подлинности его не сомневались (Там же. С. 573—575).

[7] Аннуитет (от лат. annuitas — ежегодный платеж), вид распространенных в XVIII—XIX в. государственных займов, по которым кредитор получал доход (ренту), включавший суммы долга и выплату процентов по нему. Разделялся на срочный и пожизненный.

[8] *Шантро Пьер-Никола* (1741—1808), французский историк, автор работ по проблемам истории, в том числе российской (Voyage philosophique et litteraire fait en Russie (1794). О Бусье сведений обнаружить не удалось.

[9] Патриаршество было учреждено в Москве в 1589 г. в царствование Федора Ивановича по инициативе правителя Бориса Годунова. Было ликвидировано в 1703 г.

Титул архидиакона присваивался первому диакону кафедрального собора правящего епископа (Атеистический словарь. М., 1983. С. 32).

[10] Бааню — сейчас р. Банная.

[11] *Крашенинников Степан Петрович* (1711—1755), академик Петербургской Академии наук, участник Камчатской экспедиции (1733—1743), в 1737—1740 гг. путешествовал по Камчатке, издал фундаментальный труд «Описание земли Камчатки» (1755 г.).

[12] В устье р. Большой находился Большерецкий острог.

[13] Учуг (тюрк.), устройство (перегородка из жердей) для задержания проходных рыб, поднимающихся вверх по течению рек. Использовалось в устьях рек Волги и Урала до середины XIX в. В современном рыболовстве запрещено.

[14] У С. П. Крашенинникова — Гаеч (а не Баеч), бог подземного мира. «Гаеч принимает всех умерших камчадалов. Приехавшему в новой и богатой собачьей кухлянке на хороших собаках Гаеч дает старые одежды и скверных собак, а приехавшему в плохой кухлянке и на плохих собаках дарит все хорошее и лучшие места отводит для поселения» (*Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М., 1948. С. 198).

[15] Распространение христианства на Камчатке началось с 1741 г., когда туда по распоряжению Синода были отправлены проповедники. Штейнгейль, однако, явно преувеличивает успехи церкви на Камчатке.

Справедливости ради следует сказать, что в России появлялись исследования о Камчатке, содержащие более точные и новейшие сведения (см., напр.: О переменах, произошедших на Камчатке со времени описания оной Крашенинниковым // Сиб. сб. 1824. Ч. 4).

[16] *Семивский Николай Васильевич*, коллежский сов., иркутский вице-губернатор в 1806—1809 гг. В 1817 г. издал в Петербурге книгу «Новейшие любопытные и достоверные повествования о Восточной Сибири» (о Байкале с. 39—49). В основу этой книги были положены статистико-экономические и исторические обзоры Иркутской губернии, составленные губернским землемером А. И. Лосевым (*Мирзоев В. Г.* Историография Сибири (домарксистский период). М., 1970. С. 137).

[17] Лот-линь, тонкий трос с лотом (грузом), предназначен для измерения глубины; фут — англ. мера длины. 1 ф.—30,5 см.

[18] Штейнгейль не совсем точен. Действительно, Лиственичного острова в районе истока Ангары, как об этом сообщал лексикон, нет. Но среди байкальских островов он имеется. Находится в Баргузинском заливе.

[19] *Георги Иоганн Готлиб* (1729—1802), путешественник, этнограф, натуралист, академик Петербургской Академии наук (с 1783 г.). В 1772—1773 гг. в составе академической экспедиции П. С. Палласа проводил исследования на Байкале. Автор фундаментального исследования «Описание народов, населяющих Россию» (Спб., 1777), в третьей части которого дается описание восточно-сибирских народов.

[20] Господствующие на Байкале ветра: северо-западный, или горный; баргузин, или северо-восточный, он же верховик (в северной части озера его называют ангара); култук, или юго-западный; шелонник, или юго-восточный. Наиболее опасным является северо-западный (горный), особенно в районе, расположенном напротив устья долины р. Сармы (в этом месте он называется сарма). Порывы его достигают скорости до 60 м/с (*Галазий Г. И.* Байкал в вопросах и ответах. Иркутск, 1984. С. 110—111).

[21] Т. е. на материке.

[22] Адмиралтейство в Иркутске было открыто в 1764 г. и просуществовало до 1839 г. Оно осуществляло руководство судоходством и морскими исследованиями не только на Байкале, но и на Дальнем Востоке. При адмиралтействе находилась морская команда, которая наряду с перевозкой пассажиров и почты производила топографические и навигационные работы на Байкале. Штейнгейль в дек. 1806 г. был переведен в Иркутскую морскую команду, а с мая 1807 до нояб. 1809 г. возглавлял ее (*ВД*. Т .14. С. 148—149).

[23] Тобольский боярский сын Ерофей Заболоцкий (Заблоцкий) возглавлял первое русское посольство к одному из могущественных феодалов Северной Монголии (Халхи) Цэцэн-хану. 7 окт. 1650 г. на восточном берегу Байкала (в районе дельты Селенги) посол и семь членов посольства были убиты бурятами (Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1636—1654. М., 1974. С. 346—352). В 1652 г. на их могиле был поставлен крест и сооружена часовня. В 1681 г. на этом месте на средства купца Г. А. Осколкова был построен Посольский Преображенский монастырь.

[24] Первый маяк на Байкале был построен на Посольском мысу в 1761 г. После того как в 1774 г. он разрушился, был построен новый, сгоревший в 1798 г. От старого он отличался тем, что освещение производили при помощи фонаря, в котором жгли сало. В 1815 г. силами Иркутского адмиралтейства в Посольске был сооружен новый маяк.

[25] Кругоморская, или Кругобайкальская дорога была построена вокруг Байкала в конце XVIII в. Трасса ее неоднократно изменялась. В 1820—1821 гг. изыскания к улучшению путей вокруг Байкала проводил будущий декабрист Г. С. Батеньков. По дороге двигались торговые обозы и почта в Забайкалье и Кяхту, главным образом в весеннее и осеннее время, когда движение через Байкал было затруднительным.

[26] Начиная с 1820-х гг. в Иркутске неоднократно поднимался вопрос о создании на Байкале парового флота. «Одно учреждение пароходов,— указывал М. Геденштром,— может доставить безостановочное плавание по Байкалу и покорить сие бурное, бездонное озеро постоянному судоходству» (*Геденштром М. М.* Отрывки о Сибири. Спб., 1830. С. 134). В 1838 г. ростовский купец и золотопромышленник Н. Мясников обратился в министерство финансов с предложением завести пароходство по рекам Оби, Тоболу, Иртышу, Енисею, Лене и озеру Байкал. В 1843 г. им были построены близ Иркутска два парохода — «Николай I» и «Наследник Цесаревич». В июне 1844 г. началась первая навигация байкальского парового флота.

[27] Штейнгейль проезжал через Барабинские степи в 1811 г., возвращаясь после службы в Сибири в Петербург. В 1827 г. он проехал мимо них уже как государственный преступник.

[28] Каинск — сейчас г. Куйбышев Новосибирской обл. (с 1935 г.).

[29] В 1834 г. в Баргузине проживало 194 жителя. Среди них четыре купеческие семьи: Н. И. Черных, С. Ф. Козулина, Р. И. Новикова и И. А. Цивилева, состоящие из 43 душ обоего пола (*ГАЧО,* ф. 1, оп. 1, д. 17 537, л. 11 об.—14).

[30] Туркинские горячие воды были открыты в 1753 г. в девяти верстах от Туркинского села. Регулярно их стали посещать с начала XIX в., когда туда была проложена хорошая дорога и построены помещения для персонала и больных. В 1830 г. здесь находилось шесть служителей и корпус для посетителей, вмещающий до 30 человек. В этом же году была издана коллежским сов. Эрнстом «Инструкция или руководство для врачей, находящихся при Туркинских минеральных водах» (*И. Б.* Прогулка за Байкал // Телескоп. 1833. Ч. 13. № 14. С. 565—566). С конца 1840-х гг. сюда стали совершаться регулярные пассажирские рейсы по Байкалу. Многие из декабристов, живших на поселении в Восточной Сибири, пользовались этими водами. В настоящее время здесь находится курорт Горячинск (Прибайкальский район Бурятии).

[31] *Анна Петровна* (1708—1728), дочь Петра I, с 1725 г. жена герцога Голштейн-Готторпского, мать имп. *Петра III Федоровича* (1728—1762).

[32] Псевдоним Штейнгейля, которым он подписывал статьи и переводы, написанные в период пребывания в Елани. Обвинский — от г. Обва (Обвинск) — места рождения Штейнгейля (сейчас с. Верх-Язьва Красновишерского района Пермской области).

НЕЧТО О НЕВЕРНОСТЯХ, ПРОЯВЛЯЮЩИХСЯ В РУССКИХ СОЧИНЕНИЯХ И ЖУРНАЛЬНЫХ СТАТЬЯХ О РОССИИ И РУССКОМ

ЦГАОР, ф. 109, I эксп., 1826 г., ед. хр. 61, ч. 14, л. 78—85

Автограф предназначался для «Северной пчелы». 26 сент. 1836 г. ген.-губернатор Восточной Сибири извещал шефа жандармов: «Состоящий в должности Иркутского гражданского губернатора представил ко мне полученные им от находящегося на поселении государственного преступника Владимира Штейн-

гейля две тетради: а) с литературными замечаниями на некоторые статьи, к издателям «Северной пчелы» и б) в переводе отрывок из путешествий Ляха Ширмы к издателям «Библиотеки для чтения». Сочинения эти имею честь представить при сем на благоусмотрение вашего сиятельства» (*ГАЙО,* ф. 24, оп. 3, д. 305, карт. 13, л. 24).

О судьбе этих произведений см. примечания к предыдущей статье. Записка публикуется впервые.

[1] «Русский инвалид» — официальная газета военного министерства, издавалась в Петербурге с 1813 по 1917 г. В 1822—1838 гг. редактором ее был *А. Ф. Воейков* (1777—1839). Статья, которую комментирует Штейнгейль, была опубликована в № 199 (а не 159) под названием «Целительные воды».

[2] *Лазарев Михаил Петрович* (1788—1851), русский мореплаватель, адмирал (с 1843 г.). В 1813—1825 гг. совершил три кругосветных плавания. В 1830—1850 гг. командир Черноморского флота и портов Черного моря.

[3] *Кларк Эдвард* (1769—1822), английский путешественник и писатель; *Лаперуз Жан Франсуа де Гало* (1741—1788), французский мореплаватель, возглавлял кругосветную экспедицию 1785—1788 гг. на фрегатах «Буссоль» и «Астролябия», в 1787 г. посетил Камчатку; руководители первой русской кругосветной экспедиции 1803——1806 гг. *Крузенштерн Иван Федорович* (1770—1846), адмирал, чл.-кор. и почетный член Петербургской Академии наук (с 1806 г.), *Лисянский Юрий Федорович* (1773—1837), капитан 1-го ранга.

[4] *Шелихов* (Шелехов) *Григорий Иванович* (1747—1795), русский купец, основатель Русской Америки, много сделавший для освоения восточного побережья России и Аляски. В 1781 г. совместно с курским купцом *Иваном Илларионовичем Голиковым* (1729—1805) основал Американскую Северо-Восточную компанию. В авг. 1784 г., высадившись на о. Кадьяк и основав там поселение, положил начало Русской Америки. Трудно согласиться с автором, что Шелихов не думал о создании объединенной компании. Еще в 1787 г. он подавал иркутскому ген.-губернатору проект создания такой компании и просил поддержки у правительства. В последующие годы неоднократно (в 1790 и 1794 гг.) возвращался к своему замыслу, но не дожил до его осуществления. Только после его смерти в 1797 г. произошло слияние компании наследников Г. И. Шелихова — И. И. Голикова с Иркутской компанией Н. П. Мыльникова. Вновь учрежденная компания была названа Соединенной Американской. Окончательное оформление Российско-Американской компании произошло 8 июля 1799 г., когда указом Павла I она была объявлена «состоящей под высочайшим покровительством» и получила исключительные привилегии на все материковые и островные земли в Тихом океане (*Окунь С. Б.* Российско-Американская компания. М.; Л., 1939. С. 29—44).

Резанов Николай Петрович (1764—1807), обер-прокурор Сената, камергер, отправлен в составе первой русской кругосветной экспедиции полномочным посланником в Японию. Один из учредителей Российско-Американской компании. Когда в конце 1799 г. была учреждена для наблюдения «о действительном исполнении компаниею предначертанных ей от правительства пра-

вил» должность корреспондента Российско-Американской компании, соответствующая должности «протектора», на это место был назначен Н. П. Резанов. Был женат на *Шелиховой Анне Григорьевне* (ум. 1802).

[5] «Лесной журнал» издавался в Петербурге «Обществом для поощрения лесного хозяйства» в 1833—1851 гг. Замечания даются на статью «Некоторые сведения о северо-американских породах».

[6] «Санкт-Петербургские ведомости» — ежедневная официальная газета, издавалась с 1728 по 1917 г. С 1831 г. издателем их был Е. В. Аладьин.

[7] *Мятлев Василий Алексеевич* (ум. 1762), вице-адмирал, участник первой Камчатской экспедиции, в 1752—1757 гг. ген.-губернатор Сибири, затем служил в адмиралтейц-коллегии.

[8] Штейнгейль дает замечания на статью К. И. Арсеньева «Изменения в составе и числе городов в царствование Екатерины II» (Журнал МВД. 1834. № 5. С. 129—190); *Бриль Адам Иванович*, ген.-майор, иркутский ген.-губернатор в 1767—1776 гг., затем президент мануфактур-коллегии.

[9] Об Акланске см. примеч. 5 к предыдущей записке.

[10] В 1792 г. Камчатская администрация сообщала, что от «свирепствующего оспенного поветрия <...> целые селения вымерли, а в других хотя и остались, но в весьма малом количестве и из тех большею частью от того поветрия сделались увечными». Из 65 родов ительменов Нижнекамчатского округа осталось к 1792 г. только 47 (История Сибири. Т. 2. С. 431).

[11] *Гагемейстер Юлий Андреевич* (1806—1864), тайный сов., статс-секретарь, сенатор, известный экономист и статистик, занимался вопросами мануфактурного производства и торговли. Автор «Статистического обозрения Сибири» (Спб., 1854, т. 1—4). Замечания даются на статью «Постепенное распространение России от единодержавия Петра Великого до кончины Александра I» (Журнал МВД. 1835. № 3. С. 249—279).

[12] *Глаголев Андрей Гаврилович* (ум. 1844), журналист, историк литературы. Имеется в виду статья «Сравнительное обозрение состояния просвещения в России с состоянием оного в прочих европейских государствах» (с. 302—326).

[13] *Гугель Егор Осипович* (1804—1841), педагог, автор ряда учебных книг, в том числе «Чтения для умственного развития малолетних детей» (Спб., 1832), издатель «Педагогического журнала» (1833—1834).

[14] Имеется в виду книга немецкого историка В, Бергмана (1772—1856), русский перевод Е. Аладьина был издан в Петербурге в 1840 г. *Аладьин Егор Васильевич* (1796—1860), русский писатель, переводчик, издатель.

[15] *Кокоринов* (а не Кокорин) *Александр Филиппович* (1726—1772), русский архитектор, первый директор Академии художеств (с 1761 г.). Штейнгейль ошибается. Никольский военно-морской собор, о котором идет речь в статье, был построен в 1753—1762 гг. не менее известным русским архитектором *Саввой Ивановичем Чевакинским* (1713— между 1774 и 1780).

[16] «Последний день Помпеи» — картина русского художника *Карла Павловича Брюллова* (1799—1852), написана в 1833 г. в Италии. Картина получила высокую оценку в Европе и России. Так же высоко отзывались о ней декабристы, которые познако-

мились с этим произведением по гравюрам и литографиям.

[17] *Арсеньев Константин Иванович* (1789—1865), историк, статистик, географ, профессор Петербургского университета, академик (с 1841 г.). Штейнгейль имеет в виду его книгу «Краткая всеобщая география» (Спб., 1818), до 1849 г. выдержавшую 20 изданий.

[18] Канал, соединяющий реки Мсту и Волхов, прорыт в 1798—1803 гг. Назван по имени гр. *Я. Е. Сиверса* (1731—1808), возглавлявшего с 1796 г. управление водяных коммуникаций.

[19] Форт Росс был основан *И. А. Кусковым* (1765—1823) в 1812 г., хотя и ранее начиная с 1806 г. русские посещали залив Бодега (Кодего — неправильно) и производили там промысел морских бобров. Это было самое южное из поселений Российско-Американской компании. Содержать отдаленную колонию для компании было сложно, особенно в условиях растущего американского влияния в Калифорнии (в 1848 г. США аннексировали Калифорнию). В 1839 г. компания обратилась в министерство финансов с ходатайством о разрешении упразднить колонию Росс. В 1841 г. она была продана американцу Суттеру за 30 тыс. долларов (*Петров В.* Форт Росс и его культурное наследие. Лос-Анжелес, 1980. С. 5—6, 26—27).

[20] Штейнгейль имеет в виду основные районы добычи морского зверя: бобров и котиков, составлявших главный доход Российско-Американской компании.

[21] Иверский монастырь расположен на Сельвицком острове Валдайского озера. Замысел его создания и осуществления принадлежат патриарху Никону. Строительство монастыря продолжалось с 1653 по 1657 г. *Никон* (Никита Минов, 1605—1681), церковно-политический деятель России, патриарх (1652—1667). С его именем связано проведение церковных реформ, вызвавших раскол русской церкви.

[22] Петропавловская крепость была построена в 1727—1728 гг. прадедом А. С. Пушкина *Абрамом Петровичем Ганнибалом* (ок. 1697—1781). К концу XVIII в. пришла в запустение и была заброшена.

[23] *Зябловский Евдоким Филиппович* (1764—1846), статистик, историк, географ. Штейнгейль имеет в виду его книгу «Российская статистика». Спб., 1831. Ч. 1—2.

[24] Экономические крестьяне — в России 2-й половины XVIII—1-й половины XIX в., категория государственных крестьян, образованная после секуляризации из бывших монастырских и церковных крестьян; обельные — полные холопы в Киевской Руси, а также устаревшее название крепостных крестьян; половники — феодально-зависимые крестьяне в Русском государстве XIV—начала XIX в., работали на феодала, отдавая ему половину урожая.

[25] Штейнгейль, вероятно, имеет в виду все усиливающееся стремление Екатерины II в последние годы царствования оставить своим преемником не Павла, а внука Александра. Действовавший в то время петровский закон 1722 г. о престолонаследии предоставлял возможность государю избрать себе наследника, не руководствуясь правом первородства. Еще в 1794 г. Екатерина объявила об этом намерении императорскому Совету. Существуют данные, говорящие о том, что подобного рода документ был заготовлен Екатериной. Его должны были обнародо-

вать 24 нояб. 1796 г. (в Екатеринин день), но 6 нояб. царица скончалась (*Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1982. С. 50—52).

[26] Орден св. Анны был учрежден в 1735 г., имел четыре степени, с 1797 г. вошел в число российских орденов (до этого считался голштинским). Четвертым он считается по времени учреждения после орденов Андрея Первозванного (1698 г.), Екатерины (1714), Александра Невского (1725).

[27] Министерская реформа в России была проведена на основе манифеста от 8 сент. 1802 г., по которому учреждалось восемь министерств и определялись их взаимоотношения с центральной властью. Указ 25 июня 1811 г. не только вводил три новых министерства (кроме министерства полиции еще путей сообщения и государственного контроля), но и более четко разграничивал функции министерств, определял порядок делопроизводства.

[28] Сибирский комитет был создан 28 июля 1821 г. для рассмотрения отчета М. М. Сперанского по обозрению сибирских губерний. В дальнейшем на комитет было возложено рассмотрение и представление императору всех важнейших, касающихся Сибири дел. Просуществовал до 1838 г. Это так называемый I Сибирский комитет. II Сибирский комитет действовал в 1852—1864 гг.

[29] *Биллингс Иосиф Иосифович* (1761—1806), кап.-лейтенант русского флота, участник третьей кругосветной экспедиции Дж. Кука, с 1783 г. на русской службе, руководитель секретной Северной экспедиции 1785—1795 гг., направленной для изучения и описания северо-восточного побережья Азии. Для экспедиции в Охотске было выстроено два фрегата «Слава России» и «Доброе намерение» (см. об этом: *Штейнгейль, т. 1*, с. 69—70).

[30] *Рыбников Иван Назарович* (1777—1844), московский 1-й гильдии купец, суконный фабрикант, мануфактур-советник (с 1821 г.), действ. член общества любителей коммерческих знаний при Московской коммерческой академии.

[31] Греческий кадетский корпус, или «корпус чужестранных единоверцев» был создан в 1775 г., расформирован в 1796 г. Здание, которое он занимал, было передано под Морской корпус. За время своего существования Греческий корпус выпустил 190 офицеров, из них 100 человек для морского флота (*Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 452).

[32] Директором Морского корпуса с 1764 по 1802 г. был *Иван Логинович Голенищев-Кутузов* (1729—1802), но он одновременно являлся президентом адмиралтейц-коллегии. Фактически корпусом руководил в 1797—1802 гг. его сын контр-адмирал *Л. И. Голенищев-Кутузов* (1769—1845), впоследствии директор Кораблестроительного департамента Морского министерства, председатель ученого комитета Главного морского штаба.

[33] Оценка Штейнгейлем царствования Павла I значительно отличалась от господствовавшей в дореволюционной историографии характеристики его как «царства страха», а самого Павла как «царственного деспота», «патологического злодея». Декабристу импонировали строгая централизация аппарата управления, наведение порядка в армии и флоте, ограничение произвола на местах, сама личность Павла I, сложная и противоречивая. Отношение Штейнгейля к павловскому правлению в значительной степени приближается к той оценке, которая сложилась у

А. С. Пушкина (*Эйдельман Н. Я.* Пушкин: История и современность в художественном сознании поэта. М., 1984. С. 203—209).

ВАРИАЦИИ НА «ВАРИАЦИИ НА ТЕМУ: КРОНШТАДТ»

ГАИО, ф. 24, оп. 3, д. 305, карт. 13, л. 62—72
Рус. архив. 1913. № 6. С. 720—735

Это последняя из серии статей, завершенных в еланский период. Датирована 7-м окт. 1836 г., в канцелярию ген.-губернатора поступила 9 окт. вместе с письмом к Всеволоду Штейнгейлю. Так же, как предыдущие статьи, предназначалась для «Сев. пчелы». Сохранившаяся в деле *ГАИО* рукопись значительно отличается от находящихся здесь же писарских копий других статей Штейнгейля и по манере и особенностям написания отдельных букв и словосочетаний представляет собой, вероятно, беловой автограф. Следует отметить, что в соответствующем деле, хранящемся в *ЦГАОРе*, где отложились подлинники писем и статей Штейнгейля этого периода, данная статья отсутствует. Трудно сказать, почему автограф Штейнгейля не был отправлен в архив III Отделения. Вероятно, потому что вскоре поступило разъяснение А. Х. Бенкендорфа от 25 сент. 1836 г., запрещавшее декабристам публиковать свои произведения в периодической печати (*ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., ед. хр. 61, ч. 14, л. 22).

Статья была опубликована несколько позже, когда Штейнгейль уже был переведен в Западную Сибирь. Под новым названием «Старина морская и заморская» она была напечатана в журнале «Маяк» (Маяк современного образования и просвещения. 1840. Ч. 10. С. 23—34). Для публикации в «Маяке» Штейнгейль несколько переработал статью, внес дополнения и уточнения. Наиболее существенные расхождения между рукописью и печатным вариантом оговариваются в комментарии.

Публикация в «Маяке» сопровождалась вступительным замечанием редакции, носившим несколько патетический, даже ернический характер: «Батюшка, отец командир! ваше высокоблагородие! — по меньшей мере; а то и — ваше превосходительство! Да что я говорю? С 90-х годов — с милостию божией, царскою и командирскою, просто живи, так доживешь — ваше высокопревосходительство, да и только! — Откуда благодать такая! Этакого жемчугу бурмицкого, этаких камней самоцветных! Да и наш брат, горюн, с маячной каланчи такого клада слыхом не слыхал и очью не видал! Ах, ты родимый наш! Да подавай нам целых три короба про нашу старину морскую и заморскую — есть куда положить. А уж челом, так уж ниже матушки сырой земли пробьем вашему высокопре..., вашему превосх..., вашему высокоблаг..., не знаешь, право, куда и поставить-то! Да надо уж поставить — высоко! Только, отец родной, не клепли на нас, что-де маячные не для морских: да и теперь уж одиннадцать братов из морских и приморских работают на маяке, и правду сказать, «из строки не выкинешь» — а валялись-то где кто: кто под палами в Кронштадте, кто в Слободке в Николаеве, кто в Безрадной в Астрахани, кто в Ситхе с бобрами, а кого и из архивной пыли вытащили! Что раз, то клич и кличут с каланчи: и у ко-

го-де душа болит аль сердце кипит по матушке по Руси, по батюшке белом царе, по святым храмам божьим православным да по делам русским славным — милости просим к нам! Да и откликаются же молодец к молодцу: а погодите, то ли будет; вот, к слову, хоть бы ваша милость — имя, отчества не знаю — с неба свалился: просто пальчики обсосешь; что твой сот медовый с муромских лип! Ну, уж спасибо, трижды с пятком да с одиночкою, спасибо! Милости просим, пожалуйте, да и других зовите — да распояшьтесь путем, да раскиньтесь нам стариной про Чичаговых, да Лукиных, да Сенявиных; и про силачей, и про питухов и про раздрог старинных; и песенку-то спойте нам: «Во первых санях такой-то, во вторых такой-то...» и, господи, как зарадуется русское сердце, не утерпим и грянем молодецким хором: «Ой ли!..» Сторож (Там же. С. 23—24).

Остается неясным вопрос о том, как статьи Штейнгейля попали на страницы «Маяка» (кроме рассматриваемой было опубликовано еще три). В. И. Семевский предполагал, что через М. И. Топильского, зятя декабриста, который сотрудничал в журнале (Общественные движения в России в первую половину XIX века. Спб., 1905. Т. 1. С. 313). Ничего по этому поводу не сообщает сам декабрист. Статьи в «Маяке» подписывались им новым псевдонимом — «Тридечный» (от англ. «deck» — «палуба», т. е. трехпалубный). В послесловии к статье редакция настаивала, что это она предложила псевдоним: «Автору не угодно было поставить под своей статьею даже псевдоним. В надежде, что его умное и опытное перо не перестанет украшать «Маяк», мы осмелились статьи его отличать фирмою «Тридечный» до тех пор, пока автору угодно будет объявить нам настоящее свое имя» (Маяк. 1840. Ч.10. С. 34). Сам же декабрист в письме к Д. И. Завалишину от 4 сент. 1857 г. писал: «В «Тридечном» не ошиблись. Этот псевдоним дал мне покойный сын мой Николай — в «Маяке» (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 404). Вероятно, *Н. В. Штейнгейль* (1817—1845) и выступил посредником между декабристом и журналом. И последнее. Редакторы «Маяка» только делали вид, что не знают настоящего автора статьи. В справочном указателе статей и авторов журнала, изданном в 1844 г., читаем в именном указателе: «Тридечный (барон Штейнгейль)» (Указатель статей, помещенных в «Маяке», и фамилий гг. сотрудников «Маяка» за пять лет. Спб., 1844).

Иркутский автограф впервые опубликован В. Крыжановским в 1913 г. («Вариации на тему «Кронштадт» // Рус. архив. 1913. № 6. С. 720—735). В предуведомлении к ним публикатор указывал: «Предлагаемые «Вариации» принадлежат перу декабриста подполковника барона Владимира Штейнгейля. Статья эта предназначалась автором для «Северной пчелы» и не напечатана там своевременно за неполучением разрешения, разыскана нами в одном из архивов г. Иркутска. Читатель найдет в ней много интересных штрихов, характеризующих русский флот конца XVIII и начала XIX в. Ценность «Вариаций», как материала для истории флота, усугубляется тем, что они голос образованного современника, заслужившего по своим нравственным качествам полного доверия» (Рус. архив. 1913. № 6. С. 720).

Еще одна публикация статьи Штейнгейля была сделана с большими купюрами (Кронштадт (отрывок из одного неиздан-

ного сочинения декабриста) // Свободный край (Иркутск). 1919. № 410. 27 дек.).

[1] Статья Штейнгейля появилась как полемический ответ на заметку Н. Д. «Наблюдения в Отечестве. Вариации на тему: «Кронштадт», опубликованную в № 146—149 «Сев. пчелы» за 1834 г. Кто укрылся за инициалами Н. Д., установить не удалось.

[2] *Оссиан,* легендарный воин и бард кельтов, живший, по преданию, в III в. Некоторые из сказаний, приписываемых ему, записаны не позднее XII в. Известна литературная мистификация *Дж. Макферсона* (1736—1796), шотландского писателя и поэта. Средневековый колорит и сентиментально-меланхолический тон определили роль его сборника «Сочинения Оссиана, сына Фингала» (1765) как классического образца литературы предромантизма.

[3] Андреевский флаг, кормовой флаг кораблей русского военно-морского флота, белый с диагональным голубым крестом (так называемый крест Андрея Первозванного). Учрежден в 1699 г. Петром I.

[4] Имеется в виду носовая часть кораблей, которая обшивалась медными листами.

[5] В «Маяке» к этим словам сделано примечание редактора: «Ranz des vaches...— от слова: rancon des vaches — возвращение коров. Швейцарская песня».

[6] *Кейт Джордж* (1746—1823), виконт, английский адмирал, участник многих сражений, руководил отправкой Наполеона I на остров св. Елены.

[7] Установить его фамилию не удалось.

[8] *Куличкин Василий Константинович* (ум. 1800), в 1793 г. окончил Морской корпус, в 1797 г. командирован в Англию волонтером на английский корабль, с 1799 г. лейтенант, погиб 18 июля 1800 г. при взрыве корабля «Королева Шарлотта». В своих записках Штейнгейль указывал, что этот корабль был стопушечный (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 99).

[9] Установить имя подшкипера не удалось.

[10] *Сю Эжен* (1804—1857), французский писатель, автор ряда романов в жанре морских приключений («Плик и Плок», 1831; «Саламандра», 1832).

[11] В публикации «Маяка» после этих слов: «дайте сигнал с вашего маяка, что вы желаете картин с флота,— художники явятся!»

[12] Гора Гимет — горная цепь в Греции. Обилие здесь ароматических трав привело еще в древности к развитию пчеловодства. Мед гиметский славился в Греции.

[13] В «Маяке» вместо этих слов: «в одном из журналов позабавили нас сочинением молодого».

[14] *Хандошкин Иван Евстафьевич* (1747—1804), русский композитор и музыкант, основоположник русской скрипичной школы, первый собиратель народных мелодий, создатель 50 циклов вариаций на русские песни и мотивы. «Горюн» — видимо, одна из пьес Хандошкина.

[15] В публикации «Маяка» этот текст значительно дополнен и выглядит следующим образом: «Царствование Николая доказало Европе, что Россия обладает великим флотом... Немудрено

превзойти совершенствами невежду, немудрено победить слабого; теперь флот наш стремится превзойти совершенствами флоты западные, флоты, уже ломавшие копья свои на поприщах Абукира и Трафальгара. Вы, ветераны флота времен Екатерины и Павла, уже давно покинувшие флот и удалившиеся в свое сельское уединение, уже давно не видавшие ни Петербурга, ни Кронштадта, ни вымпела корабельного,— не правда ли, в вас еще не застыло морское чувство? Не правда ли, что хоть раз в год вы любуетесь на ваши белые флотские мундиры, вспоминаете юность, вашу службу в чине лейтенанта у нас на флоте... вот то-то был в наше время флот!»... О! если бы теперь вы посетили наш военный корабль на рейде и наш флот во время его маневров на море!.. Вы бы назвали каждый корабль яхтою по изящности и чистоте его отделки, по легкости и правильности его вооружения!.. «Я мало знаю Кронштадт и в его прошедшем, и в его настоящем. Я не имею ясного, подробного понятия о том, что был Кронштадт в ваше время; не могу рассказать вам прогрессивного хода его усовершенствования, его обстройки от вашего до нашего времени. Чтоб узнать историю Кронштадта, надо пожить не один месяц в Кронштадте. Надо много побегать по Кронштадту и Петербургу, много и многих спрашивать, много рыться в архивах морских присутственных мест: ибо мы не имеем еще ни подробной, полной печатной истории флота, ни подробной, полной печатной истории Кронштадта. Но пойдемте со мной, читатели, взглянемте на Кронштадт хоть ограниченным, телесным, современным оком. Ныне превосходный майский день. Гавани Кронштадта кипят жизнью юноши.— Я подслушал фразу вашу: «Что-то изменился ли наш голубчик Кронштадт» и вижу, что вам хоть разок бы хотелось взглянуть на него...

Теперь у нас в Балтийском флоте 27 кораблей и почти столько же фрегатов. Все суда Балтийского флота не уместятся в гаванях Кронштадта, и потому одна дивизия флота всегда зимует в Ревеле и Свеаборге. Пушки, огромные осадные пушки покрывают почти все морские Кронштадтские укрепления. Много пушек на флоте. Много пушек на Кронштадтском артиллерийском дворе. Много пушек в Ревеле и Свеаборге. О, у нас на Балтийском море довольно пушек, чтобы заглушить гул Бородинских выстрелов!.. В ваше время флот только в воображении был комплектен. В наше время только в воображении он разделялся на дивизии синего, белого, красного флага. Теперь по первому слову императора в полном числе кораблей, фрегатов, мелких судов, в высоком развитии совершенства он, как громовые тучи, покроет воды Финского залива!..»

«...Палы. Не от того ли произошло это название «Палы», что эта часть низменна, впала?»

«...Такие ли были корабли в ваше время?» (Маяк. 1840. Ч. 10. С. 26—27).

[16] Вольный пересказ известного латинского выражения «De mortuis aut bene, aut nihil» (О мертвых или хорошо, или ничего).

[17] «Свалились» — т. е. столкнулись. Фамилия капитана — П. П. Лялин. В «Автобиографических записках» Штейнгейль, описывая этот эпизод, пишет о том, что его корабль «Сысой Великий» столкнулся с «Максимом Исповедником» (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 92).

[18] Имеется в виду шпиль кабестана, на который наматывается якорная цепь.

[19] Комиссар — должность заведующего припасами на флоте; констапель — упраздненный в первой четверти XIX в. чин прапорщика в морской артиллерии.

[20] Адмиралы и капитаны широко использовали труд рядовых матросов для своих личных нужд и в домашнем хозяйстве. Адмирал А. И. Круз держал у себя «для услуг» 26 матросов, капитан Р. В. Кроун 25 человек и т. д. (см. об этом: Материалы для истории русского флота. Спб., 1865. Ч. 16. С. 32—33).

[21] Темляк (тюрк.) — петля из ремня или ленты с кистью на конце, носимая на рукоятке (эфесе) шпаги или сабли. В русской армии темляк из орденской ленты был знаком отличия.

[22] Траньон (а не Трунсон) и Перигрин Пикль — персонажи романа *Т. Смоллета* (1721—1771) «Приключения Перигрина Пикля» (1751). Первый русский перевод под заглавием «Веселая книга, или Шалости человеческие» появился в 1788 г. Траньон — отставной капитан, живет только морем, всю свою жизнь обставил по-морскому; главные черты характера П. Пикля — себялюбие, самодовольство, тщеславие.

[23] Установить, о ком идет речь, не удалось.

[24] *Катасанов Александр Семенович* (ок. 1737—1804), обер-сарваер, главный инспектор кораблестроения, первый начальник училища корабельной архитектуры, под его руководством были построены для Черноморского и Балтийского флотов 40 кораблей и 24 фрегата (см. о нем: *Быховский И. А.* Рассказы о русских кораблестроителях. Л., 1966. С. 243—244).

[25] Дромадер (дромедар) — одногорбый верблюд.

[26] Медную обшивку на линейных кораблях стали делать начиная с 1781 г. До этого подводная часть либо обжигалась, либо покрывалась химическим составом. Но медную обшивку делали лишь на отдельных судах. Большая часть их строилась по-старому (*Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XVIII в. М., 1958. С. 369).

[27] *Муловский Григорий Иванович* (1758—1789), капитан I ранга, участник многих плаваний и морских сражений. В 1786 г. Екатерина II предписала готовить первую русскую кругосветную экспедицию в составе четырех кораблей. Командование ими было поручено Муловскому. К концу 1787 г. подготовка экспедиции была завершена. Но начавшаяся в 1787 г. война с Турцией, а затем в 1788-м — со Швецией привели к отмене первого кругосветного плавания. В одном из сражений со шведским флотом 18 июля 1789 г. у острова Эланда капитан корабля «Мстислав» Г. И. Муловский был убит (*Давидсон А. Б.*, *Макрушин В. А.* Зов дальних морей. М., 1979. С. 231—244).

[28] *Чернышев Иван Григорьевич* (1726—1796), гр., ген.-фельдмаршал флота, в 1769—1795 гг. вице-президент, с 1796 г. президент Адмиралтейской коллегии.

[29] *Ханыков Петр Иванович* (1743—1812), адмирал, участник многих морских сражений, с 1793 г. начальник гребного флота, с 1808 г. главный командир Кронштадтского порта; *Макаров*, вице-адмирал, командовал эскадрой, отправленной для блокады голландского побережья в 1796—1800 гг.; *Чичагов Павел Васильевич* (1762—1849), адмирал, морской министр (1802—1811); *Грейг Александр Самуилович* (1775—1845), адмирал, участник

многих морских походов, с 1816 г. главный командир Черноморского флота, николаевский и севастопольский военный губернатор, с 1830 г. возглавлял комитет по улучшению флота; *Кроун Роман Васильевич* (1754—1841), адмирал, участник многих сражений. В 1789 г. коттер (легкое двухмачтовое судно) «Меркурий», которым командовал лейтенант Р. В. Кроун, захватил шведский тендер «Снаппуп» и 44-пушечный фрегат «Венус».

[30] Слова «ему с осьми лет принадлежавший» и «вельмож — в особенности» в публикации «Маяка» отсутствуют.

[31] Новый «Устав военного флота» был введен в 1797 г. Но продержался он недолго и хотя официально отменен не был, на практике был заменен прежним, введенным еще Петром I (*Веселаго Ф. Ф.* Краткая история русского флота. М.; Л., 1939. С. 197).

[32] За содержание нижних чинов на работе в своих домах и мызах при Павле I 6 флагманов и 18 капитанов получили строгий выговор (*Веселаго Ф. Ф.* Указ. соч. С. 203).

[33] В одном из указов Павла I говорилось о состоянии флота в конце 1790-х гг.: «С восшествием нашим на прародительский престол приняли мы флоты в таком ветхом состоянии, что корабли, составляющие оные, большею частию оказались по гнилости своей на службе неспособными» (Цит. по: *Веселаго Ф. Ф.* Указ. соч. С. 193). Действительно, в царствование Екатерины II флоту уделялось мало внимания. Ежегодные ассигнования на императорский двор значительно превышали расходы на строительство и содержание флота. В течение 1781—1796 гг. на нужды двора было израсходовано на 23 млн. рублей больше, чем на флот (*Зверев Б. И.* Страницы военно-морской летописи России. М., 1981. С. 105). При Павле I во многом положение изменилось к лучшему. За время его короткого правления было построено 25 судов и начато строительство еще девяти. В то же время некоторые его мероприятия были непоследовательны и поспешны. «Планов у него было много, но свои реформы он проводил с такой поспешностью, что делал больше вреда, чем пользы» (*Белавенец П. И.* Материалы по истории русского флота. М.; Л., 1940. С. 88).

[34] Конвенцией 4(15) янв. 1797 г., заключенной с мальтийским орденом, Павел I взял остров Мальту и орден под свое покровительство. В 1798 г. был провозглашен гроссмейстером ордена. Мальтийские рыцари (госпитальеры, иоаниты) — католический монашеский орден, основанный в XII в. Название от лат. hospitalia — «гостеприимство». Орден содержал госпиталь (дом для паломников) св. Иоанна (отсюда другое его название — иоанниты). С 1530 по 1798 г. резиденцией ордена являлся остров Мальта, и сам орден стал называться мальтийским. После смерти Павла Александр I отказался от мальтийских регалий, оставив за собой лишь титул протектора, а в 1817 г. мальтийский орден был объявлен несуществующим в пределах Российской империи.

[35] Русский флот в период первой (1768—1774) и второй (1787—1791) русско-турецкой войн одержал ряд блестящих побед над турецким. В сражении 25—26 июня 1770 г. в Чесменской бухте русская эскадра под командованием Г. А. Спиридова полностью уничтожила турецкий флот.

[36] Когда в 1790 г. шведский флот намеревался напасть на Кронштадт и угрожал Петербургу, проявилась слабая подготовка

России к войне. Численность русского войска, включая гарнизон столицы, едва достигала 30 тыс. человек. Не хватало матросов на корабли. Для пополнения флота и гарнизона спешно собрали всех, кого могли. В сражениях у Красной горки 23—24 мая 1790 г. удалось отстоять столицу. Наиболее удачно действовала эскадра вице-адмирала А. И. Круза.

[37] В сент. 1800 г. Мальта была захвачена англичанами. После того как английское правительство отказалось вернуть остров Мальтийскому ордену, главой которого стал Павел I, начинается расхождение в отношениях между Россией и Англией. Павел I делает резкий поворот во внешней политике, ориентируясь на сближение с Францией. 23 окт. 1800 г. правительство России наложило эмбарго на находящиеся в русских портах английские суда и товары. А 4—6 дек. был заключен союзный договор между Россией, Пруссией, Швецией и Данией, направленный против Англии. По существу это было прямое объявление ей войны.

[38] *Круз* (Крюйс) *Александр Иванович* (1731—1799), адмирал, участник многих морских походов и сражений. Штейнгейль ошибается, в 1800 г. А. И. Круза уже не было в живых.

[39] В марте 1801 г. английская эскадра в числе 47 судов под руководством адмиралов Паркера и Нельсона вошла в Балтийское море для военных действий против Швеции и России. Война была предотвращена убийством Павла I в ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Переговоры Чичагова с Нельсоном завершились в июне 1801 г. подписанием российско-английской конвенции, по которой обе стороны делали взаимные уступки в морской торговле.

[40] *Карцов Петр Кондратьевич* (1750—1830), адмирал, директор Морского корпуса в 1803—1824 гг. П. К. Карцов в 1798 г. командовал небольшой группой кораблей, направленных в составе эскадры Макарова для совместных действий с английским флотом у берегов Голландии. В 1799 г. его группа действовала в составе средиземноморской эскадры Ф. Ф. Ушакова.

[41] В публикации «Маяка»: «Несмотря на такое состояние кораблей, на тех, которые были чуть поисправнее и потому в руках у лучших капитанов, служили так, что англичане указывали пальцами».

[42] *Пексан Генрих-Жозеф* (1783—1854), французский генерал, с 1803 г. на флоте, изобрел новые орудия, названные по его имени и произведшие переворот в осадной и флотской артиллерии.

[43] Вероятно, *Чарльз Вильям Вен, лорд Стюарт* (1778—1854), дипломат, член торийской оппозиции в парламенте, в 1837 г. совершил путешествие через Россию на Восток, автор многих работ. Ухудшение русско-английских отношений в 1830-х гг. было связано с укреплением позиций России на Ближнем Востоке и Кавказе.

[44] *Галл* (Basil Hall, 1788—1844), английский мореплаватель и путешественник, служил в английском флоте, автор многих работ географического характера.

[45] В «Маяке» после этих слов: «Это нравственная сила, которою ни французы, ни англичане не могут на своих кораблях хвалиться».

[45] Шернес (правильно Ширнесс), портовый город в английском графстве Кент, якорная стоянка английского военного фло-

та; Чатам — город в 16 км от Ширнесса, здесь размещалась верфь английского военного флота, доки, арсенал.

[47] Речь идет о событиях Северной войны (1700—1721). В самом начале войны только что созданная русская армия 20 нояб. 1700 г. потерпела сокрушительное поражение под Нарвой. Из этого урока Петр I сделал надлежащие выводы и провел реорганизацию русской армии, создал флот. Итогом всех этих преобразований стала Полтавская битва 27 июня 1709 г., в результате которой сухопутная шведская армия фактически перестала существовать. Оценивая эти события, К. Маркс писал: «Нарва была первым серьезным поражением поднимающейся нации, решительный дух которой учился побеждать даже на поражениях». (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 10. С. 565).

[48] Наваринское сражение произошло 8 окт. 1827 г. Союзные эскадры — английская, французская и русская (под командованием вице-адмирала Д. Н. Сенявина) полностью разгромили в Наваринской бухте (Южная Греция) турецко-египетский флот, которым руководил Ибрагим-паша. Турки потеряли более 60 судов и ок. 6—7 тыс. убитыми и утонувшими.

[49] Кроншлот — небольшая крепость, находящаяся на побережье Финского залива напротив Кронштадта. Итальянский пруд — прямоугольный бассейн Купеческой гавани в западной части Кронштадта.

[50] Штейнгейль приводит здесь итальянские термины, принятые в музыкальных произведениях. Lamentabile (или lamento) — музыкальное произведение жалобного, скорбного характера; allegro — веселый, живой, быстрый; largo — широко, самый медленный темп; ad libitum — по желанию, по усмотрению, темп исполнения музыкального произведения, предоставленный на усмотрение исполнителя; staccato — отрывисто, короткое отрывистое исполнение.

[51] В 1798 г. было открыто в Кронштадте училище штурманов. Оно разместилось в здании бывшего Морского корпуса. В 1826 г. это училище преобразовано в Штурманский полуэкипаж.

[52] Трёкать (морск.) — ухать, петь «Дубинушку», кричать в лад, равномерно.

[53] П. В. Чичагов был министром морских сил с 1802 по 1811 г. По воспитанию и духу — англоман. У современников сложился и негативный взгляд на его управление флотом. «Подражая слепо англичанам и вводя нелепые новизны, мечтал, что кладет основной камень величию русского флота. Наконец, испортив все, что оставалось еще доброго в нем (во флоте), и наскучив наглостью и расточением казны верховной власти, удалился, поселив презрение к флоту в оной и чувство глубокого огорчения в моряках» (*Белавенец П. И.* Указ. соч. С. 98).

[54] В «Маяке» после этих слов следует: «Посмотрите: теперь царь и князь с вас не спускают глаз; лелеют вас, тешат в вас все прихоти моряка; а милости — нет, добрые внуки! На вашем месте мы, быть может, втрое бы работали, когда и в то время, как за нами и смотреть-то порядком не хотели, мы, где требовалось, работали так же усердно, как и вы».

ЧТО ПРЕЖДЕ БЫЛО И ЧТО ТЕПЕРЬ

Маяк. 1841. Ч. 18. С. 26—40

[1] К этим словам было сделано примечание от редактора: «А вот, видите, и напечатали — присылайте же другую, третью, десятую: двери настежь». Смена псевдонима, указание Петербурга как места жительства, дата — все это было средством скрыть подлинное имя автора, ввести в заблуждение цензуру.

[2] *Тегнер* (Esaias Tegner, 1782—1846), шведский поэт, придерживающийся классического направления, с 1812 г. принял монашеский сан и кафедру греческого языка в Лундском университете, епископ (с 1824 г.), член риксдага.

[3] Установить, о ком идет речь, не удалось.

[4] Смоглерство (от слова смогать — сделать, сладить), здесь употребляется в значении: спекулировать.

[5] Тенедос — остров у берегов Греции. В марте 1807 г. русская морская эскадра под руководством вице-адмирала Д. Н. Сенявина одержала здесь победу над турецким флотом.

[6] *А. А. Сарычев* (1760—1827), вице-адмирал, флотский начальник в Севастополе (с 1810 г.), член Адмиралтейской коллегии, сенатор, брат Г. А. Сарычева (о нем см. примеч. 13 к ст. «Заметка старика»).

[7] Иов, 7, 17.

[8] Что имеет в виду Штейнгейль, установить не удалось.

[9] О Н. П. Резанове см. примеч. 4 к записке «Нечто о неверностях...». В автобиографических записках Штейнгейль писал, что встретился с Н. П. Резановым в Якутеке (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 104) и, по всей видимости, сопровождал его до Иркутска.

[10] О Штейнгейле Н. П. Резанову могли рассказать Н. А. Хвостов и, в особенности, Г. И. Давыдов, с которым Штейнгейль был в дружеских отношениях.

[11] В Иркутске Резанов провел 2,5 месяца. Планам Штейнгейля не суждено было сбыться. В дороге болезнь Резанова обострилась, и он умер 1 марта 1807 г. в Красноярске.

[12] Щепетка — здесь в значении щеголиха, модница, нарядная, салфет — от слова salut: здравствуйте. Подобные приветствия употреблялись в первой половине XVIII в.

[13] Гражданским губернатором Иркутска в 1806—1819 гг. был Н. И. Трескин (о нем см. примеч. 41 к ст. «К иркутскому летописцу пояснение»). Губернаторша — *Агнесса Федоровна Трескина,* урожд. Ключарева. Штейнгейль ошибается. У Трескиных было пять дочерей и сын. Возможно, он имел в виду, что у губернатора не было дочерей на выданье. Самой старшей в 1806 г. было всего семь лет (Иркутская летопись. С. 202).

[14] Автор имеет в виду предложение Резанова перейти на службу в Российско-Американскую компанию и принять участие в новом кругосветном путешествии. В своих записках Штейнгейль писал: «Он дал мне слово, что возьмет меня с собою в Нью-Йорк для сопутствования ему через Орегон в Калифорнию, в порт Сан-Франциско, где намерен был жениться на дочери коменданта» (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 104—105).

[15] В сочинениях Штейнгейля имеются противоречивые данные о его поездке в Забайкалье. В записках он указывал, что отправился в Забайкалье, сопровождая А. Ф. Трескину на Кута-

марские минеральные воды в Нерчинском округе (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 109). А в формулярном списке Штейнгейля записано, что он в «1809 г. ездил для обозрения рек Нерчинского края до реки Амура» (*ВД.* Т. 14. С. 149).

Валдайский колокольчик — маленький поддужный колокольчик для почтовых троек. Его изготовляли в г. Валдае, отсюда и название). *Вонифатьев Петр Дмитриевич*, действ. ст. сов., с 1791 г. директор Кяхтинской таможни.

[17] О Ньютоне см. примеч. 46 к «Опыту полного исследования начал и правил хронологического и месяцесловного счисления...»; о Дидро — примеч. 41 к записке «Патриотическое рассуждение...»; *Вольтер* (наст. имя Мари Франсуа Аруэ, 1694—1778), французский писатель и философ-просветитель, выступал против религиозной нетерпимости и мракобесия; *Пиго-Лебрен Л'Епинца Антуан де* (1753—1835), французский романист, драматург и актер; *Эразм Роттердамский* (Дезидерий, 1469—1536), гуманист эпохи Возрождения, филолог, писатель, выступал против религиозного фанатизма.

[18] *Муравьев Андрей Николаевич* (1806—1874), поэт, писатель, автор книг духовного содержания; служил в Азиатском департаменте министерства иностранных дел, в Синоде. В 1829 г. совершил путешествие к «святым местам» в Палестину и Египет, результатом которого были книги «Путешествие по святым местам в 1830 году» (Спб., 1832) и «Письма о богослужении Восточной кафолической церкви» (Спб., 1836). Последнюю и имеет в виду Штейнгейль.

[19] Дзаргучей, правильнее — цзаргучи (*маньчж.*), чиновник, наблюдавший за Кяхтинской торговлей; назначался, как правило, из маньчжур, присылаемых из Пекина на трехлетний срок. Установить имя дзаргучея не удалось.

[20] Строчка из стихотворения П. А. Вяземского «Станция» (1825):

Извольте ждать, нет лошадей,—
Когда губернский регистратор,
Почтовой станции диктатор
(Ему типун бы на язык!),
Сей речью ставит вас в тупик...

А. С. Пушкин взял эту строчку эпиграфом к повести «Станционный смотритель» в несколько измененном виде: «Коллежский регистратор, почтовой станции диктатор».

[21] Скальды, норвежские и исландские поэты IX—XIII вв. Писали хвалебные песни о вождях и героях, хулительные стихи.

[22] Штейнгейль перефразирует В. Г. Белинского. В ст. «Разделение поэзии на роды и виды» (Отеч. зап. 1841. № 3. Т. 14. Отд. 2. Наука и художества. С. 13—64) Белинский, говоря о стихотворении А. С. Пушкина «Для берегов отчизны дальней», писал: «Это мелодия сердца, музыка души, непереводимая на человеческий язык и тем не менее заключающая в себе целую повесть, которой завязка на земле, а развязка на небе» (*Белинский В. Г.* Собр. соч. М., 1978. Т. 3. С. 334).

[23] О тех несчастиях, которые обрушились на его отца, Штейнгейль подробно рассказал в своих записках (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 64—88). Отказаться от предложения Н. П. Резанова и, более того, переписываться с ним Штейнгейль не мог, так как Реза-

нов умер 1 марта 1807 г., а поездка его в Кяхту и знакомство с семейством Вонифатьевых относятся к 1809 г. Вероятно, Штейнгейля подвела память и произошло смещение событий во времени, либо эпизод с письмом Н. П. Резанова был необходим ему как своеобразный сюжетный ход.

[24] Имеется в виду *Петр Александрович Румянцев-Задунайский* (1725—1796), гр., ген.-фельдмаршал, выдающийся полководец. Описываемый эпизод относится к периоду русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

[25] *Долгоруков Юрий Владимирович* (1740—1830), русский военный деятель, с 1790 г. в отставке, московский главнокомандующий в 1797 г. Его записки были изданы в виде приложения к книге П. В. Долгорукова «Сказания о роде князей Долгоруковых» (Спб., 1840).

[26] Подробнее об этом см.: *Штейнгейль. Т. 1.* С. 59. *Салтыков Иван Петрович* (1730—1805), гр., ген.-фельдмаршал, участник многих военных кампаний, в 1797—1804 гг. военный губернатор Москвы.

[27] Штейнгейль не совсем точно цитирует стихотворение М. Н. Муравьева (ошибся и в инициалах) «Эпистола к его превосходительству Ивану Петровичу Тургеневу»:

Служить Отечеству — верховный душ обет!
И долг стремиться всем, куда оно зовет».

(Вестн. Европы. 1810. № 9. С. 42).

[28] Взять чистую — выйти в отставку.

[29] У П. Д. Вонифатьева было двое сыновей — Григорий и Петр. *Вонифатьев Григорий Петрович* (1791—1854) жил в 1810-х гг. в семье Штейнгейля и был устроен им на службу в канцелярию А. П. Тормасова. Сохранилось письмо П. П. Вонифатьева к Штейнгейлю от 22 нояб. 1809 г. (*ИРЛИ*, ф. 591, № 9463, л. 1).

[30] Речь идет о повести Кузмича «Как иногда женятся», печатавшейся в нескольких номерах «Маяка» за 1840—1841 гг.

[31] В записках Штейнгейль указывал, что П. Д. Вонифатьев отказал сватавшемуся к его дочери сыну сибирского ген.-губернатора И. О. Селифонтова (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 109). А позднее Ю. А. Головкин, приезжавший с посольством в Кяхту, пытался выдать дочерей Вонифатьева за кого-нибудь из своей свиты, на что Вонифатьев, поклонившись, сухо отвечал послу: «Нет, ваше сиятельство, ни один из них не годится мне в зятья» (*Вигель Ф. Ф.* Записки. М., 1891. Ч. 2. С. 176).

[32] В указателе авторов и статей «Маяка» авторами повести «Как иногда женятся» отмечены А. Бодянский (*Бодянский Осип Максимович*, 1808—1877, русский и украинский филолог-славист), а затем за Бодянского А. П. Кузмич. *Кузмич Александр Петрович*, писатель 40-х гг. Одна из его повестей «Казаки» заслужила резко отрицательную оценку В. Г. Белинского.

БОРОДА

Маяк. 1841. Ч. 21. Гл. 5. Неорама.
С. 80—81

[1] *Геродот* (между 490 и 480 — ок. 425 до н. э.), древнегреческий историк, прозванный «отцом истории».

[2] *Плутарх* (ок. 45—ок. 127), древнегреческий писатель и историк. Автор «сравнительных жизнеописаний» выдающихся греков и римлян (50 биографий).

[3] Об Александре Македонском см. примеч. 18 к «Опыту полного исследования начал и правил хронологического и месяцесловного счисления...» Александр был первым греком, не носившим бороды. И с тех пор в Греции и Италии все мужчины, кроме философов, перестали носить бороду, пока Адриан не ввел ее снова в моду (*Хафнер Г.* Выдающиеся портреты античности. М., 1984. С. 39).

[4] *Юстиниан I* (482 или 483—565), византийский император с 527 г. Завоевал Сев. Африку, Сицилию, Италию, часть Испании.

[5] *Антоний Марк* (ок. 83—30 до н. э.), римский полководец, сторонник Цезаря; после убийства последнего в союзе с Октавианом и Лепидом образовал 2-й триумвират. С 42 г. до н. э. получил в управление восточные области римской империи, где сблизился с египетской царицей Клеопатрой. После объявления римским сенатом войны Клеопатре и поражения египетского флота в сражении у мыса Акций в 31 г. до н. э. (это событие и имеет в виду Штейнгейль) покончил жизнь самоубийством.

[6] *Август* (до 27 до н. э. Октавиан, 63 до н. э.—14 н. э.), римский император с 27 г. до н. э. Внучатый племянник Цезаря, усыновленный им в завещании. На большинстве сохранившихся изображений предстает перед нами без бороды. О Цезаре см. примеч. 22 к «Опыту полного исследования начал и правил хронологического и месяцесловного счисления...»

[7] О Нероне см. примеч. 35 к указанной выше записке.

[8] О Адриане см. там же.

[9] *Спартиан Элий,* римский историк, живший в конце III в. н. э., написал ряд биографий римских императоров, вошедших в книгу «Scriptores historiae Augustae».

[10] О Константине Великом см. примеч. 32 к «Опыту полного исследования начал и правил хронологического и месяцесловного счисления...»

[11] *Юлиан Флавий Клавдий* (331—363), римский император с 361 г., прозванный христианами отступником за возвращение к язычеству.

[12] *Иов*, точнее *Иовиан Флавий Клавдий* (ум. 364), римский император с 363 г., ранее был телохранителем императора *Юлиана* (331—363).

[13] *Фока* (?—610), византийский император с 602 г. Будучи центурионом, возглавил восстание византийских войск на Дунае и занял престол. Отличался свирепостью, деспотизмом, был убит в 610 г.

[14] *Диодор Сицилийский* (ок. 90—21 до н. э.), древнегреческий историк. Главное сочинение «Историческая библиотека», в котором синхронно излагается история Древнего Востока, Греции и Рима с легендарных времен до середины I в. до н. э.; *Тацит* (ок. 58—ок. 117), римский историк. Главные его труды («Анналы» и «История») посвящены истории Рима и Римской империи. Среди его работ были произведения, описывающие германские племена («О происхождении германцев и местоположении Германии»).

[15] Карломан — *Карл I Великий* (742—814), франкский король с 768 г., с 800 г. император, из династии Каролингов. Его за-

воевания привели к образованию обширной раннефеодальной империи.

[16] *Гуго Капет* (ок. 940—996), французский король с 987 г., основатель династии Капетингов.

[17] *Филипп II Август* (1165—1223), французский король с 1180 г., известен как разумный политик и полководец.

[18] *Филипп I* (1052—1108), французский король с 1060 г., из династии Капетингов.

[19] О Филиппе II Августе см. примеч. 17.

[20] *Филипп VI Валуа* (1293—1350), французский король, родоначальник династии Валуа (с 1328 г.); *Франциск I* (1494—1547), французский король с 1515 г., его политика была направлена на превращение Франции в абсолютистскую монархию; *Людовик XIV* (1638—1715), французский король с 1643 г. Его правление — апогей французского абсолютизма.

[21] *Юпитер Олимпийский*, в римской мифологии царь богов, властитель и покровитель мира, бог неба (громовержец), соответствует Зевсу в древнегреческой мифологии; *Юпитер Серанис* (или Саранис), бог эллинистического мира, культ которого был введен *Птоломеем I Сотером* (305—283 до н. э.) в Александрии для сближения греческого и египетского населения на религиозной основе. Египтяне отождествляли его с Осирисом, иногда с Аписом, греки с Зевсом, римляне позднее с Юпитером; *Нептун*, в римской мифологии первоначально бог источников и рек, затем, отождествленный с греческим Посейдоном, стал почитаться как бог морей; *Диомед* — в древнегреческой мифологии известны два Диомеда. Первый — сын Ареса и Кирены, был царем во Фракии, известен по мифу о Геракле, второй — Тидид Диомед, царь Аргоса, один из участников Троянской войны, персонаж «Илиады» Гомера; Аякс, или правильнее *Аяксы*, герои Троянской войны: Аякс Малый, сын Оилея, царь Локриды, и Аякс Большой, сын Теламона, царь острова Саламин, персонажи «Илиады»; Геркулес, латинизированная форма имени Геракла, героя древнегреческой мифологии, сына Зевса. Наделенный необычайной силой, Геркулес совершил множество подвигов.

[22] *Меркурий*, в римской мифологии сын Юпитера, бог торговли, покровитель путешественников и купцов. Изображался в крылатых сандалиях, дорожной шляпе, с жезлом и кошельком в руках. Соответствует греческому богу Гермесу.

ЗАМЕЧАНИЯ СТАРОГО МОРЯКА

Морской сборник. 1856. Т. 25. № 2. Смесь.
С. 1—9

Автограф заметки не обнаружен. Рукопись была написана в Тобольске и отправлена сыну Вячеславу в Петербург. В письме Г. С. Батенькову от 28 мая 1856 г. Штейнгейль писал: «Теперь жду нетерпеливо, что скажут на замечания мои относительно статьи, напечатанной в «Морском сборнике» под рубрикою «Адмирал П. И. Рикорд». Дойдет ли она по направлению» (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 379). Через В. В. Штейнгейля и П. Ф. Анжу рукопись была передана в редакцию «Морского сб.» и опубл. под псевдонимом Тридечный. При публикации статья Штейнгейля была сопровождена обширными подстрочными комментариями

от редакции. В наст. изд. они опущены.

[1] Речь идет о статье Вс. Мельницкого «Адмирал Петр Иванович Рикорд и его современники» (Морской сб. 1856. № 2, 3, 6, 12), точнее о первой части этой статьи (Там же. 1856. № 2. Часть неофиц. С. 219—308). Заметка Штейнгейля — первый критический отклик на статью Мельницкого. С более обстоятельным разбором выступил П. Н-н (Отеч. зап. 1857. Т. 110. Янв.— февр. Критика и библиография. С. 129—134).

П. И. Рикорд (1776—1855), адмирал, мореплаватель, начальник Камчатки в 1817—1822 гг.

[2] П. Ф.— *Анжу Петр Федорович* (1796—1869), вице-адмирал (с 1855 г.), исследователь Арктики, в 1844—1850 гг. начальник Кронштадтского порта, с 1849 г. член Морского ученого комитета, директор департамента корабельных лесов. На его дочери *Людмиле Петровне* (1834—1897) был женат В. В. Штейнгейль. Через П. Ф. Анжу замечания Штейнгейля, по всей видимости, были доставлены в редакцию «Морского сб.».

[3] П. И. Рикорд и в дальнейшем поддерживал связи с семьей Штейнгейля, помогал ей. В письме к М. А. Бестужеву (4 февр. 1848 г.) Штейнгейль со слов жены сообщал: «Адмирал П. И. Рикорд и его супруга Людмила Ивановна сохранили к нам свою дружбу, без ущерба. Вот как говорит она о нем: «Старик тебе кланяется. Он просил у меня прочесть твои письма, и когда я пришла, чтобы взять обратно, Людмила Ивановна сказала: «Не давайте ему больше; он читал и плакал, а это ему вредно». Не правда ли, благороднейший человек!» (*Штейнгейль. Т. I.* С. 265). Благодарные чувства к своему старому другу Штейнгейль сохранил надолго. В первый же день по приезде своем в Петербург после 30-летнего изгнания (27 нояб. 1856 г.) он посетил могилу П. И .Рикорда в Александро-Невской лавре (Там же. С. 386).

[4] *Головнин Василий Михайлович* (1776—1831), русский мореплаватель, вице-адмирал (1830), чл.-кор. Петербургской Академии наук (1818), руководил двумя кругосветными плаваниями — на «Диане» (1807—1809) и «Камчатке» (1817—1819). Во время первого плавания на Курильских островах был захвачен японцами в плен и находился там в 1811—1813 гг. Оставил записки о кругосветных плаваниях (1819, 1822), о пребывании в Японии (1816). Активное участие в освобождении Головнина из плена принял П. И. Рикорд.

[5] *Хвостов Николай Александрович* (1776—1809), лейтенант флота, служил на судах Российско-Американской компании (1802—1807). *Давыдов Гавриил Иванович* (1784—1809), сокурсник Штейнгейля по Морскому корпусу, находился на службе Российско-Американской компании (1802—1807), автор записок «Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанные сим последним» (Спб., 1810). В окт. 1806—июне 1807 гг., выполняя инструкцию Н. П. Резанова, они совершили экспедицию на Курильские острова и Сахалин с целью их описания и изгнания японцев с южной части Сахалина, где находились небольшие японские торговые посты. В ходе ее были разгромлены японские посты на Сахалине и ряде островов Курильской гряды. Действия Хвостова и Давыдова по защите интересов на Дальнем Востоке не получили одобрения в некоторых правительственных кругах России. В 1813 г. японской стороне были принесены официальные извинения за «са-

мочинные действия» русских офицеров. Это был своеобразный дипломатический маневр России, имевший целью сохранить дружественные отношения с Японией (*Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982. С. 74). В то же время Хвостов и Давыдов не были подвергнуты наказанию (если не считать их кратковременного ареста в Охотске). Россия считала Сахалин и Курильские острова своими территориями. Высокую оценку патриотическим поступкам двух русских моряков дал Г. И. Невельской в книге «Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России. 1849—1855» (Спб., 1878).

[6] *Буксгевден Федор Федорович* (1750—1811), гр., ген. от инфантерии, петербургский военный губернатор (1796—1798), председатель комитета для уравнения городских повинностей (1802 г.), главнокомандующий русской армии в период русско-шведской войны 1808—1809 гг.

[7] Хвостов и Давыдов погибли вместе в 1809 г., утонув в Неве при загадочных обстоятельствах.

[8] На шлюпе «Диана» совершил кругосветное плавание в 1807—1809 гг. В. М. Головнин. Н. А. Хвостов получил в свое распоряжение фрегат «Юнона», на котором и предпринял экспедицию на Сахалин. «Юнона» погибла 31 окт. 1812 г. близ Петропавловска (*Алексеев А. И.* Указ. соч. С. 120).

[9] В историческом очерке о Морском корпусе Ф. Ф. Веселаго сказано: «Летом гардемарины и старшие кадеты ходили в поход, а остальные выводились в лагерь к Петербургским воротам (*Веселаго Ф.* Очерк истории Морского кадетского корпуса за 100 лет. Спб., 1852. С. 156).

[10] У Ф. Веселаго отмечено, что Василий Никитич Никитин был инспектором классов Морского корпуса с 1784 г., а Прохор Игнатьевич Суворов был его помощником (*Веселаго Ф.* Указ. соч. С. 163). *Курганов Николай Гаврилович* (1725? —1796), русский просветитель, педагог, издатель, автор «Российской универсальной грамматики» (1769), более известной под названием «Письмовник».

[11] Казакин — верхняя мужская одежда, представляющая собой короткий кафтан, сшитый в талию, со сборками сзади.

[12] *Долабелла, Кассий* — персонажи трагедии Шекспира «Юлий Цезарь» (1599). *Бунин Иван Петрович* (1773— после 1842), кап.-лейтенант, учредитель Кронштадтского морского собрания. После выхода в отставку (1808) занимался организацией вечеров, постановкой любительских спектаклей.

[13] *Муханов Матвей Иванович*, кап.-лейтенант, командир ряда кораблей Балтийского флота; *Галл Роберт* (Роман Романович, 1761—1844), участник Северной экспедиции И. И. Биллингса (1785—1795 гг.), впоследствии адмирал.

[14] О Б. А. Баратынском см. примеч. 6 к записке «Несколько словечек на «Несколько слов моим сослуживцам». Доггер-Банк (от голландского dogger — рыболовное судно и bank — отмель), обширная отмель в центральной части Северного моря.

[15] О «синей книге» Н. П. Резанова Штейнгейль не раз упоминал в своих работах (см., напр., следующие статьи). По его словам, она хранилась в главном правлении Российско-Американской компании. Архивные материалы главного правления компании, находившиеся в Петербурге, большей частью были утра-

чены, частично разбросаны в различных архивах и музеях страны. Фонд Н. П. Резанова не сохранился.

[16] Морской сб. 1856. № 2. Часть неофиц. С. 309—331. *Мариенталь Иван Федорович* (ум. 1835 или 1836), из нижних флотских чинов, был отмечен Павлом I, участник войны 1812 г., ген.-майор.

[17] *П. И. Пущин* (1723—1812), адмирал, командир Балтийского гребного флота и Кронштадтского порта, сенатор, В 1797—1800 гг. был командиром дивизии «белого флага», с 1802 г. в отставке.

[18] О А. И. Крузе см. примеч. 38 к «Вариациям на «Вариации на тему: «Кронштадт».

[19] Фертоинг — стояние корабля на двух носовых якорях, расположенных так, что он находится постоянно между ними.

[20] В «Автобиографических записках» Штейнгейль указывал, что в это время служил на корабле «Эмгетен», плененном у шведов (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 99). *Барш Николай Иванович* (ум. 1816), на морской службе с 1767 г., командир Ревельского порта (1792—1796), в 1797—1798 гг. находился при Петербургском порте, в отставке с 1798 г., в 1810 г.— действ. ст. сов., гражданский губернатор в Вологде.

[21] *А. В. Мусин-Пушкин*, адмирал, командир Кронштадтского порта (1788—1789), в 1797—1800 гг. командир дивизии «синего флага», в 1800 г. уволен в отставку.

[22] О П. В. Чичагове см. примеч. 60 к ст. «К иркутскому летописцу пояснение». Чичагов был сторонником реформ во флоте на английский манер. Павел I и его окружение относилось к нему с подозрением. Враждебное отношение к нему еще более усилилось в связи с попытками Чичагова уехать за границу для устройства своих семейных дел. 21 июня 1799 г. он был обвинен в измене и заключен в Петропавловскую крепость. Благодаря заступничеству петербургского ген.-губернатора П. А. Палена, Чичагов вскоре был выпущен из крепости, вновь принят на службу с присвоением ему чина контр-адмирала и назначен командиром эскадры, отправляющейся к берегам Голландии и Англии (1799—1800).

[23] О Словковиче дополнительных сведений найти не удалось.

НЕСКОЛЬКО СЛОВЕЧЕК НА «НЕСКОЛЬКО СЛОВ МОИМ СОСЛУЖИВЦАМ»

Морской сборник. 1857. Т. 28. № 4. Смесь. С. 91—98

Автограф статьи не обнаружен. В «Автобиографических записках» и письмах Штейнгейля каких-либо указаний на это произведение не содержится. Авторство установлено по содержанию, имеющему много точек соприкосновения с другими работами декабриста, а также по псевдониму Тридечный, которым он подписывал свои статьи в 40—50-х гг. XIX в. В указателе статей «Морского сб.» указывается — Тридечный (псевдоним барона Штейнгейля) и под номером 10 797 приводится название наст. ст. (*Петров И.* Указатель статей «Морского сборника». 1848—1872. Спб., 1875, С. 20).

[1] Речь идет о ст.: Еще несколько слов моим сослуживцам //

Морской сб. 1857. Т. 27. № 1. С. 1—43. Автор ее укрылся за инициалом П...

[2] О Ханыкове см. примеч. 29 к статье «Вариации на «Вариации на тему: Кронштадт».

[3] Бострог — род длинной куртки в Голландии, в царствование Павла I так называли мундиры матросов. Надеть бострог — разжаловать в матросы. П. И. Ханыков мог привести эту угрозу в исполнение, так как с 1801 г. был главным командиром Кронштадтского порта.

[4] *Демидов Платон Львович* (ум. 1802) приходился правнуком Никите Демидовичу Демидову, основателю рода уральских горнозаводчиков Демидовых (с 1726 г. потомственные дворяне).

[5] *Евклид* (ок. 300 г. до н. э.), древнегреческий математик и геометр. Его главный труд «Начала», содержащий основы античной математики, элементарной геометрии, теории чисел, определения площадей и объемов, оказал огромное влияние на развитие математики.

[6] *Баратынский Богдан Андреевич* (1771—1820), вице-адмирал (с 1799 г.), в 1799 г. возглавил эскадру, сформированную в Архангельске. Эскадра направлялась к берегам Англии на соединение с эскадрой Макарова. С 1805 г. в отставке. Дядя известного русского поэта *Е. А. Баратынского* (1800—1844).

[7] Дополнительных сведений о нем и других представителях его семьи найти не удалось.

[8] *Ангальт Федор Федорович* (ум. 1794), гр., ген.-адъютант, директор сухопутного шляхетского корпуса, известный педагог.

[9] *Барж Иван Яковлевич* (ум. 1806), адмирал (с 1790 г.), в морской службе с 1736 г., участник многих походов и сражений, в 1788—1797 гг. главный командир Архангельского порта. С 1797 г. в отставке.

[10] В 1799—1801 гг. Штейнгейль служил мичманом на корабле «Эмгетем». В результате подписания 16 дек. 1800 г. Павлом I договора о «вооруженном нейтралитете» между Россией и Швецией, к которому вскоре присоединились Дания и Пруссия, русско-английские отношения были на грани войны. Весной 1801 г. английская эскадра была направлена в Балтийское море.

[11] Государь — *Александр I* (1777—1825), российский император с 1801 г., *Волконский Петр Михайлович* (1776—1852), кн., ген.-фельдмаршал, с 1815 г. начальник штаба е. и. в., с 1826 г. министр имп. двора и уделов.

[12] Сцилла и Харибда — в древнегреческой мифологии два чудовища, жившие на прибрежных скалах узкого морского пролива и избивавшие проплывавших мимо мореплавателей.

[13] Эрата — от французского errata, список опечаток, опечатки.

[14] Имеется в виду статья лейтенанта Зейделя «О разногласии в статьях, относящихся до морской военной истории» // Морской сб. 1857. Т. 27. № 1. Смесь. С. 15—32; *Дезин Вилим Петрович* фон (1740—1826), адмирал, участник русско-турецких войн, с 1798 г. директор Балтийского штурманского училища и главный командир Кронштадтского порта, с 1799 г. главный командир Черноморского флота, член Комитета по образованию флота (с 1802 г.), сенатор, член Гос. совета.

[15] *Дезин Мартын Петрович* фон (1738—1827), адмирал, в 1798—1811 гг. военный губернатор и главный командир Архангельского порта. С 1811 г. в отставке.

ЗАМЕТКА СТАРИКА

Северная пчела. 1860. № 289. 29 дек.

Автограф не обнаружен. Заметка поступила в редакцию «Сев. пчелы», скорее всего, через известного писателя, критика и издателя П. В. Анненкова. В письме Е. И. Якушкину (15 нояб. 1860 г.) Штейнгейль писал: «Меня посетил Павел Васильевич Анненков. Третьего дни я был у него и доставил ему статью, которую он взялся провесть под пресс» (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 459).

[1] Имеется в виду «Отчет Главного правления Российско-Американской компании за 1859». Спб., 1860.

[2] О Г. И. Шелихове и о спорности этого утверждения Штейнгейля см. примеч. 4 к статье «Нечто о неверностях, проявляющихся в русских сочинениях и журнальных статьях о России и русском».

[3] *Беринг Витус Ионассен* (1681—1741), мореплаватель, капитан-командор русского флота, руководитель 1-й (1725—1730) и 2-й (1733—1741) Камчатских экспедиций; *Чириков Алексей Ильич* (1703—1748), капитан-командор, помощник В. Беринга в 1-й Камчатской экспедиции, один из фактических руководителей 2-й Камчатской экспедиции, на судне «Св. Павел» в 1741 г. исследовал часть сев.-зап. побережья Сев. Америки, открыл ряд островов в Алеутской гряде; *Шпанберг Мартын Петрович* (ум. 1761), русский мореплаватель, участник Камчатских экспедиций, в 1738—1739 гг. совершил плавание к берегам Японии и Курильским островам.

[4] Командорские острова, в юго-зап. части Берингова моря. Названы в память открывшего их в 1741 г. В. Беринга, который имел чин командора. Сандвичевы (Гавайские) острова, архипелаг в центральной части Тихого океана.

[5] *Ломоносов Михаил Васильевич* (1711—1765), выдающийся русский ученый-естествоиспытатель, поэт, художник, историк, поборник отечественного просвещения, развития науки и экономики. Установить точный источник цитаты не удалось. Возможно, автор произвольно пересказывает строчки из «Оды на прибытие ее величества великой государыни императрицы Елизаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 года по коронации» (1742).

[6] Штейнгейль перечисляет крупных сибирских промышленников XVIII в., участвовавших в организации купеческих промысловых компаний на Тихом океане. *Пановы Григорий* и *Петр* — братья, тотемские купцы, владельцы промысловой компании (1760—1780-х гг.); *Лебедев-Ласточкин Павел Сергеевич* (ум. 1800), якутский купец, глава крупной торгово-промысловой компании, один из главных конкурентов Г. И. Шелихова; *Киселевы Федор* и *Михаил* — братья, иркутские купцы, владельцы промысловой компании; *Портновы* — иркутские купцы; *Старцев Семен Алексеевич* (1759—1806), иркутский купец, один из первых директоров Российско-Американской компании; *Мыльников Николай Прокопьевич* (1745—1815), иркутский купец, основатель Иркутской коммерческой компании, его сыновья *Дмитрий* и *Яков* —

первые директора Российско-Американской компании.

[7] *Голиков Иван Илларионович* (1729—1805), курский купец, компаньон Г. И. Шелихова.

[8] Это событие произошло годом позже: 16 авг. 1783 г. корабли Г. И. Шелихова вышли в плавание из Охотска к берегам Америки; и лишь 3 авг. 1784 г. они подошли к южной оконечности о. Кадьяк и встали на якорь в гавани, названной позже гаванью «Трех святителей».

[9] В 1788 г. Екатерина II пожаловала Г. И. Шелихова серебряной шпагой и золотой медалью, на лицевой стороне которой было ее изображение, а на оборотной — надпись: «За усердие к пользе государственной распространением открытия неизвестных земель и народов и заведения с ними торговли». Медаль эту, подвешенную на голубой муаровой орденской ленте Св. Андрея Первозванного, полагалось носить на шее (Русские открытия в Тихом океане и Северной Америке в XVIII в. М., 1948. С. 284—285). *Кортес Эрнан* (1485—1547), испанский конкистадор, в 1519—1521 гг. возглавлял поход в Мексику, приведший к установлению там испанского господства. В 1524 г. в поисках морского прохода из Тихого океана в Атлантический пересек Центр. Америку. Г. И. Шелихова также часто называли русским Колумбом («Колумб здесь росский погребен...» — стихи Г. Р. Державина на надгробном памятнике Г. И. Шелихову в Иркутске).

[10] *А. Г. Полевой* (ум. 1822), курский купец, правитель Охотской конторы Российско-Американской компании (1801); *Н. А. Полевой* (1796—1846), журналист, писатель, историк, издатель журнала «Московский телеграф», редактор «Сына Отечества», «Литературной газеты».

[11] *Биллингс Иосиф Иосифович* (1761—1806), кап.-лейтенант русского флота, участник третьей кругосветной экспедиции Дж. Кука, с 1783 г. на русской службе, руководитель секретной Северной экспедиции 1785—1795 гг., направленной для изучения и описания сев.-вост. побережья Азии.

[12] *Воронцов Семен Романович* (1744—1832), русский дипломат, посол в Англии в 1785—1806 гг. Его сын — *Воронцов Михаил Семенович* (1782—1856), кн., ген.-фельдмаршал, участник Отечественной войны 1812 г., новороссийский ген.-губернатор и наместник Бессарабской области (с 1823 г.), впоследствии главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом и наместник Кавказа.

Штейнгейль не совсем точен. Рекомендации для поступления на русскую службу Биллингс получил в 1783 г. не от С. Р. Воронцова, а от бывшего тогда послом в Англии Симолина (*Алексеев А. И.* Гавриил Андреевич Сарычев. М., 1966. С. 70); *Кук Джеймс* (1728—1779), английский мореплаватель, совершивший три кругосветных плавания (1768—1771, 1772—1775, 1776—1780).

[13] *Г. А. Сарычев* (1763—1831), адмирал, ученый-гидрограф, почетный член Петербургской Академии наук (с 1809 г.), участник экспедиции Биллингса, автор записок «Путешествие флота капитана Сарычева по северо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану в продолжение восьми лет при Географической и Астрономической морской экспедиции, бывшей под начальством флота капитана Биллингса с 1785 по 1793 год (Спб., 1802).

[14] *Соур Мартын Иванович*, секретарь Биллингса, был обвинен

в укрытии ряда бумаг об экспедиции и взят под стражу. Несмотря на обыск, он все же смог вывезти их за границу и издал в Лондоне книгу: «An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia by commodore Joseph Billings in the 1785 to 1794». London, 1802. На русский язык переведена не была.

[15] *Потемкин Григорий Александрович* (1739—1791), кн., русский гос. и военный деятель, ген.-фельдмаршал (1784), фаворит и ближайший сподвижник Екатерины II.

[16] Еще в авг. 1797 г. коммерц-коллегия представила на рассмотрение Павла I записку «О вредности многих в Америке компаний и пользе от соединения их воедино». Павел I согласился с мнением коммерц-коллегии и 8 сент. 1797 г. утвердил созданную Американскую Соединенную компанию. В нее вошли все купеческие компании, кроме Лебедева-Ласточкина и Киселева. Общий капитал составил 724 тыс. рублей, разделенные на 724 акции по 1 тыс. рублей каждая. Через два года после утверждения Американской Соединенной компании правительство указом от 8 июля 1799 г. объявило о принятии под свое покровительство Российско-Американской компании (как была переименована Американская Соединенная компания) и даровании ей привилегий на 20 лет. Первыми директорами компании стали Д. Н. Мыльников, Я. Н. Мыльников, С. А. Старцев и М. М. Булдаков (*Окунь С. Б.* Российско-Американская компания. М.; Л., 1939. С. 40—44).

[17] *Румянцев Николай Петрович* (1754—1826), гр., министр коммерции, министр иностранных дел (с 1807 г.), канцлер (с 1809 г.), принимал участие в организации экспедиций в Русскую Америку.

[18] Создание Российско-Американской компании проходило в ожесточенной борьбе между купцами-промысловиками. Противники объединения, действуя через ген.-прокурора Сената П. В. Лопухина, пытались обвинить шелиховскую компанию в жестоком обращении с алеутами. С этой целью купцом Киселевым были привезены в Петербург два алеутских тойона. Их прошения, рисовавшие возмутительные факты беззастенчивого хозяйничания промышленников на островах, и их обращения с аборигенами не возымели, однако, никакого результата. Интересы компании перед Павлом I защищал Н. П. Резанов (*Окунь С. Б.* Указ. соч. С. 41).

[19] Юный государь — Александр I. Перенос главного правления компании из Иркутска в Петербург (указ 19 окт. 1800 г.) был следствием борьбы между наследниками Шелихова и иркутским купечеством. В Иркутске оставалась лишь одна из контор Российско-Американской компании.

[20] *Баранов Александр Андреевич* (1746—1819), каргопольский купец, с 1790 г. на службе у Г. И. Шелихова, первый правитель русских владений в Сев. Америке.

[21] Изменения в оплате труда работников компании — отказ от участия промышленных людей в доходах компании и введение заработной платы с дополнительным выделением определенного провианта — были начаты в 1803 г. А. А. Барановым, продолжены в 1806 г. Н. П. Резановым. Они были направлены на укрепление монопольного положения компании, как главного собственника всей добываемой пушнины. Реформа вызвала массо-

вые недовольства промышленников и привела в 1809 г. к заговору группы работников и служащих компании, раскрытому и подавленному А. А. Барановым (Русская Америка в «записках» Кирилла Хлебникова. Ново-Архангельск. М., 1985. С. 231).

[22] Эти опасения Штейнгейля не сбылись. В 1861—1863 гг. было выпущено капитальное исследование П. А. Тихменева «Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени» (Спб., 1861, 1863, ч. 1—2).

[23] Н. П. Резанов действительно серьезно занимался изучением японского языка. Им были составлены «Японская грамматика», словари японского и курильского языков. В письме к родным от 9 июля 1805 г. из Петропавловской гавани он писал: «Знаете ли вы, друзья мои, что я объяпонился; ныне послал государю словарь до 5000 слов и доволен тем, что россиянин же слизнул тот язык, до которого ученый свет так давно добирается» (*Корсаков П. А.* Несколько писем покойного камергера Резанова // Маяк. 1841. Ч. 13. Материалы. С. 5). О «синей книге» см. примеч. 15 к «Замечаниям старого моряка».

[24] Духовная миссия Иоасафа прибыла на Кадьяк в 1794 г. и состояла из 10 человек. *Иоасаф* (Асаф) (Болотов Иван Ильич, 1761—1799), архимандрит, затем епископ Кадьякский.

[25] *Ювеналий* (Агаляхмутов Яков Федорович, ум. 1796), инок Валаамского монастыря, иеромонах, миссионер на Кадьяке (с 1794 г.), убит в 1796 г. в районе оз. Илиамну; *Герман* (1757—1836), монах Валаамского монастыря, миссионер на Кадьяке (с 1794 г.), последние годы жизни провел на острове Еловом, названном им «Новым Валаамом».

[56] *Вениамин* (Багрянский Василий, 1742—1814), епископ Иркутский и Нерчинский (1790—1814). Относительно времени возведения Иоасафа в сан епископа Кадьякского и гибели «Феникса» Штейнгейль ошибается. Указанные события произошли в 1799 г. В авг. этого года фрегат «Феникс» под командованием Я. Е. Шильдса отправился к берегам Америки. Судно вместе со всем экипажем и пассажирами погибло.

[27] Новоархангельск на о-ве Ситка первоначально был основан в 1796 г. В апр. 1802 г. колоши захватили его и сожгли. Вновь был восстановлен в 1804 г. (а не в 1806 г.), когда с помощью корабля «Нева», входившего в состав первой кругосветной экспедиции (1803—1806), остров был освобожден. *Крузенштерн Иван Федорович* (1770—1846), адмирал, чл.-кор. и почетный член Петербургской Академии наук (с 1806 г.), начальник первой русской экспедиции (1803—1806), один из учредителей Русского географического общества.

МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКИХ ЗАСЕЛЕНИЙ ПО БЕРЕГАМ ВОСТОЧНОГО ОКЕАНА

Северная пчела. 1861. № 71—72

Автограф статьи не обнаружен. Статья написана в характерной для Штейнгейля форме заметок-комментариев на вышедшие в виде приложения к «Морскому сборнику» «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана» (Спб 1861). Всего вышло четыре выпуска, но Штейнгейль дает ан-

лиз первых двух. Эта публикация была подготовлена по инициативе оппозиционного по отношению к Российско-Американской компании Морского министерства. В первые два выпуска вошли извлечения из дел Охотской канцелярии, записок В. М. Головнина, Г. Лангсдорфа, Г. И. Давыдова и других путешественников с критическими замечаниями в адрес компании (см. об этом: *Федорова С. Г.* Русское население Аляски и Калифорнии. М., 1971. С. 25).

Статья Штейнгейля не осталась незамеченной. Рецензию на нее см.: *Яновский С.* Замечания на статью «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана» // Сев. пчела. 1861. № 109. *Яновский Семен Иванович* (1789—1876), кап.-лейтенант, с 1816 г. на службе компании, главный правитель Русской Америки (1818—1820), был женат на дочери А. А. Баранова — Ирине.

[1] «Морской сб.» издавался с 1848 г. Морским министерством. В 50— нач. 60-х гг. выделялся своей либеральной позицией, сыграл заметную роль в общественном движении в годы первой революционной ситуации в России. Оценка Штейнгейля соответствует взгляду Н. Г. Чернышевского, который характеризовал «Морской сб.» как одно из замечательнейших явлений нашей литературы — быть может, самое замечательное во многих отношениях» (*Днепров Э. Д.* «Морской сборник» в общественном движении периода первой революционной ситуации в России // Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1965. С. 229—230.

[2] Штейнгейль имеет в виду ст. «Замечания старого моряка» (наст. изд.). Нам неизвестно существование какой-либо отдельной публикации с критическими замечаниями на эту статью. Вероятно, автор говорит о тех комментариях от редакции, которыми были сопровождены его заметки. В них действительно содержалась отрицательная характеристика Н. А. Хвостова.

[3] Источник цитаты установить не удалось.

[4] *Диоген Синопский* (ок. 400— ок. 325 до н. э.), древнегреческий философ-киник, практиковал крайний аскетизм, доходящий до эксцентрического юродства, герой многочисленных анекдотов. По преданию, на вопрос, зачем он идет среди белого дня с фонарем, отвечал: «Ищу человека» (т. е. «настоящего», полноценного в нравственном отношении, при встрече с которым фонарь Диогена должен был погаснуть).

[5] Цитата из библ. текста (Псал., 17, 12).

[6] Автор имеет в виду государства инков и ацтеков в Латинской Америке, завоевание которых испанцами в XVI в. совершалось с большой жестокостью и сопровождалось массовыми истреблениями индейцев. *Монтесума* (1466—1520), правитель ацтеков (с 1503 г.), был захвачен в плен Э. Кортесом, призывал покориться испанцам, за что был убит восставшими индейцами.

[7] *Лас-Касас Бартоломе* (1474—1566), испанский гуманист, историк, публицист, автор работ по истории открытия и колонизации государств Латинской Америки Испанией; *Ксаверий* (Ксавье) *Франциск* (1506—1552), один из основателей ордена иезуитов, впоследствии стал «апостолом Индии», возглавлял деятельность миссионеров в американских колониях Испании и

Португалии. В 1623 г. причислен к лику святых католической церкви.

[8] О И. В. Якоби см. примеч. 7 к ст. «К иркутскому летописцу пояснение». Возможно, Штейнгейль имеет в виду указ Екатерины II на имя иркутского губернатора Ф. Н. Клички от 2 янв. 1780 г. об отправке на Алеутские острова российских гербов или циркуляры охотского коменданта Г. А. Козлова-Угренина от 15 июня 1787 г., запрещавшие промышленникам грабить и обижать алеутов (Русская Америка в неопубликованных записках К. Т. Хлебникова. Л., 1979. С. 133—136).

[9] М. М. Булдаков (1766—1830), великоустюжский купец, один из учредителей и первых директоров Российско-Американской компании, главный директор компании (до 1827 г.). У Г. И. Шелихова было пять дочерей, старшие три — Анна, Екатерина и Авдотья были замужем соответственно за Н. П. Резановым, И. Тимковским, М. М. Булдаковым, из которых Н. П. Резанов и М. М. Булдаков были крупными деятелями Российско-Американской компании.

[10] О П. И. Кошелеве см. примеч. 58 к ст. «К иркутскому летописцу пояснение». В 1806 г. ген.-майор П. И. Кошелев обвинил группу охотских и камчатских чиновников и офицеров в организации заговора против него. Среди своих противников он указывал и мичмана Штейнгейля (*ЦГАВМФ*, ф. 166, оп. 1, д. 4653, л. 16—17). Видимо, этот рапорт Кошелева и имеет в виду автор. Ордонанс-гауз — комендантское управление, при котором находилась комиссия военного суда и содержались арестованные военные чины.

[11] Отправка морских офицеров для стажировки в английском военном флоте началась с 1760-х гг. В 1793 г. в числе 16 волонтиров были направлены в Англию И. Ф. Крузенштерн и Ю. Ф. Лисянский.

[12] О Дж. Кейте и В. К. Куличкине см. примеч. 6 и 8 к «Вариациям на «Вариации на тему: Кронштадт».

[13] О И. Ф. Крузенштерне см. примеч. 27 к «Заметке старика». *Мордвинов Николай Семенович* (1754—1845), гр., адмирал, морской министр (1802), председатель департамента государственной экономии Гос. совета, сенатор, член Комитета министров, президент Вольного экономического общества (1823—1840).

Штейнгейль не совсем точен в описании этих событий. Подробный проект русской кругосветной экспедиции был представлен в 1799 г. тогдашнему министру военно-морских сил гр. *Г. Г. Кушелеву* (1750—1833). Крузенштерн ратовал за организацию регулярного морского сообщения между Россией и ее американскими владениями, доказывал, что благодаря дальним плаваниям русский флот вновь может подняться до уровня лучших иностранных флотов. Предложения Крузенштерна не встретили сочувствия и были отвергнуты. В 1802 г. он вновь представляет свой проект уже Н. С. Мордвинову, только что возглавившему министерство. На этот раз ему удалось привлечь внимание правительства.

[14] Об этих событиях более подробно см. в ст. «Вариации на «Вариации на тему: Кронштадт» и примеч. 27 к ней. Война со Швецией началась в 1788 г., а не в 1787-м, как указано в тексте.

[15] Штейнгейль несколько упрощенно объясняет организацию кругосветного плавания и участие в нем Н. П. Резанова только

его семейными обстоятельствами. Являясь одним из руководителей Российско-Американской компании, Н. П. Резанов хорошо понимал всю трудность снабжения американских владений необходимыми припасами и продуктами питания. Все снабжение Русской Америки шло через Охотск, что приводило к страшной дороговизне, а зачастую к гибели или порче товаров. Резанов еще в 1801 г. подал записку о необходимости установления морского пути из Кронштадта в Тихий океан (*Военский К.* Русское посольство в Японию в начале XIX века // Рус. старина. 1895. № 7. С. 125).

[16] Штейнгейль ошибается. Первое официальное русское посольство в Японию состоялось в 1792—1793 гг. Проект этой экспедиции был детально разработан русским ученым, академиком *Э. Г. Лаксманом* (1737—1796), с 1784 г. проживавшим в Иркутске. Начальником экспедиции и послом в Японию был назначен его сын *Адам Эрикович Лаксман* (1766— ум. после 1796), служивший исправником на Камчатке. Экспедиция должна была отвезти в Японию трех японских моряков, потерпевших кораблекрушение у русских берегов в 1783 г., и установить торговые связи с этой страной. Экспедиция достигла о. Матцмай (Хоккайдо). В ходе переговоров русские получили письменный вид, разрешавший торговлю через порт Нагасаки. Кроме этого, экспедиция Лаксмана имела большое научное значение. Было сделано описание о. Матцмай, составлены подробные карты тех мест, где они побывали. Российское правительство положительно оценило результаты этой миссии (*Алексеев А. И.* Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки. М., 1982. С. 72—73).

[17] *Ю. Ф. Лисянский* (1773—1837), капитан 1-го ранга, русский мореплаватель, плававший на кораблях британского флота в Сев. Америке, Вест-Индии, Индии, Южной Африке (1793—1799), командир корабля «Нева» во время Первой русской кругосветной экспедиции (1803—1806).

[18] Имеется в виду И. Ф. Крузенштерн, автор проекта кругосветной экспедиции (см. примеч. 13).

[19] В состав свиты Н. П. Резанова были включены: майор *Ермолай Фридерицкий*, надворный советник *Ф. П. Фоссе*, поручик гвардии *Ф. И. Толстой*, сержант артиллерии А. Раевский, кадеты сухопутного кадетского корпуса Отто и Мориц Коцебу. В составе посольства должен был ехать *Ф. П. Толстой* (1783—1873), известный впоследствии художник и график. В последний момент он отказался, и вместо него поехал его двоюродный брат Ф. И. Толстой (1782—1846). Именно к нему относятся слова Репетилова из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»:

Ночной разбойник, дуэлист,
В Камчатку сослан был, вернулся алеутом
И крепко на руку нечист...

За постоянные конфликты и ссоры Ф. И. Толстой еще в ходе плавания был исключен из свиты посла, а по прибытии в Камчатку отослан в Петербург (о нем см.: *Толстой С. Л.* Федор Толстой — американец. М., 1926).

[20] Причиной конфликта между И. Ф. Крузенштерном и Н. П. Резановым было то, что первая кругосветная экспедиция снаряжалась совместно государством и Российско-Американской компанией. Н. П. Резанов был начальником всей экспедиции, так

как в данной ему инструкции было указано, что «сии оба судна с офицерами и служителями, в службе компании находящимися, поручаются начальству вашему» (*Военский К.* Указ. соч. С. 127). И. Ф. Крузенштерну, считавшему себя автором проекта экспедиции, поручалось только командование над обоими судами в морском и дисциплинарном отношениях. Разногласия и споры между руководителями экспедиции привели к расколу команды. Моряки поддерживали И. Ф. Крузенштерна, свита посла и служащие компании — Н. П. Резанова. Негативную роль в углублении конфликта своими выходками и буйным поведением сыграл кавалер посольства Ф. И. Толстой.

[21] Первым лейтенантом на корабле «Надежда» был старший лейтенант *Макар Иванович Ратманов* (1772—1833) впоследствии вице-адмирал, начальник Кронштадтского порта (1822—1823), ген.-аудитор флота. В ходе плавания составил «Записку о злоупотреблениях приказчиков Российско-Американской компании». «Записка» его была изложена И. Ф. Крузенштерном в описании кругосветного плавания (*Крузенштерн И. Ф.* Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». Спб., 1810. Ч. 2. С. 123).

[22] Аудитор — чиновник военно-судной части в русской армии.

[23] В письме из Петропавловска от 17 авг. 1804 г. Н. П. Резанов писал: «Бог один знает, что вытерпел я и от штормов, и от климатов, и от частных беспокойств. Здесь мог бы я поступить, как мне надобно, но пожертвовал собою на пользу отечества, все личные неприятности ставил я ниже ее» (Маяк. 1841. Ч. 13. Материалы. С. 3).

[24] Тифон — тайфун. Это случилось 30 сент.—1 окт. 1804 г. недалеко от японского берега.

[25] Свои записки о путешествии вокруг света оставили И. Ф. Крузенштерн (Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах на кораблях «Надежда» и «Нева». Спб., 1809—1812. Ч. 1—3), Ю. Ф. Лисянский (Путешествие вокруг света в 1803, 4, 5 и 1806 годах на корабле «Нева». Спб., 1812), был опубликован дневник Н. П. Резанова (Первые путешествия россиян около света // Отеч. зап. 1822. Ч. 10—12; 1823. Ч. 14—15; 1824. Ч. 20; 1825. Ч. 23—24.

[26] *Машин Андрей*, лейтенант флота, находился на службе Российско-Американской компании. О Н. А. Хвостове и Г. И. Давыдове см. примеч. 5 к «Замечаниям старого моряка».

[27] *Ф. Ф. Беллинсгаузен* (1778—1852), адмирал, участник первого кругосветного путешествия 1803—1806 гг., руководитель кругосветной экспедиции 1819—1821 гг., открывшей Антарктиду.

[28] И. Ф. Крузенштерн в своих записках отмечал прибытие транспорта «Охотск» под командованием мичмана Штейнгейля. С ним он отправил пакеты с донесениями, карты и описания побережья. Однако из-за штормов они не были вовремя доставлены. Крузенштерн считал, что только из-за нерасторопности Штейнгейля их доставка в Петербург затянулась на полгода (*Крузенштерн И. Ф.* Указ. соч. Ч. 2. С. 219—221).

[29] Макар — М. И. Ратманов (о нем см. примеч. 21); *Горнер*, доктор астрономии, швейцарец по национальности.

[30] *Шемелин Федор Иванович*, приказчик, уполномоченный Российско-Американской компании, участник первой русской кругосветной экспедиции на шлюпе «Надежда». Составил «Жур-

нал первого путешествия россиян вокруг земного шара...» (Спб., 1816). Штейнгейль лично знал его, сохранились письма декабриста к нему (см. приложения, письма к Ф. И. Шемелину).

[31] Начальник порта — И. Н. Бухарин. О нем см. примеч. 59 к ст. «К иркутскому летописцу пояснение». Подробнее о взаимоотношениях Штейнгейля с Бухариным см. в «Автобиографических записках» (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 103—104). Бухарин обвинил его в самовольных действиях (из-за вынужденной зимовки в устье р. Воровской на Камчатке) и подал рапорт об аресте его на месяц с занесением этого наказания в послужной список. Он также задерживал представление Штейнгейля к очередному званию. Позднее комиссия, занимавшаяся злоупотреблениями И. Н. Бухарина, нашла, что «обнес он Штейнгейля пред начальством напрасно» (*ЦГАВМФ*, ф. 166, оп. 1, д. 4662, л. 89 об.).

[32] Штейнгейль ошибается. Первым министром морских сил с 1802 г. был Н. С. Мордвинов, в 1802—1811 гг. — П. В. Чичагов.

[33] Н. П. Резанов простыл еще при переправе через Алдан, когда разбило их плот. Дальняя и суровая дорога еще более усугубила болезнь. Не доезжая Нижнеудинска, он к тому же серьезно повредил ногу. Началась гангрена. Умер в Красноярске 1 марта 1807 г., погребен в ограде Воскресенского собора. На его могиле на средства Российско-Американской компании был установлен памятник (снесен в 1936 г.) в виде коринфской вазы на гранитном постаменте (*Быконя Г. Ф.* Город у Красного яра. Красноярск, 1986. С. 50—51).

[34] Ген.-губернатором Сибири в это время был И. Б. Пестель. О нем см. примеч. 40 к ст. «К иркутскому летописцу пояснение».

[35] О Ю. А. Головкине см. примеч. 37 к ст. «К иркутскому летописцу пояснение». Головкин выехал из Иркутска 1 нояб. 1806 г., а Н. П. Резанов въехал в Иркутск 30 нояб., то есть они разминулись на месяц.

[36] Штейнгейль не совсем точен. Он имеет в виду второе кругосветное плавание В. М. Головнина на шлюпе «Камчатка», которое началось в нояб. 1817 г. (а не 1815-го). Одной из задач этой экспедиции было провести ревизию американских владений Российско-Американской компании. Отчет об этой экспедиции см.: *Головнин В. М.* Путешествие вокруг света, совершенное на военном шлюпе «Камчатка» в 1817, 1818 и 1819 гг. Спб., 1822. Документы об организации этой экспедиции и извлечения из записок Головнина были помещены в вып. 1 «Материалов для истории русских заселений по берегам Восточного океана».

[37] Подробную характеристику этих деятелей см. в ст. «К иркутскому летописцу пояснение».

[38] Всего было опубликовано четыре выпуска.

[39] О П. И. Рикорде см. примеч. 1 к «Замечаниям старого моряка». Рикорд, принявший после пленения В. М. Головнина командование «Дианой», в течение 1811—1813 гг. приложил немало усилий к освобождению его из плена. С мая 1817 г. был назначен начальником Камчатки.

[40] *Полетика Петр Иванович* (1778—1849), чиновник Коллегии иностранных дел, посланник в Филадельфии (с 1817 г.), тайный сов., литератор; *Сперанский Михаил Михайлович* (1772—1839), гр., гос. деятель, товарищ министра юстиции, гос. секретарь, в 1819—1821 гг. ген.-губернатор Сибири. С 1826 г. руководил кодификацией гос. законов; *Дружинин Яков Александрович* (1771—

1849), директор канцелярии министра финансов, директор департамента мануфактур, писатель, член Российской Академии наук. Соглашение П. И. Рикорда от 18 июля 1819 г. о предоставлении американцам права производить китовую промышленность на восточных берегах Сибири было в штыки встречено Российско-Американской компанией. Ее поддержал и сибирский ген.-губернатор М. М. Сперанский. «Особый комитет», куда входили Д. А. Гурьев, В. П. Кочубей, К. В. Нессельроде и И. А. Каподистрия, не только не утвердил соглашение с американскими китобоями, но и счел необходимым вообще запретить иностранным судам заходить в российские порты на востоке. А в 1821 г. последовал указ об охранении интересов компании от происков и покушений контрабандистов посредством направления в воды Тихого океана вооруженных крейсеров. Эти акты России вызвали протесты Англии и США. Для решения спорных вопросов и был создан специальный комитет в составе К. В. Нессельроде, Е. Ф. Канкрина, М. М. Сперанского, Я. А. Дружинина, П. И. Полетики (*Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения. 1815—1832. М., 1975. С. 164—165, 278—279).

41 *Дмитриев Иван Иванович* (1760—1837), русский поэт и баснописец; министр юстиции в 1810—1814 гг. Штейнгейль цитирует строчки из его басни «Чижик и зяблица» (впервые опубл.: «Аглая». 1794. Кн. 1. С. 90, под заголовком «Чиж (подражания)»).

42 *А. С. Хвостов* (1753—1820), тайный сов., управляющий Гос. заемным банком, переводчик и поэт, член Российской Академии (с 1793 г.); *Нелединский-Мелецкий Юрий Александрович* (1752—1829), сенатор, статс-секретарь при Павле I, поэт, автор многих эпиграмм. Речь идет, вероятно, о следующей эпиграмме:

Тот пишет прозою, в другом пиита жар,
Успеха ищет всяк, прияв особый дар.
Но свойственно умам отличностию славным
И в прозе и в стихах писать с успехом равным.
Здесь редкий сей пример нам Тимон подает.
Он в прозе и в стихах с успехом равным врет.

(Стихотворения Юрия Александровича Нелединского-Мелецкого. Спб., 1876. С. 125).

43 Штейнгейль указывает на те изменения в отношениях России с ее дальневосточными соседями, которые произошли в 1850-х гг. В 1849—1850 гг. в результате действий Г. И. Невельского и Н. Н. Муравьева-Амурского был присоединен к России Амур; по русско-китайскому договору 1860 г. российское купечество получило возможность снаряжать торговые караваны в Пекин; в ходе переговоров Е. В. Путятина в 1855 г. был заключен Симодский договор, которым устанавливались дипломатические и торговые отношения между Россией и Японией.

44 *О. К. Каменецкий* (1754—1823), медик, профессор хирургии в Медико-хирургической академии, первый лейб-медик из русских, пропагандист медицинских знаний в России.

45 Речь идет о директорах Российско-Американской компании. Первый — *Крамер Венедикт Венедиктович* (1768—1849), санкт-петербургский купец, советник коммерции, один из директоров Главного правления компании (1814—1823). Второй — *Северин Андрей Иванович*, санкт-петербургский купец, один из директоров Главного правления компании с 1814 г. Подробнее о деле

Крамера и Северина см.: *Окунь С. Б.* Российско-Американская компания. М.; Л., 1939. С. 67—69.

[46] *И. В. Прокофьев* (ум. 1845), московский купец, правитель Московской конторы компании, один из директоров ее (с 1823 г.), первенствующий директор (с 1827 г.). Штейнгейль был в дружественных отношениях с ним и его семьей.

[47] Правителем канцелярии Российско-Американской компании с 1824 г. был декабрист *Кондратий Федорович Рылеев* (1795—1826), поэт, издатель, один из руководителей Северного общества. Именно Рылеев постоянно информировал Штейнгейля о делах компании, в том числе о собраниях акционеров. См. письмо К. Ф Рылеева к Штейнгейлю от 18—19 марта 1825 г. (*Рылеев К. Ф.* Сочинения. Л., 1987. С. 326—327).

[48] О Г. И. Давыдове см. примеч. 5 к «Замечаниям старого моряка». Автор имеет в виду записки «Двухкратное путешествие в Америку морских офицеров Хвостова и Давыдова, писанные сим последним» (Спб., 1810); *А. С. Шишков* (1754—1841), адмирал, министр народного просвещения (1824—1828), член Гос. совета, президент Российской Академии (1813—1841), почетный член Академии наук, писатель и издатель.

[49] Правильнее колоши, колюжи — русское название северной группы индейцев сев.-зап. побережья Сев. Америки — тлинкитов; название это было связано, по-видимому, с деревянными и каменными украшениями — калужками, которые носили тлинкитские женщины в проколотой и растянутой нижней губе (*Вениаминов И. Е.* Записки об островах Уналашкинского отдела. Спб., 1840. Ч. 3. С. 29—30).

[50] Штейнгейль не совсем справедлив по отношению к А. А. Баранову. На это обратил внимание и автор замечаний к статье декабриста С. И. Яновский. По его мнению, «для американской компании Баранов был великий человек» (Сев. пчела. 1861. № 109). Подобную оценку разделяли другие современники: «Он жил более для отечества и потомства, нежели для себя; был справедлив и строг по службе с подчиненными и справедливо награждал их заслуги; имея прекрасные качества души, любил просвещение, читал много книг, поверхностно изучал многие науки, говорил мало и медленно, но высказывал много» (Иркутская летопись. Иркутск, 1911. С. 200).

[51] Имеется в виду *Хогарт Уильям* (1697—1764), английский живописец, график, теоретик искусства, основоположник социально-критического направления в европейском искусстве, мастер сатирического бытового жанра.

[52] Во второй выпуск «Материалов» были включены записки В. М. Головнина о его первом кругосветном плавании «Путешествие российского шлюпа «Диана» из Кронштадта в Камчатку» в 1807, 1808 и 1809 гг.» (первое изд.— Спб., 1819).

[53] Речь идет об устройстве поселений в Вост. Сибири на основании указа 1799 г. о переселении в Забайкалье 10 тыс. человек из отставных солдат, ссыльных, помещичьих крестьян, ссылаемых в Сибирь в зачет рекрутов (подробнее см. примеч. 20 к статье «К иркутскому летописцу пояснение»).

[54] Этим человеком был В. И. Штейнгейль (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 106).

[55] *Тихменев Петр Александрович* (конец 1820-х —1888), капитан I ранга, лейтенантом участвовал в кругосветном плавании

на фрегате «Паллада» (1852—1854), в 1857—1864 гг. историограф на службе Российско-Американской компании, автор капитального труда «Историческое обозрение образования Российско-Американской компании и действий ее до настоящего времени» (Спб., 1861, ч. 1, 1863, ч. 2). Отзыв П. А. Тихменева на заметку Штейнгейля — «Несколько слов на «Заметку старика» // Сев. пчела. 1861. № 32. С. 129—130.

ЗАМЕТКИ ПРИ ПРОЧТЕНИИ «ВОСПОМИНАНИЯ О К. Ф. Р[ЫЛЕЕВ]Е»

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 3131, л. 1—2

Замечания декабриста Штейнгейля на воспоминания Е. П. Оболенского о Рылееве. С портретом Штейнгейля / Публ. Б. Л. Модзалевского // Декабристы. Неизданные материалы и статьи. С. 182—184

Печатается по автографу, на котором надпись М. И. Семевского: «NB. Записка эта руки барона Владимира Ивановича Штейнгейля, писана им в 1861-м году в Спб. по поводу прочитанного им «Воспоминания о К. Рылееве» — кн. Оболенского. М. Семевский». Отсылки на страницы воспоминаний Е. П. Оболенского, которые дает в своих заметках Штейнгейль, не соответствуют нумерации страниц двух заграничных изданий этого текста, вышедших в 1861 г., следовательно, в руках у Штейнгейля был список. В комментарии даются отсылки на публикацию воспоминаний Е. П. Оболенского в кн.: Общественные движения в России в первую половину XIX века. Спб., 1905. Т. 1. С. 233—280.

[1] Общественные движения ... С. 233. Это замечание Штейнгейля также свидетельствует о том, что в руках у него был список, а не издание, в котором такой опечатки нет (Воспоминания князя Евгения Петровича Оболенского // Рус. заграничный сб. 1861. Ч. 4. Тетр. 5. С. 3).

[2] Общественные движения ... С. 234. К. Ф. Рылеев окончил 1-й кадетский корпус, как и сказано у Оболенского.

[3] Общественные движения ... С. 235. Рылеев был определен заседателем от дворянства в Петербургскую палату уголовного суда в янв. 1821 г., правителем дел канцелярии Российско-Американской компании стал весной 1824 г. И. И. Пущин поступил сверхштатным членом Петербургской палаты уголовного суда в июне 1823 г., а судьей Московского надворного суда назначен в дек. 1823 г. «Старушкой» Штейнгейль называет Москву. «Войнаровский» — поэма К. Ф. Рылеева (опубл. в 1825 г.). *Мордвинов Николай Семенович* (1754—1845), гр., адмирал, председатель департамента государственной экономии Гос. совета, член Комитета министров, президент Вольного экономического общества.

[4] Общественные движения ... С. 237. Колонию Росс — маленькое селение, основанное русскими в Калифорнии, Российско-Американская компания постановила оставить в 1839 г., и в 1841 г. это было исполнено. Однако Оболенский прав, когда пишет о хлопотах Рылеева по поводу колонии в 1824—1825 гг.— именно тогда компания выдвигала проекты усиленного освоения земель вокруг колонии. Особенно активен был в этом отноше-

нии Д. И. Завалишин.— См.: *Завалишин Д. И.* Дело о колонии Росс // Рус. вестн. 1866. Кн. 3. С. 36—65; *Болховитинов Н. Н.* Русско-американские отношения. 1815—1832. М., 1975. С. 292—299.

[5] Общественные движения ... С. 239—242. *Чернов Константин Пахомович* (1803—22 сент. 1825), подпоручик л.-гв. Семеновского полка, член Северного общества, сын Пахома Кондратьевича Чернова, ген.-майора, ген.-аудитора 1-й армии. Убил на дуэли фл.-ад. *Владимира Дмитриевича Новосильцова* (ум. 14 сент. 1825), защищая честь своей сестры Екатерины, и сам был смертельно ранен. Мать Новосильцова — *Екатерина Владимировна* (урожд. гр. Орлова, 1770—1849). К. Ф. Рылеев, родственник Чернова, был его секундантом, он же организовал похороны, вылившиеся в манифестацию, 10 окт. 1825 г. Штейнгейль писал о похоронах Чернова М. Н. Загоскину: «Более 200 карет провожало: по этому суди о числе провожавших пешком...» (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 207).

[6] Общественные движения ... С. 241. *Якубович Александр Иванович* (1796 или 1797—1845), капитан Нижегородского драгунского полка, участник восстания на Сенатской площади. Сосланный на Кавказ, был в 1823 г. тяжело ранен в голову, на лбу у него был глубокий шрам.

[7] Общественные движения ... С. 245. Летом 1825 г. в связи с ухудшением здоровья имп. Елизаветы Алексеевны, которой был предписан южный климат, ей и сопровождавшему ее Александру I был приготовлен дворец в Таганроге, хотя врачи предлагали Италию, Францию или Крым. Поиски дворца говор соотносил с намерением Александра I оставить престол и жить в глубоком уединении.

[8] Общественные движения ... С. 248. Молебствие было во здравие заболевшего Александра I, роковое известие — о его смерти. *Нейдгардт Александр Иванович* (1784—1845), ген.-майор, начальник штаба Гвардейского корпуса, сообщил о ней вел. кн. Николаю Павловичу.

[9] Междуцарствию как поводу для выступления 14 дек. Штейнгейль посвятил свои Записки о восстании (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 143—180).

[10] Общественные движения ... С. 249.

[11] Общественные движения... С. 250. Виселица была действительно одна, а насчет палача Штейнгейль ошибается: их было двое, оба русские — из С.-Петербургской городской тюрьмы. В нескольких мемуарных свидетельствах назван один палач — возможно, потому, что другой упал в обморок. Наиболее подробно об обстоятельствах и исполнителях казни см.: *Невелев Г. А.* «Истина сильнее царя...»: (А. С. Пушкин в работе над историей декабристов). М., 1985. С. 92—115.

К БИОГРАФИИ ГР[АФА] А. А. АРАКЧЕЕВА

ИРЛИ, ф. 265, оп. 2, № 3130, л. 1—15 об.

Черновой автограф. Носит следы авторских поправок, вставок и изменений. Был опубликован с многочисленными купюрами и поправками (под названием «Воспоминание о графе А. А. Аракчееве» — Санкт-Петербургские ведомости. 1862, № 47. 3 марта.

С. 211—212). Отрывки из этой публикации были приложены в качестве комментария при издании «Записок барона В. И. Штейнгейля» (Общественные движения в России в первую половину XIX века. Спб., 1905. Т. 1. С. 321—474). В полном виде статья впервые публикуется в наст. изд.

[1] Речь идет о статье В. Ратча «Сведения о графе Алексее Андреевиче Аракчееве» (Военный сб. 1861. № 5. С. 101—154). В этом же номере была помещена еще одна статья об А. А. Аракчееве (*Глебов П.* Слово об Аракчееве. С. 455—466).

[2] Штейнгейль имеет в виду свое письмо Николаю I из Петропавловской крепости (11 янв. 1826 г.), в котором были следующие слова: «<...> В то же время от распоряжений правительства именем его разливалось повсюду неудовольствие и ропот. Народ приписывал сие лицам: то Сперанскому, то Гурьеву, то Аракчееву и вообще думал: «Министры обманывают доброго нашего государя: где ему, батюшке, все знать». Но те, кои просвещеннее, смотрели и рассуждали иначе» (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 209).

[3] *Спафарьев Леонтий Васильевич* (1765—1847), ген.-лейтенант по адмиралтейству, морской писатель. В 1796 г. кап.-лейтенант, командир транспортного судна «Маргарита», с 1803 г. смотритель, затем директор балтийских маяков, с 1825 г. командир Ревельского порта, в отставке с 1838 г.

[4] О И. Л. Голенищеве-Кутузове см. примеч. 32 к ст. «Нечто о неверностях...» Князь Смоленский — *Кутузов Михаил Илларионович* (1745—1813), русский полководец, ген.-фельдмаршал, кн. Смоленский (с 1812 г.).

[5] *Федоров Николай Степанович* (ум. 1796), контр-адмирал, командир Астраханского порта, в Морском корпусе служил с 1778 по 1793 г., затем командовал учебной эскадрой гребного флота, главный командир Астраханского порта и Каспийской флотилии (с 1795 г.). Более подробную характеристику Н. С. Федорова и состояния Морского корпуса см.: *Штейнгейль. Т. 1.* С. 89—92.

[6] Вероятно, кроме А. А. Аракчеева Штейнгейль имеет в виду ближайших сподвижников Павла I: *Обольянинова Петра Хрисандровича* (1753—1841), ген.-прокурора Сената (1800—1801), затем московского губернского предводителя дворянства; *Куракина Алексея Борисовича* (1759—1829), кн., ген.-прокурора Сената; или, возможно, *Кутайсова Ивана Павловича* (ок. 1759—1834), гр., камердинера и фаворита Павла I.

[7] Со смертью Александра I (19 нояб. 1825) влияние и могущество А. А. Аракчеева закончилось. Указом от 20 дек. 1825 г. он был отстранен от заведования общими государственными делами. С 1826 г. и до смерти (21 апр. 1834) Аракчеев жил уединенно в своем имении Грузино.

[8] Усадьба Грузино была расположена в 18 верстах от Новгорода, на реке Волхов. Принадлежала Деревяницкому монастырю, в 1705 г. была пожалована кн. Меншикову. В 1796 г. усадьба вместе с окружающей волостью подарена Павлом I гр. А. А. Аракчееву, который использовал ее под загородную резиденцию. Усадебный комплекс был выполнен в 1797—1815 гг. под руководством архитектора Ф. И. Демерцова; *Меншиков Алек-*

сандр Данилович (1673—1729), кн., сподвижник Петра I, генералиссимус, президент Военной коллегии.

[9] А. А. Аракчеев был отставлен от службы 8 марта 1798 г. с чином ген.-лейтенанта, но через несколько месяцев вновь возвращен и осыпан милостями. С 1 окт. 1799 г. последовала новая отставка. О вызове Аракчеева в Петербург накануне переворота 11 марта 1801 г. достоверных источников не сохранилось. Нет никаких данных хотя бы о кратком его пребывании в столице. Известно, что он был вызван Александром I только 26 апр. 1803 г., а с 14 мая того же года назначен инспектором артиллерии (*Эйдельман Н. Я.* Грань веков. М., 1982. С. 253—255).

[10] Штейнгейль не совсем точен. Первым министром военно-сухопутных сил в 1802—1807 гг. был *С. К. Вязмитинов* (1749—1819), позднее министр полиции (с 1812 г.), петербургский ген.-губернатор (с 1816 г.). А. А. Аракчеев был военным министром в 1808—1810 гг.

[11] *Барклай де Толли Михаил Богданович* (1761—1818), кн., русский ген.-фельдмаршал, военный министр (1810—1812), герой Отечественной войны 1812 г.

[12] Занимая пост инспектора артиллерии, А. А. Аракчеев во многом способствовал улучшению этого рода войск. Он значительно увеличил число артиллерийских частей в армии, занимался совершенствованием материальной части. При нем были введены некоторые технические усовершенствования в оборудовании лафетов, передков и ящиков, продержавшиеся без изменений до 1845 г. Нужно отметить, что накануне Отечественной войны 1812 г. русская артиллерия по боеспособности не уступала французской (*Тарле Е. В.* 1812 год. М., 1959. С. 466).

[13] *М. Д. Цицианов* (1767—1841), кн., сенатор, с 1813 г. директор экспедиции для строений в Москве.

[14] О П. М. Волконском см. примеч. 11 к ст. «Несколько словечек на «Несколько слов моим сослуживцам».

[15] В «Автобиографических записках» Штейнгейль, описывая этот же эпизод, указывал, что писарь вместо 69 написал 96 (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 118).

[16] Штейнгейлю был пожалован чин подполковника (по формулярному списку 30 авг. 1816 г.— *ВД.* Т. 14. С. 148). Кроме того, за поднесение императору своей книги «Записки касательно похода Санкт-Петербургского ополчения против врагов Отечества» он был пожалован перстнем.

[17] *Фридрих-Вильгельм III* (1770—1840), прусский король с 1797 г.

[18] Мать А. А. Аракчеева — *Елизавета Андреевна* (урожд. Ветлицкая, 1750—1820); *Ильин Василий Федорович,* ген.-майор, в 1812 г. командовал артиллерийскими рекрутскими резервами, с 1813 г. командующий артиллерией резервной армии.

[19] *Шульгин Александр Сергеевич* (1775—1841), ген.-майор, московский (1815—1825), затем петербургский обер-полицмейстер (1825—1826), главный недоброжелатель Штейнгейля в Москве. В период визита Александра I в Москву в 1817 г. ему удалось настроить императора и еко окружение против Штейнгейля (подробнее см.: *Штейнгейль. Т. 1.* С. 122—124).

[20] *Брокер Адам Фомич* (1762—1848), полковник, московский (1812—1817), затем петербургский (с 1817 г.) полицмейстер.

[21] *Лобанов-Ростовский Дмитрий Иванович* (1758—1838), кн.,

ген. от инфантерии, министр юстиции (1817—1827), сенатор; *Новосильцев Николай Николаевич* (1761—1838), гр., член Негласного комитета, президент Академии наук, товарищ министра юстиции, с 1813 г. фактически управлял Польшей, с 1832 г. председатель Гос. совета и Комитета министров; *Голицын Александр Николаевич* (1773—1844), кн., министр духовных дел и народного просвещения (1817—1824), член Гос. совета, в 1839—1841 гг. его председатель; *Посников Захар Николаевич* (1765—1833), сенатор, обер-прокурор общего собрания Московского департамента, его тесть — *Архаров Иван Петрович* (1745—1815), ген. от инфантерии, военный губернатор Москвы (1796—1797); *Марченко Василий Романович* (1782—1840), член Гос. совета, гос. секретарь.

Штейнгейль проявил большой интерес к деятельности этого комитета. В конце 1817 г. он подал Новосильцеву свой проект «Нечто о наказаниях» (наст. изд.).

[22] Перейдя на службу к А. П. Тормасову, Штейнгейль был переименован майором по кавалерии и носил белый мундир кавалергарда. Отсюда и шутливое обращение А. А. Аракчеева.

[23] Этот же эпизод вспоминал Штейнгейль в «Дневнике... путешествия из Читы в Петровский завод» (1830 г.), правда, относил его к 1819 г. (наст. изд.).

[24] *Карбоньер д'Арси Лев Львович* (1770—1836), ген., инженер-строитель, директор Строительного департамента по морской части.

[25] Архитектор Минут одновременно выполнял обязанности управляющего дворней и был, по мнению историка, «настоящий зверь, от преследований которого дворовые нередко бросались в пруд и топились» (*Кизеветтер А. А.* Император Александр I и Аракчеев // Ист. очерки. М., 1912. С. 318).

[26] Точнее: «Да пребудет и прах мой у подножия изображения твоего». Ниже была еще одна надпись: «На сем месте погребен русский новгородский дворянин, граф Алексей Андреевич Аракчеев, родился 1769 года, сентября 23 дня, умер ...» (*Языков А.* Воспоминание о селе Грузине, имении графа Аракчеева в 1826 году. М., 1869. С. 21).

[27] Памятник в честь офицеров гвардейского гренадерского полка, шефом которого был Аракчеев, погибших в период Отечественной войны 1812 г.

[28] Штейнгейль имеет в виду брошюру Ф. Малиновского «Историческое описание села Грузина» (М., 1816).

[29] *Мелиссино Петр Иванович* (1730—1797), ген. от артиллерии, участник многих компаний, директор артиллерийского и инженерного корпусов (с 1783 г.), с 1796 г.— начальник всей артиллерии России.

[30] *Лампи Иоганн-Батист* (1751—1830), австрийский живописец и портретист, в 1792—1798 гг. работал в России.

[31] Об этом увлечении А. А. Аракчеева Кизеветтер писал: «Всю жизнь он был падок до порнографии. Можно сказать, что в его душе соперничали две страсти — истязать людей и разглядывать неблагопристойные картинки. Эти картинки выписывались для него целыми партиями из-за границы. В садах Грузина <...> Аракчеев соорудил таинственный павильон, всегда запертый на ключ. <...> Все стены павильона были заняты зеркалами. При нажатии потаенной пружины зеркала переворачивались, и за ни-

ми взорам посетителей открывались громадные картины самого непристойного содержания» (Указ. соч. С. 313).

[32] В опубликованном варианте статьи эпизод, связанный с посещением павильона, представлен по-другому. После слов «портрет Меллисино, писанный Лампием» следует: «и свидетельствующий, что Меллисино был видным собою мужчина и почти красавец. Оставляя Грузино, мы заглянули в «молочную», отлично устроенную, и выпили даже по стакану молока. Все замеченные нами особенности занимали нас во время проезда до Высоцкого села, где мы расстались».

[33] Полное ее название: «Некоторые мысли и замечания относительно законных постановлений о гражданстве и купечестве в России». Эта записка Штейнгейля не обнаружена. Известна только по пересказу ее заключительной части В. И. Семевским в биографическом очерке Штейнгейля (Общественные движения в России... С. 287—289). В. И. Семевский неверно отнес ее появление к 1817 г.

[34] Письмо А. А. Аракчеева от 18 нояб. 1819 г. сохранилось (*ИРЛИ*, ф. 591, № 9292.5). Опубл. В. Е. Якушкиным с ошибочной датировкой — 18 нояб. 1817 г. (Рус. старина. 1888. № 10. С. 159). В руках В. Е. Якушкина была и сама записка Штейнгейля. Он предоставил ее в распоряжение В. И. Семевского (Общественные движения в России... С. 289).

[35] Цитата из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824) — «В мои лета не должно сметь свое суждение иметь» (д. 3, явл. 3, слова Молчалина).

[36] В 1833 г. А. А. Аракчеев внес в Гос. заемный банк 50 тыс. рублей ассигнациями с тем, чтобы эта сумма оставалась в банке 93 г. неприкосновенно со всеми процентами. Три четверти из этого капитала должны были стать премией тому, кто напишет к 1925 г. лучший исторический очерк царствования Александра I.

Сфинкс — в греческой мифологии крылатая полуженщина, полульвица, обитавшая на скале близ Фив; задавала прохожим неразрешимую загадку и затем, не получив ответа, пожирала их.

[37] Вторая часть строфы «Подойду к человеку, и сердце человека глубоко» (Псалт. 63.7). Давид — царь Израильско-Иудейского государства в конце XI в.— ок. 950 до н. э.

В публикации «Санкт-Петербургских ведомостей» этими словами заканчивалась записка Штейнгейля.

[38] Дамоклов меч — нависшая над кем-либо постоянно угрожающая опасность при видимом благополучии. Согласно древнегреческому преданию, сиракузский тиран Дионисий Старший предложил на один день престол своему фавориту Дамоклу, считавшему Дионисия счастливейшим из смертных. В разгар веселья на пиру Дамокл внезапно увидел над своей головой обнаженный меч, висевший на конском волосе, и понял призрачность благополучия.

[39] Установить, о ком идет речь, не удалось. Возможно, представительница семьи фабрикантов Яковлевых, владевших самой крупной полотняной фабрикой в России — Большой Ярославской мануфактурой.

[40] О злоупотреблениях и казнокрадстве А. А. Аракчеева см. также: *Кизеветтер А. А.* Указ. соч. С. 357—358.

ПРИЛОЖЕНИЯ

[1] Публикуемые письма обнаружены в фонде Г. В. Юдина среди других материалов по истории Охотского порта (*ГАКК*, ф. 796, оп. 1, д. 180, л. 1—3 об. Письма к Ф. И. Шемелину, 1808 г.; д. 271, л. 1—2 об. Письмо к Е. И. Деларову, 1806 г.). В настоящее время хранятся в *ЦГАДА*, ф. 1605 (коллекция Г. В. Юдина), оп. 1, ед. хр. 271, л. 1—2 об.; ед. хр. 180, л. 3—3 об., л. 1—1 об. Они существенно дополняют эпистолярное наследие В. И. Штейнгейля, так как наиболее раннее из известных писем декабриста относилось к 1813 г. Письма раскрывают новые подробности жизни и службы Штейнгейля в его первый сибирский период (1802—1810).

[2] *Деларов Евстратий* (Евстрат) *Иванович* (ум. 1806), мореход, правитель русских поселений Американской сев.-вост. компании в Америке (1787—1791), один из директоров Российско-Американской компании.

[3] Воровская — река на зап. побережье Камчатки. Осенью 1805 г. транспорт «Охотск», которым командовал Штейнгейль, из-за сильных штормов вынужден был зазимовать в устье этой реки, где находилось небольшое поселение (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 103).

[4] Яков Епифанович — *Я. Е. Потапов* (р. 1777), находился на службе Российско-Американской компании, командир судна «Константин» (1805—1806) и брига «Мария» (1807).

[5] Николай Петрович — Н. П. Резанов. О нем см. примеч. 4 к записке «Нечто о неверностях...»

[6] О И. Н. Бухарине см. примеч. 59 к ст. «К иркутскому летописцу пояснение».

[7] Дополнительных сведений о нем не обнаружено.

[8] Л. Башуцкий, кап.-лейтенант, был отправлен в 1801 г. на смену И. Н. Бухарину в Охотский порт с командой в 73 человека. С этой партией прибыл в Охотск В. И. Штейнгейль. 4 марта 1804 г. вместо Башуцкого начальником в Охотск был вновь назначен Бухарин (*Сгибнев А.* Охотский порт с 1649 по 1852 г. // Морской сб. 1869. № 11. Неофиц. отд. С. 90—92).

[9] Вероятно, речь идет о злоупотреблениях И. Н. Бухарина. Чиня произвол и деспотизм, он производил также через подставных лиц торговые операции в Охотском крае и на Камчатке в подрыв местному купечеству и Российско-Американской компании (подробнее об этом: *Сгибнев А.* Указ. соч. // Морской сб. 1869. № 12. Неофиц. отд. С. 4—6).

[10] Дополнительных сведений о нем найти не удалось.

[11] О Ф. И. Шемелине см. примеч. 30 к ст. «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана».

[12] Общее преднамерение — вероятно, речь идет о намерении Штейнгейля перейти на службу Российско-Американской компании. Бумаги, о которых идет речь в письме, в деле отсутствуют.

[13] Николай Иванович — Н. И. Трескин.

[14] О Ю. Ф. Лисянском см. примеч. 17 к ст. «Материалы для истории русских заселений по берегам Восточного океана». Установить, было ли в действительности намерение назначить его в Охотск, не удалось. В литературе причиной отставки Лисянского

считается его болезнь и желание заняться подготовкой своих записок (опубл. в 1812 г.).

[15] *Колокольцев Иван Михайлович* (ум. 1821), вице-адмирал, сенатор.

[16] Об истории создания «Энциклопедического словаря» С. А. Селивановского см. во вступ. ст. Издание не было закончено. Было подготовлено только три первых тома. Тираж был уничтожен, сохранились лишь единичные комплекты. Один из них находится в музее *ГБЛ*. Тома не имеют титульных листов и выходных данных, одеты в переплет более позднего происхождения. Статьи, включенные в словарь, не подписаны, поэтому определить, какие из них принадлежат перу Штейнгейля, можно только предположительно. В наст. изд. публикуется статья «Байкал» из 2-го тома «Энциклопедического словаря» (с. 529—535). Об авторстве Штейнгейля свидетельствуют хорошее знание материала, личные впечатления (из всех авторов тома он один неоднократно бывал на Байкале), определенное родство с содержанием других публицистических трудов декабриста (см., напр., «Замечания на некоторые статьи «Энциклопедического лексикона»).

[17] Не совсем точно. Монгольское слово *Байгал* означает богатый огонь, в другом варианте *Байгал-Далай* — большое озеро (море). Китайское *Бэй-Хай* действительно переводится как северное море. Но исследователи считают его искаженным от *Бий-Хэм* — большая вода. Существуют и другие предположения о происхождении слова Байкал (*Галазий Г. И.* Байкал в вопросах и ответах. Иркутск, 1984. С. 48—49).

[18] Впервые гипотезу о тектоническом происхождении котловины Байкала высказал академик И. Г. Георги, работавший здесь в 1772—1773 гг. в составе экспедиции П. С. Палласа.

[19] В 1778 г. целенаправленные промеры глубины Байкала проводили служащие Колывано-Воскресенских заводов Сметанин и Копылов. На участке от Ангары до Селенги ими было сделано 28 измерений дна озера. Максимальная глубина, выявленная ими, составила 1238 м. В настоящее время наибольшей глубиной Байкала принято считать глубину в 1637 м, полученную в 1959 г. с помощью магнитострикционного эхолота.

[20] Речь идет о *Михаиле Васильевиче Сибирякове* (1745—1814), крупнейшем иркутском купце, занимавшемся внутренней и внешней торговлей, подрядами и откупами, имевшем на Байкале парусные суда.

[21] Публикуемый отрывок представляет собой подстрочный комментарий Штейнгейля к его переводу с польского «Отрывок из путешествия ляха Ширмы. О воспитании в Англии» (*ЦГАОР*, ф. 109, I эксп., 1826 г., ед. хр. 61, ч. 14, л. 109—126). Эта работа Штейнгейля осталась неопубликованной (см. вступление к примеч. на записку «Замечания на некоторые статьи «Энциклопедического лексикона»). *Ширма Христиан* (1791—1866), профессор философии Варшавского университета в 1825—1831 гг., после восстания 1831 г. жил в Англии. Штейнгейль перевел три отрывка из его книги «Anglia i Szkocya, przypomnienie z podrzy w roku 1820—1824 odbytej (Англия и Шотландия, воспоминания о путешествии, в 1820—1824 гг. бывшем): В 3 т. Варшава, 1828 (*Штейнгейль. Т. 1.* С. 517).

[22] О Л. И. Голенищеве-Кутузове см. примеч. 32 к записке «Нечто о неверностях...»

[23] Публикуются три прокламации Штейнгейля к крестьянам Тобольской губернии (подробней об истории появления их см. вступ. ст.). Автографы их не обнаружены, печатные копии хранятся в *ГАОО*, ф. 3, оп. 13, кор. 1046, д. 18 162, л. 42, 57—58. Впервые опубл. как приложение к ст. Т. С. Мамсик «Декабрист В. И. Штейнгейль и его воззвания к сибирским крестьянам» // Ссыльные революционеры в Сибири (XIX в. — февраль 1917 г.) Иркутск, 1987. Вып. 10. С. 17—19.

[24] *Ладыженский Михаил Васильевич*, тобольский гражданский губернатор в 1838—1844 гг., затем председатель пограничной комиссии в Оренбурге.

[25] Ответом на проведение в жизнь положений реформы П. Д. Киселева стали массовые волнения государственных крестьян по обе стороны Уральских гор — в Пермской, Оренбургской, Тобольской губерниях. В апр. 1842 г. волнения охватили Шадринский, Екатеринбургский, Ирбитский, Камышловский уезды Пермской губернии. Для подавления их правительство ввело войска. В решающем сражении против царских войск на р. Басказыке участвовало более 20 тысяч крестьян. После разгрома бунтующих крестьян наказанию было подвергнуто 4800 человек (Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982. С. 347).

[26] Имеется в виду распространение на эти уезды «Учреждения об управлении государственными имуществами» П. Д. Киселева (указ. от 30 апр. 1838 г.).

[27] Опубл.: Рус. вестн., издаваемый С. Глинкой. 1811. Ч. 16. № 10. С. 69—77. По всей видимости, это первая публикация декабриста. В связи с тем, что статья обнаружена уже после сдачи тома в производство ее можно было поместить только в конце приложения. По этой же причине о ней не упоминается во вступ. ст. Инициалы В. Б. Ш., которыми подписана статья, не должны вводить в заблуждение. Они означают: «Владимир барон Штейнгейль» Различные варианты подобного сокращения декабрист не раз использовал при подписании своих работ: «Б В. Штейнгейль («Записки касательно <...> ополчения», «Опыт полного исследования начал и правил хронологического и месяцесловного счисления <...>»), Б. Штейнгейль («К биографии графа А. А. Аракчеева»). Об авторстве свидетельствуют также характерный для него стиль и общий пафос статьи, близость его к семье директора кяхтинской таможни П. Д. Вонифатьева.

[28] Установить, о ком идет речь в статье, не удалось.

СЛОВАРЬ МОРСКИХ ТЕРМИНОВ

Бакштаг — курс парусного судна, при котором его диаметральная плоскость составляет с линией ветра угол более 90 и менее 180°.

Бейдевинд (в пер. с голландского — боковой ветер) — курс парусного судна, при котором ветер дует сбоку.

Бизань — задняя мачта при трех и более мачтах на парусном судне, а также нижний косой парус, поднимаемый на бизань-мачте.

Бимсы — деревянные поперечные балки на судне, являющиеся поперечной связью его бортов и служащие основанием для палубы.

Боканцы — выступающие за борт судна шлюпбалки, к которым подвешиваются шлюпки.

Бом-брамсель — прямой парус, который ставится на бом-брам-стеньге.

Брандвахта — судно, поставленное на рейде, в гавани или устье реки для наблюдения за входящими и выходящими судами.

Брик — двухмачтовое судно с прямым вооружением на обеих мачтах.

Бушприт — горизонтальный или наклонный брус, выступающий с носа парусного судна и служащий для вынесения вперед носовых парусов.

Ванты — пеньковые снасти такелажа, которыми укрепляются с боков и сзади мачты, стеньги и брам-стеньги.

Вельбот (от англ. whale-boat — лодка для охоты за китами) — на военных судах шлюпки с пятью-шестью парами весел.

Гакаборт — верхняя закругленная часть кормы.

Галиот — небольшое прибрежное двухмачтовое парусное судно с острым килем.

Гафель — специальный рей, укрепленный наклонно в верхней части мачты. Служит для крепления верхней кромки косого паруса.

Гик — рангоутное дерево, одним концом прикрепляемое к нижней части мачты, по которому растягивается нижняя кромка паруса.

Грот-мачта — вторая от носа мачта на корабле.

Квадрант — прибор, служащий для измерения углов отклонения стволов орудий от горизонтали.

Киль — основная продольная связь судна. Служит для обеспечения продольной прочности судна.

Кливер — косой треугольный парус, устанавливаемый впереди фок-мачты.

Кница — элемент набора корпуса судна, имеющий треугольную форму и служащий для скрепления деталей корпуса корабля, примыкающих друг к другу под углом.

Констапель — первый офицерский чин в морской артиллерии до преобразования ее в 1830 г., когда он был заменен чином прапорщика.

Корвет — трехмачтовое парусное военное судно с открытой батареей.

Крюйт-камера — помещение на военном судне, в котором хранятся взрывчатые вещества.

Леер — туго натянутая веревка с закрепленными концами.

Лот-линь — пеньковый трос с металлической гирей на конце. Используется для определения малых глубин и направления движения судна при съемке с якоря, дрейфе и т. п.

Марс — площадка в верхней части мачты, используемая для наблюдения, а также для работ по управлению парусами.

Марсель — второй снизу на мачте парус. Ставится между марс-реем и нижним реем.

Марс-фал — снасть, ввязанная за середину марс-рея. Служит для его подъема при постановке марселя.

Найтов — перевязка тросом двух или нескольких частей или соединение двух тросов одним тонким.

Нахтоуз — шкафик, в котором устанавливается компас на судне.

Нок — конец всех реев, гиков, гафелей и т. п.

Оверштаг — поворот судна, идущего под парусами против ветра.

Пал — чугунная или каменная тумба на берегу, за которую заводятся швартовые кораблей.

Порты — закрытые амбразуры для пушечных стволов военного парусного судна.

Рей — деревянный брус, прикрепленный горизонтально к мачте и служащий для крепления к нему парусов.

Рифы — ряд поперечно продетых сквозь парус завязок, с помощью которых уменьшается его площадь.

Ростры — решетчатый или сплошной настил, расположенный выше верхней палубы судна, предназначенный для размещения шлюпок и хранения запасного рангоута.

Румб — одна тридцатьвторая картушки компаса. Деление на румбы используется для определения движения корабля.

Сей-тали — тали с блоками, применяются для подъема тяжестей.

Секстан — морской отражательный угломерный инструмент, служащий для измерения в море высот небесных светил и углов между предметами.

Стаксель — парус треугольной формы.

Стеньга — рангоутное дерево, служащее продолжением мачты и идущее вверх от нее.

Такелаж — общее название всех снастей на судне или вооружение отдельной мачты.

Тали — приспособление из нескольких блоков с продернутым через них пеньковым тросом, предназначенное для облегчения подъема тяжестей, парусов, выбирания шкотов.

Таляпис — небольшой бот с глубокой посадкой.

Тендер — самый малый военный парусный корабль, обычно одномачтовый.

Фал — снасть для подъема реев, гафелей, парусов, флагов.

Фертоинг — способ стоянки на двух якорях при сильных приливах и отливах и в других случаях.

Фок — прямой парус, самый нижний на передней мачте.

Фок-мачта — передняя мачта на судне, считая от носа.

Фор-брам-стеньга — рангоутное дерево, служащее продолжением передней мачты (фок-мачты).

Фордевинд — курс парусного судна прямо по ветру.

Форштевень — передняя вертикальная или наклонная часть набора корпуса корабля, образующая его носовую оконечность и служащая продолжением киля.

Шитик — поморское судно, в котором все части корпуса сшиты прутьями можжевельника или ели.

Шканцы — часть верхней палубы военного корабля между грот- и бизань-мачтами, местонахождение вахтенных офицеров. Самое почетное место на судне. Здесь перед строем зачитывались законы, манифесты, приказы, приговоры.

Шкафут — широкие доски, лежащие по бортам корабля вровень с баком и кормовой частью (квартердеком).

Шкоты — снасти для управления парусами.

Шпангоут — поперечная связь бортового набора корпуса корабля, к которой крепится обшивка.

Шпиль — ворот для выбирания якорной цепи и подъема якоря.

Ют — кормовая часть верхней палубы корабля.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

СОДЕРЖАНИЕ

С) 15
88

Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Т. 2.
Ш88 Записки и статьи / Издание подготовлено Н. В. Зейфман и В. П. Шахеровым. — Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство. 1992. — 448 с., ил. — (Серия «Полярная звезда»).

В книгу вошли политические записки, научные и публицистические статьи, заметки мемуарного характера. Впервые собранные вместе, они существенно дополняют представление о декабристе как личности и деятеле революционного движения.

Ш $\frac{0503020200-47}{М141(03)-92}$ 42—92 9(С)15

ISBN 5—7424—0348—8

ШТЕЙНГЕЙЛЬ В. И. Сочинения и письма.

Т. 2. Записки и статьи

Художник серии А. М. Муравьев
Редактор А. В. Глюк
Художественный редактор О. В. Беседин
Технический редактор А. В. Пономарева
Корректор В. М. Ермакова

ИБ № 1721
Сдано в набор 13.08.91. Подписано в печать 25.08.92 Формат 84х108 1/32. Бум. тип. № 1. Гарнитура обыкнов. новая. Высокая печать. Усл. печ. л. 23,62 (с фр.) Уч.-изд. л. 29,09. (с фр). Усл. кр.-отт. 23,78. Тираж 15 тыс. Заказ 1729. Изд. № 6467.
Восточно-Сибирское книжное издательство Министерства печати и информации Российской Федерации, 664000, Иркутск, ул. Марата, 31.
Иркутский Дом печати, 664009, Иркутск, ул. Советская, 109.